
ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В VII–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ч.Г. АНДРЕЕВ

О ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО II-ой ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

С 1795 г. по 1897 г. численность всего коренного населения Сибири увеличилась с 183 тыс. душ мужского пола до 413 тыс. Однако в результате интенсивного притока пришлого, главным образом, русского населения, численность которого за этот период возросла с 412 тыс. душ мужского пола до 2,3 млн, т.е. в 5,6 раза, наблюдается падение удельного веса коренного населения примерно с 30% в 1795 г. до 15% в 1896 г.

Рост численности коренного населения наблюдается в начале XX в. Ежегодный прирост численности народностей Сибири в губерниях Енисейской и Иркутской составлял 0,7 и 1,0%. В Забайкальской и Якутской областях — 0,9% и 0,5%.

В 1897 г. якутов насчитывалось 225,4 тыс. и в 1917 г. их стало 226,9 тыс. Естественный прирост якутского народа за 20 лет составил 1,5 тыс. чел. Такого низкого показателя не наблюдалось ни у одного нерусского народа Российской империи.

Падение коэффициента естественного прироста якутского населения, наблюдаемое во второй половине XIX и в начале XX вв., необходимо объяснить следствием относительного перенаселения в центральных уездах Якутской области в условиях экстенсивного оседлого скотоводства. Рост населения в это время опережал рост поголовья скота. Это диктовалась исчерпанием земель, удобных для расширения скотоводства. Ограниченность полезной земли в Якутии усугублялось наличием длительного периода стойлового содержания скота.

В этих условиях, особенно массово с последней четверти XIX в., распространяется хлебопашество. Но более успешно оно проводилось в южном Олекминском округе. Именно здесь в указанное время сохраняется более высокий коэффициент ежегодного прироста населения, чем в других округах.

Главной причиной роста численности большинства сибирских народов было распространение среди них земледелия, возрастание оседлости, проходивших под влиянием русского крестьянства. Например, у аларских и балаганских бурят Иркутской губернии среднегодовой прирост населения во второй половине XIX в. был в 5 раз выше, чем у их сородичей, зани-

мавшихся скотоводством. Тем не менее, прирост аборигенов значительно отставал от такового у русских крестьян. Так за 1858–1888 гг. в Балаганском округе Иркутской губернии русское население увеличилось на 35,5%, а бурятское — всего на 5,8%.

Кочевой образ жизни значительной части «инородческого» населения Восточной Сибири делал неустойчивый динамику населения. Например, у чистых кочевников — агинских бурят Забайкальской области среднегодовой прирост за 1897–1908 гг. составил около 1% в год, т.е. был почти в 3 раза ниже, чем у соседних русских крестьян. Неблагоприятное влияние на динамику населения оказывало увеличение числа монахов в ламаистских монастырях-дацанах. В 1908 г. только у агинских бурят в дацанах находилось 1121 чел., или 10,4% трудоспособных мужчин.

Уровень естественного прироста на той стадии развития был тесно связан с уровнем хозяйства и зависел от его интенсивности. Скотоводство у значительной части бурят, хакасов, якутов был экстенсивным и малопродуктивным, так как основывалось на пастбищном содержании скота. Обусловленный этим кочевой образ жизни не позволял населению расти быстрее.

Коренное население Восточной Сибири находилось на стадии низкого воспроизводства. Этот период характеризовался ухудшением хозяйственного быта, сужением землепользования, проникновением социальных и эпидемических болезней в их среду. Ухудшение хозяйственного положения происходило путем оттеснения аборигенов с лучших земель в более худшие в результате столыпинской переселенческой политики и выколачивания податей (ясака). Также необходимо отметить, что, часто посещавшие «инородческие» стада эпизоотии сибирской язвы, чумы при абсолютном отсутствии ветеринарной помощи, буквально опустошали стада бурят, хакасов, якутов.

Актуальным является анализ населения по половозрастному составу, характеризующего процессы формирования семей, рождаемости и смертности. Соотношение мужчин и женщин у бурятов показывает, что на 1000 мужчин в Забайкальской области в среднем приходилось 1028 женщин. При этом среди русских на 100 состоящих в браке мужчин приходилось 98 женщин, а среди бурят — 103. Поражает огромное количество вдов среди бурят, в среднем на 100 вдовцов приходилось 247 вдов. Причиной такого соотношения являлась высокая смертность мужчин. В Забайкальской области женщины-бурятки преобладали над мужчинами в возрастной группе от 1–29 лет и от 60 лет и более. То же самое наблюдалось и у иркутских бурят.

Обычным для всех «инородцев» Восточной Сибири является преобладание холостых над девицами, замужних над женатыми, вдов над вдовцами. Это, конечно, помимо других причин может быть объяснено существованием смешанных браков (между русскими, например, и бурятами).

Численное соотношение между полами среди якутов, согласно переписи 1897 г. было следующим: на 1000 мужчин приходилось 998 женщин. У

якутов вдовцы составляли 4,25% всего количества мужчин, вдовы же 11,03% всего числа женщин: на каждые 100 вдовцов приходилось 259 вдов.

Интерес представляет анализ соотношения полов по возрастам. У русских крестьян и бурят Иркутской губернии в возрастных группах от 1 до 9 и от 10 до 19 лет соотношение полов было равным. Мужской пол начинает преобладать с 20–29 летнего возраста. Аналогично это соотношение в Забайкальской области с той лишь разницей, что у русских одинаковое соотношение сохранилось до 20–29, а у бурят до 30–39 летнего возраста. Затем увеличивалось число лиц мужского пола.

Преобладание лиц мужского пола в указанном возрасте можно объяснить, на наш взгляд, тяжелым положением женщин в семье и обществе того времени, что вызывало высокую их смертность.

Теперь для сравнения рассмотрим данные по Якутии. Известно, что в структуре населения в мирное время обычно наблюдается численное преобладание женского пола над мужским. Так перепись 1897 г. показала, что в Европейской России на 100 мужчин приходилось 104 женщины. А, в Якутской области удельный вес мужчин был выше, чем женщин.

Неблагоприятное соотношение полов среди якутов еще более углубилось в начале XX в. Так, по данным переписи 1917 г., во всех пяти уездах среди якутского населения преобладали мужчины. В Якутском уезде среди якутов мужчины составляли 52,7%, в Вилюйском — 51,3%, Олекминском — 58,6%, Верхоянском — 52,4%, в Колымском — 52,6% .

Низкая доля численности у якутов наблюдалось в детском возрасте и при переходе от детской группы к юношескому возрасту. Если дети до 9 лет составляют у якутов 24,5%, то в группе 10–19 лет их оказывается только 18,2%, между тем как в Европейской части России удельный вес детей до 9 лет составляет 27,3% и в следующей возрастной группе сохранялся на уровне 21,4%, а в Сибири — соответственно 26,2 и 20,2% .

В связи с этим, доля людей в возрасте 20–39 лет среди якутов было ниже, чем в России и Сибири. Что касается русского населения, то удельный вес людей в возрасте 20–39 лет составлял 44,9%, или на 6% выше, чем у якутов.

О.Н. АСТРАХАНЦЕВ

К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ИРКУТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XX вв.)

История военно-учебных заведений России свидетельствует, что обучение в них было тесно связано с воспитанием. Начиная с XVIII в., совместные усилия преподавателей и офицеров-воспитателей были направлены к тому, чтобы поддержать у каждого воспитанника бодрость духа и тела, дисциплину ума и воли, любовь к

труду физическому и умственному. Особое внимание уделялось нравственному воспитанию.

Основным средством воспитания служили добросердечие, кротость, учтивость, человеколюбие — качества, которые должны были перейти от наставников к их питомцам. Это распространялось и на старшие возрасты, где преобладали военные науки и более строгая дисциплина. Самоотверженное служение Отечеству, трудолюбие, скромность, милосердие — вот качества, которые должны были привить военно-учебные заведения своим воспитанникам.

Главной целью нравственного воспитания являлось: «поселять и укоренять в воспитанниках страх божий, преданность государю императору, почтительность и беспрекословное повиновение начальству», чувство чести и долга, дружбы и товарищества. Нравственные правила для воспитанников были указаны в Уставе для военно-учебных заведений. В их числе на первом месте находились благочестие, воздержанность, укрощение страстей, стремление к самоусовершенствованию, порядок, честность, скромность, твердость духа, неустранимость и т.п. На необходимость нравственности указывалось и в «Наставлении кадетским корпусам» 1848 г. Во второй половине XIX в. в России как известно было проведено ряд реформ, одной из которых была военная реформа.

После проведения организационных мероприятий по созданию военных гимназий и военных училищ были определены условия, при которых можно было эффективно вести нравственное воспитание юношей.

В каждой военной гимназии создавался педагогический комитет, в состав которого входили не только офицеры-воспитатели, но и учителя. На заседаниях педагогического комитета обсуждались важные вопросы учебной и воспитательной работы, в том числе и вопросы нравственно-го воспитания.

По мере развития военных гимназий им предоставлялись все большие материальные возможности для приобретения литературы, учебников, наглядных пособий. Необходимые научные и учебные источники приобретались целенаправленно и со знанием дела, так как канцелярия военно-учебного комитета в циркулярах Главного штаба периодически публиковала сведения о выходе в свет новых изданий для войск и военно-учебных заведений. Если в 1878 г. военными гимназиями на эти цели было израсходовано 47 657 р., то в 1880 г. — 57 544 р. Иркутским военным гимназистам предоставлялись журналы «Военный сборник», «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Русская старина», «Педагогический сборник» и др. Эти издания активно использовались во внеклассной работе, что способствовало формированию нравственной культуры гимназистов. Кроме того, для развития общего культурного уровня в библиотеках гимназий находилась и другая литература. Об этом свидетельствуют например следующие документы: «Полученные с почты нижеозначенные книги предлагаю Заведующему библиотекой при-

нять и записать на приход по библиотечным описям: Корерь «Русская начальная школа» — 1; Наши педагогические вопросы 2 тома — 1; Житие принца Евгения — 1; Петров «Самоучитель танцев» — 1; Покровский — игры — 1; Достоевский — Сочинения 6 томов — 1; Крафт Обибин «Наш нервный век» — 1; Каптеров «Педагогическая психология» — 1; Зиссерман «История Кабардинского полка» 3 тома — 1; Зиссерман «25 лет на Кавказе» — 1; Зелинский «Историко-краткий комментарий к сочинениям Достоевского» — 1; Пушкин — Сочинения 10 томов в переплете — 1; Соллогуб «Воспоминания» — 1; Грот «Пушкин и его лицейские товарищи» — 1» (РГВИА, ф. 1487, оп. 1, д. 1, л. 9–10).

Были установлены обязательные правила поведения в классе, в которых нашел отражение и обобщение прежний опыт работы, они вносили в жизнь военных гимназий больший порядок, способствовали повышению нравственной культуры гимназистов. Ученики должны были стоя встречать в классе преподавателя, садиться только с его разрешения, держать в порядке книги, тетради, учебные пособия, не заниматься на уроке посторонними делами, оспаривать выставленный преподавателем балл за ответ воспитанник не имел права.

Правила определяли и другие стороны поведения юношей в стенах учреждения. Воспитанники должны были стоя встречать и провожать директора военно-учебного заведения, инспектора классов и лица старшего, чем преподаватель. Военным гимназистам, впрочем также как и юнкерам и кадетам вменялась в обязанность заботиться о чистоте своего тела, платья. Форменная одежда гимназиста должна была быть застегнута на все пуговицы, ногти на руках и волосы на голове воспитанника — коротко острижены.

Так же запрещалось употребление площадных (не цензурных) слов, играть в азартные игры, носить собственные мундиры из тонкого сукна, а за употребление спиртных напитков юнкера могли отчислить от дальнейшего обучения в училище. «Всякая брань, в особенности употребление площадных слов и самоуправство с товарищами, а также с прислугой, подвергают виновных строгой ответственности. Охота и стрельба из ружей и револьверов строго воспрещается. Все вообще азартные игры юнкерам воспрещаются. Употребление спиртных напитков подвергает виновных исключению из училища. Воспрещается носить собственные мундиры из тонкого сукна, иметь на сапогах высокие подборы (подбор должен быть не выше $\frac{1}{2}$ вершка). Установленная форма платья, головного убора и сапог, должно носить всегда по форме» (Сборник постановление для Иркутского юнкерского училища. Иркутск, 1883. С. 6).

За всякое оказание услуги следовало благодарить и самому стараться быть услужливым. Разговаривая со старшими, воспитанник должен был стоять в приличной позе, не облокачиваться, не опираться на какие-либо предметы, не смеяться, отвечать сдержанно, следя за правильностью своей речи. Садиться при взрослых гимназисту разрешалось только

после их приглашения. При встрече со взрослыми, не говоря о начальниках, полагалось вставать, вежливо поклониться, но первому не подавать своей руки. Если нарушались эти принятые нормы, то воспитанникам снижали баллы за поведение.

За нарушение установленных правил поведения полагались следующие взыскания: выговор, не увольнение в отпуск, лишение блюда за обедом, наряд вне очереди, выговор перед ротой, стояние на штрафу, уменьшение срока отпуска, снижение балла за поведение, увольнение из гимназии по просьбе родственников или исключение по решению начальства и др. Довольно суровые правила существовали и в юнкерских училищах. «Всякое нарушение дисциплины подвергает виновных к ответственности, согласно дисциплинарного устава. За преступления, влекущие за собой предание суду, виновные немедленно исключаются из училища, для дальнейшего поступления с ними по закону. Кроме того, юнкера могут быть отчислены от училища: за не успехи в науках, ленность и не радение к занятиям — по определению Учебного комитета, за проступки и неодобрительное поведение — Начальником Училища, в обоих случаях по утверждению начальника штаба. Отчисление из училища может быть на срок от одного до двух лет. Вовсе исключенные — за дурное поведение, ни в какое юнкерское училище не принимаются, но могут: исключенные из старшего класса через два года, а из младшего через три года держатся при училище экзамен на первый офицерский чин, если будут удостоены к тому своим ближайшим начальством, по особом удостоверении в действительном исправлении» (Там же. С. 4).

На особом положении в военно-учебных заведениях находилось воспитание чести офицера. Считалось, что военный — это благородный, нравственный человек, умеющий жертвовать собой ради выполнения воинского долга. Он не мог быть бесчестным. Слова «Честь имею» носили особый смысл, честность ценилась выше жизни. В Государственном архиве Иркутской области в фонде 524 храниться дело «О прикомандированном к Иркутскому военному училищу прапорщике Николае Прусове» подтверждающее насколько высоко было понятие о чести. Из обвинительного акта следует, что прапорщик Прусов окончил училище в 1916 г. По выпуску не стал заказывать себе училищный нагрудный знак. В следующем 1917 г., будучи прикомандированным к училищу, он присвоил себе нагрудный знак выпускника — юнкера Лошкарева, который увидел свой знак за № 1458 на мундире прапорщика Прусова и доложил об этом рапортом своему командиру. После предварительного разбирательства (на основании приказа начальника училища) прапорщик Прусов не сознался в краже данного нагрудного знака (он объяснял, что этот знак он нашел в казарме и одел его на свой мундир, так как не знал кому принадлежит знак). Дело дошло до начальника Главного Управления Военно-Учебными Заведениями, по ходатайству которого, Прусов был предан суду. Суд не обнаружил состава преступления в краже и дело было прекращено. Однако, за проступок

порочащей честь офицера (т.е. ложь) Прапорщик Прусов из училища был исключен (ГАИО, ф. 524, оп. 2, д. 354, лл. 1–12).

В пореформенные годы в школы России начало вводиться обучение ручному труду. Занятия ремеслами вошли в практику военных училищ и проводились в свободное от учебы время. Сам воспитанник выбирал, чем он хочет заняться, но избранное дело он обязан был довести до конца: выпиливание, переплетение книг, столярное дело, слесарное ремесла. К этому добавлялись сбор минералов, растений, насекомых и изготовление из них коллекций. Физическому воспитанию, занятиям гимнастикой также стали придавать большое значение.

В 1882 г. военные гимназии были вновь преобразованы в кадетские корпуса. Однако основное их устройство и задачи организации воспитательного процесса не претерпели коренных изменений и оставались прежними вплоть до событий 1917–1920 гг. Главной задачей образования и всей воспитательной работы в военных гимназиях, а в кадетских корпусах и военных училищах в особенности, была задача воспитания высококонравственной личности будущего офицера русской армии. В связи с этим в 1886 г. были изданы «Положения о кадетских корпусах» и «Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов». Последняя в основном повторяла аналогичную инструкцию для военных гимназий. Она требовала «во всех своих суждениях, поступках и распоряжениях воспитатель должен стремиться к тому, чтобы действительно стать для каждого из своих питомцев лучшим образцом, авторитетным советчиком и праведным судьей».

В конце XIX–начале XX вв. воспитание в военно-учебных заведениях проводилось по следующим основным направлениям: военно-патриотическое, духовно-нравственное, эстетическое, трудовое, физическое. Все они были закреплены в соответствующих руководящих документах: наставлениях, руководствах, программах учебных предметов, различных инструкциях, традициях и заповедях.

Весь этот комплекс мероприятий давал положительные результаты. Военно-учебным заведениям удавалось в своих стенах воспитывать достойных сынов Отечества. Они верой и правдой служили своему государству, как на военной службе, так и занимаясь гражданской деятельностью.

Офицеры, получившие образование в Иркутском училище участвовали в сражениях во время войны с Китаем 1900–1901 гг., а также во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Выпускники училища проявили себя грамотными специалистами военного дела, героически сражавшимися на полях Маньчжурии. Семь питомцев училища удостоены высшей воинской награды — ордена Святого Георгия четвертой степени, из которых трое награждены за мужество, проявленное во время войны с Китаем (Я.П. Горский, Р.А. Вертопрахов, П.Н. Туров), а четверо — за подвиги, совершенные в ходе русско-японской войны (И.М. Сычев, А.А. Белозеров, В.И. Казачихин, П.И. Качин) (Памятка о Георгиевских кавалерах Иркутского военного училища. Иркутск, 1913. С. 10, 14, 17, 20, 23, 25).

ПРЕСТУПНОСТЬ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX в.: ССЫЛКА КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР

Серьезные структурные общественные трансформации российского общества второй половины XIX в. вызвали значительный подъем уровня преступности в Российском государстве. В числе факторов, вызвавших бурный рост пореформенной преступности можно указать такие, как буржуазные преобразования, индустриализация экономики страны, разрушение сословных общественных структур и др. Однако, среди отдельных регионов империи существовала своеобразная специфика преступности, вызванная особенностями политико-экономического развития и определенным характером взаимоотношений с центром. К примеру, политику государства по отношению к Сибири можно было выразить словами Н.М. Ядринцева: «сибирский край выполнял тюремную повинность за целое государство».

В рамках этой публикации автор ставит своей задачей проследить влияние ссылки на специфику преступности в Восточной Сибири, а также выявить значение ссылки в формировании среды, способствовавшей дальнейшему росту преступности в Иркутской губернии конца XIX в.

Рост преступности в Иркутской губернии в конце XIX в. превышал общероссийские среднестатистические показатели. В 1898 г. максимум уголовных дел в Российской империи приходился на Иркутский судебный округ, который занимал первое место по наибольшему количеству преступлений против порядка управления, служебных, убийств и насильственного похищения имущества. По всем этим преступлениям перевес Иркутского округа над округами Европейской России был весьма значителен. Так, преступления против порядка управления встречались в 4 раза чаще в Иркутском округе, чем в среднем, по всем округам. Это отчасти объяснялось тем, что в указанную категорию дел относились побеги ссыльных из Сибири. Присутствие на территории региона значительного количества профессиональных преступников, вело не только к росту числа уголовных преступлений, но и к изменению их характера и направленности: совершалось все больше убийств. Дела по убийствам возникали в пределах Сибири в 3 раза чаще, чем, в среднем, по Европейской России. Показательна статистика по рецидивистам, которая в Иркутском судебном округе почти в 2 раза превышала общероссийские показатели (Тарновский Е.Н. Свод статистических сведений по делам уголовным за 1898 г. // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 1). Основным фактором роста преступности в Иркутской губернии являлась политика штрафной колонизации правительства в отношении Сибири.

В 1898 г. количество ссыльных, проживавших на территории Иркутской губернии, достигло 71 800 чел., из них 41% числилось в бегах (Марголис

А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири. Новосибирск, 1975. С. 231). Следует отметить, что более 2/3 ссылаемых мужчин прибывало одиночными без семей. При этом первые 5 лет по прибытию в Сибирь поселенцам запрещено было вступать в брак. Благодаря этому подавляющее большинство ссыльных не имели побудительных причин к оседлости и к прочному устройству на новом месте и представляли собой маргинальный, социально неустойчивый элемент, что очень подрывало воспитательное и колонизационное значение ссылки. Это также нашло отражение на росте незаконного сожительства и увеличении числа незаконнорожденных детей в крае. Иркутская губерния в конце XIX в. по числу незаконнорожденных занимала второе место в России (Ядринцев Н.М. Сибирь — как колония. СПб., 1882. С. 206).

С момента доставки ссыльнопоселенца к месту водворения заботы о нем государственной власти фактически заканчивались. Как отмечалось в отчете по Восточной Сибири за 1885 г., ни экспедиции о ссыльных, ни местная полиция были не способны эффективно заниматься ссыльными, надзор за которыми являлся «совершенно фиктивным» (Качуров С.Ю. Основные направления деятельности полиции Иркутской губернии во второй половине XIX—начале XX вв. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2002. № 1–2. С. 29). В результате криминальное прошлое многих жителей губернии с одной стороны и отсутствие эффективного надзора со стороны губернских властей за ссыльнопоселенцами — с другой, неизбежно вели к росту уголовной преступности. «Сибирский архив» писал, что «ссыльные из отпетых», видя в Сибири благоприятные условия, соблазнялись и возобновляли свою преступную деятельность. В своих «Летописях» Н.С. Романов неоднократно отмечал напряженную криминальную обстановку в Иркутске конца XIX в. Объектом грабежей и разбоя становились многочисленные магазины, лавочки, почта, архив, ломбард, золотоплавильная лаборатория, церкви и даже музей Географического общества. Но наибольшее количество преступлений совершалось против имущества и жизни частных граждан. Все это вело к тому, что преступники из ссыльных деморализовали население, делали невыносимой жизнь городов и уездов, наводненных уголовщиной.

Уголовная ссылка обладала мощным негативным воздействием на местное население, формируя у него пагубные стереотипы поведения и создавая благоприятную среду для дальнейшего развития преступности. Демонстрируемая безнаказанность, легкость и прибыльность промысла, соблазняли природных сибиряков. По словам «Сибирского архива», бывали случаи, когда грабежами на трактовых дорогах занимались лица из интеллигенции, имевшие свои дома и магазины, или находившиеся на видных должностях. Местное общество заражалось влиянием преступников. К примеру, ссыльные научили сибирское крестьянство «промышлять фальшивыми билетами». А после того, как в 1897 г. губернатор И.П. Моллерийус исходатайствовал разрешение приселять ссыльных к инородчес-

ким обществам «смирные, трудолюбивые иркутские буряты, славившиеся искони своей честностью и не знавшие почти никаких преступлений, познакомились и с кражами и с более тяжкими преступными деяниями против собственности и личности» (Сысоев А.А. Уголовный сыск Восточной Сибири в 1730–1917 гг.: дис. канд. ист. наук. Иркутск, 2004. С. 49).

Ссылные, в большинстве своем склонные к пьянству и ведущие разгульный образ жизни, оказывали разлагающее влияние на коренное население губернии, «вносили порчу и в семейства старожилов, возвращали молодое поколение». О чем неоднократно свидетельствовали современники. (Дриль Д. Ссылка во Франции и России. СПб.: Изд-во Л.Ф. Пантелеева, 1899. С. 165). В результате рекордным был для всей России ежегодный объем реализации спиртного в Иркутской губернии. По подсчетам Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей в России в среднем за пятилетний период (с 1904 по 1908 гг.) по потреблению вина по 75 губерниям страны 1-ое место принадлежало Иркутской губернии — 4,70 ведра на человека, притом, что средние показатели по России равнялись 0,59 ведра на человека (Пьяная Сибирь // Сибирь. 1910. № 192. С. 2). Согласно подсчетам исследователя дореволюционной уголовной статистики Е.Н. Тарновского, у осужденных бывших в нетрезвом состоянии вероятность совершения преступления повышалась на 90–100% (Тарновский Е.Н. Влияние алкоголизма на преступность // Журнал Министерства юстиции 1913. № 2. С. 33).

Большое количество ссылных вызвал огромный размах нищенства в Иркутской губернии. Коренное население сибирских губерний нищенством не занималось. Но так как край долгое время служил местом ссылки преступников, там образовалась значительная люмпенизированная прослойка, которая и пополняла кадры нищих.

Кроме того, что ссылка оказывала растлевающее влияние на все сферы общественной жизни, она простиралась даже на воспитание детей. С.В. Максимов писал, что сибирские варианты русских сказок наполнены «бродяжескими персонажами»; сибирские дети играют «в бродяг», «в поджоги», и даже разыгрывают сцены бродяжеского самосуда (Ядринцев Н.М. Указ. соч. С. 206).

Сосланные конокрады, фальшивомонетчики, «срезыватели чаев», находили в Сибири уют и практику. «Какое же это наказание для преступного элемента, — вопрошала местная пресса, — когда в Сибири преступник находит более благоприятную почву для всякого рода преступной деятельности?» (Сибирская газета 1886. № 7. С. 2). Действительно, как карательная и устрашающая мера уголовная ссылка не могла приносить никакой пользы. Напротив, она разлагала, деморализовала и истощала край, который если верить высказыванию Адама Смита: «Колонии просвещенного общества, утверждающиеся в безлюдной и малонаселенной стране, скорее всякого другого человеческого общества двигаются к богатству и благосостоянию», имел все шансы стать процветающим.

Запуганный обыватель требовал от властей перекрыть приток в Иркутскую область уголовного элемента. Иркутская городская дума неоднократно посылала петиции на имя императора с просьбой закрыть ссылку и каторгу в Восточной Сибири. Несмотря на это, правительственными кругами не только не было принято мер к прекращению ссылки, напротив, штрафная колонизация год от года росла (Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века. Иркутск, 1985. С. 77).

Наконец 12 июня 1900 г. вышел закон «Об отмене ссылки на жительство и ограничении ссылки на поселение», по которому отменялись некоторые виды административной ссылки, но по-прежнему действовала система ссылки на поселение после отбытия каторжных работ, а практика применения ссылки на каторгу получила дальнейшее развитие, так как ею заменили более легкие наказания (Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1900. № 1509). В результате вплоть до 1917 г. Сибирь и особенно ее восточная часть непрерывно и в растущих масштабах пополнялась потенциально преступным элементом.

Н.Н. БЫКОВА

ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЦЕНТРАЛА В НАЧАЛЕ XX в.

Труд каторжан Александровского централа был обязателен и являлся одной из составляющих общего тюремного режима. Однако, тяжелых, собственно каторжных, работ здесь не применялось вследствие местных условий: вблизи тюрьмы не имелось «заводов и промыслов, где можно было утилизировать каторжный труд» (Савицкий Ф. Александровская центральная каторжная тюрьма: Очерки // Тюремный вестник. 1908. № 1. С. 66). Тем не менее, администрация тюрьмы была обязана обеспечить полную занятость заключенных. Поэтому наряду с работами в мастерских, находившихся в главном здании централа, и с внешними (как правило строительными, работами на кирпичном заводе, на каменноугольных коях вблизи с. Черемхово и др.) было организовано свое подсобное хозяйство, а именно: огороды и ферма.

Первоначально огороды были устроены рядом с тюремными зданиями и располагались как на собственных землях (15 десятин), так и на арендованных. Систематическая работа арестантов на огородах была организована с 1907 г. Так как огороды находились вне стен тюрьмы, то работа на них была отнесена к категории внешних, хозяйственных работ, которые были бесплатными, а за их выполнение каторжане получали дополнительное питание. Основными исполнителями таких работ были арестанты вне тюремного разряда, так называемой рабочей команды (это была категория каторжан, отбывших 2/3 срока заключения). Работа на огородах носила сезонный характер, и так как объемы ее были не-

большими, то и занятость была незначительной по сравнению с общей численностью заключенных Александровского централа. Однако с поздней весны и до ранней осени, ежедневно, из стен тюрьмы под конвоем арестантов выводились группами для выполнения огородных работ.

Своих земель, отведенных под огороды, поля и покосы, тюрьме было недостаточно. Поэтому Комитет тюрьмы заключал «условия на дачу земли в арендное пользование каторжной тюрьме» с сельскими обществами и отдельными частными лицами. Эти условия, или соглашения, заключались как на длительное многолетнее пользование землями, так и на один сезон (ГАИО, ф. 226, оп. 1, д. 3, лл. 27, 30, 31, 32, 33, 46, 49, 57, 68, 71; д. 7, лл. 87–88). Земли брались в аренду, как правило, значительными площадями, за которые тюрьмой платились немалые деньги. И год от года эти площади увеличивались, что было обусловлено рядом причин, в том числе, постоянно требовалась занятость каторжан, а, кроме того, огороды приносили доходы тюрьме и позволяли, в какой-то мере разнообразить питание арестантов. Поэтому в 1916 г. Александровская тюрьма имела уже несколько огородов, где силами каторжан выращивались картофель, капуста, свекла, морковь, лук, брюква, еще была и теплица для выращивания огурцов. Кроме того, были еще и луга, где заготавливали сено для скота (лошадей, коров).

Много сил было вложено в сельскохозяйственные работы, несмотря на то, что они являлись бесплатными. Коллектив политкаторжан часто рекомендовал для работ на огородах своих членов. Администрация тюрьмы соглашалась, так как с этой категорией каторжан было меньше хлопот — они были верны данному слову. А слово это заключалось в том, что они не совершат побега с внешних работ, а точнее с огородов. Многие каторжане шли на эти работы с большим желанием, ведь была возможность практически целый день находиться на воздухе. В разное время количество огородников колебалось от 10 до 16 чел. ежедневно, а осенью, когда приходила пора копки картофеля, количество каторжан значительно увеличивалось.

Кроме огородов в разряд сельскохозяйственных работ входила работа по заготовке сена для скота. В целом эти работы приносили доход тюрьме, который планировался в смете. Так, на 1910 г. был запланирован доход от огородов, покосов и хлебопашества в размере 5315 р., а также от молочной фермы — 1460 р. (Там же, д. 50, л. 18).

Однако свободных земель не было, поэтому каторжане освобождали от лесов площади под огороды, поля, покосы и выпас скота. А из срубленных деревьев заготавливали бревна, необходимые для строительных работ (более 30 сооружений тюрьмы было построено руками каторжников из собственного леса). Оставшаяся древесина использовалась в виде дров для обогрева всех тюремных зданий, так как отопление было печное. Оставшиеся ветки тоже шли в дело — из них изготавливали метлы для уборки тюремной территории.

Администрации Александровского централа неоднократно высказывались порицания со стороны инспекторов, и даже начальника Главного Тюремного Управления П. К. Грана по вопросу неполной занятости каторжан, т.к. частично они прибывали в праздности. Поэтому после 1910 г. силами арестантов устраивается сельскохозяйственная ферма в местечке Плишкино. Построена она была на казенном участке земли площадью 599 десятин, взятом в аренду на 48 лет (Гольшух Г. Арестантские работы в Иркутской губернии в 1911 г. // Тюремный вестник. 1912. № 3. С. 545; Каторга в Сибири: извлечение из отчета о служебной поездке начальника ГТУ П.К. Грана в Сибирь в 1913 г. СПб., 1913. С.12). Ферма располагалась в долине, по центру которой протекал ручей, переходящий в пруд. Такое месторасположение было очень удачно, так как давало максимальную возможность ухода за животными, а также за огородами и полями.

Строений на территории фермы было сравнительно немного: дом для заведующего фермой и старшего надзирателя, барак для младших надзирателей, барак для каторжников, кухня-пекарня и сооружение для животных. Затем были построены баня, новый скотный сарай и небольшой кирпичный завод. Все эти постройки, конечно же, возводились руками каторжан Александровской тюрьмы.

Заведовал фермой один из помощников смотрителя тюрьмы, кроме того, для охраны арестантов были выделены надзиратели — 1 старший и 4 младших. Количество же работавших здесь каторжан зависело от сезона. Так, в осенне-зимний период их количество было примерно одинаковым: в октябре 1911 г. — 30 чел. (ГАИО, ф. 34, оп. 1, д. 655, л. 99), в январе 1916 г. — 33 чел. (Там же, д. 285, л. 27). Однако в весенний период и ранней осенью число работников увеличивалось от 50 до 71 чел. (Там же, д. 1649, л. 16; ф. 226, оп. 1, д. 372, л. 433). В первую очередь это было связано с увеличением объема работ. Так, в конце декабря 1910 г. для фермы было куплено 20 коров, 16 свиней, 35 овец, 10 лошадей, а гусей, уток, кур, индюков в количестве 85 шт. (Гольшух Г. Указ. соч. С. 549). В последующие годы поголовье скота и птицы значительно возросло, часть была продана, часть забивалась на праздники для служащих тюрьмы и была небольшим довеском к столу каторжан.

Однако в Плишкино была не только ферма. Каторжане разработали еще 4 участка земли под поля и огороды, на которых высевались рожь, овес, ячмень, клевер, картофель (Там же. С. 548), в июне 1911 г. посажено капусты 12 183 шт., брюквы — 10 918 шт., свеклы — 2145 шт., несколько больших гряд моркови, луку, огурцов (ГАИО, ф. 34, оп. 1, д. 1649, л. 4). Поэтому занятость каторжан на этом объекте работ год за годом значительно увеличивалась.

Таким образом, подсобное хозяйство Александровского централа расширялось, обеспечивая частичную занятость все большему числу каторжан. Кроме того, благодаря выполнению каторжанами данной категории работ тюрьма получала дополнительные доходы.

ДОПАРОВОЕ СУДОХОДСТВО В ЛЕНО-ВИТИМСКОМ БАССЕЙНЕ (60-е гг. XIX в.)

Лено-Витимский бассейн является наиболее оживленным водно-транспортным путем Восточной Сибири в пореформенный период. Влияние на развитие судоходства оказал процесс хозяйственного освоения северных территорий Иркутской губернии и Якутской области и, прежде всего, потребности золотодобывающей промышленности.

В 60-е гг. XIX в. по Лене в границах Иркутской губернии прошло 2596 судов и 41 635 лесных плотов. «Общая ценность перевезенного груза составила 16 367 008 р. Движение судов, главным образом лесных плотов, было неравномерным. В 1860 г. плотов сплавили 97, в 1863 — 454 (максимум!), а в 1864 г. только — 34 плота (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 131. Л. 83; Д. 217. Л. 84. Д. 245. Л. 68). Численность лесных плотов колебалась в зависимости от конъюнктуры рынка. В 1868–1869 гг. по Лене проследовало лишь 7 плотов, потому что дрова и строительные материалы подрядчики завезли в населенные пункты зимой по ленским трактам гужевым транспортом (Там же. Д. 119. Л. 67. Д. 140. Л. 60).

По Лене, в пределах Якутской области в 1861–1869 гг. сплавили 2284 судна, а именно: паузков — 359, барок — 334, лодок — 94, каюков — 42 и лесных плотов — 1455. Общая стоимость транспортируемых тяжестей равнялась 570 859 р. Большая часть сплавной флотилии (63,7%) приходилась на долю лесных плотов, что следует связывать с большими потребностями в строительном материале и дровах.

Сплавное судоходство в верховьях Лены было более интенсивным, чем в низовьях ее. В 60-е гг. XIX в. по «Большой реке» в Якутской области проследовало 2284 плавательных средств, а в Иркутской губернии — 4231. Рост абсолютных показателей составил 85,2%.

Сплавные суда курировали и по ленским притокам. В 1860–1869 гг. по левому притоку Лены Илге проследовало 563 допаровых судна и 22 плота с грузом стоимостью 2 097 454 р. Движение лесных плотов было нерегулярным. Как свидетельствуют официальные источники в 1862, 1864, 1866–1868 гг. оно полностью отсутствовало. Сплав по Илге осуществлялся от с.Знаменское на расстоянии 25 верст.

Как сплавной путь крестьяне использовали и другой левый приток «Большой реки» — р. Куту, эксплуатируя в этих целях только последние 50 верст, а общая длина ее составляла 280 верст. В 1864–1869 гг. по Куте удалось сплавить 97 барок, полубарок и плотов. «Общая ценность» перевезенной клади в 1867–1869 гг. составляла 85 тыс. р.

Сплавная на всем своем протяжении (600 верст) Куренга «перевозила» дрова и лес. В 1865–1866 гг. по ней проследовало 108 лесных плотов.

Наиболее крупными судоходными правыми притоками Лены являлись Алдан и Мая, но судоходство по ним было мизерным. Каждую навигацию по этим рекам проходило от 2 до 12 лодок, паузков, лесных плотов и каюков. По официальным данным по Алдану и Мае в 1861–1869 г. проследовало 53 «посуды» с грузом.

Ассортимент товаров, поступающих в Приленский край по Лене и ее «рабочим притокам» отличался большим разнообразием. Источники сообщают о ввозе казенного и частного хлеба, других продуктов питания для приисковых рабочих, жителей Куренского округа и Якутской области, железные и мануфактурные изделия, российские и колониальные товары, «сельские произведения и деревянные работы» (рабочие и ямщицкие принадлежности: хомуты, дуги, дровни и т.д.), спирт, порох, свинец, предметы роскоши и прочие товары.

Летом 1864 г. по Лене от границы Верхоленского округа до Усть-Кутской слободы сплывали 261 судно с грузом 715 550 пудов на сумму 703 325 р. На 164 казенных и частных бирках, 63 паузках и 34 лесных платах находилось 640 250 пудов хлеба (89,5% грузопотока), 69 300 пудов различных российских и колониальных товаров (9,7% грузов), 6000 пудов спирта (0,8% тяжести) и свинец (ГАИО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 322. Пл. 42, 68), а летом 1868 г. до Усть-Кута «отправили» 465 540 пудов клади стоимостью 1 446 900 р., используя 120 барок и паузков. Кроме того, безостановочно в ночное время по Орлингской волости проследовало еще 20 сплавных судов, спецификация грузов, находящихся на них, установлена не была. (Там же. Д. 345. Пл. 50об., 177).

По данным Иркутского губернского статистического комитета в Лено-Витимский район в 1869 г. посредством сплавного флота подрядчики доставили 127 654 пуда казенной клади, в том числе 109 661 пуд хлеба (85,9%), 17 491 пуд соли (13,7%), казенного пороха — 502 пуда (0,4%). Большая часть хлеба — 69 661 пуд (63,5%) предназначалась для Якутской области, а в запасные магазины Киренского округа заложили 440 тыс. пудов (36,5%). То обстоятельство, что 80% (402 пуда) казенного пороха поступило в Якутск и Олекминск связано в том числе и с развитием охотничьего промысла у местного населения (Ларионов Д.Д. Очерк экономической статистики Иркутской губернии. Иркутск, 1870. С. 237–238).

Начальным пунктом Ленского судоходства являлась Качугская пристань, расположенная в 236 верстах от Иркутска, соединенная с губернским центром одночленным трактом. По самым приблизительным подсчетам в 1869 г. Качугская пристань приняла 21,5% товаров (135 тыс. пудов), пришедших из Иркутской губернии (627 тыс. пудов). Верхоленская (расположена в 50 верстах от Качугской) и Жигаловская (160 верст от Качуча) принимали 21% клади (132 тыс. пудов). Пользоваться услугами Жигаловской пристани для подрядчиков было выгодно, поскольку они везли тяжести напрямую из Иркутска, минуя Качуг, что сокращало транспортные расходы и, кроме того, сплав в этом районе считался удобным, что конечно отправители также учитывали.

Большую часть приленских грузов приняла ниже-слободская пристань — 44,3% (278 000 пудов). Грузооборот Усть-Ипчинской, Макаровской и Мукской пристаней суммарно составлял 7% (42 000 пудов). На долю Усть-Кутской, Нижнеслободской, Белоусовской и Макаровской пристаней приходилось 6,2% оборота грузов (Субботин А. Экономическая записка по вопросу о соединении рельсовым путем рек Ангары и Лены. СПб., 1897. С. 37–38).

В 60-е гг. XIX в. в низовьях Лены находилось три главных пристани — в Якутске, Олекминске и Маче — главном складе золотопромышленников Олекминского округа (ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 168. Пл. 10–11).

Необходимо отметить, что Ленские пристани, находящиеся как в верховьях так и в низовьях «Большой реки», и в последующие годы продолжали играть важное экономическое значение.

Судоходство на Лене осуществлялось в сложных условиях. Случалось, что сплавная флотилия натыкалась на камни, попадала в аварийные ситуации, что, конечно же, приводило к порче, а то и потере и груза и «посуд». Так, в навигацию 1861 г. разбилась лодка, следовавшая в населенные пункты Верхоленского округа Якутской области (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 168. Пл. 68–68об.).

Для сопровождения судов, выполнения погрузочно-разгрузочных работ каждую навигацию подрядчики нанимали судовые команды. Многие из членов ее трудились на промысле по несколько лет. По нашим подсчетам, основным на данных официальной статистики в 1860–1869 гг. в Лено-Витимском бассейне числилось 40 921 судорабочий. Более половины из них — 66,3% (27 127 чел.) трудились в верховьях Лены, поскольку судоходство в этом районе было более интенсивным, что и требовало большего привлечения рабочих рук. В низовьях Лены в «сопровождении посуд» было занято 9695 чел. или 23,7% от общего количества занятых на промысле. Иячинскую сплавную флотилию обслуживало 3042 чел. (7,4%), а работу «посуд» на Куте и Куренге обеспечивали 705 чел. (1,7%). Поскольку движение судов по Алдану и Мае было незначительным, то и численный состав судорабочих был невелик — только 352 чел. (0,9%).

В 1869 г. «в отходе» для провода и сплава судов вниз по Лене приняло участие 2234 чел. До Витима «посуды» провозжало 634 чел., Киренска — 543 чел., а до границы Якутска и Якутской области — 357 чел. Большинство из них — 51,4% (1149 чел.) относили себя к поселенцам. Представителей крестьянского сословия было 48,3% (1080 чел.), и лишь 0,3% «инородцев» (Подсчитано по: Ларионов Д.Д. Указ. соч. С. 238).

Нанимая судорабочих для сплава грузов в Приленский край, подрядчики обеспечивали их «хозяйскими харчами» и платили денежное содержание. Так, кормщики за провод судна от Качугской и Верхоленской пристани до устья Илги зарабатывали 5–8 р., до Киренска — 20–25 р., а от Киренска до Якутска рейс оценивался в 40 р. Труд же проводников и гребцов на маршруте от верховых пристаней до Витима — 30 р. в лето, а до Якутска — 35–60 р.

В основе оплаты труда был положен, прежде всего, поверстный принцип. По завершении работы артели судовых рабочих возвращались обратно на своих лодках и за свой счет (Ларионов Д.Д. Указ. соч. С. 238–239).

Допоровое судоходство в Лено-Витимском бассейне в 60-е гг. XIX в. было достаточно интенсивным. На сплавных судах в Приленский край завозили большое количество самых разнообразных грузов, что позволяло поддерживать хозяйственную жизнь на севере Иркутской губернии и Якутской области.

Б.Ш. ДОРЖИЕВ

О НАСЕЛЕНИИ ПРИБАЙКАЛЬЯ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С древних эпох до русского периода (XVII в.) истории Байкальской Сибири в этом регионе обитало множество племен и племенных образований, в частности хунну, сяньби, жужани и др.

В тюркский период (VI–X вв.) до монгольского времени (XIII–XVI вв.) в Прибайкалье господствовали Тюркский, Уйгурский, Кыргызский каганаты. В то время к западу и востоку от Байкала обитали тюрко-телесские племена: курыканы, байырку-байегу, пугу, тунло, шивэн и другие, которые находились в сложных взаимоотношениях с тюркскими каганатами.

Курыканы

Курыканы являлись одним из самых ранних племен Предбайкалья. В летописи Танской династии они именовались гулиганами. Генетические корни курыканских племен уходят в эпохи плиточных могил и Хуннской державы. Известно, что III–II вв. до н.э. курыканы жили в Забайкалье. Отсюда хунны вытеснили их в Предбайкалье, здесь часть плиточников и остатки хуннских родов составили основу курыканского общества.

Общественный строй курыкан был близок к общественному строю тюркских племен Южной Сибири и Монголии. Курыканское население объединялось в роды и племена. Во главе племен стояли вожди, носящие титул «сыгына» племена объединились в союз во главе с «великим сыгином».

В VI–X вв. курыканы обитали в бассейне Ангары, в верховьях Лены и низовьях Селенги. Большинство памятников курыкан относится к Курумчинской археологической культуре, расположенной в Предбайкалье и частично прибрежной полосе восточного берега Байкала.

Курыканы вели комплексное хозяйство. Они умел плавить железо и знали кузнечное ремесло, в котором достигли высокого совершенства. При раскопках археологами обнаружены остатки кузнечного горна. Горн имел вид небольшого толстостенного сосуда с округлым дном, имел два отверстия для сопел, куда во время плавки подавался мехами воздух. Выплавленное им железо обладало высоким качеством, в нем содержание металла доходило почти до 99,5%. Из железа курыканы

изготавливали ножи, наконечники стрел и копий, домашнюю утварь, за исключением чугунных котлов, которые приводились из Китая.

Главной отраслью хозяйственной деятельности курыкан являлось скотоводство. Курыкан выращивали превосходных лошадей, которые могли пробежать по несколько сотен ли. Они дарили свои великолепные лошади китайским императорам и уйгурским каганам. Наряду со скотоводством они занимались охотой на диких зверей, главным образом, косяку и лося, устраивая облавную охоту.

Курыкан были знакомы с земледелием. Археологами обнаружены следы древних пашен в виде длинных грядок, землю, видимо, обрабатывали мотыгами, искусственно орошали поля и сенокосы. В курыканских городищах встречается сеть оросительных каналов.

Курыканское население вело оседлую и полuosедлую жизнь. Найдены остатки прочных жилищ типа землянки, а также остатки укрепленных городищ. В них находились храмы, дворцы и другие здания.

Курыканы были знакомы с письменностью. В долине реки Мурино, на скалах Верхоленья обнаружены надписи, выполненные руническим письмом, близким письму орхонский тюрков. Они оставили также большое количество памятников древнего искусства, т.н. наскальных изображений, обнаруженных на реке Лена, недалеко от Качуга и Нукута и на горе Хашхай. Большой интерес представляют писанцы на скалах у деревни Шишкино на реке Лена, в 18 км ниже Качуга. Здесь обнаружены изображения всадников, лошадей, сцен военных действий, охоты на лосей и диких коз.

Такая высокая развитая материальная и духовная культура курыкан была связана с культурами племен Алтая, Минусинской котловины, кыргызов, живших на Енисее, а также с культурой племен Дальнего Востока, развивавшейся под влиянием культуры Китая.

Общая численность курыкан достигла 50 тыс. человек. Они имели 5 тыс. конного войска. На западе Курыканский племенной союз граничил с Кыргызским каганатом. Соседство с воинственными кыргызами заставляло курыкан строить целую сеть крепостей, защищавшую курыканский племенной союз от натисков кыргызов. Согласно китайским источникам и уйгурским эпитафиям курыканы находились в зависимом положении от Тюркского каганата. Играя на противоречиях между тюрками-туго и китайской династией, курыканы не раз поднимали восстания, чтобы добиться независимости от них.

Курыканы отправили несколько посольство ко двору китайского императора. После образования сильного Уйгурского каганата курыканы сумели сохранить свою независимость и установить с ним близкие, добрососедские отношения.

Проблема этнической принадлежности курыкан остается дискуссионной. По сообщениям китайских летописей курыкан относятся к тюрко-телесским племенам и они входили в число уйгурских племен хойхе. Курыканы представляли северную группу тюрков-уйгурцев. У курыкан

был тюркский язык. Например, топонимы Манхай, Хашхай в переводе с тюркского означают «огороженные горы»

Ряд исследователей курыкано-курумчинскую культуру связывают с культурой древних тунгусоязычных племен. Так, академик А.П. Окладников считал, что основой формирования племен курумчинской культуры являлась часть населения плиточных могил, вытесненная из Забайкалья хуннами в Предбайкалье и допуская участие в их формировании плиточников и хуннов, т.е. основу курыкан составляли потомки племен плиточных могил и остатки хуннских родов. Некоторые ученые считают, что в составе курыкан имелись древнемонгольские племена.

Все это свидетельствует то, что курканское общество не являлось этнически единым. В его составе, надо полагать, находились племена древнетюркского, тунгусоязычного и древнемонгольского происхождения и отсюда появился термин «курыкан». Этот этноним в переводе на русский язык означает «зять», а «уч-курыкан» — «три зятя», три курыкана. По предложению Г.Н. Румянцева, в конце тюркского времени с курыканами смешались племена, родина которых находилась к востоку от реки Селенга. Ими являлась часть Забайкальских хори-монголов, проникших в курыканское владение. Как писал Г.Н. Румянцев, этим самым устанавливается связь с курыканами монгольских предков бурят. С этого времени исчезает из употребления этноним «курыканы».

Байырку-байегу, шивэн и другие

К востоку от Байкала на большой территории по долинам рек Баргузин, Селенга, Уда, Хилок, Ингода, Онон, Шилка кочевало крупное забайкальское племенное объединение байырку-байегу. По эпитафиям тюркских каганов оно именовалось «байырку», а по китайским летописям — «байегу».

Как у курыкан, хозяйство байерку являлось комплексным. Они занимались скотоводством, разводили, главным образом, лошадой. Им было известно земледелие. Оно носило подсобный характер. Сохранились следы древних пашен и ирригационных систем по долинам рек Селенги, Хилок, Уда и Баргузин. Байырку являлись превосходными кузнецами. Из железа умели делать самые различные предметы труда, охоты, быта. По китайским источникам во главе племени стоял сылифа (главный, предводитель) и глава союза племен назывался «великим Иркином».

Байырку представляло крупное племенное объединение, способное выставить до 10 тыс. войско. Отстаивая свою независимость, оно неоднократно выступало против орхонских тюрков.

При господстве Уйгурского каганата байырку сохранили свою независимость и вошли в состав конфедерации телесских племен. После разгрома уйгуров Кыргызским каганатом байырку покинули Прибайкалье и в письменных источниках упоминание о них перестает встречаться.

В тюркское время, с VIII в. началось проникновение ранних монголов в Прибайкалье. Начало процессу монголизации региона положило раннемонгольское племя под тотемным названием Бортэ-Чино («пятнистый

волк»), которое остановилось на северо-востоке оз. Байкал, где обитали байырку-байегу. В результате их длительного совместного проживания здесь сложилась новая этническая общность — баргуты.

Прибывшее сюда второе племя — хори-монголы заняло территорию восточнее байырку по рекам Уда, Хилок, Ингода. В X веке часть хори проникла в Предбайкалье, во владение курыкан. Часть курыкан-тюрок была вытеснена на север по реке Лена, где они положили начало якутскому этносу. Оставшаяся часть курыкан вместе с хори-монголами образовали новую этническую общность.

Шивэн

В Восточном Забайкалье обитала особая этническая общность — племена шивэйской культуры. В надгробных надписях — эпитафиях знати орхонских тюрок эти племена упоминаются под названием «Отуз-татар» т.е. тридцать татар. В этих же источниках отуз-татары имели название шивэй. Шивэйские племена жили на обширной территории от восточных берегов Байкала до верховьев Амура. Во главе племен стояли вожди, вели комплексное хозяйство, занимались скотоводством, земледелием, рыболовством, у них были развиты металлургия и керамическое производство.

Шивэйские племена не составляли единой этнической общности. Шивэйцы, живущие по реке Шилка, говорили на тунгусо-маньчжурском языке, а степные шивэйские племена являлись монголоязычными.

В целом в тюркский период истории Байкальской Сибири (VI–X вв.) в регионе перекрещивались судьбы тюркских, тунгусо-маньчжурских и монголоязычных племен. В это время господствующее экономическое и политическое положение занимали первые раннесредневековые государства в Сибири — тюркские каганаты и по обе стороны Байкала обитали тюрко-телесские племенные формирования, которые находились в сложном взаимодействии с каганатами.

Примерно с VIII в. началось проникновение в Прибайкалье первых раннемонгольских племен. Широкая монголизация региона была связана с вытеснением монголами тюрок с территории Прибайкалья и всей Южной Сибири. Это создавало благоприятные предпосылки для формирования ранних бурятских племен в монгольское время (XIII–XVI вв.), отделения их от общемонгольской среды и объединения в целостный бурятский народ в российский период — с XVII до середины XIX вв.

Б.Ц. ЖАЛСАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ РЕКВИЗИЦИИ БУРЯТ В АРХАНГЕЛЬСКУЮ ГУБЕРНИЮ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1916–1917 гг.)

Тема реквизиции бурят в Архангельскую губернию не получила освещения в исторической науке.

25 июня 1916 г. Николай II издал указ «О мобилизации инородцев на тыловые работы в районе действующей армии», согласно которому многие народы Сибири были реквизированы на тыловые работы, в том числе и буряты. Призывы по мобилизации подлежали лица, родившиеся с 1897 по 1885 гг., в возрасте от 19 до 31 года. Мобилизация бурят началась сразу же после обнародования указа и на тыловые работы было отправлено из Забайкальской области 11 750 чел., из Иркутской и Енисейской губерний — 8725 чел., всего 20 475 чел. (История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 471.) Часть мобилизованных была отправлена в Архангельск, другая — на окопные работы Северо-Западного фронта. Незначительная часть их была распределена по разным предприятиям, работавшим на войну.

Реквизиция оказала большое влияние на бурят. Буряты, жившие достаточно изолированно в пределах Забайкальской области и Иркутской губернии, ограничивались платой податей и повинностей. С принятием указа они оказались непосредственно втянутыми в ход Мировой войны.

В ходе войны Архангельский порт превратился в стратегический объект, через который Россия получала важные грузы. В связи с этим город крайне нуждался в рабочих руках для осуществления погрузо-разгрузочных работ в порту. Кроме того, возникла необходимость в строительстве зимнего аван-порта. Для продления навигации были устроены причальные линии в 30 км севернее Архангельска — почти у самого моря, у завода «Экономия», позднее на острове Мудьюг было решено устроить зимний аван-порт. Завод «Экономия» и остров Мудьюг предполагалось соединить через море с городом железной дорогой. Портостроительство и проведение железной дороги требовали привлечения рабочих рук. Такой рабочей силой должны были стать реквизированные буряты.

В период с 9 августа 1916 г. по 28 марта 1917 г. в Архангельск прибыло шесть эшелонами 6131 чел. (Государственный архив Архангельской области, ф. 1233, оп. 1, д. 60, л. 8.) Каждый эшелон сопровождали 2 офицера, 30 нижних чинов конвоя, 1 фельдшер. Дорога до Архангельска была очень тяжелой — почти месяц в холодных вагонах. Несколько десятков человек были оставлены по болезни в различных пунктах по железной дороге. После излечения они самостоятельно добирались до Архангельска.

Бурят, как и других инородцев, привлекли к трудовой мобилизации в самый разгар полевых работ, в связи с чем Николай II был вынужден приказать отпустить реквизированных по домам. Но военные власти Архангельска, ссылаясь на важность проблем портостроительства и на то, что буряты преодолели огромный путь через всю страну, получили разрешение оставить их в Архангельске.

По приказу Главноначальствующего г. Архангельском и районом Белого моря из прибывших бурят была сформирована Архангельская инородческая дружина под командованием полковника Судовикова. Поддержанием порядка в эшелоне и организацией выдачи наряда на работы занимались

прибывшие с инородцами офицеры. Устанавливалась плата инородцам как чернорабочим 3 р. в сутки. Из этой платы удерживались стоимость питания и расходы на приобретение необходимой одежды и обуви.

Прибывших бурят размещали в свободных бараках. Бараки, построенные для летних сезонных работ, были плохо приспособлены к зимним условиям. Бурят, работавших в военном порту, расселили в здании флотского полуэкипажа в Соломбале. Реквизированные буряты, оставленные в Архангельске, проживали на станции Бакарица, в так называемом «Губернаторском городке». В донесении прапорщика Куклина со станции Архангельск — Пристань от 9 сентября 1916 г. говорится: «Команда инородцев находится в крайне неблагоприятных условиях жизни. Из 3 барачков 1¼ занято 150 вольнонаемными плотниками, 1¼ занято 225 инородцами. В то время, как вольнонаемные спят только на нижних нарах и то свободно, буряты при крайней тесноте спят на двойных нарах и на столах и на полу. Нет бака для кипяченой воды, комнаты для фельдшера, сушки портяного и надо установить железную печь». (ГААО, ф. 1233, оп. 1, д. 3, л. 8–9.) Рабочие, занятые на строительстве железнодорожной ветки на Мудьюг, селились в ближайших деревнях. Для жилья на самом острове Мудьюг специально для бурят были заказаны в Иркутской губернии юрты.

Питание бурят было организовано плохо. На них распространялись нормы питания, положенные для нижних чинов. Среда и пятница были «рыбными» днями. Бурятам, привыкшим питаться мясомолочными продуктами, было тяжело привыкать к другой пище. Обычно группа рабочих на собственные деньги отправляла своего представителя в город, чтобы купить лошадь для забоя. Врачи отмечали антисанитарное состояние барачков бурят, которые забивали лошадей и разделывали туши вблизи от них, тут же разводили костер и готовили пищу. Из-за некачественного, непривычного питания среди бурят начались заболевания цингой и в марте 1917 г. заведующий Архангельской дружиной подписал распоряжение о замене рыбной пищи мясной. Довольно часто случались перебои со снабжением бурят продовольствием, о чем свидетельствуют рапорты и прошения.

Суровые климатические условия Севера сразу же поставили вопрос об отсутствии теплой одежды у бурят. Они выехали из своих домов летом, легко одетые, не имея запасов одежды. Казенное обмундирование им не полагалось, и они должны были приобретать одежду за свой счет. По распоряжению заведующего дружиной несколько раз бурят отправляли в командировку на родину за теплыми вещами. Из-за нехватки теплых вещей одежду выдавали только тем, кто выходил на работу, остальные оставались в бараках.

Когда реквизированных доставили в Архангельск, выяснилось, что в городе для такого большого количества неквалифицированных рабочих нет рабочих мест, и больше половины было откомандировано в распоряжение различных ведомств и предприятий. По состоянию на 4 октября

1916 г. из 3480 бурят, прибывших в Архангельск, 756 были больны, 1060 находились на станциях Няндомы, Емца, Вожега; 193 — на ст. Исакогорка, 211 — на ст. Архангельск-пристань, 589 — на Смольном Буяне и в городском карьере, 584 — в Соломбале, 80 — в военном порту, 197 — на «Экономии», на Бакарице — 503. (ГААО, ф. 1233, оп. 1, д. 6, л. 144.) Часть бурят была направлена за пределы губернии — Вологодские и Ярославские главные мастерские, Тверь, Псков. Труд бурят использовался при разгрузочных работах в порту, при строительстве железнодорожных веток «Смольный — Буян-Экономия», «Экономия — Мудьюг», в качестве кочегаров на поездах Архангельской железной дороги, при заготовке дров для Петрограда и т.д. При отсутствии работы их отправляли в распоряжение частных владельцев, например, в распоряжение фирмы «Мордухович», лесопромышленника Шергольца.

Пребывание реквизированных бурят в Архангельске сопровождалось массовыми заболеваниями, смертельными случаями. Первые партии бурят, прибывших в Архангельск в августе 1916 г., по мнению заведующего дружиной Судовикова, перед отправкой были плохо освидетельствованы медиками, в результате чего среди реквизированных рабочих оказалось немало больных с различными хроническими заболеваниями. Кроме того, буряты не всегда имели документ, подтверждающий их возраст. Вскоре в Архангельск стали поступать удостоверения волостных правлений, указывающих на то, что тот или иной человек не может быть подвержен трудовой реквизиции по возрасту, поскольку был старше или младше призывного возраста.

31 августа 1916 г. вышел приказ Главноначальствующего г. Архангельска и района Белого моря о создании комиссии для освидетельствования состояния здоровья бурят. В результате медицинского осмотра 222 чел. были признаны негодными и отправлены на родину по болезни. В середине октября была вновь образована комиссия, которая отправляла на родину еще 302 чел. по причинам туберкулеза легких и упадка общего состояния. В январе комиссия освободила от реквизиции около 200 человек. В период с 29 марта по 19 мая 1917 г. было освобождено от реквизиции еще 725 чел. (Там же, д. 39, л. 1–11об.)

Причинами массовых заболеваний бурят были не только плохое питание, плохие жилищные условия, тяжелый неквалифицированный физический труд, но и местные климатические условия. В рапорте врача, проводившего освидетельствование состояния здоровья бурят, говорилось: «Иногородцам, привыкшим к сухому степному климату, является тяжелым климат Архангельска, как более сырой по сравнению с климатом их родины, и имея в виду то, что иногородцы вообще расположены к легочным заболеваниям, что доказывается тем, что человек, первой комиссией признанный совершенно здоровым, второй комиссией признается уже больным туберкулезом легких и в таком случае климат северной части Архангельской губернии для них будет безусловно губителен». (Там же, д. 32, л. 32об.)

При медицинском осмотре рабочих-бурят на станции Смольный Буян из 351 чел. 251 были признаны здоровыми. У 100 чел. обнаружили туберкулез, хронический бронхит, катаракту, малокровие, общую слабость. Только за четыре первых месяца от тифа, воспаления легких, туберкулеза, натуральной оспы умерло 64 бурята. Всего за 8 месяцев реквизиции только в Архангельске умерло от разных болезней 289 чел. Многие умирали в лазаретах в других городах, по дороге, по приезду домой.

Несколько бурят пострадали от взрывов в портовых районах «Бакарица» и «Экономия». 10 чел. получили при взрывах ушибы и ранения и находились на излечении в Архангельских лазаретах. Несколько человек считались пропавшими без вести, но начальство полагало, что они просто бежали на родину.

В донесении заведующего дружиной от 13 января 1917 г. сообщалось, что из 4965 чел. 2000 исповедуют буддистскую религию, среди них имеется около 320 человек монашествующих разных степеней. Остальная часть — крещеные, либо шаманисты. Для удовлетворения религиозных потребностей бурят-буддистов на ст. Бакарица был выделен вагон, в котором устраивались молебны. Службу проводили ламы, находящиеся постоянно при дружине или же приезжающие ламы, как, например, Хамбо лама Иролтуев. Крещеные буряты могли посещать православные церкви, расположенные в городе.

Начиная с января 1917 г. активизируется деятельность уполномоченных, общественных комитетов по организации помощи реквизированным бурятам. Так, 20 января уполномоченные Ханхасаев, Барадин, Жигжитов направили телеграмму из Петрограда Хамбо-ламе Итыгилову с просьбой организовать в г. Минске инородческий комитет на средства комитета Всероссийского земского союза Западного фронта. Архангельскому комитету был выделен один миллион рублей на устройство больниц, жилищ, обслуживание реквизированных бурят. Распоряжением санитарной части Главнокомандующего Северного фронта больные буряты из Архангельска переводились в бурятский лазарет в Петрограде.

Необходимо отметить, что буряты, реквизированные на Западный фронт, оказались в лучших условиях, чем в Архангельске. Из донесения ламы-лекаря Доржи Ирдынеева и уполномоченного Хышикто Буянтуева Баргузинскому инородческому волостному старшине от 22 ноября 1916 г. следует, что буряты-рабочие расположились в местечке «Огугуды» между г. Минском и станцией Столбцы при железной дороге. Они устроились в трех палатках, «питания довольно — от Всероссийского союза городов. Одежды тоже достаточно: выдаются сапоги за плату, белье бесплатно меняется в каждую неделю после бани. Работа их пока легкая: лесорубка, плотничья, земляная при сооружении железной дороги, конюхи и т.д. Им было поголовное медицинское освидетельствование, но больных оказалось мало». (ГААО, ф. 1233, оп. 1, д. 144, л. 314.) На

1000 рабочих-бурят полагался один лама и уполномоченный от инородцев, которым дается бесплатная квартира и содержание.

С января 1917 г. участились побеги реквизированных бурят. Так, в телеграмме из Вологды говорится о массовом побеге бурят-кочегаров и необходимости усиления конвоя. По данным заведующего Архангельской дружиной на 27 марта 1917 г. из 4681 рабочих бурят в самовольной отлучке было 207 чел. (Там же, д. 46, лл. 23–23об.)

После Февральской революции уполномоченные начинают активнее ходатайствовать об отправке бурят на родину, прежде всего из Архангельска, как наиболее пострадавших от непривычного климата и пищи.

5 мая 1917 г. был опубликован Указ Временного правительства о возвращении на родину сибирских туземцев, в том числе и бурят. 10 мая 1917 г. уполномоченный Н.Ханхасаев отправил телеграмму из Петрограда в г. Читу на имя Национального комитета о принятии Указа, согласно которому Главнокомандующий армии увольняет инородцев с фронта и разрабатывается план отправки их на родину. По данным заведующего дружиной, на 6 мая 1917 г. в Архангельске числилось 3940 бурят. (ГААО, ф. 1233, оп. 1, д. 60, л. 82) В мае они начали освобождать бараки, получать расчет за работу и возвращаться на родину.

И.Н. КАКАУРОВ

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОМЫСЛОВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В комплексном хозяйстве коренного населения Восточной Сибири известную роль играли охота и рыболовство. Сибирская пушнина являлась традиционной статьёй государственных доходов, а московские Романовы смотрели на Сибирь как на неисчерпаемый источник мягкой рухляди. Пушнина шла на удовлетворение нужд «высочайшей фамилии», для валютных операций и для других целей. В середине XIX в. за Урал и в Китай вывозилось мягкой рухляди на сумму до 2 млн р. Однако, несмотря на значительное распространение, пушной промысел в конце XVIII–первой половине XIX вв. переживал кризис. Мнение правящих кругов о неисчерпаемости пушных богатств Сибири оказалось под сомнением

У коренного населения с развитием земледелия и скотоводства удельный вес охоты и рыболовства падает. Исследователи отмечают, что уже в XVII–начале XVIII вв. наблюдается сокращение пушного промысла у части бурятского населения. По данным Кабинета, к середине XIX в. размеры поступления в казну «мягкой рухляди» сократились более, чем наполовину. В стоимостном исчислении в середине XIX в. пушнины добывалось в 1,5 раза меньше, чем в середине XVII в.

По сведениям Сибирского Комитета в 1819 г. в Иркутской губернии исключительно звероловством и рыболовством занимались 4266 бурят, 3738 тунгусов, 23 якута и карагасов (по 7–1 ревизии 242 ревизских души).

По данным Гагемейстера, в Восточной Сибири в середине XIX столетия «исключительно... звериным промыслом» жили лишь «бродячие тунгусы... и карагасы Нижнеудинского округа, всего на всякий случай менее 29 тыс. душ обоего пола», для «прочих» жителей края звериная ловля составляла «лишь вспомогательный промысел, более или менее однакож важный».

Своей политикой правительство стремилось побудить бурят к занятию пушным промыслом и на ранних этапах колонизации Сибири пыталось даже сдерживать распространение земледелия, у ясачных народов, ставя его в прямую зависимость от уровня развития охоты. В XIX в. правительство было вынуждено отказаться от таких попыток, хотя вопрос об увеличении сбора ясака натурой по-прежнему волновал императорский Кабинет.

В целях поощрения к занятию пушным промыслом правительственные указы ограждали охотничьи угодья бурят от проникновения в них русских. Подобная практика наблюдается не только в XVII, XVIII вв., но и в XIX в. В 1830 г. в связи с жалобой тунгусов нижеилимской инородной управы на русских крестьян Орленской, Макаровской и др. волостей, промышленяющих «зверя на местах, сим тунгусам принадлежащих», генерал-губернатор предписал земскому суду «немедленно воспретить крестьянам... зверопромышленность в местах, принадлежащих тунгусам...», а заодно и потребовал сведения о разделении крестьянских и «инородческих» охотничьих угодий.

В «Записке о состоянии промышленности и выгонов ясашных народов Иркутской губернии», составленной в Иркутской казенной палате, примерно в 1819–1820 гг., отмечается, что преимущественно промышленяют зверей «ясашные, живущие в северной части», т.е. в Киренском округе. В этом округе охотой занимались бродячие тунгусы Киренско-Хандинского, Кондогирского, Нижне-Илимского и Курейского родов. По ревизии 1840 г. их насчитывалось 826 душ мужского пола и 869 женского. «Работников», т.е. мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, было 411 чел. В удачные годы охотниками добывалось: белки — 81 300, горностаев — 931, лисиц — 380, соболей — 182, всего на сумму свыше 10 тыс. р. серебром. В «худые» годы стоимостная продукция охоты составляла около 6000 р. серебром.

«Искусными звероловчиками» считались карагасы Нижнеудинского округа, у которых в 1831 г. было 96 работников. Охота являлась их основным занятием. Земледелием карагасы не занимались, из скота разводили только оленей. В хорошие годы товарная продукция пушных промыслов составляла около 14 тыс. р., в плохие — немногим более 11 тыс. р.

В остальных округах Иркутской губернии охота нигде не занимала преобладающего положения в хозяйстве местных жителей. В Иркутском округе можно выделить лишь Тункинское ведомство, у жителей которого

«главное упражнение» состояло в «промыслении зверей». В остальных ведомствах охота утратила сколько-нибудь существенное значение.

В Завбайкалье охотничий промысел, за исключением отдельных районов, также превратился во второстепенное занятие населения. В Селенгинском ведомстве в 1844 г. было добыто 18 соболей, 1275 белок, 48 лисиц и пр., всего на сумму немногим превышающую 800 р., в то время как «все приобретения» в год составляли около 18,5 тыс. р.

В Закаменском ведомстве, где охотничий промысел играл большую роль, чем в остальных районах Верхнеудинского округа, товарная продукция охоты в 1840-х гг. составляла примерно 20% всех доходов.

В округах Енисейской губернии пушным промыслом в той или иной мере занимались в большинстве ведомств коренного населения. Наибольшее значение охота имела у жителей одноименного округа, в котором в удачные годы добывалось: белок — 180 500, горностаев — 8220, песцов — 7300, соболей — 3900, лисиц — 298, медведей — 60, россомах — 66, зайцев — 19 159, оленей — 1685 шт., всего на сумму 92 512 р.

Пушной промысел являлся основным источником доходов у коренных жителей Канского округа (в 1832 г. — 202 души м.п.). Стоимостная продукция охоты в удачные годы составляла около 5,5 тыс. р., в «худые» годы — немногим более 2,5 тыс. р.

В Ачинском округе в 30-х гг. добывалось средним числом: белки — 14150, соболей — 370, горностаев — 300, колонков — 260, лисиц — 97, и 670 пудов рыбы.

У жителей Минусинского и Красноярского округой охота являлась второстепенным занятием. Она, как и в большинстве районов Восточной Сибири, сочеталась с земледелием и скотоводством.

Обращает на себя внимание значительная погодная разница в количестве добываемых зверей, что объясняется различными местными обстоятельствами. Подобные колебания не могли не сказаться на размерах и значении пушного промысла и заставляли коренных жителей переходить к другим видам хозяйственной деятельности, которые обеспечивали стабильные доходы.

Еще меньшее значение, чем охота, в хозяйстве бурят имел рыбный промысел. По замечанию Георги, рыбной ловлей занимались «только в крайне нужде». Для первой половины прошлого века можно назвать только несколько ведомств, в хозяйстве которых рыболовство имело первостепенное значение.

В Иркутском округе таковым являлось Ольхонское ведомство, жители которого практически не занимались земледелием: «главная промышленность их» состояла «в рыбной ловле в Байкале море». Попытки распространить в этом ведомстве земледелие не дали сколько-нибудь заметных результатов. В 1840 г. в ведомстве насчитывалось 2818 душ м.п. и 2481 душа ж.п., хлебом же засеивали всего 30 дес., урожаем с которых составил 40 пудов. Естественно, что при столь мизерных размерах

хлебопашества о продаже хлеба на рынке не могло быть и речи. Доходы от звероловства тоже были невелики и в 1840 г. составляли 302 р.

«По малочисленности сенокосной и еще того менее удобной к хлебопашеству земли, первое управление обитающих около Байкала инородцев состоит в рыбопромышленности», так в 1831 г. Ольхонская степная дума охарактеризовала занятия жителей своего ведомства.

По сведением Ольхонской степной думы в 1831 г. было добыто 6050 пудов омулей, из которых 4492 пуда пошло на продажу. В 1847 г. выручка от продажи рыбы составила 1315 р. 89 к., что при учете невысокое рыночной стоимости рыбы, составляет немалую сумму.

В Верхнеудинском округе все реки и озера были более или менее богаты рыбой. Основные рыболовные места располагались по рекам Селенге, Баргузину и на восточном побережье Байкала. Однако для большинства жителей округа рыболовство стало лишь подсобным занятием. Рыбу ловили, главным образом, для собственных нужд, только незначительная часть ее поступала в продажу. Лишь в одном, Кударинском ведомстве, рыболовство занимало преобладающее положение по сравнению с другими видами хозяйственной деятельности. В 1840–1845 гг. доходы от продажи рыбы составили 16 572 р. Хлеб за отсутствие излишков, не продавался, а прибывал от скотоводства, охоты и ремесел исчислялся в 1417 р.

В ведомствах коренного населения Енисейской губернии рыболовство являлось побочным занятием. Существенного значения, как и для большинства коренного населения Иркутской губернии, оно не имело.

Н.В. КАЙГОРОВА

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ КУОРТЫ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В Байкальском регионе в дореволюционный период было известно около 25 курортов. К концу XIX в. некоторые из них стали крупными лечебными центрами, способными обслужить одновременно до нескольких десятков человек. Среди курортов региона были и небольшие здравницы на 10–15 мест. Эти «лечебные местности» и курортами сложно назвать, потому что никакого необходимого оборудования, жилых построек, медицинского и бытового обслуживания на них не существовало. Однако население ехало и к этим минеральным источникам и использовало минеральную воду в лечебных целях. Наибольшее число таких малых курортов существовало в Бурятии.

Гаргинский (Каргинский) источник, расположенный в Баргузинской впадине в долине р. Гарги в 78 км от с. Курумкан, по данным В.Н. Жинкина, был давно известен тунгусам, русские же начали его использование в конце XVIII в. Позднее, в XIX в. «Гарга» перешла во владение Курумканского миссионерского стана, который оборудовал здесь лечебную мес-

тность (Жинкин В.Н. Курорты и минеральные источники Бурятии. Верхнеудинск: Бурнаркомпромторг, 1925. С. 34–35). При анализе архивных данных было выяснено, что здания вокруг источника были выстроены золотопромышленником Герасимовым в 1870-х гг. и затем, несколько позднее, переданы миссионерскому стану (ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 146, л. 4).

О Поперечинском (Моравском, Кульском) источнике, находившемся по Читинскому тракту в 200 с лишним верстах от г. Верхнеудинска (современного Улан-Удэ), в дореволюционный период имеется мало сведений. В газетной заметке А.А. Шамарина в конце 1880-х гг. указывалось на проведение химического анализа П.А. Сиверсом в конце XVIII в. (Шамарин А.С. Анализ Туркинских и Поперечинских минеральных вод // Сибирь. 1885. № 3. С. 9). В 1856 г., по сведениям чиновника особых поручений Никитина, здесь были построены дом чиновника Седакова и установлены 4 бурятские юрты. К тому времени источник был в ведении Управления земской полиции (ГАИО, ф. 24, оп. 2, д. 8, к. 1443, л. 14). Позднее воды этого источника использовались исключительно в качестве лечебных.

Карповский (Поповский) источник с 1904 г. выступал уже в качестве курорта. В 1903 г. Карповский источник был передан в аренду М. Девяшину на 20 лет с условием платы 20 р. в год (ГАЧО, ф. 1, оп. 2вр, д. 465, л. 19). В.М. Уфтяжаников и И.Н. Багашев сообщали, что на минеральных водах арендатором были устроены минеральные, хвойные и грязевые ванны, а также кумысолечение (Уфтяжанинов В.М. Объявление о Карповских минеральных водах // Забайкалье. 1904. № 48. С. 1; Багашев И.Н. Минеральные источники Забайкалья. М.: Тип. М.Д. Бутина, 1905. С. 34–35).

Гусихинские источники, расположенные в 50 км от с. Баргузин, по сведениям того же Жинкина (Жинкин В.Н. Курорты и минеральные источники Бурятии. Верхнеудинск: Бурнаркомпромторг, 1925. С. 43), начали эксплуатироваться с 1820-х гг., когда купцы Черных построили на источниках свои дома и ванны. В середине XIX в. источники приобрели большую известность. В 1895 г. Гусихинский источник был арендован помещиком Ф.А. Ивановым за 60 р. в год. Но улучшений курорта не последовало (ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 175, л. 1). К концу 1890-х гг. лечебная местность находилась уже в запустении.

Минеральное грязевое озеро Киран, расположенное на территории Бурятии в 30 км от г. Кяхты, никогда не было базой даже курорта местного значения. Впервые об озере Киран упоминал Паллас в 1772 г. (Михайлов М.П., Толстихин Н.И. Минеральные источники и грязевые озера Восточной Сибири, их гидрогеология, бальнеохимия, и курортологическое значение // Материалы по геологии полезных ископаемых Восточной Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1946. С. 2). Организация в этом районе бальнеолечения по сведениям исследователей П.Н. Бутырина, Н.А. Власова начинается в 1850 г. с устройством для сибирских линейных батальонов бальнеолечебницы для использования минерального рассола. Эта лечебница просуществовала до 1862 г. Позднее озеро использовалось для

нужд солеваренного завода Селивановым (с 1873 г.), затем с 1878 г. — К.М. Заневским, а с 1885 г. — К.М. Заневским и Я.П. Смирницким. Об организации курортного лечения при получении больших доходов от добычи соли не могло быть и речи. На основании закона 1905 г. «Об ограничении земель Забайкальского казачьего войска» в 1909 г. озеро Киран было передано в распоряжение Войскового хозяйственного правления (ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 53, л. 209, 257).

Фролихинский источник, расположенный на северо-восточном побережье озера Байкал, по данным В.Н. Жинкина, давно был известен тунгусам. Его описание дал еще Г. Георги в 1775 г. Русские, узнав о его лечебных свойствах, вероятно на протяжении XIX в. использовали его. Однако в дореволюционный период Фролиха не получила широкого развития. Кроме перечисленных курортов и источников В.Н. Жинкиным были упомянуты еще некоторые минеральные источники, которые стали известны с XVIII–XIX вв. и представляли собой относительно популярные лечебные местности: Аршантуй (дата открытия — 1820 г.), Былыринский (первая половина XVIII в.), Улятуйевский (середина XIX в.), Хасуртаевский (1840 г.), Романовский, Аллинский, Баргузинский, Баунтовский, Могойский, Жемчуг (Жинкин В.Н. Курорты и минеральные источники Бурятии. Верхнеудинск: Бурнаркомпромторг, 1925. С. 51).

Много небольших лечебных местностей имелось и в Забайкалье. Маккавеевский источник, расположенный в 66 км от г. Чита, на ст. Маккавеевская, по сведениям врачей М.П. Михайлова и В.Н. Жинкина, впервые был описан в 1872 г. у А.А. Савицкого (Там же. С. 36). С 1881 г. оно сдавало ключ в аренду Ульзетуеву на условиях оплаты по 300 р. в год. Арендатор построил для приезжающих 28 домиков, и число посетителей стало составлять около 400 чел. в летний сезон. В 1890 г. источник находился в аренде Маккавеевского общества при его подчинении Войсковому хозяйственному управлению. К началу XX в. курорт предоставлял больным консультации врача, газетную литературу, почтовое сообщение два раза в неделю. В 1898 г. на I съезде бальнеологов курорт «Маккавеево» получил признание общественного значения. В начале XX в. «Маккавеево» стал пользоваться славой лучшего курорта Забайкалья. Этому способствовало и его дальнейшее благоустройство: курзал, театр, хлебопекарня, баня, прачечная, хозяйственные постройки. С началом Первой мировой войны слава Маккавеевского курорта стала затихать, а в период Гражданской войны помещения курорта служили резиденцией семеновских войск вплоть до 1921 г. (ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 355, л. 1–7; ГАЧО, ф. 1, оп. 2вр, д. 337, л. 2).

«Колтомойкон», известный в XIX в. под названием Зюльзинского ключа, стал востребован, по описанию К. Грума, с 1836 г. Он располагался в 96 км от станции Нерчинск Забайкальской железной дороги. Здесь находился небольшой дом для приезжающих больных (Грум К. Полное систематическое практическое описание минеральных вод, лечебных грязей и купаний в Российской империи. СПб.: Тип. Деп. внеш. Торговли, 1855.

Ч. II. С. 315). Врачи М.П. Михайлов и В.Н. Жинкин сообщали, ссылаясь на Кашина, что источник был открыт звероловами Холмогоровыми. Позднее нерчинский купец Епифанцев «устроил там дом и лечился» (Михайлов М.П., Жинкин В.Н. Указ. соч. С. 35). По данным упомянутых авторов «Колтомойкон» в качестве курорта стал эксплуатироваться Комогорцевым с 1885 г. При описании 1890-х гг. следует отметить, что в плохом состоянии находились технические сооружения, охрана прилегающей территории, отсутствовали врачебные консультации и аптека.

Источник Молоковка (Малаковка), находившийся в 20 км от г. Читы, впервые упоминался в литературе А. Мордвиновым в 1841 г. Однако, как указывало большинство авторов — К. Лукс, М.П. Михайлов и В.Н. Жинкин, А.М. Диковский, М.И. Звонарев, И.Д. Боечко — организация курорта относится лишь к 1887 г., когда врач Пророков в связи с постройкой дороги от Читы начал строительство нового курорта. Он поставил несколько жилых домов, установил ванны и начал прием больных. Вплоть до начала Гражданской войны курорт находился в аренде частных лиц, оставаясь собственностью Министерства императорского двора (Курлов М.Г. Экскурсия по лечебным местностям Восточной Сибири, 1916 г. // Известия Том. Ун-та. Кн. 68. Томск: Изд-во Ун-та, 1918. С. 37).

Шивиинский (Буссулейский) источник, находящийся в 53 км от ст. Сретенская, известен с 1880-х гг. По сведениям врачей М.П. Михайлова и В.Н. Жинкина, источник сдавался в частную аренду. Открытие курорта было объявлено в 1897 г. В 1915 г. «Шивия» перешел в аренду к Танхимовичу (ГАЧО, ф. 1, оп. 2вр, д. 981, л. 60б).

Источник Олекан, расположенный в 60 км от г. Нерчинска, стал использоваться русскими с 1862 г., когда нерчинский купец Капораки поставил на месте выхода источника срубы. Начало эксплуатации курорта неизвестно, но, по мнению М.П. Михайлова и В.Н. Жинкина, это событие относится примерно к концу 1890-х гг. Курорт был плохо организован, и все арендаторы источника стремились лишь извлечь максимальный доход, совершенно не заботясь о его благополучии.

О развитии курорта «Улякан» до революции известно мало. На территории курорта имелось несколько строений, возведенных, вероятно, частным лицом.

Среди иркутских курортов до революции малоизвестным являлся курорт «Усть-Кут», расположенный в Киренском районе и открытый с 1908 г. Минеральные рассолы будущего курорта, как и курорта «Усолье», с самого начала использовались на Усть-Кутском солеваренном заводе. В 1910-х гг. лечебница состояла из 2-х железных ванн и действовала до 1918 г., обслуживая местное купечество. Усть-Кутский солеваренный завод, как и Усольский, в течение всего периода своего существования принадлежал Иркутскому горному управлению, впрочем, как и лечебница при Усть-Кутском заводе (Винокуров М.А. Экономика Иркутской области. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. Т. 3. С. 404).

Плохие дороги, отдаленность от крупных населенных пунктов, тяжелые климатические условия, нерентабельность — все эти факторы явились причинами малоизвестности курортов. После революции среди указанных курортов в разряд курортов местного значения перешли лишь «Маккавеево», «Колтомойкон», «Молоковка», «Шивия», «Олекан». Остальные либо стали небольшими бальнеолечебницами, либо перестали существовать.

С.К. КАНН

ИЗУЧЕНИЕ БАЙКАЛА В СВЯЗИ С СООРУЖЕНИЕМ ТРАНССИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ

Уникальный характер Байкала издавна привлекал внимание научных обществ и отдельных ученых. Постройка Сибирской железной дороги обратила сюда и взоры правительства, которое для достижения срочных стратегических целей использовало неординарные меры. В конце 1892 г. был создан единый Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД), призванный объединить работу ведомств и осуществлять надзор за исполнением важных решений.

Необходимость этого органа объяснялась тем, что уже в начале работ обнаружили серьезные разногласия между МПС, военными и министерством финансов. Каждое ведомство продвигало собственные идеи, обвиняя других в затяжке времени. По мнению полковника Н.А. Волошинова, фантастические проекты были «вредны именно тем, что тормозили выполнение действительно и существенно необходимого» (Волошинов Н. Железнодорожная разведка между Ангарой и северной оконечностью Байкала. Иркутск, 1889. С. 13). «Мы Сибирь совсем не знаем», — признался исследователь в Русском Географическом обществе (Волошинов Н.А. Сибирская железная дорога. СПб., 1890. С. 17).

Уже в первом заседании 10 февраля 1893 г. члены КСЖД сошлись на том, что следует стремиться, «чтобы разносторонние действия отдельных ведомств были согласованы между собой и неуклонно направлены к достижению общей цели» (Журнал МПС. 1893. Кн. 1, офиц. ч. С. 9). Министров путей сообщения и внутренних дел обязали организовать изучение Байкала так, чтобы постройка рельсового пути осуществлялась без задержек. Но помимо названных ведомств к исполнению данного поручения было привлечено и министерство финансов, нацеленное на оживление производительных сил Сибири. Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин особенно настойчиво призывал готовить почву для будущего развития Прибайкалья (Материалы КСЖД, экземпляр РГБ (далее: МКСЖД), 1895, т. 10, л. 160; РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 63, л. 39). Горемыкин стал наиболее часто приглашаемым гостем в заседания КСЖД в Петербурге.

С началом работ коренным образом изменился сам подход правительства к водным коммуникациям Сибири. Если раньше им отводилась прикладная роль сегментов водно-железнодорожного сообщения с Дальним Востоком, то теперь стали говорить о значении этих путей в качестве «питательных ветвей» магистрали и части производственной инфраструктуры, усиливающей экономическую отдачу региона. Уже осенью 1893 г. начальник Управления по сооружению Сибирской дороги Н.Е. Ададунов инициировал вопрос «о подробном исследовании быта озера Байкал», которое на деле ограничилось изучением условий постройки пристаней и организацией «правильного пароходного сообщения между Средне-Сибирским и Забайкальским участками магистрали» (РГИА, ф. 1273, оп. 1, д. 167, л. 1–1об; д. 168, л. 17об). Приближение постройки к Байкалу побудило КСЖД обратиться к широкому комплексу местных исследований по геологии, топографии, гидрографии, метеорологии и даже ихтиологии. Этим аспектам в заседаниях Комитета было посвящено не менее 30 вопросов, а прямые расходы фонда вспомогательных предприятий на изучение Байкала составили не менее 465 тыс. р. (МКСЖД, 1903, т. 25, лл. 818–819об, 1115об–1131; 1904, т. 27, лл. 1686–1700).

По инициативе управляющего делами КСЖД А.Н. Куломзина канцелярия Комитета министров в начале 1894 г. подготовила «Записку об исследовании Байкала в гидрографическом отношении» (МКСЖД, 1894, т. 4, лл. 57–60; РГА ВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 429, лл. 1–4; РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 63, лл. 1–4). В ней был поставлен вопрос об организации работ, подобных съемке Ладожского озера, проведенной в 1860-х гг. Главное гидрографическое управление встретило идею настороженно, опасаясь большого объема предполагаемых исследований, но летом 1896 г. отправило на Байкал опытного гидрографа Ф.К. Дриженко для определения конкретного плана действий. Купец А.Я. Немчинов безвозмездно предоставил винтовой пароход «Иннокентий», на котором Дриженко обошел все озеро вдоль берегов, выяснив попутно, что при измерении байкальских глубин часто не хватает необходимой длины проволоки на аппарате.

В Петербурге Дриженко составил пятилетний план работ, впоследствии расширенный еще на один год (1897–1902). Продвигаясь с юга на север, экспедиция должна была переходить от районов интенсивной навигации ко все более пустынным местам. Уже к концу 1897 г. была подготовлена временная 10-верстная меркаторская карта судоходной части озера, а затем появился атлас на 31 листе, где береговая линия была отражена «одноростковой», а планы рейдов еще более подробно. Наиболее полным было издание «Лоции и физико-географического очерка озера Байкал» (1908). За шесть лет экспедиция Дриженко сняла 3900 верст побережья, прошла шлюпочным и судовым промером более 9 тыс. верст, измерила 75 тыс. глубин. Были созданы условия для организации паромной переправы и улучшения навигации. Затраты казны на гидрографическую экспедицию достигли 373,5 тыс. р.

Изучение вскрытия и замерзания Байкала, по свидетельству академика М.А. Рыкачева, предполагалось поручить В.А. Обручеву, но геолог отказался, сославшись на «усиленные служебные занятия» и свой отъезд из Иркутска. Директор Иркутской обсерватории А.В. Вознесенский также не рискнул взяться за дело, сообщив, что не имеет соответствующих специалистов (РГИА, ф. 1273, оп. 1, д. 202, л. 2–2об). Тогда морское ведомство отправило на Байкал лейтенанта А.С. Боткина, который зимой 1898/99 г. провел все необходимые исследования. Их итоги были представлены в экспозиции КСЖД на Всемирной выставке в Париже, а сам Боткин удостоен золотой медали (Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. СПб., 1900. 3-я паг. С. 54; МКСЖД, 1901, т. 22, л. 638об).

В 1899 г. экспедиция Дриженко приступила к постройке 10 маяков по всему озеру (РГА ВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 546, л. 145; ГАЧО, ф. I-о, оп. 1, д. 3943, лл. 1–3об). Ежедневный подвиг совершали смотрители маяков. 28 ноября 1900 г. во время пожара в бухте Песчаной смотрительница Мапиновская, забыв про собственное имущество, спасала приборы и вела необходимые наблюдения за погодой. В своем первом донесении после пожара она извинялась, что не смогла сберечь 2 барограммы. На острове Ушканьем смотритель маяка и его жена почти полгода были отрезаны от всего мира. «Жизнь этой маленькой семьи, – писал Дриженко в отчете за 1901 г., – затерянной среди Байкала в обществе диких зверей, на глазах у них разорвавших двух собак, была настолько тягостна, что когда в июне пришел туда снова «Иннокентий», то здоровый и сильный мужчина не смог удержать слез, разговаривая снова с живыми людьми...» (РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 63, лл. 199–199об, 201об).

Предполагалось, что «с окончанием постройки железной дороги вокруг южной оконечности озера, паром будет перевозить не только составы, но и грузы по всему озеру, в частности, на быстро развивающиеся Александровский и Николаевский золотые прииски на севере Байкала» (Pech T. Drishenkos Erforschung des Baikalsees // Globus. 1897. Bd. 72. S. 144–145; РГИА, ф. 560, оп. 27, д. 63, лл. 60об–61об). А.Я. Немчинов поспешил изучить маршрут от Верхней Ангары к приискам Бодайбо, сокращавший прежний путь по Лене и Витиму на 700 верст (Томич. Гидрографическое исследование Байкальского озера // Естествознание и география. 1899. № 4. С. 109). Он хотел построить конно-железнодорожный волок через горные перевалы и вложил в дело до 20 тыс. р., однако из-за смерти купца в июле 1900 г. замысел остался нереализованным.

Летом 1902 г. Дриженко смог убедить высшие инстанции в пользу продолжения работ, суливших не только оживление золотых приисков, но и перспективу заселения северного Прибайкалья, богатого строевым лесом, покосными лугами и рыбными промыслами. Будущую перевозку грузов через водораздел в систему Витима Дриженко предполагал доверить локо-

мобилиям, по типу тех, что использовал золотопромышленник Грот на приисках в Урге. Они могли тянуть по плохой дороге до 4-х груженных вагонов со скоростью 8 верст в час (РГИА, ф. 1273, оп. 1, д. 168, л. 70). Партии Дриженко прошли весь путь до Бодайбо, преодолев и рано выпавший снег, и падеж выючных лошадей, и жестокий голод. Однако составленный ими атлас нового маршрута на прииски, по существу, оказался лишенным всякой практической пользы. Трудности устройства были настолько велики, что к постройке пути так и не приступили.

Недостаточную пользу, по мнению КСЖД, принесла и рыбопромысловая экспедиция, снаряженная на Байкал в 1900–1902 гг. Она собрала уникальные коллекции ихтиофауны, но руководитель экспедиции профессор А.А. Коротнев очень жестко охарактеризовал общее состояние рыболовства. Он написал о быстром обнищании крестьян, их переходе в батраки к «наживающим большие барыши» рыбопромышленникам и предложил «урегулировать экономические отношения, протянув руку крестьянам», а также ограничить своеволие рыбоделов (РГИА, ф. 1273, оп. 1, д. 207, л. 46). Либеральные идеи профессора обозлили бюрократию. Осенью 1902 г. директор Департамента земледелия С. Ленин заявил, что экспедицией «совершенно упущены практические цели», а «из байкальской фауны особенно подробно изучены черви» (РГИА, ф. 1273, оп. 1, д. 207, л. 71; МКСЖД, 1903, т. 25, л. 864–864об). С точки зрения чиновников, даже выдающийся научный результат, лишенный «практического выхода», был преступлением. На основе предъявленных «обвинений» А.А. Коротнев был отправлен искать содействия у Академии наук и «иных ученых учреждений».

Общие итоги исследовательских работ КСЖД на Байкале противоречивы. Немалое число заявленных инициатив осталось неосуществленным, особенно в отношении развития местной экономики. Некоторые успехи по запуску магистрали и улучшению условий судоходства сочетались с откровенными провалами. В основе неудач лежало иллюзорное представление о возможности «дистанционного» управления из Петербурга коренными преобразованиями на окраинах, а также преувеличенное доверие к экспедиционным методам работы. Уже в конце 1899 г. Особое совещание констатировало, что незнание Сибири привело к значительному перерасходу средств на устройство паромной переправы.

Байкал продолжал оставаться царством природной стихии, вынуждая искать новые места для причаливания паромов, устранять поломки судов, преодолевать трещины и нагромождения льда при зимней укладке рельсов. Практические улучшения по программе КСЖД продолжались еще долгие годы после официального роспуска Комитета в декабре 1905 г. Вместе с тем, научные результаты байкальских экспедиций сыграли немаловажную роль в общем движении науки и развитии целого ряда научных отраслей.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ БУРЯТ В 1917 г.: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Февральская революция 1917 г. открыла качественно новый этап в национальном движении бурят. Свержение царизма, переход государственной власти в руки буржуазии, начавшаяся демократизация политической жизни подняли на новую ступень национальное движение не только в России, в целом, но и среди бурятского народа.

Представители бурятской интеллигенции, возглавлявшие национальное движение, восприняли февральскую революцию с большим энтузиазмом и полагали, что революция «скажет новое неслыханное доселе слово в области национальных отношений» (Элбек Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. С. 36).

Буквально в первые же дни революции бурятские общественные деятели активизировали свои действия по рассмотрению и решению актуальных проблем политической, социальной и культурной жизни своего народа.

В этот период активно формируются политические идеи, направленные на национальное возрождение бурят. Уже 6 марта 1917 г. видные деятели бурятского национального движения М.Н. Богданов и Э.-Д. Ринчино создали в Чите первое частное совещание бурятских общественных деятелей. Участники совещания рассмотрели вопрос об отношении бурят к текущим событиям политической жизни и высказались за организацию поддержки Временного правительства бурятским населением, пропаганду идеи созыва Учредительного собрания, подготовку народа к выборной кампании. Для защиты и представительства национальных интересов совещание образовало организационный комитет по созыву общебурятского национального съезда. В состав комитета вошли Ш.Б. Бадмаев, М.Н. Богданов, Ш.Б. Базаров, Э.-Д. Ринчино, Н.Н. Намдаков, С.С. Сампилов. Председателем комитета был избран М.Н. Богданов, а секретарем — Э.-Д. Ринчино.

Национальное движение бурят Иркутской губернии возглавила группа бурятской интеллигенции, в составе В.Л. Егорова, А.А. Убугунова, И.С. Дурхисанова, А.Р. Коняева, И.Г. Салтыкова, И.И. Тунуханова. Они находились в тесном контакте с забайкальскими деятелями.

На втором частном совещании общественных деятелей Забайкальской области (10 марта 1917 г.) было принято решение добиваться национальной автономии для бурят с учреждением сейма с законодательными функциями по вопросам гражданских взаимоотношений, земельным, народного образования, здравоохранения и религии (Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы / сост. и науч. ред. Батуев Б.Б. Улан-Удэ, 1994. С. 7–8).

12 марта 1917 г. на третьем совещании участвовали уже около 60 бурятских общественных деятелей. По вопросу о национальной автономии

было принято дополнительное предложение о том, что автономия должна быть распространена на всех бурят, не исключая казаков, и тунгусов, говорящих на бурятском языке, если они пожелают присоединиться к требованиям о национальной автономии.

Практически в то же время, 9 марта 1917 г. в Петрограде был создан Бурятско-Калмыцкий комитет, председателем которого был избран Н.А. Ханхасаев, уполномоченный бурятского общества по сбору пожертвований на нужды войны и заведующий бурятским лазаретом в Петрограде. В принятом в день создания комитета постановлении, он провозгласил создать на местах общественные организации бурят и калмыков взамен старой системы управления, уничтожить институты крестьянских начальников, уездную полицию; новый порядок осуществлять на началах национально-культурного самоопределения; учредить народную милицию вместо полиции; осуществлять подготовку к созыву Учредительного собрания. Для выполнения этих задач комитет планировал избрать комиссаров. (Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. С. 9).

Бурятско-Калмыцкий комитет выступал перед представителями Временного правительства от имени всех бурят и калмыков, не имея на то полномочий от этих народов. Активизировалось национальное движение и на местах. Буряты во всех аймаках Забайкалья выступали с требованиями предоставления им автономии, разрешения земельного вопроса, проблем культурно-национального строительства. Перспективы развития бурят в этот переломный для всех народов России исторический период стали основополагающими в теоретических дискуссиях и практической деятельности лидеров национального движения.

Первый съезд представителей бурятского населения Забайкальской области и Иркутской губернии состоялся 23–25 апреля 1917 г. в г. Чите. На съезде активно обсуждался вопрос о форме и характере национальной автономии бурят. В результате многочисленных дебатов съезд утвердил «Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии», согласно которому национальная автономия приобретала следующую форму: высшим органом управления должен был быть общенациональный съезд, а между съездами — Бурятский Центральный Национальный Комитет (Бурнацком). На основании решений съезда на местах создавались сомонные (сельские), хошунные (волостные), аймачные (уездные) комитеты, подчинявшиеся Бурнацкому. Ведению Бурнацкома подлежали вопросы культурно-национального, правового и экономического возрождения народа.

Программа бурятского национального движения предусматривала организацию бурятской автономии, возрождение экономики и культуры народа в рамках российского государства и существующего строя. При этом автономия подразумевала организацию административного устройства всей жизни только бурятского населения.

С целью официального решения вопроса о самоуправлении бурят 13 июля 1917 г. председатель бурятского национального комитета Э.-Д. Ринчино отправил телеграмму председателю Совета министров Е. Львову, в которой обосновывал, принятую на общепурятском съезде, схему национального самоуправления и просил дать санкцию на ее утверждение. Э.-Д. Ринчино подчеркивал, что «буряты не стремятся к восстановлению старых Степных Дум, находя их строй недостаточно демократичным и создали свое управление на новых началах» (Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 г. С. 33–34).

Предложенная бурятскими деятелями форма самоуправления не нашла поддержки со стороны Временного правительства и его местных органов. Проходивший в июле 1917 г. Восточно-Сибирский краевой съезд представителей комитетов общественной безопасности выразил отрицательное отношение к идее национального самоопределения бурят. Большинство участников съезда высказались за предоставление народам Сибири лишь права на культурно — национальную автономию. Бурятские аймаки имели право заниматься только вопросами культурно-национальной работы.

На втором общепурятском съезде (10–15 июля 1917 г.), проходившем при Гусиноозерском дацане, было принято решение о введении земства среди бурят. Съезд постановил, что хошун является первичной земской единицей и состоит исключительно из улусов, населенных бурятами. Аймаки являются уездными земскими единицами, в состав которых входят хошуны.

Большое значение в создании национальной автономии имел третий общенациональный съезд бурят Забайкальской области и Иркутской губернии, проходивший 8–15 октября 1917 г. в г. Верхнеудинске. Э.-Д. Ринчино выступил с докладом об аймачном земстве. В докладе им обосновывалась позиция Национального комитета, выступающего за национально-обособленное аймачное земство, против смешанных уездных земских организаций. Бурнацком считал, что смешанные уездные земства с их русским большинством не дадут бурятам возможности в полной мере отстаивать свои национальные интересы.

Лидеры национального движения бурят практически тем самым отказывались от культурно-национальной автономии и выдвинули положение об образовании национально-обособленного аймачного земства как главной административно-территориальной единицы будущей национальной автономии.

На съезде было решено учредить Центральный бурятский Национальный комитет с резиденцией в г. Чите, а в Иркутске его отдел.

Активно обсуждался на съезде и земельный вопрос. С докладом по данной проблеме выступил Э.-Д. Ринчино. Он отметил необходимость составления докладной записки о земельных и экономических нуждах бурят для представления в Учредительное собрание. С подобными же

предложениями выступили и председатели аймачных земельных комитетов, которые констатировали, что всюду происходит самочинный захват русским населением бурятских земель. Съездом была образована Земельная комиссия при национальном комитете. (Жабаева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001. С. 86).

Таким образом, после февральской революции 1917 г. лидеры бурятского национального движения настойчиво пропагандировали идею национального возрождения путем приобретения национальной автономии, решения социально-экономических и культурологических проблем. Во второй половине 1917 г., несмотря на противодействие центральных и местных органов власти, эти идеи стали претворяться в жизнь на территории проживания бурят. Был образован Бурятский Национальный Комитет, который координировал практическую деятельность по созданию национальных органов управления в аймаках, руководил их работой по решению правовых, социально-экономических проблем, вопросов образования, здравоохранения, культуры, в целом.

Октябрьскую революцию и свержение Временного правительства лидеры бурятского национального движения встретили негативно, расценив ее как захват власти одной партией и выступили за создание коалиционного правительства. Конкретными шагами в этом направлении стала поддержка Бурнацкомом инициативы сибирских областников по автономии Сибири и участие в декабре 1917 г. в создании «Народного Совета» — коалиционного органа областной власти Забайкалья.

С 28 ноября по 5 декабря 1917 г. в Верхнеудинске состоялся общепурятский съезд, на котором с докладом о политических событиях и впечатлениях о захвате власти большевиками выступил Ц. Бадмажапов, командированный октябрьским общенациональным съездом в Петроград для доклада Временному правительству по вопросу о введении земства среди бурят. На этом съезде Бурнацком получил наказ «держаться примиренческой линии, стремиться всеми мерами и силами к объединению враждующих русских партий и групп на почве взаимных уступок, стараться не сходить с этой позиции» (Элбек Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. С. 161).

Бурятские национальные деятели связывали большие надежды с Учредительным собранием. Выборы в Учредительное собрание, проведенные в ноябре 1917 г. выявили следующую расстановку политических сил. Из 98 225 избирателей Забайкальской области 49 363 избирателя (50,2%) подали свои голоса за эсеров, 17 083 (17,4%) за кандидатов Бурнацкома (Цэцэгма Ж. Бурятская национальная интеллигенция в становлении монгольского государства в первой трети XX в. Улан-Удэ, 2006. С. 93). Таким образом, наибольшей популярностью среди избирателей Забайкалья пользовалась партия эсеров, среди бурят — Бурнацком. По мнению лидеров бурятского национального движения, Учредительное собрание

должно было законодательно закрепить новое демократическое устройство государства.

Распуск Учредительного собрания большевиками и провозглашение «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» не были приняты лидерами бурятского национального движения. Они продолжали оставаться сторонниками правых эсеров, выступавших за демократию, классовый мир и национальное (областное) единство малых народов. Практически эта позиция входила в непримиримое противоречие с политическими установками большевистской партии и советской власти.

В конце декабря 1917 г. на областном съезде земских организаций и комитетов безопасности Забайкальской области был создан коалиционный «Народный Совет». В него вошли 15 представителей от Советов рабочих и солдатских депутатов, 30 представителей от крестьян, казаков и инородцев и 5 представителей от городских дум. Власть в Забайкальской области перешла к Народному Совету. По текущему моменту съезд принял резолюцию, предложенную представителями Бурнацкова — «компромиссную форму организации и власти в лице Народного Совета из представителей всех слоев населения, избранных на основе социалистическо-демократической коалиции» (Элбек Доржи Ринчино. Указ. соч. С. 161).

В феврале 1918 г. Народный Совет был распущен большевиками Читы при поддержке прибывших с фронта революционно настроенных казачьих частей. Власть перешла к созданному Комитету советских организаций Забайкальской области.

Бурнацков отнесся к перевороту отрицательно и рассчитывал занять независимое положение по отношению к советской власти, опираясь на казаков-бурят, вернувшихся с фронта. «Однако, — как пишет Э.-Д. Ринчино, — эти расчеты Центрнацкома не оправдались, буряты-казаки оказались совершенно деморализованными и лишенными всякого национального самоуправления» (Там же. С. 162).

Свое отношение к советской власти Бурнацков выразил в специально принятом обращении «Ко всем бурят-монголам», в котором признавал советскую власть при условии сохранения органов земского управления, созыва нового Учредительного собрания. При этом он подчеркивал, что власть советская не есть власть всенародная (Цэцэгма Ж. Указ. соч. С. 101–102).

Таким образом, на протяжении всего 1917 г. — от февральской революции до установления советской власти — лидерам бурятского национального движения при различных органах политической власти удалось не только выдвинуть идею национальной автономии, но и создать, а затем и отстоять, сохранить национальные органы управления бурятского народа, добиться их практических результатов в социально-экономической и культурной сферах.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СИБИРСКИХ СТАРОЖИЛОВ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ)

Основами жизнеобеспечения русского населения Южного Забайкалья, как семейских, так и сибиряков-старожилов, издавна являются пахотное земледелие и подсобное хозяйство, которое включает в первую очередь разведение скота, а также домашнее огородничество.

Система расселения. Первоначальное заселение старообрядцев в Забайкалье, прибывших с запада, шло исключительно по рекам, притокам Селенги (Хилок, Уда, Чикой). Их долины имеют наиболее плодородные почвы.

Все население больше всего группировалось не по главным рекам, а по их притокам. Основная причина этого заключается в том, что главные реки идут преимущественно в северном и северо-западном направлениях, тогда как побочные, если не прямо в обратном, то по параллелям (Ровинский П.А. Материалы для этнографии Забайкалья // Известия СО РГО. Иркутск, 1873. Т. 4. № 2. С. 99–101; № 3. С. 113–132). Необходимо также отметить, что основывать поселения по берегам крупных рек (Чикой, Хилок) довольно опасно, так как на них периодически (один раз в 10–20 лет) бывают большие разливы, которые затапливают довольно много прибрежного пространства. Поэтому все села располагаются либо поодаль от берегов на 1–2 км, либо на высоких берегах.

Хорошо знаящие толк в земле русские крестьяне-старообрядцы оценили высокие качества долин рек Чикоя и Хилка, основали здесь ряд поселений: Бичура, Окино-Ключи, Урлук, Альбитуй, Малоархангельское, Нижний Нарым, Хилкотой. Наряду с крупными селами были и мелкие, разбросанные по речкам и падям. Таким образом, для пришлых групп русских характерна привязка их населенных пунктов к водным артериям.

Первоначально появление русских не стесняло коренных жителей — бурят. Когда же крестьянские селения заняли все среднее течение Чикоя, Хилка и других долин, а у самих бурят увеличилось стада, появились взаимные земельные притязания. Исследователи конца XIX–начала XX вв., побывавшие в забайкальских экспедициях, пишут о частых стычках бурят и семейских из-за захватов территорий друг у друга (Там же. № 2. С. 99–101; № 3. С. 113–132, Селищев А.И. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С. 44–69). В настоящее время в Южном Забайкалье отношения между бурятами и русскими спокойные и неконфликтные.

Территориально-хозяйственное обособление семейских и бурят имело место, что можно увидеть в настоящее время. Взглянем на карту интересующего нас района исследования. Мы можем наблюдать «чересполосицу» в размещении поселений русских и бурят. Например, в

Красночикийском районе семейские села (Малоархангельское, Альбитуй, Хилкотой, Урлук) чередуются с бурятскими (Бурсомон, Верхний Шергольджин, Жиндокон), а также с селами русских сибиряков-старожилов (Захарово, Байхор, Этытэй).

Земледелие. Южное Забайкалье — зона рискованного земледелия. Продолжительность вегетативного периода здесь составляет 130–145 дней. Резко континентальный климат с продолжительной суровой зимой и коротким засушливым летом создает для сельхозпроизводителей этого региона немалые объективные трудности, в преодолении которых проходят суровые трудовые будни населения.

Старообрядцы впервые установили на территории Южного Забайкалья новый, доселе незнакомый местному скотоводческому населению тип хозяйствования — земледелие. Первые земледельцы разрабатывали равнинные участки ближе расположенные и более доступные. С увеличением населения все земли на равнинах оказались либо занятыми пашнями, либо сенокосами, росчисти новых пашен стали располагаться выше по речным террасам. Много полей появилось на значительных высотах и по весьма крутым уклонам (Соловова А.Т., Гурова О.Н. Почвенно-экологическая основа в системах расселения бурят и семейских // Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2005. С. 195–198).

Сроки основных сельскохозяйственных работ — пахоты, сева, сенокоса, жатвы — были определены в течение многих лет русскими крестьянами с учетом климата Забайкалья.

Пашни по долинам рек образуют сравнительно крупные пахотные массивы. Это в основном ровные поля с плодородными в большинстве случаев почвами. Выращиваются главным образом пшеница, гречиха, овес и кормовые культуры (силос).

Весьма подробно изучением земледельческого труда в сочетании с бытовой обрядовостью крестьян-староверов в Забайкалье занимался Ф.Ф. Болонев. Вся трудовая деятельность, будни и праздники семейских раньше связывались со староправославным календарем и сопровождались различными обрядами, имевшими языческое происхождение в большей степени, чем христианское. Вплоть до середины XX в. сохранялись обряды, связанные с хлебопашеством и огородничеством.

Животноводство всегда носило подсобный характер. В основном разводят коров, овец, коз, свиней, птицу.

В настоящее время, после исчезновения колхозов и совхозов и в связи с малообеспеченностью сельскохозяйственной техникой, вновь возросла роль лошади в домашнем хозяйстве семейских. Укажем заметную разницу в отношении к лошади у двух соседствующих этносов — семейских и бурят. Семейские не употребляют в пищу конину, хотя лошадей держат, потому что лошадь являлась и является большим подспорьем в хозяйственной жизни русских староверов Забайкалья. Информант А.Ф. Козлова (1905–2000)

объясняла, что «когда Иисуса Христа зарыли в могилке, то пришла свинья и откопала тело, а конь зарыл обратно». «Свинью ись мошно (есть можно), а коня нельзя» (Полевые материалы автора, 1999). Наверняка, данный рассказ может вызывать споры. Как нам думается, такое отношение к лошади идет из глубоккой древности и носит сакральный характер. Исследователь Ф.Ф. Болонев указывает на присутствие коня во многих магических обрядах семейских и упоминает о том, что конь в обрядности многих индоевропейских народов, в частности славян, был олицетворением солнечного света и самого солнца и связан с культом плодородия (Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1978. С. 159).

Буряты также почитают это животное, и конина у них является одним из лучших продуктов питания. Помимо того, в бурятских обрядовых традициях лошадь играет важную роль, выступая объектом жертвоприношения.

Таким образом, хозяйственно-бытовые функции лошади и у семейских, и у бурят однозначно одинаковы, но различны и своеобразны поведение, осмысление существования лошади в этом мире и отношение людей из разных этногрупп к этому замечательному животному.

Сенокосы и пастбища в основном расположены по некрупным долинам притоков Селенги, Чикоя, Хилка, занимая поймы этих речек. Их значение для домашнего животноводства огромно. Ежегодно летом идет заготовка сена. Каждая семья имеет свой сенокосный участок площадью в один и более га.

В последнее время, после советского и перестроечного периодов развития экономики страны многие стремятся создать и создают свои фермерские хозяйства. Мясомолочное животноводство определяет направленность развития этих хозяйств. Созданы молокозаводы в селах Урлук, Красный Чикой, Захарово.

Кроме того, осуществляется переработка многих сельскохозяйственных продуктов.

Одно из крупнейших и экономически устойчивых хозяйств Читинской области — СПК «Агрофирма «Родина». История агрофирмы началась в 1929 г., когда на территории сел Урлук и Усть-Урлук были образованы три хозяйства, объединившиеся впоследствии в колхоз «Родина». В августе 1990 г. на базе колхоза «Родина» была создана агрофирма «Родина», получившая в 2000 г. статус сельскохозяйственного производственного кооператива.

Агрофирма «Родина» имеет мукомольный цех, производящий муку трех видов, обдирочный цех для обработки гречихи, цехи по консервированию грибов, ягод, плодо-овощных культур. Работают маслозавод, колбасный цех и звероферма. Переработка собственной продукции позволяет занять трудоспособное население (Соловова А.Т., Гурова О.Н. Указ. соч. С. 195–198).

В целях реализации продукции агрофирмой организована сеть магазинов, охватывающая села Урлук, Усть-Урлук и Красный Чикой. Кроме того, в период областных и зональных выставок-ярмарок продукция

распродается в областном центре — городе Чите, в городах соседней Бурятии — Улан-Удэ и Кяхте.

Таким образом, система сел в целом сохраняется. Можно говорить о том, что села размещены удачно, что поддерживает жизнеспособность семейских поселений и по сей день. Крестьяне-старообрядцы принесли с собой в Забайкалье культуру земледелия и огородничества, а вместе с этим и технологии домашнего ремесла и строительной техники. Живущие по соседству буряты заимствовали многое из природопользования и характера ведения хозяйства староверов, в том числе и земледелие. А русские в свою очередь многое усвоили из скотоводческой практики бурят. В настоящее время у бурят и семейских в ведении хозяйства можно проследить больше сходства, чем различия. Однако хочется отметить сохраняющееся до настоящего времени различие в традиционных стереотипах поведения русских и бурят. Детальное установление и анализ этих различий — предмет дальнейшего исследования.

Н.А. КОНСТАНТИНОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРКУТСКОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ В НАЧАЛЕ XX в.

При мусульманских мечетях, помимо школ, почти всегда организовывались различные благотворительные общества. Они существовали во всех крупных городах: Санкт-Петербурге, Астрахани, Уфе и др. Существовало мусульманское благотворительное общество и в Иркутске, появившееся вскоре после открытия мечети.

Мусульманское благотворительное общество г. Иркутска имело свой Устав, в котором были подробно расписаны цель существования общества, состав общества, средства, на которые оно существовало и т.п.

Согласно Уставу, целью работы благотворительного общества было «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных мусульман г. Иркутска без различия пола, возраста, званний и состояний». Общество оказывало помощь в обеспечении неимущих одеждой, пищей, приютом, медицинским пособием, помещением в больницу за счет общества, содействии в погребении усопших, определении престарелых и немощных в сиротские дома, дома призрения, а малолетних — в сиротские дома, приюты, ремесленные и учебные заведения. Для выполнения всего вышеозначенного обществу предоставлялось право с разрешения властей открывать общественные столовые, чайные, дешевые квартиры, ночлежные дома, приюты, общежития, дома трудолюбия, больницы, амбулатории.

Силами мусульманского благотворительного общества при Иркутской мечети была организована библиотека, приют для сирот и инвалидов, бесплатная столовая для бедных.

23 ноября 1911 г. состоялся татарский благотворительный вечер. Все собранные средства были направлены в пользу голодающих Уфимской губернии. 26 мая 1914 г. мусульманское благотворительное общество устроило на ипподроме общества поощрения коннозаводства большое народное гулянье «Сабантуй» (встреча весны). Были сформированы команды, которые принимали участие в конкурсах песен, танцев, состязаниях по национальной борьбе куреш, других спортивных соревнованиях, играх.

Еще одним важным предметом заботы мусульман являлось содержание мусульманских кладбищ. В начале XX в. их было два: старое и новое. Новое, хотя и закрытое, сохранилось до настоящего времени, известное под названием Лисихинское татарское кладбище. Старое магометанское кладбище обозначено на плане Иркутска 1899 г. Существует следующее письменное свидетельство о кладбище в газете «Иркутские губернские ведомости» от 30 мая 1903 г.: «Представитель магометанского общества г. Шафигуллин решил обнести изгородью старое магометанское кладбище, ныне закрытое, на что им и получено распоряжение. Кладбище это находилось на Петрушиной горе и подверглось захвату со стороны арендаторов городской земли» (ГАИО, ф. 767, оп. 1, д. 3, л. 24).

Сведения о мусульманском кладбище сохранились в ГАИО, в частности в ф. 767, оп. 1, д. 3 хранятся справки, выдаваемые родственникам умерших мусульман о причине смерти и факте захоронения на мусульманском кладбище.

Таким образом, полномочия мусульманского благотворительного общества были достаточно широки. Его деятельность вносила существенный вклад в улучшение жизненных условий мусульман, проживающих в Иркутске, оказывало помощь в интеграции переселенцев в новую для них среду, малоимущим и малолетним детям, оставшимся без попечения родителей.

Что касается участия мусульман в общих для Иркутска организациях, то его нельзя назвать чрезвычайно активным, в силу оговоренных нами ранее, объективных причин.

Нам удалось установить, что Шейхулла Шафигуллин дважды избирался гласным Городской думы; входил в состав согласительной по делам несостоятельных должников комиссии Иркутского биржевого комитета; представлял общественность в первом Иркутском городском раскладочном по промысловому налогу присутствии (ведомство Министерства финансов), являлся членом от плательщиков. Кроме того, Ш. Шафигуллин входил в состав членов Общества второго коммерческого училища. 17 мая 1906 г. в помещении иркутского ремесленного училища состоялось организационное собрание партии народной свободы (кадетов). В ходе собрания был избран комитет, в составе которого некоторое время числился Ш. Шафигуллин.

К сожалению, других фактов участия мусульман в политических или общественных организациях города Иркутска нам обнаружить не удалось.

Кроме того, анализ восточно-сибирских периодических изданий не позволяет сделать вывод о сколько-нибудь значительном участии мусульманского населения в общественной или торгово-коммерческой деятельности региона. В коммерческой жизни больше о себе заявляли купцы еврейского происхождения.

Собственных периодических изданий мусульманское население Восточной Сибири не имело, в отличие от центральных губерний России. Особенное развитие печатное дело получило после высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. С этого времени появилось порядка 30 татарских газет и журналов различных видов и названий, различных направлений, начиная от либерального «Азад халык» («Свободный народ») и «Азад» («Свобода») и заканчивая консервативным «Юлдуз» («Звезда»). Издание этих газет и журналов было сосредоточено в месте усиления татарской книгоиздательской деятельности — в Казани и Оренбурге, а также — в Уральске, Астрахани, Санкт-Петербурге и других городах. Книгоиздательская деятельность в целом в центральных районах империи была хорошо развита. Главным образом издавались книги и брошюры вероучительного характера, среди которых значительную часть составляли учебники для мектебе. Постепенно стало получать распространение изданий на русском языке, с целью усиления пропаганды среди мусульман определенных политических сил.

В мусульманские школы и училища Восточной Сибири учебники доставлялись из Уфы, Казани, Оренбурга. Распространялись они и через объявления в газетах по почте, в частности «Самоучитель татарского языка», изданный в Казани в 1885 г. — через газету «Сибирь».

А. В. КОСТРОВ

ПОКРОВСКАЯ ОБЩИНА ИРКУТСКА В НАЧАЛЕ XX в.: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

Старообрядческие общины региона, как впрочем, и старообрядчество других территорий, в начале XX в. представляли собой одну из движущих сил развития российского общества. И хотя староверы Иркутской губернии (которых в тот период насчитывалось около 4 тыс. чел.) не играли такой важной экономической роли как в Московском промышленном районе или в соседнем Забайкалье, все же, в дореволюционный период эти общины достаточно стабильно развивались и оказывали определенное влияние на экономическую жизнь города и губернии. Особую роль в развитии регионального староверия играли городские общины, которые были не только духовными, но также и социально-экономическими центрами своего согласия. Они же были для своих единоверцев и опорными пунктами и перевалочными базами в переселенческом движении из центральных губерний на восточные территории.

Начиная с 1905 г. в истории старообрядчества и всего российского общества начался новый период. После выхода в 1906 г. закона о порядке регистрации и функционирования старообрядческих общин они начинают оформляться по всей стране. При этом больше всего общин регистрировалось в экономических центрах страны — городах, где они были необходимы староверам для решения своих, в том числе экономических проблем. В Иркутске было зарегистрировано две общины: «Поморского согласия, не приемлющая священства» и «Покровская, приемлющая белокрыницкую иерархию». При этом деятельность последней была более заметной, причиной чему, кроме прочего, была ее принадлежность к согласию, которое в тот период наиболее активно развивалось.

Центром общины был храм Покрова Пресвятой Богородицы, находящийся на Русиновской улице. Он был освящен прибывшим из Томска старообрядческим епископом Иосафатом 15 мая 1907 г. (Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 86). Настоятелем храма был поставлен старообрядческий иерей Георгий Шарыпов. Характерно, что землю под строительство храма приобретал на свое имя, а во многом и на свои деньги, иркутский купец И.Е. Тюлькин, живший на Тихвинской улице. При этом покупка производилась еще до регистрации общины. Это было вызвано тем, что по новому закону староверы имели право зарегистрировать общину, но не были обязаны этого делать. И даже необходимость каких-либо общественных коммерческих операций или вопросы строительства храма не всегда вели к ее регистрации. Более того, даже зарегистрированные общины имели право проводить какие-либо коммерческие операции с капиталом более 5 тыс. р. только с «высочайшего» разрешения. Поэтому староверы нередко решали эти вопросы по старинке, через доверенных лиц. Последние, кстати, чаще всего были состоятельными представителями старообрядческого сообщества. В этом смысле пример купца Тюлькина, купившего землю для строительства храма общины еще до ее регистрации, достаточно показателен. Кроме прочего в нем проявилась манера староверов «вести дела».

«Покровская община старообрядцев, приемлющих белокрыницкую иерархию» была зарегистрирована 25 февраля 1908 г. (Иркутская летопись. 1661–1940 гг. / Сост. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 206). Управляющим органом в Покровской общине был Совет в составе председателя, товарища председателя и четырех членов. Так как в общинах поповцев священник традиционно играл важную роль, то председателем Совета был протоирей Георгий Шарыпов. Товарищем председателя был И.П. Складчин, членами — Д. Зверев, И. Шаронов, И. Сидов и Ф. Костин (ГАИО, ф. 279, оп. 1, д. 1). Председатель Совета должен был следить за соблюдением законности функционирования общины, заверять документы, представлять интересы общины в суде и при коммерческих сделках, а также быть ее представителем в сношениях с властями. Члены Совета должны были по-

могать председателю и имели круг своих конкретных обязанностей. Кроме того, члены Совета имели право голоса при решении важных вопросов.

В 1911 г. Покровская община обзаводится своей печатью для документов. Видимо, это связано с ростом делопроизводительной и другой документации, требующей заверения. Это может говорить о росте общественной и коммерческой деятельности общины в тот период.

В отличие от деревень Верхнеудинского уезда Забайкальской области, или ряда деревень Иркутской губернии (например — д. Хор-Тагна), где староверы проживали компактными группами, в Иркутске они проживали дисперсно. Объединяющим началом общины в данном случае была не территория проживания, а приходская церковь. Более того, Покровская церковь обслуживала не только старообрядцев города, но и староверов белокриницкого согласия, проживающих в губернии, а также следовавших через Иркутск в разных направлениях. Всего в общину входило несколько сотен человек и количество ее представителей постоянно увеличивалось.

Относительно стабильное демографическое развитие общины в дореволюционный период отчасти было обусловлено соотношением рождений и смертей ее представителей. И хотя уровень рождаемости в городских общинах был несколько ниже, чем в сельских, в целом он был достаточно высок. Характерно, что наряду с высокой рождаемостью (15 и более детей) имела место высокая детская смертность. При этом около 90% из умерших детей были в возрасте до 1 года. Этот факт показателен. Старообрядческие общины, будучи традиционалистскими сообществами, сохраняли характер демографического движения, присущий традиционным обществам. Наряду с высоким уровнем рождаемости сохранялась высокая детская смертность, которая выступала естественным регулятором воспроизводства сообщества (слабые умирали в детстве, а здоровые выживали и становились работниками, способными дать здоровое потомство). Показательно, что при этом очень низок процент смертности среди подростков и молодых людей, которые, как правило, были здоровы. И все-таки, основным фактором демографического роста Покровской общины в тот период был приток староверов из других, и, прежде всего, центральных губерний.

В составе Покровской общины местных было около 30%, при этом только половина из них была иркутянами. Другую половину составляли выходцы из разных уездов Иркутской губернии, которые поселились в городе. Больше всего в город переезжало из Иркутского, Нижнеудинского и Балаганского уездов. В губернский центр из Иркутского уезда переезжали больше всего из Тельминской, Усть-Балейской и Оекской волостей. Из Нижнеудинского уезда больше всего переехавших давали Куйтунская и Братская волости. Из Балаганского уезда — Бельская, Идинская, Осинская и Черемховская волости. Балаганский уезд давал около половины переехавших в Иркутск и его окрестности староверов. Кроме прочего, это

объясняется тем, что в свое время, размещая сосланных староверов на территории губернии, власти отдавали предпочтение именно этому уезду. В силу этих и других обстоятельств в этом уезде сложились достаточно большие местные общины, которые становились источником пополнения городского старообрядчества. Сам же факт внутригубернской миграции староверов и особенно ее характер говорят о нарастающем процессе урбанизации, который сопутствовал экономическому развитию края.

Около 70% состава Покровской общины были выходцами из других губерний и областей. Из Забайкальской области, а именно из Верхнеудинского уезда, было около 2% общинников. Такое небольшое количество объясняется тем, что белокриницкое согласие было не столь распространено в Забайкалье. Поэтому представители «семейских» старообрядцев, осевшие в городе в общину не шли, а в силу сложившейся в беглопоповщине традиции отправляли культ в домашних условиях. Надо сказать, что подобные «семейские» иркутяне чаще всего были торговыми представителями семейских общин Забайкалья, представляя в Иркутске их интересы. Основной массив общины состоял из выходцев из других Сибирских, Уральских и особенно — европейских губерний и областей Российской Империи. Больше всего было выходцев из Могилевской губернии — около 10%. Далее следовали Саратовская — около 7%, Пермская — 5%, Вятская — около 4% губернии и Область Войска Донского — 4%. По несколько процентов дали Московская — около 3%, Енисейская — около 3%, Рязанская — 3%. Далее следовали: Витебская — 2%, Тобольская — 2%, Тюменская — 2%, Черниговская — 2%, Минская — 2%, Нижегородская — 2% губернии. Киевская, Лифляндская, Смоленская, Казанская и др. губернии, а также Царство Польское дали по 1% переселенцев. В целом, в составе Покровской общины в начале XX в. были представлены 25 губернии и областей империи (ГАИО, ф. 279, оп. 1, дд. 1–5). Для новоприбывших община играла очень важную роль. Им всегда было к кому обратиться за поддержкой. Вместе с тем, община играла важную роль при решении проблемы поиска брачной пары для подрастающего поколения. И если для староверов, проживающих в местах компактного расселения, эта проблема не стояла так остро, то переселенец зачастую мог найти брачного партнера своего согласия только в общине.

В социальном отношении община не была однородной и включала в себя представителей практически всех групп населения. Самой большой группой — около 50% были крестьяне. На втором месте по количеству были мещане — 38%. Казаки составляли 5% и в основном были мигрантами из разных казачьих областей. Купеческое сословие было представлено иркутскими купцами и составляло около 5%. Самой малочисленной группой в общине было дворянство, представленное потомственными почетными гражданами и составляющее около 2%.

В числе членов общины, переселившихся в такой региональный экономический центр как Иркутск, мы видим и коммерсантов из других тор-

говых городов и крестьян, мигрировавших как по делам торговым, так и в силу малоземельности у себя на родине. Те и другие находили поддержку в общине, которая выполняла не только функции религиозного центра, но и (как это часто было в старообрядческой среде) центра социального и экономического. Она консолидировала группу по профессиональному признаку и обеспечивала всемерную поддержку ее членам. Община выступала организацией, которая не только помогала справляться со своими проблемами местным старообрядцам, но и помогала староверам-переселенцам с наименьшими потерями и наибольшими приобретениями пройти адаптацию в новых для них условиях. Приток же новых членов позволял самой общине достаточно стабильно развиваться в религиозно-культурном и социально-экономическом отношениях.

Е.Л. МАКАРЕНКО
Т.И. КУЗНЕЦОВА

РАЗВИТИЕ ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВОЙ И ЛЕСООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРИБАЙКАЛЬЕ*

Развитие охотничье-промысловой деятельности в Прибайкалье связано с началом интенсивного промысла соболя, совпавшего с основанием Иркутского острога (Борисов В.А., Максаковский Н.В. Страницы истории и перспективы развития системы охраняемых природных территорий в Прибайкалье // Мониторинг состояния озера Байкал. Иркутск. Гидрометеоздат, 1991). Охота для коренных жителей — тунгусов с приходом русских стала средством приобретения неизведанных даров цивилизации (Медведкова Э.А. Особенности хозяйственного освоения территории Среднего Приангарья // Среднее Приангарье. Иркутск, 1975).

Начало заселения Прибайкалья русскими характеризуется значительным истреблением животных при отсутствии для Сибири всяких ограничений со стороны государства. До 1876 г. охота в Иркутской губернии не облагалась денежными взысканиями, что наносило серьезный урон численности промысловой дичи. «Понятие свободной и бесплатной охоты в Восточной Сибири вошло в обычай, потому что, насколько ограничено право свободной охоты во внутренних губерниях Европейской России, настолько же оно произвольнее в Восточной Сибири» (ГАИО, ф. 176, оп. 3, д. 1756, л. 14). Право такой охоты действовало еще в рамках «Устава о городском и сельском хозяй-стве», изданном в 1857 г., где (статья 539) говорилось, что «зверь и птички промыслы не подлежат платежу в казну, никаким сборам или оброкам». Только с 1876 г. в Иркутской губернии с охотников в казенных лесных дачах начинает взиматься плата, дифференцируемая в зависимости от местных условий. В евро-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ. Проект № 05-06-80095.

пейской части России плата с охотников стала взиматься в первой половине XVIII в. Еще в VII в., при царе Алексее Михайловиче был учрежден охотничий заповедник, изданы указы о запрете добычи речных бобров и регулировании добычи соболя, ловчих птиц. Особенно много указов о запрете охоты на отдельные виды животных на территории России издано с 1730 по 1775 г. Так, например, в 1737 г. издан указ о запрещении охоты на лося во всей России, а в 1835 г. — закон о заповедании и охране рыбных нерестилищ. Все они практически не исполнялись в Сибири. Конец XVIII и начало XIX вв. — время варварского истребления байкальской нерпы, что запечатлено в деле «О прошении профессора Университета Святого Владимира о сообщении сведений и рыболовстве и нерпичьем промысле на оз. Байкал» (ГАИО, ф. 176, оп. 1, д. 542, л. 30). За один сезон охоты истреблялось до 4–5 тыс. нерп.

В 1871 г. в Иркутской губернии образовано Общество сибирских охотников. Цель его — содействие развитию правильной охоты и ограждение дичи от чрезмерного истребления, а также охрана лесов от пожаров и вырубок в предоставленной ему для охоты в 1874 г. Охотничьей даче (22 449 га) в Ангарском лесничестве. Общество получило исключительное право не только бесплатной, но также охоты в окрестностях Иркутска. Состоящее из зажиточных граждан, оно преследовало в охоте лишь спортивные цели и не выполняло взятых на себя обязательств. В 1911 г. в связи с уменьшением дичи в Охотничьей даче Общество просит в аренду на 12 лет Шаманскую (30 649 га) и Ключевскую (12 231 га) лесные дачи Иркутского лесничества. В этом прошении им было отказано, так как при проверке лесным ревизором выяснилось, что уменьшение дичи — результат ее варварского истребления (ГАИО, ф. 176, оп. 3, д. 1756, л. 12).

Конец XIX и начало XX вв. характеризуется упадком охотничьего промысла, что связано с уменьшением промысловых животных и появлением других сфер занятости населения. На уменьшение дичи повлияли: лесные пожары, уменьшение площади лесных пространств в результате сельскохозяйственного освоения, увеличение населения и заселения ими притаежных мест, отсутствие культуры охоты. Наибольший урон охотничьему промыслу наносили пожары, основная часть которых пришлось на время организации в ленской тайге золотых приисков. Особо отмечены пожары летом 1915 г. Площадь сгоревшего леса составила 125 тыс. км², а объем уничтоженной древесины — 160 265 тыс. м³ (ГАИО, ф. 176, оп. 1, д. 1607, л. 12). В целом, учет пожаров в Восточно-Сибирском крае в начале XX в. велся крайне бессистемно. Причем если и учитывались, то повальные лесные пожары, убытки же от беглых пожаров, как и от вредителей леса не оценивались. Распространению пожаров способствовали плохое противопожарное оснащение лесничеств, недостаток в их штатной комплектации и др. Отсутствие культуры охоты — браконьерство, недозволенные способы охоты и охота в неустановленное время, отсутствие специальной охотничьей стражи и организаций по урегулированию промысловой охоты делали

необходимым создание закона об охоте. Первый общероссийский, но еще не совершенный Закон об охоте был издан в 1892 г.

В 1915 г. Комиссия по животноводству при Сельскохозяйственном комитете Главного управления земледелия и землеустройства выяснила современное положение охотничьего промысла в Иркутской губернии (ГАИО, ф. 176, оп. 2. д. 2340, св. 76. л. 5). В результате выявлена крайне плохая организация охотничьего промысла и реализации его продукции. Во многих лесничествах не имелось артелей по добыче, а если они были, то, в основном, родственные, не более 3–4 чел.; не имелось специальных контор по скупке мехов (единственной в то время была контора купца Н. Ивильского в Киренском уезде).

После Октябрьской революции начинается новый этап в развитии охотничьего промысла. Первое постановление об охоте, утвержденное СНК СССР, выходит 29 мая 1919 г. Оно, как и последующие постановления, регулировали сроки добычи животных, запрещали или ограничивали добычу отдельных их ценных видов. Так, в 1935 г. была запрещена добыча соболя. Ведутся научные работы по инвентаризации и оценке охотничьих ресурсов (Дежкин В.В. Охота в системе природопользования // Охотоведение. М.: Лесная пром-сть, 1972).

Иркутская область становится одной из первых в стране, интенсивно осваиваемой пушно-промысловой зоной. В 1924 г. создана Сибирская охотпромысловая кооперация, задачи которой — организация охотничьих хозяйств, охрана животных, организация выгодного сбыта продуктов охоты и пр. В 1958 г. создаются коопзверопромхозы и госпромхозы (Тимофеев В.В. Охотничьи хозяйства Иркутской области // Охота и охотничье хозяйство. 1974. № 2). В начале 1990-х гг. создаются охотничьи хозяйства различного нормативно-правового статуса. В настоящее время их в области более 90.

В структуре добычи промысловых животных ведущие места по численности занимает ондатра, косуля, соболь, белка, лось, кабан, рысь, кабарга. Северные территории в составе Северного и Лено-Ангарского охотхозяйственных районов — для промысловой охоты, прежде всего, на пушных зверей; южные, входящие в Саяно-Прибайкальский район, — преимущественно для ведения спортивно-любительских охот. Охотничий промысел в настоящее время регулируется «Типовыми правилами охоты» от 4 января 1988 г. № 1 и «Законом о животном мире» от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ. Остро стоит вопрос об утверждении «Федерального Закона об охоте и охотничьем хозяйстве», проект которого вынесен на обсуждение в Госдуму в мае 2001 г. и утверждении на его основе проекта «Закона об охоте в Иркутской области», разработанного в 2002 г.

Конец XIX в. — начало развития лесоохранной деятельности. Под ней подразумевается не только охрана леса, но и других компонентов природы, прежде всего, животных путем сохранения их среды обитания. Первые документы, имеющие отношение к этому, — инструкция «Об ус-

тройстве охранения и эксплуатации лесов в Иркутском генерал-губернаторстве» от 4 мая 1897 г., указание Управления госимуществ от 23 января 1912 г. «О прекращении отпуска леса ... без соответствующего на то распоряжения» (ГАИО, ф. 176, оп. 1, д. 3120, л. 77). Согласно им, в начале XX в. в Яндинской волости, на острове Яндов (р. Ангара) был образован заказник (там же), а также определены размеры штрафов за незаконные рубки (там же, ГАИО, ф. 176, оп. 1, д. 1608, л. 3). Систематические работы по проектированию заповедных и заказных территорий в Прибайкалье были начаты Ф.Ф. Шилленгером в 1911–1913 гг. (Методическое пособие по проектированию заповедников и республиканских заказников в РСФСР. Разд. II. М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР, 1973). В европейской части России уже 18 апреля 1703 г. Петр I учредил первый Измайловский лесной заповедник, а к концу того же года издан указ об охране отдельных лесных массивов с особо ценными породами. В 1722 г. была издана первая в России инструкция о порядке рубки и охране лесов. Согласно ей все леса делились на заповедные и незаповедные (БСЭ / под ред. С.И. Вавилова, К.Е. Ворошилова, А.Я. Вышинского и др. М.: Сов. Энциклопедия. 1948). В 1916 г. по инициативе и проекту Русского географического общества принят первый в России закон о заповедниках.

После Октябрьской революции наступает новый этап в развитии лесоохранной деятельности. Начало выделению защитных лесов положено статьей № 83 Декрета ВЦИК «О лесах» 1918 г., в которой узаконены пригородные защитные леса, позднее — в постановлении СНК СССР 1943 г. названные «зелеными зонами». Законом от 2 июля 1936 г. для улучшения водного режима выделяются водоохранные леса. Этот Закон явился первым выдающимся актом в мире по регулированию водного баланса страны при помощи лесов. В области водоохранных лесов до конца 1940-х гг. было мало, в основном, по р. Ангаре.

С 1943 г. все леса постановлением СНК СССР разделены на три группы. Решением Иркутского облисполкома от 19 марта 1947 г., помимо распределения на группы, были выделены зеленые зоны вокруг Иркутска, Черемхово и других городов. В целом, доля лесов 1-ой и 2-ой групп тогда составляла 3,2% всего лесного фонда области, а в 2005 г. доля лесов первой группы — 24,3%. Незначительное выделение защитных лесов объяснялось малой изученностью земель гослесфонда, что отразилось на поздней систематизации документов по его учету (ГАИО, ф.р-2819, оп. 1, д. 4, л. 512). Планомерное выделение таких лесов, большая часть которых — водоохранные, орехопромысловые леса и зеленые зоны, началось с конца 1940-х гг. Постановлением СМ РСФСР от 21 января 1969 г. образована крупнейшая водоохранная зона — в бассейне оз. Байкал, часть которой вошла в Прибайкальский национальный парк, созданный в 1986 г. (305,3 тыс. га). В состав лесного фонда области (69,5 млн га) также входят Байкало-Ленский и Витимский заповедники (1,5 млн га) и 14 заказников.

Богатейшие лесные пространства Сибири, с одной стороны служащие источником сырьевых и несырьевых ресурсов, а с другой — средой обитания многих ценных видов животных, нуждаются в особых режимах лесопользования.

А.М. КУРЫШОВ

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА КОРЕННОГО СИБИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1896–1917 гг.: ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Периодизация какого-либо исторического явления, достаточно прожитого во времени, имеет для науки важнейшее методологическое значение, поскольку именно она определяет восприятие исторического процесса. Здесь предлагается вариант периодизации землеустроительной реформы коренного населения Прибайкалья, инициированной Законом 23 мая 1896 г. (См.: Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб.: Изд. М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. С. 1–6; См. также: Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений... С. 25–57). Эта реформа тесным образом связана сразу с несколькими процессами: переселением русских крестьян из Европейской России в Сибирь в рамках программы П.А. Столыпина, оформлением бурятского общественно-политического движения, модернизацией традиционного хозяйства коренных сибирских народов и др. Таким образом, вопрос периодизации реформы представляется весьма актуальным с точки зрения изучения истории Сибири.

Критериями выделения периодов реформы предлагается считать темпы ее проведения и совокупность тех методов, которыми она проводилась. Такой подход позволяет обнаружить связи между землеустроительной реформой и другими историческими явлениями.

Реформа началась в 1898 г. с образования Иркутской поземельно-устроительной партии. В штате партии первоначально числилось всего 22 чина (РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1475. Л. 2об.). Землеустроительные работы начались в двух русских волостях Иркутского уезда — Оекской и Хомутовской. «Инородцев» реформа коснулась лишь в 1899 г., когда начали

собирались сведения по ведомствам Иркутского и Балаганского округов о количестве земли, скота и численности населения. Помимо этих сведений чины Иркутской поземельно-устроительной партии опирались на данные хозяйственной переписи 1887–1889 гг. Одновременно началась топографическая съемка местности. Практически сразу от «инородческих» ведомств стали поступать прошения с просьбой приостановить землеустроительные работы, хотя они еще и не начинались. Всего к январю 1900 г. подали такие прошения 16 ведомств (ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 32). В ответ на прошения Иркутский военный генерал-губернатор Горемыкин, воспользовавшись данным ему законом правом, принял решение отложить землеустройство до «производства новой съемки» и изучения быта «инородцев». Землеустроительные работы должны были быть ограничены топографической съемкой местности без проектирования земельных и лесных наделов. Главной причиной такого решения был назван недостаток сведений, освещающих хозяйственный быт бурят. Старший чиновник по составлению отводных записей Ушаков обратился к генерал-губернатору с просьбой возобновить работы, на что в марте 1901 г. получил отказ (ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 45). Лишь в мае 1901 г., после личного доклада губернатору, Ушаков получил разрешение на производство землеустройства в бурятских ведомствах до проектирования наделов включительно. Но дальше этого дело не пошло, и на несколько лет землеустройство фактически было заморожено. Производились лишь топографическая съемка и проектирование наделов, причем только в тех ведомствах, которые просили об этом. Интересно, что главным препятствием продвижению реформы вперед стала исполнительная власть губернии. Трудно сказать, почему генерал-губернатор выступал против форсированного землеустройства. Думается, что одной из основных причин недовольства местных властей землеустроительными работами являлось то, что они не были подконтрольны губернским чиновникам. В 1907 г. другой Иркутский генерал-губернатор, Селиванов, сетовал на то, что «в настоящее время каждое Министерство имеет на местах своих представителей, которые, действуя по директивам Департаментов, фактически устранены от руководства Главного Начальника края». Одним из недочетов землеустроительной реформы Селиванов считал то, что «землеустройство производится без достаточного руководства высшей и губернской администрации края» (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. Иркутск, 1908. С. 5, 22). Во всяком случае, в споре по поводу землеустройства между чинами землеустроительной партии, являющимися представителями государственной власти, и «инородцами» местная администрация приняла сторону вторых.

Перелом в осуществлении реформы землеустройства наметился с началом реформы П.А. Столыпина, предполагавшей масштабное переселение крестьян из Европейской части России в Сибирь. Поток желающих перебраться в Сибирь значительно превзошел число переселенцев пре-

дыдущих лет. С 1896 г. по 1 ноября 1909 г. в Иркутскую губернию переехало 25 040 душ мужского пола (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1908–1909 гг. Иркутск, 1910. С. 22), что составляло, например, почти половину от бурятского мужского населения губернии. Такое положение дел подталкивало власти к форсированию реформы землеустройства, поскольку только она могла предоставить свободные земли в колониционный фонд. А так как «инородцы» обладали большим количеством земель, именно за их счет в первую очередь и должны были формироваться переселенческие участки. Указом от 6 мая 1905 г. Министерство земледелия и государственных имуществ было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия с подчинением ему переселенческого управления, до этого состоящего в ведении МВД (закон от 19 сентября 1905 г.). С этого момента реформа землеустройства напрямую была поставлена на службу переселенческой политике правительства. Иностранческие земли расценивались властями как одна из основных баз для отвода переселенческих участков. В циркулярном письме Главноуправляющего землеустройством и земледелием кн. Васильчикова сибирским губернаторам от 25/28 декабря 1906 г. прямо говорилось: «Нахожу возможным назначить под переселенческие участки... излишки в землепользовании инородцев» (Циркулярное письмо г. Главноуправляющего землеустройством и земледелием Сибирским губернаторам от 25/28 декабря 1906 г. // Сибирские вопросы. 1907. № 7. С. 36). И, тем не менее, несмотря на прямое указание закона на возможность образования переселенческих участков за счет изъятых из землепользования сибирских крестьян в ходе реформы землеустройства земель, власти действовали очень осторожно. Согласно Правилам о переселении на казенные земли, под переселенческие участки отводились в первую очередь «земли непосредственно казны», а потом уже прочие земельные пространства (О порядке образования переселенческих и запасных участков в губерниях: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и в областях Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской, Семиреченской и Забайкальской, ст. 128 // Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб.: Изд. переселенческого управления, 1909. С. 15).

В течение 1906–1907 гг. Старший чиновник по составлению отводных записей Иркутского поземельно-устроительного отряда Иконников составил, по крайней мере, три доклада Иркутскому генерал-губернатору и в Департаменте государственных земельных имуществ, в которых обосновывал необходимость реформирования землепользования прибайкальских бурят и обвинял местные власти в некомпетентности (ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 76–77, 82–85, 96–99, 119). Однако и на этот раз местная администрация не пошла навстречу чаяниям чинов землеустройства. Иркутский генерал-губернатор Селиванов 6 ноября 1907 г. предложил в Китойском, Ныгдинском, Аларском, Нельхайском и Боханском ведомс-

твах ограничится съемкой местности и собиранием сведений о быте, в Куйтинском — производить работы, если пожелают инородцы, в Укырском и Унгинском ведомствах — собирать сведения. Налицо продолжение практики затягивания реформы, ограничение ее топографическими съемками и постановка землеустроительных работ в зависимости от желания «инородцев». Только вмешательство центральных властей изменило ситуацию. В циркуляре Главноуправляющего землеустройством и земледелием от 29 января 1908 г. на имя Иркутского генерал-губернатора в частности говорилось: «...По ныне действующему закону кочевые инородцы четырех сибирских губерний в общем правиле подлежат обязательному поземельному устройству, как и крестьяне... Совершенно недостаточно для приостановки поземельного устройства заявления бурят о нежелании или несогласии на это... Нет никакой надобности спрашивать мнение инородцев относительно введения у них землеустройства» (ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 162).

В 1908–1909 гг. землеустроительные работы резко активизируются. С этого момента местная администрация переходит на сторону землеустроителей. В дополнение к уже имеющейся Иркутской поземельно-устроительной партии были сформированы еще две — Балаганская и Верхоленская, а также Иркутская партия по образованию переселенческих участков. Все четыре партии были подчинены Заведующему землеустройством и переселением в Иркутской губернии. Первоначально работы проводились в Иркутском, Балаганском и, частично, Верхоленском уездах. В 1910–1911 гг. землеустройство было распространено на большую часть ведомств Верхоленского уезда, а также на два бурятских ведомства Нижнеудинского уезда — Солонецкое и Гадалейское. Работы по землеустройству теперь включали все этапы — от топографической съемки до выдачи населению отводных записей. Однако, по ряду причин, работы шли не так быстро, как хотелось бы чинам землеустройства. Во-первых, очень небольшим был штат поземельно-устроительных партий. Во-вторых, чины партий привлекались и для обустройства переселенческих участков в ущерб своей основной деятельности. В-третьих, землеустройство было растянуто во времени в силу необходимости соблюдения определенных процедур, а работы в большинстве ведомств начались слишком поздно (вместо 1898 г. фактически только в 1907–1908 гг.). В-четвертых, роль тормозящего реформу фактора играли не прекращающиеся жалобы и прошения «инородцев» о приостановке землеустройства. Хотя количество таких прошений значительно снизилось по сравнению с первыми годами XX в., а сами прошения, как правило, не удовлетворялись, тем не менее, они должны были рассматриваться на поземельно-устроительной комиссии и в Общем присутствии Губернского Управления, что затягивало процедуру выдачи отводных записей. Интересно, что, несмотря на изменение отношения властей к вопросу о необходимости одобрения землеустройства со стороны «инородцев»,

все же и в этот период предпочтительность отдавалась лояльным методам работы. Так, например, на заседания Комиссии по землеустройству и переселению, где обсуждались вопросы распределения переселенческих участков, перечисления кочевых «инородцев» в разряд оседлых и образование из ведомств волостей, приглашались уполномоченные от бурятского населения.

К 1913 г. около 90% бурят было охвачено землеустройством. Однако это не означало успеха реформы. На территории Иркутской губернии, заселенной бурятами было запроектировано 349 наделов, 262 из них (75%) утверждено, на 86 наделов (24% от общего числа и 30% от числа утвержденных) выданы отводные записи (ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 219). На территории Окинского ведомства Иркутского уезда землеустройство было приостановлено вследствие особенностей хозяйственной деятельности жителей (скотоводство, рыболовство, лесные промыслы), в Ангинском, Еланцинском, Кутульском ведомствах Верхоленского уезда землеустроительные работы вообще не проводились.

Первая мировая война отразилась на продолжении реформы двояким образом. С одной стороны, из-за призыва на действительную военную службу значительно сократился штат поземельно-устроительных партий. Если на 1 января 1914 г. он насчитывал 99 чинов, то на 1 января 1917 г. — лишь 43 (ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 240об.). По этой же причине в тех ведомствах и бурятских волостях, где был произведен призыв инородцев в армию на тыловые работы (с 1916 г.), ощущался недостаток рабочих рук для производства землемерных работ. С другой стороны, на основании распоряжений Главного Управления землеустройства и земледелия и Иркутского генерал-губернатора, с середины 1915 г. активизировались работы «по окончательному отграничению наделов инородцев, не несущих воинской повинности за счет сокращения проектных работ по наделам крестьян, так как последние могли встретить затруднения по поставке рабочих к межевым работам» (Там же. Л. 82об.). В целом же в годы войны темпы реформирования землеустройства, как бурятского населения, так и русских волостей значительно снизились. Была продолжена работа в ведомствах и бурятских волостях, уже знакомых с землеустройством. Начались землеустроительные работы (съёмка и проектирование наделов) в Ангинском, Кутульском и Еланцинском ведомствах Верхоленского уезда. В основном была закончена работа в Унгинском ведомстве. Основные сложности поземельно-устроительных партий заключались в недостатке штатных работников и рабочих, поэтому упор делался в эти годы на камеральную работу, подготовку документов по уже запроектированным наделам. Например, за 1916 г. в Иркутской губернии было запроектировано 29 902 десятины наделов, что составляло 0,8% от ранее запроектированных земель, отграничено 59262 десятины (2,2%), подготовлены отводные записи на 199 941 десятину (12,2%) (Там же. Л. 249–249об.). План работ на 1917 г. предусматривал еще меньшие масштабы работ — проектиро-

вание 23 550 и ограничение 74 430 десятин. Штат работников, предусмотренный планом, утвержденным заместителем министра земледелия Временного правительства Н. Грудистовым, составлял всего 35 чел. (Там же. Д. 153. Л. 2, 6). Такими темпами реформа могла продолжаться еще не один десяток лет, однако ей не суждено было завершиться — весной 1917 г. по распоряжению Временного правительства все работы по землеустройству бурятских земель, за исключением случаев, когда население само просило о таковых, были приостановлены, как потом оказалось, окончательно (Там же. Д. 154. Л. 2).

Таким образом, в процессе осуществления властями реформы землеустройства бурятского населения Иркутской губернии, опираясь на ряд характерных черт, представляется возможным выделить три этапа.

Первый этап (1898–1908 гг. — начало реформы) характеризуется конфронтацией между местной администрацией и чинами землеустройства по вопросам применения положений реформы к бурятскому населению губернии. Землеустроительные работы ограничиваются исключительно топографической съемкой местности и, при наличии согласия «инородцев», проектированием наделов.

На втором этапе (1908–1914 гг. — кульминация реформы) при поддержке центральной власти и с согласия местной администрации в реформу вовлекается подавляющее большинство бурятских ведомств. Землеустроительные работы включают в себя съемку земель, проектирование и ограничение наделов, подготовку и выдачу населению отводных записей. Только начиная с этого времени могут констатироваться реальные результаты реформы.

Третий этап (1914–1917 гг.) — это постепенный спад темпов реформы, обусловленный объективными трудностями военного времени. Землеустроительные работы заключаются, главным образом, в ограничении запроектированных наделов и подготовке отводных записей. С приходом к власти в стране Временного правительства реформа фактически сворачивается.

И.В. КУРЫШОВА

ОБРАЗОВАНИЕ ЗАПОВЕДНИКОВ И ЗАКАЗНИКОВ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Охота в Байкальском регионе еще задолго до прихода русских играла значительную роль в хозяйстве местного населения. Несмотря на то, что с постепенным развитием земледелия, этот промысел сократился, на рубеже XIX–XX вв. он продолжал занимать видное место среди промыслов сибирского населения, как инородческого, так и русского.

По данным Всемирной охотничьей выставки в Вене, к 1910 г. доля сибирской пушнины в мировой добыче мехов составляла 44% и оценивалась

на мировом рынке в 50 млн р. В 1913 г. общая стоимость сибирской пушнины достигла 68 млн р. (Винокуров М.А. Сибирь в первой четверти XX в.: освоение территории, население, промышленность, торговля, финансы. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1996. С. 82). В конце XIX—начале XX вв. пушная охота, полностью переориентированная на удовлетворение потребностей рынка, не только явилась показателем высокой степени товарности охотничьей деятельности, но и стала фактором уменьшения популяций многих животных. В этой связи охрана пушного зверя, как одного из источников благосостояния не только Сибири, но и всей России, становится объектом пристального внимания местных и центральных властей.

Все предпринятые в этом направлении действия можно объединить в четыре группы:

- меры по ограничению способов охоты, в том числе — запрещение использования некоторых орудий лова;
- меры по ограничению охоты на определенный срок;
- меры по разведению пушного зверя (создание питомников);
- меры по ограничению охоты на определенной территории (создание заповедников и заказников).

Мы остановимся на анализе четвертой группы природоохранных мероприятий.

Образование заповедников и заказников на территории Байкальского региона со временем стало одним из приоритетных направлений природоохранной деятельности государства, но инициаторами этого процесса были частные лица, в первую очередь — купцы и промышленники, заинтересованные в воспроизведении популяций пушных зверей. В 1911 г. балаганский купец 2-ой гильдии, представитель Ирбитского ярмарочного комитета, Швец Ананий Иосифович обращался к Начальнику Края с заявлением о необходимости образования заказника в районе Култук для сохранения соболя. Констатируя факт уменьшения соболя, Швец в докладной записке отмечал: «Мест для заказников в Сибири есть несколько. Самым удобным из них я считаю только одно, а именно местность около Байкала в районе Култук, Слюдянки, Утулика, Выдриной и других селений..., потому, что оно находится не где-нибудь в далекой тайге, а в самом центре поселений, вблизи многих сел, деревень и чуть не в 100 верстах от Иркутска» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 2189. Л. 7). Купец предлагал запретить на данной территории охоту на соболя, аргументируя это тем, что 300 соболей в закрытом для охоты заказнике в первое же десятилетие позволят увеличить численность этих животных до 12 тыс. шт. Иркутский губернатор разделял мнение А. Швеца, высказывая, в свою очередь, мысль о запрещении охоты вообще в этой местности. Губернатор считал целесообразным образовать заказник на территории, прилегающей к речкам, впадающим в Байкал с южной стороны от границы губернии с Забайкальской областью до с. Култук, в силу того, что «центром нахождения соболя нужно считать урочища в районе Выдринский. С удалением

же на запад от реки Снежной, количество соболя уменьшается. Такое же уменьшение наблюдается и на реках Переемной, Мишихи... Мысовой» (Там же. Л. 22). Границы заказника, по предложению Иркутского губернатора, должны были выглядеть следующим образом: западная — река Похабиха, восточная — река Мысовая, северная — полоса отчуждения Забайкальской железной дороги или озеро Байкал, южная — хребет Хамар-Дабан, верховья реки Похабихи. Таким образом, площадь проектируемого заказника совпадала с частью территории современного Байкальского заповедника. Идеи, высказанные еще в 1911 г., реализовались лишь в 1969 г. при образовании Байкальского заповедника.

В отношении организации соболиных заповедников необходимо отметить важное значение деятельности основоположника российского охотоведения А.А. Силантьева. Под его руководством в 1913 г. в департамент земледелия были представлены документы по созданию специальных сибирских заповедников, в частности, «Проект обследования соболиных районов России в 1913–1915 гг.» и «Проект изучения соболя, как объекта промысла и обследования соболиных промысловых районов России» (Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. С. 287). Аргументы, представленные в данных документах и активность научной общественности подтолкнули российское правительство к действиям. Несмотря на сложность военного времени, Департамент охоты и рыболовства Министерства земледелия изыскал денежные средства на организацию трех экспедиций: в Забайкальскую область, Енисейскую губернию и на Камчатку (Там же. С. 288). Перед участниками экспедиций были поставлены задачи изучения мест обитания и способов добычи соболя, разработки проектов государственных заповедников для охраны дикой природы и спасения этих ценных зверьков.

Одним из результатов проведенных исследований было создание Саянского заповедника. Саянский заповедник располагался в пределах нынешнего Нижнеудинского района Иркутской области, а также охватывал восточную часть Курагинского района Красноярского края. Большое значение при организации заповедника имели живописная красота, наличие горных озер, а также отдаленность этой местности от заселенных районов, отсутствие постоянного населения. В 1915 г. обязательным постановлением Иркутского генерал-губернатора Князева территория Ирбейского лесничества (Енисейская губерния, Канский уезд), проектируемая для организации Саянского заповедника, была изъята из свободного пользования населения и объявлена дачей единственного владения казны (РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1063. Л. 3–4). В этом же году Департаментом земледелия было выделено на предварительную охрану заповедника 1795 р., создана лесная стража в количестве трех человек на северной границе. На совещании при Департаменте земледелия в 1916 г. было одобрено предложение о создании Саянского соболиного заповедника, утвержден план организации, выделено на 1916 г. 22,7 тыс. р., а 1 мая 1916 г. на-

значен заведующий заповедником. Им стал участник экспедиции Август Гансович Лепп. В этом же году начал действовать организованный при заповеднике соболиный питомник, в котором, кроме разведения соболя, предполагалось разведение маралов и кабарги. Но политические события 1917 г. не позволили официально оформиться Саянскому заповеднику на государственном уровне. По имеющимся данным, Ирбейский волостной комитет общественной безопасности постановлением от 14 апреля 1917 г. упразднил Саянский заповедник. Ходатайство перед Комиссаром Временного правительства по Томской и Енисейской губерниям Зубатовым Е.А. о принятии мер по сохранению заповедника не имело положительных последствий (Там же).

Более удачно сложилась судьба второго заповедника, организованного в Байкальском регионе в первые десятилетия XX в. для охраны соболя, — Баргузинского.

Ирбитский ярмарочный комитет, неоднократно поднимал вопрос о мерах по сохранению сибирского соболя. В 1911 г. выступая с докладом по вопросу об урегулировании охоты на соболя, А. Швец предложил образовать соболиный заказник в районе между реками Баргузин и Верхняя Ангара (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 2159. Л. 5). В 1913 г. Ф. Шилленгер, обследовав полуостров Святой Нос на озере Байкал, назвал эту территорию идеальным местом для разведения соболя. Устройство питомника на данной территории, по мнению Шилленгера Ф., могло бы принести немалый доход: «Если бы высадить туда до 100 соболей, то на следующий год можно было бы покрыть расходы по устройству этого питомника, а при рациональном, умелом хозяйстве через 3 года он уже давал бы миллионный доход» (Там же. Л. 63).

С 1914 по 1916 гг. в Забайкальскую область с целью изучения поведения соболя и промысла на него была направлена Баргузинская экспедиция, начальником которой был назначен Н.А. Смирнов. Однако из-за болезни последнего его заменил Г.Г. Доппельмаир. В составе экспедиции были Забелин К.А., Сватош З.Ф. и другие ученые, посвятившие всю последующую жизнь сохранению, восстановлению, изучению соболя в Баргузинской тайге. Экспедиция изучила северо-восточное побережье озера Байкал от полуострова Святой Нос до реки Фролиха, собрав интереснейшие сведения по биологии соболя, особенностям соболиного промысла (см.: Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала: Материалы Баргузинской экспедиции Г.Г. Доппельмаира 1914–1915 гг. Верхнеудинск: Издание Госплана БМ АССР, 1926. 272 с.). Баргузинская экспедиция дала толчок к созданию Баргузинского заповедника.

С начала XX в. Управление Государственных имуществ и Земледелия ходатайствовало перед Начальником Края о передаче 18 речек, находившихся в исключительном пользовании тунгусов Подлеморско-Шемаргинского рода в ведение Управления Государственных имуществ для образования здесь заповедника. На основании высказанных предложений,

результатов экспедиции, исходя из факта хищнического истребления баргузинского соболя и уникальности его меха, территория северо-восточного побережья озера Байкал, «от устья реки Большой Чивыркуй, до мыса Гулекан», по постановлению от 17 мая 1916 г. Иркутского генерал-губернатора Князева, была изъята из свободного пользования тунгусов и передана в исключительное распоряжение и под надзор казенного местного управления. Необходимо отметить, что эта местность находилась под охраной Баргузинского лесничества еще с января 1915 г. (РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1063. Л. 13). Официальной датой создания Баргузинского заповедника считается 29 декабря 1916 г., когда было одобрено представление Министра земледелия в Правительствующий Сенат «Об учреждении Баргузинского заповедника», опубликованное 20 января 1917 г. Площадь заповедника охватывала территорию в 260 тыс. десятин к востоку от Байкала (Там же. Л. 12). Выбор территории заповедника был обоснован ареалом распространения темного соболя, удобством проведения научных исследований, доступностью для осуществления охраны. Заповедник организовывался для охраны особо ценного баргузинского соболя в целях содействия его размножению и расселению на прилегающих участках.

Важное практическое значение имел казенный охотничий участок Баргузинского заповедника, занимающий площадь 150 тыс. десятин (по Г.Г. Доппельмаиру — 325 833 десятины), образованный для содействия наглядному распространению среди местных крестьян идеи организации правильной охоты на промысловых зверей. Г.Г. Доппельмаир разработал проект организации соболиного промысла на участке, представив его на рассмотрение в Отдел рыболовства и охоты Министерства Земледелия. Получив одобрение, проект был препровожден в Иркутское Управление Земледелия, которое приняло меры к проведению его в жизнь. Участок находился в ведении Управления Государственных имуществ и делился на 9 статей (территориально-промысловых единиц). Выделение статей было произведено на основе ранее существовавшего подобного деления у тунгусов. Границы проходили по берегу озера Байкал, водоразделам и рекам, на востоке природной границей участка служил Баргузинский горный хребет.

Охота на участках, представленных на срок не более одного промыслового периода, должна была производиться определенным количеством охотников, в строго установленные сроки — с 15 октября по 1 февраля. Охота на казенном участке могла осуществляться путем образования оброчных статей и сдачи последних в аренду с торгов или без торгов, а также по билетам, на основании «Правил о побочных пользованиях в казенных лесах Иркутской губернии и Забайкальской области», утвержденных 28 февраля 1911 г. Желающие должны были устно или письменно заявить о том местному лесничему, который выдавал разрешительный билет. Охотник обязан был всегда иметь билет при себе, предъявляя его по требованию чинов надзора.

В объяснительной записке к смете Баргузинского заповедника на 1918 г. отмечалось, что для исполнения обязанностей по охране заповедника, осуществлению научно-промысловых работ необходимо 12 стражных объездчиков, заведующий и его помощник. Первым заведующим Баргузинским заповедником был Константин Алексеевич Забелин. На ежегодное содержание заповедника, по смете, требовалось 25 тыс. р., но политическая и экономическая нестабильность в стране делали выделение таких средств практически невозможным, работа не была прекращена только благодаря самоотверженному труду сотрудников заповедника (Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала. С. 12–13, 28).

При заповеднике был образован небольшой питомник «Зооферма». Помещения на несколько пар соболей были построены по типу лисьих питомников в Северной Америке, — деревянный забор огораживали довольно просторным вольером, забитым отчасти листовым железом и затянутым проволочной сеткой. Здесь предполагалось, кроме соболя, разведение других ценных промысловых животных (изюбров) в полуискусственных условиях существования. В соболином питомнике и изюбрятнике в 1917 г. работало трое рабочих под руководством З.Ф. Сватоса, занимавшегося детальным изучением соболя.

В 1922 г. в Баргузинский заповедник была организована экспедиция под руководством С.С. Турова, в задачи которой входило разрешение вопроса о возможности создания заповедника и зооферм на Святом Носу (выяснение наличия подходящих мест для обитания соболя, изучение фауны, в частности тех животных, которые являются пищей соболя, значения этого района для местных промышленников, выяснение условий существования персонала будущего заповедника), посещение ранее созданного Баргузинского соболиного заповедника и питомника «для выяснения их настоящего положения» (Туров С.С. К вопросу о Баргузинском соболином заповеднике // Известия ВСОИРГО. Т. XLVI. Вып. 2. Иркутск: Тип. Иркутского Губернского Военно-Потребительного общества, 1923. С. 4). По оценке современников, работа питомника не принесла ощутимых результатов, поскольку он был рассчитан всего на две пары соболей, а средства питомника крайне ограничены. Вследствие этого нельзя было поставить на должный уровень опытную работу в питомнике и охрану заповедника. Кроме того, соболь упорно отказывался размножаться в неволе. Тем не менее, современными исследователями констатируются факты заметного увеличения популяции соболя в заповеднике и появления его на соседних территориях (Григер Т.Б. К вопросу истории проблем природопользования в Бурятии // Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. С. 111–112). По мнению местных промышленников, количество соболей значительно увеличилось в силу того, что была организована правильная охота в заповеднике, а во время первой Мировой войны значительно снизилось значение соболиного промысла.

Таким образом, в первые десятилетия XX в. в Байкальском регионе была не только осознана, принята, теоретически обоснована необходимость организации заповедников, но и сделаны большие успехи в осуществлении конкретных мер в этом направлении. Одними из первых российских государственных заповедников, созданных на территории Байкальского региона, являлись Баргузинский и Саянский заповедники.

Развивающиеся капиталистические отношения в конце XIX—начале XX вв. обусловили активизацию наиболее доходного промысла — охоты на пушного зверя, что не замедлило сказаться на сокращении численности ценных животных, в том числе соболя. Охрана соболя стала приоритетным направлением природоохранной деятельности, поскольку имела большое значение для экономики страны. Не случайно инициаторами принятия комплекса последовательных мер по ограничению соболиного промысла стали купцы, больше других заинтересованные в сохранении и росте популяции сибирского соболя. Такая тактика промышленников, подразумевающая заботу о будущем богатой, но уязвимой и далеко не бездонной сибирской тайги, могла бы послужить достойным примером для современных бизнесменов.

И.В. ЛЕВЧЕНКО

ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ 280 ЛЕТ

15 января 1727 г. Указом императрицы Екатерины I было объявлено об образовании Иркутской епархии. 18 января 1727 г. последовал указ святейшего синода «О выделении Иркутской епархии из Тобольской в самостоятельную», и назначении епископом святителя Иннокентия.

До этого события будущая территория Иркутской епархии почти 100 лет входила в состав Сибирской епархии. Сибирская епархия была образована в 1620 г., а с 1668 г. переименована в митрополию. Кафедра находилась в г. Тобольске. Благодаря усилиям тобольских архиепископов были поставлены первые храмы Восточной Сибири: в Иркутске, Киренске и Якутске.

Первой церковью Иркутска был Спасский храм. Его построили в 1672 г. жители Иркутска во главе с сыном боярским Иваном Максимовым. Это было небольшое деревянное строение, находившееся в центре острога. Однако церковное строительство в XVII в. развивалось очень медленно. Некоторые исследователи считали, что это происходило «вследствие незначительности населения Иркутска и вообще его ничтожности» (Первое столетие Иркутска. СПб, 1902. С. 170).

К началу XVIII в. территория Сибирской митрополии значительно увеличилась. Общая площадь превышала 10,5 млн км². На этой территории проживало всего лишь около 300 тыс. чел., из них не более половины исповедовали православие (Наумова О.Е. Иркутская епархия XVIII—первая половина XIX вв. Иркутск, 1996. С. 26–27).

Настоятельная необходимость в епископе для Восточной Сибири признавалась не только сибирским митрополитом, но и царем Петром I. Перед Русской православной церковью (РПЦ) в Восточной Сибири стояла сложная задача христианизации коренного населения. Для ее решения требовалось очень много сделать, в том числе изменить систему управления церковью.

В Восточной Сибири православная церковь столкнулась с низкой христианской культурой русского населения. Среди священнослужителей были распространены пьянство, вымогательство, воровство, злоупотребления и другие пороки. Сибирским архиепископам было сложно управлять митрополией также вследствие обширности ее территории. Становилось ясно, что сложившееся административное деление перестало отвечать целям и возможностям РПЦ.

Первая попытка придать самостоятельность иркутской епархии относится к концу 1706 г. Митрополит тобольский Филофей (Федор) Лещинский учредил на огромной территории Восточной Сибири и Дальнего Востока Иркутское викариатство. 15 декабря 1706 г. в викарного епископа был рукоположен Варлаам (Косовский), бывший ранее наместником в Киевском Пустынно-Никольском монастыре.

Епископ Иркутский и Нерчинский Варлаам пробыл в Иркутске два с половиной года и уехал в Москву, прихватив с собой полную архиерейскую ризницу Вознесенского монастыря (Там же. С. 31). До 1714 г. Варлаам продолжал числиться управляющим викариатством. Впоследствии церкви и духовенство были подчинены бывшему архимандриту Селенгинского Троицкого монастыря Мисаилу, переведенному в иркутский Вознесенский монастырь. В 1720 г. сибирский митрополит Филофей Лещинский, посетив Иркутск, произвел в сан архимандрита иркутского Вознесенского монастыря с временными функциями местоблюстителя по делам викариатства архидиакона Антония (Платковского).

Неопределенность в управлении викариатством привела к тому, что фактически до января 1727 г. иркутская паства находилась под руководством Тобольской митрополии. Тем не менее, само учреждение викариатства привело к укреплению самостоятельности иркутского духовенства и подготовило почву для основания самостоятельной епархии на территории Восточной Сибири.

Во многом способствовало появлению иркутской епархии образование в 1724 г. в составе Сибирской губернии Иркутской провинции, куда вошли: Иркутск, Селенгинск, Нерчинск, Якутск, Охотск с уездами, а также Камчатка.

Непосредственно образование Иркутской епархии связано с именем Иннокентия Кульчицкого и русской православной миссии в Китай. Миссионерской деятельности придавалось не только церковное, но и государственное значение. Большую роль сыграли «Даурская» миссия за Байкал (1681 г.), освящение молитвенного дома русской свободы в Пекине

(1695 г.), Первая Камчатская миссия архиепископа Мартиниана (1705 г.), миссия в Китай архимандрита Иллариона (1715 г.). Они стали первыми шагами на пути сибирского миссионерства.

В июле 1720 г. именным указом Петра I обер-иеромонах Иннокентий Кульчицкий был назначен главой духовной миссии в Китай. 4 марта 1721 г. в Троицком соборе Александро-Невской лавры в присутствии императора Иннокентий был посвящен в епископы. В 1722 г. он со свитой приехал в Иркутск, где его ждала неожиданность: китайцы отказались пропустить через границу такую высокую особу (до него духовные миссии возглавляли архимандриты). Несколько лет по этому поводу велась переписка между русским и китайским правительствами, и, в конце концов, в Китай поехал архимандрит Антоний Платковский, а Иннокентий Кульчицкий, пять лет ожидавший разрешения этой проблемы, живя то в Иркутске, то в Забайкалье, был определен главой вновь организованной Иркутской епархии (Крючкова Т. Иркутский святитель // Земля Иркутская. 2000. № 14. С. 15).

Иннокентий Кульчицкий руководил иркутской епархией 4 года до своей смерти в 1731 г. Он сформировал первые органы епархиального управления, поставил вопрос о пересмотре границ между церковными областями в Сибири и передаче в состав иркутской епархии Киренской, Якутской десятины, а также территории Камчатки и дальнего Востока. Одним из главных своих дел епископ считал проповедь христианского учения среди коренных народов Сибири. Епископ строго следил за нравственностью, предъявляя высокие требования к духовенству. Он отличался скромностью, терпением, трудолюбием и добротой. Уже при жизни о нем ходили легенды и рассказы. В 1804 г. Иннокентий Кульчицкий был причислен к лику святых.

XVIII–первая половина XIX вв. — это период становления Иркутской епархии. Духовенству в своей повседневной деятельности приходилось сталкиваться с немалыми трудностями. Очень осложняла деятельность епархии огромная территория, которую она занимала. В 20-х гг. XIX в. территория Иркутской епархии стала такой обширной, что совпала с территорией Восточно-Сибирского губернаторства, в ее состав вошла часть Енисейской губернии (Красноярское, Енисейское, Каннское духовные правления). При отсутствии дорог, небольшом количестве церквей, их отдаленности друг от друга, малочисленности священнослужителей было сложно управлять епархией.

Затрудняла функционирование епархии недостаточная материальная поддержка государством, иногда прямое противодействие начинаниям церкви со стороны гражданских властей. Большие проблемы возникали в связи с низким уровнем культурного и нравственного развития населения. Приходилось бороться с влиянием на коренные народы Сибири буддизма и шаманизма, что затрудняло христианизацию.

В таких сложных условиях очень многое зависело от епархиальных архиереев, в руках которых полностью сосредоточивалось управление епар-

хийей. Огромная заслуга в укреплении епархии как крепкой и благополучной церковной единицы принадлежит ее епископам: Иннокентию Кульчицкому св. (1727–1731 гг.), Иннокентию Неруновичу II (1732–1747 гг.), Софронию Кристалевскому св. (1753–1771 гг.), Михаилу Миткевичу (1772–1789 гг.), Вениамину Багрянскому (1789–1814 гг.). Во многом благодаря им происходит увеличение численности христианского населения, как русских поселенцев, так и коренных жителей, обращенных в православие. Количество церквей за первые 125 лет существования епархии увеличилось в шесть раз (с 42 в 1727 г. до 253 в 1850 г.) (Наумова О.Е. Указ. соч. С. 181).

В 1735 г. в епархии открылась вторая духовная школа в Якутском Спасском монастыре (первая школа действовала при Иркутском Вознесенском монастыре). Монастырские школы Иркутской епархии становятся центрами просвещения Восточной Сибири. Они оборудуют помещения для занятий, собирают богатейшие библиотеки из рукописных и печатных книг на разных языках. В монастырских мастерских, иконописных, золотощвейных и других, воспитанники обучались премудростям работы с красками, досками, холстом, иконописи. Позднее, в феврале 1898 г. при Иркутском Вознесенском монастыре открылась первая в Сибири рисовальная школа.

В октябре 1779 г. была учреждена Иркутская духовная семинария. Изменяется качественный состав духовенства. Благодаря стараниям известных преподавателей, П. Малиновского, Д. Потехина, архимандрита Иакинфа (Бичурина) и других, сотни священнослужителей и светских лиц получили образование. В начале XIX в. по инициативе архиепископа Михаила (Бурдукова) в Иркутске было открыто духовное училище. При церковных приходах епархии действовали 18 приходских школ. В семинарии ввели преподавание монгольского, греческого, немецкого языков. Наиболее способные семинаристы посылались в Москву для получения дальнейшего образования. К середине XIX в. почти 90% священников епархии окончили семинарии (а некоторые и духовные академии).

Высокообразованное духовенство епархии, прибывшее из разных концов России, помимо просветительской работы занималось научным описанием и исследованием края. Такие священники как Прокопий Громов, Дмитрий Хитров (впоследствии Дионисий, епископ Якутский), Андрей Аргентов, Яков Чистохин и др. являлись членами Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Они внесли большой вклад в развитие многих отраслей отечественной науки. Сельскохозяйственные опыты проводил архимандрит Гурий; этнографические изыскания вели архимандрит Палладий, священник К. Стуков, Н. Затопляев, А. Аргентов, С. Попов и др. Священнослужители производили топографическое описание местности, осуществляли метеорологические наблюдения, вели библиографическую, редакторскую и книгоиздательскую деятельность.

Переломным в истории епархии стал период 1917–1920 гг. После принятия в 1918 г. «Декрета о свободе совести», в январе 1921 г. были закрыты иркутские духовные школы, в том числе и семинария.

С 1922 г. по 1931 г. епархией одновременно управляют два епископа: от православной церкви (Тихоновской) и от обновленческой «Живой церкви». В Иркутской церкви как и во всей РПЦ раскол. Большинство храмов епархии разрушается, монастыри закрываются и сносятся, ликвидируются православные приходы, совершается вскрытие мощей и передача их в музеи.

К 1933 г. в городе Иркутске осталось 18 культовых зданий, из которых 9 было закрыто. В конце 1937 г. существовало 3 храма Тихоновского направления с количеством верующих около 2300 чел. (Преображенский, Иннокентьевский и Никольский), одна обновленческая с 145 верующими (Владимирская). В Иркутске было 27 священнослужителей, из которых 10 впоследствии были подвергнуты административным взысканиям: сосланы, арестованы, обвинены по различным статьям. В 1927 г. — 1939 г. в Иркутской области органы ОГПУ — УНКВД проводят ликвидационные чистки, в результате которых было осуждено 115 чел. (98 из них — расстреляны).

В 40-х гг. XX в. в связи с изменениями государственной политики в отношении к РПЦ епархии стали постепенно возвращать храмы. В период с 1943 по 1948 гг. в Иркутской епархии открыты приходы с передачей православным общинам верующих следующих церквей: в Иркутске — Крестовоздвиженской (1943), Михаило Архангельской (1945), Знаменской (1945); в Тулуне — Николаевской (1944–1945), Покровской (1946); в Тельме — Казанской (1944–1945); в Зиме — Николаевской (1945); в Слюдянке — Николаевской (1946–1947); в Бодайбо — Христорождественской (1946–1947), в Нижнеудинске — Николаевской (1947); в Листвянке — Николаевской (1946); в Черемхово — Николаевской (1946); в Бирюсинске — Иннокентьевской (1947).

Однако вскоре государственные органы приняли тактику повсеместного ограничения влияния РПЦ. Уже в конце 1950-х—начале 1960-х гг. государство перешло в открытое наступление на церковь, но уже на новой идеологической основе и в новых политических условиях. Церковь должна была стать незаметной для общества или представлять собой такой застарелый пережиток, который был бы крайне непривлекательным и отталкивающим для молодого поколения советских людей. Период с конца 1970-х до середины 1980-х гг. — один из наиболее мрачных периодов послевоенной истории для РПЦ, когда диссидентское движение было разгромлено, разрушались иллюзии, связанные с религиозным возрождением.

Новые надежды на изменения в государственно-церковных отношениях породила начавшаяся перестройка. В 1980–1990-е гг. официальная власть меняет свое отношение к религии. Телевидение, радио, печать, средства массовой информации стали уделять внимание РПЦ и ее роли в российской истории. 2 сентября 1990 г. в Иркутске произошло знаменательное событие: в город вернулись мощи святителя Иннокентия, первого иркутского епископа, о судьбе которых с 1921 г., когда они

были отправлены в Москву, ничего не было известно. Их нашли в Ярославле в фондах историко-архитектурного музея.

В сентябре 1994 г. Иркутской кафедрой вновь открыт один из старейших в России монастырей Иркутска — Знаменский, где создан пансионат для детей-сирот. Верующими возрождено к жизни или отстроено заново большое число храмов области. Действуют новые православные приходы в Зиме, Кутуликe, Голумети, п. Плишкино, Большом луге, Усть-Куде и др.

В Иркутске ежегодно проходят религиозно-нравственные Иннокентьевские чтения, учреждена премия Святителя Иннокентия, присуждаемая деятелям культуры, просвещения и образования, писателям и публицистам, внесшим значительный вклад в освещение истории и современной жизни епархии.

Во главе Иркутской епархии сегодня стоит архиепископ Вадим (Лабезный Владимир Анатольевич, род. 14 октября 1954 г.), выпускник Одесской духовной семинарии и Московской духовной академии, кандидат богословия, клирик и настоятель ряда крупных храмов в Старом Осколе, Владивостоке. Назначенный в феврале 1990 г., до 1994 г. епископ Вадим являлся Владыкой Иркутским и Читинским, с 1994 г. он стал епископом Иркутским и Ангарским, в 1999 г. был удостоен сана архиепископа.

Е.Л. МАКАРЕНКО

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ ЛЕСОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ*

Под освоением лесов в рамках статьи следует понимать процесс изучения и использования их как некоторого сырьевого источника, необходимого для существования и развития территориальной общности людей.

Начало освоения лесов в Прибайкалье — с 20-х гг. XVII в. совпало с его общим хозяйственным освоением в связи с приходом сюда русских переселенцев с европейской части страны. До середины XIX в. лес служил им основным источником топливных и строительных материалов, средством развития кустарных и полукустарных производств, что приводило к истреблению значительных лесных массивов. Так, если в середине XVII в. лес находился в черте Иркутска, то к 20-м гг. XIX в. жители его ездили за лесом верст за 20 от города.

Осознание ценности и необходимости инвентаризации лесов произошло еще в первой половине XVIII в. Так, по Указу Петра I в 1724 г. были разработаны вопросники, согласно которым местные власти подавали царской канцелярии сведения о природе и лесах губерний. В 1765 г. в России началось генеральное межевание, которое должно было дать полную сеть границ между различного рода владениями в губерниях, а внутри владений — реальное размещение различных угодий, в том числе лесных с подразделением их на строевые, дровяные, смешанные, а

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ. Проект № 05-06-80095.

также участки, покрытые кустарниками. В результате межевания государство закрепило за населением занятую ими землю и разграничило лесную территорию на крестьянские, казенно-крестьянские и казенные леса. В Иркутской губернии, образованной в 1764 г., 99% лесов находилось в казенном пользовании (Корзинников С.Н. Леса и лесная промышленность Иркутской области. Иркутск, 1950. С. 94). В 1837 г. все казенные леса России были переданы в ведение Министерства государственных имуществ, а на местах организованы казенные лесничества. В Иркутской губернии они образованы лишь в 1895 г. и до 1897 г. ими, а также крестьянско-казенными лесами распоряжалась Иркутская казенная палата.

Основное событие периода — создание в 1798 г. по указу императора Павла I Лесного департамента России, который с самого начала проявил заботу об охране и приведении в известность всего государственного лесного фонда. В 1799 г. в России разработаны первые лесные таксы, необходимые для зарождающейся лесной промышленности. Однако в губернии они не применялись в силу отсутствия таковой, за исключением лесозаготовительной деятельности, и богатства лесами вплоть до их сведения в угоду развития земледелия. Выводы об этом были сделаны экспедицией, командированной Адмиралтейской коллегией в Иркутскую губернию в 1797–1799 гг.

С середины XIX в. процесс освоения лесов в губернии связан с развитием капиталистических отношений, поиском новых территорий и возможностей обогащения государственной казны и лесопромышленников. Формируется новый взгляд на лес как важнейшее сырье, в основном, в виде топлива для развития производств промышленного (Николаевский железодельный завод, Хайтинская фарфоровая фабрика, Тальцинский стеклозавод, винокуренная, солеваренная, угольная промышленности), кустарного и полукустарного (дегтярное, смолокуренное, скипидарное, бондарное, экипажное, столярное, судостроительное, спичечное) типов. Обеспечение их таким сырьем служило толчком к развитию лесозаготовительной деятельности, в свою очередь, нуждавшейся в лесоустроительных работах. Впервые они были осуществлены на примитивном уровне в 1851–1856 гг. по инструкциям лесообследования и лесоустройства 1826 г. и 1830 г. (Устав лесной // Свод законов Российской империи. Санкт-Петербург, 1905. Т. VIII. Ч. 1). В интересах крупных лесопромышленников такие работы проводились вблизи промышленных предприятий и рек, удобных для сплава, например, — Ушаковки (ГАИО, ф. 176, оп. 1, д. 1037, св. 33. л. 399). Факторами для развития лесозаготовок и деревообработки в губернии послужили также строительство Транссиба, освоение золоторудных богатств, Русско-Японская, Первая мировая и гражданская войны.

Первые *деревообрабатывающие предприятия* фабрично-заводского типа (заводы Иркутный, Ангарский, Китойский, Зиминский), Камышетский канифольно-скипидарный завод появляются в конце XIX–начале XX вв. Древесина и лесопродукция частично вывозятся за пределы губернии.

В середине XIX в. недостаток древесины в губернии обусловил регламентацию лесопользования. С 1859 г. издаются распоряжения и циркуляры генерал-губернатора, Главного управления Восточной и Сибири и Иркутских городских властей по вопросам организации рубок леса, господлины на леса. В 1869 г. издана инструкция по отпуску лесных материалов, согласно которой лесные пошлыны вводятся и для местного населения Сибири, получавшего до этого лесные наделы бесплатно по повелению императора Павла I от 30 декабря 1799 г. Для жителей центральной России платный порядок лесопользования был введен еще в 1766 г. Один из первых документов, положивший начало организованной лесозэксплуатации, развитию лесоустроительных работ, учету лесного фонда и его охране в губернии — инструкция «Об устройстве охранения и эксплуатации лесов в Иркутском генерал-губернаторстве» появилась 4 мая 1897 г.

После Октябрьской революции начинается новая веха в освоении лесов и развитии лесной промышленности, связанная с национализацией лесов, созданием единого государственного лесного фонда, формированием основных правил лесопользования и лесозэксплуатации. Все это воплотилось в первом Законе Советской власти о лесе, принятого ВЦИК 28 мая 1918 г., постановлении Совнаркома при ВСНХ от 27 декабря 1918 г. об учреждении Главного лесного комитета, что положило начало развитию государственной лесной промышленности, в первом Лесном кодексе, принятого в 1923 г. Особая задача возлагалась на лесозаготовительную отрасль — обеспечение сырьем лесопромышленных производств и дровами народного хозяйства страны. Так, в 1919 г. удельный вес дров в ее топливном балансе — 80%.

С начала 1920-х гг. началось планомерное изучение лесосырьевых баз и создание на их основе лесозаготовительных предприятий, осуществляющих заготовку, разделку, отгрузку древесины и первичный сплав леса. На 1 января 1925 г. изученных лесов в губернии числилось всего 5% (Малых Г.И., Толмачева И.Л. Основные тенденции использования лесных земель в период интенсивного освоения территории Иркутской области // География и природ. ресурсы. 1996. № 1. С. 24). Поэтому, с 1926 г. проводятся работы по установлению здесь первоочередных объектов для лесоустроительных работ и районов развертывания лесной промышленности.

С 1928 г. начинается период особого освоения лесов Иркутской области, связанного со вступлением страны на путь индустриализации, введения стратегии пятилетних планов и реформирования лесного хозяйства и лесной промышленности. Для успешного выполнения последней задачи по постановлению Экономического Совета РСФСР в 1929 г. в многолесных районах организуются леспромхозы, функции которых — охрана лесов, лесовозобновление, лесозаготовки, обработка и сбыт древесины. Первые *леспромхозы* в области — Иркутский, Черемховс-

кий, Заларинский возникли в 1930 г. По всей стране, включая область, с 1920-х гг. начался неуклонный рост лесозаготовок. В деревообрабатывающей отрасли были реконструированы четыре и построены шесть заводов. В 1929 г. вступил в строй Камышетский канифольно-скипидарный завод, что обусловило начало развития *лесохимии*.

В 1947 г. леса области в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 19 марта 1943 г. подразделены на группы, что имело большое значение для их рационального освоения. К концу 1940-х гг. сформированы основные структура и закономерности размещения лесной промышленности в пределах экономических районов области. До конца 1950-х гг. освоение лесов было активным, что выражалось в росте числа лесозаготовителей, увеличении объема заготавливаемой древесины, расширении лесозаготовки на север и северо-запад до границы с Красноярским краем. В деревообработке, помимо лесопиления, развились шпалопиление, мебельное, спичечное, фанерное. Развитие лесохимии, представленной артелями лесохимической кооперации, шло медленно ввиду слабого использования в стране технологий глубокой переработки древесины, что отражалось на освоении лесов, предопределяя экстенсивную систему их эксплуатации.

С конца 1950-х гг. наметились изменения в освоении лесов и размещении лесной промышленности. Помимо продолжающегося лесозаготовления в северных и северо-западных районах, развитие получают заготовки древесины в районах строительства Усть-Илимской и Богучанской ГЭС, западного участка трассы БАМа и др. В 1958 г. конференцией по развитию производительных сил Восточной Сибири положено начало становления *целлюлозно-бумажного производства*. Начинается строительство Байкальского ЦБК. Характерная черта периода — создание в 1960-е и 1970-е гг. *лесопромышленных комплексов* (Братского, Чунского и Усть-Илимского ЛПК) как высшей формы межотраслевого комбинирования, направленных на комплексное использование древесного сырья, включая отходы лесозаготовки, лесобработки и лесохимии. Создание их на северо-западе области было предопределено наличием здесь мощной сырьевой базы, транспортных магистралей, трудовых ресурсов. В южной ее части уже в конце 1960-х гг. происходит сокращение сырьевых баз вследствие кучности расположения заготовительных предприятий, их раздробленности, экстенсивного лесопользования.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось распадом СССР, что способствовало, в частности замедлению темпов развития в лесных отраслях. Насущная проблема — освоение лесов мелкими и средними лесозаготовителями на основании бизнес-планов, разработанных без информационного обеспечения, а зачастую, без предварительных проработок, приводящих в результате к интенсивному обезлесиванию без сохранения подроста и содействия естественному лесовозобновлению.

В. А. МУНХАНОВ

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРЫ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ТОРГОВОГО ОБОРОТА С БУРЯТСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVIII–XIX ВВ.

В начальный период освоения Сибири коренные сибирские народы рассматривались царской администрацией, прежде всего, как источник ясака, который в то время был важной статьёй доходов казны. Однако, что касается бурятского населения Прибайкалья, для которых охота имела сезонный характер, уже в XVIII в., система налогообложения видоизменяется: на первое место выходят натуральные выплаты продуктами скотоводческого хозяйства, а во второй половине XVIII в. и денежные выплаты. Кроме того, администрация принимает меры по развитию среди бурят новых форм хозяйствования, прежде всего, земледелия.

В XVIII в. начинается формирование регионального рынка и происходит увеличение численности русского населения Прибайкалья. В сложившихся условиях возникает необходимость административного контроля за торговым оборотом, в частности за торговыми операциями, заключаемыми с бурятским населением. В этих целях губернской администрацией в разное время был издан ряд инструкций и распоряжений.

Одним из основных способов административного контроля за торговым оборотом с бурятским населением стали ярмарки, которые обычно приурочивались к сбору ясака. Впервые правила организации ярмарок были закреплены в «высочайше утвержденной лейб-гвардии секунд-майору Щербачеву инструкции от 4 июля 1763 г.».

В пятом пункте высочайшей инструкции о ясаке, предписывалось «учредить для иноверцев сугланы и ярмарки и позволить купечеству приезжать на оные единожды в год в те только времена, когда там комиссары для сбора ясака находятся» (НАРБ, ф. 460, оп. 1, д. 118, л. 13). Однако это указание не применялось повсеместно, и торговый обмен имел хаотичный характер, выражаясь, прежде всего, в форме натурального обмена. По всей видимости, на протяжении XVIII в. купцы и иные торговые люди в условиях отсутствия регламентирования торговых правил наладили определенную систему торговли с инородческим населением и скупали пушнину и иные товары, причем часто обмен был неэквивалентным, что приводило к разорению инородцев. Соответственно, уплата ясака затруднялась. Царская администрация предпринимала всяческие меры для защиты сибирских народов от разорения, преследуя, разумеется, прежде всего, фискальные интересы. Так в 1767 г. русским было запрещено селиться в иноверческих селениях. Было разрешено жить только тем, кто «иноверцам в тягость не служит и никакой торговлей не занимается».

В 1812 г. иркутский гражданский губернатор Трескин предпринял попытку упорядочить управление инородцами. Было издано «Положение, учиненное господином Иркутским гражданским губернатором и кавалером в подтверждение и восстановление действия узаконений и правил по предметам иноверческого и сельского управления». Среди запланированных в данном документе мероприятий особое внимание, разумеется, было уделено упорядочению сбора ясака и проведению ярмарок. В частности были определены примерные места проведения ярмарок, причем проведение их дозволялось только после уплаты налога в казну. Все торговцы были обязаны получить у земского начальства разрешение на торговлю. Причем на каждой ярмарке назначался смотритель (Там же, л. 14).

Отдельно в этом документе были выделены правила по долговым обязательствам. Так все долговые обязательства должны были быть подтверждены старшинами и местным начальством. На старшин (то есть родовую верхушку бурят) возлагался контроль над целесообразностью займов, они же должны были следить за тем, чтобы займода- тель не взимал проценты свыше установленных законом.

В этом же положении строго настрого приказывалось немедленно выслать из иноверческих селений всех торговцев. Отдельно был прописан запрет заниматься торговлей писарям.

В том же 1812 г. положение было разослано по степным конторам. Исполнение указаний было возложено на местах на степные конторы, общий же контроль должны были осуществлять окружные земские суды.

Однако, в последующие годы ситуация кардинальным образом не изменилась: по-прежнему ярмарки проводились нерегулярно и не повсеместно, торговля таким образом велась неорганизованно и не в пользу иноверцев.

Важной вехой в истории Сибири явился «Устав об управлении ино- родцев» 1822 г., который фактически был первым законодательным ак- том, закрепившим правовой статус сибирских народов. Наряду с общими вопросами управления большое внимание уделялось организации сбора ясака, который традиционно связывался с проведением ярмарок.

В «Уставе» четко регламентировался порядок организации и прове- дения ярмарок: прежде всего они связывалось со сбором податей. «Ус- тав» допускал проведение ярмарок после родовых сугланов (собрание представителей родов). На ярмарках была предоставлена возможность «обратить сбор вещами в денежную сумму» путем свободной распро- дажи на ярмарке. Все сборы на ярмарках должны были приниматься земскими чиновниками, но выплата податей производилась на ярмар- ках не отдельно для каждого хозяйства, а в общем счете по родовым управлениям (ПСЗ-I. Т. 38, № 29.126, § 317–327).

Проведение ярмарок позволяло обеспечить хозяйства необходимы- ми продовольственными и промышленными товарами. В ярмарках могли участвовать представители других бурятских ведомств и русские купцы и

крестьяне. Торговые операции производились как в денежных расчетах, так и в виде натурального обмена. Проведение ярмарок способствовало развитию товарно-денежных отношений в бурятских ведомствах.

Разумеется, кроме этих положений губернской администрацией на протяжении XIX в. было издано большое количество различных распоряжений и инструкций, направленных на регулирование правил торговли и торгового оборота в регионе.

Большинством исследователей признается тот факт, что в первой половине XIX в. происходит окончательное формирование единого регионального рынка, в котором бурятские хозяйства становятся естественным элементом. В условиях роста населения и развития экономических отношений губернской администрации было очень трудно контролировать торговый оборот между бурятскими ведомствами и русскими купцами. К середине XIX в. буряты, занимающиеся торговлей, уже часто причислялись к гильдейскому купечеству и самостоятельно фигурировали на региональном рынке. С развитием капиталистических отношений в Сибири ситуация меняется кардинальным образом, однако официально по-прежнему продолжал действовать «Устав об управлении инородцев», который уже никоим образом не соответствовал реалиям жизни.

Таким образом, в XVIII и в начале XIX вв. царская администрация стремилась максимально ограничить свободный торговый оборот с бурятским населением, что было обусловлено желанием оградить покупателей ясака от разорения. Однако уже к середине XIX в. ситуация изменяется и в условиях единого регионального рынка естественным образом устанавливаются экономические отношения между бурятскими ведомствами и русским населением.

Во внутренней политике Российской империи второй половины XIX в. четко прослеживается тенденция к унификации имперского законодательства. Дифференцированный подход, который был вполне обоснован в начале XIX в., перестает оправдывать себя. Таким образом, происходит постепенное подчинение сибирских народов общеимперскому законодательству, что довольно четко проявляется и в вопросах, касающихся рыночных отношений.

Н.Н. НАУМОВА

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.

Церковно-приходские школы были созданы указом императора Александра III в 1884 г. и предназначались для воспитания подрастающего поколения в духе верности Отечеству и преданности престолу, в традициях православия. В Восточной Сибири, при отсутствии земской школы и недостаточном количестве государственных, церковная школа оказалась

наиболее массовой. Священник, руководящий народным образованием, рассматривался как связующее звено между учащимися, клиром и родителями, т.е. между школой, церковью и приходским обществом: «Церковная школа... представляет для сельского священника ничем незаменимое, драгоценное подспорье как в смысле лучшего и основательного ознакомления с духовным складом своих прихожан, так и для воспитания будущих просвещенных школьным учением членов своего прихода и подготовки из лучших из них деятельных помощников в образовании какого-либо приходского попечительского общества, братства и т.п., для облегчения в исполнении своих пастырских обязанностей» (Енисейские епархиальные ведомости (далее — ЕЕВ). 1897. № 1. С. 2).

По отношению к церковноприходской школе священник выступал в двух качествах: как преподаватель Закона Божия, т.е. законоучитель, и как заведующий школой. После появления церковных школ служебные достоинства иерея стали определяться исключительно с точки зрения постановки церковно-школьного дела, независимо от качества исполнения прямых пастырских обязанностей. Епархиальные училищные советы и наблюдатели церковных школ всех уровней получили большое влияние в решении административных вопросов о переводах и назначениях священнослужителей, наградах и т.д. Наиболее усердные священники получали благодарности с внесением ее в формулярные послужные списки. Никакие оправдания священников (отсутствие школьного помещения, учителя, средств) не принимались во внимание и объявлялись архиереями «имеющими только кажущееся значение» (ЕЕВ. 1893. № 21–22. С. 135). Епископ Енисейский Никон прямо назвал важным служебным проступком невнимание заведующих к состоянию школьных зданий, на что должно было обращать особое внимание при очередной поездке по епархии.

Между тем в руководстве школьным делом в восточносибирских епархиях «оо. законоучители и заведующие школами не всегда на высоте понимания задач церковной школы...некоторые привыкли совсем не посещать школы, не принимать участие ни в руководстве ими, ни в преподавании... даже преподавание Закона Божия...оказывалось не везде на желательной высоте» (Иркутские епархиальные ведомости. 1898. № 6. С. 623). Так, в 1910 г. в 17 школах Иркутской епархии заведующими осуществлялся только прием корреспонденции, вследствие чего всем священникам епархии было «поставлено на вид и рекомендовано проявлять больше любви и энергии в церковно-школьном деле» (ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13 738. Л. 20).

Поддержка крестьянами конфессиональной школы зависела от реального уровня церковности школы. Однако не каждый учитель мог организовать церковный хор, и не всякий священник приветствовал появление школьников в алтаре. Иногда смена прежнего священника энергичным новым и образование ученического хора не только спасали школу от закрытия, но и увеличивали число комплектов в школе, причем население быстро меняло неприязнь к церковной школе на обратные чувства.

Исполнять обязанности законоучителя должны были только члены клира, для которых это связывалось с учительным наставническим долгом духовного пастыря. Закону Божию отводилось центральное место среди предметов церковной школы. Законоучитель должен был «воспитать в детях дух благочестия, чтобы они вступали в жизнь не только знающими правила и законы нравственной жизни, но и расположенными сообразовываться с ними в своих желаниях и действиях» (ЕЕВ. 1893. № 2–3. С. 61). Специфика предмета требовала не просто уроков изложения, заучивания и воспроизведения церковных догматов, но проведения занятий «в форме живых и вразумительных бесед с детьми о вере и благочестии, как ... основном начале христианской жизни». Епархиальным наблюдателем церковных школ и vikарными епископами организовывались методические законоучительские совещания.

Согласно «Расписанию штатного содержания причтов сельских и городских церквей» в 1897 г. священник в среднем получал 70–90 р., дьякон — 30 р. в год. Доходы причта увеличивались за счет ружной повинности крестьян, кружечно-кошельковых доходов и т.п., но священнослужители обязывались трудиться на ниве народного просвещения бесплатно. Лишь в 1916 г. была установлена твердая плата за заведование школой и преподавание Закона Божия в размере 60 р. После ухудшения экономического положения в 1903–1905 гг. (ряд неурожая, золотопромышленный кризис и т.д.) крестьяне Восточной Сибири начинают отказываться от предоставления ружного и квартирного пособия священникам, обеспеченность которых резко снизилась. Появились приходы (богатые торговые села), бегство священников из которых стало обычным.

Неизбежны были замечания типа: «Все дело преподавания Закона Божия сводится к заучиванию текста молитв и кратких сведений по учебнику истории Ветхого или Нового Завета... Объяснение материала игнорируется» (ГАКК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 40. Л. 3об). Священники с течением времени все больше переключались на учителей. Иереи были загружены требоисполнением, причем многие приходы, растянутые на десятки верст, включали в себя от 3 до 14 поселений. Даже законоучители государственных народных школ, получавшие годовое жалование в размере 100 р., не в состоянии были давать более 20–50 уроков Закона Божия в год. С другой стороны, в числе лучших законоучителей ежегодно упоминались священники Енисейской епархии Феодор Смиренский, Петр Нечаев, Василий Рязанский, Иоанн Вазингер, Владимир Кузьмин, Александр Подгорбунский, Иоанн Токмашев, иереи Иркутской епархии Николай Климовский, Иаков Черных, Дмитрий Евтихийев, Иоанн Титов. Они вносили смелые предложения по изменению учебных программ, настаивали на коренных реформах церковно-школьной системы, становились новаторами в методике законоучительства.

В 1910 г. в Иркутской епархии по отчетам около трети законоучителей составляли духовные лица, а при проверке оказалось, что не менее чем в

110 школах (из 216) предмет ведут светские учителя. В 1912 г. в Енисейской епархии отмечалось, что официально Закон Божий преподавался членами клира в 64 из 221 школы епархии, а на практике почти везде предмет вели учителя «по добровольному соглашению» со священниками. Однако только с 1916 г. от приходских священников начали поступать ходатайства об открытии новых церковных школ и желании самим преподавать Закон Божий в тех школах, где раньше законоучительствовали светские педагоги.

В обязанности священника входил поиск учителя для церковной школы, освидетельствование его профессионального уровня. Текучесть и низкий уровень подготовки педагогических кадров приводили к тому, что в церковных школах Восточной Сибири в начале XX в. одновременно насчитывались десятки вакантных мест, поэтому священники с целью предотвращения самовольных уходов брали у учителей подписку о том, что они не оставят преподавания до конца года. В обязанности заведующего школой входили также составление подробнейших отчетов о школе, бесплатная выдача книг, ежегодный осмотр библиотеки, устройство читален и вечерних чтений, ведение описей школьного имущества и т.д. В годы Первой мировой войны законоучители вели патриотическую работу, побуждали сельское население к помощи семьям фронтовиков.

Устройство религиозно-нравственных чтений, целью которых являлись катехизация населения и противодействие сектантским учениям, было сопряжено с немалыми сложностями. Так, в 1900 г. на территории Иркутской епархии было выдано всего семь таких разрешений. Некоторые инициативные священники (например, иркутский о. Ф. Парняков) открывали народные читальни, чей книжный фонд пополнялся за счет приходских сумм.

Отсутствие четкого разграничения обязанностей между заведующим и учителем церковной школы, порождавшее многочисленные конфликтные ситуации, часто становилось первостепенным вопросом на районных съездах священников и наблюдателей школ духовного ведомства. Между священником и учителем иногда вспыхивала вражда, обострившаяся с 1904 г. общим политическим и гражданским подъемом сознания населения: «Со стороны духовенства сплошь и рядом не обнаруживается надлежащего внимания к требованиям времени ... и вообще культурного отношения к личности учителя. Отцы заведующие... смотрят на себя, как на полновластных хозяев в школе с непререкаемым авторитетом, считают и держат себя начальниками в отношении учителей, и требуют безусловного повиновения иногда даже совершенно нерационально своим как педагогическим, так и дидактическим требованиям» (Церковный вестник. 1907. № 10. С. 316).

Итак, можно сделать вывод, что профессиональные обязанности духовенства Восточной Сибири в начале XX в. все более усложнились и разнообразились при одновременном падении уровня жизни для данного социально-профессионального слоя. Потеря духовенством авторитета была связана со снижением религиозности населения, что особенно проявилось в период революционного подъема 1905–1907 гг. Однако это

не умаляет заслуг представителей клира в деле просвещения и религиозно-нравственного воспитания крестьянства, повышения бытовой культуры населения и распространения сельскохозяйственных знаний.

А.В. НЕКЛЮДОВА

ТОРГОВАЯ ЖИЗНЬ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

В конце XIX–начале XX вв. торговая жизнь Енисейской губернии претерпела ряд изменений. Это в первую очередь было вызвано притоком населения, так как более 70% переселенцев Восточной Сибири осели именно в западной ее части. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали так же оказало влияние на изменение форм, организации и объемов торговли в Сибири. Несомненно, что губернский центр выступал основным пунктом сосредоточения торговли. Однако торговая функция крупного города могла эффективно работать только тогда, когда находилась в тесном взаимодействии с массой небольших уездных городов.

В Енисейской губернии в конце XIX–начале XX вв. самыми значимыми в торговом отношении уездными городами были Ачинск и Минусинск, население которых к 1917 г. составляло около 14 тыс. и 13 тыс. чел. соответственно. Торговые обороты этих городов, в отличие от уездных городов Иркутской губернии, напрямую зависели от урожая хлебов. В Ачинске и Минусинске ежегодно проводились ярмарки. В Ачинске с 1894 г. действовала Филипповская ярмарка (с 15 ноября по 15 декабря), обороты которой достигали всего 5 тыс. р. По вторникам, четвергам и субботам здесь работали базары. Наибольшее значение для города имела торговля хлебом, скотом, маслом, значительны были отправки на восток хлеба, как отмечала газета «Вести» в 1908 г. со станции Ачинск было вывезено более 600 тыс. пудов хлеба и скота, коз, масла и леса.

Начальный период первой мировой войны был благоприятен для торговли Ачинска, так как у торговцев был еще значительный запас товаров, а сельское население еще обладало покупательской способностью. Торговцы учли будущий недостаток товаров и имеющуюся покупательскую способность населения, распродавали свой товар по баснословно высоким ценам, наживая прибыль от 100 до 500% и более. В 1913 г. некоторые фирмы находились на грани краха, но уже в 1914 г. смогли выплатить свои долги по обязательствам и при этом заработали значительные капиталы. С 1916 г. в Ачинске ощущался острый недостаток товаров и по этой причине появился новый вид торговли спекулятивного характера. В числе спекулянтов оказались интеллигенция и даже военные. Целые поезда отправлялись в Манчжурию и везли оттуда мануфактуру, обувь, галантерейные и канцелярские товары, табак и папиросы. В это время становится популярна разъездная торговля. Если до 1915 г. число тор-

говых предприятий Ачинска постоянно росло, так, в 1906 г. их насчитывалось более ста, а в 1915 г. в 5 раз больше, то, начиная с 1915 г. количество торговых предприятий начинает сокращаться. Однако при этом в полтора раза выросли обороты и прибыли оставшихся предприятий. Это было продиктовано повсеместным повышением цен из-за новых условий рынка, спекуляций, отсутствием здорового кредита, параличом и расстройством транспорта, недостаточностью и неаккуратностью подвоза товаров, недостатком и исчезновением с рынка денежных знаков и мелкой разменной монеты. Уже к июню 1917 г. большинство крупных торговых предприятий прекратили свое существование. Причем, такие процессы наблюдались в губернии повсеместно.

С проведением железной дороги увеличился спрос на хлеб, скот, кожи, поэтому значение другого города — Минусинска, как поставщика этих товаров, возросло. С 1897 г. в городе была учреждена Введенская ярмарка, проходившая с 21 по 25 октября, на которой велась торговля хлебом, овчиной, кожей, салом, шерстью, волосом. Сумма ее оборотов постепенно росла: в 1902 г. — чуть более 80 тыс. р., в 1903 г., благодаря обильному урожаю хлеба, превысила 100 тыс. р. и к 1911 г. достигла 200 тыс. р. Вдобавок к этому, по средам и субботам проводились два базара, а в 1911 г. уже три базара, были открыты две новые ярмарки. Ежегодно город со своим округом отправлял до 1450 тыс. пудов хлеба, в том числе, на золотые прииски Енисейского округа — 800 тыс., на прииски Минусинского округа — 120 тыс., на винокурение — 150 тыс. и на мельницы — 180 тыс. пудов. Особенно тесными и налаженными были торговые связи Минусинска с Красноярском, так как во время навигации губернский город был для Минусинска «окном в мир». Все грузы, особенно массовые, громоздкие и дешевые, отправлялись отсюда по водному пути в Красноярск. Зимой поддерживалось сообщение с Ачинском по тракту, но провозилось по нему лишь небольшое количество ценных грузов.

Канск в конце XIX—начале XX вв. имел менее важное торговое значение для губернии, чем вышеуказанные города. Хотя население его за двадцатилетие (1897–1917 гг.) увеличилось в два раза и составило 15 тыс. чел. Внутри этого города раз в неделю проводились два базара. Так как Канск, подобно Ачинску и Минусинску, превратился в центр аграрного района, то главными товарами на базарах были продукты сельскохозяйственного производства. Обороты каждого базара достигали примерно 1,5 тыс. р. Местная газета так описывала прошедший 23 февраля 1912 г. базар: «...довольно многолюдно и торговля оживлена. Тихо с деревянной и глиняной посудой, зато оживлено с рыбой, солеными огурцами и капустой. С мясом и молочными продуктами тоже тихо. Зато увеличился подвоз хлеба из северных волостей уезда» (Сибирская Мысль. 1912. № 45. С. 2). С железнодорожной станции Канск вывозили в основном хлебные грузы, например, в 1908 г. отсюда было вывезено более 1000 тыс. пудов, что в 2 раза превышало вывоз хлеба из Ачинска, и, практически, немного уступало аналогичному вывозу из Минусинска.

Примечательно, что в Канске в годы, когда торговля падала, в основном, из-за недорода хлеба в уезде, все, начиная с крупных торговых домов и заканчивая лавочниками, прибегали к «дешевкам», то есть к распродажам товаров по сниженным ценам, надеясь таким путем поднять сильно упавшее торговое дело. К такой мере прибегали в магазине М.Г. Гадаловой, торговцы братья Жинкины, Коновалов и другие.

Енисейск с проведением железной дороги и усилением роли Красноярска окончательно потерял все свои экономические позиции и, в торговом отношении, стал придатком Красноярска. Это был единственный город в губернии, где население уменьшилось с 11,5 тыс. чел. в 1897 г. до 7 тыс. в 1917 г. Теперь не только снабжение приисков, но в значительной степени и связи с Приангарьем и Туруханским районом перешли к губернскому центру. Енисейск еще вывозил ежегодно из Приангарья и Туруханска довольно много пушнины, соленой и свежей рыбы, кож, но в этой торговле он выступал уже не как самостоятельный центр, а как комиссионер Красноярска. Отправлявшиеся в обмен на пушнину и рыбу предметы первой необходимости — хлеб, мануфактура и охотничьи припасы доставлялись из Красноярска и Минусинска. Енисейск, собственно, ничего не мог предложить населению тайги и тундры. Сам город зависел теперь от подвоза с юга. Недаром Енисейская пристань получала грузов значительно больше, чем отправляла (в 1913 г. прибыло около 20 тыс. т, а отправлено лишь 9,6 тыс. т). (Грузооборот Сибири (1913–1929 гг.). Новосибирск, 1930. С. 298). Один раз в неделю в Енисейске проводились базары, ярмарок здесь не было. Торговые операции города имели ярко выраженную сезонность. Во время навигации город несколько оживлялся, сюда прибывало много иногородних купцов. Все стремились запастись в это время хлебом и товарами на зиму. За первые годы XX в. Енисейск сильно обеднел. Здесь уже не осталось крупных купцов, практически все они перебрались в Красноярск. Мелочные торговцы, работавшие в городе, для того, чтобы сохранить свое торговое дело, часто шли на различные ухищрения, нарушая обязательные постановления местных властей. Например, после принятия закона о нормальном отдыхе торговых служащих, в Енисейске торг был ограничен с 8 до 18 ч, а в праздничные дни и вовсе воспрещался. Поэтому некоторые торговцы соединяли в одном доме торговую лавку и чайную, тем самым не прекращая мелочную торговлю через чайную, работа которой в праздничные дни была неограниченна. Ярким примером тому был мелкий торговец Енисейска Р.С. Брюханов, который за это неоднократно привлекался полицией к ответственности. Несмотря на такое плачевное положение города, здесь продолжали открываться новые лавки и магазины. Например, в 1912 г. был открыт новый магазин — первый в городе специализированный часовой магазин Манылова (Сибирская Мысль. 1912. № 47. С. 2). Это свидетельствует о наличии спроса на многие виды товаров и покупательской способности местного населения, хотя и ограниченной.

Подводя итог, можно сказать, что по уровню развития торговли среди уездных городов Енисейской губернии выделялись Ачинск, Минусинск и Канск, то есть те города, которые располагались в сельскохозяйственных районах губернии. В основном, они носили товарно-распределительный характер, отправляя сельскохозяйственную продукцию на север, восток и небольшую часть на запад. Уездные города Енисейской губернии, так же как и города Иркутской зависели от губернских центров. Причем, если в Иркутской губернии эта зависимость проявлялась в закупке товара, то в Енисейской губернии к этому добавлялась еще транспортная зависимость в период навигации тех городов, которые были отдалены от Транссиба (Минусинск и Енисейск). Ассортимент товаров городов Енисейской губернии был менее разнообразен, чем, например, в Иркутской. Если в Енисейской губернии, в основном, в товарообороте участвовали хлеб, скот и рыба, то в Иркутской — кожи, известь, строительный камень, пушнина, уголь, соль и так далее, то есть более дорогие товары. Именно по этой причине в конце XIX–начале XX вв. торговый капитал уездных городов Иркутской губернии значительно превышал этот же показатель городов Енисейской губернии.

М.В. РАГУЛИНА

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПУШНОГО ПРОМЫСЛА ЭВЕНКОВ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (XIX–НАЧАЛО XX ВВ.)*

Приоритетное значение в системе жизнеобеспечения эвенков имел охотничий промысел. Он подразделяется на потребительскую и товарную части, при временном непостоянстве их соотношения: до XVII в. доминировала потребительская охота. Добыча пушнины практиковалась в небольших размерах для товарообмена с Китаем при посредничестве бурят и других южносибирских народов.

Вхождение Сибири в состав России, ясачное обложение аборигенов, переход их на огнестрельное оружие и устойчивый спрос на пушнину определили усиление роли товарной составляющей промысла. В отличие от стабильной видовой структуры потребительской охоты приоритеты пушного промысла изменялись во времени. До 1670-х гг. исключительное место занимала добыча соболя, но уже к концу столетия в связи с перепромыслом и лесными пожарами ее показатели значительно снизились. Так, в Илимском уезде только в одном 1650 г. поступило в ясак с эвенков 2405 соболей, в 1685 — уже 1600 (Кириков С.В. Промысловые животные, природная среда и человек. М.: Наука, 1966. С. 246).

---

* Выполнено при поддержке Гранта Президента РФ МД — 5510.2006.5.

Информационной основой исследования стали архивные материалы пяти инородных управ Иркутской губернии: Очеульской, Нижнеилимской, Киренско-Хандинской, Курейской и Кондогирской, где проживало около 90% эвенков региона.

В 1838–1850 г. ясак соболями взимался только с «бродячих карагас» (тофов) и составлял от 252 до 356 шт., а все эвенки территории Иркутской губернии уплачивали его белкой (ГАИО, ф. 24, оп. 7, д. 429, л. 52–53). По Нижнеилимской, Очеульской и Киренско-Хандинской управам велся учет добычи соболей, белок, лис, хорьков, горностаев и выдр. Промысел волка и медведя, несмотря на высокую стоимость шкур, был мал, что связано с культовым отношением к этим животным.

В видовой структуре пушной охоты доминирующее место занимала белка. Так, за 9 лет в Нижнеилимской управе ее доля от общего числа добытых шкурок колебалась в пределах 92,7–99,4% (1865–1837 г.); в Очеульской управе за 7 лет отмечены колебания от 93,6 (1841 г.) до 98,5% (1843 г.); в Киренско-Хандинской в течение двух лет, по которым имеются данные, от 95,7 (1830 г.) до 97,5% в 1849 г. Несмотря на недостаток источников по Курейской и Кондогирской управам, можно утверждать, что и там белка была основным объектом пушного промысла. Так, в 1847–1850 гг. в уплату ясака поступило с курейских эвенков — 11 974, а с кондогирских — 8020 белчиных шкурок (Там же).

По расчетам на основании Приполярной переписи (Материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг. в Сибирском крае. Вып. II, Новосибирск, 1929) в Нижнетунгусском бассейне в 1926 г. доля белки в видовой структуре промысла оказалась высокой и составила 96,1% (у оседлых эвенков Преображенского района) и 99,2% (у кочевых эвенков Усть-Кутского, Макаровского и Преображенского районов). Сходные показатели получены и для остальных областей, причем разность между высшими и низшими значениями не превышала 8,1% (91,7% — оседлые эвенки Качугского и 99,8% — кочевые эвенки Илимского районов). Таким образом, региональные различия по видовой доминанте пушного промысла не выражены.

В более значительных пределах изменялась доля белки в общей товарной продукции пушной охоты. Так, за те же временные промежутки в Нижнеилимской управе она составляла от 68,4% (1838 г.) до 94,2% (1865 г.), в Очеульской — 65,5% (1841 г.) — 90,1% (1835 г.), в Киренско-Хандинской за один 1849 г. — 54,4%. Доля соболя в видовой структуре промысла была очень низка по всем трем управам: от 0,03% (1865 г. Нижнеилимская) до 0,7% (1849 г. Киренско-Хандинская), однако в денежном выражении соответственно составляла от 1,7 до 28,9% всех доходов от реализации пушнины. Помимо соболя, высоко ценились лисы и выдры, но их добывалось еще меньше.

Колебания размеров доходов от продажи белки и прочих пушных животных при относительно стабильном их соотношении в видовой структуре промысла обусловлены непостоянством цен на пушнину. Эти цены

складывались не только с учетом местной конъюнктуры, но и «по слабому или сильному требованию ... на Нижегородской и Ирбитской ярмарках» (Кларк П. Очеульские и Тутурские тунгусы Верхоленской округи // Зап. ВСОРГО. Т. 6. С. 93). Это подтверждает высказанный в дискуссионном порядке В.В. Карловым (Карлов В.В. Указ. соч.) тезис о прочном внедрении торгового капитала в эвенкийскую экономику уже в XIX в.

При этом цены на основные необходимые эвенкам товары — муку и боеприпасы также не были стабильны. Если в 1830 г. за 1 пуд муки нужно было уплатить 4–5 белок, в 1835 г. — вдвое больше, то в 1865 г. — уже втрое (ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7, л. 7–8).

На первый взгляд, складывался определенный парадокс: ориентация пушного промысла на рынок должна была побуждать охотников к увеличению размеров добычи, однако документы инородных управ, фиксировавшие продажу пушнины на ярмарках, свидетельствуют о ее небольших объемах (табл.).

Количество проданной на ярмарках и сугланах пушнины в расчете на одно хозяйство в трех эвенкийских инородных управах*

Инородная управа, год	Учено всего, шт.		Приходится на 1 хозяйство, шт.	
	соболей	белок	соболей	белок
<i>Киренско-Хандинская</i>				
1830	55	18 000	0,4	141,3
1849	40	5 700	0,2	34,2
<i>Нижнеилымская</i>				
1830	50	16 000	0,7	213,9
1834	50	16 200	0,6	213,7
1835	60	16 500	0,8	213,7
1836	80	10 500	1,0	131,9
1838	25	8 200	0,3	100,2
1865	5	17 800	0,1	316,7
<i>Очеульская</i>				
1830	13	4 200	0,1	32,5
1834	10	5 200	0,1	41,8
1835	15	4 300	0,1	34,7
1841	9	4 000	0,07	312
1843	4	7 000	0,02	51,9
1845	4	2 000	0,02	14,7
1868	0	9 100	0	78,0

* Составлена по данным: ГАИО: ф. 150, оп. 1, д. 3, 21; ф. 461, оп. 1, д. 1–5; ф. 461, оп. 2, д. 2; ф. 148, оп. 1, д. 5, 8–10, 14, 17, 18.

Занижение показателей промысла было вызвано широким распространением покруты — обменных связей между эвенкийским и русским старожильческим населением. Официальная статистика не могла учесть продукцию, попадавшую к «покрутчикам» за ссуженные ранее боеприпасы и продовольствие. Предположительно, ее доля была равна, а в некото-

рых регионах — например, в Очеульской управе, в несколько раз превышала легально продававшуюся пушнину. Особенно устойчивый характер таких связей наблюдался в зонах чересполосного проживания эвенков и русских — в бассейне Ангары, верховьях Лены, в меньшей степени на севере, в Нижнетунгусском бассейне. Для губернской администрации была очевидна нежелательность того, чтобы «...инородцы отдавали улов свой частным людям, совершенно приходя не в состояние к платежу податей...» (ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 3, л. 101), однако запретительные меры оказались малоэффективными ввиду прочности и территориальной разветвленности товарообменных связей. Негативные последствия покруты — разорение и хроническая долговая зависимость из-за неэквивалентного обмена очевидны. Однако прочные личные связи крестьян-покрутчиков и эвенкийских охотников служили своеобразной страховкой для последних на случай голодовок и бедствий: выйдя к русским, эвенки могли рассчитывать на получение продовольствия, пусть даже и на кабальных условиях в счет будущего промысла, либо за непосредственную отработку в хозяйстве. Поэтому в преимущественном положении в экстремальные годы оказывались эвенки соседних с русскими территорий. Покрута становилась мощным фактором аккультурации, способствуя восприятию эвенками старожильческой земледельческо-скотоводческо-промысловой хозяйственной модели русского и бурятского крестьянства.

В начале XX в. по данным Приполярной переписи, размеры промысла белки значительно превышают показатели XIX в., составляя в среднем по губернии 281,6 шт. на хозяйство, соболь по-прежнему единичен. Причина роста была не в увеличении эффективности промысла, а в изменении экономической политики в отношении «туземцев». Так, значительно повысилась сдаточная цена пушнины — одна белка равнялась стоимости пуда муки и была введена практика широкого кредитования. Это привело к тому, что в 1926–1930 гг. большая часть товарной продукции охоты поступала в государственные и кооперативные закупочные организации и соответствующим образом учитывалась. Поэтому приводимые данные более достоверны не только по сравнению с XIX в., но со статистикой 1960–1990 гг., когда в результате понижения закупочных цен поток нерегистрируемой «оседающей» продукции снова возрос.

Таким образом, перестройка жизнеобеспечения эвенков характеризовалась возрастанием значения пушного промысла, который в бюджете времени стал занимать от 4 до 5 месяцев.

Рост товарности промысла стимулировал товарообмен с русскими крестьянами и косвенным образом сказывался на взаимовлиянии хозяйственных моделей.

Приоритетность пушного промысла повлекла за собой увеличение площади охотничьих угодий. При этом размеры осваиваемой территории зависели от колебаний численности промысловых животных, и, в первую очередь, белки.

Расширение хозяйственных ареалов и необходимость их активного освоения вызвали увеличение поголовья домашних оленей, ставших на данном этапе важнейшим средством производства. Синхронно этому процессу шло размывание экономической стороны родовых связей: одно, либо два-три скооперировавшихся хозяйства, владеющие достаточным для перекочевок числом оленей, выделялись в качестве относительно самостоятельной производственной единицы.

Ориентация пушного промысла на рынок, следовательно, на получение максимума продукции не могла находиться в полной гармонии со средой обитания. Тем не менее, увеличение хозяйственных ареалов способствовало более равномерному пространственному распределению нагрузок на популяции пушных животных и на другие биологические ресурсы, что является примером саморегуляции сложившейся системы этнического природопользования.

А.А. РАСПОПИНА

УСТАНОВЛЕНИЕ ПАРОВОГО СУДОХОДСТВА НА РЕКЕ СЕЛЕНГЕ

Судоходство по Селенге всегда было тесно связано с судоходством по Байкалу и верхней части р. Ангары, представлявших собой единый естественный водный путь, который соединял Забайкалье и Западную Сибирь.

Начало парового судоходства на р. Селенге относят к 1868 г. Об этом упоминает А.К. Старицкий в «Материалах для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий». Именно эту дату упоминает в своей работе В.П. Большаков, давая ссылку на Старицкого, (Большаков В.П. Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX век. Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1991. 216 с.). И.А. Асалханов относит установление парового сообщения по р. Селенге к 1870-м гг., (Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963).

Однако, судя по отчетам «Компании Байкальского пароходства», первый пароводный рейс был совершен все же на год раньше, а именно: 3 сентября 1867 г. (ГАИО, ф. 24, оп. 2, д. 94, л. 2об.). В 1867 г. пароход с буксируемой баржей, «Компании Байкальского пароходства» работал на р. Селенге, а на зимовку остановился в деревне Тресковой. В навигацию 1868 г., принадлежащий этой же компании речной железный 60-сильный пароход выполнил уже 14 рейсов по Селенге. Однако упомянутая компания занималась исключительно грузоперевозками, пассажиры же на этом направлении не перевозились.

Наряду с паровым, на Селенге, практически на всем протяжении реки, активно развивалось и сплавное судоходство на барках и плотках. На плотках сплавлялся в основном хлеб, дрова, лес, соль, овечья и верб-

люжья шерсть и т.д. Вверх по течению с помощью паровых буксиров груза перевозили значительно меньше, преимущественно мануфактурные товары, направлявшиеся в Монголию и Китай. Основной процент груза составлял чай, поступавший благодаря кяхтинской торговле. По Селенге, из с. Билютая, находящегося в 65 верстах от Кяхты, перевозили до 100 тыс. ящиков чая в навигацию (около 300 тыс. пудов) и более 50 тыс. пудов других товаров, (Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Спб, 1913. Вып. 50. Река Селенга в Забайкальской области / Сост. инж. А.К. Старицкий. С. 83).

Наибольший объем грузопотока приходился на нижний участок р. Селенги — от устья до Верхнеудинска. Из Иркутска сюда доставлялся груз, предназначенный для Читы, Восточного Забайкалья и Амура, количество его в 90-х гг. XIX в., в период строительства Забайкальской железной дороги, достигало 700 тыс. пудов, (Там же).

Долгое время пароходное движение оставалось не регулярным. Не существовало точно установленного расписания движения пароходов, рейсы совершались лишь по мере необходимости. Начало пассажирским перевозкам от Верхнеудинска до Усть-Кяхты положило «Товарищество Байкальского пароходства и Торговли», учрежденное купцами М.А. Коковиним и И.Н. Черных в 1905 г. Новая Компания заключает с наследниками Немчинова договор об аренде пароходов сроком на три года. С 1907 г., принадлежащий Товариществу заднеколесный пароход «Работник» открывает пассажирское движение по Селенге между Верхнеудинском и Усть — Кяхтой, совершая рейсы раз в пять дней.

В 1909 г., по сведениям А.К. Старицкого, на Селенге находилось 6 пароходов, три из которых («Сибиряк», «Серафим» и «Работник»), общей грузоподъемностью 4400 пудов, принадлежали «Товариществу Байкальского пароходства». Три других являлись собственностью разных лиц: один находился в распоряжении Начальника службы Байкальской ж/д переправы, «Отважный» принадлежал пароходовладельцу Л.Ф. Попову, и «Софроний» — «Товариществу Селенгинского пароходства». Вплоть до 1913 г. по Селенге рейсировали пароходы фирмы «Товарищества Байкальского пароходства и торговли» (М.А. Коковина), имея к тому же в своем распоряжении 8 барж, общей грузоподъемностью 49 тыс. пудов, они осуществляли практически монопольные грузоперевозки. Это обстоятельство позволяло товариществу диктовать цены за проезд пассажиров и транспортировку грузов. «Для борьбы с конкурентами товарищество скупило все участки, пригодные для постройки пристаней на реке Селенге» (Колмаков Ю.П. Из истории фирмы «Торговый дом Коковин и Басов» // Вопросы истории и истории философии. Вып. 4. Ирк. гос. пед. ин-т. Иркутск, 1966. С. 36).

С открытием в 1914 г. рейсов «Верхнеудинской пароходной компании» монополия Коковина была ликвидирована, он вынужден был понизить на половину тарифы на перевозку пассажиров и грузов. В 1915 г. в

распоряжении этой компании находилось два парохода: «Иннокентий», (в 1916 г. переименованный в «Компаньона») и «Волна». В связи с конкуренцией пароходства Кокovina, Верхнеудинская компания перевозила грузы на 30 и даже 40% ниже утвержденной, согласно § 9 договора, таксы, (ГАИО, ф. 31, оп. 1, д. 680, л. 24).

По этому договору, заключенному 13 декабря 1913 г. Управлением Внутренних Водных Путей и Шоссейных дорог с «Верхнеудинской пароходной компанией» (Кравца, Меера и Коржавина), компания обязана была совершать в навигацию 75 срочных рейсов (от Верхнеудинска до Усть-Кяхты), получая при этом в качестве государственной субсидии 15 900 р. в год. Однако в 1914 и 1915 гг. Компания выполнила гораздо меньшее количество рейсов, чем было предусмотрено договором — 51 и 40 рейсов соответственно и почти все с огромными опозданиями, предусмотренная же бесплатная перевозка почты не производилась вовсе. Хотя опоздания и временные остановки движения судов произошли не по вине компании, а в результате резкого повышения уровня воды в Селенге и соответственно увеличения скорости течения, что затрудняло движение вверх по реке, а наиболее опасные места можно было проходить только тихим ходом, военный губернатор Забайкальской области довольно негативно отозвался о работе такого субсидированного пароходства. По его словам, — «развитие пароходства возможно лишь посредством частных предприятий, соответственно экономическим потребностям Прибайкальского края, на началах свободной конкуренции. В противном случае, никакие субсидии от казны не помогут. Субсидируемые пароходства будут по-прежнему обречены на жалкое существование, совершая свои рейсы с огромными простоями, медленно, с пароходами, переполненными пассажирами» (ГАИО, ф. 31, оп. 3, д. 392, л. 63).

Однако на тот момент на Селенге действовало и «Байкальское пароходство...», что уже не дает права говорить об отсутствии конкуренции.

В отдельные годы судоходство на Селенге замирало, а через некоторое время вновь наблюдалось оживление. В большей степени это связано с непостоянством грузопотоков, а также особенностями навигации. Основная часть грузов шла через Кяхту из Китая и Монголии, с сокращением кяхтинской торговли значительно сокращалось и пароходное сообщение по Селенге. Можно сказать, что и само пароходство возникло и развивалось благодаря кяхтинской торговле. Проникновение России на Дальний Восток приводит к оживлению грузоперевозок на сибирских реках. Новый подъем в развитии селенгинского судоходства связан с началом строительства Забайкальской, а позднее Кругобайкальской железной дороги, в связи с чем, резко возрастает объем казенных грузов, перевозимых водой и предназначенных для железно-дорожного строительства.

После сдачи в эксплуатацию железной дороги наступает закономерный спад в работе водного транспорта Селенги. Естественно, учитывая сезонность работы водного транспорта, сложные судоходные условия

этой реки и как следствие практически постоянные нарушения графика движения судов, а главное то, что железная дорога, построенная от Верхнеудинска до Байкала, проходила практически параллельно р. Селенге, не способствовало увеличению грузоперевозок и интенсивности пароходного движения. Довольно быстро железная дорога привлекает основной грузопоток.

Еще один этап в оживлении пароходного сообщения связан с русско-японской войной, полностью загрузившей железную дорогу воинскими перевозками, вследствие этого, пароходство, не только Селенгинское, но и Ангарское и Байкальское занималось исключительно доставкой коммерческих грузов. С окончанием войны пароходство вновь теряет значительную часть грузов.

Е.В. СЕВОСТЬЯНОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Современные ученые аграрии утверждают, что общественное мнение, формирующееся независимо от государства и свободное от его опеки (но базирующееся на профессионализме), и сегодня должно лежать в основе преобразований отечественного сельского хозяйства. Реформы 60–70 г. XIX в. позволили негосударственным институтам играть активную общественную роль, тем самым, разрушая монополию на общественную жизнь, ранее принадлежавшую самодержавию и бюрократии. Дух «самодеятельности», захвативший русское общество в пореформенную эпоху (создание различных обществ, объединений, движений), давал возможность многим россиянам того времени направить свои усилия на общественно-полезную деятельность. В Иркутске в 1867 г. было инициировано Восточно-Сибирское отделение Русского Технического Общества. Его активным инициатором, председателем и «главным деятелем» был Б.А. Милютин, состоявший членом Совета Главного Управления Восточной Сибири (всех учредителей было 20 чел.). В обращении учредителей отдела указывалось, что без пробуждения общественности нельзя рассчитывать на подъем промышленности и сельского хозяйства в регионе. Отдел в 1868 г. провел в Иркутске промышленную и сельскохозяйственную выставку, устроил образцовую крестьянскую усадьбу в с. Черемхово, но с отъездом Б.А. Милютина отделение постепенно прекратило свою деятельность.

В конце XIX в. в России одной из форм проявления общественной инициативы было создание Обществ сельского хозяйства (СХО). На территории Восточной Сибири они действовали либо как отделы Московского Общества сельского хозяйства (МОСХ), либо самостоятельно. Императорское Московское общество сельского хозяйства было создано в 1820 г.,

по инициативе крупнейших землевладельцев и общественных деятелей того времени — князя Д.В. Голицина, графа П.А. Толстого, С.И.Гагарина, Н.Н. Муравьева, А.М. Пушкина и др. МОСХ было притягательным центром для выдающихся умов России на протяжении всего XIX и начала XX вв. Особое место в деятельности МОСХ отводилось проблеме приспособления систем земледелия к местным условиям. В России интерес общественности к СХО возрос после аграрного кризиса 1880–1890 гг., годов 1891–1892 гг. В учреждении СХО было заинтересовано и правительство. В 1898 г. был утвержден «нормальный устав» (примерный), а право разрешать Общества было предоставлено губернатору. Инициатива СХО часто исходила от правительства, но активно поддерживалась земством и общественностью. По уставу СХО могли открывать библиотеки, проводить лекции, изучать положение различных отраслей сельского хозяйства, снаряжать экспедиции. Количество СХО быстро росло: в 1887 г. в России было 96 СХО и 35 филиалов; в 1904 г. — 734, а к 1911 г., по данным Департамента земледелия — 3103. В современных исследованиях роль крупных СХО в развитии сельскохозяйственной науки оценивается высоко. Одновременно отмечается, что деятельность СХО вносила диссонанс, объективно подчеркивая несовместимость передовых методов и существующей системы социальных отношений. (175 лет Императорскому МОСХ // Отечественная история. 1997. № 1. С. 208 и др.)

На организацию СХО в Восточной Сибири повлияли потребности сельскохозяйственного освоения, переселенческое движение, необходимость интенсификации земледелия и распространения сельскохозяйственных знаний. В середине XIX–начале XX вв. традиционное крестьянское хозяйство претерпевало серьезные изменения, вызванные целым рядом социально-экономических, демографических, культурологических факторов, в этой связи и в правительственных и в общественных кругах с особой остротой встал вопрос о помощи, в том числе и через организацию СХО. О необходимости сельскохозяйственного образования заявляли и коренные народы (буряты Забайкалья, например).

В Восточной Сибири первые отделы МОСХ были организованы в Красноярске (1890 г.) и Минусинске (1895 г.). Красноярское провело сельскохозяйственную выставку; организовало библиотеку (в 1900 г. в ней было 567 книг). В 1899 г. устроило ряд лекций по маслоделию и пчеловодству. Был поставлен вопрос о сельскохозяйственной школе. (Государственный архив Иркутской области ф. 25, оп. 10, д. 2384, л. 8) В Минусинское СХО записалось до 200 чел., начались чтения, но к 1904 г. деятельность его замерла. С учреждением в 1904 г. в Енисейской губернии должности правительственного агронома активизировалась и деятельность СХО. С 1907 г. оно действовало совместно с агрономической службой Переселенческого управления. Красноярское СХО получило разрешение на издание специальной газеты, в 1911 г. организовало двухгодичные сельскохозяйственные курсы.

Толчком к организации Забайкальского СХО стала прошедшая в Чите в 1899 г. выставка. Общество имело справочно-посредническое бюро, в 1909 г. решило организовать семенной склад, но, в целом, было малодейственным.

Иркутское СХО, учрежденное в 1906 г., первоначально не вызвало широкого интереса: в 1907 г. в составе СХО было 173 чел., но основная часть состава была индифферентна. Собрания за 1906–1909 гг. посещало, в среднем по 15 чел.; к 1912 г. в составе СХО осталось 100 чел.; в 1914 г. было 122. (Отчет о деятельности Иркутского СХО за 1913 г. Иркутск, 1914.)

Несмотря на это, Иркутское СХО действовало активно. Общество рассылало семена, книги учителям и в волостные правления. В 1913 г. провело обследование семян по губернии, с целью выбора наиболее урожайных сортов; составляло доклады по развитию животноводства; издавало журнал «Иркутский хозяин». В 1908 г. был организован отдел птицеводства, проводивший специализированные выставки (за 1910 г. — четыре). В 1908 г. с инициативой проведения сельскохозяйственной общегубернской выставки выступил член СХО В.Б. Попов, мотивируя тем, что она не только покажет уровень развития сельского хозяйства, но и «сблизит хозяев, возбудит их соревновательность».

Неоднократно поднимался вопрос о планомерном научном изучении региона, но для этого не хватало ни материальных средств, ни сотрудников. В 1914 г. СХО стало активнее организовывать филиалы (по уставу могло открыть филиал при наличии 5 чел.). С целью пропаганды СХО, в 1914 г. разослало 1000 писем по волостным правлениям, сельским управам, учителям, священникам, агрономам. В результате было получено 60 заявлений от крестьян о вступлении в СХО. Из 18 сел поступили заявления о том, что желательнее организовать — отдел СХО, сельскохозяйственную школу, чтения по сельскому хозяйству и т.д.

Важным направлением пропаганды сельскохозяйственных знаний стала рассылка книг и организация библиотек в селах. В Енисейской губернии Красноярский отдел МОСХ помог создать библиотеки в селах Рыбинское, Казачинское, Вершино-Шалинское. В Иркутской губернии библиотеки-читальни начали организовывать после 1911 г. в с. Бельское, с. Манзуровское Верхоленинского уезда, с. Урик Иркутского уезда. (ГАИО, ф. 178, оп. 1, д. 45, л. 17, 28; д. 63, л. 16) Здесь были открыты сельские СХО.

Произошедшее в 1911 г. объединение общегубернских и переселенческих агрономических организаций под началом Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия позволило увеличить штаты сотрудников, теперь во все уезды назначались инструкторы. Они часто инициировали создание СХО. В с. Манзурка Иркутской губернии в 1911 г. инициатором СХО был инструктор сельского хозяйства И.И. Серебренников. Всех учредителей было 19 чел. Отметим, что их политическую благонадежность тщательно проверяла полиция. (ГАИО, ф. 32, оп. 1, д. 5292, л. 15; д. 4994, л. 61.) Основанием для контроля полиции был цир-

куляр МВД. В нем предписывалось проследить, чтобы перед выборами в IV Государственную Думу не обсуждались вопросы, способные «вызвать смуту в крестьянской среде» или «породить нежелательные надежды». Таким образом, правительство, хотя и заинтересованное в организации СХО, не ослабляло полицейского и административного контроля.

В целом, в Восточной Сибири было на 1911 г. 16 СХО. Из них: в Енисейской губернии — 5; Иркутской — 9, здесь же одно Общество рыбоводства и одно Общество птицеводства; в Забайкалье — 2 СХО. Городскими были: Иркутское, Читинское, Красноярское, и уездные — Минусинское и Ачинское. В 1914 г. в Иркутское СХО поступили заявления об организации филиалов из пяти сел. Сведения, возможно, не точны, поскольку в селах стремление к организации СХО могло выливаться в другие формы — потребительские лавки, кооперацию и т.д.

В условиях Восточной Сибири желание общественности повышать уровень сельскохозяйственных знаний населения заставляло инициировать и другие общества. Так, при организации Общества попечения о начальном образовании (ОПНО) в Нерчинске Забайкальской области говорилось, что само его появление вызвано необходимостью открытия сельскохозяйственной школы. В Нерчинске наиболее ранние попытки распространения сельскохозяйственных знаний были связаны с именами М.А. Зензинова и П.И. Першина. Последний еще в 1875 г., будучи городским головой, посвятил этому специальный доклад. В 80-е гг. XIX в. обсуждения о потребностях развития народного образования чаще всего сводились к необходимости сельскохозяйственной школы. Нерчинское ОПНО с 1910 г. проводило чтения по вопросам сельского хозяйства. Тогда же правительственные агрономы, осмотрев местность и почву близ Нерчинска, нашли их «неподходящими» для открытия сельскохозяйственной школы. В итоге, несмотря на предлагаемые городом 15 тыс. р. начального капитала, строить там школу не согласились. (ГАЧО, ф. 4, оп. 7, л. 1.; ф. 115, оп. 1, д. 14, л. 41.)

В начале XX в. возрос интерес к деятельности Обществ со стороны крестьян. Увеличилось количество ходатайств сельских обществ о проведении лекций по сельскому хозяйству и о кооперации. При этом процедура разрешения оставалась сложной, и полиция могла пресечь инициативу. В 1908 г. Минусинское ОПНО и СХО решили организовать совместный цикл лекций по сельскому хозяйству, но исправник запретил, мотивируя тем что «крестьяне больше лектора знают о почве, т.к. всю жизнь в земле роятся». В Иркутской губернии лекции, проводимые в некоторых крупных селах, вызвали большой приток слушателей. В 1913 г. в с. Тулун отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта организовал лекции «О кооперации» (читал инспектор Иркутского отделения Госбанка) и «О кормах» (агроном).

Одной из форм изучения сельского хозяйства региона было анкетирование, активно использовавшееся в Иркутской губернии. Анкетирование проводили ВСОРГО, Общество изучения Сибири и улучшения ее быта. ВСОРГО предпринял обследование сельского хозяйства губернии

в 1892 г., в 1899 г. В 1901 г. продолжилось изучение кустарных промыслов. Анкетирование использовало Иркутское СХО, которое в 1914 г. разослало более 300 анкет по птицеводству, включающих 28 вопросов. В Забайкалье анкетирование проводило Общество изучения Сибири. По его результатам был подготовлен доклад М.А. Колобова «Об экономическом положении Забайкальской деревни, в связи с войной». (ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 2, л. 5.)

В годы первой мировой войны задачи научного изучения отошли на второй план у всех СХО, кроме Иркутского. Основным, а часто и единственным, побудительным мотивом инициативы была практическая помощь населению. Однако научный потенциал накапливался, особенно в губернских СХО, располагавшими интеллектуальными силами. Общими чертами для Обществ были: преобладание интеллигенции; непостоянство состава; ограниченный круг исследователей, неравномерность работы. Заслуга СХО состояла в том, что они создавали атмосферу общественного интереса. Этому способствовала издательская деятельность, анкетирование, организация библиотек в селах, проведение выставок, выступления с докладами на собраниях, на которые допускалась посторонняя публика.

Общественная инициатива не могла радикально повлиять на образ жизни сельчанина. Однако представления общественности о нуждах деревни расширились. В 1915 г. Забайкальский отдел Общества изучения Сибири, обсуждая экономические перспективы развития Забайкалья, отмечая «пробуждение деревни», стремление к общему и профессиональному образованию, признал, что только создание земства может «вывести деревню на правильный путь» (Там же, л. 3). Тогда же было решено издать и распространить в сельских поселениях популярную брошюру о земстве. В целом, на рубеже XIX–XX вв. общественная жизнь во всех ее проявлениях была настолько политизирована, что многие своевременные и полезные общественные инициативы пресекались из-за вполне реального опасения политической пропаганды.

С.А. СЕМИНА

РОЛЬ КООПЕРАЦИИ В РАЗВИТИИ КУСТАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Возникновение кооперативного движения в России началось с 60-х гг. XIX в., после отмены крепостного права, когда наиболее усилилась потребность интенсификации крестьянского и помещичьего хозяйства. Наибольшее распространение кооперация получила на окраинах России, где не было помещичьего гнета, а капитализм развивался свободнее и быстрее. Значение сибирского региона особенно усилилось с проведением железнодорожной магистрали в конце XIX в., которая соединила восточ-

ную окраину с Европейской Россией и дала возможность сибирским товаропроизводителям выходить со своей продукцией на зарубежные рынки. Очень важную роль в развитии сибирской кооперации сыграла аграрная реформа П.А. Столыпина, в ходе которой повысилась кредитоспособность многих сельских хозяев.

В Иркутской губернии начало кооперативного строительства относится к первому десятилетию XX в. Здесь были хорошо развиты кредитная и потребительская кооперация, которые на первых порах развивались за счет экономической стабильности и высокой товарности зажиточных хозяйств. Местные купцы-кооператоры имели большие доходы, так как дешевый кредит пользовался большим спросом у сельского населения. Он открывал возможности для сбережений без посредников, а также для получения кредита с целью приобретения продуктов сельского хозяйства, быта, посевного материала, содействия развитию побочных промыслов и кустарного производства.

К началу 1917 г. в губернии насчитывалось уже несколько кооперативных союзов, район деятельности которых не ограничивался рамками губернии. Территорию от Енисейской губернии до Якутии на севере и до Монголии на юге охватывал *Иркутский союз кредитных товариществ*. В 1918 г. кредитная кооперация Сибири была объединена Союзом Сибирских кредитных союзов (Синкредитсоюз). Потребительская кооперация в губернии была представлена *Иркутским союзом кооперативов*, операции которого также выходили за пределы губернии. Все потребительские общества Сибири и их союзы были объединены Закупсбытом, который, возникнув в 1916 г. из скромной конторы по закупке и сбыту товаров превратился в один из крупнейших союзов потребительской кооперации Сибири и страны. Масштаб его деятельности охватывал, помимо России, крупнейшие европейские государства и Американский континент. На тесном сотрудничестве с Закупсбытом была построена деятельность его Иркутской конторы. Наконец, верховья р. Лены, Киренского уезда и части Якутии обслуживал *Ленский союз кооперативов*, который занимался закупом сырья (главным образом, пушнины) и снабжением населения продуктами питания.

В годы Первой мировой войны кредитные и потребительские кооперативы выступили как организаторы кустарного производства, способствуя росту его производительности. Например, в задачи Закупсбыта входили «закупка, заготовка и продажа на комиссионных началах и за свой счет разного рода товаров, в целях снабжения ими кредитных и других кооперативных союзов, равно для сбыта в России и за границей продуктов сельского хозяйства, ремесла и промысла, принадлежащих членам товарищества» (ГАИО, ф.р-322, оп. 1, д. 37, л. 102). Организовать мелкое производство было гораздо легче, чем среднее и крупное. Во-первых, оно не требовало значительных капитальных затрат. Во-вторых — не нуждалось в крупных оборотных средствах, обходясь почти целиком местным сырьем, и в квалифицированной рабочей силе, привлекаемой

со стороны. Малые затраты на организацию производства явились основной причиной того, что продукция кустарной промышленности Сибири была более конкурентоспособной по сравнению с произведенной на государственных предприятиях. В-третьих, организовать и поддерживать кустарное производство в тот период оказалось гораздо проще, поскольку оно в малой степени зависело от состояния транспорта, так как радиус сбыта кустарных изделий был невелик. Потребность в продукции кустарного производства была огромна, к тому же кустарь мог осуществить обмен своих изделий на необходимые продукты.

Поддержка кустарного производства со стороны кооперативных организаций обуславливалась спросом на товары широкого потребления. При кооперативах и товариществах открывались артели, мастерские по ремонту оборудования и кустарному производству. В 1914 г. кооператорами П. Пономаревым и А. Медведевым было создано Усольско-Иркутское кожевенное товарищество (Памятная книжка Иркутской губернии на 1914. Иркутск, 1914. С. 55). В 1916 г. потребительские общества Верхленского уезда организовали сбыт чирок и ичигов местных кустарей, а кредитные товарищества уезда — Знаменское, Тутурское и Тимошинское — приступили к организации Илгинско-Тутурской кожевенной артели (Иркутский кооператор. 1916. № 17–18. С. 19).

Своеобразие хозяйственной конъюнктуры военного времени привело к усилению организационного и финансового участия правительственных органов, кредитной и потребительской кооперации в кооперировании кустарного производства. К объединению кустарей в кооперативы подталкивала выгодность совместной кредитной и сбыто-снабженческой деятельности. Так, о принятии в члены кредитного союза, чтобы заручиться его финансовой поддержкой, ходатайствовала трудовая артель шапочников и картузных мастеров г. Иркутска. В числе ее учредителей были братья Гольсман, А.Т. Соломонова, С.Б. Кварт, И.Г. Киршенбаум, Б.А. Озерников и др. (ГАИО, ф.р-322, оп. 1, д. 4, л. 8). Пайщиками в Бадайское ссудо-сберегательное товарищество решили войти кооператив «Свободный труд» и мастерская по изготовлению ичигов и чирков (Там же, д. 36, л. 64).

В условиях ведения войны перед кооперацией ставились вопросы организации промышленного товарообмена. Для этого необходимо было определить местный производственный потенциал. В 1918 г. статистический отдел Иркутской губернской земской управы приступил к проведению обследования промышленных предприятий Бельской волости Черемховского уезда, который являлся наиболее развитым в промышленном отношении районом. В уезде также существовала масса мелких предприятий, имевших кустарный характер производства. В результате проведенной работы было зарегистрировано около 100 мелких и кустарных заведений с общим доходом в 0,5 млн р. в год (Деятельность Иркутского губернского Земства // Земская Сибирь. 1919. № 3–4. С. 22). Деятельность этих производств вскоре была взята под патронаж коопе-

рации, так как недостаток промышленных товаров кооперация пыталась компенсировать поддержкой развития кустарных промыслов.

Активную работу в этом направлении вел Иркутский кредитный союз, который в 1918 г. обслуживал 85 товариществ и 45 тыс. чел. — 70% всего производительного сельского населения губернии (ГАИО, ф.р-322, оп. 1, д. 41, л. 27). Уже в марте 1918 г. судо-сберегательные товарищества приступили к организации кузнечно-слесарных и кустарных мастерских в населенных пунктах Малышевка, Залари, Тангуй, В.-Острожное, Бельск, Уян и др. Кредитным союзом был приобретен чугунолитейный механический завод.

В связи с появлением промышленных предприятий в кооперативной системе остро чувствовалась потребность в создании специального союза, который бы занимался организацией промышленного производства. И уже в 1918 г. был создан Восточно-Сибирский кооперативный промышленный союз (Вокопром) с центром правления в г. Иркутске, деятельность которого распространялась на всю кооперацию Восточной Сибири. Цель союза — развитие собственной промышленности по следующим производствам: кожевенному, обувному, скорняжному, овчинно-шубному, солеваренному, стекольному, мыловаренному, гончарному, маслобойному и деревоперерабатывающему.

Реализация этой программы проходила на местном уровне при помощи Иркутского кредитного союза. Ссудо-сберегательными товариществами открывались пимокатная мастерская в Усолье, маслобойный завод и производство огнеупорного кирпича в Узком лугу. Слесарно-кузнечные и кустарные мастерские открывались Больше-Еланским, Больше-Жилкинским, Биликтуйским кредитными товариществами. Тельминским и Больше-Мамырским кредитными товариществами открывались склады сельскохозяйственных машин, маслодельные заводы, кожевенные мастерские (Там же, д. 36, л. 58, 62.; д. 85, л. 7–8, 66, 72; д. 68, л. 2).

Многое еще планировалось организовать. Специально с этой целью в 1919 г. А.Д. Пешковым было проведено обследование, которое давало сведения о масштабах деятельности ссудо-сберегательных и кредитных товариществ и кооперативов, об открытии планируемых производств и о средствах, необходимых для этих целей. Размер необходимого кредита колебался от 3 до 100 тыс. р. (Там же, д. 36, л. 79). Реально получить его могли только те виды мелкого и кустарного производства, которые непосредственно работали на восстановление транспорта и промышленного товарообмена: слесарно-кузнечные, пимокатные, кожевенные мастерские; кустарная перегонка дерева (производство смолы, скипидара, древесного спирта), вырабатывающая канифоль для технических нужд, которая раньше поставлялась из Америки; др.

Таким образом, период Первой мировой войны характеризовался стимулированием развития кустарного производства, внедрением механического оборудования, снабжением необходимого сырья и сбытом

готовой продукции. На базе этого зарождался процесс сближения кустарного производства со средним и крупным. Тесно связано с кустарным производством Иркутской губернии было кооперативное строительство. Если в дореволюционный период основной объем ссудо-сберегательных товариществ составляли кредитные операции, то после 1917 г. преобладающей становится их товарная и снабженческо-сбытовая деятельность, обусловленная экономическим кризисом и условиями военного времени. Открытие ряда ремонтных, кузнечно-слесарных мастерских, финансирование кожевенных и пимокатных заведений, а также организация сбыта пушнины — все это входило в сферу влияния кооперативных организаций Иркутской губернии и отвечало нуждам военного времени.

В.В. СИНИЧЕНКО

ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВ В ГОРНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО И ИРКУТСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВ

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев, начиная с 1856 г., когда была образована Приморская область в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, предлагал допустить в регион иностранных предпринимателей для добычи полезных ископаемых.

В 1859 г. торговый агент Северо-Американских Соединенных Штатов в Хакодате Рейс вел переговоры с генерал-губернатором о вывозе сахалинского угля в Америку. Н.Н. Муравьев разрешил Рейсу осмотреть копи в селение Дуэ и вывезти до 100 т угля в Сан-Франциско.

Качество угля в САСШ признали хорошим. В 1860 г. одно американское пароходное агентство, действовавшее на линиях Сан-Франциско — порты Китая и Японии, возбудило через посланника в Петербурге ходатайство о заключении с российским правительством контракта на вывоз с Сахалина до 50 тыс. т. угля ежегодно. При этом компания предложила — или самой добывать уголь, или получать его из казенных рудников. Но МИД России выступил против предоставления американцам каких-либо прав на получение угля, так как остров тогда находился в общем владении с Японией и юридические права каждой из сторон на полезные ископаемые еще не были определены (Панов А.А. Сахалин как колония. М.: Сытина, 1905. С. 26).

Однако, в 1862–1863 гг., российское правительство поручило консулу в г. Хакодате поискать в Японии и Китае покупателей на сахалинский уголь. Продавать его планировалось по цене в 7 р. за пуд. Цена устраивала иностранных предпринимателей, но неожиданно оказалось, что в нее не были заложены накладные расходы.

Из-за необорудованности сахалинских портов доками и складами для хранения угля немногие могли воспользоваться этим предложением.

Тем не менее, в середине 60-х гг. XIX в. шанхайский торговый дом «Олифант и К^о» арендовал 500 сажень береговой линии вдоль реки Сартунай для разработки залежей угля. Фирма, не жалея денег, сразу широко поставила дело и начала разработку угля штольнями, завела пароход и баржи, устроила на берегу склады для угля и товаров. Несколько позднее разрешение на отвод каменноугольных участков получили еще два американских предпринимателя — Д. Краули и О. Эше (Там же. С. 22).

В 1866 г. Главное управление Восточной Сибири разрешило немцу У. Лонкерду добычу угля на Сахалине.

После этого к генерал-губернатору Восточной Сибири поступило до 40 прошений от иностранных предпринимателей. Это испугало местную администрацию, выдававшую участки на основании правил Устава Горного, но без специального по каждому случаю разрешения правительства, что требовалось, ибо Сахалин считался пограничной территорией. Поэтому раздача участков иностранцам была запрещена. Новый генерал-губернатор М.С. Карсаков получил за несанкционированное предоставление арендных прав в 1869 г. выговор в Петербурге. Для угольных работ на Сахалине, чтобы устранить иностранную эксплуатацию острова, было решено использовать каторжников.

В дальнейшем частная добыча каменного угля сосредоточилась в руках узкого круга российских предпринимателей, среди которых выделялся, финн Т.Д. Линдгольм. В 80-х гг. XIX в. он добывал в крае 2 588 742 пудов угля (Слюнин Н.В. Современное положение Дальнего Востока. СПб.: Тип. МФ, 1908. С. 114). Иностранные предприниматели в Восточно-Сибирском, а с 1887 г. в Иркутском генерал-губернаторстве были вынуждены ограничиться торговлей и действовать в организации промышленных предприятий края через российских подданных.

Так, в конце XIX–начале XX вв. в районах Восточной Сибири было учреждено 18 бельгийских, английских и французских акционерных обществ с капиталом свыше 48,5 млн р. До русско-японской войны из иностранных капиталов преобладал бельгийский, а уже с 1904 г. английский капитал. К 1911 г. англичане затратили на русскую золотопромышленность 62 млн р. Накануне первой мировой войны в России золото добывалось пятью иностранными предприятиями с основным капиталом в 25 млн р., из них четыре были английскими с 22 млн р. акционерного капитала и одно франко-бельгийское с 3 млн р. (Хроленок С.Ф. Золотопромышленность в Сибири (1832–1917). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. С. 155).

В 1906 г. в Лондоне было зарегистрировано 27 синдикатов с капиталом около 1525 тыс. фунтов стерлингов для разведки и эксплуатации восточно-сибирских богатств. Большинство из них ограничило свою деятельность получением прибыли на спекуляции акциями, продажей их по цене выше и ниже номинала (Там же. С. 156–157).

Однако некоторые корпорации внедрялись в отечественное производство. Так, было учреждено английское общество «Русская горнопромышленная корпорация». Основным капитал корпорации был определен в 350 тыс. р. и разделен на акции, главными держателями которых являлись английские банки. Корпорация выполняла функции посредника между английским финансовым капиталом и акционерными обществами Сибири. Так, корпорации удалось в 1908 г. скупить 74,5% акций «Лензолото». Пакет акций был передан образуемому обществу «Лена Гольдфидс» с основным капиталом в 14 млн р. На общем собрании акционеров в декабре 1911 г. общество «Лена Гольдфилдс» предъявило акций на сумму 7,4 млн р., оно же открыло кредит «Лензолото» в 10 млн р. (Там же. С. 157). Следует отметить, что часть голосующих и привилегированных акций предприятия находились в руках русских директоров правления и держателей: Тимирязева, Путилова, Вышнеградского. Это было обусловлено тем, что чисто иностранные акционерные компании не допускались к разработке недр.

Биржевые спекуляции, финансовые миражи, создающие видимость возможности привлечения в отрасль депозитарного капитала, фактическое проникновение иностранных собственников в край под прикрытием фиктивных владельцев, все эти обстоятельства подтолкнули Министерство Торговли и Промышленности выступить и добиться в 1912 г. снятия ограничений для иностранного капитала (АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. (1911–1914). Оп. 487. Д. 766. Л. 108).

Но ожидаемого привлечения в отрасль иностранных инвестиций не произошло. Иностранцы предпочитали эксплуатировать рудники востока России на правах концессий. Перед Первой мировой войной в добывающей и обрабатывающей промышленности региона на концессионных условиях действовало 17 иностранных предприятий, в том числе 6 китайских и 3 японских. Иностранные капиталисты предпочитали эксплуатировать ранее разработанные месторождения, не разрабатывали новых, так как расходы на строительство жилья для рабочих и создания транспортной инфраструктуры нового прииска могли окупиться только через 4–5 лет. Для снижения своих издержек, иностранные предприниматели активно использовали на горных работах иностранную рабочую силу — дешевый труд корейцев и китайцев.

Но эксплуатация старых месторождений — еще не угроза российской экономике. В конце-концов государству все равно, кто — китаец или русский платит налоги. Лишь бы он платил своевременно и в больших объемах. Но, следует отметить, что золото и каменный уголь, иностранные предприниматели не вывозили, они продавали его в 1912–1914 гг. на внутреннем российском рынке, российским потребителям. Следовательно, привлечение иностранных капиталов привело не к притоку капитала, а скорее к его оттоку из России, в виде полученной иностранцами прибыли (Особые журналы Совета Министров Российской империи. 1909–1917 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 2000. С. 114–115).

Итак, иностранные капиталы не развили горную промышленность восточных регионов страны. Более того, иностранцы предпочитали вкладывать средства в создание концессий, а не промышленных объектов края. В концессии, в основном, и шел их депозитарный капитал.

Подобное нежелание иностранных капиталистов нести расходы по расширенному производству в горной отрасли (основном виде промышленного производства края) объясняется тем, что высокие инвестиционные расходы в северном крае с высокой сезонной температурой, большими расстояниями и необорудованной системой дорог не позволяли иностранным предпринимателям надеяться на быструю окупаемость вложенных капиталов. Без государственной поддержки любые коммерческие начинания в горной промышленности края были обречены в условиях рынка на неудачу.

Н.В. СМЕТНЕВА

ПРОИЗВОДСТВО И ТОРГОВЛЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ КАЗЕННОЙ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ (1904–1917 гг.)

Промышленность России начала активно развиваться после проведения буржуазных реформ 1860-х гг. и в последнее десятилетие XIX в. достигла наивысшей отметки. Среди экономических проявлений наиболее яркими были: строительство Транссибирской железнодорожной магистрали и широкое строительство железных дорог по всей стране, рост судостроения, более широкое использование машин в промышленности и сельском хозяйстве, активная подготовка к проведению денежной реформы и многое другое. Для осуществления всех этих грандиозных проектов Министерство финансов разработало план экономического развития страны, направленный на устранение бюджетного дефицита путем усиления государственного вмешательства в процесс регулирования экономики и увеличения косвенных налогов. Одним из пунктов этого плана было введение в России государственной винной монополии.

Акцизная система не оправдала надежд, возлагаемых на нее правительством и Министерством финансов. Для увеличения доходов бюджета правительство воспользовалось проектом о казенной винной монополии, предложенным министром финансов И.А. Вышнеградским. Введение монополии осуществлялось осмотрительно и поэтапно на протяжении восьми лет. Реформа проводилась последовательно по регионам России, сначала в европейской части страны, затем в азиатской.

Питейная монополия, введенная в России, представляла собой не полную монополию. Сущность «Положения о казенной продаже питей» сводилась к следующему. Винокурение, а также варение пива, портера, меда и приготовление браги находились, как и прежде, в распоряжении

частных заводчиков, но развитие производства на заводах ставилось под контроль высшей администрации. Продажа спирта, вина и водочных изделий являлась исключительным правом казны. Торговля производилась либо казенными заведениями, либо заведениями, принадлежавшими частным лицам, получившим разрешение на ее осуществление.

Закупка казной спирта проводилась следующим образом: две трети годовой потребности спирта Акцизные управления приобретали на местных заводах района казенной продажи по ценам, ежегодно определяемым Министерством финансов в соответствии с местными условиями производства винокурения (так называемая «разверстка»). Остальная треть спирта покупалась на торгах. Если торги не состоялись или цены на них были, по мнению Министерства финансов, слишком высокими, спирт закупался хозяйственным способом.

22 декабря 1894 г. от имени С.Ю. Витте вышел циркуляр, в котором говорилось, что монополия прежде всего должна способствовать народному отрезвлению, а затем уже преследовать интересы фиска. Среди основных целей реформы казна признавала уменьшение экономического и общественного вреда пьянства, изъятие из частных рук раздробительной торговли вином, уничтожение распивочной торговли, создание «Попечительств о народной трезвости», изготовление питей исключительно из ректифицированного спирта.

Наблюдение за введением и действием монополии Министерство финансов возложило на Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей.

В Восточной Сибири (Енисейской и Иркутской губерниях, Забайкальской и Якутской областях) винная монополия вводилась с 1 июля 1904 г. Делами монополии здесь занималось акцизное управление Восточной Сибири. Губернии делились на акцизные округа, которыми руководили надзиратели; в их распоряжении находились помощники, за каждым из которых закреплялся определенный акцизный участок. К моменту введения на территории Иркутской губернии казенной винной монополии здесь действовали 15 частных винокуренных заводов, в Енисейской губернии — 10 (ГАКК, ф. 156, оп. 1, д. 28, л. 87).

Развитию винокуренного производства в Восточной Сибири способствовала постройка в конце XIX в. Транссибирской железной дороги, повлекшая за собой увеличение потока переселенцев и расширение рынков сбыта продукции винокуренных заводов. Следует отметить, что развитие винокуренной промышленности в начале XX в. происходило неравномерно, что было напрямую связано с политической обстановкой в стране (участие России в войнах, политические кризисы внутри страны) и сказывалось на объемах производства. Так, в Иркутской губернии в 1906 г. после событий первой русской революции с местных винокуренных заводов поступило 1 194 035,175 ведер ректифицированного спирта в 40°, а в период первой мировой войны в 1915 г. заводами было произведено

всего 366 097 ведер спирта сырца в 40°, их которых ректифицировали всего 364 903 ведра (ГАИО, ф. 160, оп. 3, д. 292, л. 44–45).

В случае сокращения выпуска спирта и уменьшения закупок казной спирта хозяйственным способом заводчики теряли часть прибыли. В некоторых случаях они получали от государства денежную компенсацию. В период действия государственной винной монополии в Восточной Сибири продолжали действовать предприятия, открытые еще в XIX в. На фоне активного фабричного строительства в других отраслях производства, винокурение было старейшей и наиболее развитой отраслью обрабатывающей промышленности. Винокурение одним из первых в Восточной Сибири стало на путь интенсификации производства. Постройка железной дороги во многом способствовала оснащению местных винокуренных заводов высокотехнологичным импортным оборудованием. Внедрение на всех заводах паровых машин, совершенствование оборудования и появление на некоторых заводах электроосвещения свидетельствуют об окончательном переходе к фабричному производству. В восточносибирском винокурении широко использовались разработки немецких инженеров (снаряды «Сименса и К°», аппараты «Геньшеля», «Коффеля», «Пфора и К°», «Мюллера Фугельзанга и К°», перегонные аппараты «Севаля» и пр.). В начале XX в. на винокуренных предприятиях Прибайкалья с внедрением нового сырья — картофеля, произошло снижение себестоимости готовой продукции. Так, в 1911 г. стоимость пуда картофеля колебалась от 15 до 23 к., цена пуда хлеба составляла 84–93 к. (Там же, д. 405, л. 81–83, 93–95). Удешевление процесса производства благодаря использованию дешевого сырья делало производство спирта более рентабельным. В 1913 г. из картофеля получали спирт семь заводов Иркутской губернии. Промышленное употребление картофеля стало важным шагом в развитии не только винокурения, но и сельскохозяйственного производства. Использование картофеля и хлеба в качестве сырья стимулировало развитие товарного земледелия.

Винокуренные заводы находились в частных руках, однако государство влияло на отрасль посредством установления закупочных цен и размеров поставок спирта в казну. Свободная конкуренция между предприятиями отсутствовала. Наличие государственного заказа (разверстки) на продукцию гарантировало заводчикам сбыт большей части готового спирта и стабильные прибыли. В то же время прибыль от винокуренных предприятий позволяла их владельцам содержать при заводах школы и больницы для рабочих, вкладывать деньги в другие отрасли производства.

Спиртоочистительное и водочное производство в Прибайкалье в период действия государственной винной монополии развивалось по двум направлениям: частное водочное производство и казенное производство на казенных винных складах в виде очистки спирта и приготовления питей. Что касается частного водочного производства, то в Иркутской губернии к 1911 г. оно было полностью прекращено, не выдержав конкуренции с казенной. Казенное производство по своим размерам в сотни раз превосходило

частное. Казенные склады были прекрасно оснащены. Наличие паровых котлов, ректификационных аппаратов паровых насосов и проч. позволяет назвать их казенными предприятиями фабричного типа. В Енисейском уезде существовало 3 казенных винных склада, оборудование для которых было изготовлено в 1902 г. в Таганроге обществом машиностроительного завода «Альберт Неве, Вильде и К°». По Иркутско-Якутскому Акционерному управлению было 5 казенных складов. Вплоть до первой мировой войны деятельность складов успешно развивалась, совершенствовалось оборудование, возрастали объемы производства. К сожалению, война и последовавшие за ней политические события в стране остановили этот процесс. Винная монополия коренным образом изменила положение на рынке спиртных напитков Восточной Сибири. Она почти полностью исключила участие частного капитала в сфере виноторговли, сделав продажу вина, спирта и водочных изделий исключительным правом государства. Необходимо отметить, что виноторговля в Восточной Сибири во многом зависела от политической ситуации в стране и социально-экономической ситуации в регионе, поэтому объемы продаж вина ежегодно менялись. Торговля спиртными напитками в период действия казенной винной монополии до начала первой мировой войны принесла в казну государства огромные прибыли. Так, в Енисейской губернии чистый доход по казенной продаже питей составил 4 591 474 р. 31 к. В 1914 г., несмотря на запрет продажи питей из-за начала войны, доход равнялся 2 283 306 р. По Иркутско-Якутскому Акционерному управлению в 1907 г. доход от продажи питей составил 9 144 651 р., 86 к. До августа 1914 г. из мест оптовой торговли было отпущено лишь 463 941 ведро в 40°, т.е. на 44,2% меньше, чем в 1913 г. При этом доходы казны снизились более чем на 3,5 млн р. (Там же, д. 501, л. 1–4).

Существование монополии было искусственно прервано изменившейся политической ситуацией в стране, но с 1904 г. до начала первой мировой войны, в августе 1914 г., она показала хорошие результаты: качество питей улучшилось, а доходы казны возросли.

А.А. ТИМОФЕЕВА

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РЫНКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ В РОССИИ

История становления и развития рынка ценных бумаг в России насчитывает около 150 лет. Функционировавший фондовый рынок играл важную роль в экономике России, во многом определял состояние промышленности, транспорта, сельского хозяйства и финансовой системы страны.

Первыми фондовыми ценностями, появившимися на финансовом рынке России, выступали государственные ценные бумаги. Возникновение рынка государственных ценных бумаг принято относить к 1769 г., когда при Екатерине II впервые был размещен внешний облигационный заем.

Условия выпуска определялись Высочайшим указом от 25 марта 1809 г., в соответствии с которым размер дохода был установлен в 6% годовых и плюс 1% грация, а срок займа составлял 10 лет. Следует отметить, что доходность государственных ценных бумаг была зафиксирована выше, чем доход, который предоставляли кредитные учреждения того времени, т.к. последние функционировали на финансовом рынке уже достаточно долго, а, следовательно, пользовались доверием у населения, имели разветвленную сеть своих отделений, которая делала их доступной и удобной для широкой публики. В связи с этим государство прибегло к дополнительным условиям выпуска своих ценные бумаги, принимая их в залог по всем подрядам и откупам и в определенной части — в уплату казенных сборов и таможенных пошлин. Процент и грация по облигациям выплачивались ежегодно вперед за год (Рынок ценных бумаг / Под ред. В.А. Галанова, А.И. Басова, 2-е изд., доп. и перераб. М., 2006. С. 270).

Размещение первого выпуска государственных ценных бумаг происходило на голландском рынке в городе Амстердаме. Ряд последующих государственных облигационных займов России также были размещены преимущественно голландском фондовом рынке путем заключения соглашения с посредниками-банкирами. Исследователи утверждают, что основная причина этого кроется в отсутствии доверия иностранных инвесторов к России (Колесников В.И., Торкановский В.С. и др. Ценные бумаги. / Под ред. В.И. Колесникова, В.С. Торкановского. М., 1999. С. 104).

Привлеченные от размещения государственных облигаций средства направлялись в основном на финансирование бюджетного дефицита, который возникал вследствие непрерывных войн. Однако преимущественными источниками покрытия растущих расходов казны по-прежнему оставались заимствование средств у государственных кредитных учреждений и эмиссия бумажных денег. Их чрезмерный выпуск привел к росту инфляции в стране, достигшей показателя в 10% к 1800 г. Причиной перехода на бумажные деньги — ассигнации явились война с Турцией и необходимость опосредования торгового оборота более удобными по сравнению с громоздкими медными и серебряными деньгами средствами обращения. В целях выпуска государственных ассигнаций в Москве и Санкт-Петербурге были созданы два банка, осуществляющие эмиссию и размен ассигнаций. Первый выпуск ассигнаций на сумму 1 млн р. был обеспечен медной монетой. Ассигнации выпускались достоинством в 100, 75, 50 и 25 р. В 1876 г. оба банка были преобразованы в единый Государственный ассигнационный банк, который в целях предохранения от подделки ассигнаций стал выпускать новые, усложненные ассигнации. Кроме прежних купюр в обращение были впущены ассигнации достоинством в 5 и 10 р.

Постоянное увеличение эмиссии ассигнаций обусловило их резкое обесценение, в результате чего к 1796 г. рубль в ассигнациях стал эквивалентен 68 копейкам серебром. В дальнейшем выпуск ассигнаций был связан с ростом расходов на военные цели и на поддержание дворянского

земледелия. В итоге к началу XIX в. стоимость ассигнационного рубля составляла $\frac{1}{4}$ стоимости серебряного. Правительство пыталось укрепить ассигнационный рублю путем установления принудительного курса, однако повысить его уровень не удалось. Население отказывалось использовать ассигнации, предпочитая звонкую монету (Поляков В.П., Московкина Л.А. Основы денежного обращения и кредита. М., 1995. С. 158–159).

Вышеизложенные обстоятельства повлияли на формирование внутреннего рынка государственных ценных бумаг в России. В 1810 г. правительство по «Плану финансов России», предложенному М.М. Сперанским, отказалось от эмиссии ассигнаций и приступило к выпуску внутренних процентных долговых обязательств — облигаций долгосрочного государственного займа с целью погашения бумажно-денежного долга. Однако первый выпуск ценных бумаг, который был размещен уже на территории нашей страны в мае этого же года, оказался неудачным. Из общей суммы 6-ти% семилетнего займа на 100 млн р. ассигнациями было реализовано лишь 3,2 млн р. (Таранков В.И. Ценные бумаги Государства Российского. М., 1992. С. 34). Основной причиной произошедшей ситуации являлось недоверие населения к новому инструменту финансового рынка, требующего ко всему прочему вложения денежных средств на столь длительный для дебютного выпуска срок.

В 1810 г. была утверждена Комиссия погашения государственного долга, на которую была возложена задача сократить, возросший после войны с Наполеоном долг, по выпущенным ассигнациям. Для реализации этой задачи было размещено несколько внешних и внутренних облигационных займов (Гурьев А. Очерк развития государственного долга России. СПб., 1903. С. 20–22).

В 1817 г. на основе Устава Комиссии погашения государственного долга была учреждена Государственная долговая книга, что явилось важным шагом в документации государственного долга. Почти все выпущенные в России и за границей государственные займы были внесены в долговую книгу (Колесников В.И., Торкановский В.С. и др. Указ. соч. С. 108).

В июле 1839 г. был издан манифест «Об устройстве денежной системы», ознаменовав начало реформы Канкрин, продлившейся до 1843 г. Согласно этому документу в России была установлена система серебряного монометаллизма. Серебряный рубль был объявлен основной денежной единицей и приравнен к 3 р. 50 к. ассигнаций. Государственным ассигнациям отводилась роль вспомогательного денежного знака, что фактически означало их девальвацию. В 1841 г. были выпущены новые денежные знаки — кредитные билеты достоинством в 50 р., которые обращались параллельно с серебряным рублем и разменивались на серебряную монету (Поляков В.П., Московкина Л.А. Указ. соч. С. 160).

Таким образом, следующими видами государственных ценных бумаг Российской Империи, выпущенные для проведения реформы 1839–1841 гг., стали краткосрочные казначейские обязательства — долговые

процентные бумаги и билеты Государственного казначейства. Обоим был придан характер бумажных денежных знаков. И уже с 1843 г. начался обмен ассигнаций на государственные кредитные билеты, которые свободно разменивались на серебро и обеспечивались металлическим запасом казначейства. Однако хронический дефицит бюджета, а также отсутствие мер по оздоровлению финансовой системы не позволили реформе 1839–1843 гг. упорядочить денежное обращение в стране. Эмиссия бумажных денег не была прекращена, более того Крымская война послужила причиной огромных выпусков в обращение кредитных билетов, начиная с 50-х гг. XIX в. В 1858 г. обмен кредитных билетов на серебро был прекращен.

Отмена крепостного права и развитие российской промышленности во второй половине XIX в., а также направленные действия правительства по уменьшению дефицита государственного бюджета и накоплению золотого запаса обусловили возможность проведения новой денежной реформы с целью стабилизации денежного обращения в стране.

Реформа Витте, начавшаяся в 1895 г., предусматривала введение стопроцентного обеспечения золотом основной массы выпущенных в обращение банкнот и их свободный обмен на золото. В целях реализации данной реформы было размещено несколько облигационных займов. В частности, банковские билеты и казначейские билеты. Они были подобны билетам казначейства, но их эмитентом выступал Государственный банк, а не Министерство финансов (Колесников В.И., Торкановский В.С. и др. Указ. соч. С. 106).

В ходе реформы была введена «золотая валюта» — государственной российской денежной единицей стал рубль с содержанием золота в 17,424 доли. В тоже время наряду с ним обращались банкноты и кредитные билеты, последние свободно разменивались на золото. Выпуск кредитных билетов был ограничен суммой в 600 млн р., которая на 50% обеспечивалась золотом и на 50% покрывалась коммерческими векселями.

В истории российского рынка ценных бумаг видное место заняли государственные ценные бумаги железнодорожных займов, представившие собой инструмент инвестиционной политики правительства. На средства, привлеченные от размещения пяти внешних правительственных железнодорожных облигаций, в период с 1851 по 1893 гг. была построена линия «Москва-Петербург». Позднее, по инициативе Александра II с целью снизить финансовую нагрузку на государственный бюджет началось применение системы железнодорожных гарантий, заключавшейся в обеспечении правительством доходности капитала, вложенного в железнодорожные предприятия в виде ценных бумаг.

Первоначально частные предприятия, в большей степени иностранные владели половиной акций и $\frac{3}{4}$ облигаций российских правительственных и гарантированных правительством железнодорожных бумаг акционерных обществ. Позже, по мере развития российской экономики,

расширения сети железных дорог, российское правительство принимает решение о выкупе частных железных дорог в свою собственность. Эта задача была реализована путем конверсии и консолидации всех железнодорожных ценных бумаг, которая продолжалась на протяжении 20 лет с 1889 по 1909 г. С 1889 по 1894 г. были конвертированы внешние и внутренние займы на нарицательную стоимость 2644 млн р. Разнообразные облигации объединялись на более выгодных государству условиях (Там же).

Возникновение и эволюция рынка ценных бумаг в России свидетельствовали о новом уровне экономического развития страны, требовавшего аккумуляции денежных накоплений промышленников, купцов, банков, населения и направления этих средств на производительное потребление. Российская империя постепенно входила в круг развитых промышленных держав.

В. А. ТРУСКАВЕЦКАЯ

БЮДЖЕТ ИРКУТСКА В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

Вторая половина XIX в. являлась периодом становления и развития большинства российских городов. Их развитие регулировалось, в первую очередь, экономическими факторами, которые влияли на финансовое состояние городов. Бюджеты губернских и областных городов Восточной Сибири за время с 1875 по 1910 г. возросли почти в 9 раз. Бюджет города Иркутска значительно превосходил остальные центры региона. Это объясняется тем, что Иркутск был местом пребывания главного начальства Восточной Сибири, и центром пересечения торговых путей. По сравнению с 1875 г. бюджет г. Иркутска к 1890 г. увеличился почти в 1,5 раза, а к 1910 г. в 7 раз.

По сумме своего дохода Иркутск можно отнести к самым развитым городам России начала XX в., бюджет которых превышал 1 млн р., таковых в Европейской России насчитывалось всего 9 (Самара, Ростов-на-Дону, Харьков, Саратов, Киев, Рига, Одесса, Москва, Петербург).

Городские доходы подразделялись на «обыкновенные» и «чрезвычайные». «Обыкновенные» сборы включали в себя: доходы от городских недвижимых имуществ, оброчных статей и различные налоговые сборы. Основным налоговым сбором являлся оценочный сбор с недвижимых имуществ. Размер оценочного сбора устанавливали сами думы, при условии, что он не должен превышать 10% чистого дохода недвижимого имущества или 1% от его стоимости. В 1875 г. сумма этого сбора в Иркутске составила 81 504 р. 30 к., или 34%.

Главными налогами, которыми облагалась торговля и промышленность, были сборы с торгово-промышленных документов и с трактирного промысла. Размер сбора с документов в пользу города устанавливался думой, но он ограничивался% с взимаемого казенного налога. Сбор с трак-

тирных заведений также устанавливался думой и ничем не регламентировался. В Иркутске эта сумма равнялась 27 250 р. 50 к., или 11,4%.

Также не менее доходным источником являлись недвижимые имущества, находившиеся в собственности города. Это так называемые городские и пригородные земли, сдаваемые в аренду под заводы, склады, дачи, сады, сенокосы, пастбища и пр. Правда, далеко не все здания, которыми владел город, приносили ему реальный доход (воинские казармы, полицейские дома, тюрьмы). От общей суммы налогов величина этого сбора составляла 57 272 р. 28 к., или 24%.

К «чрезвычайным» доходам относились поступления от продажи городских имуществ, от казны и земства, от недоимок прежних лет, прибыли от городских общественных банков. Этот доход включал так же значительную сумму 73 271 р. 63 к., или 30% бюджета.

К концу XIX в. постепенно происходит рост городов и, соответственно, увеличиваются поступления в городскую казну. Бюджет г. Иркутска в 1889 г. составил 271 282 р. 71 к. Ведущее место занимали доходы от городской недвижимости — 27,7%; далее торгово-промышленные сборы — 24,2%; и еще одним не менее важным источником дохода являлся оценочный сбор с недвижимых имуществ — 18,4%.

Строительство Восточно-Сибирской железной дороги способствовало не только увеличению населения в городах, но и их развитию и расширению бюджетов. С 1890-х по 1910 гг. бюджет Иркутска увеличился в 5 раз.

Остановимся на цифрах, из которых в 1915 г. слагались доходные статьи Иркутска. Городские имущества давали доход 251 800 р. (или 10% бюджета) (Николаев В. Городское дело в Сибири // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 115). Сбор по указанной доходной статье, прежде всего, слагался из доходов от городских сооружений (базарных лавок по прежнему имуществу) и земельных участков.

Наиболее прогрессивным доходом в последние годы становятся поступления от муниципальных предприятий. Городские предприятия давали валового дохода в Иркутске 656 135 р. (27,7%). Электрическая станция и водопровод в 1915 г. дали валового дохода 415 000 р.

В конце XIX в. такой источник доходов, как прибыль от собственных предприятий общественных управлений, находился еще в зачаточном состоянии. Большую роль в бюджете играл доход с недвижимых имуществ, или так называемый оценочный сбор. Хотя в начале XX в. этот доход был гораздо меньше, чем доход от муниципальных предприятий. Так, например оценочный сбор в 1915 г. в г. Иркутске составил 386 500 р., или 15,4% от общей суммы доходов.

Для строительства городских предприятий необходимы были средства, которых у города как видим, не было, поэтому Городское общественное управление вынуждено было искать займы и кредиты. Прибегая к сооружению муниципальных предприятий при помощи займов, городские общественные управления в последующее время с этих

предприятий получали прибыль, за счет которой они покрывали не только на затраченный капитал, но и значительную часть общих городских расходов. Очень часто цифры, составляющие пособия и возврат расходов, равнялись 40–50% от всего городского бюджета. Так, например, в сметы 1915 г. в качестве пособий и возврата расходов в Иркутске было внесено 1 105 136 р., или 44,2% бюджета (Там же. С. 123).

Доходы определяли возможности расходов города. По расходной части сметы думы были связаны необходимостью первоочередного удовлетворения «обязательных расходов». К ним были отнесены содержание правительственных учреждений, расходы на содержание полиции, отопление и освещение тюрем, воинский постой, затраты на пожарную команду и другие. Эти немунципальные расходы в 1875 г. в Иркутске составили 36 609 р. 33 к., или 15%.

К муниципальным «обязательным» расходам относились такие, как содержание органов общественного управления, уплата долгов по займам и обязательствам, содержание общественных зданий, памятников и других городских имуществ, а также расходы на городское благоустройство. На это органами общественного управления было отпущено 124 222 р., или 50%. Из них 58 269 р., или 23,7%, ушло на выплату займов и для уплаты налога с недвижимого имущества. Таким образом, лишь оставшаяся часть денежных средств могла быть использована на «необязательные расходы», в том числе на образование, здравоохранение и пр.

Рост городских доходов в конце XIX в. привел к соответствующему увеличению расходов. Основную часть городских расходов составляют расходы на содержание правительственных учреждений, которые в Иркутске составили 98 967 р., или 33%. Муниципальные «обязательные» расходы равнялись 78 596 р., или 26%.

Рост городских доходов в начале XX в. привел к соответствующему росту расходной части бюджета. Основную часть расходов в 1915 г. в Иркутске по-прежнему составляли расходы на содержание городских общественных управлений, которые равнялись 201 413 р. (8%); на содержание городских предприятий ушло 585 355 (23,4%); воинская квартирная повинность составила 138 805 (5,4%); на содержание городской полиции было выделено 236 523 (9,4%); на пожарную охрану — 81 911 (3,2%); на городское благоустройство — 145 220 (5,8%); на народное образование — 657 654 (26,2%); на врачебно-санитарное дело — 200 731 (8%).

По сравнению с данными конца XIX в., обязательные государственные расходы увеличились и также занимают значительную часть расходного бюджета, но их удельный вес снизился в г. Иркутске на 15%.

Необходимо отметить, что значительно возросли капиталовложения на народное образование и врачебно-санитарное дело, т.е. как раз на те области, которые несут за собою культурное и экономическое развитие городов. Если в 1890-е гг. на эти потребности было ассигновано 10% бюджета, то в 1915 г. эта цифра равнялась 34,2%.

Обзор расходов города Иркутска дает общее представление об основных направлениях бюджетной политики. Городской бюджет к началу XX в. значительно увеличился, но вместе с тем и увеличились потребности города. Доходы от городских имуществ, муниципальных предприятий и с недвижимых имуществ не могли в начале XX в. покрыть многообразных и крупных расходов, которые стояли перед органами местного самоуправления. Несмотря на получение пособий от государства (по народному образованию, воинской квартирной повинности и пр.), они вынуждены были прибегать к займам.

Рассмотрев финансовое состояние города Иркутска в конце XIX–начале XX вв., необходимо отметить, что ему характерны изменения, которые в целом были свойственны городам России.

О.Г. ЧЕРКАСОВА

ЧИСЛЕННОСТЬ СЛОБОД ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVII–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Строительство слобод в Сибирской губернии напрямую зависело от колонизационного движения в Западной Сибири, основной поток которого первоначально шел через зону таежных лесов в Верхотурском районе. Этому способствовало широтное расположение основных путей сообщения, проходивших через реки, текущие с запада на восток: Тура, Ница, Невья, Тавда и Тобол, на берегах которых и были основаны первые слободы. С укреплением юго-западных границ во второй половине XVII в. появляются слободы на Пышме, Исети с Миасом, Вагаю и Ишиму, а затем и на Иртыше (ДАИ. Т. 6. С. 1–4; Андриевич В.К. История Сибири. Ч. I. СПб., 1889. С. 139–143).

Строительство большинства слобод вблизи рек объясняется тем, что в XVII–XVIII вв. река являлась основным средством связи между населенными пунктами. Так, например, быстрое заселение местностей по рекам Ница и Невья связано с тем, что по дороге вдоль этих рек сразу после строительства первых слобод стали ездить «торговые и промышленные люди», в результате чего, жизнь и торговля края стали более оживленными. Немаловажным фактором строительства слобод по берегам рек являлось то, что здесь располагались плодородные земли, «на которых можно было с успехом заниматься хлебопашеством и скотоводством» (Будинский Н.П. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 70; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 77).

Возводились слободы и на реках Емуртле, Суерье, Ирбите, Чумлянке, Увелке, Туе, Сусатке, Алпайке, Реже, а также вблизи озер (Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 78–81). Всего к началу XVIII в., по данным В.И. Шункова, было построено около 80 слобод (Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956. С. 44–45). Однако эти данные не точ-

ны. Во-первых, исследователем были отнесены к слободам монастыри, остроги, крепости и погосты, что, на наш взгляд, не правомерно, так как за каждым типом поселений был закреплен определенный юридический статус. Во-вторых, В.И. Шунков привел не полный перечень слобод, существовавших в Верхотурско-Тобольском районе в начале XVIII в.

Наиболее точные данные о численности слобод в данный период времени можно получить при сопоставлении данных В.И. Шункова, С. Ремезова, Н. Абрамова, П.М. Буцинского, Л.М. Максимовича, Г.Ф. Миллера, Ф. Полунина, П.И. Рычкова, М. Чулкова, И.В. Щеглова, А. Щекатова, которые показывают, что в исследуемый период в Верхотурско-Тобольском районе существовало около 88 слобод (АРГО. Разр. 61. Д. 23. Л. 13–14, 18; Ремезов С. Чертежная книга Сибири. 1701 г. СПб., 1882. Л. 21; Абрамов Н. Симеон, пятый архиепископ сибирский и тобольский 1651–1664 // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 11. С. 114; Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. 1–6. М., 1788–1789; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 74–82; Полунин Ф. Географический лексикон Российского государства. М., 1773. 480 с.; Рычков П.И. Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 406 с.; Чулков М. Историческое описание российской коммерции М., 1785. 632 с.; Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.). Сургут, 1993. 463 с.; Щекатов А. Географический словарь Российского государства. Ч. I–VII. М., 1801–1809).

Благодаря административному разделению Верхотурско-Тобольского района становится возможным произвести подсчет слобод в Тобольской провинции. Однако здесь надо учесть тот факт, что, несмотря на продолжавшееся строительство слобод во второй половине XVIII в., наметился процесс сокращения их численности за счет того, что одни из них получили статус городов еще в первой половине XVIII в. (Шадринск), а другие, не получив дальнейшего развития, превратились в деревни (Усть-Ирбитская, Еланская) (Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 79).

При подсчете численности слобод, существовавших в середине XVIII в., нужно иметь в виду, что составители карт не всегда учитывали тот факт, что один населенный пункт мог иметь два названия, и считали их за разные поселения, как это было в случае с Царевым Городищем при составлении карты Оренбургской губернии и пограничных территорий (ЦХАФ АК. Ф. 50. Оп. 12. Д. 325. Маленькая карта). К тому же, карты не дают точное представление о численности слобод. Поэтому, чтобы получить наиболее полные данные, необходимо сопоставить картографические данные с данными Г.Ф. Миллера. Для подсчета числа слобод нужно учесть и сведения из географических словарей второй половины XVIII в. (РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 2. ЛЛ. 2–5; ЦХАФ АК. Ф. 50. Оп. 10. Д. 308; Оп. 12. Д. 310, Д. 325; Оп. 21. Д. 18; Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства.

Ч. 1–6. М., 1788–1789; Полуниин Ф. Географический лексикон Российского государства. М., 1773. 480 с.; Чулков М. Историческое описание российской коммерции М., 1785. С. 579, 617, 623). Таким образом, с учетом специфики составления географических карт в XVIII в., отсутствия четких межевых границ между Оренбургской, Пелымской и Сибирской губерниями, продолжающегося строительства слобод и невозможностью из-за чересполосицы выяснить административную принадлежность всех слобод, мы пришли к выводу, что в середине XVIII в. в Тобольской провинции существовало около 74 слобод.

К середине 80-х гг. XVIII в. численность слобод несколько сократилась. Причины этого явления С.Б. Веселовский видел в том, что слободы, преследовавшие в большинстве случаев цели земледельческой колонизации, утратили свой первоначальный характер и либо перешли к монастырям и служилым людям, либо заняли в административно-судебном подразделении уделов место наряду с волостями (Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 13–26). Несмотря на то, что данное суждение высказано применительно к слободам европейской части России, подобные процессы происходили и в слободах Тобольской губернии в конце XVIII–начале XIX вв. Именно в это время из слободских поселений образуются города, села, волости, а некоторые из них становятся центрами дистриктов (АРГО. Разр. 61. Оп. 1. Д. 8. Л. 1об.; Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Т. 60. Тобольская губерния. СПб., 1871. С. CVII–CIX, 43–159; Кабо Р.М. Города западной Сибири: очерки историко-экономической географии (XVII–первая половина XIX вв.). М., 1949. С. 103). Тем не менее, не все слободы потеряли свои первоначальные признаки, как в Российской империи (например, Холуйская слобода Владимирской губернии), так и в Тобольской губернии (Белозерская, Усть-Суерская и др.). Утрачены были лишь те функции, которые потеряли свое первоначальное значение (АРГО. Разр. 61. Оп. 1. Д. 47. Л. 6; Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1786. С. 59–60; Лядов И. Холуйская слобода // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1854. Ч. 6. С. 11–15).

По данным Генеральной карты Тобольского наместничества 1784 г. в это время насчитывалась 31 слобода; по сведениям М. Чулкова (1785 г.) и Топографического описания Тобольского наместничества (1784 г.) — 35–36 слобод (АРГО. Разр. 55. Оп. 1. Д. 47. Лл. 15–99об.; Чулков М. Историческое описание российской коммерции М., 1785. С. 504–631). Перечисленные источники дают описание не всех слобод, существовавших в исследуемый период времени. Это, прежде всего, видно из разночтений, встречающихся в них, на основании которых можно предположить, что в середине 80-х гг. XVIII в. в Тобольском наместничестве насчитывалось не менее 47 слобод. Однако, сопоставляя данные о численности слобод в конце XVIII в.–1801 г., мы обратили внимание на то, что численность сло-

бод в начале XIX в. была несколько выше, чем в 80-х гг. XVIII в., а так, как нам достоверно известно, что в эти годы не было административно-территориальных изменений, приводивших к перераспределению пограничных слобод между губерниями, то становится очевидным, что в 80-х гг. XVIII в. в Тобольском наместничестве существовало не 47 слобод, как указывают источники XVIII в., а как минимум 58 (Чулков М. Историческое описание российской коммерции М., 1785. С. 579–623; Щекатов А. Географический словарь Российского государства. Ч. I–VII. М., 1801–1809).

В первой четверти XIX в. число слобод несколько сократилась. Это связано, прежде всего, с административно-территориальными преобразованиями, которые повлекли за собой «перечисление» ряда населенных пунктов из одного населенного района в другой, что было вызвано «соображениями об удобствах управления» (Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. Т. 2. СПб., 1894. С. 145–146). Еще одной причиной сокращения численности слобод было то, что некоторые из них потеряли административное значение и по своим функциям были приравнены к селам, а Тюкалинская слобода в 1822 г. получила статус города (ПСЗРИ–1. Т. 38. № 29 125; АРГО. Разр. 61. Оп. 1. Д. 23. Л. 20об; Кузьминский Н. Краткое статистическое обозрение Западной Сибири 1837 года // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при статистическом отделе Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1839. С. 53; Города Сибири и Дальнего Востока: краткий экономико-географический справочник. М., 1990. С. 56). Всего же в первой половине XIX в. в Тобольской губернии насчитывалось около 46 слобод (РГИА. Ф. 1265. Оп. 4. Д. 114. ЛЛ. 66об.–67об.; АРГО. Разр. 61. Оп. 1. Д. 23. ЛЛ. 11об–19; Д. 32. ЛЛ. 5, 13; ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 162. ЛЛ. 28об.–31об.; Виноградский А. Численность Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 1860. № 14. С. 111–112; Голодников К. Голодников К. Ялуторовский округ губернии Тобольской // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч. XV. Кн. 7. С. 268–278; Черняковский Н. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // Журнал министерства внутренних дел. 1843. Ч. 2. Кн. 4. С. 20).

К началу 60-х гг. XIX в., благодаря продолжавшемуся процессу сокращения численности слобод, в официальных источниках по Тобольской губернии насчитывалось 15 слобод (Сведения о населенных местностях Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 178–179). В действительности их количество было не менее 21, о чем наглядно свидетельствуют отчеты губернаторов Тобольской губернии (РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 145. Лл. 98–99; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 111. Лл. 266–268об.; Оп.6. Д.90. Лл. 132–133).

Поселения, сохранившие за собой статус слобод, как правило, располагались на главных трактах, водных магистралях и «пользовались выгодным и удобным для производства торговли положением» (ГАТ.

Ф. 329. Оп. 13. Д. 162. ЛЛ. 28об.–31об.; Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 261).

Таким образом, к концу первой половины XIX в. свой прежний статус сохранили лишь те слободы, которые на протяжении второй половины XVIII–первой половины XIX вв. не утратили свое административное значение и продолжали оставаться экономическими центрами, располагаясь на важных торговых трактах и водных магистралях.

Н.М. ШАПОШНИКОВА

ЗАБАСТОВКА СЛУЖАЩИХ ИРКУТСКОЙ ТЕЛЕГРАФНОЙ КОНТОРЫ 1905–1906 гг.

Экономическое развитие России в пореформенный период (2-я половина XIX вв.) послужило основой для образования системы российского капитализма. Это выразилось, прежде всего, в совершенствовании производства и увеличении количества наемной рабочей силы во всех сферах народного хозяйства. Промышленный подъем позволил России занять одно из первых мест на мировом рынке по машиностроению, добыче угля и нефти. За 40 пореформенных лет общий подъем промышленной продукции в стране увеличился в 7 раз, тогда как в Германии — в 5, в Англии — в 2, во Франции — в 2,5 раза. Рост промышленных центров и городского населения, разрушение крепостного деревенского уклада, втягивание России в систему мирового хозяйства, — все это отразилось на складывании новой внутривнутриполитической ситуации в государстве и сопутствующем ей реформировании государственного аппарата управления. Изменения, коснувшиеся всех государственных учреждений, не обошли стороной и почту.

Новые общественные и экономические условия жизни способствовали совершенствованию прежней системы организации почтового сообщения как внутри страны, так и на уровне международных связей. Расширение почтовых операций и усложнение почтового делопроизводства, последовавшие за реформой 1862 г., явились основой для реформы 1884 г., соединившей вместе почтовые и телеграфные учреждения и уничтожившей прежнюю замкнутость социального состава почтовых служащих. Между тем, введение новых штатов и некоторое увеличение окладов, коснувшееся лишь окраинных территорий (в том числе и Забайкальскаля), уже через несколько лет после реформы исчерпало себя. Нищенское содержание, усложнявшееся нерешенным квартирным вопросом (большая часть чиновников и почтальонов не имели собственного жилья вблизи контор и вынуждены были арендовать квартиры); рабочий день, продолжавшийся в некоторых местах до 16 часов; строгая дисциплина внутри ведомства, сохранившая пережитки военной муштры прежних времен, — все эти факторы долгое время сдерживали участие почтовых служащих в обще-

ственной жизни страны. Лишь события первой революции и подписание царского «Манифеста 17 октября 1905 г.», официально разрешившего политическую и профессиональную деятельность, дали толчок к общему оживлению в почтовых учреждениях, результатом которого стало образование тайных кружков, организации митингов и, наконец, участие в революционном движении, проявившее себя во время всероссийской забастовки почтово-телеграфных служащих.

Общероссийская забастовка почтовиков, начавшаяся 15 ноября 1905 г. и проходившая в рамках всеобщей революционной борьбы, не обошла стороной и Иркутскую губернию. Поводом к забастовке послужил арест в Москве участников съезда, созванного для выработки устава российского почтово-телеграфного союза. Среди арестованных оказался представитель Иркутского почтово-телеграфного округа Курилович. В тот же день по сигналу из Москвы, озвученному Николаем Стерлинговым, коллежским ассесором, в телеграфной конторе города, около 70% работающих самовольно прервали службу, вследствие чего произошла полная остановка телеграфного сообщения (ГАИО. Ф. 198. ОЦ. Оп. 1. Д. 475. С. 6). Забастовкой оказались охвачены все почтово-телеграфные учреждения Иркутской губернии. Был организован стачечный комитет, во главе которого встал А. Семенов, постоянными членами революционной группы являлись Н. Стерлингов и А. Зега. Кроме того, активными сторонниками стачечного комитета стали: Н. Витковский, Д. Фиксон, С. Карасев, И. Арцыбашов, И. Гладышевский и т.д. Комитет сформировал и вооружил дружину, призванную обеспечивать охрану членов группы. Основной формой борьбы стало умышленное повреждение телеграфных проводов, служивших для сношений с Россией и Востоком, и окончательное прекращение возможности передачи телеграмм. Все попытки чиновников, оставшихся верным своему долгу, исправить наносимые членами комитета повреждения на линии неизменно приводили к стрельбе или угрозам со стороны забастовщиков. Начавшийся после 20-х чисел ноября целенаправленный обрыв телефонных проводов привел к тому, что 13 января 1906 г. Иркутск был фактически отрезан от всякого телеграфного сообщения (Там же).

Забастовка, начавшаяся исключительно на экономической почве, благодаря ораторским речам и митингам, организованным членами стачечного комитета, постепенно перешла на политическую почву. Главным требованием забастовщиков стало создание Всероссийского почтово-телеграфного союза.

Беспорядки в городе и в губернии, длившиеся почти два месяца и своим размахом серьезно встревожившие местное начальство, заставили власти приложить большие усилия для прекращения дальнейшего развития вооруженного сопротивления забастовщиков. Лишь к середине января 1906 г., вследствие общего спада революционных событий в стране, с большим трудом при помощи армии властям удалось восстановить порядок в городе.

Виновные в организации забастовки почтовых служащих Иркутского почтово-телеграфного округа были наказаны. Суд над забастовщиками проходил 14–17 октября 1906 г. По результатам слушания из 21 чел. обвиняемых двое были оправданы, трое (А. Семенов, Д. Фиксон и А. Зега — лидеры стачечного комитета) — лишены всех особых прав и отданы в исправительные арестантские отделения на 3 и 1,5 года соответственно; Н. Стерлингов был уволен со службы по суду, 8 чел. подвергнуты вычету из времени службы по 6 месяцев с каждого; семерым служащим сделан выговор с внесением в послужные списки (Там же. Д. 483. С. 133).

Сравнительно легкие наказания за участие в беспорядках объясняется тем, что карательный закон «О забастовках, имеющих государственное значение» был издан лишь 2-го декабря 1905 г. и стал известным установленным порядком в городе Иркутске лишь в январе, т.е. по окончании беспорядков и возобновлению почтового и телеграфного сообщений. Таким образом, приведенное законоположение, к которому всецело подходило по своим фактическим признакам описанное событие, не могло быть применимо в данном случае. Преступные действия подсудимых были определены постановлением 411 статьи уложения о наказаниях.

Участие почтовых служащих Иркутского почтово-телеграфного округа в революционных событиях начала XX в. не было явлением случайным или спонтанным. Оно стало следствием общего пробуждения самосознания внутри общества. Уходило то время, когда забытые материальной нуждой и связанные строгой дисциплиной, как низшие слои чиновников, так и почтальоны, стояли вне общественной жизни своего времени. Оппозиционные настроения, охватившие всю Россию, проникли в почтовые и телеграфные конторы, следствием чего стало активное участие сибирских почтовиков в революции и в частности во Всероссийской Октябрьской политической стачке 1905 г.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

О.В. АФАНАСОВ

АНГАРСКИЙ И ОЗЕРНЫЙ ИТЛ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА СТРОИТЕЛЬСТВА БРАТСКОЙ ГЭС

Возведение на Ангаре крупнейших гидроэлектростанций потребовало в 1950–1960-х гг. концентрации громадных материальных и трудовых ресурсов. Широкое привлечение вольнонаемной рабочей силы на Всесоюзные ударные комсомольские стройки не исключало использование принудительного труда в проектах гидротехнического строительства. Свою лепту в сооружение Братской ГЭС внесли заключенные Ангарского и Озерного исправительно-трудовых лагерей. По свидетельству бывшего начальника Озерлага полковника Евстигнеева С.К., осужденные очищали ложе водохранилища, прорубали просеки под будущие линии электропередачи (Архив автора). Однако с поставленными задачами лагерные подразделения часто не справлялись. Как указывалось в протоколе закрытого партсобрания управления Ангарского ИТЛ от 27.01.1960 г., лагерь не выполнил производственную программу 1959 г. по подготовке Братского водохранилища. Вместо запланированных 1800 га леса убрали лишь 1600 га, хотя предшествующие плановые обязательства 1958 г. и в том же объеме — 1800 га были выполнены лагерем досрочно к 22 декабря. Руководство Ангарлага выделяло и основные причины срыва плановых заданий. Во-первых, негативное влияние на производственную деятельность лагеря оказало освобождение части хорошо работающих заключенных в результате работы правительственных комиссий по пересмотру дел осужденных. Во-вторых, отрицательно сказались на работе лагерного механизма и мероприятия областного Управления мест заключения по подготовке к ликвидации Ангарского ИТЛ (Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО), ф. 4765, оп. 2, д. 780, л. 15).

В 1960 г. в районе железнодорожной трассы Тайшет–Лена прошли реорганизационные мероприятия. В соответствии с приказами МВД РСФСР № 096 от 19.03.1960 г. и УВД Иркутского облисполкома № 052 от 26.03.1960 г., 16 апреля было осуществлено объединение Ангарлага и Озерлага на базе последнего. Среди подразделений Ангарского ИТЛ, вошедших в состав Озерного ИТЛ, было три лагерных отделения, включавшие 12 лагпунктов, в которых находилось 4314 осужденных. В мае 1960 г. объединенный Озерлаг насчитывал в своем составе 4 лагерных отделения, 15 лагпунктов и 6 отдельных лагерных пунктов (ОЛП), где со-

держалось 11980 заключенных (архив Главного управления внутренних дел по Иркутской области (архив ГУВДИО), ф. 5, оп. 1, д. 230, л. 197, 199; д. 234, л. 37, 39). После данного слияния Озерный ИТЛ остался единственным крупным лагерным объединением в Иркутской области. Остальные пенитенциарные учреждения региона являлись небольшими исправительно-трудовыми колониями и не имели такой разветвленной структуры и громоздкого аппарата управления.

Выполнение работ по очистке ложа Братского водохранилища в Озерном ИТЛ осуществляло 8 лагерное отделение, которое, подобно ангарлаговским подразделениям, часто не справлялась с плановыми заданиями. Так, в выступлении заместителя начальника производственного отдела областного Управления мест заключения тов. Тюнькова на 9-ой партконференции Озерного ИТЛ (18.05.1960 г.) отмечалось, что результаты работы за 4 месяца 1960 г. являлись совершенно неудовлетворительными и могли сорвать выполнение государственного плана. Из запланированных для водохранилища 1400 га лесочистки 8-е лаготделение не сдало ни одного гектара. По вывозке делового леса за 4 месяца лагерь недодал более 30 тыс. м³, из них 27 тыс. м³ являлись задолженностью одного только 8-го отделения (ГАНИИО, ф. 5342, оп. 1, д. 633, л. 43–44.).

Форсирование работ по очистке ложа будущего водохранилища началось в следующем 1961 г. после того, как в начале года партийный актив строительства Братской ГЭС принял решение сдать в эксплуатацию первую очередь электростанции (4 агрегата) не в 1962 г., как планировалось, а ко дню открытия XXII съезда КПСС 17 октября 1961 г. (Там же, д. 702, л. 23; д. 706, л. 13). Кстати, первый агрегат ГЭС был запущен в эксплуатацию только 28 ноября 1961 г., а к концу года работало лишь три агрегата (Это было на Ангаре. М.: Молодая гвардия, 1974. С. 131, 134).

Специально для ведения ускоренной лесосводки ГУМЗ МВД РСФСР выделил в распоряжение 8-го лаготделения Озерного ИТЛ большое, по тем временам, количество техники: 51 грузовой автомобиль, 23 трактора, 23 автоприцепа, 6 автокранов, 60 бензопил и пр., чем не преминуло воспользоваться лагерное руководство, передав 18 автомашин и 4 трактора в другие подразделения (ГАНИИО, ф. 5342, оп. 1, д. 703, л. 64).

В результате проведенных работ, как указывалось в докладной записке «О состоянии политико-воспитательной работы среди заключенных за 1961 год» от 6.01.1962 г., «задание по очистке ложа Братского водохранилища были закончены досрочно и с хорошим качеством» (Там же, д. 706, л. 13). Однако, в действительности, дело обстояло не совсем так, как хотелось представить лагерному руководству. В справке проверки от 12.02.1962 г., проведенной представителями ГУМЗа, сообщалось, что если в первом полугодии 1961 г. вместо 955 га по плану было очищено 1109,8 га и все площади ниже отметки 380 м были полностью сданы строителям Братской ГЭС, то во втором полугодии из предусмотренных 764 га было выполнено лишь 166 га, а «остальная площадь лесосводки-

лесоочистки по согласованию с Братской ГЭС перенесена на 1-е полугодие 1962 г.» (Архив ГУВДИО, ф. 5, оп. 1, д. 241, л. 49).

В конечном итоге, практика «ускоренной» очистки ложа Братского водохранилища привела к затоплению значительных участков не срубленного леса, который местами до сих пор «украшает» пейзаж рукотворного моря.

Таким образом, в конце 1950—начале 1960-х гг., несмотря на наличие новых условий формирования трудовых ресурсов в северо-западной части Иркутской области (масштабный приток вольнонаемной рабочей силы), строительные организации, включая Братскгэстрой, не отказывались от использования принудительного труда, который, как и в прежние годы, использовался в основном на массовых работах, не требовавших высокой квалификации, и в местностях, не обладавших развитой хозяйственной и социально-бытовой инфраструктурой. При этом лагерные учреждения нередко срывали установленные производственные задания, что отражалось на качестве и объеме работ, выполненных заключенными Ангарлага и Озерлага.

Е. В. БАНЗАРАКЦАЕВА

ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКОВ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР КОЛХОЗАМ И СОВХОЗАМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С первых дней Великой Отечественной войны школьники стали оказывать помощь колхозам и совхозам. На 5 августа 1941 г. в колхозах республики работало около 1 тыс. городских учащихся и 25 тыс. сельских школьников (НАРБ ф.п.-36, оп. 1, д. 1779, л. 18). Учащиеся были заняты в сеноуборке и силосовании. Школьники работали наравне с взрослыми. Так, бригада учащихся школы № 6 г. Улан-Удэ за 17 рабочих дней выработала 194,4 трудодней. Вербицкий Николай выполнял дневное задание на 110% (Там же, л. 16). Учащиеся 7-го класса Селенгинского района Иванов и Амельченко при копнении норму выполняли на 150–160%.

Но можно отметить и отрицательные стороны работы учащихся на полях республики. В июле 1941 г. в частности, были факты самовольного выезда городских ребят из колхозов: из школы № 1 — 35 чел., из школы № 3 — 102. Причинами самовольных выездов школьники называли плохую организацию труда в колхозах, где они работали, подготовку к вступительным экзаменам в вузы и техникумы.

17 апреля 1942 г. было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей». Совнаркомом союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам разрешалось во время наиболее напряженных работ в сельском хозяйстве мобилизовать те категории населения,

отвлечение которых не могло сказаться на работе промышленности. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 14 до 55 лет, женщины — от 14 до 50 лет (Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 88). Таким образом, учащиеся 6–10 классов сельских и городских школ, студенты техникумов и вузов, тоже подлежали мобилизации на время летних каникул. С 1942 г. оплата труда мобилизованных стала производиться как натурой, так и деньгами. Проезд к месту работы оплачивали колхозы и совхозы.

Самой большой группой из мобилизованных на работы были школьники, в 1944 г. по всему Советскому Союзу на сельхозработах трудилось 1,9 млн школьников (56% от общего числа) (Там же. С. 90).

Установить точное количество школьников, принявших участие в сельскохозяйственных работах в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны трудно, так как различные архивные источники имеют отличные друг от друга данные.

Так в материалах Национального архива Республики Бурятии, фонд 248 говорится о том, что, в 1942 г. на полях Бурятии работало около 26 тыс. учащихся, заработавших 37 тыс. трудодней (НАРБ, ф. 248, оп. 20, д. 163, л. 116). В других источниках, а именно в фонде п-36 Обкома ВЛКСМ приводятся данные о 16 800 школьников, выработавших свыше 238 тыс. трудодней в 1942/1943 учебном году. А в 1943/1944 учебном году на полях колхозов и совхозов республики трудилось уже 19 198 школьников, которые выработали за лето 939 889 трудодней (НАРБ, ф.п.-36, оп. 1, д. 841, л. 18).

В то же время в монографии В.Б. Базаржапова «Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны», со ссылкой на фонд п-36 НАРБа, говорится о 19 тыс. подростков, в возрасте от 12 до 16 лет, трудившихся на полях Бурятии в 1943 г. (Базаржапов В.Б. Национальные районы Сибири и дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1981. С. 154).

В работе Г.А. Дуриновой «Пионерское движение в Бурятии» приводятся данные о том, что с окончанием 1941/1942 учебного года в сельскохозяйственные работы в Бурятии включилось около 30 тыс. школьников (Дуринова Г.А. Пионерское движение в Бурятии. Улан-Удэ, 1962. С. 123). Таким образом, если обобщить указанные данные о количестве школьников, участвовавших в сельхозработах в БМАССР в военные годы, то получается картина, отраженная в табл. 1.

Мы видим, что количество школьников, принявших участие в сельскохозяйственных работах не превышало 37,6% от общего числа школьников на тот период. Этому можно найти несколько объяснений: во-первых, школьники с 1 по 5 класс не трудились на полях колхозов, а работали на пришкольных участках; во-вторых, ежегодно, часть школьников, достигших призывного возраста, уходила в ряды Красной Армии, другая часть — направлялась в школы ФЗО и ремесленные училища, а также пополняла ряды рабочего класса.

Таблица 1

**Сведения о школьниках, участвовавших
в сельскохозяйственных работах в Бурятии в 1941–1945 гг.***

Годы	Всего школьников	Приняло участие в сельскохозяйственных работах	% от общего числа школьников
1941–1942	82 679	30 000	36,3
1942–1943	69 166	26 000	37,6
1943–1944	63 103	16 800	26,6
1944–1945	63 927	19 198	30,0

* Составлена по материалам: НАРБ, ф. 248, оп. 20, д. 163, л. 116; ф.п.-36, оп. 1, д. 841, л. 18; ф. 60, оп. 3, д. 277, л. 38; Базаржапов В.Б. Указ. соч. С. 154; Дуринова Г.А. Указ. соч. С. 123.

О результатах работы школьников на полях Бурятской республики по данным семи районов, летом 1942 г. свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

Итоги сельхозработ учащихся районных школ БМАССР в 1942 г.*

Районы	Всего учащихся, принявших участие в работе	Выработано трудодней	Средняя выработка трудодней на 1 ученика
1. Бичурский	1 860	31 980	17,26
2. Заиграевский	1 259	38 012	30,5
3. Джидинский	2 046	18 093	8,50
4. Иволгинский	1 035	13 197	11,70
5. Тункинский	834	4 754	5,70
6. Тарбагтайский	1 638	37 583	25,50
7. Закаменский	1 004	634	0,63

* Составлена по материалам: НАРБ, ф. 248, оп. 20, д. 163, л. 94.

Таким образом, средняя выработка трудодней на одного школьника имела очень большой разрыв от 0,63 до 30,5. Одна сотая трудодня учащихся стоила 10 к., расчет проводился при учете нормы выработки. Например, на прополке зерновых норма 0,5 га оценивалась в 1,25 трудодня. То есть, если учащиеся выполняли норму в 0,5 га, то в денежном эквиваленте они зарабатывали 12 р. 50 к. В том случае, если норма перевыполнялась, начислялся 1,5 трудодень, оценивающийся в 15 р. Школьники, не выполнившие норму, зарабатывали 1 трудодень — 10 р. Полный расчет с учащимися производился только после завершения работ и отъезде домой. Обратный выезд отрядов, разрешался только после соответствующего решения обкома ВЛКСМ.

Данные таблицы показывают, что чаще всего труд школьников был малопродуктивным. Среди школьников было много подростков до 16 лет, которым физически было сложно справиться с нормами выработки. ОК ВЛКСМ одной из важнейших причин низкой производительности труда школьников называет плохую работу руководства школ и учителей, которые не ввели твердый режим труда и отдыха, не сумели наладить

дисциплину; отказ некоторых председателей колхозов от использования труда учащихся, так в 1942 г. был снят с работы председатель колхоза «Им. XVII партсъезда» Краснопеев, который не выдавал школьникам наряды и инвентарь для работы. Плохое питание тоже негативно сказывалось на производительности учащихся. Для урегулирования проблемы с организацией питания областной комитет ВКП(б) и СНК БМАССР установил обязательный перечень продуктов и норму снабжения ими школьников. К сожалению, выполнять данные нормы было невозможно, ввиду сложной обстановки военного времени.

И.В. БРЮХАНОВ

ЧАСТНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОГО ОКРУГА В КОНЦЕ 20-х гг. XX в.

После окончания гражданской войны и иностранной интервенции экономика государства пришла в упадок. Требовались срочные экономические меры для того, чтобы вывести экономику из кризисного положения. В марте 1921 г. X съезд РКП(б) принял решение о замене продразверстки продналогом и переходе к новой экономической политике. На короткий срок было допущено некоторое оживление частного капитала. Всего за несколько лет в стране появилось большое количество частных предпринимателей.

Конец 20-х гг. прошлого века характеризовался некоторыми противоположными тенденциями. Частное предпринимательство временно допускалось, но политика государственных органов становилась все более враждебной. Частные предприниматели, (частники), несмотря на очевидные притеснения со стороны власти активно занимались производством и торговлей. С одной стороны, они занимались полезным делом, наполняли рынок товарами массового спроса, организовывали торговлю по всей стране. С другой стороны, в большинстве случаев используя многочисленные сомнительные и незаконные приемы, нарушая закон, многократно приумножали собственную прибыль. Данная деятельность находилась в поле зрения правоохранительной системы, о ней информировались партийные и советские органы власти.

В 1926 г. постановлением ВЦИК Иркутская губерния была упразднена, и на ее территории были образованы три округа в составе Сибирского края: Иркутский, Тулунский и Киренский. По состоянию на апрель 1928 г., население Иркутского округа, (по данным последней переписи), составляло 470 503 чел, из которых городское составляло 180 103 чел., сельское 290 403 чел. На территории округа действовало 56 300 крестьянских хозяйств. В Иркутске было сосредоточено до 89% торгового оборота всего округа (Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 660. Л. 110).

По данным статистики промышленность бывшей Иркутской губернии, за исключением золотопромышленного Ленско-Витимского горного района, почти целиком отошла к Иркутскому округу. Кредитные учреждения (Госбанк, Промбанк, Селькредит) были сосредоточены в Иркутске.

В апреле 1928 г. ситуация с частным капиталом на территории Иркутского округа складывалась следующим образом. Несмотря на очевидное враждебное отношение властей, официальная статистика признавала, что в 1928 г. доля частного капитала составляла примерно 30%, причем происходило постепенное снижение данной составляющей. В данный период происходил процесс «измельчания» частника. Государственные органы объясняли это мерами принуждения, действительно, ряд предприятий за нарушения закрывали, а владельцев привлекали к уголовной ответственности. Но очевиден факт, что предприниматели того времени изменяли свой бизнес, используя законные и незаконные способы с целью получения максимальной прибыли. Отмечалось также, что в округе нет частных предприятий, действовавших более трех лет.

Постепенно крупные частные предприятия преобразовывались в более мелкие. Часть высвобождаемых капиталов оставалась на счетах частников и по существу не работала. Другая часть приносила доход предпринимателям в иных организационных формах. Например, в промысловой и иной кооперации. Бывший фабрикант организовывал артель, вкладывая собственный капитал и оборудование, привлекая различных родственников и знакомых, извлекая для себя значительную прибыль. При этом, как и прежде эксплуатируя небольшое количество работников.

В качестве примера можно рассмотреть преобразование частником Быстровым «конфетной», фабрики в промышленно-кооперативную артель «Пищевкус». Всего в артели было 10 чел., причем 6 на руководящей работе. Руководителями стали родственники, знакомые, бывшие компаньоны. Основной капитал, оборудование, станки, предоставил Быстров, зарплата его составляла 350 р., при зарплате 60–100 р. у остальных. Аналогично была организована артель «Карамельщик», где основной капитал и оборудование были предоставлены отцом и сыном Кац, и другими частниками. После учреждения производства они стали руководителями артели. Подобного рода деятельность не являлось единичной, дополнительно предпринимались попытки частников вкладывать имеющийся капитал при организации новых видов производств. Например, сообщалось, что «приехавший из Бодайбо крупный частник-спекулянт и скупщик золота Цалюк, построивший большой дом, ведет переговоры с рядом инвалидов-кустарей об организации пром. артели кондитеров. Обещает дать 5000 рублей» (Там же. Д. 663. Л. 99).

Ряд производств на территории Иркутского округа организовывался исключительно частниками. Данный факт признавался официальной статистикой. Например, монополистом на меховом рынке выступала крупная фирма «Молочевский-Мордухович», которая захватила не только местный

рынок, но и рынки Дальнего Востока. Несмотря на торговлю галантерейными товарами в государственных и кооперативных магазинах, в Иркутске имелось 4 специализированных крупных частных магазина: «Оборот», «Миниатюр», «Торговое товарищество», «Мануфактурное товарищество».

Интересной представляется организация деятельности кожевников. Изделия из кожи, обувь и одежда пользовались большим спросом населения, несмотря на высокую стоимость. К концу двадцатых годов кожевенные заводы на западе и местные в округе были закрыты. Данное сложное, многоступенчатое производство было налажено частниками. Сырьем для производства служили шкуры, которые закупались через сеть агентов у крестьян. После выделки у кустарей различные сорта кожи продавалась для пошива изделий; иногда закупками, переработкой сырья и производством различных изделий занимался один предприниматель. Деятельность Иркутских предпринимателей в кожевном производстве была эффективной. Это привело к тому, что за товарами стали приезжать предприниматели из других регионов, часть предприятий имела постоянных представителей в Иркутске.

В ряде случаев продукцией предпринимателей снабжались государственные предприятия. «Фирма «Мордухович-Молочевский», бывшая в течении ряда лет монополистом на меховом рынке Иркутска, снабжала мехами все шовичные организации Иркутска как государственные, так и общественно-кооперативные, диктуя им свою цену» (Там же. Л. 102).

Конечно, предприниматели не могли не использовать такого выгодного вида предпринимательства как посредничество. Многие, занимаясь предпринимательством, одновременно являлись представителями различных организаций. Это давало дополнительные возможности. Правоохранительные органы того времени с заметным раздражением сообщали о том, что «проницательный» частник проникает в государственные торговые и кооперативные организации и орудует там в качестве посредника, уполномоченного, представителя. Как правило, представляя организации иных регионов.

Талантливой, хоть и противозаконной, следует признать в качестве примера своего рода информационную акцию одного из таких предпринимателей-представителей. Подобного рода мероприятия в будущем широко использовались спецслужбами многих стран. «Толоконский — бывший спекулянт, владелец махорочной фабрики — работает представителем Махорсиндиката по Иркутскому Округу и Дальнему Востоку на проценты. ... В Иркутске, например с целью заключения договора с рядом организаций пустил провокационный слух о закрытии гос. махор. фабрики «Колокол» и сумел поймать на этом Ирсоюз» (Там же).

Политика государственных органов в отношении предпринимателей была последовательной и враждебной. Постепенно притеснение частного по различным направлениям возрастало. Финансовые органы проводили политику увеличения сбора налогов, повышая разряды на патенты,

т.е. увеличивая налоговые сборы. Правоохранительные органы противодействовали нарушениям законодательства со стороны частных. Противозаконная деятельность расследовалась, виновные привлекались к уголовной ответственности. В качестве наказания применялось лишение свободы, срок назначался как правило небольшой, 2–3 года, но применялась конфискация всего имущества. Частник был лишен избирательных прав, доступ детей к высшему образованию был затруднен. Предпринимательство затруднялось отказом в кредитовании в государственных и кооперативных банках, тарифы на железной дороге для частных увеличивались в 1,5 раза. Товарное кредитование на государственных и кооперативных предприятиях для частных также запрещалось.

В свою очередь предприниматели стремились получить дополнительные прибыли различными незаконными способами. В качестве таких приемов получения прибыли использовалась двойная бухгалтерия, подделка счетов, нелегальное «компанионство», ростовщичество, посредничество, завышенные наценки.

Например, при проверке обувного магазина Розенцвейга было установлено, что «по книгам проведено покупки товаров и обуви на 2331 р. 90 к., а по нелегальным запискам куплено на 22 063 р. 11 к.» (Там же. Л. 17). Имея свободные наличные средства, частники занимались ростовщичеством. «Наиболее часто ростовщики берут 8–10% в месяц. Например, привлеченный в прошлом году ростовщик Финкельман давал деньги под проценты в размере 10 месячных. Деньги под проценты дают Ходулин /участник мануфактурного производства/, Попов участник торговой фирмы «Оборот»...» (Там же. Д. 661. Л. 17).

Наличие больших капиталов приводило к попыткам подкупа и установления неофициальных отношений с представителями власти. «О связи частных с фининспектурой имеются сведения по одному участку, в коммерческом отношении важнейшему, где сосредоточена большая часть местного капитала. Отмечено, что со стороны инспектора этого участка Ильичева, б/партийного, опытного в налоговом отношении, карательно-налоговая политика проводится неверно — в наложении штрафов на кустарей и молочников он бесцеремонен, в отношении же крупных купцов «скуп».

Судьба большинства частных сложилась трагично. В большинстве случаев им пришлось пережить крах своего дела. После Октябрьской революции бизнес или был разгромлен, или отобран. В наиболее удачном для предпринимателей случае они продолжали работу в своем бизнесе, в очень скромном качестве. Некоторым пришлось пережить подобные потрясения неоднократно.

Например, бывший купец 1 гильдии Гладышев Ефим, 60 лет, имел до революции ряд магазинов и паровую мельницу в с. Морозово Черемховского района, и пароход на реке Ангаре. При Советской власти имущества был лишен, собственную мельницу с 1923 г. имел в аренде. Вероятнее всего как наиболее грамотный управленец. После расторжения

арендных отношений и предъявления властями судебного иска, в 1923 г. с разрешения властей организовал мукомольное товарищество на вере и построил новую водяную мельницу. Место расположения выбрал на острове, наиболее удобное для эффективной работы. Несмотря на высокие цены, крестьяне обращались к бывшему купцу. Попутно паромы Гладышева практически разорили крестьянскую переправу. Данная деятельность была в очередной раз определена как антисоветская.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что деятельность частных предприятий в двадцатых годах прошлого века в значительной мере наполнила рынок различными товарами. Вместе с тем, деятельность частных предпринимателей зачастую приобретала значительный объем и выходила далеко за рамки действующего законодательства. Сам частный предприниматель всегда считался чуждым новой власти, и в конце двадцатых готов данная деятельность государством была практически полностью прекращена. Сделав необходимый для новой власти, своего рода социальный заказ, они оказались ненужными.

Такое положение дел, когда целая социальная группа талантливых, умелых, практичных граждан оказалось не нужна новой власти, негативно отразилась на состоянии государственного механизма в будущем.

Н.А. ДАДОНОВА

РАБОТА ЖЕНОТДЕЛА СРЕДИ КРЕСТЬЯНОК ИРКУТСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ 20-х гг. XX в.

Вовлечение женского населения сел и деревень в общественно-политическое движение было одной из важных задач государственной политики Советской России. Принятие новых законов о равноправии мужчин и женщин было только началом работы среди женщин и в частности среди крестьянок. Жизнь женщин на селе оставалась традиционно тяжелой: они выполняли полевые работы, занимались домашним хозяйством, растили детей и не имели права голоса в решении важных проблем. Большинство крестьянок оставалось в стороне от общественно-политической и экономической жизни страны по многочисленным причинам объективного плана. Не составляли исключение и крестьянки Иркутской губернии.

Работа по вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь началась в Иркутской губернии с момента создания Иркутским Губкомом партии женотдела в марте 1920 г. Одной из первоочередных задач женотдела было ознакомление женщин Иркутской губернии с политикой Советской власти, с законодательством о строительстве нового общества. На одном из заседаний женотдела, состоявшегося 23 апреля 1920 г., было принято решение об установлении связи со всеми уездами, городами и деревнями губернии и о необходимости приступить к формированию районных женотделов на местах (ГАНИИО, ф. 1, оп. 1, д. 428, л. 3). Но работа

среди женщин в губернском масштабе началась лишь после проведения третьей Иркутской Губернской партийной конференции в сентябре 1920 г. (Там же, д. 6, л. 10). Конференцией была принята резолюция о работе среди крестьянок, батрачек и рабочих в деревне, разработанная на основании постановления Второго Всероссийского Совещания организаторов по работе среди женщин, проходившего в Москве 28 марта 1920 г. В инструкции было подробно указано, каким образом необходимо проводить работу среди крестьянок в уездах и волостях Иркутской губернии.

На одном из заседаний Президиума Губпарткома, состоявшегося 15 ноября 1920 г., был заслушан очередной отчет Зав. губженотделом Фарман Е.Л. о работе среди женщин, в котором она уточнила, что фактическая работа в губернии началась лишь с октября 1920 г. и было принято решение о создании краткосрочных курсов для подготовки инструкторов-пропагандистов из 20 женщин-делегаток, которые после их окончания были направлены по уездам губернии. Интересно, что на местах этим делегаткам приходилось использовать не стандартные методы работы в качестве общего собрания, а индивидуальный метод беседы с женщиной, посещая практически каждую избу села, так как общие собрания не вызывали интереса у крестьянок и они собирались на них неохотно. Такой метод работы дал положительные результаты и послужил стимулом в деле объединения и организации женщин в уездных городах (Там же, д. 15, л. 89).

В Иркутском уезде, несмотря на его близкое расположение к городу, активная работа по вовлечению женщин в обществено-политическую жизнь началась тоже после проведения вышеуказанной Губернской партконференции. Следует отметить, что волости Иркутского уезда были не только сельскохозяйственными центрами, но на некоторых их территориях находились промышленные предприятия: в с. Лиственничном находились мастерские Рупвода, в с. Тальцы — Стекольный завод, в с. Усолье — Солеваренный завод, Спичечная фабрика, Кожзавод, Махорочная фабрика. И на всех этих предприятиях в значительной степени использовался женский труд. В наиболее сельскохозяйственных волостях, таких как Оекская, Тугутуйская, Хомутовская, были развиты свои местные промыслы. В Оекской волости основным промыслом местного населения являлся извоз, которым занималось не только население расположенное вблизи тракта, но и жители более удаленных смежных волостей. С наступлением весны и до поздней осени по Якутскому тракту перевозили грузы по двум адресам: Лензолото и Якутская Автономная республика (ГАИО, ф.р-145ОЦ, оп. 1, д. 436, л. 155). Другим занятием местного населения являлась заготовка дров в промышленных масштабах. Этот промысел главным образом был развит в Хомутовской и частично в Оекской волостях, т.к. эти волости находились недалеко от города и имели удобные транспортные пути для доставки дров. Бондарным ремеслом занимались жители с. Никольского и с. Выгон. Причем промысел этот был семейным, бондари этих двух сел изготавливали в свободное от сельскохозяйствен-

ных работ время кадки, ушаты, квашенки и другие предметы домашнего обихода. В Тугутуйской волости в с. Бургаз тоже был развит семейный промысел по изготовлению телег, бричек, саней (Там же, л. 156). Существовали и другие виды деятельности, которые выполнялись исключительно женщинами, и, прежде всего, это огородничество. Именно крестьянки выращивали на своих огородах овощи, чтобы накормить семью, а излишки продать. Местоположение Оекской и Хомутовской волостей вблизи дороги и недалеко от г. Иркутска способствовало развитию огородничества в более крупных масштабах, чем в других волостях. Например, в Тугутуйской волости выращивание овощей было развито слабо. Следует отметить, что только в Оекской волости, в деревнях Галки, Оек, Рязановской существовал гончарный промысел, которым по преимуществу занимались женщины. Из Оекской глины хорошего качества они делали крынки, горшки и другие изделия (Там же, л. 158). В Тугутуйской волости, в д. Комой, летом в свободное от сельскохозяйственных работ время, женщины занимались изготовлением кирпичей.

Но время вносило новые веяния и перемены в веками сформировавшийся уклад жизни людей. Так или иначе, в апреле 1920 г. в Тугутуйской волости в с. Еловка была зарегистрирована 1-я сельскохозяйственная артель «Коммуна Красных партизан», в которой состояло 8 мужчин и 8 женщин. Они сообща вели свое хозяйство и даже имели мельницу (Там же, л. 150). Также в апреле 1920 г. в Иркутском уезде была зарегистрирована 1-я Иннокентьевская сельскохозяйственная коммуна «Иннокентьевский Скит», которая расположилась на землях, изъятых вместе с постройками и инвентарем у Вознесенского монастыря. (Там же, д. 49, л. 1об.).

В конце декабря 1920 г. и в январе 1921 г. в волостях Иркутского уезда с участием женщин прошли собрания, на которых были избраны делегатки для поездки на Вторую Иркутскую Губернскую конференцию рабочих и крестьянок. Открытие конференции состоялось в феврале 1921 г. в Иркутске. На конференции с докладом выступила А.В. Померанцева. Она рассказала о планах строительства нового государства и активном участии женщин в его осуществлении. С большим вниманием прослушав доклад, делегатки отметили, что в нем не достаточно освещены вопросы касающиеся сельского хозяйства. А.В. Померанцевой были заданы следующие вопросы: об организации сельскохозяйственных коммун и их отличие от артелей, об общественном воспитании детей и создании детских садов в деревне. В резолюции к докладу было сказано, что необходимо быстрее восстанавливать разрушенное хозяйство, объединяя усилия рабочих и крестьян в труде на благо общего дела. Женщинам предлагалось воспользоваться теми свободами, которые предоставило им государство и принимать активное участие в общественно-политической и экономической жизни городов и деревень губернии. Женщин призывали к сотрудничеству и объединению с женотделами, в которых им могли оказать помощь в работе и ответить на любые интересующие

вопросы. В период проведения конференции женщины побывали на экскурсиях в детских домах и садах, посещали концерты и спектакли, побывали в музее. Участницы конференции присутствовали на общегородском делегатском собрании, где слушались отчеты о проделанной работе. Увиденное и услышанное произвело на женщин, в большинстве своем неграмотных, приехавших из разных уголков большой губернии, неизгладимое впечатление. Многие участницы конференции выразили желание работать среди женщин у себя на местах и возвращались воодушевленные грандиозными планами и идеями новой интересной жизни. Проведение конференции активизировало интерес женщин к общественной деятельности и стимулировало создание в районах женотделов.

В 1921 г. состоялся X съезд РКП(б), на котором было принято решение о замене продразверстки продналогом. В этой связи работа среди женщин села заметно оживилась: крестьянки хотели больше знать о продналоге, они охотнее посещали собрания, задавали много вопросов, представители женотделов рассказывали о политическом моменте и многое помогали им осмыслить и правильно воспринять. Таким образом, работа среди крестьянок стала приобретать поступательное движение, и появился интерес со стороны женщин, но все же следует сказать о достаточно медленном развитии этого явления. Большая часть крестьянок оставалась безучастной к новым веяниям, и этому существовало множество причин: это и низкая грамотность населения, а на этом фоне и низкий уровень культуры, и тяжелый быт. Объективными причинами можно назвать нехватку специалистов, которые могли бы доходчиво рассказать людям о новых переменах, произошедших в стране, и о том влиянии, которое они окажут на их жизнь, в частности на жизнь крестьянок, а также существовал дефицит специальной литературы. Главной же причиной достаточно медленного включения женского сельского населения в общественную жизнь можно назвать традиционно индивидуализированное ведение своего личного хозяйства и нежелание что-либо менять в своей жизни и на этом фоне также сугубо традиционное восприятие поведения, роли и места женщины в обществе, проявляющееся на селе в своеобразном «закрепощении» крестьянки.

В. Н. ВОРОНЦОВ

**ИРКУТСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА
РОСТО (ДОСААФ)
(К ПРОБЛЕМЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ)**

В январе 2007 г. исполнилось семьдесят лет со дня образования Российского оборонного спортивно-технического общества РОСТО (ДОСААФ) призванной способствовать укреплению обороноспособности страны. С первого дня своего существования перед РОСТО стояли важ-

нейшие государственные задачи: патриотическое воспитание трудящихся, подготовка молодежи к военной службе, содействие мероприятиям гражданской обороны, участие в подготовке для народного хозяйства кадров массовых технических профессий, имеющих военно-прикладное значение, распространение военно-технических знаний, руководство военно-техническими видами спорта в стране.

Одним из подразделений Иркутской областной РОСТО (ДОСААФ) является Объединенная Техническая Школа (ОТШ) деятельность которой на протяжении последних десятилетий красноречиво характеризует работу областной оборонной организации.

Иркутская ОТШ РОСТО создана путем объединения школы технической подготовки и автотоклуба 1 октября 1974 г. и получила наименование «Техническая». 3 июля 1976 г. школа была переименована в Объединенную Техническую. Таким образом, школа стала правопреемницей двух учебных организаций, из которых автотоклуб был образован еще до Великой Отечественной войны.

В ноябре 1974 г. школу возглавил подполковник Н.И. Никоненко. Под его руководством был освоен и оборудован учебный корпус школы, принятый в эксплуатацию в 1979 г. Была создана по тому времени, современная учебно-материальная база. В школе велась подготовка водителей бронетранспортеров (БТР) и водителей автомобилей всех категорий.

В здании школы имелось 18 классов по устройству и правилам дорожного движения, шесть классов лабораторно-практических занятий, автодром, спортзал, спортивный городок, шестьдесят учебных грузовых автомобилей, десять БТР, десять учебных легковых автомобилей, автотренажер.

Всего в школе в год обучалось более трех тысяч человек. За короткий период школа заняла ведущее место среди школ ДОСААФ Иркутской области и Забайкальского Военного Округа.

За период с 1979 по 1984 гг. школа в так называемом социалистическом соревновании пять раз занимала первое место по подготовке специалистов для Вооруженных Сил и народного хозяйства, три года подряд награждалась переходящим Красным Знаменем Военного Совета ЗаБВО.

В мае–апреле 1984 г. в школе была подготовлена группа начальников школ ОСО Монгольской народной республики в количестве 18 чел. Занятия по специальной программе проводили преподаватели, мастера школы, а также руководители школы и комитета ДОСААФ.

В школе получил дальнейшее развитие автотоклуб, секция, которого, была создана в автоклубе 3-го разряда еще в 1948 г. В нем велась спортивная работа по мотогонке на льду — спидвею.

За время существования мотоклуба подготовлено 30 мастеров спорта СССР. Спортсмены клуба добились значительных результатов в соревнованиях по мотогонке. Большого успеха достиг заслуженный мастер спорта СССР Анатолий Васильевич Гладышев — двукратный чемпион мира (1979–1980 гг.) в командном зачете, двукратный бронзовый призер

чемпионатов мира (1978 и 1980 гг.) в личном зачете. Все последующие годы Анатолий Гладышев успешно выступал в составе сборной команды СССР, на соревнованиях различного уровня. К сожалению, Анатолий Гладышев трагически погиб 19 февраля 1984 г. на очередном чемпионате мира в Москве.

Команда автоклуба школы под его руководством занимала первые места по спидвею в областных соревнованиях 1975, 1977, 1979 гг., была призером Всероссийских соревнований и победителем в международных (СССР–Монголия).

В начале октября 1984 г. начальник школы подполковник Никоненко Н.Р., уволился из рядов Вооруженных Сил. До назначения нового начальника школы, обязанности начальника школы исполнял в течение шести месяцев заместитель начальника школы по УВР подполковник запаса Рябец А.А.

Коллектив школы уверенно продолжал совершенствовать учебно-воспитательный процесс. Качество подготовки специалистов повышалось с каждым днем. Сдача курсантами экзаменов в ГАИ с первого раза составляла 97–98%. Плановые задания выполнялись в полном объеме. На качественно новый уровень была поднята учебно-воспитательная работа и военно-патриотическое воспитание. Оборудован и укомплектован класс общевоинской подготовки, Ленинская комната. С курсантами проводились занятия в объеме 30 ч по политической подготовке и 24 по общевоинской. В школе закрепились и совершенствовались постоянно действующие формы и методы военно-патриотического воспитания. Широкое распространение получили лекции Общества Знания, которые проводились еженедельно, демонстрация художественных и документальных фильмов, экскурсии по местам боевой и революционной славы, смотры-конкурсы, посещение курсантами воинских частей, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и т.п. Подлинно общественный характер приобрели месячники оборонно-массовой работы, посвященные дням Советской Армии, Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Активное участие в них принимали члены Советов Ветеранов войны, офицеры запаса, военкоматов, общества «Знание» работники местных органов.

1984/1985 учебный год коллектив школы завершил успешно и занял первое место среди школ ДОСААФ Забайкальского Военного Округа и победил в конкурсе «За лучшую постановку учебно-воспитательного процесса». В течение года школа была укомплектована новыми БТР-70 и несколькими автомашинами ГАЗ-66. В автопарке был построен капитальный бокс на 20 автомашин и навес для содержания БТР.

1986/1987 учебный год прошел под лозунгом достойной встречи 50-летия Иркутской области. К юбилейной дате школа вышла с высокими показателями, значительно улучшилась учебно-материальная база, после назначения на должность преподавателя по ОВП майора Лысева О.В. был вновь создан класс общевоинской подготовки и класс военного во-

дителя. В школе уменьшилась текучесть кадров, улучшилась трудовая дисциплина, регулярно в конце каждого потока обучения курсанты совершали сто километровые марши, которые проводились на тактическом фоне, применительно к боевым условиям, с обязательным применением (условно) оружия массового поражения и защиты от него.

В 1987 г. школа получила в оперативную эксплуатацию новое шестиэтажное здание под общежитие на 240 мест по улице Култукская 9. Четвертый и пятый этажи занимали курсанты ИОТШ, третий этаж занимала морская школа ДОСААФ, второй — гостиница Обкома ДОСААФ, первый — радиошкола ДОСААФ. В общежитии проживали иногородние курсанты, которые составляли 40% всего списочного состава учащихся школы.

Из спортивной жизни школы следует отметить проведение двух школьных спартакиад на стадионе «Динамо», участие в соревнованиях города по фигурному вождению автомобилей. Стало популярным в дни праздников проводить показ техники школ ДОСААФ (ИОТШ, радио и морской школы), осуществлять десантирование спортсменов-парашютистов авиационно-спортивного клуба и другие мероприятия.

В 1988/1989 учебном году школа перешла на новую программу обучения, то есть на новые армейские автомобили КАМАЗ-4310, ЗИЛ-131, что требовало больших усилий по переоборудованию учебно-материальной базы школы.

В эти годы широкую популярность получили автопробеги, которые совершала школа на бронетранспортерах и автомобилях (три БТР и шесть автомобилей с транспарантами), по местам боевой славы, по маршруту главные улица города Иркутска, затем Хомутово–Урик–Хомутово–Оек–Усть-Орда–Иркутск. В каждом населенном пункте проводились митинги, встречи с ветеранами ВОВ, возложение венков к памятникам, а в конечном пункте — Усть-Орде проводился праздник с десантированием команды спортсменов-парашютистов. Как правило, такие пробеги проводились в дни месячника оборонно-массовой работы, посвященному Дню Советской Армии и ВМФ.

1990 г. характеризуется большими изменениями в политической жизни страны. Руководством страны принято ряд законов, что существенно повлияло на ход развития общественной жизни и экономики государства, что серьезно повлияло и на деятельность Оборонного Общества. А с внедрением рыночной экономики, и значительного снижения централизованного финансирования привело к изменениям штатных структур и сокращению штатов в организациях ДОСААФ. Экономический кризис в стране резко ухудшил социально-экономическое состояние работников школы, появилось недовольство и брожение умов, выдвигались требования повышения заработной платы, был даже создан забастовочный комитет но, не смотря на это, школа план подготовки специалистов выполнила в полном объеме.

С упразднением ДОСААФ и созданием РОСТО в 1991 г., был уменьшен план подготовки специалистов на 30% соответственно произошло

сокращение штатов и программы обучения, исключены занятия по политической, общевоинской и физической подготовке, что сразу повлияло на учебно-воспитательную и военно-патриотическую работу.

С сентября 1991 г. школу возглавил подполковник Звонков Геннадий Степанович. Не смотря на сложное финансово-экономическое состояние школы, плановые задания в 1991/1992 учебном году были выполнены на 106,7%. Подготовлено 570 чел. категории «С» и 337 водителей БТР-70.

В структуре школы произошли изменения: Решением Бюро ЦС РОСТО за № 26 от 25 июня 1993 г. в состав школы вошли Морская и Радиотехническая Школы РОСТО, и образовалась единая Иркутская Объединенная Техническая Школа РОСТО, во главе с полковником Звонковым Г.С. После объединения школа стала готовить водителей автомобилей и БТР, морских и радиотехнических специалистов всего по десяти специальностям.

1993/1994 учебный год, как и предыдущий, проходил в обстановке спада экономики страны, инфляции, сокращения численности Вооруженных Сил РФ, и конечно же сокращения финансирования учебных организаций РОСТО. Но, не смотря на трудности, школа сохранила кадры, учебно-материальную базу, вела активную борьбу за сохранение собственности, поддержания учебно-воспитательного процесса на должном уровне. Было подготовлено 950 чел. для ВС РФ и 1500 чел. для народного хозяйства.

Кроме иркутян, обучались также курсанты из районов области: Нижне-Илимского, Нижне-Удинского, Усть-Илимского, Ольхонского, Качугского, Бодайбинского, Иркутского, Шелеховского, Слюдянского и др.

В период с 16 мая по 20 мая 1994 г. школа проверялась комиссией Забайкальского Военного Округа (ЗабВО). Общая оценка — «хорошо».

1994/1995 учебный год проходил в сложных финансово-экономических условиях, положение не улучшалось, централизованное финансирование сократилось до 30%. Увеличивалась дебиторская задолженность. Значительно возросла стоимость бензина и солянки, уменьшилось количество обучаемых на хозрасчетной подготовке. Нависла угроза приостановки учебного процесса. Было принято решение ввести платное обучение курсантов, дабы закрыть финансовую брешь. Это позволило завершить учебный год и выполнить план. Было подготовлено 911 водителей и 122 радиоспециалиста. В течение учебного года в школе в среднем работало 110 чел., при штатной численности 205 чел. 1 октября 1994 г. школа отметила свое двадцатилетие. В апреле 1995 г. начальник школы полковник Звонков Г.С., на очередной конференции ОС РОСТО был избран Председателем Иркутского ОС РОСТО. В августе 1995 г. приступил к выполнению обязанностей начальника школы подполковник Лысков А.В.

Решением Иркутского ОС РОСТО подготовка радиоспециалистов переведена под управление ОС РОСТО, а подготовка морских специалистов в школе была приостановлена, из-за отсутствия планового задания.

Для улучшения финансово-экономического состояния школы в августе 1995 г. были установлены деловые связи с Центром Занятости На-

селения города Иркутска и районов области, что значительно способствовало решению финансовых вопросов. Платное обучение курсантов стало нормой. Но, не смотря на это задолженность школы по различным платежам, продолжала расти, централизованное финансирование опустилось до критической отметки — 10% от затрат на обучение одного курсанта. Задолженность по заработной плате составила три месяца. Начало сокращаться поступление курсантов из районов области, городских призывников для выполнения плана уже не хватало, поэтому было принято решение открыть филиалы в Качуге и Киренске, где было подготовлено две группы курсантов.

С 1996 г. школа начала готовить водителей ТМЗС (топливо масло заправочных средств) в количестве 50 чел. Для этого была создана учебная база. Данную подготовку возглавил инженер — майор запаса Волков В.Г., который в короткий срок оборудовал два класса лабораторно-практических занятий и класс теоретической подготовки водителей ТМЗС.

В 1996/1997 учебном году поступление призывников из отдельных районов области было полностью приостановлено из-за отсутствия средств у курсантов на проживание в городе. Поэтому количество филиалов расширилось. Были открыты филиалы в Усть-Ордынском ПУ (директор Францев К.С.), Боханском ПУ (директор Грицких В.А.), Шелеховском ПУ, Слюдянском СТК, а также были организованы учебные группы в профессиональных училищах (ПУ) г. Иркутска. Централизованное финансирование фактически не осуществлялось. Компенсация затрат (оплата за обучение) для курсантов увеличилась, что привело к уменьшению числа курсантов желающих обучаться в школе. Появились серьезные проблемы в комплектовании учебных групп военкоматами. Не смотря на все проблемы, план подготовки специалистов для ВС РФ не изменялся, что еще больше осложняло финансово-экономическое состояние школы. Задолженность по заработной плате уже составляла пять месяцев. Попытка администрации увеличить число обучаемых на хозрасчете не увенчалась успехом, так как в это время в Иркутске уже было открыто около 33 автошкол, которые стали серьезными конкурентами Иркутской объединенной технической школе РОСТО.

Чтобы решить финансовые проблемы в условиях фактического отсутствия централизованного финансирования в школе расширилась продуктивная хозяйственная деятельность. Была построена шиномонтажная мастерская, открыты структурные подразделения по ремонту и обслуживанию автомобилей, проведено упорядочение сдачи в аренду свободных площадей, оказание услуг населению, фирмам и организациям, выделением им автотранспортной техники, хранение автомобилей на платной автостоянке и т.п. Все эти виды деятельности значительно улучшили доходную часть бюджета школы. Это дало возможность произвести ремонт учебных классов, здания школы, отопительной и водопроводной систем. Основная часть средств направлялась на совершенствование учебно-воспитательного процесса и выплату заработной платы.

В мае 1999 г. Иркутский Центр Занятости населения провел конкурс среди учебных заведений города Иркутска, занимающихся подготовкой водителей автомобилей. Иркутская ОТШ стала победителем конкурса и утверждена главной учебной базой для профессиональной подготовки безработных граждан, что подтверждало высокий образовательный уровень. В последующих конкурсах ИОТШ занимала также первые места и подтверждала право быть главным учебным заведением ЦЗН.

Сегодня Иркутская Объединенная Техническая школа РОСТО является одной из ведущих школ Российской Оборонной Спортивно-Технической организации иркутской области, школа оснащена современной учебно-материальной базой, укомплектована высоко квалифицированными преподавателями и мастерами. Школа ведет подготовку призывников — специалистов для Вооруженных Сил РФ по специальностям: Водители бронетранспортеров, автомобилей, топливо маслоснаправщиков, автокранов. Школа также ведет подготовку в порядке свободного набора водителей автомобилей всех категорий, водителей по перевозке опасных грузов. Ведет подготовку и переподготовку мастеров производственного обучения вождению, переподготовку преподавателей. Школа оказывает платные услуги населению; платная охраняемая автостоянка автомобилей, автомастерские разного профиля, предоставление автотракторной техники, сдача в аренду свободных площадей и т.п.

В школе ведется большая военно-патриотическая и спортивно-техническая работа с юношами призывниками. Ежегодно в течение учебного года проводятся спартакиады (РММ) Российского молодежного многоборья, где команда школы занимает, как правило, первые места. Все курсанты школы выполняют практические стрельбы из автомата Калашникова, совершают парашютные прыжки и т.п.

Таким образом, деятельность Иркутской Областной ОТШ РОСТО (ДО-СААФ) на протяжении всего времени своего существования неуклонно способствовала укреплению обороноспособности страны. Работа руководящего, преподавательского и инструкторского состава увенчана тысячами подготовленных специалистов для Вооруженных Сил и народного хозяйства, спортсменами, чьи достижения, не раз доказали их мастерство и высокий профессиональный уровень в деле воспитания молодежи.

Е.Г. ДЕЛЕГЕОЗ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ В 1930-е–1940-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

В 1930-е гг. резко возросла потребность в профессиональных учительских кадрах. Это связано с решением задач начального и семилетнего обучения. Но на фоне сокращения школ в городе Иркутске количество учителей с 1937 г. по 1940 г. сократилось с 5829 до 5601. При

этом процесс пополнения школы качественными работниками образования не получил своего развития. В школы города и области продолжали поступать учителя, не имеющие даже среднего образования. В 1937 г. в школах таких учителей насчитывалось 32% (это средний показатель по стране) (Меньшиков Л.П. Народное образование Иркутской области в 1937–1997 гг. Иркутск, 1997. С. 9).

Но к 1940 г. ситуация не изменилась: высшее образование из 5601 учителя имеют 383 чел. (7%), неоконченное высшее — 341 чел. (6%), среднее — 2592 (46%) и не имеют среднего образования 2285 чел. (41%). (Вост.-Сиб. правда. 1939. 2 сент. С. 3.)

Низкий общеобразовательный уровень учителей и отсутствие у них педагогической подготовки являлись главным препятствием в повышении качества учебной работы. При этом подготовка педагогических кадров до начала 1930-х гг. осуществлялась только через педагогический факультет Иркутского университета. Этот университет был открыт в 1918 г. на базе дореволюционного учительского института, а в 1921 г. был преобразован в институт народного образования, а также в Иркутское и Киренское педучилища. Этого было явно недостаточно. Поэтому правительство страны и местные власти стали принимать кардинальные меры. В 1930 г. из университета выделился в самостоятельный ВУЗ педагогический институт. (ГАИО. Ф.р-842. Оп. 1. Д. 73. Вкладыш)

В 1933 г. при педагогическом институте был создан новый тип педагогического учебного заведения — учительский институт (Там же. Л. 14). Данный тип института готовил учителей с незаконченным высшим образованием для работы в семилетних школах. В области было открыто сразу два таких института — в г. Иркутске и г. Тулуне. Решение проблемы с пополняемостью учительских кадров представлены в табл.

Контингент учащихся Педагогического и Учительского институтов*

Годы	Количество учащихся			Учащиеся заочно		
	педагогический институт	учительский институт	всего	педагогический институт	учительский институт	всего
1938/39	592	158	750	–	–	–
1939/40	402	97	499	37	–	37
1940/41	527	–	527	11	1	12

*Там же. Д. 67. Л. 12.

Данные сведения позволяют сделать вывод о том, что выпуск учителей в принципе соответствовал потребностям школ в педагогических кадрах. При этом задачу подготовки учителей решали и педагогические училища. Их количество к 1937 г. достигло 6. Общее число студентов, обучающихся одновременно в педагогических техникумах Иркутской области, на 1 сентября 1937 г. составила 1124 чел., а на 1 сентября 1938 г. — 1564, т.е. число учащихся педагогических техникумов возросло в 1,4 раза. (Там же. Д. 2. Л. 84–98.)

Выпускники техникумом отправлялись на работу по распределению, как правило, в отдаленные районы области.

В период 1937–1941 г. одной из ведущих форм повышения квалификации стало заочное обучение при педагогических учебных заведениях, через которое прошли многие тысячи учителей и которое не потеряло своей актуальности и сегодня. По данным ИРТАСС на 1 октября 1939 г. по Иркутской области числится 600 учителей, обслуживаемых заочным отделением Иркутского педагогического училища. Но лишь 314 чел. (52%) поступили учиться заочно. Из обучающихся заочно успешно сдали экзамены только 29% (90 чел.). (Вост.-Сиб. правда. 1939. 10 авг. С. 2.)

Такая низкая популярность заочного образования в области связана в первую очередь с низкой организацией работы на местах и нераспространением сведений о работе педагогических училищ. Тем не менее ситуация с педагогическими кадрами постепенно нормализовалась благодаря работе местных органов власти.

В рамках педагогического образования нельзя забывать и о системе повышения квалификации педагогическими работниками. Эту цель должен был реализовывать Институт усовершенствования учителей, созданный в 1930 г. Он совместно с вузами стал проводить большую работу по повышению квалификации педагогических работников разных специальностей.

Развитие народного образования в военные и послевоенные годы требовало значительного роста педагогических кадров, повышения их квалификации. Общая численность учителей сократилась за годы войны более чем на 170 тыс. (с 1238 тыс. учителей в 1940/1941 учебном году до 1043 тыс. в 1945/1946 учебном году). (Народное образование в СССР / под ред. Прокофьева М.А. М.: Педагогика, 1985. С. 99).

Тысячи учителей (особенно начальных классов) не имели специального педагогического образования, а лишь прошли краткосрочную курсовую подготовку на базе средней, а иногда и восьмилетней школы.

Партия и правительство приняли ряд чрезвычайных мер, направленных на комплектование школ квалифицированными кадрами и организацию подготовки и переподготовки учителей. Последовательно шел процесс восстановления сети педагогических учебных заведений, росли их контингенты, укреплялась учебно-материальная база.

В Сибири на протяжении всех лет войны количество учителей было намного ниже довоенного уровня. Однако, несмотря на это, учителя-сибиряки выезжали возрождать школы в освобожденных районах. Бюро Иркутского обкома ВКП(б) приняло постановление, согласно которому Иркутскому Облоно поручалось подготовить педагогический персонал и оборудование для организации в одном из освобожденных районов средней школы и двух районных домов культуры.

Поручение было выполнено. Газета «Известия» от 17 августа 1943 г. отметила: «Хорошо помогают пострадавшим школам тыловые облас-

ти. Иркутский гороно направил в Сталинградскую область оборудование для средней школы, туда же выехали 15 преподавателей». Количество учителей и уровень их квалификации постепенно возрастали. Только в 1943/44 учебном году в РСФСР в школы было возвращено 8256 учителей, из них в Иркутскую область — 405. (Хафизов Р.З. Учитель и школа Сибири в годы Великой отечественной войны. Иркутск, 1997. С. 66.)

Все они имели специальное педагогическое образование, что положительно повлияло на улучшение качества учебно-воспитательной работы в школе. Уже в течение первой послевоенной пятилетки число учителей увеличилось более чем на 400 тыс. чел. (Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961) / под ред. Паначина Ф.Г., Колмаковой М.Н., Равкина З.И. М.: Педагогика, 1988. С. 99.)

Вместе с тем задача обеспечения школы квалифицированными кадрами все еще не была решена. Особенно плохо были обеспечены учителями семилетние школы. В Иркутской области особенно остро ощущался недостаток в преподавателях физики, математики, русского языка и литературы.

Однако уже в годы второй пятилетки за счет увеличения приема в педагогические учебные заведения и направления в школы большего числа выпускников университетов несколько изменилось положение с кадрами. Но вскоре сказались демографические изменения, вызванные войной: в школу пришли учиться дети военных и первых послевоенных лет. Число классов-комплектов стало сокращаться, выпуски учителей из педагогических учебных заведений начали превышать реальную потребность школ. Это были трудности временного характера, но они в значительной мере влияли на работу педагогических коллективов.

Крайне важно было сохранить учительские кадры, рационально использовать выпускников педагогических учебных заведений. В Иркутске многие учителя со средним и высшим педагогическим образованием направлялись, как правило, на работу в дошкольные и культурно-просветительные учреждения. В некоторых же регионах были предприняты более радикальные меры: сокращен прием в педагогические учебные заведения, свернута сеть учительских институтов и педагогических училищ.

Министерства просвещения народных республик и органы народного образования вынуждены были принимать временные меры для обеспечения школ кадрами. К работе в школах привлекались студенты старших курсов педагогических учебных заведений, которые часто переводились на заочные отделения. Продлевались сроки педагогической практики. Приглашались на работу педагоги-пенсионеры (с сохранением пенсии и нагрузкой 9 ч в неделю). Для обеспечения учителями начальной школы организовывались педагогические классы в средних школах.

Хорошо была поставлена работа с учителями-заочниками в Иркутской области. В феврале 1945 г. сессия Иркутского областного Совета депутатов трудящихся обсудила по этому вопросу доклад заведующего облоно.

Были определены мероприятия, направленные на улучшение постановки заочного обучения учителей. Со своей стороны Иркутский обком ВКП(б) возложил на секретарей районного и городского комитетов партии контроль за осуществлением заочного педагогического образования.

Немаловажной причиной текущей учительских кадров, особенно на селе, было невнимательное отношение местных органов к их материальным нуждам, к бытовым условиям. Не везде выполнялось постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР «О льготах и преимуществах для учителей начальных и семилетних школ» от 18 февраля 1948 г., часто нарушалось право сельского учителя на бесплатное обеспечение топливом и освещением, о чем неоднократно говорилось на совещаниях работников просвещения и в печати.

Однако еще 7 сентября 1943 г. бюро Иркутского обкома ВКП(б) и исполком областного Совета трудящихся депутатов рассмотрел вопрос об улучшении снабжения учителей городских и сельских школ. Было решено до 1 октября выдать всем учителям, проживающим в сельской местности, единовременный паек: рыбы 2 кг, сахара 800 г, чая 100 г, хозяйственного мыла 2 куски, туалетного мыла 1 кусок, спичек 9 коробков, соли для засолки овощей 4 кг, керосина 2 л. Кроме того, сельским учителям выделялись промышленные товары в пределах 500 р. на одного учителя. (Хафизов Р.З. Указ. соч. С. 67.)

В сложной обстановке военного и послевоенного времени педагогические коллективы активно участвовали в общественной жизни страны. «Ни одного учителя вне общественной работы», — стало заповедью передовых педагогических коллективов. Тысячи учителей избирались депутатами местных Советов, были пропагандистами, агитаторами, лекторами. Они читали лекции в народных университетах и училищах, вели агитационно-массовую работу среди населения. Учителя же проводили работу по эстетическому воспитанию населения, сами участвовали в коллективах художественной самодеятельности и руководили кружками народного творчества. И нередко в педагогических коллективах рождались ценные инициативы.

Таким образом, это было время серьезных изменений в качественном составе педагогических кадров общеобразовательной школы, создания благоприятных условий для дальнейшего повышения уровня учебно-воспитательной работы школ, качества знаний учащихся.

Е.В. ДЕМЧИК

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ТОВАРНЫЕ БИРЖИ СИБИРИ В ГОДЫ НЭПА*

В связи с возрождением торговли в годы новой экономической политики товарные биржи, ликвидированные в результате Октябрьской рево-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №06-01-00066а.

люции, возобновили свою работу. Однако ориентация советского руководства на жесткие методы регулирования хозяйственной деятельностью, приоритетное развитие государственного сектора экономики определили специфические особенности в положении и работе советских товарных бирж, превратив их из посреднических в далеко не самостоятельные учетно-контрольные организации. В то же время частный капитал, вызванный к легальной деятельности и игравший значительную роль в торговле, стремился к самоорганизации и защите своих прав и интересов. Государство предпочло, чтобы эти стремления оформились в нечто ему подконтрольное. На заседании президиума совета съездов биржевой торговли, проходившего в Москве в ноябре 1924 г., указывалось, что только биржа может подчинить частный торговый аппарат экономическим законам государства путем выделения из предпринимательской среды «здоровых» элементов и создания для них условий спокойной работы (Торгово-промышленная газета. 1924. 2 дек.). Эти обстоятельства и послужили причиной появления новой биржевой структуры — секций частной промышленности и торговли.

В Сибири секции были созданы в начале 1925 г. и активно работали при всех товарных биржах региона в течение 1925–1926 г. При организации секций сибирские предприниматели руководствовались российским типовым «Положением о секциях частной промышленности и торговли при товарных биржах» от 19 декабря 1924 г., согласно которому главная их цель должна была заключаться в регулировании и вовлечении в биржевой оборот местной торговли, направлении ее в русло, отвечающее интересам государства, и выявлении ее нужд и интересов.

С первых дней существования секций стало очевидно, что содержание их работы будет мало соответствовать государственным запросам. Вопреки решениям Всесоюзного совета съездов биржевой торговли, сибирские коммерсанты явочным порядком снизили имущественный ценз для вступления в члены секций, что привело к стремительному росту их численности: с 20–40 чел., присутствовавших на первых организационных собраниях, до 200–400 членов секций при каждой из товарных бирж (ГАНО, ф. 253, оп. 1, д. 40, л. 51об.; д. 52, л. 335; ф. 1180, оп. 1, д. 651а, л. 12–14), что во многом лишило секции характера биржевого института, превратив их в орган, представлявший частную торговлю в целом. На первый план в деятельности секций вышло не вовлечение предпринимателей в биржевую работу, а представительство и отстаивание интересов коммерсантов в государственных структурах.

Так, члены секции Новониколаевской товарной биржи вошли в состав кредитного совещания городского агентства краевой конторы Госбанка, получив тем самым возможность оказывать действенное влияние на решение вопросов о выдаче кредитов коммерсантам (Там же, д. 112, л. 5–6).

Активные действия секции частной промышленности и торговли при Томской товарной бирже помогли преодолеть кризисное положение в частной торговле, создавшееся в результате сокращения товарного

снабжения частных предприятий, отпуска товаров госторгами и кооперацией частным розничникам с большой нагрузкой неходовыми товарами (Там же, д. 59, л. 109, 137–139). Обращения членов секции к Резинтресту, Бумтресту, Текстильсиндикату, Уралмеду с предложениями об отпуске товаров и фабрикатов торговцам и кустарям, состоявшим членами секции, на началах свободного ассортимента и на равных условиях с кооперативными организациями увенчались успехом.

Повсеместно практикуемое государственными и кооперативными торговыми организациями снабжение частных розничников на 50% от поставки неходовыми товарами заставляло частных торговцев взвинчивать цены, что вызывало недовольство населения. Публичные разъяснения членами секции частной торговли и промышленности при Барнаульской товарной бирже такого механизма образования высоких наценок в частной торговле помогли остановить рост массового недовольства частной торговлей и отчасти добиться изменений в условиях снабжения ее товарами (Там же, л. 17–17об.).

Секции частной промышленности и торговли при товарных биржах Сибири активно выступали против дискриминационных для частного бизнеса решений государственных органов о сокращении срока кредита с 90–105 до 45 дней. Секции выступали и против назначения сплошных торгов на арендованные частными торговцами и промышленниками на неопределенный срок торгово-промышленные помещения и места на базарных площадях (Там же, д. 45, л. 1–2,5; д. 59, л. 123), пытались решить ряд других вопросов в интересах своих членов.

Руководство секций проводило большую работу по сбору и систематизации сведений о работе частных предприятий. В июле 1925 г. Новониколаевская секция разработала анкету по учету и обследованию частных торговцев и промышленников Новониколаевского района. В результате анкетирования в архиве секции был сосредоточен обширный материал о численности занятых в коммерческих предприятиях лиц, профиле предпринимательской деятельности, наличии или отсутствии складских помещений, размере собственной или арендуемой производственной площади, суммах основного капитала, оборота и валового дохода, структуре расходов, размере выплачиваемых налогов и сборов и т.д. (Там же, д. 69, л. 207; д. 114, л. 1–128). Имея подобную информацию, руководство секций смогло с цифрами в руках доказывать местным налоговым органам необоснованность взимания в ряде случаев завышенных налогов с частных предприятий.

Непосредственное участие представителей секций в работе налоговых комиссий по промысловому, подоходному и рентному обложению значительно облегчало регулирование налоговой практики. Так, благодаря кропотливой работе по выработке процентов средней прибыльности для всех видов и родов торговых и промышленных предприятий руководству секции частной промышленности и торговли при Иркутской товарной бирже удалось путем согласования с паритетной комиссией из

представителей государственных, кооперативных и частных торговых организаций через биржевой комитет представить установленные проценты в губфинотдел и настоять на их утверждении (ГАИО, ф. 511, оп. 1, д. 8, л. 81–81об.). В результате определяемый губфинотделом размер подоходного налога удалось заметно снизить.

Секции частной промышленности и торговли направляли ходатайства об уменьшении арендной платы, которая в отдельных случаях составляла до 300–400% довоенных тарифов, изменении правил и времени торговли, отмене невыгодного для предпринимателей обязательного страхования покупаемых товаров. В отдельных случаях руководство секций ходатайствовало перед судебными органами об изменении меры пресечения в отношении своих бывших членов, беря их на поруки, если те имели в прошлом безупречную репутацию (ГАИО, ф. 806, оп. 1, д. 81, л. 26; д. 101, л. 14; д. 109, л. 76, 808об.).

Далеко не всегда действия секций приводили к ожидаемым результатам, но, безусловно, работа этих организаций способствовала упрочению положения частных предпринимателей, отчасти стабилизировала отношения между частнокапиталистическими организациями, государственными органами и кооперацией. Однако основную задачу, которую ставило перед секциями правительство и региональные власти — втягивание частного капитала в биржевую торговлю и подчинение его работы государственным интересам, секциям выполнить не удалось: удельный вес частного капитала в общесибирском биржевом обороте в 1926 г. не превысил 10% по покупке товаров и 6% по продаже (Жизнь Сибири. 1926. № 7/8. С. 147; ГАНУ, ф. 659, оп. 1, д. 128, л. 3; д. 175, л. 22). Общее нестабильное положение частного капитала, крайне неровная и непрогнозируемая государственная политика в отношении частнопредпринимательской деятельности в целом являлись главными препятствиями для частных торговцев и промышленников на пути к обнародованию накопленных ими капиталов. Коммерсанты не без оснований видели в биржах своеобразный очередной орган фиска, поскольку те, не соблюдая зачастую коммерческой тайны биржевых сделок, сообщали об их размерах налоговым организациям, которые использовали эту информацию для увеличения размеров налогов.

В целом, работа секций частной промышленности и торговли при товарных биржах привела к неожиданным и неприятным для государственной власти результатам. Секции, отстаивая перед местными хозяйственными, в том числе налоговыми, организациями свои права, опираясь на существовавшее законодательство, пытались заставить власть следовать закону, а не политической конъюнктуре и идеологическим ориентирам. В условиях лишения предпринимателей политических прав секции частной промышленности и торговли трансформировались в дееспособные структуры, в которых власть не без оснований увидела прообраз будущей либеральной политической партии. Поэтому, не проработав и двух лет, секции частной промышленности и торговли при товарных биржах

Сибири были расформированы, их имущество частично передано рыночным комитетам, а функции — специально организованным товарным секциям бирж: пушной, сырьевой, промтоварной, хлебной и другим.

Конечно, сами предприниматели 1920-х гг. не являлись эталонами честности и порядочности. Не стоит идеализировать и их конкретную деятельность, по своим видам и формам зачастую носившую явно хищнический характер, когда не были редкостью прямой обман граждан, а «трудные» проблемы решались с помощью подкупа государственных чиновников. Вместе с тем, современным организационным структурам по поддержке бизнеса, различным ассоциациям предпринимателей стоило бы принять к сведению и учитывать в своей работе позитивный опыт нахождения компромиссных решений, настойчивость и профессионализм в отстаивании перед государственными структурами интересов коммерческих кругов и деятельность организаций 1920-х гг. по консолидации предпринимательства.

Л.А. ЖУКОВА

КАДРЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РЕГИОНА

Вопрос обеспечения сельского хозяйства Восточной Сибири и, в том числе, Иркутской области, квалифицированными кадрами в настоящее время стоит очень остро. Но корни этой проблемы уходят в 60–70-е гг. XX в.

Эффективность использования передового опыта зависела, прежде всего, от кадров. Число директоров совхозов и председателей колхозов с высшим образованием с каждым годом увеличивалось. Практиков, не имеющих даже среднего специального образования среди председателей колхозов в 1967 г. было 26%, а к 1974 г. осталось 18%. Директоров совхозов и председателей колхозов с высшим и средним специальным образованием к 1974 году насчитывалось соответственно 99% и 88%, в 1976 — 99% и 92%, в 1985 — 100% и 98%. Но качество образования не всегда соответствовало потребностям сельскохозяйственного производства.

Для подготовки и повышения квалификации в области были организованы факультет подготовки руководящих кадров при сельхозинституте, областная школа повышения квалификации сельскохозяйственных кадров, специальное отделение Иркутского совхоза-техникума. Но их работа подвергалась критике. Указывалось, что в процессе обучения не уделялось должного внимания формированию у слушателей таких качеств, которыми должен обладать руководитель, не прививались практические навыки экономических методов управления, применения хозрасчета и научной организации труда. Руководители и специалисты, проходившие переподготовку, не имели возможности изучать новейшую технику и прогрессивные технологии производства в передовых хозяйствах области. Вследствие этого значительная часть слушателей, окончивших факультет при ИСХИ, не использовалась в качестве руководи-

телей хозяйств. Например, из 86 выпускников факультета подготовки руководящих кадров при ИСХИ за период 1980–1984 гг. лишь 16 чел. было выдвинуто на руководящую работу. Остальные 70 выпускников долгие годы числились в резерве, а замена велась из числа не прошедших специальной подготовки.

Несмотря на все недостатки в системе обучения, в области было немало талантливых организаторов производства, хорошо знающих дело. Известностью и авторитетом пользовались такие опытные руководители как И.Я. Кикин, И.Д. Дорохов, Н.Т. Романкевич. Наряду с ними работали и молодые талантливые руководители В.А. Бердников, П.Н. Царев, Ю.Е. Ковалев.

Однако в области допускалась частая сменяемость руководящих кадров. За 1966–1969 гг. сменилось директоров совхозов и председателей колхозов — 101 чел., в том числе по причине: выдвигания на вышестоящие должности — 24 чел., как несправившиеся с работой — 19 чел. За 1975–1981 гг. в области сменилось 67 председателей колхозов (или 78%) и 90 директоров совхозов (или 66%). За 1980–1984 гг. сменилось 58 председателей колхозов и 81 директор совхозов, из них 15 были отстранены от работы как не обеспечившие руководство и скомпрометировавшие себя. Особенно высокая сменяемость руководителей хозяйств была в Иркутском и Куйтунском районах — по 11 чел., Тайшетском и Боханском — по 10 чел., Тулунском — 8 чел. Основной причиной большой сменяемости было то, что отдельные руководители назначались без достаточного изучения их деловых качеств. В ряде случаев отсутствовал резерв кадров на выдвижение. Поэтому на руководящие должности нередко попадали неподготовленные, практически незрелые люди.

Большие недостатки имели место в работе с кадрами среднего звена. В 1969 г. в колхозах и совхозах области работало управляющими отделений, бригадами полеводческих бригад и заведующими фермами 2233 чел., из которых только 322 чел. (или 14%) имели высшее и среднее специальное образование, а в 1978 г. из 2372 руководителей среднего звена специальное образование имели 612 чел. или 28%. В 1972 г. в совхозах области среди бригадиров полеводства было 59% практиков с образованием ниже семи классов, среди заведующих фермами в совхозах таких было 52%, а в колхозах — 64%. Особенно неудовлетворительно велись подбор и подготовка кадров среднего звена в Аларском районе, где за 1975–1980 гг. их было подготовлено лишь 43%, Баяндаевском и Нукутском — по 37%, Осинском — 21% и т.д. План по повышению квалификации практиков в целом по области выполнен был за этот же период на 70%, в том числе агрономов — 61%, зоотехников — 31%, механиков — 62%. Большое количество практиков имелось среди работников экономических служб (экономисты, бухгалтеры). В числе главных бухгалтеров колхозов они составляли более 30%, совхозов — 25%.

Имела место большая текучесть кадров специалистов среднего звена. За 1970–1973 гг. из сел области выбыло 3286 специалистов. Особенно высокой она была среди агрономов, зоотехников и инженеров-механиков, в 1975–1980 гг. она составила в совхозах: агрономов — 45%, зоотехников — 55%, инженеров-механиков — 45%, в колхозах соответственно 28%, 28% и 35%. За период с 1980 по 1984 гг. в хозяйствах области было заменено 83% главных агрономов, 88% главных зоотехников, 81% главных инженеров-механиков. Лишь 27% главных специалистов работали в этих должностях от трех до пяти лет. Наибольшая сменяемость главных специалистов была в Жигаловском, Заларинском, Чунском и Боханском районах. Все это, безусловно, сказывалось на уровне управления хозяйствами.

В 1985 г. в хозяйствах области 34% должностей специалистов было занято практиками. Особенно много их было среди бухгалтеров (48%), ветврачей (28%), техников-механиков (56%), сельских строителей (28%). Дефицит специалистов с учетом вакантных должностей и замещенных практиками составлял по области 5200 чел. Специалисты сельского хозяйства не видели перед собой больших перспектив, поэтому утечка кадров была выше, чем их приток.

Низкий уровень образования, недостаток квалифицированных специалистов отражались на качестве работы руководителей среднего звена. Во многих хозяйствах агрономы, зоотехники, инженеры, ветврачи недостаточно занимались разработкой и решением коренных задач, так как многие из них не имели точно установленного круга обязанностей, часто отвлекались на выполнение несвойственных их специальности функций, значительная часть рабочего времени расходовалась на решение текущих вопросов, составление различных справок и отчетов, материально-техническое снабжение и сбыт продукции.

Также неудовлетворительно велась работа с кадрами механизаторов и животноводов. В 1970 г. имели квалификацию первого и второго класса 25% животноводов и 34,4% механизаторов, а в 1974 г. соответственно 23,5% и 49,5%. Количество механизмов и оборудования на фермах и техники на полях с каждым годом увеличивалось, а кадры, несмотря на неоднократные требования к руководителям хозяйств, не готовились. В результате этого преждевременно выводились из строя техника и другое оборудование, которое с таким трудом приобреталось хозяйствами. Имела место большая текучесть механизаторских кадров. В 1960–1970-е гг. в среднем за год из сел области уезжало до 3,5 тыс. механизаторов. Например, за 1974 г. в колхозы и совхозы прибыло 4053 чел. и за этот же период выбыло 3571 чел. или 88%. В результате такой тенденции за 1971–1975 гг. тракторный и комбайновый парк сельского хозяйства области увеличился на 11%, а количество механизаторов увеличилось только на 3% или на 100 тракторов и комбайнов в 1975 г. было 89 механизаторов, тогда как в 1970 было 97. В 1968 г. обеспеченность механизаторами в

области была 68%, в 1978 г. она составила 71%, а к 1980 г. снизилась до 63%. Основными причинами текучести механизаторских кадров были: неудовлетворительная организация труда, неудовлетворительные производственные и жилищно-бытовые условия. Со временем положение не изменилось. К 1981 г. в совхозах области имевшаяся жилая площадь составляла около 40% от потребности, к тому же она не обеспечивалась водоснабжением, канализацией и централизованным теплоснабжением. Кроме того, организация новых совхозов не сопровождалась соответствующей подготовкой центральных усадеб и выделением этим совхозам капиталовложений и материальных ресурсов для строительства объектов жилсоцкультбыта. В ряде хозяйств механизаторам не выплачивались надбавки за классность, за сохранность техники, экономию горючего и т.п. В 1975 г. в области не хватало 9,5 тыс. комбайнеров.

Чтобы восполнить нехватку трактористов и комбайнеров, руководителей промышленных предприятий ежегодно обязывали к началу полевых работ готовить от 1173 механизаторов в 1967 г. до 5605 в 1981 г. Несколько больше их готовилось в сельских профессионально-технических училищах. О качестве подготовки механизаторов в СПТУ можно было судить по квалификации преподавателей. Например, в 1975 г. 33% педагогов (!) профтехучилищ не имели высшего образования, 50% мастеров (!) производственного обучения не имели даже среднего специального образования. И материальная база училищ не всегда соответствовала современным требованиям.

Чтобы хоть как-то исправить положение с механизаторскими кадрами, облисполком во исполнение постановления Совета Министров РСФСР от 27 июня 1969 г. № 393 «Об организации обучения учащихся сельских средних общеобразовательных школ работе на тракторах, комбайнах и других сельскохозяйственных машинах» решил: «...Ввести в школах, начиная с 1969–1970 учебного года обучение учащихся IX–X классов сельских средних школ работе на тракторах, комбайнах и других сельскохозяйственных машинах, используя для этого время, предусмотренное учебным планом на трудовое обучение, факультативные занятия и летнюю практику». Но здесь возникла проблема обеспечения обучавшихся техникой. Своей техники школы в большинстве случаев либо не имели, либо имели в недостаточном количестве и, как правило, устаревшую, списанную в колхозах и совхозах. Использовать для обучения трактора и машины хозяйств школы тоже не могли, учитывая сложное положение с техникой в колхозах и совхозах. Таким образом, это положительное решение областного руководства на практике ожидаемого результата не дало.

К 80-м гг. XX в. развитие сельского хозяйства страны в целом и региона в том числе, замедлилось. Это было связано с целым рядом проблем, среди них были и такие как недостаточно активное развитие социальной инфраструктуры села, и, как следствие, острая нехватка рабочей силы, прежде всего механизаторов в колхозах и совхозах.

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ НЭПА

Неустойчивая и противоречивая политика государственных и региональных властей в отношении торговой деятельности частников заставляла последних создавать собственные объединения для защиты своих корпоративных интересов. Такими организациями в годы нэпа стали комитеты рыночных торговцев, общества взаимного кредита — ОВК, секции частной промышленности и торговли при товарных биржах.

Комитет рыночных торговцев первоначально задумывался государством как контрольно-наблюдательная структура, осуществлявшая контроль над деятельностью частного капитала. Его основной функцией являлась координация усилий торговцев по поддержанию в должном порядке состояния торговых рыночных площадей в соответствии с санитарными нормами. В его задачи входило наблюдение за тем, чтобы не производилась торговля без патентов, акцизных марок, вовремя уплачивались налоги, взносы и т.д. Комитет обязан был оказывать содействие налоговым органам в выяснении оборотов частных торговцев, вести учет всех торговцев комитета. Комитеты рыночных торговцев в связи с активным расширением частной торговли в первые три года нэпа стали возникать повсеместно в городах. Так, в марте 1924 г. подобный комитет был создан в Красноярске, в октябре — в Иркутске. (Архивное агентство администрации Красноярского края, ф. 822, оп. 1, д. 8, л. 59–60; ГАИО, ф.р-511, оп. 1, д. 46, л. 10.)

На практике рыночные комитеты быстро расширили границы своей компетенции. Они оказывали посредничество частным торговцам в приобретении патентов на право торговли, контактировали с государственными товарораспределительными организациями Госторгом, Сибторгом и т.п. Вскоре комитеты объединили под своей эгидой не только торговцев, имевших лавки и магазины на базарных площадях, но вообще всех частных предпринимателей. Например, комитет рыночных торговцев города Красноярска первоначально объединял предпринимателей, имеющих торговые лавки только на базарной площади. Вскоре комитет охватил все частные торговые предприятия города. Подобным образом действовал и комитет рыночных торговцев в Иркутске. После своего образования он развернул активную деятельность. Следил за чистотой рыночной площади, помогал частникам в оформлении патентов, доставке товара и т.д. (Архивное агентство администрации Красноярского края, ф. 822, оп. 1, д. 8, л. 62; ГАИО, ф.р-511, оп. 1, д. 46, л. 15.)

В ходе своей деятельности рыночные комитеты из контрольной структуры превратились в организацию, отстаивавшую общественные инте-

ресы частных торговцев перед государством. Они активно протестовали против жесткой налоговой, арендной политики властей, против правил регламентации торговли, мешавших нормальной торговой деятельности и т.д. Сознвая, что разрозненные усилия вряд ли заставят правительство прислушаться к требованиям предпринимателей, рыночные комитеты готовили объединение нэпманов на региональном и всесоюзном уровнях. Красноярский рыночный комитет в июне 1925 г. командировал своего представителя в Москву для решения вопроса о подготовке всесоюзного съезда частных торговцев и промышленников. Одновременно красноярские нэпманы рассылали письма рыночным комитетам других городов в которых просили поддержать идею созыва съезда. Члены красноярского рыночного комитета предполагали обсудить на съезде такие вопросы как плата за обучение детей нэпманов, расширение прав частных оптовиков и т.п. Намерения предпринимателей Красноярска были квалифицированы властями как недопустимое явление. К делу подключилось ОГПУ. В результате съезд так и не состоялся. (Архивное агентство администрации Красноярского края, ф.р-606, оп. 1, д. 24, л. 180–227) Таким образом, эти протесты мало что меняли в недоброжелательном отношении властей к частным торговцам. Со второй половины 1920-х гг., в связи с изменением политических приоритетов власти в сторону ликвидации частной торговли, комитеты рыночных торговцев стали сокращаться, и к 1927–1928 г. были ликвидированы. Тем не менее, они сыграли значительную роль в оказании помощи частным торговцам.

Другим объединением частных предпринимателей стали общества взаимного кредита — ОВК, которые защищали их финансовые интересы. Основной задачей ОВК являлось кредитование частных. В Красноярске ОВК было создано в 1923 г., в Иркутске — в 1925 г. (Архивное агентство администрации Красноярского края, ф. 822, оп. 1, д. 8, л. 65; ГАИО, ф.р-511, оп. 1, д. 50, л. 46) Например, Красноярское ОВК было для частных единственным кредитным учреждением в городе, не считая Госбанка. Деятельность ОВК была успешной. Общество, помимо кредитования, по поручению торговцев-оптовиков приобретало для них товар, выдавало под него авансы. На начальном этапе своей деятельности ОВК тесно сотрудничали с Госбанком, который помогал им развернуть кредитные операции. Их собственный капитал быстро увеличивался, росли кредитно-ссудные и товарно-комиссионные операции. К 1924 г. собственные средства Красноярского ОВК составляли 35833 р. Однако государство своей политикой по ограничению частной торговли значительно тормозило работу ОВК. Сильным ударом явилось сокращение кредитования. Так, Красноярский ОВК к концу первого полугодия 1925–1926 г. сократил товарно-комиссионные операции на 50%. К 1927 г. деятельность ОВК была очень сильно ослаблена и к концу 1920-х гг. прекращена. (Архивное агентство администрации Красноярского края, ф.р-606, оп. 1, д. 24, л. 227.)

Общества взаимного кредита способствовали развитию частного сектора экономики в целом. Они служили передаточной инстанцией, через которую государственные и кооперативные средства уходили в частный сектор. ОВК также способствовали налаживанию нормальных взаимоотношений между государственными организациями и частными фирмами. Наконец, в конце 1920-х гг., когда частная оптовая торговля была полностью ликвидирована, ОВК приняли на себя функции оптовых предприятий и снабжали нэпманов товарами. Таким образом, общества взаимного кредита, формально не обладая административными функциями, оказывали большое воздействие на деловой мир и отстаивали интересы частников не меньше, чем рыночные комитеты.

Еще одной формой организации нэпманов, борющихся за свои интересы, стали секции частной промышленности и торговли при товарных биржах. Первоначально секции планировались государством как организации, контролирующие торговую деятельность частников. Основной функцией было учет и регистрация сделок. Таким образом, привлекая частный капитал к участию в биржевой деятельности, власть намеревалась его контролировать. В Красноярске и Иркутске они были созданы в 1925–1926 г. (Архивное агентство администрации Красноярского края, ф.р-606, оп. 1, д. 24, л. 229; ГАИО, ф.р-511, оп. 1, д. 50, л. 46) Их функцией явились сбор статистической информации и разнообразная работа по вопросам торговой и биржевой деятельности частного капитала. Однако, в дальнейшем, секции развили очень активную деятельность по отстаиванию торговых интересов частников перед государственными и местными органами власти. Делегировали через биржевой комитет своих представителей в общественные и государственные учреждения, выявляли нужды и интересы местной торговли и направляли соответствующие ходатайства в органы власти и т.п. мероприятия. Деятельность секций стала резко контрастировать с все более усиливающимся контролем государственных учреждений над обществом. Власть не могла потерпеть существование таких независимых и оппозиционных органов. Поэтому, проработав всего год, секции частной промышленности и торговли были ликвидированы.

Таким образом, для организаций частных торговцев в годы нэпа было характерно двойственное положение, которое с самого начала было определено государственным стандартом. С одной стороны — это подконтрольность и подведомственность интересам государства, с другой — объединение частных коммерческих интересов предпринимателей. В результате эта особенность определила специфику и приоритеты их деятельности. Являясь продуктом неустойчивого компромисса государственной власти и частного капитала, эти организации были изначально обречены, так как содержание их работы вошло в противоречие с государственными требованиями.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 50–80-е гг. XX в.

Одним из важнейших вопросов связанных с социокультурным развитием малочисленных народов является экономическая и хозяйственная деятельность малочисленных народов. Эпоха советской традиционности в Иркутской области охватывает длительный период этнической истории. Основная ее характеристика — сохранение основных черт традиционных у общинных социокультурных институтов. Общины эвенков, тофаларов, нганасанов, и других малочисленных народов Иркутской области регулировали не только сезонную трудовую кооперацию семьи, отношение потребления и распределение, методы и принципы освоения угодий, но и строго нормировали соответствия их морально-этическим и религиозным канонам в культурно-бытовых условиях привычной жизни.

Трансформация социокультурных систем, вызванная столкновением с новой советской послевоенной культурой, повлекшая малочисленные народы Иркутской области к новым процессам ведения хозяйства, а так же вовлечение в новые товарные отношения, которые стимулировали развитие многообразия процессов и новых этнокультурных стратегий существования.

Социокультурные процессы у малочисленных народов имели комплексный характер, сочетая потребительские процессы: охоту на «мясного зверя», боровую дичь с рыболовством, собирательством и транспортным оленеводством, т.е. с формированием системы этнического природопользования таежных кочевников (эвенков, эвенгов и тофаларов).

В обстановке бурного социального и экономического развития районов проживания малочисленных народов Иркутской области, промышленного освоения прежде исключительно промысловых и сельскохозяйственных ареалов в 50–80-е гг. XX в. многие относительно традиционные черты хозяйства и быта аборигенного населения претерпели существенные изменения. Одни из них уже прекратили существовать и представляют собой зачастую лишь исторический интерес, являя примеры приспособленности человека к жизни в суровых природно-климатических условиях Сибирского региона, другие исчезали в течении рассматриваемого периода, третьи до сих пор не потеряли своего хозяйственного значения в общем экономическом потенциале страны. Существенные черты традиционного опыта природопользования явились отправной точкой для процесса реконструкции хозяйства и перевода его на научную основу. Оленеводство, рыболовство и охотничий промысел региона — исторически сложившиеся отрасли — до сих пор основываются на многовековых производственных навыках аборигенов. Для коренного

населения эти отрасли остаются основной сферой приложения труда и до сих пор служат источником его материального благосостояния.

Остановимся на некоторых чертах хозяйственной деятельности малочисленных народностей Иркутской области в 50–80-е гг. XX в., на использовании отдельных традиционных навыков и приемов в современном ведении хозяйства.

Основой жизнеобеспечения у малочисленных народов Иркутской области являлся промысел копытных, поэтому размеры осваиваемой территории были относительно стабильны, что объяснялось экологическими особенностями добываемых видов: не свойственностью им регулярных дальних миграций и сравнительно равномерным распределением в пределах своих ареалов. Численность поголовья транспортных оленей для обеспечения нужд потребительской охоты не превышала 5–10 голов на семью (Вайнштейн С.И. Происхождение саянских оленеводов (Проблемы этногенеза тувинцев-тодзинцев и тофаларов) / Этногенез народов Севера, М., 1980. С. 58).

Территория Иркутской области включает в себя различные природно-климатические и ландшафтные зоны. Соответственно у малочисленных народов, таких как, тофалары и эвенки, сложились различные типы оленеводства в зависимости от экологии той или иной популяции оленя, форм поведения животных, возможности сохранения максимальной стадности, что, как считают этнологи, является основополагающим условием для эксплуатации домашнего оленя человеком, и т.д.

Задачи перед коренным населением Иркутской области ставились, как и для всех советских людей. «Определялись задачи, формы, а главное направление для всей Иркутской области» (ГАНИИО. Ф. 258. Оп. 14. Д. 8. Л. 21). Это, прежде всего повышение производительности труда, привлечение трудящихся к управлению производством, развитие творческой инициативы трудящихся. Так зарождались и активно творческие бригады при сельских клубах. При клубе работали различные кружки по интересам: домоводства, кройки и шитья, в которых малочисленные этносы учились всяким премудростям быта и ведения хозяйства. Социалистические соревнования, для тофаларов и эвенков являлось как коллективным, так и индивидуальным. Таким образом, речь затрагивалась о соревновании в зверопромхозах и коопзверопромхозах.

По данным протоколов Иркутского обкома КПСС от 4 сентября 1974 г. «Ежегодно подводили итоги среди промысловиков-охотоведов. Основной фактор, определяющий лучшего промысловика — это сумма, на которую было сдано пушнины» (ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14 Д. 9. Л. 44). В основном эти соревнования больше подходили штатным охотникам. Но не стоит забывать, тот факт, что среди местных охотников, были так же и охотники и других национальностей, которые не принадлежат к малочисленным этносам. Таким образом, менялось миропонимание и мировоззрение у малочисленных народов к своей обыденности и повседневности, которые должны были участвовать в политической, культурной и хозяйственной жизни.

Как известно профессии «охотник» не было, а был род занятий «рабочий-охотник», так как он должен был выполнять свою непосредственную работу. Итоги такого конкурса по добыче пушнины подводил Роспотребсоюз. Отмечались конкретные природные условия, ведь не все охотוגодия имели одинаковую концентрацию пушного зверя.

Таким образом, речь шла об условиях соревнований охотников-аборигенов внутри зверопромышленных хозяйств. Теперь они, стали заниматься обыденным делом — охотой, работая на государство. «Такие примеры, характерны для тофаларов и эвенков Приангарья» (ГАНИИО. Ф. 258. Оп. 14. Д. 1. Л. 45).

Возникновение звероводства в регионе относится к периоду начала сравнительно широкого перехода эвенкийского населения к оседлому образу жизни, укрупнению эвенкийских колхозов. В колхозах Катангского района в 1960 г. насчитывалось 276 серебристо-черных лисиц, в том числе «Ленин-Октон» 126 голов, «1 мая» — 90, «Заря» — 60. В 1971–1975 гг. среднегодовое поголовье лисиц по району достигло 393, в 1981–1985 гг. — 1067. Поголовье голубых песцов в 1985 г. достигло 685 голов. По совхозу «Золотинка» на начало 1986 г. имелось 520 голов серебристо-черных лисиц (Там же. Оп. 51. Д. 38. Л. 17).

Маломощность звероферм ограничивал возможности совершенствования процесса производства и снижения затрат труда, препятствуя росту качественных и экономических показателей отрасли. Совхоз «Ленин-Октон» в 1985 г. сдал государству 1260 шкурок серебристо-черной лисы, оказался в убытке на 74,2 тыс. р., в 1983 г. убытки от звероводства составили 103,4 тыс. р. (Там же. Оп. 14. Д. 1. Л. 18)

Расчет на обеспечение трудовой занятости значительной части эвенкийского населения, переходящего на оседлый образ жизни, главным образом женщин, тоже не оправдался малых размеров звероферм. В условиях смешанного проживания в населенных пунктах при ограниченном числе рабочих мест, возникла сильная конкуренция со стороны представительниц инонационального населения. В результате в эвенкийских селах за вычетом эвенкиек — звероводов, находящихся в отпусках по уходу за детьми, в зверофермах было занято в среднем всего 5–6 эвенкиек (Там же. Оп. 35. Д. 51. Л. 41)

Таким образом, отрасль созданная в расчете на утилизацию местных дешевых кормов, быстро исчерпала внутривладельческие ресурсы субпродуктов. Вынужденное использование в качестве корма части пищевой продукции животноводства и промыслов вело к удорожанию себестоимости продукции.

Таким образом, хозяйственная деятельность малочисленных народов является одним из важнейших вопросов связанных с социокультурным развитием малочисленных народов. История советского периода в Иркутской области в 50–80-е гг. XX в. характеризуется сохранением основных черт социокультурных институтов. Социокультурные процессы у малочисленных

народов имели комплексный характер, сочетая потребительские процессы: охоту на «мясного зверя», боровую дичь с рыболовством, собирательством и транспортным оленеводством. Коренному населению оставались главным образом традиционные формы хозяйствования. Основной жизнеобеспечения у малочисленных народов Иркутской области (эвенков и тофаларов), являлся промысел копытных, поэтому размеры осваиваемой территории были относительно стабильны, что объяснялось экологическими особенностями добываемых видов: не свойственностью им регулярных дальних миграций и сравнительно равномерным распределением в пределах своих ареалов.

Рабочий сезон у оленеводов начинался в зависимости от традиций того или иного народа, отдельных семей и варьировался от января до весеннего или летнего учета оленей и т.д. Конечно, точку отсчета начала года из всего цикла работ можно взять любую, но описывать год оленевода, по нашему мнению, логично со времени возрождения природы весной с апрельского времени, когда начинается подготовка к отделу оленей. В обстановке бурного социального и экономического развития районов проживания малочисленных народов Иркутской области, промышленного освоения прежде исключительно промысловых и сельскохозяйственных ареалов в 50–80-е гг. XX в. многие относительно традиционные черты хозяйства и быта аборигенного населения претерпели существенные изменения. Одни из них уже прекратили существовать и представляют собой зачастую лишь исторический интерес, являя примеры приспособленности человека к жизни в суровых природно-климатических условиях Сибирского региона. Территория Иркутской области включает в себя различные природно-климатические и ландшафтные зоны. Соответственно у народностей, населяющих ее, сложились различные типы оленеводства в зависимости от экологии той или иной популяции оленя, форм поведения животных, возможности сохранения максимальной стадности.

Существенные черты традиционного опыта природопользования явились отправной точкой для процесса реконструкции хозяйства и перевода его на научную основу. Оленеводство, рыболовство и охотничий промысел региона — исторически сложившиеся отрасли — до сих пор основываются на многовековых производственных навыках аборигенов. Для коренного населения эти отрасли остаются основной сферой приложения труда и по-прежнему служат источником его материального благосостояния.

А.Р. КУДРЯШОВА

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1980-е гг.

Промышленное освоение северных территорий Восточной Сибири в 1950–1980-е гг. сопровождалось появлением новых поселений, которые вскоре становились своеобразными плацдармами формирования круп-

ных территориально-производственных комплексов, центрами промышленных районов.

Изучение размещения новых городов показывает, что они могут складываться, во-первых, как базовые города групповых систем расселения; во-вторых, как спутники крупных промышленных и культурных центров; в-третьих, как «точечные» пункты размещения населения при освоении необжитых районов. Эти особенности новых городов в значительной мере определяют их функции, набор градообразующих факторов, специфику формирования населения, его социальную структуру и общественную активность.

Районы нового промышленного освоения Восточной Сибири в целом характеризуются более суровым, чем на западе, климатом и значительным распространением вечной мерзлоты. Помимо чисто природных факторов на процесс промышленного развития в этих районах влияют факторы социально-экономического характера. К ним, в первую очередь, относятся такие, как отдаленность от «старых», обустроенных, экономически более развитых районов страны, что накладывает отпечаток на жизнь и бытовые условия населения; отсутствие удобных транспортных коммуникаций; недостаточная обжитость и освоенность территории, вынуждающая увеличивать капиталовложения.

Необходимо отметить, что этот регион следует отнести к территориям, характеризующимся и высоким удельным весом городского населения. К началу 1980-х гг. на севере Восточной Сибири сформировались молодые города с населением более 100 тыс. чел. — Норильск, Братск, Усть-Илимск.

Основным промышленным центром Братско-Усть-Илимского ТПК, стал Братск, где были расположены мощный гидроузел, крупнейшая в стране база стройиндустрии, лесопромышленный комплекс и алюминиевый завод. В Усть-Илимском промышленном узле тоже действовали гидроэлектростанция и лесопромышленный комплекс. Железногорск-Илимский и Коршуновский ГОК стали основой для третьего промышленного узла в рамках БУИ ТПК. В северной части Красноярского края получил развитие Норильский промышленный район, где на базе ценных месторождений медно-никелевых руд развивался целый комплекс рудников, обогатительных фабрик, металлургических заводов и обслуживающих отраслей.

Строительство гидроэлектростанций и создание на их базе энергоемких производственных объектов диктовало необходимость привлечения дополнительной рабочей силы, так как собственные трудовые ресурсы были недостаточны. По подсчетам специалистов, для выполнения поставленных задач в течение 15–20 лет необходимо было привлечь 1,5–2,0 млн чел. (ГАИО, ф. 1827, оп. 1 доп. д. 4, л. 41; Чернова Ю.В. Динамика численности новых городов Иркутской области (1950–1980-е гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2002. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. С. 111.)

Для реализации поставленных задач государство принимало законодательные акты, которыми предусматривались прибавки, коэффициенты к заработной плате, заключение договоров на 3 года, выплаты за непрерывный северный стаж, льготные пенсии, продолжительные отпуска, оплата поездов, строительство кооперативов в южных и западных районах страны и др. В результате сумма заработной платы, выплачиваемой за выполнение одного и того же объема работ и при одинаковой сложности, в районах нового промышленного освоения была выше, чем в других районах страны, а в северных территориях азиатской части СССР выше, чем в среднеширотных районах примерно в 2,0–2,5 раза.

С 1959 по 1989 г. численность населения Красноярского края и Иркутской области увеличилась на 29,6% и составляла 9152,5 тыс. чел. или 70,3% населения Восточной Сибири. Доля городского населения поднялась с 54,9 до 76,2%. (Цыкунов Г.А. Особенности формирования населения в районах нового освоения // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2002. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. С.101.).

Таблица 1

Численность населения северных городов Иркутской области*

Города	Численность населения, тыс. чел.		
	1979 г.	1985 г.	1989 г.
Братск	215,2	242,3	257,6
Усть-Илимск	69,6	99,1	110,3
Железногорск	29,3	30,6	31,8
<i>Всего</i>	314,1	372,0	399,7

* Составлена по данным архива Иркутского областного комитета государственной статистики, данные отдела переписи населения.

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что к началу перестройки продолжался рост численности населения новых городов Братско-Усть-Илимского ТПК. 86,7% населения ТПК проживало в городах — Братске, Усть-Илимске, Железногорске-Илимском. К концу 1980-х гг. темпы роста численности населения замедлились. Это было связано с завершением создания Братско-Усть-Илимского ТПК, вводом в эксплуатацию промышленных предприятий на его территории, стабилизацией трудовых коллективов. В связи с этим начинался отток рабочей силы. Но удельный вес городского населения к концу 1980-х гг. был по-прежнему высок.

Численность населения в Большом Норильске уменьшалась, а его города-спутники росли. Происходил приток рабочей силы с материка в связи с продолжающимся освоением Талнахского и Октябрьского месторождения медно-никелевых руд и увеличением мощностей Надеждинского металлургического завода.

Территории, где развернулось крупное строительство и освоение новых производственных мощностей, стали главными центрами миграции

населения. Прибывавшие в регион мигранты стали главным источником роста численности населения северных городов Восточной Сибири.

Таблица 2

Численность населения в Норильском промышленном районе (НПР), тыс. чел.*

НПР, в том числе	Численность населения		% в сравнении с 1979 г.
	1979 г.	1989 г.	
г. Норильск	186,6	179,8	-3,8
г. Талнах	35,1	65,7	+87,3
г. Кайеркан	18,7	29,8	+59,4
Всего	240,1	275,3	+14,7

* Составлена на основе Доклада об основных итогах Всесоюзной переписи населения 1989 г. на территории Красноярского края. Красноярск, 1990. 35 с.

Таблица 3

Механическое движение населения в северных городах Восточной Сибири, на 100 прибывших выбыло, чел.*

Город	Год		
	1980	1985	1988
Братск	93,5	87,8	95,6
Усть-Илимск	70,0	77,3	95,8
Норильск	114,8	105,8	87,4

* Составлена по данным: Архив Иркутского областного комитета государственной статистики, данные отдела статистики населения; Архив Красноярского краевого комитета государственной статистики, данные отдела статистики населения.

Данные таблицы свидетельствуют, что в условиях начавшейся в стране перестройки интенсивность миграционных процессов в северных городах оставалась высокой. В условиях БУИ ТПК отток населения нарастал по мере завершения его создания. Население Норильского промышленного района отличалось большей миграционной подвижностью, основная его часть сменялась через каждые 3–5 лет. Во второй половине 1980-х гг. доля местных жителей, урожденных норильчан, не достигала 10% (Лейбович О.Л. Городские коллективистские отношения в условиях Крайнего Севера // Молодой город в районах нового освоения Севера: социально-культурные проблемы: сб. науч. тр. Свердловск, 1989. С. 50).

Таким образом, к середине 1980-х гг. в северных районах Восточной Сибири была создана мощная индустриальная база, построены города, сформировались территориально-производственные комплексы. На протяжении всего периода освоения новых территорий численность доля городского населения неуклонно возрастала. В освоении огромных пространств Севера принимали участие выходцы из всех регионов страны, они составили основной костяк трудовых коллективов предприятий Норильска, Братска, Усть-Илимска, Железногорска-Илимского.

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА СИБИРИ (1946–1960 гг.)

В послевоенные годы приоритетным регионом в «прирастании» экономики СССР становится Сибирь. Стратегию ее развития определила выездная сессия Академии наук, проведенная в Иркутске в 1948 г. Она рекомендовала государственным органам магистральные направления развития Сибирского региона на 50–60-е гг. XX в.: строительство крупных электростанций на Иртыше, Оби, Енисее и Ангаре, создание энергоемких производств. Но первоначально необходимо было обеспечить транспортную составляющую проекта. Без железнодорожного транспорта осуществлять намеченную программу экономического развития Сибири было немислимо.

Прокладка новых железнодорожных магистралей на востоке страны намечалась в третьей пятилетке (1938–1942 гг.). В 1938 г. началось строительство Байкало-Амурской магистрали. Ее западный участок Тайшет–Лена должен был введен в постоянную эксплуатацию в 1941 г. Однако начавшаяся Великая Отечественная война вынудила свернуть строительство, а уложенные рельсы первых километров БАМа были разобраны в 1942 г. и использовались при сооружении дороги Саратов–Сталинград.

Возобновилось строительство железной дороги Тайшет–Лена в 1946 г. Через пять лет по ней прошел первый поезд, а в 1958 г. дорога была сдана в постоянную эксплуатацию (Индустриальное развитие Сибири в годы послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. Новосибирск: Наука, 1982. С. 53, 57). Она позволила начать освоение природных ресурсов северных районов Иркутской области и послужила основным средством обеспечения строительства Братской и Усть-Илимской ГЭС, гг. Братска, Железногорска, Усть-Илимска и их промышленных объектов.

Большое значение для развития экономики Сибири имело строительство новых железнодорожных линий на южном направлении. В 1947 г. началась прокладка основных путей Южно-Сибирской магистрали. Ее главные погрузочные участки: Барнаул–Кулунда и Артышта–Алтайская в постоянную эксплуатацию были сданы в начале 1950-х гг. Южно-Сибирская железная дорога соединила Восточную Сибирь с Кузбассом, Казахстаном и среднеазиатскими советскими республиками. Лес — в то время главное богатство Иркутской области и Красноярского края — в больших объемах стал поступать в безлесные районы страны. В рассматриваемый период развинулось строительство Среднесибирской железнодорожной магистрали Омск–Карасук–Камень-на-Оби–Алтайская. Эта дорога открыла выход грузопотокам из Кузбасса и с Алтая на Урал, минуя Транссиб. (Там же. С. 57–58). А в 1960-е гг. будет построена железная

дорога Тайшет–Абакан, которую за сложность природно-климатических условий называли «трассой мужества». Дорога связала Иркутскую область с Хакасией и Кузбассом. По ней железная руда Коршуновского месторождения до сих пор поступает на Западно-Сибирский металлургический комбинат в г. Новокузнецк, а обратно, в новые города Прибайкалья, металлоконструкции, стройматериалы, хлеб. Кроме названных «внутренних» магистралей строители Восточной Сибири прокладывали знаменитую тогда «Дорогу Дружбы» — Улан-Баторскую железную дорогу. Ее строили, а с 1950 г. совместно эксплуатируют российские и монгольские железнодорожники. Общая протяженность магистрального пути от ст. Наушки (Россия) до ст. Дзамын-Удэ (Монголия) составляет свыше 1500 км (Восточно-Сибирская электрическая. Иркутск, 1972. С. 251).

Наряду со строительством новых магистралей, в рассматриваемый период осуществлялась реконструкция самой Транссибирской дороги. За годы войны, когда ее эксплуатация была чрезмерной, обеспечение новыми рельсами, локомотивами и вагонами почти отсутствовало. Дорога «устала» настолько, что не справлялась с основной функцией — перевозкой пассажиров и народно-хозяйственных грузов. Ее надо было тоже «восстановить», хотя война и «не дошла» до Сибири. В соответствии с директивами на четвертую пятилетку (1946–1950 гг.) на восстановление и развитие Восточно-Сибирской и Красноярской железных дорог было ассигновано 2,7 млн р. (Центральный архив Российской Федерации, ф. 1884, оп. 41, д. 966, л.л. 12, 16). Значительная часть этих средств была затрачена на улучшение провозной способности дорог: замену рельсов, верхнего строения пути, автоматизацию стрелочных переводов, механизацию погрузочно-разгрузочных работ на крупных станциях и железнодорожных узлах.

Постоянно возрастающий объем перевозок потребовал коренного улучшения паровозного и вагонного парков. В 1950-е гг. начал осуществляться переход Транссиба на тепловозную тягу и автоблокировку, что имело большое не только экономическое, но и социальное значение. Один тепловоз заменял два паровоза; то, что раньше делали шесть человек, стали выполнять двое. Исчезли профессии кочегаров, угольных грузчиков на станциях, котельщиков, паровозных машинистов и другие. Улучшались условия труда железнодорожников массовых профессий, рос их образовательный и культурно-технический уровень. В конце 1950-х гг. на железнодорожном транспорте был осуществлен переход на автоблокировку: были закрыты тысячи блокпостов. Железнодорожники, которые их обслуживали, переселились на крупные станции, где имелись школы, больницы, клубы, новое жилье. Они первыми в Сибири ощутили влияние научно-технического прогресса.

Еще более крупные перемены на железных дорогах произошли в результате их электрификации. Для ее успешного проведения необходимо было создать соответствующие энергетические мощности. И они были созданы. В 1956 г. была сдана в эксплуатацию Иркутская ГЭС, в

1959 г. — Новосибирская, в 1960-е гг. — Братская и Красноярская. Это обеспечило более быстрые, чем в целом по стране, темпы электрификации железных дорог в Сибири. Она была осуществлена менее чем за десять лет и имеет большой экономический и социальный эффект. С внедрением электрической тяги значительно повысилась производительная работа дорог. Количество электровозов, занятых на перевозках, стало, по сравнению с тепловозным парком, вдвое меньше, а объем выполняемый ими работы увеличился тоже в 2 раза. (Иванова В.С. Социально-экономические последствия электрификации железнодорожного транспорта Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. С. 48).

Электрификация железных дорог Сибири была настоящим трудовым подвигом. Суровые зимы создавали много трудностей для электрификаторов. При низких температурах им приходилось ставить опоры, осуществлять подвеску контактных проводов, тянуть линию магистрального кабеля связи, сооружать тяговые подстанции. Выдающимися организаторами этого труднейшего, но замечательного дела являлись Саламбеков В.К. (начальник Омской дороги), Тетерский Г.И. (начальник Восточно-Сибирской железной дороги).

Электрификация дорог коренным образом изменила труд железнодорожников. На смену отжившим «грязным» профессиям (кочегар, котельщик, промывальщик котлов, башмачник), пришли новые — машинист электровоза, слесарь по ремонту электрооборудования, оператор связи, монтажёр контактной сети, мастер КИПов и т.д.

Электрификация изменила кадровую структуру многих дорожных служб. Например, только на Восточно-Сибирской железной дороге в паровозной службе было высвобождено 8500 чел., занятых тяжелым трудом, в том числе 5200 кочегаров, 875 шлакоуборщиков, 320 котельщиков. (Восточно-Сибирская электрическая. С. 258). С электрификацией на железнодорожный транспорт пришли автоматика, телемеханика, электроника.

Опыт электрификации железных дорог Сибири показал, что темпы и качество работ во многом зависят от их подготовки, организации и кадрового обеспечения. Большое усложнение в работу вносили разобщенность и чрезмерно узкая специализация строительных и монтажных организаций. Например, прокладкой и монтажом кабеля для электросвязи на Красноярской дороге занимались одновременно семь самостоятельных монтажных управлений, подчиненных трем специализированным трестам. Имелись недостатки и в подготовке кадров электрификаторов. Они были обучены только теоретически и не имели соответствующих практических навыков. (Индустриальное освоение Сибири. Опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. Иркутск, 1989. С. 97). Однако эти недостатки не могли серьезно повлиять на темпы электрификации, которая успешно была осуществлена к середине 1960-х гг. В результате электрификации Транссибирская железнодорожная магистраль надежно обеспечивает перевозки пассажиров и успешно справляется с возрастающими грузопотоками.

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ДЕТСКИХ ДОМОВ ИРКУТСКОЙ И ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Успешность осуществления политики советского государства по сокращению и ликвидации детской беспризорности была непосредственно связана с кадровым обеспечением учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей. Именно человеческий фактор имел наиважнейшее значение при осуществлении социализации беспризорных детей, предотвращения их возвращения в уличную жизнь. Состав персонала детских учреждений зачастую определял правильность постановки учебно-воспитательной работы, эффективность расходования выделяемых финансовых средств, соблюдение санитарно-гигиенических норм, психологическую комфортность проживания воспитанников. Наиболее важными и распространенными проблемами в обеспечении персоналом учреждений для беспризорных детей стали недостаточное количество педагогических и технических работников и низкий качественный уровень их подготовки.

Обеспечение социальных учреждений кадрами особенно остро стояло в первые годы существования советской власти в связи с гибелью и миграцией тысяч образованных людей. На фоне общего истощения людских ресурсов быстро создать трудовые коллективы было достаточно трудно. Отсутствие необходимого количества педагогического и технического персонала в детдомах начала 1920-х гг. было практически повсеместным, так как подготовленного персонала, желающего работать в детдомах, зачастую не было. Так, заведующий подотделом охраны детства Енисейской губернии писал в женотдел: «Неоднократно через заведующего, инструкторов и других служащих обращался во все учреждения с просьбой о предоставлении технического персонала и медиков, однако от всех учреждений мы получали либо прямой и грубый отказ, либо неопределенные обещания, которые не выполнялись» (Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (далее: ЦХИДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 120).

В Иркутской и Енисейских губерниях в этих годах отсутствовала развитая сеть учебных заведений по подготовке педагогических кадров, в связи с чем большинство воспитателей в детдомах являлись работниками дореволюционной школы, что, по мнению представителей отделов народного образования, препятствовало социалистическому воспитанию беспризорных (Государственный архив Красноярского края (далее: ГАКК). Ф. 49. Оп. 1. Д. 66. Л. 98). Соблюдать классовые принципы при комплектовании детдомов кадрами было просто невозможно из-за несформированности советской образовательной системы.

В 1922 г. в Иркутской губернии насчитывалось 449 воспитателей и 565 лиц технического персонала (Государственный архив Иркутской

области (далее: ГАИО). Ф. 160. Оп. 1. Д. 102. Л. 2). Учитывая тот факт, что всего в детдомах Иркутской губернии в этот момент содержалось 3335 воспитанников, в среднем на одного педагогического работника приходилось семеро детей (ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 113. Л. 6). В 1922 г. в связи с переводом детдомов на местный бюджет и скудостью финансовых ресурсов произошло сокращение персонала. Часть педагогических работников были уволены. Так, в Енисейской губернии в 1922 г. сразу в нескольких детских учреждениях было осуществлено сокращение: в доме ребенка — с 15 до 13 чел., в школе коммуне — с 20 до 16, в Больше-Муртинском детдоме — с 9 до 8. Всего из 154 работников Енисейской губернии оставили 136 (ЦХИДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 297. Л. 65). Общегосударственная политика сокращения персонала детдомов привела к увеличению числа воспитанников на одного воспитателя. В 1923 г. в Иркутской губернии на одного воспитателя приходилось по 10 воспитанников (Подсчитано по: Спасенные революцией: борьба с беспризорностью в Иркутской губернии и округе (1920–1931 гг.) / под ред. Агалакова В.Т. Иркутск, ГАИО, 1977. С. 56). Сокращение численности кадрового состава приводило к ухудшению качества учебно-воспитательной работы, снижению заботы о детях, оставшихся без попечения родителей.

Нередко численность технического персонала превышала количество педагогических работников. Так, в 1924 г. в Усольском детдоме на 53 воспитанника работало 2 педагогических и 4 технических работника, в Троицком детдоме на 49 детей — 2 чел. педагогического и 5 технического персонала (ГАИО. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 47. Л. 78). В детдоме «Октябрьской революции» в 1925 г. на 224 воспитанника приходилось 13 чел. педагогического персонала и 16 технического (ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 503. Л. 136). Столь большое количество обслуживающего персонала объяснялось технической отсталостью детдомов и отсутствием развитой системы самообслуживания среди воспитанников. Отделам народного образования приходилось комплектовать детдома большим количеством работников для выполнения разных видов физической работы: заготовки дров, пополнения запасов воды, отопления помещения, мытья посуды, стирки белья, приготовления пищи и т.д. При этом в первой половине 1920-х гг. приоритетной задачей детдомов объявлялось обеспечение воспитанников продуктами питания, одеждой, обувью и теплым помещением. Воспитание и обучение отодвигались на второй план необходимостью сохранения жизни голодных и полураздетых детей.

Негативное влияние на процесс комплектования кадрового состава в детдомах оказывали неблагоприятные условия на работе и в социально-бытовой сфере. На заседании президиума Енисейского губкома РКП(б) в 1922 г. отмечалось: «Хороший воспитательный элемент не идет в детдома, так как сама обстановка действует деморализующе — голодные, разутые дети, неподдающееся воспитанию, учебная работа там не может быть хорошо поставлена, нет ни пособий, ни учебников, ни равномер-

ного прохождения программы в виду того, что дети поступают с разной степенью обученности» (ЦХИДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 259. Л. 44).

Особо тяжелое положение работников детдомов было в первой половине 1920-х гг. Нередко из-за недостатка финансовых средств вопросы снабжения их продуктами питания, одеждой и обувью выпускались из виду. Так, в 1921 г. в Енисейский губернский исполком из губоно пришла докладная записка, в которой сообщалось о том, что при распределении продовольственных пайков совершенно забыли о большой группе административно-технического персонала детдомов. Для исправления ситуации было решено позаимствовать из детских пайков часть продовольствия (ГАКК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 66. Л. 5).

Несмотря на практически полное отсутствие качественно подготовленного персонала детдомов, уже в первой половине 1920-х гг. начался процесс подбора кадрового состава по политическому признаку. В 1922 г. Енисейским губернным комитетом РКП(б) было предложено заведующему губернным отделом народного образования Золотареву обратить особое внимание на систематическую замену лиц хозяйственно-административного персонала соответствующими партработниками и более надежными беспартийными (ЦХИДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 30). Из-за недостаточного количества партийных работников, желающих работать в детдомах, это предложение выполнить не удалось.

Неквалифицированность персонала детдомов привела к самым различным негативным последствиям. В 1921 г. дети Ольгинского приюта находились без всякого надзора, несмотря на наличие полного штата воспитательного персонала (ЦХИДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 151. Л. 124). В 1922 г. в Троицком детдоме Зиминского уезда неоднократно происходили случаи физической расправы с воспитанниками: воспитательница Овчинникова жестоко избивала воспитанника Самойлова, заведующий детдомом Падькин никак не отреагировал, так как сам применял физическую силу в качестве метода воспитания (ГАИО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 39).

При этом даже частичная смена кадрового состава могла привести к существенному улучшению деятельности детских учреждений. Так, в 1921 г. в Енисейской губернии руководителем дома ребенка №3 была назначена Вознюк, которая приняла детдом в ужасном состоянии — дети болели, были почти раздеты, кормили их плохо. После смены заведующего пищи в детдоме стало достаточно, дети выздоровели, появилась одежда и некоторые стали ходить в школу (ЦХИДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 246. Л. 31).

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. в детдомах не были полностью решены основные проблемы кадрового обеспечения. Недостаточное количество педагогического и технического персонала порождало перегруженность имеющихся в детдоме работников, и как следствие, снижение качества и эффективности их деятельности. Тяжелые условия труда приводили к большой текучести и частой сменяемости персонала, в том числе и руководящего, что мешало нормальной организации

внутренней жизни детского учреждения. Низкий образовательный уровень педагогического персонала препятствовал успешному осуществлению учебно-воспитательной работы, внедрению новейших достижений педагогической науки. Отсутствие качественно подготовленных воспитателей приводило к использованию непедагогических форм воспитания: избияниям, невыдаче пищи, запираением в карцер и т.д. Это снижало успешность осуществления процесса социализации беспризорных детей и нередко приводило к побегам из детдомов. В виду отсутствия образованных специалистов детдома зачастую комплектовались случайными людьми, которые не были заинтересованы в сохранении своего рабочего места, и часто нарушали трудовую дисциплину.

И.В. МЕЗЕНЦЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЗАБАЙКАЛЬЯ: ТРЕСТ «ЗАБАЙКАЛЗОЛОТО»

Первое официальное сообщение о наличии в Забайкалье месторождения россыпного золота относится к 1830 г. Первое же промышленное месторождение россыпного золота было открыто в 1832 г. в долине р. Куэнги, ставшего сырьевой базой первого в Забайкалье Куэнгинского золотого промысла. Чуть позже, в 1838 г., начали отрабатываться знаменитые Карийские россыпи, разведенные горным инженером А.И. Павлуцим. Не останавливаясь на достигнутом, в 1848 г. он открывает еще одну богатейшую россыпь — на р. Шахтаме. К концу XIX в. своеобразный «золотой бум» в Забайкалье увенчался открытием золотых россыпей по р. Кручине. Таким образом, именно тогда были заложены основы для развития добычи россыпного золота и дальнейших геологических изысканий коренных (рудных) источников россыпей. Уже в начале XX в., в 1902 г., были открыты богатейшие Карийское и Ключевское рудные месторождения.

В ходе проведения новой экономической политики старейший промысел превратился в перспективно развивающуюся горнодобывающую отрасль Забайкалья, а добыча золота сделала этот край одним из крупнейших золотовалютных цехов страны. Комбинаты «Балейзолото» и «Дарасунзолото», получившие позднее статус союзных, возникли в конце 1920-х–начале 1930-х гг., основывали свое производство на разработке рудных месторождений. Россыпные объекты и прииски другого золотодобывающего предприятия — треста «Забайкалзолото», основанного 26 сентября 1933 г. и называемого за производственную особенность «старательским», простирались по территории четырнадцати районов Читинской области и занимали в совокупности площадь в 24 300 км². В состав треста входили восемь производственных, находящихся на самостоятельном балансе, единиц: Шахтаминское, Любавинское, Усть-Карийское, Чикойское, Тура-Илинское и Кручининское золотоприисковые управления

(ЗПУ) и Усть-Малетинское молибденовое месторождение. Самым крупным и значительно удаленным от областного центра (379 км) было Шахтаминское приисковое управление, объекты которого были расположены на территории шести административных районов: Шахтаминского, Алек-Заводского, Газ-Заводского, Нер-Заводского, Калганского и Сретенского. Как и у любого другого месторождения, у Шахтамы есть своя история.

После открытия Шахтаминское месторождение интенсивно обрабатывалось до 1917 г. По данным ветерана золотодобывающей промышленности Забайкалья и исследователя истории отрасли Ю.А. Игнаткина, до 1917 г. здесь было добыто 12 350 кг золота. В середине 1920-х гг. перспективы добычи шахтаминского золота были подвергнуты некоторым сомнениям. Судьбоносным для месторождения стал 1926 г. Это был тот счастливый случай, когда желание бурильщика «копнуть» поглубже дали вторую жизнь «семидесятипятилетней Шахтаме». Так появились поселки Верхняя Шахтама и Нижняя Шахтама, еще раз подтверждая теорию «локального заселения» сурового горнорудного края. Только в Нижней Шахтаме тогда проживало до 15 тыс. чел.

Шахтама давала людям работу и, как это ни удивительно, учитывая сложнейшие условия труда, вдохновение. В 1934 г. парторг Шахтаминского приискового управления В.П. Ганибесов написал роман «Старатели», рассказ из первых рук о жизни шахтаминских золотодобытчиков. Именно здесь зародилась и воплотилась на практике подземная гидравлическая отбойка песков, здесь произошел запуск первой электрической драги. Ю.А. Игнаткин указывает, что в советский период из вновь подсеченной глубокой россыпи предположительно было добыто 12 т золота.

Среди многих удивительных судеб, которыми богата история треста «Забайкалзолото», нельзя не вспомнить о Н.Ф. Улыбине, вся жизнь которого связана с золотодобычей. Уроженец Казаковских промыслов, сын шахтера, в 1925 г. назначается директором Ононского приискового управления, где проявил себя знатоком своего дела. Его организаторские способности определили его назначение в 1930 г. руководителем экспедиции на Колыму. Там состоялась его встреча с первооткрывателем колымского золота Ю.А. Билибиным. После возвращения из экспедиции, в 1932 г. Н.Ф. Улыбин возглавил Усть-Карийское приисковое управление. Отмечен путь этого мужественного человека и зловещим 1937 г. Полтора года он провел в застенках НКВД, а после возвращения стал последним директором Шахтаминского приискового управления, критиком и свидетелем не во всем оправданной, пагубной для старательского способа добычи, «золотой реформы» 1950 г. Прекратило свое существование Шахтаминское приисковое управление. Н.Ф. Улыбин вышел на пенсию, последние годы своей жизни провел на своей малой родине, в поселке Казаково.

В сложное для страны и для отрасли военное время «фактор специалиста и руководителя» имел более чем решающее значение. В мае 1941 г. трест возглавил М.К. Мехоношин. Свою трудовую деятельность Михаил

Константинович начинал на прииске «Соловьевск» треста «Верхамурзолото», а затем был назначен на должность управляющего «Забайкалзолото». Организация работы огромного по своим территориальным масштабам предприятия стало хорошей школой для молодого руководителя. Нередко приходилось лично выезжать для оказания помощи руководителям производства на местах. Только в военном 1942 г. он побывал на предприятиях более двадцати раз. Работать приходилось в сложнейших условиях практического отсутствия разведанных запасов, нехватки квалифицированных специалистов, технических материалов и спецодежды. В 1942 г. перед трестом была поставлена задача, решение которой усилило отставание в выполнении плановых показателей по добыче золота. Особая важность придавалась развешиванию разведочных работ на комплексное извлечение «металлов оборонного значения» — молибдена, шеелита и висмута. В послевоенные годы при поддержке М.К. Мехоношина для эффективной работы старательских артелей был разработан и внедрялся на практике метод хозяйственного расчета «по плановым затратам», рекомендованный затем для применения на предприятиях Министерства металлургической промышленности СССР.

В военном 1943 г. на должность главного инженера треста «Забайкалзолото» был назначен Иннокентий Никандрович Кожевин, работавший до этого директором одного из предприятий треста — Усть-Карийского золотоприискского управления. И.Н. Кожевин получил среднее специальное образование по специальности горный техник и 45 лет своей жизни отдал добыче золота в Забайкалье. Огромное значение И.Н. Кожевина придавал работе с людьми, проявлял большую заботу о комплектовании рудников, шахт, обогатительных фабрик инженерно-техническими кадрами. Главный инженер понимал, что возможности людей не беспредельны, нельзя ограничиваться только агитацией, призывами, необходимо было конкретной помощью поддерживать самоотверженный труд горняков. По его инициативе в старательских артелях и на мелкозолотодобывающих работах треста в годы войны были введены дифференцированные нормы отоваривания хлебом в соответствии с выполнением норм.

Привлекая на старательские работы школьников, он следил за работой школ, добивался своевременной доставки дров и приготовления горячего питания, умело сочетал производственную работу с воспитательной. Именно И.Н. Кожевину было поручено возглавить одно из главных направлений в работе предприятия в годы войны — активизировать движение изобретателей и рационализаторов, привлечь в него молодых инициативных людей. Только их активность могла заместить нехватку рабочих рук, запасных частей, технических материалов и нового оборудования. После организации комиссии работа по рассмотрению и внедрению рационализаторских предложений на предприятиях треста заметно оживилась. Увеличилось не только количество поступивших предложений, но и число внедренных в производство.

В послевоенные годы (1946–1955 гг.) вся деятельность треста была направлена на восстановление довоенного уровня добычи золота, на развитие сырьевой базы и усиление разведочных работ. В структуре треста в 1946 г. сохранилось пять золотоприисковых управлений (кроме Кручининского). Комбинат «Дарасунзолото» вновь стал производственной единицей предприятия. Трест имел в своем составе 22 прииска, 40 объектов золотодобычи и разрабатывал: Горхон-Аленгуйское, Туринское, Добан-Горхонское месторождения, а также рудник «Пильная».

В декабре 1954 г. произошла структурная реорганизация золотодобывающих предприятий Читинской области. Некоторые предприятия трестов «Верхамурзолото» и «Баргузинзолото» вошли в состав треста «Забайкалзолото». К трем сохранившимся приисковым управлениям (Любавинскому, Усть-Карийскому и Чикойскому) структура треста объединила следующие предприятия: Дарасунское и Ключевское рудоуправления, Ципиканское приисковое управление, Средне-Витимский, Ксеньевский и Ивановский прииски. В таком составе трест просуществовал до 1957 г.

В послевоенные годы не раз возникал вопрос о бесперспективности объектов, разрабатываемых трестом, под сомнение ставилось состояние и развитие сырьевой базы. Вопросу о перспективах золотодобывающей промышленности должное внимание было уделено в «Гипотезе развития и размещения промышленности и транспорта Читинской области в перспективе на 15 лет», составленной по результатам работы Забайкальской комплексной экспедиции в октябре 1956 г. Наряду с развитием баз цветной и черной металлургии, было справедливо замечено, что сырьевые ресурсы руды по тресту «Забайкалзолото» в перспективе могли позволить довести добычу золота с 3,8 т в 1956 г. до 19,3 т ежегодно.

Позже в состав уже производственного объединения «Забайкалзолото» входили все золотодобывающие предприятия, находящиеся на территории Восточного Забайкалья и производившие разработку рудных и россыпных месторождений золота с применением подземных и открытых, дражных работ, обработку руды и песков на обогатительных фабриках. В 2000 г. объединение прекратило свою деятельность.

А.Г. МИРОНОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ТАЙШЕТ–БРАТСК

Железная дорога Тайшет–Усть-Кут, возведенная в первое послевоенное десятилетие за счет применения принудительного труда военнопленных и политзаключенных, создала благоприятные условия для успешного строительства Братской ГЭС и развития судоходства на Лене.

30 августа 1945 г. Государственный Комитет Обороны принял решение о привлечении на возобновляемое сооружение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали 200 тысяч японских военнопленных. В соответствии с данной задачей, Приказом от 8 сентября 1945 г. НКВД СССР санкционировал создание специальных лагерей. Лагерь № 7 ГУП-ВИ НКВД СССР был создан на станции Тайшет Восточно-Сибирской железной дороги с отделениями на 350 км участке строящейся дороги Тайшет–Братск. Тогда же, для прокладки Западного участка Байкало-Амурской магистрали было создано Управление Тайшетского строительства (Тайшетстрой) Главного управления лагерей железнодорожного строительства НКВД СССР.

Первые японцы прибыли в Тайшет в октябре–ноябре 1945 г. Неподготовленность лагерей в глубинных пунктах не позволяла рассредоточить военнопленных в зимний период 1945–1946 гг., что вызвало концентрацию японцев в пределах западного плеча строящейся дороги, где основные работы были выполнены еще до войны.

Период формирования Лагеря № 7 стал трагическим испытанием для бывших солдат и офицеров Квантунской Армии. Очень холодная, снежная зима, неотлаженная система снабжения продовольствием и обмундированием, неподготовленность жилых помещений и, наконец, тяжелое морально-психологическое состояние японцев сыграли свою роль. На зиму 1945–1946 гг. пришелся самый высокий процент смертности среди японских военнопленных за все время пребывания их на стройке.

Зимой 1945–1946 гг. в Лагере № 7 шли организационные работы. Было создано около пятидесяти лагерных отделений. Военнопленных разбивали на отряды, численностью от 300 до 1500 чел., командирами которых становились японские офицеры, таким образом, делалась попытка сохранить структуру подчинения, существовавшую в Квантунской Армии. С наступлением весны 1946 г. началась переброска строителей в неосвоенные районы. Лаготделения расположились в границах 1–211 км и 280–312 км дороги Тайшет–Братск. По данным архива Тайшетстроя «японцев размещали в колоннах (бараках) долговременного типа, а на отдельных участках — в утепленных палатках; в первую очередь строились помещения по типу долговременных колонн для блока питания и санитарного блока». (Архивный отдел администрации г. Братска, ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 75.)

Но, по свидетельству очевидцев, чаще всего военнопленные прибывали на абсолютно необорудованные участки в глухой тайге. О палатках, а тем более о бараках, при существовавшей системе снабжения не могло быть и речи. Оставалось одно: рыть землянки, которые и становились пристанищем для подавляющего большинства военнопленных. В чуть лучшем положении оказались японцы, попавшие в немногочисленные населенные пункты близ строящейся железной дороги. Так, 48 лаготделение было расположено на территории Братского рыбзавода. Здесь пленные жили в деревянных бараках, крышами которых служили навесы рыбных рядов.

В 1945–1949 г. японские военнопленные являлись основным контингентом рабочей силы на строящейся железной дороге. Только в 1946 г. в Лагере № 7 насчитывалось 19 378 японцев, или 80% от общей численности рабочих, занятых на строительно-монтажных работах. (Там же, л. 48.)

В отчете за 1946 г. начальник Тайшетстроя Орловский указывал на крайне низкую производительность труда восточного контингента, называя в качестве основных причин этого следующие факторы: непривычные для японцев климатические условия (суровая зима, очень дождливые лето и осень 1946 г.); отсутствие в составе военнопленных квалифицированных кадров (плотников, строителей, электриков); непонимание нашего административно-технического персонала из-за незнания русского языка и отсутствия переводчиков; неприспособленность японцев для работы с существующим инвентарем (нормальный размах русской тачки в ручках 960 мм с объемом 0,08–0,10 м³, а военнопленные использовали тачки с размахом 600 мм и объемом 0,03–0,05 м³; в первом полугодии вместо тачек применяли мешки с переноской на себе; острожку древесины производили на себя; пилили сидя и т.п.). (Там же, л. 18.)

Несмотря на такую оценку работы японцев подполковником Орловским, только за 1 полугодие 1946 г. была проделана огромная работа по освоению трассы до 180-го км и участка у Братска. Практически закончена автодорога, дающая возможность транспортировать грузы в далекие пункты. В большом объеме развернуты и выполнены работы по временным гражданским сооружениям, обеспечивающим коммунально-бытовыми условиями заключенных, вольнонаемный и офицерский состав. Пять отделений, расположенных по линии и в Тайшете полностью организованы для ведения основного строительства. При этом известно, что производительность труда по всем видам работ составила за полугодие лишь 71%. (ГА-НИИО, ф. 4765, оп. 1, д. 42, л. 51). В 1946 г. было уложено лишь 37 км главного пути магистрали, 43 км лежневой и 55 км грунтовой автодорог. (Архивный отдел администрации г. Братска, ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 174.)

Значительно изменились показатели производительности труда японцев в 1947 г. Уже к 30-й годовщине Октябрьской революции была завершена и сдана во временную эксплуатацию железнодорожная линия от Тайшета до Братска. Выполнение в сжатые сроки такого грандиозного объема работ стало возможным благодаря героическим усилиям военнопленных, многие из которых искренне верили, что от качества их труда зависят сроки отправки на родину. В годовом отчете за 1948 г. начальник Ангарлага подполковник Филимонов признавал, что «труд военнопленных, в отличие от советских заключенных, характеризуется более удовлетворительными показателями». (Там же, д. 7, л. 294.)

Производительность труда военнопленных во многом зависела и от японского офицера, командовавшего батальоном. Ведь именно ему ежедневно выдавались задания-наряды, он отчитывался о проделанной работе. Возможно, этим, отчасти, можно объяснить жесткое, а порой и

жестокое обращение японских командиров к своим подчиненным. Рукотприкладство японских офицеров стало на стройке привычным делом. Зависимость производительности труда японцев от их офицеров подтверждает и С.К. Евстигнеев (с 1947 г. — заместитель начальника Управления строительства), утверждающий, что нередко при смене офицера в отставшем лаготделении качественно менялось отношение к работе. (Воспоминания, записанные автором).

В декабре 1946 г. в результате переговоров Советского правительства с Японскими и Американскими властями было принято решение о репатриации японских гражданских лиц и военнопленных. Это соглашение предусматривало возвращение на родину 50-ти тысяч японцев ежемесячно. Из Седьмого лагеря первая группа военнопленных отправилась на восток только весной 1947 г. Последний эшелон с японцами отправился из Тайшета осенью 1949 г. Лагерь военнопленных № 7 был расформирован, но лагпункты пустовали недолго: вскоре их заняли наши соотечественники, продолжившие строительство и эксплуатацию Западного участка БАМа.

Решением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. в системе ГУЛАГа была создана сеть Особых лагерей и тюрем, в которой должны были быть сосредоточены все осужденные по 58-й статье Уголовного Кодекса РСФСР (и по аналогичным статьям УК союзных республик) за так называемую «контрреволюционную деятельность» (шпионаж, террор, диверсии и т.п.).

Из существующих к началу 1953 г. двенадцати особых лагерей, одним из самых крупных был Лагерь № 7 — «Озерный», располагавшийся на участке железной дороги Тайшет Братск. Решение о его создании было принято 7 декабря 1948 г., а уже в начале 1949 г. в Озерлаге находилось 2342 заключенных (ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 1845, л. 21 / Ludwig Boltzmann Institut für Kriegsfolgenforschung Graz-Wien). Столь быстрое «заполнение» нового лагеря контингентом объясняется тем, что Озерный лагерь был создан на месте расположения лагеря японских военнопленных № 7 и Тайшетского (с апреля 1948 г. — Ангарского) исправительно-трудового лагеря.

Размещение «политических» заключенных в лагерных отделениях, построенных, главным образом, японскими военнопленными несколько упростило задачу скорейшего создания нового особого лагеря, но в организационный период, предстояло привести уже существующие лагерные пункты в соответствие с предъявляемыми к особлагам требованиями: решетки на окнах; запоры на дверях; вывод с территории жилых лагерных зон административных зданий; комплектация лагеря усиленными конвойными частями. Эти мероприятия проводились недостаточно быстро, что нашло свое отражение в служебных документах Министерства внутренних дел. Так в докладной записке о состоянии и деятельности особых лагерей МВД от 6 мая 1949 г. отмечалось, что в Особом лагере № 7 оборудование

зон осуществляется лишь деревянным забором, а для ограждения жилых и производственных помещений Озерлагу требуется 300 т колючей проволоки. Там же содержатся сведения о неукомплектовании лагеря конвойными войсками, отсутствие охраны является причиной, заставляющей отказываться от работы 15 тыс. заключенных (!) из 17 тыс. списочного состава (ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 1845, л. 73, 74 / Ludwig Boltzmann Institut für Kriegsfolgenforschung Graz-Wien).

Несмотря на организационные проблемы при переводе лагеря из одной категории в другую, количество заключенных в Озерлаге за короткий период практически удвоилось. В начале 1951 г. в Особом лагере № 7 уже находилось 33 325 заключенных, а еще через год — в январе 1952 г. — 37 093 (это самый высокий показатель за всю историю Озерного лагеря). (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / О-во «Мемориал», ГАРФ. М.: Звенья, 1998. С. 343.). Хотя лимит лагеря — 45 тыс. заключенных — так и не был достигнут, Озерлаг оставался одним из самых крупных особлагов МВД. Его пополнение осуществлялось в первую очередь за счет перевода политзаключенных из других лагерей (с этой целью во всех ИТЛ были созданы специальные отборочные комиссии), а также за счет вновь осужденных в период с 1948 г. по 1953 г.

Заключенные Озерлага продолжили строительство Западного участка БАМА. Политзаключенными были построены мост через Ангару, здания железнодорожных вокзалов и депо. После завершения основных работ на сооружении дороги Тайшет–Братск, в соответствии с Приказом МВД СССР от 3 мая 1950 г. контингент Особого лагеря № 7 был частично передислоцирован на участок строящейся дороги Братск–Усть-Кут, где основной рабочей силой являлись заключенные Ангарлага. Первые поезда до Лены прошли в июле 1951 г. Узники Озерлага трудились также на заготовке и поставке леса, пиломатериалов, шпал и стандартных сборных домов для предприятий МВД, обслуживали центральный авторемонтный завод в Тайшете (ремонт техники ГУЛЖДС), деревообрабатывающие комбинаты и кирпичные заводы, работали в каменных карьерах и сельхозах.

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР весной 1953 г. строительство железнодорожной линии Тайшет–Усть-Кут со всеми подсобно-вспомогательными предприятиями и обслуживающими хозяйствами из ведения Министерства внутренних дел передано в ведение Министерства путей сообщения, а Особый лагерь №7 стал самостоятельным независимым от строительства хозяйством, подчиненным Министерству юстиции СССР. (Архивный отдел администрации г. Братска, ф. 148, оп. 1, д. 41, л. 1). Тогда же началась массовое освобождение заключенных Озерлага, большинство из которых впоследствии были реабилитированы.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТОФОВ И ЭВЕНКОВ КАТАНГСКОГО И ТОФАЛАРСКОГО РАЙОНОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Согласно переписи населения 1939 г., в Иркутской области проживало эвенков — 1800 чел., тофов — 391 чел. Эвенки в основном были сосредоточены в Катангском районе, площадь которого составляла 138 тыс. км², общее количество населения насчитывалось около 7 тыс. чел. От областного центра и линии железной дороги район был удален на расстоянии 1800 км. Небольшими группами эвенки были расселены в Бодайбинском, Ангинском, Усть-Кутском, Киренском, Казачинско-Ленском и Нижне-Илимском районах.

Малочисленный народ тофы проживал в Тофаларском районе, территория которого равнялась 29 тыс. км², а всего населения в районе насчитывалось около 2 тыс. чел. От областного центра район находился на расстоянии 774 км и от линии железной дороги ст. Нижнеудинск — 266 км.

Основным средством связи с обоими районами являлась авиация, но из-за отсутствия благоустроенных посадочных площадок авиалиния работала нерегулярно. Внутрирайонная связь осуществлялась вьючным путем по тропам и речными путями. Строительства благоустроенных дорог, в силу огромности капиталовложений, получаемых областью на дорожное строительство, недостатка в этих районах трудовых ресурсов и трудностей, связанных с рельефом местности, почти не проводилось.

Основным занятием коренного населения указанных районов являлись охота, в которой было занято 29% населения, а также оленеводство — 24% населения, рыболовство — 28% и сельское хозяйство (РГАС-ПИ, ф. 17, оп. 138, д. 67, л. 1).

Несмотря на экономическую целесообразность развития основной отрасли хозяйства — охоты, следует отметить, что местными организациями допускалось отвлечение охотников-эвенков и тофов в другие нерентабельные отрасли хозяйства, трудно осваиваемые в условиях сурового климата, таежной и гористой местности, как полеводство, огородничество, рыболовство, транспортные перевозки и сбор дикорастущих.

Неэффективное внутриотраслевое распределение трудовых ресурсов нанесло также ущерб и второй важной и сопутствующей охоте отрасли — оленеводству. Так, если в 1939 г. поголовье оленей в обоих районах составляло 8769 голов, то к 1948 г. это поголовье сократилось до 4029 голов. Серьезное влияние на состояние оленеводства также оказало недостаточное ветеринарное обслуживание оленьих стад, транспортные перегрузки оленей и плохо организованная борьба с хищниками.

Суровый климат, горный рельеф местности (с высотой над уровнем моря — 1100–1400 м), короткий безморозный период (54–60 дней), каменистость почв — все выше перечисленные факторы создавали неблагоприятные условия для развития сельского хозяйства в Тофаларском районе. Посевная площадь района составляла только 11 га, в том числе картофеля — 8 га. Поголовье крупного рогатого скота исчислялось в количестве 43 голов (в том числе коров — 17 голов), поголовье лошадей — 73 головы. Других видов скота не было. Сами тофы сельским хозяйством практически не занимались.

В Катангском районе, в связи с более благоприятными природными условиями и наличием русского населения, сельское хозяйство в первые послевоенные годы получило значительное развитие. Вся посевная площадь в районе составляла 1800 га, в том числе всего зерновых — 1484 га, из них пшеницы — 544 га. Посев картофеля составлял 123 га, овощей — 13 га. Было также значительно развито и животноводство. В частности, крупного рогатого скота имелось 2562 головы, в том числе коров 890 голов. Здесь также, в отличие от Тофаларского района, имелись и другие виды скота: поголовье свиней составляло 552 головы, лошадей — 1435 голов. Правда, участие эвенков в сельском хозяйстве было незначительным и составляло 15–20% от общего числа населения (Там же, л. 4).

Что касается социально-культурного строительства в двух национальных районах, то оно выглядело следующим образом. За все 1940-е гг. (как военные, так и первые послевоенные), ввиду отсутствия лимитов, в них не проводилось никакого строительства и имеющиеся здания, являясь не типовыми, а приспособленными, пришли в негодность и требовали значительных капиталовложений. Почти все социально-культурные учреждения имели недостаток мебели и другого необходимого оборудования, ибо отпускаемые ежегодно на эти мероприятия средства были крайне незначительны, завоз же оборудования удорожал его стоимость и не давал возможности уложиться в правительственные нормы.

Лечебные учреждения не имели рентгеноаппаратуры, необходимой хирургической инструментации, реактивов для лаборатории. В некоторых отдаленных пунктах отсутствовали аптеки, что затрудняло снабжение населения медикаментами.

В связи с отсутствием подготовленных преподавательских кадров из национального коренного населения и отдаленностью районов от областного центра, обучение детей на родном языке проводилось слабо. Из-за отсутствия специальных ассигнований на подготовку специалистов, сеть культурно-просветительных учреждений испытывала острый недостаток в художественных руководителях, библиотекарях и др. По этой же причине не проводилось переподготовки имеющихся в районе врачей, педагогов и культпросветработников.

И, тем не менее, несмотря на ряд серьезных выше указанных недостатков, в социально-культурном строительстве Тофаларского и Катангского районов имелись и положительные моменты. По состоянию на

1 января 1949 г. в двух национальных районах имелась 31 школа, два районных дома культуры, 8 сельских клубов, 12 изб-читален, 5 массовых библиотек, четыре киноустановки. Здесь также насчитывалось семь больниц с 89 койками, 4 амбулатории, 11 фельдшерско-акушерских пунктов, 6 детских яслей на 95 мест, 5 детских садов на 120 мест, 1 детдом на 60 мест, 5 интернатов и 2 районные газеты (Там же, л. 5).

Таким образом, к первым послевоенным годам в указанных национальных районах была создана достаточная сеть, обеспечивающая решение основных задач социально-культурного строительства.

Рассредоточенная сеть школ и школьных интернатов позволяла выполнить закон о всеобщем начальном и среднем образовании. В 1948–1949 учебном году учились все дети, подлежащие обучению в начальных классах. В 5–7 классах обучалось 95% детей, подлежащих семилетнему обучению.

Во всех основных населенных пунктах были сосредоточены медицинские учреждения. Оба района в основном были обеспечены педагогическими и врачебными кадрами. В частности, недостаток врачей узкой специальности (уха, горла, носа, глазных) покрывался ежегодной посылкой врачебных бригад из Иркутска.

Имеющиеся киноустановки обеспечивали регулярный показ кинокартин.

Таково, в целом, экономическое положение и социально-культурное строительство в Тофаларском и Катангском районах Иркутской области в первые послевоенные годы.

М.В. МИХАЙЛОВА

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ БУРЯТИИ В 70-е гг. XX в.

В Бурятии в период 70-х гг. XX в. действовало четыре театра: Театр оперы и балета, Бурятский драматический театр, Русский драматический театр и театр кукол. Бурятский государственный театр драмы им. Хоца Намсараева в 1982 г. отметил свое 50-летие. Своеобразие этого театра состояло в том, что спектакли шли в нем на бурятском языке. Это было тем более важно, что в 1970-е гг. многие малые народы начали терять свой язык и культуру. Бурятии удалось это сохранить. Начало 70-х гг. XX в. в бурятской драматургии было отмечено появлением интересных произведений, написанных на местном материале. Так, поэт Н. Дамдинов написал драму «Доржи Банзаров», о трагической судьбе первого в Бурятии ученого-ориенталиста, жившего в первой половине XIX в. Спектакль, благодаря игре Г. Бутуханова в роли Д. Банзарова и других актеров вызвал большой интерес публики. Этому способствовало и оформление постановки художником Ф. Бройко. Другая пьеса Н. Дамдинова «Кузнецы победы», воссоздавала период гражданской войны в Восточной Сибири (посвященная

Н. Каландаришвили — знаменитому командиру партизанского отряда). В это же время с успехом была поставлена и пьеса Ц. Шагжина «Клятва», повествующая о событиях, происходивших в бурятских улусах в начале 20-х гг. XX в. К названным спектаклям надо прибавить и весьма удачное возобновление драмы Х. Намсараева «Кнут тайши». Все эти постановки свидетельствовали об интересных поисках в драматургии, режиссерском и актерском творчестве (НАРБ. Ф. 1. Оп. 37. Д. 69. Л. 32).

Что касается современной драматургии, бурятские драматурги, занимаясь актуальными вопросами, зачастую не поднимались от бытописания до постановки проблем, стоящих перед обществом, они не пытались исследовать действительность и прийти к крупным обобщениям. Но здесь складывается довольно интересная ситуация, знакомая по другим произведениям, любимым народом, и не сразу принятым критикой (например, к/ф «Белое солнце пустыни» или «Бриллиантовая рука»). Так, пьесы о современности, например, «Чингис Саянов» Ж. Цыреннимаева, «Беспокойные дни» В. Дылгирова, «Буря» Ж. Зимина, «Похождения Урбана» Д. Батобакая, «Ранние заморозки» Д. Эрдынеева и многие другие, по мнению критиков страдали мелкотемьем. Это легкие непритязательные комедии, часто с фарсовыми ситуациями. Критики сокрушались, что театр вынужден принимать и ставить такие пьесы, т.к. зритель требует бурятский репертуар и эти спектакли имеют большой кассовый успех (Культура Бурятии в условиях развитого социализма ... Новосибирск: Наука, 1983. С. 119–120). Но почему театр должен быть мрачным, скучным и назидательным? Как раз функция театра — заинтересовать зрителя, «расторгнуть» его, заставить переживать, в том числе и комические ситуации. Это тоже элемент эстетического воспитания и его нельзя сбрасывать со счетов.

Наряду с постоянной работой по созданию оригинального репертуара театр им. Х. Намсараева в этот период продолжает развивать плодотворное направление, возникшее еще в 1930-е гг. — планомерное ознакомление зрителей с драматургией других республик. На бурятской сцене были поставлены белорусские пьесы «Левониша на орбите» и «Затюканный апостол» А. Макаенка; башкирские — «Страна Айгуль» и «Не бросай огонь, Прометей!» М. Карима; киргизская — «Тополек мой в красной косынке» Ч. Айтматова, «Барабанщица» А. Салынского, «Рассказы при ясной луне» В. Шукшина и другие. Одним из важных достоинств бурятских спектаклей по пьесам переводного репертуара было то, что все эти пьесы отображали современную жизнь страны. Гастроли Бурятского театра им. Х. Намсараева в Ленинграде в 1973 г. и в Москве в мае 1976 г. принесли труппе театра заслуженный успех, а после московских гастролей театр получил звание академического. Очень активной была репертуарная политика. Только за 1979 г. было поставлено семь новых спектаклей, а всего было показано 484 спектакля, на которых побывали 78,4 тыс. зрителей (НАРБ. Ф. 1. Оп. 40. Д. 1. Л. 3). Новые сценические работы появлялись и в русском драматическом театре. В 1979 г. ему исполнилось 50 лет. Театр

ставил большинство спектаклей, которые вызывали интерес у театральной публики страны. Это пьесы В. Шишкова («Угрюм-река»), В. Шукшина, Ч. Айтматова, А. Вампилова, Вс. Иванова, И. Дворецкого и др. Большой популярностью пользовался кукольный театр (основан в 1957 г.). Безусловно, огромное значение для культурного развития республики играл Государственный орден Ленина академический театр оперы и балета. Существующий в Бурятии Союз композиторов работал очень активно, и только за 1970-е гг. было поставлено несколько произведений, принадлежавших перу национальных авторов. Так, состоялись премьеры новой оперы Б. Ямпилова «Грозные годы» и балета Ж. Батуева «Вечный огонь». Прозвучали новые симфонии, увертюры, сюиты, балеты бурятских композиторов. Говоря об отражении современных событий в творчестве композиторов, необходимо отметить произведения, посвященные БАМу. Это балет Б. Ямпилова «Синие дали тайги», поставленного в театре оперы и балета Лауреатом Государственной премии СССР Г. Майоровым в 1977 г. Впервые прозвучала симфоническая картина «Свет тайги» Ж. Батуева, также посвященная БАМу (Там же. Д. 155. Лл. 10–11). Большой популярностью пользовался балет «Красавица Ангара» Б. Ямпилова и Л. Книппера. Этот спектакль был поставлен в ряде театров страны. Создателям балета была присуждена Государственная премия РСФСР (1972 г.) Балеты на музыку Ж. Батуева шли на сценах театров Элисты и Якутска.

В конце 1970-х гг. в театрах и филармониях Бурятии работало около пятидесяти творческих работников: в театре оперы и балета — 250; в русском драматическом театре — 50; в бурятском драматическом театре — 60; театре кукол — 15; в филармонии — 115 (Там же. Д. 156. Л. 5).

Официальные органы власти высоко оценивали творчество художественной интеллигенции. К 1979 г. в республике работали: четыре народных артиста СССР (Г. Цыдынжапов, Л. Линховоин, М. Степанова, Л. Сахьянова); одиннадцать народных артистов РСФСР; пятнадцать заслуженных артистов РСФСР; четыре заслуженных деятеля искусств РСФСР (Ж. Батуев, Ф. Сахиров, Н. Логачев, Н. Манилова). В театрах и филармонии работали 98 народных, заслуженных артистов, заслуженных деятелей искусств Бурятской АССР, 15 заслуженных работников культуры республики. Таким образом, можно констатировать, что творческая интеллигенция в республике была талантлива и достойно представляла искусство, как в Бурятии, так и за ее пределами. Например, гастроли Бурятского театра оперы и балета проходили с большим успехом как в сибирском регионе, в том числе в Иркутске, так и столичных городах — Москве и Ленинграде в 1979 г.

В то же время, необходимо отметить некоторые недостатки и проблемы, характерные как для всей театральной жизни страны, так и для Бурятии 70-х гг. XX в. Одним из самых характерных недостатков было формирование репертуарного плана, уровень исполнительского мастерства и режиссерско-постановочная работа. Например, Бурятский ОК КПСС, рассматривая на своем заседании деятельность театра оперы и балета

(1975 г.), отмечал, что в репертуарный план включались спектакли без учета реальных, творческих возможностей коллектива. Такие спектакли, как оперы «Дон Жуан» В.А. Моцарта, «Паяцы» Р. Леонковало и др. поставленные режиссерами тетра, но не получившие должного сценического решения. Также критиковалась работа и русского драматического театра. Отмечалось, что не было продуманного целенаправленного плана, что приводило к частым и необоснованным заменам отдельных пьес. Так, в 1974 г. из восьми запланированных пьес были заменены семь (Там же. Оп. 36. Д. 22. Л. 67; Оп. 34. Д. 17. Л. 36). На творческом уровне работы коллектива театра оперы и балета отрицательно сказывалось отсутствие стабильности в художественно-руководящем составе театра. Только за десять лет (с 1972 по 1981 гг.) сменилось шесть главных режиссеров и восемь хормейстеров. Также, медленно решались вопросы укрепления материально-технической базы. В плохом состоянии находились инструментарий оркестра, устарело сценическое оборудование, не хватало репетиционных залов, гримерных и складских помещений. Серьезной проблемой было решение кадрового вопроса. Бурятский театр оперы и балета не имел достаточного резерва молодых певцов. Средний возраст вокалистов превышал сорок лет. Также был неравномерен и состав солистов балета. Острую нехватку кадров испытывал оркестр. Высока была текучесть кадров. В период с 1971 по 1975 гг. в театр оперы и балета было принято 197 и уволено 162 творческих работника (Там же. Оп. 33. Д. 16. Л. 139). Те же проблемы испытывал и русский драматический театр. Только за три года (1973–1976) здесь было принято на работу 52 творческих работника, а уволено 50. Невысок был и образовательный уровень артистов. Из сорока человек только восемь имели высшее специальное образование. Несмотря на это, довольно медленно шел процесс подготовки высококвалифицированных специалистов из числа одаренной молодежи. Эти проблемы были характерны для театров не только Бурятии, но и для других театров Сибирского региона.

Но, несмотря на проблемы и трудности, театральная жизнь Сибири в целом, и Бурятии, в частности, была разнообразна и отмечена центральными органами печати. Гастрольная практика театров Бурятии показала, что периферийное театральное творчество, также как литература и живопись — провинциально только географически, но не по уровню исполнения.

А.А. НИКОЛАЕВ

РАЗВИТИЕ КРЕДИТНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В СИБИРИ В УСЛОВИЯХ НЭПа*

Кредитная кооперация, получившая широкое распространение в Сибири в 1910-е гг., с установлением Советской власти в Сибири в декабре

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНГФ проект №05-01-01348а.

1919 г. прекратила самостоятельное существование. Государственный контроль над кооперативным сектором экономики начал осуществляться через подчинение более зажиточной по составу участников кредитной и маслодельной кооперации потребительской системе, которая превратилась в механизм нормированного распределения продовольствия и сырья, основу государственного регулирования распределительных отношений. В 1920 г. около 1 тыс. ссудосберегательных и кредитных товариществ вошли в состав вновь организованных властью 3146 интегральных потребительских обществ. 23 июня 1920 г. — Союз сибирских кредитных союзов в административном порядке включен в состав Сибирского отделения Центросоюза во главе с коллегией распорядителей. Кредитные кооперативы и союзы потеряли свой организационно-финансовый центр.

С введением нэпа из-за обнищания деревни кредитная кооперация стала восстанавливаться не отдельно, а в виде универсальных сельскохозяйственных товариществ. В 1922 г. сельскохозяйственная кооперация выделилась из состава потребительской и стала самостоятельной системой. Ее основу составили маслодельные артели и сельскохозяйственные товарищества с универсальными функциями. В Сибири образуются 25 районных сельскохозяйственных союзов, которые на организационном собрании уполномоченных 7–14 июля 1922 г. учреждают Сибсельскосоюз — Сибирский областной союз сельскохозяйственных кооперативных союзов. На 1 апреля 1924 г. в нем состояло 2013 первичных кооперативов, в том числе 413 универсальных сельскохозяйственных и 161 кредитный кооператив, а также 887 маслодельных артелей, 491 коммуна (колхоз), 28 кустарно-промышленных артелей, 33 прочих кооператива (Жизнь Сибири. 1923. № 11–12. С. 297). Имущество, денежные средства и другие активы бывшего Синкредсоюза были изъяты у потребительской кооперации и переданы Сибсельскосоюзу по остаточному принципу. Финансовые и материальные средства сельскохозяйственной кооперации вследствие подрыва крестьянских хозяйств и неурожайных 1920–1922 гг. были ограничены. Кооперативных кредитных союзов не создавалось, а низовая сеть обслуживалась через государственный и сельскохозяйственный кооперативный банк.

Согласно декрету ВЦИК и СНК от 21 декабря 1922 г. «О восстановлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации для крестьянства сельскохозяйственного кредита» начали создаваться общества сельхозкредита (местных сельхозбанков), учредителями которых являлись Госбанк, Наркомфин и Всекобанк. Кооперативные начала в деятельности обществ были ограничены, через них распределялись преимущественно государственные кредиты. Устав сибирского Общества сельскохозяйственного кредита утвержден 22 апреля 1923 г. Низовая сеть Общества формировалась из первичных ячеек всех видов кооперации. На 1 октября 1924 г. она состояла из 438 кооперативов, в том числе 142 потребительских, 104 сельскохозяйственных и 192 кредитных. В дальнейшем низовая сеть приобретала более специализированный характер. На 1 янва-

ря 1925 г. из 524 кооперативов, обслуживаемых Обществом, 384 являлись кредитными, 74 сельскохозяйственными и 66 потребительскими. В дальнейшем в результате укрупнения и реорганизаций низовая сеть Общества сократилась и включала на 1 октября 1925 г. 442 кредитных и 10 сельскохозяйственных кооперативов (Отчет Сибирского общества сельскохозяйственного кредита за 1924–1925 опер. год. Новосибирск, 1926. С. 20).

Отношения Общества с низовыми кооперативами регулировались посредническими договорами, а кредитование населения производилось низовой сетью не как основная работа, а как поручение Общества, что противоречило сущности кредитной кооперации. Общества не выдавали ссуды в специальные капиталы кредитных товариществ, осуществляли большую часть кредитования помимо низовой кооперативной сети, имели значительные расходы на содержание аппарата.

Основная часть кредитных товариществ со смешанными функциями занималась посредничеством в снабжении и сбыте, значительную часть средств размещалась в товарах. Кооперативные союзы были не в состоянии обеспечить низовую сеть кредитными ресурсами. Их доля в формировании финансовых средств сокращалась. Если на 1 октября 1924 г. кооперативные союзы в Сибири являлись основными заемщиками низовой сети, то год спустя им стал Селькредит (34,1%), прочие государственные и кооперативные учреждения (25,1%). На кооперативные союзы приходилось только 6,6% привлеченных капиталов. В 1924 г. союзы сельскохозяйственной кооперации в Сибири оказались в тяжелом финансовом положении и по их долгам (по просроченным ссудам) Общество сельскохозяйственного кредита учредило ликвидационные комиссии. Неплатежи союзов повлекли за собой неплатежи низовой сети. В результате создавшегося положения к задолженности сельскохозяйственной кооперации постановлением Сибревкома была применена пролонгация, коснувшаяся Сибсельскосоюза, всех райсельхозсоюзов, за исключением Алтайского и Тарского, и низовой сети (Там же. С. 25, 43).

С 1923 г. начался рост сельскохозяйственного производства, и потребность в кредитных ресурсах для деревни увеличилась. Численность сельскохозяйственных кредитных товариществ с 452 на 1 октября 1925 г. увеличилась до 507 на 1 октября 1928 г., а членов с 21,6 тыс. чел. до 44,2 тыс. чел. В среднем в одном кооперативе состояло 927 членов, а уровень кооперированности крестьянских хозяйств достиг 36,6%.

Во второй половине 1920-х гг. в низовой сети кредитной кооперации увеличивалась сумма вкладов учреждений и организаций, но индивидуальные крестьянские вклады прирастали значительно медленнее, что объяснялось опасением крестьян попасть в кулаки за получение процентов, отсутствии гарантий своевременного возвращения вкладов, общим недоверием к властям, не обеспечивавшим тайны вкладов. Общая сумма вкладов в расчете на одно товарищество увеличилась с 403 р. в 1925 г. до 13 700 р. в 1929 г. или в 40 раз, в том числе крестьянских с 327 р. до 1730 р.

или в 5,3 раза. Если в 1925 г. крестьяне являлись основными вкладчиками кредитных товариществ, то в 1929 г. доля их вкладов снизилась до 13%. Основными заемщиками выступали государственные учреждения и другие юридические лица. По расчетам Госплана в 1928 г. крестьянские хозяйства доверяли кредитной кооперации менее 3% своих сбережений, предпочитая иметь собственные запасы натуральных продуктов. Темпы роста размера ссуд значительно опережали привлечение заемных средств и не обеспечивались кредитными возможностями кооперативов. Как следствие несбалансированной кредитной политики нарастали просроченные ссуды. Их размер увеличился с 249 тыс. р. в 1925 г. до 2492,5 тыс. р. в 1929 г. или в 10 раз. Удельный вес просроченных ссуд в общем остатке задолженности увеличился с 4,3% до 9,8%. По данным ревизий выяснилось, что 60,6% заемщиков являлись бедняками, 37,5% — середняками, 1,9% — зажиточными. В 1926 г. в Сибирском обществе сельскохозяйственного кредита 73,3% просроченных ссуд приходилось на бедняцкие хозяйства (ГАНУ, ф. р-998, оп. 1, д. 61, л. 66; Бунин А.О. Кредитная кооперация в российской деревне (1917–1930 гг.). М., 2003. С. 207).

Торгово-заготовительные операции низовой сети производились при полном отсутствии специальных капиталов на ведение этих операций. Характерной чертой сибирских кредитных товариществ являлось широкое развитие комиссионно-банковских операций (переводы, инкассо, аккредитивы). Корреспондентская сеть имела в 151 товариществе, а объем операций составлял 130 млн р. Рост недвижимости и собственных капиталов был не устойчивым, протекал крайне медленно. Собственные средства низовой сети почти не участвовали в полезном обороте, в особенности в выдаче ссуд. Количество убыточных товариществ увеличилось с 85 на 01.10.1927 г. до 162 на 01.10.1928 г., а сумма убытка со 146,2 тыс. р. до 414,9 тыс. р.

Сибсельскосоюз, привлеченный государством к кредитованию крестьянства, не занял ведущего места в финансировании деревни, а низовые кооперативы, лишённые самостоятельности, трансформировались в неэффективные рычаги государства по проведению классовой социально-экономической политики, занимаясь простым распределением финансовых средств. В конце 1928 г. оставшиеся в составе Сибсельскосоюза четыре окружных союза перешли на чисто кредитную работу и заменили отделения Краевого сельскохозяйственного банка (б. Общества сельхозкредита). На 1 октября 1928 г. в Сибири насчитывалось 652 кредитных сельскохозяйственных товариществ.

Таким образом, являясь основой сельскохозяйственной кооперации во второй половине 1920-х гг., кредитная кооперация не выполняла основных функций. Кооперативы являлись низовой расчетной кассой, и выполняли поручения финансовых органов. Основой финансового баланса являлись государственные заемные средства, а не частные вклады. Нарастал размер просроченных ссуд, мобилизация сбережений населения

на решение хозяйственных задач осуществлялась вяло. В 1930–1931 гг. в связи с коллективизацией сельского хозяйства система кредитной операции ликвидирована, а функции кредитования колхозов и совхозов отошли к государственному банку.

Г.А. ОСТРОВСКИЙ

ИРКУТСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЕННОЕ АВИАЦИОННОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ (ИВВАИУ) 1975–1998 гг.

С начала 1960-х гг. начинается перевооружение армии, появляются новые виды и рода войск, что требует большого количества офицеров с инженерной подготовкой. Новые реалии политической и общественной жизни требовали коренных преобразований и в военной области.

В 1973 г. по указанию министра обороны СССР и Главкома ВВС в Иркутское военное авиационное техническое училище прибыла группа генералов и офицеров: начальники факультетов и ведущих кафедр ВВИА им. Н.Е. Жуковского (16 чел.). Группа под руководством первого заместителя начальника академии генерал-лейтенанта А.В. Штоды в течение 10 дней детально изучила постановку учебного процесса, состояние учебно-методической базы, наличие жилых фондов и возможность их дальнейшего расширения, авиационность Восточно-Сибирского региона, а также командный и преподавательский состав училища, отношение к училищу командования ЗаБВО, местных советских и партийных органов.

Постановлением Совета Министров СССР № 641-203 1973 г. училище в числе ряда других технических военно-учебных заведений было преобразовано в Иркутское ВВАИУ с пятилетним сроком обучения.

В январе 1974 г. группа офицеров училища изучала опыт организации и ведения учебного процесса в высших учебных заведениях страны: ВВИА им. Н.Е. Жуковского, Киевское и Рижское высшие военные авиационные инженерные училища. Было разработано два плана мероприятий по переходу ИВАТУ в разряд высших военных авиационных учебных заведений: «План мероприятий по реорганизации училища из ВАТУ в ВВАИУ», «Генеральный план создания и развития учебно-материальной базы училища на 1975–1980 гг.».

Главная задача состояла в том, чтобы подготовиться к первому набору курсантов и с сентября 1975 г. приступить к обучению их по программе высшей школы.

Каждый специальный цикл создавал УМБ (учебно-материальную базу) по своему профилю: эксплуатационный — для кафедры механики и графики; самолетный — для кафедр механики, графики и физики; технологический — для кафедры химии и ГСМ (горюче-смазочных веществ); цикл авиационных двигателей — лабораторию и класс по деталям машин; электроприборный — для кафедры физики, а также современный

лингфонный кабинет для кафедры иностранных языков. Офицеры учебного отдела руководили созданием методических кабинетов, лаборатории ТСО, зала совета. Переоборудовались учебная и секретная библиотеки с читальными залами.

Еще более важной была проблема кадров. В конце 1975 г. приказами министра обороны СССР в должности начальника Иркутского высшего военного авиационного инженерного ордена Красной Звезды училища имени 50-летия ВЛКСМ был утвержден генерал-майор-инженер С.Г. Калицов, а в должности заместителя начальника ИВВАИУ — начальника политического отдела подполковник Ф.И. Минкевич. В декабре того же года заместителями начальника училища были назначены: дважды Герой Советского Союза полковник А.Н. Прохоров, кандидат технических наук доцент подполковник-инженер В.С. Волков, выпускник училища 1958 г., полковник-инженер В.Д. Шпрах, полковник А.Г. Скосырский.

Перед командованием стояла первейшая задача укомплектования факультетов и кафедр кадрами, и она решалась по трем основным направлениям.

Во-первых, предложили остаться и продолжить деятельность опытным и перспективным офицерам — начальникам циклов, преподавателям и инструкторам ИВАТУ.

Начальником учебного отдела был назначен А.Н. Володько, начальником редакционно-издательского отдела — А.А. Больших, начальником отдела кадров — Г.О. Пикула, начальником строевого отдела — О.С. Тимофеев, начальником авиационно-технического отделения — А.К. Чугунов, начальниками курсов — А.С. Тармаев и В.П. Третьяков.

Следует подчеркнуть, что за несколько лет до перевода училища в разряд высших в Иркутском ВАТУ началась подготовка ученых путем обучения их в заочной адъюнктуре и аспирантуре. Первыми офицерами, защитившими в 1974-1975 гг. кандидатские диссертации без отрыва от исполнения своих служебных обязанностей, были преподаватель цикла СЭД В.И. Мартышкин и старший преподаватель самолетного цикла Г.А. Гершкович.

Во-вторых, пригласили офицеров из других военно-учебных заведений и строевых частей ВВС.

В-третьих, на должности заведующих, доцентов, старших преподавателей и преподавателей общенаучных и общеинженерных кафедр прибыли педагоги из гражданских высших учебных заведений и сотрудники научно-исследовательских учреждений.

Подбором научно-педагогических кадров занимался учебный отдел и отдел кадров, который с 1977 г. возглавил майор А.С. Николаев. Он проделал большую как организационную, так и техническую работу. Причем с такой работой (ППС, имеющие ученые степени) училище столкнулось впервые. Кадровая проблема в основном была решена. Это позволило перейти к решению других важных вопросов подготовки к занятиям с кур-

сантами по высшей программе. Одним из таких вопросов являлась организация учебно-воспитательного процесса.

Важнейшей задачей в становлении Иркутского училища как высшего военного авиационного инженерного училища было развертывание на базе циклов среднего и формирование новых учебных и методических подразделений — кафедр и факультетов.

Факультет летательных аппаратов (ФЛА) был образован в 1975 г. Первый начальник факультета — канд.техн.наук, майор Н.А. Свиридов, заместители по политической части подполковник В.А. Матвиенко и по учебной работе подполковник П.А. Бухтяков развернули активную деятельность по организации учебно-воспитательного процесса. Работа на факультете шла в двух направлениях: продолжали обучение авиационных специалистов-техников и интенсивно занимались организацией учебного процесса по программам высшего училища, формированием его учебно-материальной базы (Традициям верны / сост. Майорова С.М., Асалхаева Т.М., Воронцов В.Н.; под общ. ред. И.И. Величко. Иркутск, Изд-во ИВВАИУ(ВИ). С. 96).

Важнейшим элементом общеучилищного плана стало формирование кафедр. В 1975 г. были организованы кафедры инженерно-авиационной службы, аэродинамики и динамики полета, восстановления авиационной техники, авиационных комплексов и конструкции летательных аппаратов, в 1976 г. — комплексов и теории авиационных двигателей, тогда же году кафедра конструкции авиационных двигателей была преобразована в самостоятельное подразделение.

В этом же году был образован факультет авиационного оборудования (АО). Возглавили его: начальник факультета канд. техн. наук подполковник В. И. Яковлев, заместитель по политической части подполковник В.В. Мальцев и по учебной работе подполковник Т.У. Мьяльдин. Началось формирование кафедр. За 1976 г. по редакционно-издательской деятельности издано 22 учебных пособия, разработана и отпечатана учебно-методическая документация тиражом 600 тыс. экз. (Исторический формуляр ИВВАИУ. Т. 2. Разд. 3. Зап. 389).

В этот же период образуется целый ряд общеучилищных кафедр. Кафедра «Оружие массового поражения и защита войск» В 1975 г. на базе цикла социально-экономических дисциплин организуется кафедра марксизма-ленинизма. Первым начальником был назначен канд. ист. наук подполковник А.М. Сергиенко.

Начиная с 1975/1976 учебного года и по 1980/1981 в учебный процесс постепенно, в плановом порядке были введены все учебные дисциплины, обеспеченные тематическими планами, структурно-логическими схемами, лекционным фондом, методическими пособиями по проведению семинарских, лабораторных, групповых, практических занятий, войсковых стажировок и практик, по выполнению домашних заданий, курсовых и дипломных проектов, по проведению зачетов и экзаменов, по внед-

рению принципа партийности и научности преподавания, по командно-методической подготовке, по самостоятельному изучению дисциплин, по использованию средств технического обучения и контроля.

В течение пяти лет шел активный процесс создания все новых и новых учебных аудиторий и лабораторий. Созданием учебно-лабораторной базы, как правило, занимались те кафедры, для которых они оборудовались. Чтобы обеспечить единство подхода в создании и оформлении учебно-материальной базы, в учебном отделе было разработано и утверждено на совете училища «Положение об учебно-материальной базе ИВВАИУ».

Несмотря на сложные условия переходного периода, план создания и развития учебно-лабораторной базы, разработанный на 1975–1980 гг., был полностью выполнен. Кроме учебных классов и лабораторий были созданы 8 залов курсового и дипломного проектирования. Переоборудованные библиотеки училища были укомплектованы новейшей литературой. С преобразованием училища из среднего в высшее связано увеличение объема работы типографии.

Научно-исследовательский отдел разработал «Положение о рационализаторской работе в училище», которое способствовало лучшей организации технического творчества на кафедрах и факультетах.

Училище неизменно занимало первые места по рационализаторской и изобретательской работе среди частей и учреждений ордена Ленина Забайкальского военного округа. Лучшие рационализаторы училища неоднократно поощрялись командующим ЗабВО. В 1980 г. изобретатели училища приняли участие в выставке научно-технического творчества молодежи (НТТМ-80) на ВДНХ СССР. Представленная училищем установка была отмечена бронзовой медалью ВДНХ, а ее авторы М.А. Савинцев, С.Л. Алесковский награждены бронзовой медалью и дипломами выставки.

В 1975–1982 гг. большие задачи по созданию учебно-лабораторной базы ложатся на учебно-производственные мастерские. Здесь создано большое количество учебной мебели, пособий, стендов и рабочих мест. В эти годы производится полная реконструкция производственной и учебной базы мастерских. В мастерских было реконструировано 6 цехов, 2 цеха создано заново. Цеха и рабочие места были оснащены современным оборудованием.

В 1980 г. состоялся первый выпуск военных инженеров в количестве 190 чел. по профилю факультета «Пилотно-летательные аппараты», из них 15 выпускников получили дипломы с отличием. Средний балл на государственном экзамене по научному коммунизму составил — 4,41; по защите дипломных работ — 4,19 (Там же. Зап. 424).

В день празднования 50-летнего юбилея 28 апреля 1981 г. училище за высокие успехи в боевой и политической подготовке награждается переходящим Красным знаменем ЦК ВЛКСМ.

По мере развития училища в нем росло и число ученых. Если в 1975 г. в Иркутском ВВАИУ работало 10 кандидатов наук и только 4 из

них — офицеры, то в 1980 г. число кандидатов наук увеличилось в несколько раз. Возросло количество офицеров, работающих над кандидатскими диссертациями путем соискательства.

Начало 1980-х гг. характеризовалось дальнейшим усложнением военно-политической обстановки, которая характеризуется усилением гонки вооружений. В создавшихся условиях Советское правительство принимало мало действенные меры для надежной защиты государства: Советская Армия и ВМФ оснащались первоклассным оружием и техникой, решались задачи по приданию большей устойчивости обороне страны. Важнейшим звеном в деле решения возникших проблем была задача повышения качества подготовки офицерских кадров, в том числе и специалистов инженерно-авиационной службы (ИАС) для ВВС.

В 1987 г. училище произвело первый набор курсантов по специальности авиационное радиоэлектронное оборудование (РЭО). Был сделан очередной шаг к созданию полнопрофильного училища на востоке страны. Новый факультет «Авиационного радиоэлектронного оборудования» был выделен в отдельную организационную структуру, сформирована администрация факультета за счет привлечения офицеров из других подразделений.

В 1990 г., благодаря возросшему авторитету училища, факультету ПЛА было поручено быть головным исполнителем в разработке новых учебных программ по нескольким дисциплинам, а факультету АОЛА — по всем дисциплинам ВВАИУ.

В 1988 г. в ИВВАИУ была открыта адъюнктура. Первыми адъюнктами стали подполковник В.В. Кашковский и капитаны А.В. Санников и С.Н. Ковпак. Все трое выпускники Иркутского ВВАИУ.

22 мая 1991 г. приказом МО СССР начальником Иркутского ВВАИУ был назначен полковник Барсуков Александр Григорьевич, прежде занимавший должность начальника факультета летательных аппаратов, заменивший занимавшего эту должность с 1982 по 1991 гг. генерала-майора авиации Бориса Ивановича Рожкова.

26 июля 1991 г. в училище прибыла американская военная делегация численностью около 30 человек. Со стороны ВС СССР военную делегацию сопровождал начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Моисеев. Высокие военачальники двух стран дали прекрасную оценку системе подготовки авиационных инженеров в ИВВАИУ.

Распад СССР и падение престижа армейской службы, сопровождавшиеся стремительным снижением уровня благосостояния офицеров, привели к тому, что из-за отъездов в бывшие республики СССР и увольнения в запас число ученых снизилось более чем на одну треть. Проблемой стало комплектование училища курсантами. Если раньше конкурс среди абитуриентов не опускался ниже 2 чел. на место, то в 1992–1993 гг. он едва перекрывал требования набора.

13 июля 1992 г. училище произвело первый набор курсантов по специальности «Эксплуатация и ремонт авиационного вооружения» (АВ).

Был сделан завершающий шаг к созданию полнопрофильного военного учебного заведения ВВС на востоке страны.

С целью увековечения факта обучения в Иркутском ВВАИУ в 1995 г. был учрежден нагрудный знак курсанта Иркутского военного училища — символ любви к родному вузу.

За эти годы вуз приобрел статус полнокровного авиационного училища, осуществляющего подготовку специалистов по всем четырем специальностям инженерно-авиационной службы. Постоянная работа командного состава позволила существенно поднять роль Иркутского ВВАИУ и его значение среди вузов МО РФ. Так, с 1995 по 1999 гг. училище занимает 2–3-е места среди вузов ВВС и вузов МО по научной работе. В приказе МО РФ № 201 от 12.05.1999 г. сказано: «Только Иркутское ВВАИУ защитило достойно интересы ВВС РФ в конкурсе на лучшую научную работу среди вузов МО РФ».

Таким образом, созданная за рассматриваемые годы учебно-материальная база и подобранные квалифицированные командно-педагогические кадры свидетельствуют о формировании полнопрофильного высшего учебного заведения, способного осуществлять качественную подготовку высококвалифицированных инженерных кадров для Военно-Воздушных Сил страны.

К.И. ПАШКОВ

ПРОБЛЕМЫ ЛЕСОУСТРОЙСТВА И ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ (1917–НАЧАЛО 1930-х гг.)

Иркутская область относится к числу наиболее многолесных в России. Однако к рациональной организации лесопользования в области и разработке научно обоснованной стратегии ведения лесного хозяйства приступили в регионе чуть больше века назад. В 1895 г., начали формироваться первые органы управления лесным хозяйством — лесничества.

Сведения об объемах лесоустроительных работ, выполненных в дореволюционный период, противоречивы. По данным С.Н. Корзинникова, который ссылается на сведения, заимствованные из промышленно-экономического справочника по Иркутской области за 1921 г., общая площадь лесов определялась в 63,3 млн га, из них было изучено около 2 млн га, или 3% общей лесной площади губернии, в том числе обследовано 1,2 млн га и устроено — 0,77 млн га. Основные работы по обследованию лесов проведены в период с 1910 по 1916 гг. в связи с развитием лесопильной промышленности. Всего к периоду начала гражданской войны на территории губернии функционировало 16 лесничеств: Ангарское, Байкальское, Бирюсинское, Зиминское, Знаменское, Иркутское, Китойское, Култукское, Ленское, Нижнеудинское, Прибайкальское, Тулунское, Черемховское, Николаевское, Уковское, Балаганское.

Работа по учету, контролю и организации государственного использования природных ресурсов началась уже с первого года завоевания большевиками политической власти. Так, ВЦИК 27 мая 1918 г. принял декрет «О лесах», в пятом разделе которого имелся пункт «Защитные леса». Здесь были прописаны функции защиты лесов, в том числе в решении эстетических и культурных задач, охраны памятников природы. Устанавливалось право центральных, территориальных и местных органов власти на объявление, после соответствующего экспертного заключения, тех или иных лесов — защитными.

С окончанием гражданской войны на территории Иркутской губернии началось медленное и болезненное возрождение лесной отрасли. Организацию ведения лесного хозяйства осуществлял Иркутский губернский земельный отдел, приказом которого от 12.10.1920 г. учреждены были должности районных инспекторов лесов. В обязанности инспекторов входило наблюдать за состоянием лесного хозяйства и лесозаготовками, руководить лесничими, осуществлять ревизии хозяйственной деятельности лесничеств. Распоряжения инспектора для лесничеств были обязательны. С целью укомплектования лесного хозяйства кадрами, постановлением Военного революционного комитета с 1 февраля 1920 г. из Красной Армии были уволены чины таксационной партии Иркутского лесостроительного отряда (12 чел.). В связи и национализацией лесов, первоочередными объектами для учета и описания были частновладельческие леса. Лесостроительные работы в них надлежало выполнять по правилам, утвержденным заведующим Сибирским земельным отделом В. Сокольниковым 22.03.1920 г. (ГАИО, ф. 299, оп. 2, д. 61, л. 1, 44–47). Но уже в 1923 г. эти работы были приостановлены, так как кредиты на устройство Сибири Центральным управлением лесами Наркомзема оказались закрытыми на 5 лет. Всего за этот период было устроено 4.1 тыс. га лесов (Корзинников С.Н. Указ. соч. С. 34). По этой причине лесничества продолжали «самостоятельно прорубать просеки, осуществлять съемку границ и постановку межевых знаков» (ГАИО, ф. 2156, оп. 1, д. 6. л. 17).

Организацией лесозаготовок и переработки древесины занимался созданный 24.02.1920 г. Иркутский Гублеском, в подчинении которого находились 15 лесопильных заводов, 11 лесопильных мастерских, многие из которых были в нерабочем состоянии. Гублеском, преобразованный по распоряжению Сиблеса (г. Ново-Николаевск) в 1923 г. в Иргублеском, являлся основной лесозаготовительной организацией на территории губернии. Лесозаготовки для нужд железной дороги осуществлял Сибтранслес, для обеспечения предприятий местной промышленности и населения — Губуправтоп. Обеспечением собственных потребностей в древесине занимались лесозаготовительные подразделения металлургического завода, водного транспорта, спичечной фабрики и некоторых других мелких потребителей древесины. Функционировало лесное паевое товарищество «Топливо». Однако, несмотря на большое количество

лесозаготовительных организаций, ощущался острый дефицит в лесной продукции. В целях обеспечения потребностей населения Иркутска и Иркутской губернии в дровах, постановлением Иркутского губернского ревкома от 12.06.1920 г. № 296 трудовому населению было предоставлено право на самозаготовку. Какой-либо сводной отчетности по объемам лесозаготовок не существовало. В этот период были разрешены, запрещавшиеся ранее, сплошные рубки лесов в 5-верстной полосе вдоль железной дороги и вдоль сплавных рек, а также молевой сплав дров (ГАИО, ф.р-145, оп. 1, д. 565, л. 55).

При Иркутском губернском управлении топливной промышленности в апреле 1922 г. был образован учетно-таксационный подотдел со штатом семь человек. Подотдел приступил к составлению губернской карты лесов, так как многие картографические материалы лесничеств и лесных дач за годы гражданской войны были утрачены. В обязанности специалистов подотдела входили также работы по отводу лесосек.

Очередная организационная перестройка по линии лесного хозяйства была проведена 20.07.1922 г., когда губернский лесной отдел был преобразован в губернское земельное управление, а лесной подотдел — в лесной отдел. Лесной отдел находился в двойном подчинении: Губземуправлению и Сиблесоуправлению, ему подчинялись районные инспекторы лесов, а тем — лесничества.

Особое внимание в период НЭПа обращалось на самокупаемость лесного хозяйства. Перевод лесоуправления на коммерческий расчет очень тяжело сказался на материальном обеспечении лесных специалистов. Лесной доход в виде фактических денежных поступлений в кассы финансовых органов резко сократился из-за целого ряда льгот лесопользователям, а порой и безденежного отпуска древесины. Лесное хозяйство считалось нерентабельной, убыточной отраслью народного хозяйства. Плачевное финансовое состояние лесного отдела Губземуправления и подчиненных ему лесничеств побудило руководство отдела активно заняться лесозаготовками. В октябре 1925 г. на правах лесозаготовительного подотдела создается Иркутское отделение Сибкрайлесзага, или «Ирлесзаг». В лесничествах вводятся должности помощников лесничих только по лесозаготовкам. На каждое лесничество утверждались ежегодные сметы заготовок леса. Так, например, смета «операционных расходов на хозяйственные заготовки» Иркутскому лесничеству на 1925 г. выглядела следующим образом: «рубка — 500 куб. саж. дров по 4 р. куб. саж. — 2000 р., вывозка — 200 р., сплав — 1500 р. Оплата лесничего: лесничий — 150 р., подлесничий — 180 р. 4 объездчика — 240 р.» (Там же, д. 628, л. 59).

Недостаточное материальное содержание работников лесного хозяйства приводило к необоснованным штрафным санкциям с их стороны. Так, например, в марте 1925 г., обязательным постановлением Иркутского Губернского исполнительного комитета ввели изменения в примечания к ст. 284 Сборника обязательных постановлений ГИК. «На основании

ст. 61 Конституции РСФСР, декрета ВЦИК и СНК от 27 июля 1922 г., 33, 35 ст. лесного Кодекса, 2, 3, 4, 25 инструкции НКЗ о лесных побочных пользованиях воспрещаются побочные пользования в лесах, как-то: добыча кедровых орехов, бодана, камня, песку, глины, мха и т.п., сенокосения, а также пастьба прогоняемого через лес промышленного скота без выборки установленных билетов из органов Гумземуправления» (Там же, л. 133). Летом 1925 г. работники Лензолота вместо заявленных 300 к. саж., произвели сдирку 480 к. саж. мха. Местный лесничий обязал их выплатить по 1 р. за 1 к. саж. по заявленному билету и в тройном размере за все, что было выдрано сверх нормы. В последствии материалы дела были оспорены в суде и деньги, оплаченные сверх нормы, были возвращены. Приведем еще один характерный пример того, что в основе действий Губземуправления на первом плане, видимо, стояла задача получения материальных средств, а задачи по лесоустройству и его охране были вторичны. В конце 1924 г. в президиум Александровского изолятора поступило письмо от начальника ГУБ милиции Вимбы следующего содержания: «В 1922 г. Александровский изолятор за неимением средств, в целях создания хотя бы сносных условий в помещениях арестованных вынужден был собственными силами произвести добычу топлива из расположенных по близости залежей каменного угля. Потребный для закрепления шахт лесоматериал был взят из прилегающего к этому руднику леса. Ныне, спустя 2 года, Губземуправление обратилось с требованием к изолятору уплатить за произведенную порубку леса 388 р. 25 к. и 1,0–0,5% пени» (Там же, л. 59). Рассмотрев всю переписку, Иркутский Губернский исполком передал дело в Главное финансовое управление, которое решением от 14 января 1925 г. обязало ответчиков выплатить указанную сумму.

По данным учета лесного фонда на 01.01.1925 г., общая площадь земель лесного фонда Иркутской губернии составляла 74,9 млн га, а общая площадь лесных дач — 8,6 млн га. Из-за несоответствия масштабов обследования и устройства лесов размерам лесной площади, изученных лесов числилось всего 5%, в том числе лесоустроено было 0,9 млн га и обследовано — 2,9 млн га. Лесоустройство было проведено в местах, где древесина находила полный сбыт, но и они были устроены только на 45% (Ващук Л.Н., Швиденко А.З. Динамика лесных пространств Иркутской области. Иркутск, 2006. С. 16). В тех же районах, где сбыт древесины был затруднен, изучение лесов не проводилось. Местные органы власти не видели целесообразности в проведении лесоустроительных работ. В докладной записке от 30.01.1925 г., адресованной Иркутскому губернскому земельному управлению, председатель Тулунского исполкома Партин писал: «Нижне-Илимская волость окружена тайгой с избытком лесов на своих пашнях. Принимая во внимание нижеследующие обстоятельства, что в Нижне-Илимском районе полное отсутствие лесоустроительных работ, большое изобилие леса на крестьянских наделах, который ради получения пахотных земель для землепользования и сенокосных угодий выжигает-

ся на месте, после чего производят раскорчевку земли для сельскохозяйственного использования, также удаленность от центра и железных дорог, исключает возможность сбыта лесоматериалов как ценности. В сохранении своих пашен и угодий земледельцу приходится вести повседневную борьбу с лесом, защищая свое землепользование. А посему Уисполкрм и Уземуправление считает, ввиду ограниченности государственных средств и спецсилы, а также не нуждемости самого населения в лесе — проведение лесоустройства преждевременным» (ГАИО, ф.р-145, оп. 1, д. 628, л. 63).

В период советской власти все леса являлись государственной собственностью, за исключением лесов, переданных колхозам в бессрочное пользование. Однако уже в 1924–1925 гг. в Иркутской губернии началась работа по выделению лесов местного значения, переданных в ведение сельских советов. В 1926 г. в Иркутской губернии для выявления изученности территории и лесных рынков было проведено анкетирование. Полученные в результате этой работы данные позволили установить первоочередные объекты лесоустроительных работ и наметить районы развертывания лесной промышленности. В этом же году началось изучение лесов местного значения. За период с 1925 по 1929 гг. было устроено 1205 тыс. га лесных угодий.

Изучение земель лесного фонда с 1927 г. развернулось по двум направлениям: лесоустройства и лесоэкономического обследования. В задачу лесоустройства входила организация лесной территории по лесничествам с последующим их объединением по районам для составления единого плана ведения правильного лесного хозяйства. Выбор первоочередных объектов лесоустроительных работ диктовался необходимостью удовлетворения потребностей народного хозяйства в древесине и выделением лесов местного значения. Целью лесоэкономического исследования было выявление запасов древесины по крупным экономическим районам с подробным изучением экономики исследуемых регионов, сухопутных и водных путей транспорта для обоснования направления лесной промышленности.

В 1929–1930 гг. была проведена очередная реорганизация лесного дела в стране. Лесной фонд был разделен на две части: 94% лесов отнесли к гослесфонду, где полноправными хозяевами были лесозаготовители, и лишь 6% близлежащих к населенным пунктам таежных угодий — лесам местного значения. Лесничества вошли в состав леспромхозов, а в лесах, закрепленных за Наркоматом путей сообщения СССР, — в состав лестрансхозов в качестве их структурных подразделений и именовались лесхозсекторами. Лесхозсекторы являлись вспомогательными участками по обслуживанию лесозаготовительных производств. Они осуществляли отвод лесосечного фонда в рубку, принимали участие в тушении лесных пожаров. Для организации ведения лесного хозяйства и лесопользования в лесах местного значения Восточно-Сибирского 31.03.1932 г. создано управление лесами местного

значения. В районах создавались райлесхозы или вводились должности райлесоводов. До этого леса местного значения находились в ведении сельсоветов, которые не имели кадров специалистов. Поскольку население считало эти леса своими, их охрана представляла сложную задачу.

В 1930 г. впервые на территории нынешней Иркутской области было проведено обследование лесов шведско-финляндским статистическим методом на площади 909 тыс. га в бассейнах рек Бирюса, Тогула и др. В результате выполненных работ по приведению лесов в известность только в 1932 г. «Промлесом» была издана «Карта лесов Западно-Сибирского края, Бурят-Монгольской АССР, Тувинской Народной республики и Восточно-Сибирского края», масштаба 1:2000000. К достоинствам карты следует отнести, что на ней по изученным районам были показаны крупные массивы древостоев. К недостаткам, — что, по обследованным поперечным методом, леса показывались только по ходовым визирам, а все межвизирное пространство оставалось «белым пятном». Всего же с 1921 по 1930 гг. было устроено и инвентаризировано лесов — 225 тыс. га, обследовано — 21,3 тыс. га, а первые опыты применения авиации в лесоустройстве началось только в 1933 г. Такая ситуация с лесоустройством объяснялась прежде всего отсутствием средств на лесостроительные работы, а также дефицитом квалифицированных специалистов.

Н.И. ПУЗЕВИЧ

ФОРМИРОВАНИЕ ВПК В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ИРКУТСКИЙ АВИАЦИОННЫЙ ЗАВОД

Важнейшее место в структуре военно-промышленного комплекса России, наряду с другими его составляющими занимает авиационная промышленность. На территории Восточной Сибири она представлена Иркутским и Улан-Удэнским авиастроительными предприятиями, имеющими богатую историю. Так, Иркутский авиационный завод на протяжении своего 73-летнего пути являлся одним из основных поставщиков боевой авиационной техники для Военно-воздушных сил (ВВС) СССР, таким он остается и в настоящее время.

Скоростные бомбардировщики (СБ), построенные в Иркутске в конце 30-х гг. XX в. сыграли важную роль в разгроме японских войск у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Пикирующие бомбардировщики Пе-2, дальние бомбардировщики Ил-4 и Ер-2, вышедшие из цехов завода, внесли достойный вклад в победу над нацистской Германией в ходе Великой Отечественной войны.

Иркутский авиационный завод, по праву считается одним из пионеров освоения реактивной техники, а серийно строившиеся на нем самолеты Ан-12 стали важнейшим звеном транспортной системы не только ВВС, но и гражданской авиации. Ударные самолеты Як-28 и

МиГ-27 способствовали повышению обороноспособности Советского Союза в 1960–1980-е гг. Многие тысячи летчиков осваивали авиационную технику нового поколения на учебно-боевых самолетах МиГ-23УБ, построенных в Иркутске.

В современных условиях авиастроительное предприятие, освоив серийное производство самолетов четвертого поколения — Су-27 и Су-30, поднялось на высшую ступень развития. Сегодня оно выполняет важные контракты межгосударственного значения и параллельно выпускает для МЧС России самолеты-амфибии — Бе-200.

Высокая производственная культура и мобильность технологического процесса, доведенная до совершенства квалификация персонала, дала возможность успешно преодолеть в середине 1990-х гг. сложные проблемы и создать на базе ОАО ИАПО вертикально-интегрированную структуру нового для российской авиапромышленности типа — Научно-производственную Корпорацию «Иркут».

История Иркутского авиазавода берет свое начало в далеком 1932 г. Именно тогда в СССР было развернуто строительство нескольких авиационных заводов, тем самым закладывалась основа мощной промышленности, ориентированной на создание летательных аппаратов различного назначения и класса. В этом был залог не только экономического и политического развития страны, но сохранения ее целостности и независимости.

Авиационная промышленность СССР создавалась как комплекс взаимосвязанных между собой отраслевых научных центров, конструкторских бюро и заводов, играющих ведущую роль в формировании оборонного потенциала страны. Новые предприятия условно разделялись на три категории: малые, которые строились в основном при крупных конструкторских бюро и предназначались для создания опытных образцов авиатехники; средние заводы должны были доводить конструкции и технологии перспективных машин до приемлемого для серийного производства уровня и налаживать их выпуск; отработанная конструкторско-технологическая документация, детали и оснастка, передавались на большие заводы, основной задачей которых было крупносерийное производство.

Иркутский авиационный завод № 125 им. Сталина относился ко второму типу. Его строительство началось зимой 1932 г. около станции Иннокентьевская, располагавшейся на левом берегу Ангары в семи километрах от Иркутск (Чаркова А.А. Сибирские крылья: Очерки о трудовом пути Иркутского авиационного завода. Иркутск, 1983. С. 26). Основной причиной принятого решения было то, что близость к Китаю, где постоянно присутствовала напряженность и насчет которого Япония не скрывала своей агрессивной политики, не мог не тревожить командование Дальневосточного военного округа. В случае широкомасштабного военного конфликта с участием СССР пополнять потери в авиационной технике без наличия регионального авиастроительного предприятия было бы просто невозможно. Поэтому под влиянием командующего Особым

Дальневосточным округом командарма В. Блюхера и начальника Главного политического управления РККА Я. Гамарника ЦК ВКП(б) принял решение о строительстве двух заводов — 125-го в Иркутске и 126-го в Комсомольске-на-Амуре. Несколько позже вышло постановление о возведении авиаремонтного предприятия № 99 в Улан-Удэ.

Строительные работы начинались в тяжелейших условиях. Не хватало материалов, механизмов, транспорта. Остро стоял вопрос с рабочей силой — ее пришлось вербовать в европейской части страны: в Московской, Ярославской и Вологодской губерниях. Спасаясь от голода, крестьяне охотно вливались в ряды строителей, но, оказавшись в суровых сибирских условиях, многие из них дезертировали или искали другие места. В декабре 1932 г. первым начальником строительства и директором завода был назначен А.Д. Люшинский, кадровый «красный командир», имеющий опыт организаторской и управленческой работы. В октябре того же года его сменил В.Г. Ирьянов. Приказом ГАУП № 604 от 25 декабря 1932 г. Иркутский авиационный завод был передан от строительного треста «Авиастрой» в непосредственное подчинение Главвиапрома ГУАП НКТП. 18 августа 1934 г. комиссия ГУАП подписала акт о завершении строительства завода № 125 и о зачислении его в состав действующих, а с 23 августа он стал носить имя И.В. Сталина. На следующий день в торжественной обстановке были открыты 11 основных цехов. 14 сентября 1934 г. нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе подписал приказ № 1227, который гласил: «На основании постановления Совета Труда и Оборонь от 8 сентября 1934 г. считать Иркутский завод принятым и зачислить в списки действующих предприятий Наркомата тяжелой промышленности» (Валуев Н.О. След в небе. История Иркутского авиационного завода от Антонова до Яковлева. М., 2004. С. 23). Первенцем иркутских самолетостроителей стал истребитель И-14, сконструированный бригадой П.О. Сухого в КБ А.Н. Туполева (Кугель Ф.Р. Рождение полета. Записки самолетостроителя. Иркутск, 1992. С. 17). Всего было построено, по различным оценкам, 17 таких машин. В мае 1936 г. завод № 125 приступил к освоению скоростного бомбардировщика (СБ). Объем производства в 1940 г. составил 375 самолетов. Всего за период с мая 1936 г. по январь 1941 г. было выпущено для ВВС 837 скоростных бомбардировщиков. Однако, несмотря на свои превосходные тактические качества и последовательное совершенствование силовой установки, СБ не имел перспектив в модернизации. На повестке дня стоял новый тип ударного самолета — пикирующий бомбардировщик. Им стал Пе-2, который во время войны стал основной машиной советской фронтовой бомбардировочной авиации. В начале января 1940 г. в Иркутске работала комиссия НКАП СССР, основная задача которой состояла в том, чтобы оценить реальные возможности авиазавода № 125 для серийного производства нового самолета (Государственный архив Новейшей истории Иркутской области, Ф. 4994. Оп. 1. Д. 12. Л. 414). На основании вы-

водов комиссии, 18 января 1941 г. нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин издал приказ № 36сс, согласно которому заводу № 125 предписывалось освоить и запустить в серийное производство первый в СССР пикирующий бомбардировщик Пе-2. Программа выпуска самолетов данного класса на 1942 г., утвержденная НКАП, предусматривала строительство в Иркутске 1720 боевых машин. Но это были довоенные планы. Начавшаяся Великая Отечественная война кардинально изменила обстановку. Наступление немецких войск лишило завод основных поставщиков материалов и полуфабрикатов, поэтому нужно было искать альтернативные решения. В связи с наращиванием выпуска самолетов остро ощущался недостаток производственных площадей. Поскольку строить новые корпуса в тот период было совершенно нереально из-за нехватки рабочих кадров и дефицита материалов, было найдено другое решение — 27 июня 1941 г. вышло постановление СНК СССР № 2125 РС, по которому заводу № 125 передавался со всем оборудованием, жилым фондом и личным составом, насчитывающим 1828 чел. соседнее танкоремонтное предприятие № 4.

5 июля 1941 г. в соответствии с решением ГКО вышел приказ НКАП за № 623с о том, что расположенный в Улан-Удэ авиазавод № 99 становится филиалом завода № 125 (Чаркова А.А. Указ. соч. С. 120). Вплоть до 24 августа 1942 г. 99-й завод выпускал для Пе-2 хвостовую часть фюзеляжа, так называемый отсек Ф-3. В октябре 1941 г. в связи с катастрофическим положением на фронтах и приближением фашистских войск к Москве вышло постановление Совета по эвакуации за № 14 323 о вывозе из столицы старейшего авиазавода, награжденного орденами Ленина и Трудового Красного Знамени № 39 им. В.Р. Менжинского. На станцию Иннокентьевская стали прибывать эшелоны со станками и людьми. Составы с грузовыми платформами загонялись по ветке непосредственно на заводскую территорию, где начиналась разгрузка. Из Москвы в Иркутск было эвакуировано 17 тыс. чел. сотрудников с членами семей. В поселке завода разместили две тысячи, еще тысячу человек отправили в Улан-Удэ. Остальным пришлось расселиться в самом Иркутске, где проводилось грандиозное «уплотнение». Таким образом, на единой территории существовали два предприятия, каждый со своей производственной программой и службами. 8 декабря 1941 г. согласно приказу НКАП № 1139 оба предприятия были объединены под названием «Дважды орденоносный ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени завод № 39 им. Сталина». Слияние заводов № 125, 4, 99 и 39 позволило резко увеличить производственные площади, численность оборудования и количество рабочих кадров и многократно увеличить выпуск боевой авиационной техники для ВВС. После окончания Великой Отечественной войны Иркутский авиационный завод принимал активное участие в строительстве многих типов самолетов, различного класса и назначения.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛАГЕРЕЙ В 1930–1950-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Экономическое развитие страны в 1930-х гг., на основе директивного управления народным хозяйством, невозможно было успешно осуществлять без применения принудительного труда, что способствовало расширению аппарата насилия. В результате 25 апреля 1930 г. организовано Управление лагерями ОГПУ. Статус Главка управление получило в конце 1930–начале 1931 гг.

При образовании НКВД СССР постановлением ЦИК от 10 июля 1934 г. и приказом НКВД №001 от 11 июля 1934 г. ГУЛАГ передан в ведение этого наркомата. Через три месяца постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 27 октября 1934 г. и приказом НКВД № 00122 от 29 октября 1934 г. в ГУЛАГ НКВД были переданы исправительно-трудовые учреждения (ИТУ). Непосредственное руководство этими ИТУ возлагалось на территориальные органы, тем же приказом были организованы отделы мест заключения республиканских НКВД и областных (краевых) УНКВД. Для общего руководства в составе ГУЛАГа был образован Отдел мест заключения. Кроме того, ГУЛАГу было передано исполнение судебных приговоров в отношении лиц, осужденных к исправительно-трудовым работам без лишения свободы.

С 10 сентября 1939 г. приказом НКВД №609 в ГУЛАГ переданы трудовые колонии для несовершеннолетних и детские приемники-распределители (в июне 1943 г. возвращены во вновь организованный в составе НКВД Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью). В том же году на ГУЛАГ было возложено руководство пересыльными тюрьмами, перешедшими из ведения Главного тюремного управления НКВД.

В 1940–1941 гг. произошло существенное изменение функций и структуры ГУЛАГа. На базе его производственных отделов был организован ряд специализированных производственных главных управлений и управлений лагерей НКВД, которым было передано подавляющее большинство ИТ лагерей.

С начала войны в ведении ГУЛАГа находились мобилизованные в рабочие колонны советские немцы (а позднее представители и других репрессированных народов).

В послевоенные годы на руководство МВД возлагались обширные строительные программы, что требовало большое количество рабочих рук. В 1945 г. численность заключенных сократилась до 1 млн чел. (в 1941 г. — 2350 тыс. чел.). Связано это было с мобилизацией заключенных в армию, что вызвало дефицит рабочих рук в лагерях и колониях. Одновременно значительно ухудшились условия содержания заключенных. В

результате в лагерях и колониях резко возросла смертность. К 1947 г. число заключенных в лагерях и колониях выросло до 1700 тыс. В условиях нищеты населения и послевоенного тотального дефицита потребительских товаров 4 июня 1947 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества». Минимальное наказание, предусмотренное этим указом, — пять лет заключения в лагеря. Значение этого указа для наполнения мест заключения становится очевидно из сопоставления следующих данных о численности заключенных в лагерях и колониях: на момент принятия указа — около 1800 тыс.; максимальная (весна–лето 1950 г.) — около 2600 тыс.; на 1 января 1953 г. — около 2500 тыс., из них половина — осужденные по указу от 4 июня 1947 г. (преимущественно за мелкие хищения).

Безусловно, существовали и политические факторы, стимулировавшие рост численности заключенных во второй половине 1940-х гг. Очевидным примером может служить деятельность органов советского государства на присоединенных в 1939–1945 гг. территориях, направленная на нивелирование социально-экономических условий, приведение их к общесоюзному стандарту и на борьбу с националистическими организациями.

Одновременно сохранение прежних государственных приоритетов, их глобализация подталкивали к реанимации старых и разворачиванию новых крупных инвестиционных проектов военно-стратегического назначения, что не могло не привести рано или поздно к росту лагерно-производственного комплекса.

В конце 1945 г. в системе Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) создается организационная основа для продолжения строительства БАМа, а уже в 1946 г. работы шли и на его восточном и западном участках.

Железная дорога строилась в основном силами заключенных. На новостройке функционировало немало лагерей: Нижне-Амурский, Восточный, Тайшетский, Братский, Ангарский, Озерный и т.д. Они отличались своим составом. Например, контингент Ангарского ИГЛ оценивался как тяжелый до 35% заключенных были осуждены за особо опасные преступления, за бандитизм, убийство и грабежи; третью часть заключенных составляли так называемые большесрочники, т.е. осужденные сроком до 25 лет.

В сентябре года НКВД СССР санкционировало создание лагерей для военнопленных японцев. На БАМе были организованы несколько лагерей для военнопленных, в том числе на Западном участке лагерь № 7 на станции Тайшет. Тысячи бывших солдат и офицеров квантунской армии прокладывали автолѐжную дорогу от Тайшета до Братска

В 1949 г. быстро разворачиваются работы на все новых и новых объектах, требовавших огромных инвестиций. Уже в 1949–1950 гг. силами заключенных начались широкомасштабные работы по прокладке Волго-Донского канала и строительству Цимлянского гидроузла, возведению

Куйбышевской ГЭС, строительству крупнейших нефтехимических комбинатов в Башкирии и в Иркутской области и т.д.

В 1951 г. лагерных подразделений Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛИК) УМВД Иркутской области с входящими в него подразделениями СГУ МВД СССР, всего содержалось 16 508 заключенных, из них мужчин — 13 824, женщин — 2684. Из общего количества в подразделениях УИТЛИК содержалось 8625 человек из них инвалидов — 1725. В подразделениях СГУ МВД СССР, которые по лагерным вопросам были подчинены УИТЛИК 7883 чел. (ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 399, л. 1).

По составу преступлений заключенные в лагподразделениях без Бодайбинского и Усольского исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) подразделялись: осужденные до 3-х лет — 1697 чел., от 3-х до 10 лет — 5473 чел., от 10 до 25 лет — 1267 чел., на 25 лет — 175 чел. Из них: осужденных за контрреволюционные преступления — 771 человек (инвалидов — 271); осужденных за бандитизм, разбой, грабеж — 218 чел.; рецидивистов — 230 чел.; за побег из мест заключения — 107 чел.

Всего в состав УИТЛК входило 14 лагподразделений, в том числе:

- собственных лагподразделений — 6, в которых содержалось 3835 заключенных (Тайшетский отдельный лагерный пункт (ОЛП), Усть-Ордынский сельхоз ОЛП, промышленное ОЛП, Иркутская сельхозисправительная трудовая колония (ИТК), Зорино-Быковское ИТК и пересыльная тюрьма).

- пять контрагентских подразделений с количеством заключенных 4790 чел., в которых инвалиды используются в организованных цехах ширпотреба (ОЛП-1, ОЛП-2, ОЛП-6, Черемховский ОЛП, Слюдянский ОЛП) (Там же, л. 3).

- пять подразделений СГУ МВД СССР (Бодайбинский ИТЛ, Усольский ИТЛ, Жигаловское отдельное лагерное отделение (ОЛО), Усть-Кутское ОЛО и Балаганский сельхоз ОЛП).

С 1948 г. в системе МВД начала ощущаться напряженность с людскими ресурсами. Общая численность заключенных стабилизировалась на полгода (с апреля до октября 1948 г.) на уровне чуть меньше 2350 тыс. чел. (без учета находившихся в тюрьмах и «в пути»). Началось перераспределение заключенных в пользу лагерей центрального подчинения. В 1949 г. и до весны 1950 г. рост общей численности заключенных шел относительно медленно (средний квартальный рост — около 60 тыс. против примерно 130 тыс. в 1946–1947 гг.), причем исключительно за счет наполнения лагерей центрального подчинения.

С лета 1950 г. МВД приходилось все больше концентрировать рабочую силу на крупных предприятиях и стройках: общая численность заключенных начала понемногу уменьшаться (в среднем на 10 тыс. в квартал) и удовлетворять все возрастающую потребность в рабочих руках на приоритетных объектах приходилось за счет абсолютного снижения численности в местах заключения территориальных органов. Резко снизилось число лагерей: к началу марта 1953 г. действовало или находилось в стадии ор-

ганизации 175 ИТЛ, особлагов и отдельных лагерных отделений, к началу мая их число сократилось до 81, а к концу года — до 68. То же произошло и с численностью заключенных: на 1 января 1953 г. в лагерях и колониях их было 2 472 247 чел. (еще 152 614 в тюрьмах), а на 1 июля 1953 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа Министерства юстиции — 1 044 420, плюс около 250 тыс. — в лагерях и тюрьмах Тюремного управления МВД.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. объявил об освобождении ряда категорий осужденных «не представлявших серьезной опасности для общества». Основным мотивом издания этого акта являлось стремление властей освободить места заключения от практически нетрудоспособных инвалидов, женщин и детей и заменить их полноценной рабочей силой. При этом Указ не затрагивал категории политических заключенных. Результатом подобной политики стало массовое недовольство этой части лагерного населения, и, как следствие, получившее большой резонанс восстание в лагере. В 1954 г. начинается процесс пересмотра дел осужденных по политическим статьям и с этого времени постепенно число политических заключенных в исправительно-трудовых лагерях идет на убыль.

Таким образом, материалы о лагерных подразделениях Главного управления исправительно-трудовых лагерей в 1940-х–начале 1950-х гг. свидетельствуют о заинтересованности партии и правительства в развитии лагерной системы и использовании ее в решении экономических задач. Данная политика показала всю неэффективность использование подневольного труда заключенных.

В.М. РЫНКОВ

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ ПРИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ РЕЖИМАХ: ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

С лета 1918 г. восток России от Камы и Волги до Тихого океана перешел под контроль антибольшевистских правительств. Страна окончательно погрузилась в Гражданскую войну. Кроме видимого фронта, разделявшего враждовавшие армии, существовал еще невидимый внутренний фронт, деливший на конфликтовавшие части общество внутри каждого государственного образования. Трудовые конфликты в годы революции всегда оставались наиболее социально опасными. Их подавление или регулирование являлось одной из важнейших политических задач в лагере контрреволюции.

Большинство профсоюзов на востоке России оказались в положении непримиримой оппозиции. Меньшая часть, сохраняя оппозиционный на-

строй, согласилась на сотрудничество с Министерством труда в решении рабочего вопроса. Важно и то, что многие профсоюзные лидеры не поддерживали экстремизм рабочих. Новониколаевские профсоюзы в сентябре 1918 г. осудили забастовочное движение в городе, так как экономические требования бастовавших рабочих были рассмотрены в примирительной камере и удовлетворены (Новый алтайский луч. Барнаул. 1918. 6 сент.). Перелом в позиции части профсоюзных лидеров произошел во многом благодаря активной деятельности местных комиссариатов труда в губернских и некоторых уездных центрах. И все же наметилась тревожная тенденция. По мере того, как правительство привлекало к конструктивному диалогу некоторых профсоюзных лидеров, они теряли популярность в рабочей среде и, соответственно, влияние на нее, т.е. собственно те качества, ради которых власти был нужен этот диалог. Склонность части рабочих к экстремизму порождала ситуацию функционирования двух представительных органов рабочих одновременно. В большинстве же случаев это выразилось в создании стачечных комитетов, параллельных профсоюзным органам.

Власти поддерживали давнюю программную установку умеренных социалистов и либералов — создание примирительных камер для разрешения трудовых конфликтов. Широкая сеть таких учреждений, действовавших в 1917 г. и регулировавшихся законом временного правительства от 5 августа 1917 г. была воссоздана. Уральские примирительные камеры в первой половине 1918 г. рассмотрели около 100 трудовых конфликтов, а всего местные органы Министерства труда участвовали в урегулировании 486 трудовых конфликтов (Дмитриев Н.И. Из истории министерства труда Российского правительства адмирала А.В. Колчака // История «белой» Сибири. Кемерово, 1999. С. 110). Но вероятно, эти сведения очень не полны. Челябинская примирительная камера за 1918 г. на 69 заседаниях рассмотрела 355 трудовых конфликта. Причем в пользу рабочих вынесла 247 постановлений, в пользу предпринимателей — 61 и 47 не получили разрешения (Русская армия. Омск, 1919. 1 июня). Источник не отделяет решения советского и несветского периодов. В мелких городах, например, в Енисейске, примирительная камера, открытая 10 октября 1918 г. губернским комиссаром труда И. Протасовым, разбирала, судя по газетным отчетам, большую часть городских трудовых конфликтов (Новый путь. Енисейск, 1918. 19 окт., 30 нояб.). По-видимому, это количество распределялось по территории очень неравномерно. Недаром примирительная камера Иркутска, города, в котором происходили сложнейшие и затяжные конфликты нанимателей и работников, зарегистрировал в январе 1919 г. только три обращения (Сибирский рабочий. Иркутск, 1919. № 2. С. 14).

В советской историографии сложилось представление о том, что примирительные камеры — это механизм, с помощью которого буржуазия, опираясь на правительство, пыталась обуздать рабочее движение (Кирюшина В.И. Политика временного правительства по рабочему вопросу (март–октябрь 1917 г.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 16–17).

Вопреки этому утверждению, на востоке России именно предприниматели чаще уклонялись от обращения в примирительные камеры (Приморская жизнь. Владивосток, 1918. 23 нояб.; Русская армия. Омск, 1919. 1 июня.). Примечательно, что когда 2 августа 1918 г. Л.В. Шумиловский представил Совету министров Временного Сибирского правительства проект временного положения о примирительных камерах, коллеги по правительству поручили управляющему Министерством труда отделить друг от друга вопросы о создании примирительных камер на государственных и частных предприятиях. В первую очередь Л.И. Шумиловскому рекомендовали рассмотреть пути урегулирования отношений рабочих и частных нанимателей как наиболее острые (ГАРФ, ф.р-176, оп. 5, д. 43, л. 91). Косвенно это свидетельствует о том, что правительство было готово совместно с представителями рабочих заставить частных работодателей идти на компромиссы со своими работниками. Но оно не желало связывать себя в отношениях с собственными наемными работниками. Организации, представлявшие нанимателей и наемных работников, периодически высказывали свое мнение о необходимости более четкого закрепления правового статуса примирительных камер. При этом оба фланга оказались единодушны в том, что решения этих учреждений не должны являться обязательными ни для одной из сторон. Профсоюзы настаивали на том, что примирительные камеры должны функционировать за счет государства (Колчаковщина на Урале. 1918–1919 гг. Свердловск, 1929. С. 127–128).

Летом 1919 г. газеты сообщили детали законопроекта о примирительных камерах, который давно готовился в недрах Российского правительства. Министерство труда предполагало сформировать сеть государственных камер при губернских, уездных и участковых инспекторах труда под их председательством. Они должны были финансироваться из государственного бюджета, формироваться на основе равного представительства сторон. Предполагался запрет на увольнение рабочих, участников камеры без санкции ее председателя. Разрешались и частные примирительные камеры — профсоюзные, муниципальные или созданные на предприятиях и в учреждениях. Они обязаны были регистрироваться у инспекторов труда (Военные ведомости. Ново-Николаевск, 1919. 27 июля).

В конце 1918–1919 гг. местные комиссары/инспекторы труда стали отсылать информацию о трудовых конфликтах в министерство. Этот уникальный вид источников еще ждет своего исследователя. Тем не менее, даже из отдельных сводок можно сделать некоторые выводы. Правительственные органы активно регистрировали мельчайшие конфликты, хотя, вероятно всего, значительная часть конфликтных ситуаций оставалась вне учета. Жизнь опровергала сложившиеся стереотипы. В большинстве учтенных конфликтах были вовлечены государственные и общественные предприятия и учреждения, а не частные. Кооперативы и земства востока России оказались стойкими противниками повышения заработной платы рабочим своих предприятий. Частные наниматели, напротив, достаточно часто вы-

нуждены были повышать расценки на труд, столкнувшись с забастовкой, что подтверждается и информацией, помещенной в периодической печати. Судя по всему, они проявляли упорство только в том случае, когда исполнение требований работников сулило неминуемое разорение. Крупные конфликты подчас удавалось предупредить путем создания тарифных комиссий на паритетных началах из рабочих и администрации предприятий при посредничестве Министерства труда (ГАНУ, ф.р-149, оп. 1, д. 105, л. 5–6).

Интересна и статистика массовости трудовых конфликтов. В 90% из них участвовало 1–2 работника. Речь шла о неверном начислении пособий и зарплаты, спорных увольнениях, заштатных или увольнительных вознаграждениях. Примерно 1/6 разрешалась в примирительных камерах (ГАНУ, ф.р-149, оп. 1, д. 17, л. 94). Ситуация мало чем менялась в сравнении с 1917 г. (Дробченко В.А., Бляхман Б.Я. Трудовое законодательство Временного Сибирского правительства и его реализация в Сибири // Вестник филиала Кемеровского государственного университета в Анжеро-Суджинск. Томск, 2004. Вып. 3. Гуманитарные науки. С. 94–95). Советская историография сосредоточила свое внимание на экстремальных формах трудовых конфликтов — стачках и забастовках. Их действительно было немало. Однако упомянутая статистика показывает очевидную вещь — подавляющая часть трудовых конфликтов носили обыденный и рутинный характер, были лишены всякого политического подтекста. Тем не менее, государственные органы пытались воздействовать и на эту часть трудовых отношений, достигали некоторых скромных результатов, что нельзя не отметить. Отечественные исследователи предпочитали игнорировать это явление, изучая только крупные забастовки. Следует иметь в виду и другой важный исследовательский принцип предшественников, приведший к искажению реальной картины забастовочного движения в отечественной историографии советского периода. Несмотря на крайнюю политизацию рабочих, подавляющее большинство забастовок носило экономический характер. Признать это в советское время историкам было «неудобно» по идеологическим соображениям. Поэтому они утверждали, что печать всегда подробнее освещала экономические забастовки, исходя из того, что реальная политическая подоплека трудовых конфликтов умалчивалась властями (Семенова Н.С. Сибирская периодическая печать о рабочем движении в период демократической контрреволюции // Некоторые вопросы истории. Томск, 1973. Вып. 2. С. 70). Это едва ли верно. Пресса была внимательна ко всяким трудовым конфликтам, и даже проправительственные издания достаточно детально информировали читателей о случаях выдвигания политических требований. Скорее справедливо сделать противоположный вывод. Многим конфликтам экономического характера сначала мемуаристы 1920–1930-х гг., а потом исследователи искусственно придали политический характер. Советские историки считали информацию партийного происхождения достовернее оперативного делопроизводства и

информационных материалов прессы. Это говорит о необходимости осторожного использования сведений советской историографии.

Н.В. САВЧУК

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ КАЧЕСТВЕННОЙ ВОДОЙ: К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ

Социально-экологические проблемы современного общества относятся к числу наиболее актуальных. Их составной частью являются вопросы состояния качества водных ресурсов, выступающих не только важным компонентом функционирования различных отраслей промышленности, но и основой жизнедеятельности человека. Интенсивное освоение территории Иркутской области во второй половине XX в. привело к значительному загрязнению водоемов. Практика строительства городов свидетельствует, что слабым местом в функционировании систем жизнеобеспечения, являлись схемы коммунального водоснабжения, отвода канализационных стоков и низкая эффективность очистных сооружений.

Долгое время считалось, что сибирские города в достаточном количестве могут снабжаться водой из рек, водохранилищ и артезианских скважин. Причем первоначально акцент был сделан на использование поверхностных водоемов. Для этого требовалось создать централизованную водо-канализационную систему. В Иркутске начало строительству было положено в 1955 г. Проект, рассчитанный на 10-летний период, был разработан в Московском НИИ гигиены им. Ф. Эрисмана и прошел обсуждение на научно-техническом совете Министерства коммунального хозяйства. Считалось, что такие особенности Ангары, как многоводность, быстрое течение, способны обеспечить чистоту реки при сбросе в нее стоков, подвергнутых только механической очистке. Постановление СМ СССР «О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР» (22.04.1960 г.) обязало местные органы власти усилить внимание к данной проблеме. Был разработан план по ускорению строительства городских очистных сооружений, но заданные темпы не выполнялись. В год осваивалось не более 40% финансовых средств. Только в 1963 г. была введена в эксплуатацию первая очередь правобережных очистных сооружений, но в течение последующих нескольких лет не были закончены работы на строительстве отстойников и хлораторной. Очистке подвергались 27 из 32 тыс. м³ стоков, поступающих в сутки для обработки. К намеченному сроку (1964 г.) не была сдана в эксплуатацию первая очередь сооружений в Ленинском районе, и более того, их мощность, по нашим подсчетам, составляла 61,2% от потребностей. А в целом городские очистные сооружения были перегружены на 144,4%. Это приводило к аварийным сбросам. Только в первом квартале 1965 г. было зарегистрировано

37 случаев, а во время ремонта коллектора стоки поступали в Ангару без очистки. (ГАИО. Ф.р-1827. Оп. 1. Д. 29. Л. 82.)

Данные факты свидетельствуют, что создание очистных сооружений осуществлялось без учета перспектив развития города. К началу 1980-х гг. их перегрузка составляла 20%, а эффективность очистки 40–60%. По оценке инспектора отдела стройиндустрии комитета народного контроля СССР Г.А. Шевченко, основные причины недостатков заключались в слабом финансировании работ. В то же время выделенные капиталовложения использовались неполностью. В 1960–1980-е гг. в среднем на строительстве и модернизации сооружений осваивалось от 45 до 61% финансовых средств. Это стало причиной ухудшения состояния водоемов. (ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 109. Д. 57. Л. 6.)

Складывалась опасная эпидемиологическая обстановка. На ухудшение качества воды оказывало влияние практика организации городских водозаборов, которые располагались по рекам, ниже мест сброса стоков. Так, в районе водозабора мясокомбината в р. Иркут поступали сточные воды санатория и мыловаренного завода. Еще в более худшем положении оказались населенные пункты, расположенные ниже Иркутска по Ангаре. Неисправные канализационные сети в ряде случаев создавали дополнительную экологическую опасность. Так, утечка канализационных вод в течение десятка лет в районе пос. Молодежный сформировала подземное озеро, которое контактировало с участком водохранилища, где находился городской водозабор. Для обеспечения жителей областного центра чистой питьевой водой в перспективе планировалось строительство нового водозабора у Ершовой пади, в 2,2 км выше от плотины.

Критическая ситуация в коммунальном хозяйстве к началу 1960-х гг. сложилась в Усолье-Сибирском. Отсутствие генплана города задерживало решение вопросов развития инженерных коммуникаций. Население поселков и 30 тыс. жителей города снабжалось питьевой водой из водозабора, предназначенного для технических целей. Ее качество на 80% не соответствовало ГОСТу. Первая очередь очистных сооружений строилась более 10 лет и к 1965 г. оказалась перегружена в 2 раза. В реку поступало без очистки 24 тыс. хозяйственно-фекальных вод. Применяемый для определения качества воды индекс загрязнения постоянно увеличивался с 64 в 1958 г. до 53 тыс. в 1963 г. (Там же. Оп. 78. Д. 21. Л. 1–3, 12, 15.)

В докладной записке секретаря Усольского ГК КПСС А. Шергина председателю облисполкома А.В. Гриценко говорилось об угрозе массовых эпидемических заболеваний. Для решения коммунально-бытовых проблем было предложено объединить финансовые средства предприятий города. Но данное постановление выполнялось непоследовательно. Так, для сооружения ливневой канализации необходимая сумма была выделена только химкомбинатом. За 1971–1975 гг. план по строительству очистных сооружений химпромом был перевыполнен на 254%, в том числе были построены биологические очистные соору-

жения. Но их перегруженность на 35% снижала качество сточных вод. Строительство третьей очереди очистных сооружений также осуществлялось на основе долевого участия предприятий. За 4 года было освоено 71% сметной стоимости, но нерегулярное поступление финансовых средств ставило под угрозу их введение в эксплуатацию к 1982 г. (ГАИО. Ф.р-1827. Оп. 1. Д. 59. Л. 13; Д. 67. Л. 97.)

Сложно решался вопрос создания новой водо-канализационной сети в Черемхово и Свирске, в которых в результате создания Братского водохранилища старые коммуникации подвергались затоплению. Начавшееся в 1961 г. строительство растянулось на более длительный срок, чем планировалось. Уже в 1966 г. они оказались перегружены на 40–49%. Снабжение водой населения Шелехово осуществлялось из р. Иркут. На очистных сооружениях ИркАЗа она подвергалась очистке, но качество оставалось низким. При авариях подача воды для населения вообще прекращалась. Введение в начале 1970-х гг. новых сооружений механической и биологической очистки мощностью в 26 тыс. м³ в сутки дало возможность очищать все хозяйственно-бытовые стоки и даже существовал определенный запас для дальнейшего развития города. По качеству сточные воды были близки к норме и существенного влияния в этот период на р. Олху не оказывали. (ГАИО. Ф.р-1933. Оп. 6. Д. 41. Л. 45; Д. 50. Л. 36–37.)

Индустриально развивающийся Ангарск требовал особого внимания к вопросам создания водо-канализационных систем. В 1960-е гг. он являлся единственным городом области, в котором производилась бактериальная очистка городских стоков на сооружениях АНХК, хотя в общем объеме они составляли 4,4%. В ходе обсуждения вопросов охраны водоемов на совещании представителей городской власти и ученых НИИ (1967 г.) было принято решение о строительстве второй очереди биологических очистных сооружений и высказана необходимость организации мониторинга загрязнения водных ресурсов. Несмотря на принятие множества решений, наблюдалось отставание социальной сферы города от темпов развития промышленности. Качество воды не соответствовало требованиям «Правил охраны поверхностных вод». В 1989 г. на сооружения мощностью 228 тыс. м³ в сутки подавалось более 260 тыс. м³ сточных вод. (ГАИО. Ф.р-1827. Оп. 1. Д. 67. Л. 96; Ф.р-1933. Оп. 6. Д. 41. Л. 45) Снабжение населения Ангарска питьевой водой осуществлялось из водозабора на р. Ангара, находящегося в 20 км от места сброса стоков областного центра. Начиная с 1960 г. облисполком обсуждал вопрос об организации необходимых зон санитарной охраны водозабора, но решение так и не было принято. На низкое качество воды было указано городской СЭС в «Справке о водохозяйственной обстановке в Ангарском промышленном районе» (1988 г.). Решение проблемы было возможно за счет освоения месторождения «Китойское-1», расположенного в 28 км от города. Его изучение началось в 1965 г. Объемы месторождения подземных вод были утверждены Госкомитетом по запасам СССР в 1971 г. и подтверждены ис-

следованиями, проведенными по решению горисполкома в 1989 г. Но к освоению месторождения так и не приступили в течение более чем трех десятков лет. Его удаленность от города требовала значительных капиталовложений. Кроме того, часть зоны санитарной охраны месторождения к 1990-м гг. оказалась застроена турбазами, не имеющими канализации, что создавало дополнительные трудности.

Характеризуя состояние коммунального хозяйства в Иркутской области, следует отметить, что появление водопроводной и канализационной сети в большинстве городов относится к 1960-м гг. А в следующем десятилетии уровень оснащенности жилого фонда водопроводом и канализацией достиг 70–86% только в тех городах, которые характеризовались более быстрыми темпами индустриального развития, в том числе, в Ангарске, Усолье-Сибирском, Шелехово. На фоне достигнутых показателей в Восточной Сибири в 1960-е гг. Иркутская область опережала другие ее части, но к 1980-м гг. разница стала менее заметной. Удельный вес благоустроенного жилья в жилищном фонде области был ниже, чем в Красноярском крае и в целом по РСФСР. (Жилищно-коммунальное хозяйство РСФСР. М., 1984. С. 29–30.)

Таким образом, недооценка последствий ускоренного процесса урбанизации региона привела к запоздалому решению социально-бытовых проблем. Строительство городских водо-канализационных систем отставало от темпов промышленного развития области, осуществлялось с задержкой от установленных сроков и без учета перспектив развития городов, что приводило к их перегрузке и загрязнению водоемов. Строительство водозаборов в потенциально опасных местах создало дефицит качественной питьевой воды, делало насущной проблему поиска новых источников водоснабжения населения.

П.А. САНКОВ

СНАЙПЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Термин «снайпер» в переводе с английского языка означает «меткий стрелок по летящему бекасу (snipe)».

Первые снайперы появились в англо-бурской войне. При наступлении англичан меткие бурские стрелки расстреливали атакующих солдат, как на стрельбище, практически не подпуская их к своим позициям. Бурами широко практиковались и замаскированные засады. На вооружении буров в это время уже появились оптические прицелы. Это был прорыв в военной технике. Оптические прицелы, установленные на немецкие винтовки Маузера калибра 8 мм, использование бездымного пороха резко повысили стрелковую результативность буров. По существу это были первые снайперские винтовки.

Опыт снайперов англо-бурской войны обобщен не был и в России практически неизвестен. Во время первой мировой и последующей гражданской войны снайперы в войсках практически не применялись. В России не было соответствующего оружия и оптических прицелов, а также отработанных снайперских методик. После гражданской войны в Красной армии снайперов считали ненужной блажью. Расчет на основное поражение противника, как и в царской армии, строился на плотности огня.

Среди лиц высшего руководства бытовало мнение, что военным незачем было знать снайперские тонкости. Это должны были знать только те, кому положено. В системе ОГПУ-НКВД при Г. Ягоде снайперской подготовке сотрудников для выполнения специальных заданий уделялось повышенное внимание, и выделялись немалые средства. Бригады подготовленных снайперов существовали и при сталинской охране. Для этого в Германии были закуплены оптические прицелы, на базе которых впоследствии были созданы хорошие прицелы ПЕ и ПБ.

В 1930-е гг. невиданного размаха достиг стрелковый спорт, причем, стрелки-спортсмены отрабатывали упражнения, имеющие непосредственное отношение к «длинному» снайперскому выстрелу, например, стрельба из крупнокалиберной винтовки на 300, 400, 500 и 600 м с перебежкой; стрельба из мелкокалиберной винтовки, лежа на 200 м. В СССР развивался стрелковый спорт, но общевойсковых тактических снайперских методик не было.

Суровый урок советским войскам преподали финны во время зимней кампании 1939 г. Финское командование отлично подготовилось к войне и учло буквально все, в том числе и возможности метких стрелков. Во время финской войны советские командиры столкнулись со снайперами-кукушками. Работа их была необычайно эффективной и признана наиболее результативной снайперской практикой всех времен и народов. Разработанная финнами тактика работы снайперов в зимнее время оказалась настолько удачной, что впоследствии ее применяли и русские, и немцы. И даже сейчас к ней добавить практически нечего.

После финской войны командование Красной армии сделало соответствующие выводы. Для снайперского применения наряду с действующей винтовкой капитана С.И. Мосина — 1891–1930 гг. были разработаны новые образцы оружия: винтовка СВТ-40 г. (Снайперская винтовка Токарева) и оптический прицел универсальный (ПУ), который оказался настолько удачным, что применяется и по сей день. В то же время была обобщена общевойсковая снайперская тактика и разработана практическая методика стрелковых тренировок. Немцы перед второй мировой войной также разрабатывали необходимые методики и основную ставку при этом сделали на высокую технику меткого выстрела. Подготовка стрелка в довоенной Германии длилась не менее двух лет. Надо отдать должное, немецкие снайперы стреляли очень хорошо, и подготовлено их было большое количество.

Война требовала немедленного действия, и поэтому в Красной Армии упор делался на физическую выносливость снайпера, маскировку и массовость. С первых дней войны в нашей армии стали появляться стрелки-энтузиасты, использовавшие беспечность солдат и офицеров противника, опьяненных успехами первых месяцев, и уничтожавшие их из обычных «трехлинеек» с открытым прицелом. Они не получали никаких приказов, а просто брали винтовки и в период затишья между боями выходили на «свободную охоту». В сентябре–октябре 1941 г. в частях Ленинградского фронта лучшие из энтузиастов, которые продемонстрировали свое стрелковое мастерство, получили снайперские винтовки. С этого момента начинается отсчет снайперского движения, не имеющего аналогов в мировой истории по массовости.

Действия стрелков-одиночек привлекли к себе внимание командования. Политработники, которые по долгу службы должны были поднимать боевой дух войск, тут же окрестили снайперов «стахановцами фронта» и развернули широкую кампанию, стремясь сделать ценное начинание массовым. В январе 1942 г. в войсках Ленинградского фронта уже было около 4200 снайперов из числа солдат и офицеров; только за двадцать дней ими было уничтожено около 7 тыс. солдат и офицеров противника. А в следующем 1943 г. по всей армии в снайперском движении принимали участие более 46 тыс. чел. (Рязанов О. Русское снайперское движение в Великой Отечественной войне // Оружие. 2002. № 10. С. 19).

Военное командование понимало необходимость централизованной подготовки «сверххетких» стрелков. В конце 1941 г. было принято решение открыть специальные школы отличных стрелков снайперской подготовки при военных округах с обучением в течение 3–4 месяцев с отрывом от производства, а в марте 1942 г. в Вишняках, под Москвой, была создана школа подготовки инструкторов-снайперов.

Применение снайперов на фронте показало, что наравне с мужчинами очень высокую стрелковую выучку и эффективность демонстрировали девушки, подготовленные учебными подразделениями Всевобуча. В мае 1943 г. женские курсы были перестроены в центральную женскую школу снайперской подготовки. К середине 1943 г. в основном были закончены все крупные мероприятия по централизованной подготовке снайперских кадров для Красной Армии. За время войны в системе всеобщего военного обучения подготовлено 428 335 снайперов, которые существенно усилили боевые порядки пехотных частей. Помимо этого, в учебных формированиях центрального подчинения было подготовлено 9534 снайпера высокой квалификации.

Большой вклад в организацию централизованной подготовки снайперских кадров внес генерал-лейтенант Григорий Федорович Морозов. Его книги «Методика огневой подготовки снайпера» и «Памятка снайперу» оказали неоценимую помощь при обучении бойцов во фронтовых частях. К середине 1942 г. снайпинг прочно вошел в армейский быт на всех

фронтах Великой Отечественной войны. Снайперский огонь со стороны советских войск оказал сильное моральное воздействие на немецкие части. В дневниках и письмах, найденных у убитых, встречались такие фразы: «Русский снайпер — это что-то очень ужасное, от него не скроешься нигде! В траншеях нельзя поднять голову. Малейшая неосторожность — и сразу получишь пулю между глаз... Снайперы русских часами лежат на одном месте в засаде и берут на мушку всякого, кто покажется. Только в темноте можно чувствовать себя в безопасности» (Там же. С. 20).

В боях за южные районы СССР лучшими снайперами стали Ной Адамия (уничтоживший более 200 немцев), Людмила Павличенко (309), Филипп Рубахо (346), Татьяна Костырина (135), все они стали Героями Советского Союза.

На Ленинградском фронте самым известным истребителем живой силы противника стал Евгений Николаев, который в июле 1942 г. в период ожесточенных боев за Ленинград за три дня уничтожил 104 немецких солдата. На 1-м Прибалтийском фронте воевал «сержант без промаха» Федор Охлопков, боевой счет которого составил 429 пораженных целей. Самым удачливым русским снайпером считается капитан Иван Сидоренко, на личном счету которого более 500 пораженных целей. Самым прославленным снайпером Сталинграда, безусловно, является Василий Зайцев, уничтоживший 242 немецких солдата и офицера, в том числе руководителя берлинской снайперской школы майора Конингса. Дуэль Василия Зайцева с майором Конингсом является классикой снайперского дела. Всего же группа Зайцева за четыре месяца боев уничтожила 1126 военнослужащих противника (Там же. С. 22).

Соратниками Зайцева по оружию были Николай Ильин, имевший на своем счету 496 немцев, Петр Гончаров — 380, Виктор Медведев — 342. Группа Зайцева численностью до 30 чел. была разбита на отделения по 3 пары в каждом. При выходе на позиции пары и отделения занимали позиции так, чтобы обеспечить огневое взаимодействие и взаимную поддержку. Снайперская группа Зайцева использовала практически все возможные тактические приемы, которые с успехом применяются и сегодня. Когда началось Сталинградское наступление, снайперы Зайцева вошли в состав блокирующей группы, участвуя в огневой подготовке и обеспечении атаки штурмовых групп, зачищавших здания. Снайперы группы Зайцева были, вероятно, первыми, кто пришел к выводу о необходимости создания крупнокалиберного снайперского оружия. Они пробовали установить оптический прицел на противотанковое ружье, чтобы увеличить дальность и мощность снайперского огня.

Во время второй мировой войны наше снайперское движение оказалось результативнее немецкого, благодаря не только массовости, но, главным образом, беспредельной русской изобретательности, нечеловеческой выносливости и адскому терпению, способности работать в грязи, снегу, под палящим солнцем.

К сожалению, опыт боевой работы русских снайперов и централизованной подготовки квалифицированных снайперских кадров был забыт уже в 1950–1960 гг. Сегодня русский снайпинг возрождается: чеченская война заставила снова поставить в строй человека со снайперской винтовкой.

П. П. СТУПИН

СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: К ВОПРОСУ О РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. С. ХРУЩЕВА (1957–1964 гг.)

Минуло 50 лет с того времени, когда в феврале 1957 г. на пленуме ЦК КПСС было принято постановление «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. С. 167–174), согласно которому в целях повышения уровня регионального управления индустриальным развитием страны в экономических районах страны создавались Советы Народного Хозяйства (СНХ). Изучение истории совнархозов как фрагмента реорганизаций системы советского государственно-хозяйственного управления на долгое время фактически оказалось под запретом как и все остальное, что было связано с деятельностью Н.С. Хрущева.

К настоящему времени положение коренным образом изменилось. Написаны сотни монографий и статей о «великом десятилетии» и самом Н.С. Хрущеве, о преобразованиях, которые характеризовали его время. Исследования органично связаны с воспоминаниями самого Хрущева, родных и близких, современников и соратников. Среди очерков и исследований можно выделить работу Д.А. Волкогонова «Семь вождей», состоящую из двух книг (М., 1986). Интерес в ней представляет сопоставление деятельности руководителей Советской России — СССР от В.И. Ленина до М.С. Горбачева, но в данном случае в особенности Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева.

Сегодня, когда Российская Федерация находится в состоянии самых различных реформ, данное понятие становится, если можно так выразиться, стало модным и интересным, поскольку XX в. в отечественной истории полон и революций, и реформ, а изучение этой истории все более склоняется в пользу реформирования.

Был ли на самом деле Н.С. Хрущев реформатором? Ряд историком проявляет к этому понятию сдержанное отношение, считая, что реформы Хрущева так же относительно, как и реформы Маленкова (Зубкова Е.Ю. Маленков, Хрущев: личный фактор в политике постсталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4).

Ю.А. Веденеев писал: фактически имела не реформа системы управления промышленностью в целом и ее основных институтов, а формальная, организационно-структурная перестройка аппарата государственного управления. Это верная оценка реорганизации, считает В.И. Мерцалов, но только с точки зрения характеристики ее глубины. С точки зрения преобразования всей системы организационных структур управления, радикальности управления — это все-таки была реформа. Она имела свою идеологию, идеи, принципы, хотя и небогатые по содержанию. Суть замысла реформы заключалась в системной рационализации организационных структур управления. В пределах этой сути ее можно характеризовать и как реформу самоулучшающую управление, антибюрократическую. Однако замысел разошелся с результатом (Веденеев Ю.А. Организационные формы государственного управления промышленностью в СССР: историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М., 1990; Мерцалов В.И. Реформа хозяйственного управления. 1957–1965: предпосылки, ход и итоги (на материалах Восточной Сибири). Иркутск, 2000).

Анализируя ход реформы, Ю.А. Веденеев выявил ее кризис, развертывавшийся с начала 1960-х гг. Этот кризис выразился в том, что в процессе практического осуществления реформы была создана замкнутая, многоступенчатая, ведомственно-территориальная система, базирующаяся исключительно на административных методах руководства. С ним нельзя не согласиться.

Период деятельности совнархозов был временем широкомасштабного освоения Восточной Сибири. Основным стержнем строительных работ в этом регионе являлось тогда осуществление Ангаро-Енисейского проекта. В первую очередь это коснулось Иркутской области, на территории которой уже в 1956 г. вступила в строй действующих Иркутская, в 1961 г. — Братская ГЭС, а с 1962 г. начались подготовительные работы на строительстве Усть-Илимской гидроэлектростанции.

В данном случае выявилось одно противоречие. Хотя по реформе 1957 г. совнархозы обладали достаточно широкими правами в управлении промышленностью и строительством в рамках своей территории, они, например, не имели сил и возможностей самостоятельно «поднять» махину Ангарского проекта. Требовались значительные централизованные вложения, что в состоянии были сделать только центральные органы. Осуществление проекта «А–Е» показало, что возможности централизованной экономики в то время были отнюдь не исчерпаны, хотя вопросом из вопросов было эффективное использование имеющихся трудовых и материальных ресурсов.

В исследованиях приводятся конкретные данные о капиталовложениях в различные регионы Восточно-Сибирского экономического района. Они явственно указывают на отмеченное выше противоречие, когда центральное руководство в возведении крупных объектов, тем более в формировании промышленных узлов, преобладало над местным, прежде

всего над местными Советами. Можно обратиться и к такому показателю как численность строителей в организациях Совета Министров РСФСР. В 1959 г. их в Приангарье насчитывалась 31 290 тыс., а в совнархозах — 20 146 чел. (ГАРФ, ф.а-374, оп. 1, д. 2769, л. 122, 126). Действительно, разворот строительных работ, осуществляемых в те годы Специальным управлением «Братскгэстрой» на Средней Ангаре, требовал большого числа рабочих и инженерно-технических работников.

Что касается собственно строительного производства и деятельности Управлений строительства СНХ, то в первые годы их деятельности в данной отрасли происходили важные изменения. Из архивных документов явствует, что в 1959 г. строители Красноярского совнархоза значительно повысили темпы строительства, увеличив объем выполненных капитальных работ в сравнении с 1958 г. на 20,6%. Однако главное заключалось в том, руководство совнархоза взяло курс на максимальную индустриализацию строительных работ в рамках тогдашних представлений этого процесса.

Прежде всего, Управление строительства Красноярского СНХ осваивало крупноблочное и крупнопанельное возведение жилых зданий. За 1959 г. домостроители сдали в эксплуатацию 4 крупноблочных дома общей жилой площадью 6800 м² и 1 крупнопанельный дом — 2534 м². Средняя фактическая стоимость 1 кв.м в этих домах составила 1173 р. (117,3 р. в ценах 1961 г.) против соответствующей стоимости одного квадратного метра жилой площади в 1261 (121,6) р. в кирпичных домах.

Внимание к наращиванию мощностей предприятий строительных материалов и строительной индустрии привело к вводу в Красноярске заводов по выпуску 40 тыс. м² крупноблочных и 60 тыс. м² крупнопанельных домов, что являлось несомненным прорывом в жилищном строительстве и конкретным осуществлением положений постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» (КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 193–208). Хотя в настоящее время «хрущевки», что называется, не в чести, но еще в годы нахождения Н.С. Хрущева у власти миллионы советских людей кардинально улучшили свои жилищные условия. Современная национальная программа жилищного строительства не столь доступна значительной части населения, особенно в ряде районов Сибири. Правда, изменились и обстоятельства, но опыт, нарабатываемый 50 лет назад, по-моему, требует большего внимания.

Красноярский, равно как и другие СНХ страны и Восточной Сибири, внедряли (по терминологии того времени) крупнопанельные конструкции в промышленном строительстве. На Маклаковском лесозаводе, в частности, был произведен монтаж стен из крупных панелей на трех промобъектах. В промышленном строительстве начали применять предварительно напряженные балки и фермы покрытий с пролетом от 12 до 30 м, что дало не только экономию строительных материалов, но и позволило строить более

крупные, чем раньше, цеха. По Управлению строительства совнархоза применение предварительно напряженных железобетонных конструкций составило 46 м³ на 1 млн строительно-монтажных работ, в то время как данный показатель в 1958 г. равнялся 14,1 м³. (ГАКК, ф.р-1408, оп. 1, д. 364, л. 21).

Модернизация строительного производства, перевод его на индустриальную основу требовали проведения единой технической политики, что в рамках существовавших территориальных экономических районов сделать было сложно. Появившиеся бюрократические надстройки, например, СНХ РСФСР, делу по-настоящему помочь не могли. В 1963 г. Управления строительства совнархозов России были переданы в Министерство строительства РСФСР в качестве Главных управлений. В Восточной Сибири их образовали два: Главкраснояркстрой (Красноярск) и Главвостоксибстрой (Иркутск). Они продолжили индустриальное освоение Восточной Сибири, формируя ряд промышленных узлов союзного значения.

Советы Народного Хозяйства ее смогли быть в полном объеме самостоятельными, в том числе и их строительные подразделения — не только в плане капиталовложений, о чем упоминалось выше. Так, 21 октября 1964 г. Председатель Госстроя РСФСР Д. Басилов подписал распоряжение территориальным главным управлениям по строительству Министерства строительства РСФСР, Красноярскому СНХ, в котором предписывалось в целях обеспечения полного использования мощностей предприятий КПД в районах, где они имелись, вновь начинаемое с 1 января 1965 г. строительство кирпичных домов вести только при условии полного использования предприятий КПД. При неполном использовании их кирпичные дома можно было строить с разрешения, в каждом отдельном случае, Госкомитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР. Такое «шефство» продолжалось долгие годы.

В целом совнархозы не решили поставленной перед ними задачи. Они не устранили ситуацию, заставлявшую систему управления находиться в состоянии «непрерывного тушения пожаров». Идеи реформы, что теперь очевидно, не могли реализоваться в условиях системы хозяйственного развития 1950-х гг., однако идея региональной самостоятельности, о чем речь шла в 1957 г., осуществима в рамках рыночного производства, хотя практика рыночного хозяйствования существенно подорвала к настоящему времени именно строительное производство.

Н.К. ФАХРЕЕВ

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОТРАСЛИ ИСКУССТВЕННОГО ЖИДКОГО ТОПЛИВА В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Первую попытку наладить производство искусственного жидкого топлива (ИЖТ) из твердых горючих ископаемых СССР предпринимает до

войны: приказом Наркомата тяжелой промышленности № 767 от 31 августа 1933 г. создается Главное управление газовой промышленности и промышленности искусственного жидкого топлива Наркомтопа СССР (Главгаз) (Предисловие к описи №1-с фонда № 8086 Главгаза РГАЭ). Ее постигает неудача: «К 1941 г. ни одно предприятия (ИЖТ) так и не было пущено» (Мелия А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004. См.: http://militera.lib.ru/research/melia_aa/10.html). В результате в 1939 г. Главгаз расформируют. Одним из итогов его деятельности становится определение географии отрасли: на раннем этапе, руководствуясь сырьевым принципом, главк строит заводы как на востоке, так и в центральных регионах; с индустриализацией Сибири и Дальнего Востока, ростом международной напряженности работы перемещаются сугубо на восток (РГАЭ. Ф. 8086. Оп. 1-с. Д. 146. ЛЛ. 1–154).

В 1930-е гг. успехов в данной области добивается Германия: первая промышленная установка гидрирования пускается в эксплуатацию в г. Мерзебург (РГАЭ. Ф. 8829. Оп. 1. Д. 278. Л. 28). Индустрия базируется на силезских и рурских углях, что естественным образом определяет географию отрасли: Саксония становится восточной, Рейн-Вестфалия — западной ее ветвями. В отрасль также входят чешский и эстонский «анклавы»: в Судетах действует завод «Судет-Ландт АГ» концерна «Герман-Геринг-верке» (Там же. Л. 29); в Балтии — принадлежащие немецкому капиталу предприятия сланцевой смолы (Зеленин Н.И. Сланцевое жидкое топливо. Л.; М., 1948. С. 6).

Новый этап открывается с приходом к власти Гитлера: за «четырехлетку автаркизации» (1935–1939 гг.) сдается в эксплуатацию 12 заводов годовой проектной мощностью 3,3 млн т (Как ковался германский меч. Промышленный потенциал Третьего рейха. М., 2006. С. 78).

В ходе войны заводы ИЖТ являются мишенью бомбардировок. В ответ Германия строит 7 крупных и ряда небольших подземных заводов, рассчитанных на производство 300 тыс. т продукции в месяц, однако мощности, введенные к марту 1945 г., обеспечивают производство 52 тыс. т в месяц (РГАЭ. Ф. 8726. Оп. 1. Д. 987. Л. 144). Таким образом, в 1945 г. отрасль включает 20 предприятий (РГАЭ. Ф. 8829. Оп. 1. Д. 278. Л. 17–30).

Таблица 1

**Производство синтетического и гидрированного топлива
в собственно Германии, тыс. т***

Год	Синтетическое топливо	Гидрированное топливо	Всего
1940	406	1 503	1 909
1941	408	2 108	2 516
1942	384	2 737	3 121
1943	425	3 409	3 834
1944	...	...	4 300

* Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. М., 1956. С. 81.

Потребление жидкого топлива в Германии*

Наименование потребителя	Количество, тыс. т				
	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Армия	3 000	4 700	4 410	4 770	3 680
Хозяйство	2 290	2 070	1 420	1 505	1 390
<i>Итого</i>	5 290	6 770	5 830	6 275	5 070

* РГАЭ. Ф. 8829. Д. 278. Л. 6.

Сравнение таблиц показывает, что в 1944 г. отрасль покрывает 85% потребности страны. Недаром министр вооружения и боеприпасов Шпелер отмечает: «12 мая (1944 г.) не забуду никогда, потому что в этот день война с точки зрения техники была проиграна... С налетом... в этот день 935 дневных бомбардировщиков 8-го американского воздушного флота на целый ряд предприятий по производству горючего в центре и на востоке Германии» (Как ковался германский меч... С. 478–479).

Когда происходит перелом в ходе войны, СССР возвращается к идее создания отрасли ИЖТ: постановлением СНК СССР № 670 от 19 июля 1943 г. организуется Главное управление искусственного жидкого топлива и газа при СНК СССР (Главгазтоппром) (РГАЭ. Ф. 8726. Оп. 1. Д. 41. Л. 1). Победа открывает доступ к немецкой технологии и оборудованию ИЖТ в форме репараций. Главк организует демонтаж и вывоз оборудования ряда предприятий восточной ветви. На демонтаж отводится срок до 7 августа 1945 г. (Там же. Д. 987. Л. 8). Учитывая объем работы и низкую техническую вооруженность, главк приступает к делу вслед наступающих войск: «Для выполнения специального задания из Москвы 8 марта 1945 г. выехала группа в количестве 60 человек... Перевезти указанную бригаду для работы в Блеххаммере не представлялось возможным, так как в это время в районе завода проходили боевые действия» (Там же. Л. 1). Демонтаж ведут военнослужащие: «24 марта 1945 г. появилась первая воинская часть, выделенная Главгазтоппрому, численный состав 128 человек, которая приступила к демонтажу 28 марта... Общее количество военнослужащих в первой декаде апреля определилось числом 1600 человек» (Там же. Лл. 1, 2).

Как показывает таблица, вывозится оборудование трех заводов гидрирования и одного — синтеза. Пропорция говорит о повышенном интересе к технологии гидрирования. Предприятия, за исключением демонтированного «на запчасти» магдебургского, являются самыми «молодыми»; совокупная мощность заводов г.г. Блеххаммер и Пелитц составляет 30,1% мощности немецких заводов гидрирования и 26,5% общей мощности индустрии ИЖТ; в технологических процессах применяется наивысшее давление. Таким образом, данное оборудование по сочетанию параметров износа, производительности, инновационности является лучшим в отрасли.

Таблица 3

**Заводы отрасли ИЖТ Германии, оборудование которых вывезено
в СССР для Главгазтоппрома***

Местонахождение и наименование завода	Технология	Год пуска	Мощность, т в год	Техноло-гическое сырье	Применяемое давление, атм.
Блехгаммер, «Обершлезише Гидрирверке»	гидрирование	1944	600 000	каменный уголь	700–300
Пелитц, «Гидрирверке Пелитц АГ»	гидрирование	1940	600 000	каменный уголь	700–300
Магдебург, «Ротензее Брабаг»	гидрирование	1936	300 000	смола, легкое масло, полукокс.	300
Одерталь, «Шафтготш бензин ГмБХ»	синтез	1938	34 000	кокс и кокс. газ	10

* РГАЭ. Ф. 8829. Оп. 1. Д. 278. Л. 28, 30.

Три самых крупных из приведенных в таблице завода упоминаются в интернете в перечне постановлений Государственного комитета обороны СССР (ГКО СССР): «О вывозе оборудования и аппаратуры с завода гидрирования угля фирмы «Обершлезише Гидрирверке» в г. Блехгаммер», «О вывозе оборудования и аппаратуры с немецкого завода синтеза бензина фирмы «Шафтготш-бензин» в г. Одерталь» (Постановления и распоряжения ГКО СССР за март 1945 г. См.: <http://tashv.narod.ru/PostanovGKO/GKO194503.html>), «О вывозе оборудования с завода гидрирования угля и мазута фирмы «Гидрирверке Пелитц АГ» в г. Пелитц». Предприятие в Магдебурге не фигурирует, видимо, ввиду малой мощности.

На вывоз отводится срок до 31 августа 1945 г. Получателями указаны базы г.г. Бреста, Львова, Самбора, Макарьево, Москвы. Транспортная операция по масштабам (вывозится оборудование не только предприятий ИЖТ) и сжатости сроков напоминает эвакуацию оборудования западных районов СССР в начале войны, одним из следствий которой является неразбериха, утрата части груза. Подобное происходит и с репарационным оборудованием: Е.Д. Радченко на Китайской базе встречает грузы из г.г. Пелитца, Опенхайма, Лютцендорфа (Радченко Е.Д. Есть в Сибири город Ангарск. Иркутск: Оттиск, 2004. С. 11).

Из оборудования Блехгаммерского завода планируется построить комбинат № 16 в Иркутской обл.; Одертальского — комбинат № 17 в Ростовской обл.; Пелитцкого — комбинат № 18, место размещения которого в документах главка не указывается.

Проектные задания на строительство комбинатов № 16 и 18 по настоящее время остаются на спецхранении, поэтому, говоря о сроках строительства, приведем слова крупного авторитета в вопросе Н.К. Байбакова: «После войны Сталин в беседе со мной сказал: «Надо использовать оборудование, поступающее из Германии, для создания промышленности синтетического моторного топлива, тем более что мы располагаем большими запасами угля»... На строительство Сталин отводил два года» (Поте-

ряхин В.А., Фахреев Н.К., Зыкина Р.Ф. Комбинат. Уфа: Автор, 1998. С. 20). Относительно комбината № 18 имеется источник, который подтверждает вышеуказанные сроки — постановление СМ СССР от 30 июля 1947 г. требует: «В целях внедрения в нефтяную промышленность новейших методов углубленной нефтепереработки, обеспечивающих производство бензинов из крекинг-мазатов, построить в 1948–1949 гг. в БАССР на базе оборудования, вывезенного из Германии, завод по гидрированию сернистых мазатов для выработки 500 тыс. т автобензина в год... с тем, чтобы уже в 1950 г. выработать 250 тыс. т автобензина» (ЦГА ОО РБ. Ф. 122. Оп. 27. Д. 3. ЛЛ. 180–181). Таким образом, оба комбината должны быть введены в эксплуатацию в рамках первой послевоенной пятилетки.

Из последней цитаты видна проектная мощность комбината № 18 — 500 тыс. т в год. Проектная мощность комбината № 16 выше: «I очередь — авиабензина 275 тыс. т в год, автобензина 285 тыс. т в год. I + II очередь — авиабензина 440 тыс. т в год, автобензина 550 тыс. т в год» (Архивный отдел Ангарского муниципального образования. Ф.Р-43. Оп. 1. Историческая справка). Следовательно, комбинаты к концу десятилетия должны получать 1,5 млн т топлива. По пятилетнему плану восстановления и развития народного хозяйства СССР в 1950 г. планируется довести производство ИЖТ до 900 тыс. т. Таким образом, комбинаты № 16 и 18 составляют всю мощность отрасли. Сравнение проектных мощностей Блехгаммерского завода ИЖТ (600 тыс. т в год) и комбината № 16 (990 тыс. т в год) показывает, что последний не копия немецкого предприятия, а гибрид нескольких.

Как пишет М.Е. Шаганский, еще в начале 1930-х гг. на базе Черемховского угольного бассейна развернулись работы по созданию мощностей ИЖТ (Шаганский М.Е. Ангарск: Годы, люди. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. С. 17–18). А.А. Мелия отмечает, что в 1939 г. принято решение о строительстве в СССР восьми заводов искусственного жидкого топлива, в том числе в г. Черемхово. Т.В. Евтушенко приводит «Перечень малых заводов и установок жидкого топлива Иркутской обл. на 1943 г», в котором названы Усолье, Тулун, Черемхово, Будагово, Мельниково. Таким образом, Приангарье имеет опыт производства ИЖТ, кадры, что в сочтении с сырьевой базой определяет «адрес» комбината № 16.

Комбинат № 18 планируется возвести в Кемеровской обл.: «Приказом начальника Главгазотпрома В.А. Матвеева № 132/с от 18 сентября 1945 г. была создана комиссия по выбору площадки для завода по гидрированию углей, который предполагалось перебазировать из г. Пелитц... 19 декабря 1945 г. комиссия вернулась в Москву. Ею были подобраны два места под строительство завода № 18: в Ленинском и Сталинском районах Кемеровской области» (Потеряхин В.А. и др. Указ. соч. С. 16). Для этого имеются следующие условия: М.Е. Черныш пишет, что в 1941 г. «был построен первый в СССР *опытно-промышленный* гидрогенизационный завод в Кемерове для отработки технологии гидрогенизационной переработки жидкого сырья

(смола и нефтяных остатков) и твердых горючих ископаемых» (Черныш М.Е. Развитие нефтеперерабатывающей промышленности в Советском Союзе: Фрагменты истории. М., 2006. С. 180); в г. Ленинск-Кузнецком, центре Ленинского района, работает техникум ИЖТ. Однако комбинат № 18 здесь не укореняется. Причина в дефиците трудовых ресурсов, на что указывает комиссия: «Как во всей Кемеровской обл., так и в названных районах нет свободной рабсилы. Всю рабсилу необходимо будет вывозить из Европейской части СССР» (Потеряхин В.А. и др. Указ. соч. С. 16). Новым местоположением определяется г. Черногорск Красноярского края: в 1946 г. здесь создается дирекция комбината № 18, завозится оборудование.

Тем временем в стране нарастает добыча нефти (с 19,8 млн т в 1945 г. до 37,9 млн т в 1950 г.), СССР испытывает острую нехватку перерабатывающих мощностей. Ввиду этого комбинат №18 переориентируют на переработку нефтяных мазутов. 8 июня 1947 г. «на основании Постановления СМ СССР была создана комиссия по выбору новой площадки под строительство комбината № 18» (РГАЭ. Ф. 8829. Оп. 1. Д. 70. Л. 4). По сумме преимуществ (крупные запасы мазутов, наличие трудовых ресурсов) она выбирает площадку у г. Ишимбай БАССР.

Рост нефтяного дела влечет консолидацию ведомств: в 1948 г. Министерство нефтяной промышленности южных и западных районов, Министерство нефтяной промышленности восточных районов, Главгазтоппром и Главнефтегазстрой сливаются в Министерство нефтяной промышленности СССР. Вхождение в новое министерство Главгазтоппрома означает, что комбинат № 16 также начинает движение от угольной копи к нефтяной скважине. Вопрос его передислокации к местам нефтедобычи не поднимается, т.к. за 1945–1948-е гг. в стройку осуществляются значительные капиталовложения, а во-вторых, Сибири требуются собственные нефтеперерабатывающие мощности.

В начале 1950-х годов вблизи г. Ишимбая открывают крупные залежи нефти. Маломощный местный НПЗ не способен ее переработать, Уфимские НПЗ загружены девонской нефтью Башкирии, поэтому 22 августа 1952 г. правительство СССР принимает решение в составе комбината № 18 построить НПЗ с параллельным возведением мощностей гидрирования мазутов. В 1958 г. НПЗ и завод гидрирования начинают работать. Проектный продукт получают и на комбинате № 16 (Архивный отдел Ангарского муниципального образования).

На фоне эскалации нефтедобычи (за 1955-1960-е гг. — с 70,8 до 147,4 млн т) отрасль ИЖТ утрачивает стратегическое значение. Перемещение в сферу народного хозяйства ставит вопрос о рентабельности искусственного моторного топлива. П.А. Подругин приводит расчеты для комбината №16: «По расчетам проектной организации себестоимость искусственного бензина на комбинате должна составлять 2165 р. за тонну при продажной цене 1080 р. То есть на каждой тонне комбинат будет иметь убыток более, чем 1 тыс. р. А всего убыток... составит кругленькую сум-

му — в 0,5 млрд р. в ценах того времени. Расчеты проектной организации были подкреплены практикой работы нашего предприятия за 1956 г.» (Подругин П.А. Воспоминания парторга. Ангарск, 1990. С. 81). Поэтому «постановлением СМ СССР от 13 апреля 1955 г. № 707-429с принято решение об изменении профиля комбинат и перевода его на топливно-химическое направление с переработкой нефти при одновременно сохранении переработки угля, как сырья получения водорода и синтез газа. На комбинате № 18 уголь полностью исключается ввиду наличия в регионе запасов природного и попутного газа. Таким образом, комбинаты № 16 и 18 со второй половины 1950-х гг. окончательно переходят на рельсы нефтехимии.

В 1965 г. 59 предприятий Главного управления нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности Миннефтехимпрома СССР с общей численностью персонала 146 тыс. чел. перерабатывают 89,9 млн т нефти. Комбинаты № 16 и 18 с численностью персонала 30,5 тыс. чел. (20,9% персонала отрасли) перерабатывают 12,8 млн т нефти (14,2%) (РГАЭ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14. Лл. 1–8). Так в цифрах выглядит «наследство» отрасли ИЖТ, отошедшее нефтехимии.

Исследование истории комбинатов № 16 и 18 (в 1966 г. они, соответственно, становятся Ангарским и Салаватским нефтехимическими комбинатами) показывает, что вторая попытка создания отрасли ИЖТ СССР также заканчивается неудачей. Одновременно ее послевоенный период является инкубационным для нефтехимической отрасли нашей страны.

О.О. ЧЕРНЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ В БОДАЙБИНСКОМ ПРОМЫШЛЕННОМ РАЙОНЕ. 1950–2000-е гг.

На севере Иркутской области расположена территория, богатая залежами золота и слюды, освоение которых началось в XIX в. Для функционирования предприятий золотодобывающей и слюдяной промышленности требовались энергоисточники. Преимущество применения электроэнергии за счет использования энергетических ресурсов р. Бодайбо, р. Мамакан и бассейна р. Лены в промышленности Бодайбинского района было оценено еще в XIX в. Однако, в связи с известными политическими событиями в стране в начале XX в. и последующим периодом разрухи в народном хозяйстве, Бодайбинская промышленность пришла в упадок. В виду этого проблема в энергоснабжении золотодобывающих предприятий Бодайбинского района и слюдяной промышленности Мамско-Чуйского района оставалась острой до 1950-х гг.

В конце 1950-х гг. на р. Мамакан в полутора километрах от ее впадения в р. Витим началось сооружение гидроэлектростанции в зоне вечной мерзлоты. Главным разработчиком проекта стало Ленинградское отде-

ление Всесоюзного института имени С.Я. Жука. В январе 1956 г. Министерство цветной металлургии СССР утвердило проектное задание, а уже Совет Министров СССР в октябре 1956 г. принял решение о начале строительства Мамаканской ГЭС. С началом подготовительных работ, одновременно велась доработка технического проекта. В апреле 1958 г. проект был окончательно утвержден Министерством электростанций СССР, и были начаты основные работы по сооружению гидроузла. Генеральным подрядчиком строительства явилось Управление строительства Мамаканской ГЭС («Мамакангэсстрой») (Душкина Т.М. Первая в районе вечной мерзлоты // Сибирский энергетик. 2004. 6 апр. С. 4).

Трудовые коллективы строителей в основном состояли из молодежи, приехавшей сюда из разных районов страны. Основу строительного коллектива ГЭС составляли гидростроители, приехавшие с Иркутского гидроузла. Особым трудолюбием и работоспособностью отличились строительные бригады, возглавляемые Зайцевым, Маляшковым, Кортиковым, Рыбаченко, Миконовичем, Трушиным и другими. При строительстве были впервые применены оригинальные конструктивные, технические решения, направленные на скорейшее сооружение гидроузла. Так, творческая инициатива проектировщиков и строителей ГЭС проявилась в создании облегченной гравитационной плотины с расширенными швами, используемыми для обогрева бетона изнутри теплым воздухом, что обеспечивает оптимальный режим в теле плотины. Используя передовые промышленные методы работы на тот период времени, строители, и монтажники в ходе сооружения гидроузла выполнили 1300 тыс. м³ земляных работ, в том числе вынули 125 тыс. м³ скальных грунтов, уложили 270 тыс. м³ бетона и железобетона, смонтировали около 4 тыс. т гидромеханического оборудования и металлоконструкций (Радость Мамакана // Советская молодежь. 1962. 11 дек. С. 1). Одновременно со строительством ГЭС происходило обустройство поселка Мамакан, где были построены новые магазины, столовая, детские сады, школа, больница, жилые дома и другие объекты.

Подготовка к эксплуатации ГЭС была начата во 2-й половине 1961 г. Она заключалась, прежде всего, в комплектовании кадров эксплуатационистов. К моменту пуска первого агрегата был подготовлен штат оперативных работников и большая часть ремонтного персонала за счет переезда строителей с других ГЭС. С наполнением водохранилища, 22 декабря 1961 г. была запущена первая турбина, а 30 декабря — вторая турбина Мамаканской ГЭС. Распоряжением Иркутского СНХ от 9 февраля 1962 г. предписывалось обеспечить досрочный пуск остальных агрегатов. Коллектив строителей и монтажников досрочно выполнил план и ввел в строй последние два агрегата на 6 месяцев раньше установленного срока в октябре 1962 г. Мощность Мамаканской ГЭС достигла проектной — 86 тыс. кВт. Данная ГЭС явилась первой мощной гидроэлектростанцией в бассейне р. Лена (Антоненко А. Мамакан раздвигает границы // Вост.-Сиб. правда. 1987. 23 дек. С. 2).

Следует отметить, что до сдачи в постоянную эксплуатацию ГЭС оставалось еще почти четыре года. Незавершенность ряда строительно-монтажных работ мешала нормальной эксплуатации станции. Обеспечение их окончания и налаживания четкой бесперебойной работы ГЭС — явилось первоочередной задачей, которая решалась предприятием уже в составе Иркутскэнерго.

В соответствии с приказом Госкомитета по энергетике и электрификации СССР и Главвостокэнерго в августе 1963 г. Мамаканская ГЭС была передана во временную эксплуатацию РЭУ «Иркутскэнерго». Комиссия под председательством П.Г. Некряченко отмечала, что ГЭС работает в системе районного управления электростанций и сетей треста «Лензолото», обеспечивая электроэнергией тресты «Лензолото» и «Мамслюда», других потребителей Бодайбинского и Мамско-Чуйского районов, и составляет вместе с другими предприятиями этого управления единую энергосистему. На основании этого Комиссия сделала вывод, что выделение ГЭС в отдельное предприятие с подчинением РЭУ «Иркутскэнерго» при отсутствии какой либо связи с Иркутскэнерго — неправильно. Комиссия рекомендовала создать на базе энергетических предприятий «Лензолото» единую систему «Мамскаэнерго». Но эти рекомендации в жизнь не претворились.

В декабре 1963 г. приказом по РЭУ были утверждены в должности директора Мамаканской ГЭС Пищик Петр Степанович, а в должности главного инженера — Мусорин Николай Алексеевич. Под их руководством происходило освоение мощностей Мамаканской ГЭС. В 1965 г. ГЭС при проектном уровне выработки электроэнергии 182 млн кВт/час фактически выработала 126 кВт/час, что составило 84% от выработки электроэнергии всей местной системы.

В октябре 1966 г. приказом Минэнерго СССР был утвержден акт государственной комиссии по приемке в постоянную эксплуатацию Мамаканскую ГЭС. Этим же приказом с первого декабря 1966 г. ликвидировался «Мамакангэсстрой», а Энергосетьпроекту предписывалось приступить к проектированию ЛЭП — Мамаканская ГЭС — Вилуйская ГЭС, необходимой для использования избыточной мощности ГЭС в летнее время и покрытия дефицита ее выработки в зимнее время. В это время был поставлен вопрос об объединении энергосистемы «Лензолото» и Мамаканской ГЭС в единое предприятие. Однако этого не произошло и в ноябре 1967 г. началась работа по передаче Мамаканской ГЭС в состав «Якутскэнерго». Акт о передаче был подписан 2 декабря 1967. Таким образом, первый период нахождения ГЭС в составе Иркутскэнерго закончился (Антоненко А. Мамакан раздвигает границы // Вост.-Сиб. правда. 1987. 23 дек. С. 2). Однако, 30 августа 1979 г. вновь был подписан акт о приемке ГЭС в ведении РЭУ «Иркутскэнерго». Директором ГЭС был назначен Камнев Николай Николаевич, проработавший в этой должности до 1988 г. (Душкина Т.М. Указ. соч. С. 4).

В 1980 г. установленная мощность Мамаканской ГЭС составила 100,2 тыс. кВт, выработано 195,688 тыс. кВт·ч электроэнергии. Основными потребителями ГЭС оставались предприятия объединения «Лензолото» и комбината «Мамслюда», а также бытовая нагрузка города и поселков Бодайбинского и Мамско-Чуйского районов, на которых электроэнергия поступала по трем ЛЭП. Полезный отпуск потребителям за отчетный период 1985 г. составил: 202 399 тыс. кВт·ч. В том числе «Лензолото» — 151 605 тыс. кВт·ч, комбинату «Мамслюда» — 50 794 тыс. кВт·ч (Ф.р-2918, оп. 2, ед.хр. 740, л. 88). Реализацией энергии занималось предприятие Энергосбыт, диспетчерские вопросы решал персонал станции, станция работала изолировано.

В 1980-е гг. в Бодайбинском районе шла подготовительная работа по освоению золоторудного месторождения Сухой Лог. Для этого требовалось большое количество электроэнергии, а мощностей Мамаканской ГЭС было уже не достаточно. Причина этого была в неравномерном распределении расхода р. Мамакан (его снижение в зимние месяцы года и значительное повышение до 89–90% от общего расхода реки летом). Отсутствие водохранилища сезонного регулирования, который позволил бы более равномерно в течение года вырабатывать электроэнергию, а также незначительный ввод новых генерирующих мощностей и факт того, что электроснабжение районов велось, изолировано от энергосистемы — все эти причины создавали в зимнее время года острый дефицит электроэнергии (Ф. р-2918, оп. 2, ед.хр. 740, л. 88). В связи с постоянным возрастанием электрической нагрузки потребителями в Бодайбинском районе требовалось интенсивное наращивание энергетических мощностей. Решить проблему мог только пуск новой Тельмамской гидроэлектростанции, предназначением которой было регулирование стока воды в реке, а также дать энергию и тепло объектам строящегося в Бодайбинском районе Ленского золоторудного комбината и сыграть ведущую роль в освоении природных ресурсов Привитимья (Антоненко А. Указ. соч. С. 2).

В мае 1986 г. начались подготовительные работы по строительству и с октября этого же года создана дирекция строящейся Тельмамской ГЭС. По проекту гидроузел новой ГЭС начал сооружаться на р. Мамакан, выше действующей Мамаканской ГЭС. В этом районе среднегодовой расход воды оценивается в 150–180 м³/с. Длина плотины Тельмамской ГЭС намечалась чуть более километра, а высота 140 м. Установленная мощность Тальмамской ГЭС должна была составить 420 МВт. Работа в одном каскаде этих двух гидроэлектростанций должен был увеличить коэффициент использования энергоресурсов р. Мамакан (Боровский В. Ради света и тела // Вост.-Сиб. правда. 1987. 22 дек. С. 1).

Наиболее тяжелым был подготовительный и начальный этап строительства. Помимо суровых климатических условий, в строительном поселке было много проблем с организацией труда рабочих, прибывших на строительство ГЭС. Так, на створе трудилось двадцать человек, хотя

требовалось в два раза больше. Проблемы были и с бытовыми условиями жизни строителей Тельмамской ГЭС. В поселке не хватало жилья для прибывших бурильщиков и проходчиков. Поселок не был обеспечен дровами, так как отсутствовало разрешение на их заготовку. Однако даже с этими суровыми условиями изыскатели готовы были смириться. Главное, что их унетало — это отсутствие необходимой техники и оборудования. Изыскатели называли свой поселок по-разному: «балок», «плацдарм», «ласточкино гнездо». Поселок выглядел настоящим оазисом среди непроходимых скального хаоса Байкало-Патомского нагорья. Он играл роль аккумулятора для накопления главных сил гидростроителей перед решающим разворотом работ в створе плотины. Хотя и отставая от плана, проведенные изыскания позволили «нарисовать» подробную геологическую картину створа будущей гидроэлектростанции.

Вскоре условия строительства немного улучшились. Осознавая всю важность строительства этого энергетического объекта, местные власти позаботились о том, чтобы в воздвижении Тельмамской ГЭС приняли участие подразделения Братскгэсстроя. А с первым десантом сюда на строительство прибыли гидростроители с Усть-Илимской ГЭС, поскольку строительство этой ГЭС завершилось, отряд гидростроителей оказался там больше невостребованными. Со временем на берегу реки вырос целый поселок гидростроителей, благодаря строительству для них новых домов (Семенов А. Светлые воды Мамакана // Советская молодежь. 1986. 15 марта. С. 4).

На базе Мамаканской ГЭС и Дирекции стоящейся Тельмамской ГЭС в составе Иркутской энергосистемы в октябре 1988 г. была образована новая структура — Каскад Мамаканской ГЭС. Через два года в декабре 1990 г. Каскад Мамаканской ГЭС был передан производственному объединению «Лензолото» до 1997 г., т.е. до того как было образовано ЗАО «Витимэнерго».

По проекту первый агрегат Тельмамской ГЭС должен был вступить в строй еще в 1992 г., и тогда северная энергия потекла бы не только в Бодайбо и Сухой Лог, но и на Байкало-Амурскую магистраль. Однако этого до сих пор не произошло.

С началом перехода к рыночным отношениям строительство комплекса Сухой Лог был приостановлен. Для освоения золоторудного месторождения требовалась немалое финансирование и мощность новой Тельмамской электростанции, для строительства которой тоже нужны были средства. Как раз с этим в стране тогда и были проблемы. Было прекращено планирование и государственное финансирование освоения золоторудных месторождений и строительства Тельмамской ГЭС, которая до настоящего времени числится на карте как намечаемая. Сегодня для ее строительства необходим инвестор, которого в свою очередь может заинтересовать возведение Тельмамской ГЭС только при точном подтверждении наличия запасов золота в данном районе.

РАБОТА ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В БУРЯТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны большая ответственность легла на плечи работников городских и районных отделов социального обеспечения. Именно они, а с начала 1943 г. и отделы государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих, занимались начислением пенсий и пособий ветеранам труда, инвалидам войны, семьям военнослужащих. В январе 1944 г. по республике 29 711 семей военнослужащих получали пособия на сумму 2 772 787 р., а 5463 семьям военнослужащих выплатили пенсию на 664 527 р. (Национальный Архив Республики Бурятия (НАРБ), ф.Р-921, оп. 1, д. 112, л. 29). Отделы обслуживали инвалидов Отечественной войны — 5458 чел., 237 инвалидов империалистической и гражданской войн, 4447 инвалидов труда, 92 персональных пенсионеров и 33 прочих пенсионеров (Там же, д. 4738, л. 28).

Кроме начисления пенсий и пособий в их обязанность входило открытие домов-интернатов для инвалидов Отечественной войны, их обучение и переквалификация, трудоустройство, оказание посильной материально-бытовой помощи.

В военное время денежные выплаты отделов социального обеспечения членам семей военнослужащих, инвалидам и пенсионерам приобрели особое значение. Однако в начальный период войны возникло немало проблем с начислением пособий. В связи с огромными масштабами и темпами мобилизации в армию отделы социального обеспечения просто не справлялись с объемами работ. Пособия начислялись гражданам, а затем по ним проводилась проверка. Окончательное решение по заявлению принималось комиссией в составе заместителя председателя райисполкома, заведующего отделом социального обеспечения и военкома, причем оно должно было выноситься не позднее, чем в трехдневный срок. Однако в Н.А.Р.Б. сохранились материалы проверок работы отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, в которых отмечены грубые нарушения в работе аймачных и городских отделов социального обеспечения. Часто начисления и выплаты пособий задерживались на долгий срок (десять-пятнадцать дней, а иногда и месяц). Не было точного учета тех, кто должен получать пенсии и пособия, вследствие чего наблюдалась переплата. Рассмотрение жалоб шло очень медленно (Там же, оп. 4, д. 188, л. 1; ф.Р-248, оп. 14, д. 115, л. 48; ф.1-П, оп. 1, д. 4116, л. 48).

Ситуация с выплатой пособий и пенсий во многом изменилась к лучшему после выхода постановления СНК СССР «О мерах по улучшению

работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» от 22 января 1943 г. (История Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945). М.: Воениздат, 1965. Т. 3. С. 204). В соответствии с ним создавались отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих в каждом районе (НАРБ, ф.Р-475, оп. 9, д. 22, л. 13). На данные отделы была возложена следующие обязанности:

- обеспечение пособиями и пенсиями семей военнослужащих; их трудовое устройство;
- оказание содействия в получении профессионально-технического образования и приобретении производственных навыков, повышении квалификации;
- удовлетворение материально-бытовых нужд семей военнослужащих (обеспечение топливом, ремонтом жилья, ремонтом обуви и одежды);
- устройство детей в детские сады и ясли;
- обеспечение семьям военнослужащим установленных льгот, рассмотрение жалоб.

Отделами государственного обеспечения была проведена большая работа по налаживанию учета семей военнослужащих. Было выявлено немало случаев, когда пособия и пенсии получались незаконно, в то же время было и немало таких семей, которые вообще не получали пособия и пенсии из-за утери документов или по другим причинам (Там же, д. 21, л. 50).

Недостатки в работе отделов социального обеспечения во многом объясняются и тем, что их заведующие являлись номенклатурными работниками райкомов и горкомов партии, поэтому систематически привлекались последними к решению других проблем. Особенно широко это практиковалось в сельской местности, где работники отделов социального обеспечения постоянно занимались вопросами посевной, уборки, различными заготовками и т.п. В 1943 г. Кабанский аймисполком мобилизовал 50% работников гособеспечения на сельскохозяйственные работы в ущерб работе этого отдела. Мухоршибирский аймисполком командировал заведующего отделом на уборку урожая, в результате этого отдел по четырем сельсоветам задержал выплату пособий и пенсий за август 1943 г. тысяче семей военнослужащих (Там же, ф.Р-1516с, оп. 1, д. 15, л. 15). Поэтому обком ВКП(б) и Совнарком БМАССР запретили использовать работников соцобеспечения на работах, не связанных с профессиональной деятельностью. При этом штаты отделов обеспечения не были укомплектованы. Постоянно ощущалась нехватка кадров. Потому вопросы начисления пенсий и пособий часто решались с задержкой по срокам, заявления и жалобы рассматривались несвоевременно.

Одной из причин несвоевременной выплаты являлась бюрократическая волокита по бумагам. Например, работающим пенсионерам и инвалидам требовалось каждый месяц предоставлять справку с места работы. Семьям, получающим пособия, нужно было предоставить справку с места

жительства о количестве иждивенцев и обязательно иметь паспорт для всех и т.п. Это также являлось одной из причин в задержке выплат пенсий и пособий из-за неправильного или несвоевременного оформления бумаг.

Начало войны и всеобщая мобилизация стали причиной того, что работа большинства отделов была дезорганизована. В большинстве отделов отсутствовали нормальные условия для работы сотрудников: тесные помещения, протекающие потолки, холод, нехватка столов, стульев и т.д.

Таким образом, за годы войны отделами государственного обеспечения проводилась работа по налаживанию учета семей военнослужащих, выплате им пенсий и пособий, оказания помощи в трудоустройстве, удовлетворению материально-бытовых нужд, устройство детей в детские сады и ясли. В работе аймачных и городских отделов социального обеспечения встречались также разного рода нарушения. Имевшиеся недостатки в деятельности органов государственного обеспечения, тяжело отражались на социальном положении наименее защищенных слоев населения, хотя недоработки по большей части носили объективный характер.

Т.В. ШАЛАК

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕШЕНИЯ КАДРОВОЙ ПРОБЛЕМЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АЛЮМИНИЕВОГО КОМПЛЕКСА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1960–1970-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ИрКАЗа)

В известной степени кузницей кадров для алюминиевой промышленности Восточной Сибири стал Иркутский алюминиевый завод. Именно здесь был накоплен первый опыт подготовки кадров, закрепления их на производстве. Уяснение их причин и способов решения позволяло более успешно решать социальные проблемы труда на других предприятиях алюминиевого комплекса региона.

Текучесть рабочей силы по предприятию в процессе освоения производственных мощностей нарастала весьма быстрыми темпами. Если за 1960–1962 гг. было принято на работу 2917 чел., а уволились 603, то есть 20,6% от количества принятых, или каждый пятый, то в последующие три года ситуация еще более обострилась. В период с 1963 г. по 1965 г. на завод принято 4559 чел., а уволилось 2691, или 59% от количества принятых. Всего же по заводу на 1 января 1965 г. числилось 3601 чел. Следовательно, в течение года уволилась почти треть рабочей силы. Кадровая проблема в это время на заводе обострилась и по причине передачи части квалифицированных кадров на строящийся БрАЗ. Закрепляемость кадров по заводу была одна из самых низких в регионе и значительно уступала среднеотраслевым показателям. Более того, отслеживалась явная тенденция к ее увеличению. Если в 1968 г. текучесть кадров по заводу составила 27,8%, то в 1969 г. она возросла до 37,5% и являлась

самой высокой по отрасли. (РГАЭ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1254. Л. 78–79; БрГА. Ф. 152. Оп. 1. Д. 210. Л. 39.) Поскольку именно на этот период приходится ввод основных мощностей по производству алюминия, проблема такой высокой текучести кадров не могла сказаться как на темпах освоения мощностей, так и на эффективности алюминиевого производства.

Большая часть рабочих увольнялась по собственному желанию. Анализ этой проблемы, проведенный тогда на ИркаЗе, выявил, что 80% увольняются из-за отсутствия жилья. Немаловажной причиной являлась неразвитость социальной инфраструктуры города и завода. В 1963 г. на жилищное строительство в Шелехово планом предусматривалось выделение 450 тыс. р., что могло обеспечить сооружение трех 48-квартирных домов. В то же время объем промышленного строительства составил 22 млн р., то есть расходы на жилищное строительство составляли всего 2% от объемов промышленного строительства. Такой подход к решению острой социальной проблемы не мог способствовать закреплению кадров на заводе. На начало 1963 г. при численности работающих на заводе свыше 2-х тыс. чел. имелся всего один детский сад на 125 мест. В очереди на получение мест в детских садах и яслях числилось в это время более 800 чел. На 26 тыс. жителей Шелехова в городе имелся всего один клуб «Строитель» на 350 мест и один кинотеатр «Юность» на 500 мест. При этом ввод новых производственных цехов требовал увеличения численности работающих на 1300 чел. Темпы возведения гражданских объектов в два раза уступали темпам строительства объектов промышленности (ААШ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 69. Л. 3; ИГАСПИ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 6. Л. 38).

Ситуация не изменилась и в 1966 г. При возведении алюминиевого завода было использовано 83% ассигнований, предусмотренных генеральной сметой, а на жилищное и коммунальное строительство, возведение объектов культурно-бытовой сферы всего 38%. В результате такого отношения к социальной инфраструктуре, в середине 1960-х гг. в Шелехово сложилась тяжелая обстановка с обеспечением горожан жилой площадью и местами в детских дошкольных учреждениях. 1657 семей рабочих ИркаЗа и треста «Иркутскалюминстрой» не имели жилья, 1563 семьи только этих двух коллективов нуждались в расширении жилой площади, 1643 ребенка были не обеспечены местами в садах и яслях. На 1 января 1965 г. в городе не хватало магазинов на 100 рабочих мест, школ на 1800 мест, завод имел всего три детских сада на 380 мест. Большинство общественных учреждений и организаций ютились в жилых зданиях, в них же размещались все партийные и административные органы власти, библиотеки, типография, аптека, почта, телеграф, городская поликлиника и т.д. (Чернова Ю. Молодые города Иркутской области. Канд. дис. Иркутск, 2001. С. 52–53).

Объемы выделяемых средств на жилищное строительство с начала 1960-х гг. оставались примерно на одном и том же уровне, и при

этом постоянно не осваивались. В результате фактический ввод жилья был почти в два раза ниже планируемого (ААШ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 60. Л. 74, 130–132).

Серьезным фактором, сдерживающим строительство жилья и объектов социально-культурного назначения, являлось отсутствие генерального проектного решения застройки, которые бы позволяли логично вписывать возводимое жилье и другие объекты в инфраструктуру городов. Строительство жилья проектировалось отдельными институтами для отдельных заводов. В связи с этим возникали серьезнейшие проблемы ввода в эксплуатацию возводимого жилья и его обслуживания из-за отсутствия общегородских инженерных коммуникаций: водоснабжения, канализации, теплоснабжения, электроснабжения.

Отставание в развитии жилищной сферы объяснялось также неразвитостью материально-технической базы гражданского строительства. Строителями Шелехова было организовано получение производство крупных стеновых панелей из зологазобетона, получаемого из отходов ТЭЦ, а также перлитобетона. Однако качество строительных материалов оставалось невысоким. В Иркутской области в это время было освоено производство только красного кирпича, причем низкого качества. Силикатный кирпич завозился из Читы, Томска, Хабаровского и других областей страны. Производящийся сборный железобетон также выпускался со значительными отклонениями от установленных норм.

Возможности предприятия каким-то образом компенсировать остроту жилищной проблемы за счет явных преимуществ в других областях социальной сферы в середине 1960-х гг. были так же невелики. В основном они сводились к увеличению возможности получения путевок на курорты, в дома отдыха и профилактории. Детям предоставлялись путевки в пионерские лагеря. На ИркАЗе в 1964 г. было выдано рабочим 125 путевок в санатории, столько же в дома отдыха, 345 в профилактории 250 путевок детям в пионерские лагеря.

Не способствовал закреплению кадров и уровень заработной платы на алюминиевых заводах региона. На такие категории работников, как плотники, асфальтировщики, грузчики, работающих непосредственно в электролизном цехе с вредными условиями труда, льготы не распространялись. Электролизники и анодчики, работающие в этом же цехе, имели сокращенный рабочий день и заработную плату на 30–40% выше. Отдельные попытки рабочих инициировать пересмотр заработной платы квалифицировались как «рваческие настроения», «незаконные требования» (Там же. Л. 74, 130–132; ИГАСПИ. Ф. 127. Оп. 73. Д. 20. Л. 46–47). До октября 1975 г. организация нормирования и заработной платы в цехах завода осуществлялась по децентрализованному принципу. Каждый электролизный цех силами работников бюро труда разработал положение об оплате, устанавливал нормы и их расценки, что приводило к разному в расценках за одни и те же работы.

Текучность кадров была характерна не только для рабочих специальностей, но и инженерно-технических. В то же время большое количество специалистов с высшим образованием работало в это время на рабочих местах.

В условиях такого серьезного отставания социальной сферы на заводах пытались опереться на самые различные формы, способствующих не только закреплению рабочих кадров, но и повышению их квалификации.

На ИркАЗе лучшие специалисты завода были сосредоточены в экспериментально-производственном цехе. Опыт работы этого цеха в области организации производства затем переносился на другие участки завода.

В качестве серьезного стимула для закрепления рабочих на производстве рассматривалось повышение их квалификации и образовательного уровня, овладение ими вторых профессий через систему курсов при учебном комбинате завода, а также направление рабочих в школу рабочей молодежи, в техникумы и институты. Руководство производственно-техническим обучением осуществлялось непосредственно главным инженером завода. Производственно-техническое обучение в цехах было организовано в форме бригадно-индивидуального обучения, которое проводили мастера и высококвалифицированные рабочие по совместительству.

Определенное значение имела и профориентационная работа в школах, а также по месту жительства. В 1964 г. на ИркАЗе проходило обучение 95 школьников выпускных классов по специальностям слесари-электрики, лаборанты-физики, лаборанты-химики, из них пять человек остались работать на заводе. Заводской совет содействия организовал шефскую работу коллектива завода над школой г. Шелехов. Непосредственно шефство над классами осуществляли 36 бригад. Шефы бывали в школе, присутствовали на уроках классах, проводили индивидуальную работу с трудными детьми, посещали родительские собрания и семьи учащихся, вели в школах целый ряд кружков, организовывали встречи с передовиками производства. Управлением черной и цветной металлургии СНХ Иркутской области даже доводился план приема на работу выпускников средних общеобразовательных школ до алюминиевых заводов. Так в 1965 г. ИркАЗ должен был принять на работу 15 выпускников, а в 1966 г. — 50 чел. (ААШ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 289. Л. 18)

В 1964 г. администрацией ИркАЗа совместно с Шелеховским городским Советом депутатов трудящихся была проведена работа по выявлению подростков, которые не учатся в школе и не работают. Из числа таких подростков 30 были устроены на завод. Их обучение проводилось в индивидуальном порядке, за каждым подростком закреплялся квалифицированный рабочий. В течение года все они прошли производственное обучение и получили разряды (Там же. Д. 60. Л. 132–139). В основном же кадры готовились на специальных курсах. Из 557 рабочих, подготовленных в 1964 г. на заводе 88,7% были подготовлены через эту форму (Там же. Д. 166. Л. 165). Большое значение наряду с подготовкой рабочих кадров уделялось повышению технического роста инженерно-технических работников. Комплектование инженерно-технических работников

на ИркАЗе проводилось за счет выдвижения молодых специалистов на должности сменных мастеров из числа выпускников Иркутского политехнического института и Иркутского техникума точного машиностроения. Всего на заводе работало в качестве инженеров и техников в 1963 г. 325 чел., из них с высшим образованием только 155 чел. Причем интересно отметить такой факт: около 40% инженеров и техников на заводе были в это время женщины (Там же. Д. 60. Л. 70, 73).

Из числа инженерно-технических работников часть училась в институтах и техникумах. Нередкими были случаи, когда специалисты ИркАЗа серьезно занимались научно исследовательской работой, являлись постоянными авторами журнала «Цветные металлы». В числе последних особенно выделялся в середине 1960-х гг. мастер исследовательской группы экспериментального цеха М.И. Бегунов, работающий над кандидатской диссертацией (Там же. Л. 75–76).

С новой технологий производства часть инженерно-технических работников знакомилась в индивидуальных командировках на других заводах, а также на специально проводимых главком семинарах. Специалисты, наиболее подготовленные в техническом отношении и обладающие организаторскими способностями ставились в резерв на выдвижение.

Отметим также, что на предприятиях алюминиевой отрасли в силу специфики производства большое значение для закрепления кадров имели условия труда. Как следует из отчетов заводов по проблеме кадров, причиной увольнения нередко являлось необеспеченность спецодеждой, а также явное нарушение, либо несоответствие запускаемых производств требованиям промышленной санитарии (Там же. Л. 74, 130–132). Работу в этой области также можно рассматривать как важное условие, способствующее закреплению кадров на предприятиях.

По мере ввода и освоения основных производственных мощностей социальным проблемам труда на алюминиевых заводах стали решаться более успешно. В этот период начинают разрабатываться комплексные программы социального развития заводов. Для работников ИркАЗа и КрАЗа 1979 г. был увеличен районный коэффициент с 1,2 до 1,3, а для металлургов еще и продолжительность отпуска на 8% (РГАЭ. Ф. 386. Оп. 4. Д. 4032. Л. 30).

Наряду с материальным поощрением работников алюминиевых заводов широко применялось и моральное поощрение. Особенно это имело отношение к периоду, когда предприятия после пуска основных цехов могли наращивать производство алюминия в основном за счет улучшения организационных и технико-экономических показателей.

Широкое развитие в этот период получили новые формы получения и расширения экономического образования. При всех своих недостатках и, нередко, формальном подходе эти формы обучения для многих рабочих имели большое значение. Идеино-политическое воспитание являлось действенным средством как в плане закрепления кадров, так и укрепления

производственной и трудовой дисциплины. В рамках этих школ рабочие приобретали как чисто политэкономические, так и технические знания.

С середины 1970-х гг. серьезную роль в вопросах социального обеспечения трудящихся стали играть подсобные хозяйства заводов. Созданы они были, как правило, еще в начале 1960-х гг., но серьезные вложения в них тогда не осуществлялось. Однако к середине 1970-х гг. продукция подсобных хозяйств приобрела важную роль в развитии системы общественного питания на заводах, а также профилакториях, домах отдыха, ведомственных детских садах, пионерских лагерях.

В совокупности принятые меры позволили подготовить костяк основных кадров для алюминиевого производства в условиях серьезного отставания строительства жилья от роста производственных мощностей. В то же время текучесть рабочей силы по ИркАЗу и в конце 1970-х гг. продолжала оставаться очень высокой. В 1976 г. она составила 27%, а в 1977 г. возросла до 31,9% (Там же. Д. 1997. Л. 63).

Таким образом, высокая текучесть кадров на протяжении исследуемого периода являлась серьезным фактором, сдерживающим как наращивание производственных мощностей, так и повышение эффективности алюминиевого производства. В то же время к концу 1970-х гг. основной костяк производственных кадров на заводах сложился. В отчетах завода в той части, где характеризуется высокая текучесть кадров, неоднократно отмечалось, что в основном она имеет отношение к рабочим, не проработавшим на заводах более года. В любом случае такой постоянный недокомплект рабочей силы не мог не стать сдерживающим фактором алюминиевого производства.

Т. В. ШАШКОВА

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА ТВОРЧЕСКИХ СОЮЗОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930–1960-х гг.

Финансовая деятельность творческих организаций в 1930–1960-х гг. осуществлялась согласно сметы, утвержденной отделом искусств в которой были расписаны расходы и предполагаемые суммы затрат. Материальная база союзов, помимо бюджетных ассигнований государственных органов, формировалась из вступительных и ежегодных членских взносов, субсидий советских учреждений, доходов от хозяйственной деятельности и предприятий, принадлежащих творческим организациям. Средства поступали также от погашения ссуд членами и кандидатами союзов. Кроме того, в целях содействия творческой деятельности союзов, а также улучшения их материально-бытового положения были созданы специальные фонды: Художественный фонд — у художников, Музыкальный фонд — у композиторов, Литературный — у писателей и пр. Эти источники обеспечивали покрытие расходов на содержание административного ап-

парата творческих организаций, ведение бухгалтерской работы, хозяйственной деятельности, культурно-массовой работы, на приобретение материалов, а также на развитие социально-бытовой сферы (ведомственное жилье, поликлиники, автотранспортные базы, дома творчества, дачи, пионерские лагеря, детские сады и т.п.). Дополнительно существовал ряд затрат, связанный со спецификой деятельности каждого Союза в отдельности. В частности, ССХ финансировал работу студии самоучек, организацию выставок, контрактацию художников. Интересной является информация о том, что в 1949 г. Иркутское ССП уплачивало в государственный бюджет налог с холостяков и м/детных в сумме 51 р. 98 к.

С начала своего образования творческие союзы испытывали дефицит средств. Об этом свидетельствуют обращения их представителей с жалобами в вышестоящие инстанции. В письме литактиву писатели жаловались на «невнимательное и пренебрежительное отношение», которое выражалось в том, что «отделение ССП не имеет самостоятельного бюджета и существует на случайные средства». (ГАНИИО, ф. 2862, оп. 1, д. 10, л. 30) На приеме у первого секретаря Иркутской области Качалина в 1939 г. члены Союза художников утверждали, что финансирование их организации осуществляется по остаточному принципу. К примеру, в 1935 г. крайоно ассигновало дотацию 10 тыс. р., было отпущено только 6 тыс. р. В 1936 г. — 7500 р., а отдел искусств отпустил только 3300 р. (ГАНИИО, ф. 2802, оп. 1, д. 17, л. 11). Несмотря на требования, предъявляемые к представителям интеллигенции, материально-бытовые условия, в которых проходила деятельность, были неудовлетворительными, что отражалось на качестве работы. Вплоть до 1950 г. союзы не имели собственного помещения. Так, в 1939 г. отделение ССП было выселено из помещения — одной комнаты во Дворце Труда, без ведома и согласия писателей. Рукописи были свалены в кучу в коридоре, в результате чего, часть была испорчена. В ССХ была аналогичная ситуация. За отсутствием выставочного зала, своевременного финансирования, выставки часто срывались. К примеру, в 1940 г. была приготовлена выставка, посвященная 32 годовщине Октябрьской революции. Но за отсутствием помещения она не состоялась. Война усугубила финансовое положение союзов. С началом боевых действий ассигнования на культуру снижаются, но по мере освобождения страны от оккупации, государство увеличивает денежные поступления. А.Г. Зверев в книге «Государственные бюджеты Союза ССР 1938–1945 гг.», отмечает, что ассигнования на социально-культурные нужды по краям и областям Сибири в целом, так и в Иркутске в частности, сократились в 1942 г. по сравнению с 1941 г. на 32%. Несмотря на то, что основная идеологическая работа среди населения проводилась творческими организациями, именно здесь с осени 1941 — вплоть до 1943 г. сложилось тяжелое положение с материальной базой, где остро стояли вопросы освещения, отопления и пр. В частности, в Союзе писателей ощутимо сказалось снижение финансирования на творческую работу. В 1942 г. Президиум ССП СССР,

поставил перед писателями задачу: «дать фронту сказки, сказы, песни, частушки, пословицы, поговорки, т.е. наиболее доходчивые до широких масс бойцов жанры художественного творчества». (Там же, оп. 1, д. 23, л. 53). Предлагалось также активизировать работу народных поэтов (сказителей, акынов, ашугов), организовать собрание фольклора периода отечественной войны, привлечь писателей к работе в жанре народной поэзии и прозы на темы фронта и тыла. На что Кунгуров отвечал: «Дать заказы писателям и сказителям не имеем возможности. У нас нет финансовых возможностей организовать поездки к крупнейшим сказителям Восточной Сибири, нет средств на организацию переводческой работы. Местный Огиз не имеет средств на эти мероприятия». (Там же, л. 54). Отмечалось так же, что нет возможности не только поощрения собирателей и переводчиков, но и возможности реализовать лучшую продукцию. Кроме того, остро ощущалось отсутствие самого необходимого — бумаги, поскольку наряду с творческой работой над произведениями, писатели вели широкую консультативную работу с начинающими писателями области.

С первых и до последних дней войны государство хронически испытывало дефицит средств на оборонную промышленность и снабжение армии. Перед интеллигенцией была поставлена задача улучшения качества работы с целью пополнения бюджета. Поэтому с начала войны до ее завершения союзы были активными участниками выполнения военно-хозяйственных планов: о сборе теплых вещей и белья для Красной Армии, о помощи раненым бойцам и командирам, о создании хлебного фонда, сборе средств на строительство танковых колонн и авиаэскадрилий. Проводили сбор и сдачу детской обуви и одежды для эвакуированных детей, сбор художественной литературы для госпиталей в освобожденных районах. Кроме того, творческие организации оказывали помощь эвакуированным специалистам, заботились о семьях фронтовиков. Но, важно обратить внимание на тот факт, что суммы отчислений были различны, зависели от категории заработной платы, количества работников в учреждениях, эффективности агитационной работы в коллективе. По мере преодоления страной послевоенного экономического спада, финансирование союзов увеличивается. Активная пропаганда идеологической политики государства союзами становятся залогом возможности получения дополнительной финансовой поддержки.

Можно выделить несколько методов симулирования труда, которые были распространены в работе союзов в период их деятельности:

1. Соцсоревнование, которое проводилось с целью повышения качества издаваемых произведений искусства и литературы.

2. Административные наказания. Данный метод особенно ярко проявился в период военного времени. Административные наказания не редки были и после войны. Выражались в основном в переведении членов в кандидаты, либо исключении из Союза.

3. Введение нормированной системы и льготного обеспечения работников науки, искусства и литературы во время войны, поскольку «каким бы ни было эффективным идеологическое влияние специалистов культуры, плодотворно они могли работать будучи одетыми, обутыми, сытыми». (Щербинин М.Ф. *Культура Сибири в годы Великой Отечественной войны*. Иркутск: Издательство Иркут. пед. ин-та, 1996. С. 62). 9 марта 1942 г. Наркомторг СССР издал приказ № 37 о порядке улучшения снабжения работников науки, искусства и литературы. Суть этого приказа заключалась в том, что, вышеперечисленные представители интеллигенции были приравнены к I и II категории лимитного питания. Для них организовывались столовые закрытого типа, буфеты, дополнительно выдавались кофе, шоколад. В то же время, как отмечает М.Ф. Щербинин в монографии «Культура Сибири в годы Великой отечественной войны», в рассматриваемый период в выполнении решений о снабжении работников культуры пайками и отвариванием карточек, выдаче зарплаты не только наблюдались сбои, но и существовала проблема неодинакового положения различных групп работников культуры, связанная с учетом полезности работников, включая и доступ к материальным благам. К примеру, в отчете за 1943 г. председатель правления Союза художников Томиловский отмечал, что: «снабжение художников стоит на последнем месте среди работников искусств, артисты театров, писатели, композиторы, музыканты благодаря особому к ним вниманию местного отдела искусств имеют областное лимитное продовольственное снабжение, столовую СП-6, тогда, как ни один из художников Союза не включен на лимитное снабжение в эту столовую» (ГАНИИО, ф. 2802, оп. 1, д. 34, л. 157).

4. Методы агитации и пропаганды. Не имея возможности стимулировать работу интеллигенции материально сверх установленных окладов, акцент делали на идеологические методы воздействия. С этой целью работников культуры привлекали в систему политучебы.

5. Материальное поощрение, которое выражалось в выдаче безвозвратных пособий, премий, организации командировок, наделении жилплощадью.

6. Присуждение Сталинских премий.

7. Распространенным явлением в работе союзов было объявление конкурсов на создание лучшего произведения, победители которых получали денежное вознаграждение.

В итоге важно отметить, что союзы со времени образования испытывали дефицит средств, несмотря на внебюджетные доходы. Данное положение усугубилось начавшейся войной, когда сокращаются ассигнования на культуру. В послевоенное время наблюдается тенденция увеличения финансирования на социально-культурные нужды союзов. С целью повышения качества труда использовались разнообразные методы стимулирования работы членов союзов: соцсоревнование, административные наказания, методы агитации и пропаганды, и пр.

О ВОПРОСАХ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МТС НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1941–1945 гг. (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТИИ И ХАКАСИИ)

Война крайне тяжело отразилась на состоянии производительных сил сельского хозяйства Восточной Сибири. Прежде всего, это было вызвано существенным ослаблением материально-технической базы МТС. Наряду с сокращением машинно-тракторного парка МТС большие изменения произошли в составе и численности механизаторских кадров. Подавляющее большинство опытных механизаторов, руководителей колхозов и МТС, специалистов сельского хозяйства было призвано на фронт. В связи с этим цель настоящего сообщения заключается в изучении основных вопросов производственной деятельности МТС национальных районов Восточной Сибири, на примере МТС Бурятии и Хакасии.

Как известно война отвлекла от сельскохозяйственного производства значительные материально-технические ресурсы: трактора, автомашины и т.д. В основном на фронт была отправлена мощная гусеничная техника, а остались трактора и автомашины, старых образцов, требующие капитального ремонта. Например, перед началом войны в 31 МТС Бурят-Монгольской АССР имелось 1650 тракторов, что в переводе на условный 15-сильный трактор составляло 2300 тракторов. За период с 1 июня 1941 г. по 1 июня 1944 г. из тракторного парка республики выбыло в РККА, другие организации, а также в связи с актами по амортизации и выбраковке — 220 тракторов. Всего для нужд РККА было мобилизовано 16,8% от общего числа тракторов МТС. Вместе с тем в оставшемся машинно-тракторном парке часть машин была законсервирована и участия в работе не принимала, так как не хватало запасных частей и деталей к ним.

К примеру, в 1941 г. МТС республики из 500–600 наименований деталей нужных для ремонта тракторов ввозили максимум 10–12; все остальные изготавливались на месте. В целом сокращение тракторного парка на 1 июня 1944 г. по сравнению с 1941 г. выразилось в 262 тракторах, что составило 18% от их общего числа. Таким образом, на июнь 1944 г. МТС республики располагали 1380 тракторами, способными принять участие в сельскохозяйственных работах в 1944–1945 гг. Следует отметить, что значительное уменьшение тракторного парка, а также конного поголовья с одновременным расширением обрабатываемых площадей и введения, новых более трудоемких культур (сахарная свекла, технические культуры), значительно повысило нагрузку, как на механическую, так и на живую тягловую силу (НАРБ, ф.Р-1145, оп. 1, д. 99, л. 1–2). В Хакасии на 1941 г. существовало 9 МТС, однако к концу войны их число возросло до 14. В предвоенный 1940 г. 9 МТС области располагали 868 тракторами, а в 1945 г. их количество составило 853 трактора (Хакасская автономная

область в цифрах // Записки ХАКНИЯЛИ. Вып. VI. Абакан, 1958. С. 165; Очерки истории Хакасской областной партийной организации КПСС. Красноярск, 1987. С. 169).

Мобилизация в армию вызвала резкое сокращение числа механизаторских кадров. На смену, ушедших на фронт механизаторов началась активная подготовка новых кадров трактористов, комбайнеров, шоферов и т.д., в основном из числа женщин. При этом преследовались две цели — ускорить и вместе с тем удешевить подготовку механизаторов. Соответственно сроки подготовки пришлось сократить в четыре-шесть раз: трактористов готовили за 25 дней вместо четырех месяцев; комбайнеров — за 35 дней вместо пяти-шести месяцев. Так, в Бурятии только в июле–августе 1944 г. из числа женщин и не военнообязанных мужчин было подготовлено 1622 чел. тракториста, в том числе 1207 женщин и 315 комбайнеров, из которых женщины составляли 225 чел. В Хакасии в 1941 г. подготовку на курсах прошли 1085 трактористов, 640 комбайнеров и 285 механиков, при этом большую часть представляли женщины. Уже в 1942 г. женщины трактористки составляли почти 40% от общего количества трактористов области, а женщины-комбайнеры — около 50%. Только в Хакасской МТС в начале войны 97 женщин и девушек овладели профессией комбайнера и тракториста. В Аскизском районе на курсах трактористов обучалось 134 чел., из них 78 женщин и девушек (НАРБ, ф.Р-1145, оп. 1, д. 149, л. 19; Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С. 204). После того как краткосрочная система исчерпала свои функции, подготовка кадров вновь сосредоточилась на курсах основного типа и школах механизации. Однако работа последних часто не соответствовала предъявляемым требованиям. Например, в Хакасии чтобы восполнить дефицит квалифицированных кадров МТС в течение зимнего периода 1943 г., на курсах МТС должно было обучаться 800 трактористов.

Однако фактически на курсах проходило обучение 700 чел. Такая ситуация с подготовкой кадров была обусловлена как объективными, так субъективными обстоятельствами. Наглядным примером являлась работа областной школы механизации, образованной в марте 1943 г. Несмотря на высокую потребность в подготовке кадров механизаторов, школа механизации не справилась с поставленными перед ней задачами. Среди причин обусловивших некачественную подготовку механизаторов отмечались следующие: отсутствие наглядных пособий, учебников по изучению материальной части тракторов ХТЗ, недостаток инструментов по слесарному делу, неисправное состояние машин для практических занятий, не укомплектованность учебного процесса преподавателями, плохие бытовые условия проживания курсантов и организации общественного питания и т.д. В итоге на 1 января 1944 г. в областную школу механизации прибыло на учебу вместо 180 комбайнеров и механиков 40 чел., а из запланированных 120 трактористов только 14 чел. (Забыли о школе

механизации // Советская Хакасия. 1943. 28 окт.; Еще раз об областной школе механизации // Советская Хакасия. 1944. 1 янв.).

В некоторых МТС Хакасии к подготовке механизаторских кадров также подходили как к второстепенному делу. Это относилось к работе таких МТС, как Горьковская, Оракская и Боградская, где курсы по подготовке механизаторов были полностью не укомплектованы. Особенно низкое качество учебы на курсах отмечалось в Ново-Михайловской и Горьковской МТС. В частности, указывалось, что преподаватели часто проводили занятия без конспектов, излагали материал поверхностно, без глубокого анализа. Кружковая работа ни в одной МТС не велась. Опытные трактористы с молодыми не занимались, а руководители некоторых МТС придерживались мнения о нецелесообразности работы кружков технической учебы (По-боевому готовить механизаторские кадры // Советская Хакасия. 1943. 10 дек.). По отдельным МТС такая ситуация продолжала оставаться вплоть до 1945 г. В качестве примера, можно привести организацию курсов при Оракской МТС. Среди основных недостатков организации учебного процесса здесь указывались, такие как отсутствие общежития и общественного питания, плохо поставленная массово-политическая работа, частые нарушения учебной дисциплины со стороны курсантов, т.е. прогулы и опоздания. Хотя прогульщики на курсах и школах механизации по закону привлекались к уголовной ответственности.

В Бурятии за первый год Отечественной войны в школах механизации, на курсах при МТС, и в порядке индивидуального обучения было подготовлено 2259 трактористов из них 1444 женщины. В июне 1942 г. на курсах комбайнеров при школах механизации училось 380 чел., в том числе 290 женщин. В марте 1944 г. обучалось 76 бригадиров тракторных бригад и 1184 тракториста. К началу весенних полевых работ 1945 г. было подготовлено в школах механизаторских кадров и на курсах при МТС 904 тракториста, 41 бригадир тракторных бригад, 108 ремонтных рабочих и прошли переподготовку 1183 тракториста (Золотов А.К. Бурятия в годы Великой Отечественной Войны (1941–1945 гг.). Улан-Удэ, 1963. С. 70–71).

Другой проблемой было сокращение технического парка МТС. Ввиду изношенности машин, низкой квалификации механизаторов и крайней ограниченностью ремонтной базы самым узким местом МТС оказался не только недостаток тракторов и комбайнов, сколько их неисправное техническое состояние, приводившее к частым поломкам и авариям. Так, в Бурятии простаивал каждый 3–4 трактор. Слабая ремонтная база, отсутствие запасных частей и инструментов неизбежно вели к примитивному уровню ремонтных работ. В «погоне» за плановыми показателями некоторые директора МТС указывали в сводках о ремонте тракторов фальсифицированные данные. Например, проверкой было выявлено, что директор Селендумской МТС тов. Дармаев систематически представлял в Наркомзем неверные данные о ремонте тракторов. На 1 марта

1943 г. в МТС Бурятии было «отремонтировано» 45% тракторов (НАРБ, ф.р-1145, оп. 1, д. 155, л. 2; Базаржапов В.Б. Крестьянство Бурятии в годы Великой Отече-ственной войны. Улан-Удэ, 1996. С. 17).

В годы войны существенно снизилась выработка на один условный трактор. Это привело к тому, что план тракторных работ по национальным районам Восточной Сибири из года в год не выполнялся. По Бурятской АССР объем тракторных работ, уменьшился с 710,1 тыс. га (1940 г.) до 307, 5 тыс. га (1942 г.). Средняя выработка на трактор в МТС республики в 1942 г. резко упала и составила всего 140 га мягкой пахоты. Уровень механизации сельскохозяйственных работ снизился к концу 1944 г. с 43,1% до 34,5%. Общий объем заготовок за 1940 и 1945 гг. по объективным причинам сократился в Бурятии более чем в 3 раза, а выплата по договорам за работу МТС — более чем в 5 раз. Таким образом, если перед войной заготовки по линии натуральной оплаты даже несколько превышали обязательные поставки, то в 1945 г. они уступали им почти на 35%.

В Хакасии МТС план тракторных работ за 1940 г. выполнили 91,9%. За годы войны средняя выработка на трактор снизилась с 355 га в 1941 г. до 183 га в 1943 г. К 1 августа 1943 г. МТС области годовой план тракторных работ выполнили лишь на 37%. Из 647 тракторов имеющихся в МТС фактически работало не более одной десятой части. Комбайновый парк также не приступил к работе в запланированные сроки. Из 469 комбайнов МТС было отремонтировано 292, а на уборке работало только 3 комбайна. В итоге резко сократилась выработка на 15 — футовый комбайн, которая в 1942 г. составляла 113 га, 1943 г.- 78 га, 1944 г. — 70 га. В целом в 1944 г. посевная площадь осталась на уровне 1943 г., т.е. около 160 тыс. га, а план тракторных работ выполнен на 77,3%. Из 14 МТС план выполнили только две, при этом выработка на трактор составила 211 га, вместо 290 га.

В заключение следует отметить, что перед МТС с первых дней войны возникла масса вопросов, требующих немедленного разрешения. Первостепенное значение приобрела подготовка механизаторских кадров — трактористов, комбайнеров, бригадиров тракторных бригад, шоферов и т.д. В связи с резким сокращением материально-технической база МТС и ухудшением состояния, оставшейся в хозяйствах техники встал вопрос о поддержании работоспособности машинно-тракторного парка МТС. В условиях острой нехватки запасных частей и деталей сделать это было крайне сложно. Несмотря на то, что в годы войны произошло существенное уменьшение посевных площадей, ухудшение качества обработки, а также сокращение численности механизаторских кадров, МТС сумели, хотя и не в полном объеме, выполнить возложенные на них задачи. Снижение механизации сельскохозяйственных работ, резкое увеличение рабочей нагрузки на трактора, сельскохозяйственные машины и механизмы и т.д. было характерно для всех районов Восточной Сибири.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ НАУКА СИБИРИ В 70-е гг. XX в.: СОСТОЯНИЕ, ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПРОИЗВОДСТВОМ

Возрастание роли науки в общей стратегии дальнейшего народнохозяйственного освоения Сибири в 1970-е гг. вызывалось не только необходимостью социально-экономического развития региона, более масштабными, чем в 1950-е гг. задачами индустриального роста ее производительных сил, но и особой важностью роли сельскохозяйственного производства в жизни общества.

С этой целью в рассматриваемый период шел заметный процесс роста научного потенциала региона, происходили не только количественные, но и структурные изменения в сети сельскохозяйственных исследовательских учреждений: вместо опытных станций создавались НИИ, их филиалы, укреплялась производственная и опытно-экспериментальная база. При этом ведущим научно-исследовательским центром сельскохозяйственной науки в Сибири было СО ВАСХНИЛ, в составе которого в конце 1970-х гг. уже насчитывалось более 130 организаций и учреждений, в том числе: 24 НИИ, 14 зональных институтов, 14 опытных станций, 2 госселекционные станции, 7 конструкторских бюро (НАТСО ВАСХНИЛ. Оп. 1. Д. 512. Л. 2).

В то же время, практика не доказала прямой связи количественного роста числа научных учреждений и повышения эффективности их работы, заметного влияния ученых на развитие сельского хозяйства Сибирского региона. Сказанное в определенной степени объяснялось упущениями и в кадровой политике, что негативно влияло на укрепление творческого взаимодействия науки с производством. Если, например, в 1970 г. по СССР на одного работающего доктора наук приходилось 32 работника без ученой степени, то в Сибири — 67. Кроме того, и научные кадры распределялись неравномерно по районам Сибири: из 45,7% всех ученых сельскохозяйственного профиля в Новосибирске работали 14,5%, Красноярском крае — 18,2%, в Омске — 13,1%, а в Иркутской области и того меньше (Главатских А., Клименюк В. // Земля сибирская, дальневосточная. 1973. № 2. С. 57–58).

Слабую реализацию партийно-правительственных установок, низкое финансирование, разрыв слова и дела в подготовке кадров, особенно докторов наук, подтверждают данные по Сибирскому отделению ВАСХНИЛ. На конец 1970-х–начало 1980-х гг. среди научных работников доктора наук составляли всего 2%. Из 425 заведующих отделами и лабораториями НИИ докторов наук было всего 18, кандидатов наук — 314, без ученой степени работало 93 человека. Еще хуже было положение с этой категорией руководящих научных работников в государственных опытных станциях, где из 116 заведующих не было ни одного доктора наук, а

кандидатов наук было всего 43 чел., остальные научные отделы и лаборатории возглавляли сотрудники без ученой степени. По нашим подсчетам доктора наук среди научных и научно-педагогических работников СО ВАСХНИЛ в это время составляли в области сельскохозяйственных наук 0,6%, экономических — 1,6%, технических — 1,2%, биологических — 1,8%, ветеринарных — 3,2% (НАТСО ВАСХНИЛ. Отдел планирования и координации НИР президиума. Оп. 1. Д. 580. Л. 13, 14, 16).

Заметим, что в целом в отраслевых научных организациях региона доктора наук составляли только 13%. Имея по сравнению с СО АН СССР в 3 раза больше кадровый потенциал, эти коллективы располагали втрое меньшим числом докторов наук (Евсеев А.В. Методические проблемы целевой ориентации научно-технического прогресса региона. Новосибирск, 1987. С. 58). В этом еще одна из многих причин низкой результативности отраслевой, в том числе и сельскохозяйственной науки в Сибири.

В то же время, не видеть положительных сдвигов в направлении развития сельскохозяйственной науки, укрепления ее взаимодействия с практикой в 1970-е гг. было бы несправедливо. Тем более, что в изучаемый период принимались меры (не без влияния органов власти как в центре, так и на местах) в направлении улучшения руководства планированием, координацией НИР, укреплении взаимодействия ученых с тружениками села, специалистами колхозов и совхозов. При этом основные усилия сосредоточивались на разработке наиболее значимых проблем, связанных с межхозяйственной специализацией и концентрацией, агропромышленной интеграцией, экономикой и организацией сельскохозяйственного производства, растениеводства, кормопроизводства, животноводства, механизации и электрификации сельского хозяйства.

В целях укрепления творческого взаимодействия научных работников с предприятиями сельского хозяйства утвердилась практика заключения договоров, подведения итогов совместной работы ученых НИИ и специалистов села, изучался и обобщался опыт лучших научных подразделений, колхозов и совхозов по повышению урожайности сельскохозяйственных культур с учетом природно-климатических особенностей регионов; вырабатывались совместные рекомендации по улучшению плодородия почв; ведению животноводства; обеспечению роста эффективности сельскохозяйственного производства в целом. Проводились и зональные семинары ученых и специалистов села, производственные и координационные совещания, всесоюзные и региональные конференции, посвященные обсуждению насущных проблем дальнейшего роста сельскохозяйственного производства Сибири. Все это подтверждает расширение и углубление связей науки и практики.

Были и немалые результаты совместной работы ученых и специалистов села. Скажем, по итогам 1971–1975 гг. учеными СибНИИСХОЗа колхозам и совхозам было предложено 13 новых сортов сельскохозяйственных культур. При активной поддержке специалистов села была внедрена в

практику рациональная система выявления, формирования и реализации высококачественных партий пшеницы (авторы: ученые Ю.В. Колпаков, С.С. Синицын, директор совхоза «Розовский» И.А. Назаров). С учетом этих и других факторов только за 5 лет хозяйства Омской области сдали государству 4168 тыс. т высококачественной пшеницы ценных и твердых сортов. Дополнительная плата за это составила 68,8 млн р. (ООЦДНИ. Ф. 1881. Оп. 4. Д. 78. Л. 1–4).

Важно отметить и работу Сибирского отделения ВАСХНИЛ, возглавляемого акад. И.А. Синягиным и П.Л. Гончаровым, по подготовке целевых программ: «Агрокомплекс Сибири и Дальнего Востока», включающий подпрограммы: «Зерно», «Корма», «Овощи», «Молоко», «Мясо», долгосрочных программ до 2000 г., предусматривающих разработку схем рациональной специализации, размещения и концентрации производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции по автономным республикам, краям и областям не только Сибири, но и Дальнего Востока.

Влияние науки, в комплексе с другими мерами, предпринятыми партийными, советскими, сельскохозяйственными органами и министерством положительно сказались на улучшении ведения сельского хозяйства региона, увеличения его продукции. В Красноярском крае, например, среднегодовой объем валовой продукции за 1976–1979 гг. к уровню 1970 г. составлял 135,7%, в том числе производство овощей возросло на 44%, картофеля — на 6%, а мяса — на 45%. В Бурятии среднегодовое производство мяса увеличилось за названный период на 2,6 тыс. т, молока на 4,7 тыс. т, шерсти на 312 т (Красноярский рабочий. 1979. 15 дек.; Правда Бурятии. 1980. 18 янв.).

Однако подобные успехи были не повсеместно. Результативность сельскохозяйственной науки в рассматриваемый период оставалась все же низкой, поскольку она не стала действенным рычагом в подъеме производства, непосредственной производительной силой на селе. Продолжала иметь место оторванность некоторых научных учреждений от насущных потребностей колхозов и совхозов, решения назревших задач подъема их производства, что в комплексе с другими причинами сдерживало получение лучших результатов работы ученых, способствовало существованию немалого числа неэффективных лабораторий, опытных станций, НИИ. Например, Тулунской селекционной станцией за 1970-е гг. не было выдано селу ни одного сорта пшеницы, картофеля и кормовых культур. Учеными и специалистами сельского хозяйства Бурятской АССР, Алтайского края, Иркутской области безрезультативно «велась борьба» с ветровой эрозией, которая наносила большой ущерб народному хозяйству. Только в Иркутской области он составлял ежегодно около 5 млн р. (Восточно-Сибирская правда. 1980. 20 мая; Там же. 1981. 15 июля).

Важно заметить еще один недостаток, касающийся низкой результативности сельскохозяйственной науки региона по причине слабого взаимодействия с производством. Если в 1971–1973 гг. среднегодовой рост

производства сельскохозяйственных продуктов РСФСР составлял 10,5%, то в большинстве районов Сибири он не превышал 3,8–5,4%. Спрос на овощи, молоко и мясо за счет собственного производства удовлетворялся здесь только на 51–78%. Хотя и эти цифры можно подвергать сомнению. Другой пример. Если в начале 1960-х гг. доля Западной и Восточной Сибири в продуктах сельского хозяйства составляла примерно 9%, то в начале 1970-х гг. она понизилась до 7,5–8,0% (Можин В.П. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. общественных наук. 1971. Вып. 2. № 6. С. 50).

Мешали успешному внедрению достижений науки в производство бюрократизм, ведомственность, многие иногда незначительные согласования. Так, показателям и нормативам, которыми надлежало руководствоваться при планировании производства в учете и отчетности в той или иной мере было посвящено около 700 предписаний, содержащихся только в актах высших органов власти и управления СССР. По вопросам прав министерств, госкомитетов СССР и Совета Министров союзных республик в области науки и техники действовало также свыше 700 актов (XXVII съезд КПСС и организационно-правовые вопросы ускорения научно-технического прогресса промышленности. Киев, 1988. С. 79–80).

Сказанное дает основание говорить о глубоком проникновении во все сферы производства и научной деятельности бюрократизма, волокиты, «бумаготворчества», что не позволяло своевременно внедрять законченные научные разработки в практику как сельского хозяйства, так и промышленности. Это не смотря на многочисленные документы партийно-советских органов. По нашим подсчетам только за 1965–1980 гг. проблемы науки и ее связи с производством нашли отражение в решениях 76 Пленумов и Постановлений ЦК КПСС и СМ СССР (Подсчитано по: В.И. Ленин, КПСС о развитии науки. М., 1981).

О.В. ЯЩЕНКО

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ 1965 г.

Экономическая реформа, начавшаяся в 1965 г., имела достаточно глубокие исторические корни. Она вызревала в недрах, так называемой, совнархозовской реформы. Еще в 1956г. высказывались идеи экономической реформы, но условия для их реализации в то время еще не созрели (Мау В.А. В поисках планомерности. М.: Наука, 1990. С. 100).

Читинский совнархоз, созданный летом 1957г., представлял собой областной территориальный орган управления промышленностью и строительством. В его аппарате в различные годы существовали 11–13 функциональных отделов и 3–5 отраслевых управлений (Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. М.: Наука, 2005. Т. 4. С. 331). Веду-

щим в Читинском совнархозе являлось Управление цветной металлургии и горнодобывающей промышленности, что было связано с профилирующим положением этих отраслей в Восточном Забайкалье. Однако, в отличие от других СНХ (например, Иркутского и Красноярского) первоначально не были образованы Управления металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. Пять машиностроительных предприятий, расположенных на территории области и Петровск-Забайкальский металлургический завод находились в непосредственном подчинении Читинского СНХ. Такая же ситуация складывалась и с предприятиями лесной и пищевой промышленности — они управлялись через трест лесной и деревообрабатывающей промышленности, трест мясной промышленности. Угольная промышленность управлялась через трест «Забайкалуголь». Лишь в сентябре-октябре 1957 г. были образованы, соответственно, Управление пищевой и легкой промышленности и Управление машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности и энергетики (Мерцалов В.И. Реформа хозяйственного управления 1957–1965 гг.: предпосылки, ход, итоги (на материалах Восточной Сибири). Иркутск, 2000. С. 168–169).

В ведении Читинского СНХ (он просуществовал до 1963 г.) находилось 350 сравнительно крупных предприятий, на которых работало около 110 тыс. рабочих и служащих. В области было мало предприятий с законченным производственным циклом. В горнорудной промышленности преобладало производство сырья или концентратов, которые вывозились для переработки в другие экономические районы (Очерки истории областной партийной организации КПСС. Чита-Иркутск, 1975. С. 399). Поэтому главными задачами Читинского СНХ стало улучшение отраслевой структуры промышленности области и создание предприятий с законченным циклом производства.

Проводилась реконструкция машиностроительных предприятий, Читинский электромеханический завод был преобразован в машиностроительный завод (Указ. соч. С. 401). Читинский совнархоз, проектируя промышленные предприятия и создавая социальную инфраструктуру, стремился к комплексному подходу в решении проблем размещения промышленного производства.

По разнообразию, запасам и ценности полезных ископаемых Читинскую область того времени можно считать одной из богатейших провинций страны — на ее территории находились разведанные запасы меди — 40% от запасов по РСФСР, молибдена и титана — 25%, вольфрама, плавикового шпата, редких металлов (Партийный архив Читинской области (ПАЧО), ф.ПЗ, оп. 10, д. 21, л. 325). Однако уровень себестоимости концентратов и промышленных продуктов: вольфрама, олова, молибдена, свинца, а также угля и электроэнергии был очень высок, что приводило к нерентабельности работы горнорудных предприятий Восточного Забайкалья. Энергетическая база была представлена мелкими электростанциями. Их насчитывалось

1186 единиц, а суммарная мощность составляла лишь 273 тыс. кВт (Там же). Одной из основ повышения рентабельности промышленности области стала ликвидация нерентабельно работающих предприятий. К ним принадлежали предприятия, производящие вольфрамовый концентрат. Они были полностью ликвидированы, так как себестоимость их продукции превышала оптовые цены в 1,8 раза, а на рудниках «Букачача» и «Антонова Гора» Шерловогорского горно-обогатительного комбината — более чем в 2 раза (Мерцалов В.И. Указ. соч. С. 101). По этим же причинам произошло снижение производства олова с 732 т. в 1957 г. до 415 т. В целом по области было ликвидировано 7 горнорудных предприятий (ПАЧО, ф.ПЗ, оп. 10, д. 43, л. 30).

Обком и Читинский СНХ неоднократно обращались в ЦК КПСС, Совмин и Госплан РСФСР с просьбами об оказании помощи в переводе предприятий на рентабельную работу. Перелом произошел в 1959 г. после обсуждения отчета Читинского СНХ о его деятельности в Совмине РСФСР. По решению правительства Госплан направил в Читинский экономический район группу специалистов. Их работа подтвердила возможность увеличения производства продукции промышленностью совнархоза за годы семилетки в 2,5 раза, а по сравнению с 1960 г. — в 2,2 раза (Мерцалов В.И. Указ. соч. С. 89).

В 1963 г. произошло укрупнение СНХ. Его основной целью было сокращение управленческого аппарата и создание новых отраслевых управлений. Итогом укрупнения стало создание Восточно-Сибирского СНХ. В его состав вошли бывшие Иркутский, Бурятский и Читинский совнархозы. В этом же году промышленность области стала рентабельной.

За время существования территориальной системы управления промышленностью и строительством выявилась определенная эффективность совнархозовской деятельности. Прежде всего, это переход промышленности области, в целом, на рентабельное производство. Развивались межрайонные производственные связи, проводились работы по специализации. В период существования совнархозов новую специализацию получил ряд машиностроительных предприятий Восточного Забайкалья (Дарасунский механический завод был преобразован в завод горного оборудования, осуществлялась предметная специализация Читинского станкостроительного завода) (Там же. С. 112). Происходило объединение мелких родственных предприятий, например, объединение предприятий стройиндустрии и строительных материалов Читы в производственное объединение «Читастройдеталь». До объединения (в 1963 г.) эти предприятия имели 600 тыс. р. убытков, а за 8 месяцев работы нового объединения оно стало рентабельным и дало 556 тыс. р. экономии (Очерки истории Читинской областной организации КПСС. Чита-Иркутск, 1975. С. 447). Были введены в эксплуатацию новые крупные промышленные предприятия: Тассеевский комплекс золотоизвлечения, Шерловогорская обогатительная фабрика и карьер, рудник Акатуй,

заводы силикатного кирпича и крупнопанельного домостроения в Чите, Шерловогорская и Приаргунская ТЭЦ, Ленинский леспромхоз.

Однако с течением времени в управлении промышленностью стали проявляться и недостатки. Одним из главных было то, что руководство отраслями промышленности, ранее представлявшее собой единое целое в техническом отношении, оказалось раздробленным. Нарушение отраслевого принципа привело к тому, что значительная часть предприятий осталась без территориально-отраслевой связи. Примером может служить Сретенский судостроительный завод. Он был единственным предприятием судостроения в Восточно-Сибирском совнархозе. Чтобы окончательно не подорвать его работу, ВСНХ был вынужден принять решение о передаче его в ведение Хабаровского совнархоза. Эта мера не улучшила работу предприятия, и оно до создания министерства судостроения, так и оставалось предприятием одиночкой (ПАЧО, ф.ПЗ, оп. 10, д. 35, л. 112). Следует упомянуть и об овчинно-меховой фабрике. Это предприятие, ежегодно выпускавшее продукции на 12 млн р. в год, также было единственным в системе Восточно-Сибирского совнархоза. В 1960-е гг. коллектив фабрики работал неустойчиво, срывал выполнение плана по многим технико-экономическим показателям (Там же, л. 126).

Острой оставалась и кадровая проблема. Уже в 1957 г. значительная часть наиболее квалифицированных руководителей и инженерно-технических работников были переведены с предприятий в совнархоз, а незначительная часть работников, направленных из центра, задержалась в области не более чем на год. С образованием Восточно-Сибирского СНХ многие опытные работники уехали в Иркутск. Это ослабляло хозяйственное руководство предприятиями, такими как Сретенский судостроительный завод, Петровск-Забайкальский металлургический завод, овчинно-меховая фабрика (Там же, л. 112).

В результате реформы сложилась многоступенчатая и недостаточно эффективная система управления, что приводило к неоднократным изменениям планов пятилетки. Правительство РСФСР еще в 1960г. приняло решение о начале строительства Читинского камвольного комбината, Усть-Борзинского цементного завода, Бугдаинского ГОКа, а также мебельной фабрики и ряда предприятий лесоперерабатывающей промышленности (Там же, д. 36, л. 106). Однако планирующие государственные органы в дальнейшем исключили строительство этих объектов.

В области фактически отсутствовала химическая промышленность, не было лесоперерабатывающих предприятий, машиностроение и металлопереработка были представлены в основном мелкими ремонтными заводами, сложной была и ситуация в сфере строительства. На 1 января 1965 г. объем незавершенного строительства был равен 88 млн р. (Там же, д. 117, л. 20).

В 1963 г. были созданы промышленные территориальные парторганизации, сокращены штаты территориальных партийных комитетов и

ликвидированы их отраслевые отделы. В Читинской области эта реорганизация имела большие недостатки, так как в Восточном Забайкалье отсутствовали крупные промышленные центры, которые могли ограничить негативные последствия разделения областной партийной организации на промышленную и сельскую. Предприятия области были сосредоточены в небольших промышленных очагах, разбросанных по ее территории. Партийные и административные центры, созданные в промышленно-производственных зонах, оказались удаленными от предприятий на 200–300 км. Таким образом, партийное руководство было оторванным от производственных коллективов, а население от административных центров, что вызывало недовольство не только у парторганов, но и у простого населения (Мерцалов В.И. Указ. соч. С. 156).

В последние годы семилетки Восточно-Сибирский совнархоз сосредоточил внимание на завершении строительства всесоюзных промышленных предприятий Иркутской области и меньше занимался вопросами наращивания промышленных мощностей Восточного Забайкалья (ПАЧО, ф.ПЗ, оп. 10, д. 35, л. 145–146). Поэтому многие положительные тенденции не получили развернутого развития.

К 1965 г. Читинская область продолжала отставать от среднесоюзных показателей. Производство продукции на душу населения в области было в среднем в два раза меньше чем по стране. В целом по СССР среднегодовой прирост промышленного производства за семилетку составил 9,1%, а по Читинской области — 6,6% (Там же, д. 21, л. 30). Бессспорно, за период существования совнархозовской системы управления диспропорции в развитии промышленного производства были сокращены. За семилетку промышленность области стала рентабельной. Она перевыполнила план на 37,6 млн р., объем валовой продукции возрос на 60%, производительность труда — на 50%, изучались перспективы развития производительных сил в Читинской области (в 1958 г. прошло региональное совещание по развитию производительных сил Читинской области, на котором обсуждались проблемы развития промышленности области), возникли новые отрасли (промышленность строительных материалов), также строились предприятия легкой и пищевой промышленности (Очерки истории Читинской областной организации КПСС. С. 401). Однако невозможно было преодолеть бюрократизацию управления, ведомственность и местничества посредством перегруппировки аппарата управления из центра в регионы. Поэтому в условиях полного исчерпания потенциала организационной перестройки системы управления идея экономической реформы, зародившаяся еще в 1956 г., возникла вновь и получила активную политическую и общественную поддержку в области и стране.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В.Б. БАЗАРОВ

ТАВАНТОЛГОЙСКОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ УГЛЯ И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Монголия имеет значительный минерально-сырьевой потенциал, который необходимо разрабатывать в силу следующих факторов.

Во-первых, Монголия с конца 80-х гг. прошлого столетия прошла путь полной реструктуризации экономики и культуры. С распадом социалистического блока она, лишившись покровительства большого брата, вступила в период тяжелой трансформации социально-экономических отношений в условиях рыночной экономики. В результате чего это государство приобрело свой суверенитет, стало признанной фигурой на геополитической карте Азии.

Во-вторых, традиционный способ ведения хозяйства был определяющим для Монголии на протяжении всего XX в. Львиная доля валового национального продукта производилась сельским кочевым хозяйством, при незначительной доли тяжелой промышленности. Монгольская продукция шерстяных и мясомолочных изделий обеспечивала стабильный внутренний и мировой спрос рынка, но в последнее десятилетия наблюдается перенасыщение рынка данным товаром. На то ряд причин, в том числе и высокий темп развития данных отраслей в соседствующей Внутренней Монголии, которая в составе Китая, вышла на передовые показатели рынка Азии. В результате государство, ориентированное на сельское хозяйство при неразвитой тяжелой промышленности может стать перед фактом системного кризиса, что может стать определяющей основой его зависимости от соседних государств. Возможно, поэтому со стороны Китая, отрабатываются выходы на территорию Западной Монголии с прицелом на богатейшие месторождения Гоби. Как известно, китайская сторона приняла решение о строительстве электростанций в Западной Монголии. Этот шаг весьма перспективный с точки зрения энергетического освоения Юга и Запада Монголии, даст безусловно крупную перспективу вовлечения заповедных зон в экономический оборот, вдохнет новые силы в древние пласты гобийского общезития. Однако отметим, что Китай не столько занят мыслью о современном развитии полупустыни, сколько создает новую инфраструктуру для дальнейшего развития собственной промышленности. Это усилит влияние китайского капитала

в условиях инвестиционной конкуренции с мировыми силами, для которых это будет означать утрату крупнейших оборотных позиций, не говоря уже о сферах влияния Восточной и Центральной Азии.

В-третьих, открытая экономика и открытые границы, тяжелое экономическое положение страны, дефицит рабочих мест в 1990-е гг. способствовали сильному оттоку населения, ядро которого составила образованная молодежь (примерно 130 тыс. чел., что составляет более 5% от всего населения Монголии и 12% работоспособного населения). Создание новых рабочих мест, обеспеченных высокой заработной платой есть одно из приоритетных направлений в национальной политике Монголии.

На этом фоне в настоящее время развернулась дискуссия вокруг перспектив использования месторождений Монголии. В виду того, что геоэкономическая и геополитическая перспектива еще мало определена, разброс мнений в обществе достаточно высок. Но однако, при всем обилии месторождений полезных ископаемых, наиболее обсуждаемыми являются месторождения редкоземельных и цветных металлов, каменного угля. Оценивая перспективу экономической выгоды и практической целесообразности для общества и государства, имеющих сравнительно скудные трудовые ресурсы и накопления, в центр внимания попадает ряд месторождений представляющих интерес для России и мирового сообщества. Тавантолгойское месторождение каменного угля является достаточно серьезным объектом, вокруг которого сфокусировались многочисленные ожидания, конкурентный ажиотаж мировых инвесторов и поиск прагматичного решения проблем «природной ренты» и логичного налогообложения со стороны монгольской власти.

Тавантолгойское месторождение каменных углей расположено в Монголии на территории Южно-Гобийского аймака в 100 км к востоку от аймачного центра г. Даланзадгад, в 540 км к югу от г. Улан-Батор.

С вышеупомянутыми пунктам месторождение связано грунтовыми дорогами, пригодными для круглогодичного движения автотранспорта.

Общая мощность разреза, определенная, исходя из горнотехнических возможностей месторождения, составляет 20 млн т угля в год, в том числе по добыче коксующихся углей — 15,5 в год, что составляет 10% рынка каменного угля стран всего Азиатско-тихоокеанского региона. При средней цене в 2006 г. на энергетический уголь 30 дол. за тонну, коксующего угля — 50 дол. за тонну получается, что в год предприятие должно выручать 90 млн дол. и 775 млн дол.

Ориентировочная себестоимость 1 т концентрата углей для коксования составляет 18,2 дол. (по ценам 1985 г.), 1 т энергетического угля 7,9 дол. Затраты на добычу энергетического угля в год составляет 35,5 млн дол. и коксующего угля 282,1 млн дол. Доход от добычи угля составляет: для энергетического угля 54,5 млн дол. и для коксующего угля 492,9 млн дол. Если учесть тот факт, что средства добычи и разработки стали намного эффективней и технологически развитыми, Надо учитывать, советское го-

сударство сильно нуждалось в коксе, приоритетным ставило показатели именно коксующегося угля, поэтому возможны некоторые не точности в предполагаемых объемах добычи энергетического угля.

Разработка такого гиганта может привести к энергетическому буму Китая, Индии. Ведь ведущими потребителями угля в Азии и мире по-прежнему останутся Китай и Индия. По данным Комиссии национального развития и реформ Китая за первых 9 месяцев 2006 г. в Китае было добыто 1478 млн т рядового угля, что на 11,7% больше, чем за тот же период 2005 г. (<http://www.rosugol.ru/wd/wd.html>) До 2020 г. на долю Китая и Индии будет приходиться 33% прироста мирового энергопотребления и 90% увеличения использования угля в мире. Поэтому владение Тавантолгойским месторождением станет важным фактором геополитики, геоэкономики и геостратегии всего региона Внутренней Азии.

Активная разработка данного месторождения становится еще более актуальной в связи с возрастающей тенденции потребления угля в мире. Согласно прогнозу «Energy Information Administration» (Министерство энергетики США) потребление первичных энергоносителей в мире к 2020 г. возрастет по сравнению с нынешним уровнем на 65%. Ископаемые виды топлива останутся основными источниками энергии и будут обеспечивать до 80% мирового энергопотребления. На перспективу до 2020 г. международные эксперты не ожидают существенного снижения роли угля как одного из важнейших энергоносителей. Более того, за счет весьма вероятного сокращения темпов роста потребления нефти и нефтепродуктов и пересмотра отношения к развитию атомной энергетики во многих странах может иметь место некоторый рост его доли в структуре энергопотребления.

Резонно предположить, что Тавантолгой спровоцирует лавину инвестиционных потоков со стороны крупнейших транснациональных энергетических компаний, и в первую очередь Китайских государственных энергетических компаний. В этой жестокой борьбе инвестиционных пакетов создастся благотворный климат для развития экономики Монголии.

Вместе с тем возможность создания в Гоби с учетом имеющихся природных условий крупного комплекса с численностью населения 60–80 тыс. чел. представляется реальной. В настоящее время в аналогичных природных условиях развиваются города с крупной горной промышленностью. В Пакистане, например, это г. Кветта с численностью населения 350 тыс. чел. с угледобывающей промышленностью и электроэнергетикой, в Иране — г. Керман с численностью населения 300 тыс. чел. с аналогичной промышленностью. Появление такого города решило бы гуманитарную проблему Монголии. Это бы повысило занятость населения Монголии, повысилось бы спрос на квалифицированный труд, чтобы в свою очередь привело бы к увлечению институтов по подготовке специализированных кадров и т.д.

При выявленных преимуществах разработки данного месторождения, визуально можно выделить ряд проблем сопровождающие это предприятие.

Во-первых, в монгольском законодательстве по важнейшим месторождениям существуют положения, которые исключают природную ренту в пользу государства. Фактически отсутствуют налоги на добычу полезных ископаемых, под вопросом — дифференциация налога на разные виды полезных ископаемых. Все это вкуче порождает условия для возможной утраты экономической независимости и контроля со стороны государства над главными финансовыми источниками.

Во-вторых, благодаря отсутствию четкой законодательной базы, созданный благоприятный инвестиционный климат нарушается постоянным вмешательством в деятельность предприятий со стороны государства и разного рода политических сил, тем самым отпугивая честных инвесторов от перспективных объектов, ослабляя инвестиционную привлекательность Монголии.

В-третьих, отсутствие промышленной и коммунальной инфраструктуры. Регион обладает неудовлетворительными по качеству дорогами, коммуникациями, сложными климатическими условиями. Среднегодовое количество атмосферных осадков составляет 154 мм, причем основная их часть (около 70%) выпадает в летние месяцы. Сейсмичность в районе месторождения 7 баллов.

В-четвертых, возникает экологическая опасность разработки. Надо учитывать то, что Тавантолгой — это полупустыня. Практически отсутствуют естественные барьеры к распространению пыли и отходов от добычи угля. Миллионы тонн высокотоксичного сырья будут свободно перемещаться по великим степям Монголии, отравляя и уничтожая уникальную флору и фауну степи, превращая тысячи кв. км в «бедленды», землю не пригодную для жизни человека. Этот факт усугубляется еще тем, что столица государства Улан-Батор находится всего в 450 км от разреза. Это вынуждает использовать передовые безотходные технологии по добычи сырья, что в свою очередь приносит дополнительные затраты для компаний.

В-пятых, острая нехватка рабочей силы. Отсутствие квалифицированной рабочей силы вызванной оттоком населения из страны, нехватка неквалифицированных трудовых ресурсов в силу не развитости рынка труда.

Но все вышеперечисленные негативные стороны меркнут перед перспективами, которые дает освоение данного объекта. И вот эта высшая экономическая потребность будет диктовать новые перспективы региону, ранее свободному в своем экономическом выборе и правилах собственного существования. Временным спасением является только то, что предложение каменного угля на мировом рынке энергоносителей значительно выше спроса. Но, однако, эта конъюнктура временна, поскольку быстро растет потребление энергии в Восточной Азии, восстанавливаются позиции России и СНГ, а также дают результаты экономические подвижки Южной Азии, особенно в Индии. Это еще не полный перечень перспектив роста рынка энергопотребления.

Так как Монголия не сможет заполнить рынок труда в силу объективных причин, активизируется мощный поток иностранной рабочей силы из соседних государств, таких как Россия и Китай. Надо заметить, что Тавантолгой не единственное крупное месторождение, есть ряд очень крупных месторождений угля, меди, например Оютолгой. Поэтому потребуются не 60–80 тыс. чел., а гораздо больше, примерно 400–500 тыс. чел. Это размеры небольшого города. Получается, что в 540 км от Улан-Батора будет построен новый город, жителями которого будут иностранные граждане. Создание города потянет за собой огромные средства и инвестиции, будут задействованы множества отраслей хозяйства. Для функционирования города нужна своя инфраструктура, коммуникации. Это жилые кварталы, заводы, фабрики, школы, высшие учебные заведения, банки, больницы, места досуга населения и т.д. Но прежде всего монголы должны решить проблему снабжения водой, не надо забывать, мы имеем дело с полупустыней.

Большое количество иностранцев будет сильно влиять на социокультурную политику государства, игнорировать настроения которых не предлагается возможным. Так как освоение месторождений идет десятилетиями, то будет наблюдаться ассимиляция, а дальнейшее расширение в стране этнического присутствия Китая может привести к трансформации социокультурной и этнической идентичности. В дополнение к этому серьезно пострадает кочевой уклад монгольского населения: месторождения, город вытеснят скотоводов со своих привычных пастбищ. Поэтому следует ожидать столкновений на почве национальной неприязни и нестабильной социальной обстановки. Но освобождение от кочевого уклада, поворот к прогрессивному направлению, развитие промышленности в стране выведет страну на качественно новый уровень, что позволит не только увеличить ВВП до размеров намного превышающие настоящие, но и стать конкурентно-способным государством в Азиатском регионе. Монголия сможет в полной мере использовать свое выгодное геополитическое расположение, не опасаясь за свою экономико-политическую безопасность.

Таким образом, разработка Тавантолгойского угольного месторождения имеет крупное и перспективное значение для развития экономики Монголии, затрагивая интересы энергетических компаний всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Предполагаемые расчеты дают ясное представление о направлениях инвестиционных потоков в этом векторе. Вместе с тем, освоение этих месторождений несет в себе очень крупный заряд социальных проблем, связанных с коренной ломкой сложившегося традиционного уклада экономики не только в гобийской полупустыне, но и во всей стране. Мощность современного глобализирующегося экономического процесса может взломать хрупкое равновесие во взаимодействии человека, общества и природы, что потребует более взвешенного и осторожного подхода к исторически сложившемуся наследию Великой Степи.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В БУРЯТИИ 1988–1994 гг.

Перестроечные процессы в Советском Союзе способствовали появлению в стране различных политических сил отстаивающих прежде всего национальный, а нередко и националистический взгляд развития своего региона. Их политика была направлена на получение большей политической и экономической самостоятельности республик от центра и в конечном итоге вела к их полному суверенитету. Автономные республики не желали отставать в деле обретения большей самостоятельности от союзных республик и требовали расширения своих политических прав. Данные события происходили на фоне постепенного снижения авторитета КПСС и центральных органов управления страны, экономического и политического кризиса. В этой ситуации возникшие организации, партии демократической и националистической направленности предлагавшие населению свой выход из кризиса, стали пользоваться возросшей популярностью у населения.

В условиях монопольной власти КПСС, важную роль в становлении и развитии первых оппозиционных власти общественно-политических организаций сыграло экологическое движение, образовавшийся Народный фронт содействия перестройки, Городской клуб избирателей. В этих организациях стали аккумулироваться силы, впоследствии ставшие центром демократического движения Бурятии, где обозначились и будущие лидеры национального движения.

Критика советского, в первую очередь, сталинского периода в истории страны, дала мощный импульс развитию национального движения республики. В 1937 г. от республики были переданы в состав Иркутской и Читинской областей соответственно территории Усть-Ордынского и Агинского автономных округов, отторжение Ольхонского района, произошли политические репрессии обезглавившие руководство республики обвиненное в национализме. А в 1958 г. республика лишилась своего названия «Бурят-Монгольская». Поэтому, следует отметить, что в Бурятии лидеры появившихся национальных движений, как правило, отмежовывались от их обвинений в национализме. Они указывали, лишь на свое стремление поспособствовать становлению бурятской государственности, культуры, традиций, восстановить «историческую справедливость».

В 1988 г. возникает Неформальная политизированная группа бурятской интеллигенции, образованная молодыми учеными, творческими работниками, активистами Улан-Удэнского МЖК. В начальный период деятельность группы выражалась в проведении массовых собраний по этническим вопросам в ВУЗах города, в библиотеках МЖК, письменных обращениях к руководителям партии и государства. В них уже поднима-

лись вопросы отторжения сталинским режимом территорий и возвращению «бурят-монгольского» названия народу и республике, демилитаризация и экологизация республики и байкальского региона (Протоколы, заявления, документы БМНП. Текущий архив БМНП, Улан-Удэ. 1991).

В 1989–1990 г. — Группа проводит широкие собрания общественности с участием СМИ, и приглашением деятелей из ОК КПСС, Совмина Бурятии (См.: Хомутаев В.А. Национальное движение в Бурятии (1985–1998 гг.): дис. ... канд. ист. наук. С. 64).

Группа тесно сотрудничала с общественно-политическими силами, настроенными на демократизацию общества. Так, Народный фронт содействия перестройке (НФСП), созданный в 1989 г., поддержал ее идею воссоединения отчлененных территорий с Бурятской АССР, хотя большинство членов НФСП не являлись представителями бурятского народа, и среди них было много русских.

Руководство республики во главе с первым секретарем А. Беляковым выступило резко против такого требования НФСП (Пятый пленум ОК КПСС // Правда Бурятии. 1990. 29 марта).

В марте 1988 г. в Улан-Удэ возникает национально-культурное общество «Гэсэр», которое по существу можно было отнести к неформальному политическому объединению. Инициаторами создания общества выступили молодые ученые, студенты, религиозные деятели из Бурятии, Агинского и Усть-Ордынского автономных округов, Ольхонского района Иркутской области. Большая роль в организации движения принадлежала начинающим священнослужителям буддийской и шаманской общин. Программа объединения включала в себя национально-культурный и политический блоки задач. Политический блок задач предусматривал воссоединение бурятских территорий, возвращение исторического названия республики «Бурят-Монгольская», отставка политического руководителя республики, восстановление дацанов и дугланов, национальных праздников, традиций, обычаев (Программа НПО «Гэсэр» текущий архив БМНП, 1991). Деятельность движения не смогла выйти за рамки массовых собраний, поскольку не нашла широкой поддержки со стороны населения республики, республиканского руководства, обкома КПСС. Характерно, что от нападок в обвинении в раздувании национализма, организаторы движения отбивались указаниями КПСС: «исправить нарушения в национальной политике, не отождествлять национальные чувства людей с националистическими». Движение просуществовало недолго (Крянев Б.П. Бурятия политическая. Улан-Удэ: БГУ, 1999. С. 28).

В 1989 г. тема воссоединения народа, государственности, возрождения национальной самобытности и культуры становится центральной темой республиканских газет. В СМИ затрагиваются историко-политические события, прежде трактуемые однозначно. Например, профессор-историк Чимитдоржиев Ш.Б. в печати высказался о неоднозначности вхождения

бурятского народа в состав Российской империи (Интервью с Г.Л. Санжиевым // Правда Бурятии. 1990. 2 марта).

Период 1989–1990 гг., ознаменовался в республике оформлением демократического, национального движения в политические партии. В октябре 1989 г. состоялось расширенное собрание представителей движения «Гэсэр», Группы бурятской интеллигенции, активистов МЖК, ряда творческих союзов, ВУЗов, СУЗов, представителей бурятских округов, Ольхонского района, где обсуждались задачи национально-демократического развития Бурятии, и ставился вопрос о необходимости создания национальной партии (Харнохоев В.А. Выступление на Круглом Столе по проблемам национально движения на современном этапе. Текущий архив ДНЕ-99).

В 1990 г. автономные республики начинают объявлять о своем государственном суверенитете. 8 октября этого же года Верховный Совет республики Бурятия провозгласил государственный суверенитет. Следует отметить, что суверенитет Бурятии был менее радикальным и предполагал нахождение республики в составе РСФСР и СССР, в отличии, например от суверенитетов объявленных Татарстаном и Башкирией.

17 ноября 1990 г. состоялась учредительная конференция Бурят-монгольской национальной партии (БМНП). Инициаторами ее проведения традиционно стала бурятская интеллигенция. Программа партии предусматривала воплощение в жизнь основных идей высказываемых прежде движением «Гэсэр», Группой бурятской интеллигенции и поэтапное их решение. Во-первых: вернуть историческое бурят-монгольское название республике; во-вторых: отменить анти-бурятские репрессивные акты 1937 г. по расчленению республики, в-третьих: возвращение республике Ольхонского района, а затем и автономных округов. БМНП высказывалась за вывод войск из МНР и из Бурятии. Свои взгляды имелись у партии и на государственное строительство, развитие национальной культуры, традиций. Идеи БМНП характеризовались радикальностью. Партия была за возвращение ранее принадлежащих, но отнятых советской властью земель дацанам и другим религиозным центрам, за возвращение родовых земель бурятским родам, построение государственных органов власти (прежде всего парламента республики) на определенной основе, гарантирующей прохождение достаточного количества бурят (например, в Верховном Совете республики не менее $\frac{1}{2}$) в эти органы власти, высказывалась за выборы президента республики из числа бурят и т.д. Оргкомитет партии выступил с заявлением о реабилитации слова «национализм» в целях защиты интересов и возрождения народа (История Усть-Ордынского БАО. М: Прогресс, 1995. С. 534). БМНП поддерживала хорошие союзнические отношения с демократическими силами Бурятии. Особенно с БО ДПР, проявляя солидарность с ними в оппозиции против КПСС. Активно выступая против тоталитаризма, поддерживала наступление рыночных отношений в стране. После крушения власти КПСС, пути политических союзников разошлись.

Представители БМНП участвовали в разработке и принятии некоторых республиканских законодательных актов, в частности Закона РБ «О языках». Но партия, так и не смогла обрести массовую поддержку местного населения и существенно влиять на политические события в республике. Через недолгое время в руководстве партии произошел раскол, что не прибавило популярности БМНП. Постепенно деятельность партии исчерпала себя. Идеи БМНП подхватило впоследствии Движение национального единства «Нэгэдэл».

В феврале 1991 г. в Улан-Удэ прошел Всебурятский съезд, на котором наиболее трезвомыслящие деятели национальной интеллигенции предостерегали от радикализма и одностороннего толкования исторических событий. Так, Председатель Совмина Бурятии В.Б. Саганов, в своем выступлении, наряду с негативными фактами подчеркнул положительные моменты Советского, в частности сталинского периода, в истории становления национального самосознания и государственности бурятского народа, развития культуры и национальных традиций (Материалы Всебурятского съезда консолидации и духовного возрождения нации. 22–24 февраля 1991 г. Улан-Удэ. 1996. С. 153–154). Председатель окружного Совета Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Л.А. Хутанов, заявил на съезде, что экономическая интеграция округа в Иркутскую область и мнение его жителей, где только 17,4% бурят и 4% русских высказались за воссоединение с Бурятией «не дает оснований для торопливых решений» (Из речи Хутанова Л.А. на Всебурятском съезде. Там же. С. 52).

С момента твердого становления страны на путь рыночных отношений, оформления государственности РФ, и с избранием первого президента Республики Бурятия в 1994 г. Л.В. Потапова, национальное движение практически сошло с политической арены республики. Причин этому несколько. По моему, стоит выделить следующие. Во-первых, традиционно невысокий рейтинг политических сил исповедующих национальные лозунги, в силу непопулярности этой идеи у большинства коренного населения и относительно невысокого его количественного удельного веса в республике (не более 1/3). Во-вторых, экономическое положение республики (65% местных предприятий подчинялись союзным или российским ведомствам, а в промышленности делался упор на развитие добывающих отраслей) с советских времен было таково, что не могло быть речи о ее полной или существенной самостоятельности в решении своих проблем без помощи и одобрения с центра, и для многих это стало очевидным. В-третьих, рыночные реформы способствовали резкому социальному расслоению общества, и получали большую популярность идеи, прежде всего экономическо-социальной направленности, поддерживающие или не поддерживающие рыночные преобразования. В республике же, традиционно были сильны позиции коммунистов и их союзников.

Некоторые политологи отмечали и не последнюю роль президента Бурятии Л.В. Потапова придерживающегося интернациональных взгля-

дов, в деле свертывания активности республиканского национального движения.

Так или иначе, но очевидно, что исторически народы Бурятии и России тесно взаимосвязаны и проблемы республики возможно решить только в тесном взаимодействии народов. Радикализм обречен на неудачу.

Г.П. ВЛАСОВ

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОЕКТОВ СТРАНЫ

Известно, что транспорт является необходимым условием всякой хозяйственной деятельности, а для России, с учетом ее географии, он выступает стержневой инфраструктурной сферой деятельности.

Так, Транссибирская магистраль не только преобразила огромный евразийский континент, но и стала стимулом ускоренного социального развития и перераспределения социальных и экономических ресурсов.

В сравнении с предыдущими годами российское правительство проводит сейчас более активную инвестиционную политику по развитию инфраструктурного, и в первую очередь, транспортного комплекса восточных районов страны.

Только за последние годы закончены комплексные работы, связанные с реконструкцией Транссибирской магистрали. Сейчас она — самая крупная, полностью электрифицированная железная дорога в мире. Закончена реконструкция мостовых переходов, в том числе одного из крупнейших через реку Амур, завершено строительство крупнейшего уникального Северо-Амурского тоннеля, благодаря чему Россия получила второй выход к Тихому океану.

Байкало-Амурская магистраль может получить «второе дыхание» и серьезный импульс к развитию в связи с формированием программы евразийского транспортного контейнерного моста.

На общефедеральном уровне готовится программа, которая позволит привлечь в российскую транспортную систему существенные объемы перевозок, ориентировочно 1 млн контейнеров в год. Здесь Транссибирская магистраль должна будет получить серьезное подкрепление со стороны дублирующих мощностей Байкало-Амурской магистрали, которая с последующим развитием северосибирского железнодорожного направления от Усть-Кута до Тобола сможет стать ее полноценным дублером (Лапидус Б.М. Развитие транспортной системы страны // ЭКО. 2006. № 3. С. 63). И тогда в связи с реформой железнодорожного транспорта появится реальная экономическая и инфраструктурная возможность формирования конкуренции среди железных дорог.

Большая перспектива сулит решение транспортных проблем Западной Сибири, Якутии и Дальнего Востока, что позволит задействовать существенно новые экономические районы и ресурсные базы.

В ближайшее время с учетом формирования государственных инвестиционных фондов, государственной транспортной стратегии появляется возможность приступить к строительству так называемых капиллярных железнодорожных линий, которые соединят места расположения перспективных ресурсных месторождений с магистральными железнодорожными линиями Восточной Сибири и Дальнего Востока страны. Это продолжение строительства дорог к нефтегазовым месторождениям, строительство линии от Усть-Кута до Непро и Ленска, линии Карабула-Богучаны, которая поможет решить не только энергетические проблемы в этом регионе, но и создаст условия развития нефтегазохимического района Богучанской ГЭС.

Очень интересным является проект по строительству Северо-Сибирской магистрали и прилегающих к ней линий: железной дороги в Якутии от Хани до Олекминска, которая позволит задействовать новые месторождения цветных и полиметаллических руд, лесопромышленных комплексов; дороги Хани-Куранах, которая позволит добраться до титаносодержащих ресурсов.

В то же время следует отметить, что производственные активы в отрасли транспорта крайне устарели. Износ основных фондов в них достиг 55–70% и продолжает нарастать. В железнодорожной отрасли он составляет 50% (Транспортно-промышленное освоение Сибири и Дальнего Востока — системный фактор прорывного развития экономики России, ее интеграции в мировую систему. Аналитический доклад. Байкальский экономический форум 2006 г. Новосибирск, 2006. С. 81). К тому же работа по строительству и модернизации ее объектов недостаточна ни по своему объему, ни, что самое главное, — стратегическим задачам, на решение которых она должна быть нацелена.

На наш взгляд, здесь нужны не эволюционные, как делается сейчас, а кардинальные меры по увеличению государственного финансирования этой сферы в разы, а не на проценты. У правительства есть для этого возможности, и средства, но их мешают осваивать либеральные позиции, на которых оно находится.

Расходы федерального бюджета Российской Федерации в 2006 г. (по предварительным подсчетам) составили 4,3 трлн р. Из них только 4% (173,8 млрд р.) потрачено на нужды транспортного комплекса включая министерство транспорта и все федеральные транспортные агентства. Для России с ее протяженными транспортными коммуникациями и критическим износом фондов это недопустимо низкая величина. По оценке министерства транспорта РФ, потребность в привлеченных средствах для инвестирования Российской транспортной инфраструктуры, вызванная недостатком государственных средств, на период до 2010 г. Составляет примерно 100–120 млрд дол.

Бытует мнение, что у российского государства, которое до сих пор остается основным собственником транспортной инфраструктуры не денег на осуществление простого, а тем более расширенного, воспроизводства этого сегмента хозяйства. Однако это не так.

В последние годы у Российского правительства за счет благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и изъятия в бюджет части природной ренты появились без привлечения огромные финансовые ресурсы в форме золотовалютных резервов, Стабилизационного фонда и профицита федерального бюджета, которые многократно превышают потребности не только транспортной, но и всей российской инфраструктуры, включая ЖКХ.

Так, в 2005 г. федеральный бюджет был исполнен с профицитом в размере 1 трлн. 612,9 млрд р. Золотовалютные резервы ЦБ РФ составили 266 млрд дол. США (по состоянию на август 2006 г.). Стабилизационный фонд России превысил 2,2 трлн р., т.е. более 82 млрд дол. (по состоянию на 01.08.2006 г.).

В совокупности эти финансовые запасы государства уже превышают общую потребность российской инфраструктуры в инвестициях (Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2006 г.» Ст. 1).

В результате у правительства накапливается огромный потенциал для финансирования многих государственных нужд, в том числе, в области транспортной инфраструктуры. Согласно Федеральной целевой программы «Модернизация транспортной системы России» (2002–2010 г.) и «Стратегии развития транспорта Российской Федерации на период 2010 г.» для развития российского транспортного комплекса и строительства новых объектов транспортной инфраструктуры в дополнение к средствам из федерального и региональных бюджетов требуется ежегодно привлекать из внебюджетных источников порядка 10–15 млрд дол. Это могут средства российских или зарубежных частных компаний, а также финансовые ресурсы международных финансовых организаций или правительств других государств.

Важная роль должна отводиться частному капиталу. Задача государства состоит не в том, чтобы выискивать прибыльные проекты и финансировать их. Для этого есть бизнес, который делает такую работу лучше.

Если привлечь частный капитал, то при инвестировании имеющихся у государства 100 млрд дол. Мы сможем получить дополнительно 300–400 млрд дол. Частных инвестиций в государственные инвестиционные проекты, в первую очередь, в транспортную инфраструктуру.

В результате через 10–15 лет мы будем иметь другую страну, с новой инфраструктурой, новыми портами, аэропортами, магистральными энергетическими сетями, автомобильными и железными дорогами.

Таким образом, реализация стратегических инфраструктурных проектов страны должна помочь решить две главные задачи: овладение новыми экономическими базами и социально-экономическое развитие

территорий. Для этого необходимо организовать транспортную систему практически внутри каждого экономического района, когда любая транспортная единица соединяется с общественной сетью легким экономным способом. И эта задача в ближайшие годы становится важнейшим социальным заказом нашего общества.

Л. Г. ВЛАСОВ

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Процессы глобализации и интеграции вызывают изменения социально-политического пространства России. Достигнутый уровень социально-политических изменений определяет формирование новых общественных потребностей, для которых еще не сложились условия.

Россия как бы «открывается» для общемировых изменений. Перспектива участия в качестве евразийского моста (связующего транспортного коридора) может стать для России фактором оживления своих позиций в мировой экономике и политике.

В транспортной политике Россия должна учитывать свои природно-климатические и пространственные особенности, чтобы строить ее целенаправленно и системно в отношении транспортного обустройства территорий, развития транспортных средств, отвечающих отечественным условиям и конкурентоспособности на мировом рынке.

Транспортное освоение Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера должно явиться мощным заказом промышленным отраслям страны.

Формирование основы опорного каркаса транспортной сети в рамках азиатского пространства предполагает реализацию транспортных мегапроектов XXI в., имеющий федеральный уровень значимости. Комплекс инфраструктурных проектов, предусмотренных в рамках широтных и меридиальных транспортных коридоров, проходящих по территории Азиатской России позволит устранить разрывы и «узкие места». Основные широтные и меридиальные транспортные коридоры, которые должны формироваться и развиваться уже в первой четверти XXI в.

Широтные транспортные коридоры:

I. Евразийский международный широтный транспортный коридор «Трансиб» (транспортного коридора «Запад–Восток»);

II. Северо-Российский евразийский международный широтный транспортный коридор — «Северо-Евразийский»;

III. Арктический евразийского международного широтный транспортный коридор;

IV. Дальневосточный широтный транспортный коридор (вторая половина XXI);

Меридиональные транспортные коридоры:

V. Международный Енисейский меридиональный транспортный коридор «Енисей-СМП»

VI. Обь-Иртышский меридиональный российский транспортный коридор;

VII. Лено-Якутский меридиональный российский транспортный коридор.

Только при усилении и расширении опорной транспортной сети удастся наконец задействовать потенциал экономико-географического и геополитического положения восточных регионов Азиатской России (или ее субъектов) в масштабе мирохозяйственной системы (или ее части). В этом случае этот потенциал наконец станет реальным «ресурсом положения и пространства» в виде предоставления (своего рода экспорта) услуг (прежде всего всех видов транспорта, современных систем передачи информации и связанных, с ними сфер экономической деятельности) формирования «зон интересов», как правило, в сопредельных регионах. Критерием рациональности использования столь специфического ресурса обычно является конкурентоспособность, экономическая отдача в широком ее понимании (например, создание условий освоения новых ресурсных баз или решение проблем социально-экономического развития субъектов Федерации), национальная безопасность и политическая значимость России в мировом сообществе.

Н.Г. ВЛАСОВА

МИРОВОЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОЕКТОВ

Глобализация ставит перед странами различные проблемы, осложняет управление национальными экономиками вызовами, которые несет интеграция мировой экономической системы, но с другой стороны та же самая глобализация обеспечивает появление дополнительных возможностей для каждой страны, если они смогут своевременно уклониться от вызовов или тем более в самих вызовах найдут факторы, которые смогут развернуть в свою пользу, то успех значительный обеспечен.

В этом случае многое зависит не только от природного или наращенного за предыдущий период потенциала страны, но от стратегического менеджмента, амбиций, профессионализма и системности, используемого стратегического управления.

Мировой опыт, включая Россию, показывает, что неперенным условием активного социально-экономического развития любого государства является системность государственной транспортной политики. Она проявляется в обоснованном выборе базовых национальных транспортных проектов с их ранжированием по значимости, объемам и очередности финансирования, времени реализации, законодательному обеспечению,

создании инвестиционной привлекательности и контроле за ходом выполнения.

Первоочередным требованием, выдвигаемым к транспортному проекту, является его влияние на хозяйственное освоение территории, чтобы на транспортном острове размещать промышленные объекты, развивать сельскохозяйственные районы, разрабатывать полезные ископаемые, обеспечить расселение граждан, вызвать максимальный мультипликативный транспортный эффект. Поэтому главными всегда являются инфраструктурные транспортные проекты, а также те, что формируют системное воздействие на многие отрасли промышленности.

В свою очередь масштабы, степень развития путей сообщения и их влияние на жизнедеятельность стран зависят от величины их территории, природно-климатических особенностей, от общего уровня развития государства.

Так компактные государства Европы за многие века эволюционного развития, уже фактически обустроены всеми видами транспортной инфраструктуры.

Наиболее значимо и ярко проявлялась государственная транспортная политика европейских государств при выходе этих стран из глубоких кризисов или после войны, когда дорожно-транспортное строительство и транспортное машиностроение становилось локомотивом развития всей экономики. В те моменты от государственной транспортной политики требовалась особая системность, учет всех направлений мультипликационного транспортного эффекта. Тогда требовалась особая системность государственных подходов в выборе и реализации национально определяющих транспортных инвестиционных проектов. Но это относится не только к Европе, но ко всем другим странам. Так было в США — после выхода из Великой депрессии, когда дороги, транспортное машиностроение и связанные с ним отрасли вытянули страну из кризиса. Япония восстанавливалась после войны по тем же ключевым транспортным проектам, связанным с дорогами, автомобилями, судостроением.

Сейчас развитые страны сосредоточены лишь на повышении эффективности, комфортности, экологичности транспорта.

В условиях интеграции экономики европейские государства начали процесс встраивания национальных транспортных проектов в международные.

Для стран Юго-Восточной Азии, глобализация экономики с формированием мощных грузопотоков между мировыми экономическими полюсами явилась толчком для масштабных транспортных инвестиционных проектов. Они связаны как с традиционными морскими маршрутами, требующими развития портового хозяйства, совершенствования судов, так и с возрождением на качественно новом технологическом уровне сухопутных евроазиатских транспортных коридоров. Массовое дорожное внутри стран обязательно вписывается в международные транспортные коридоры.

доры. Строительство тысячекилометровых железных дорог, например, для компактной Малайзии или большого числа скоростных автострад и морских портов в Индонезии не считается руководством этих стран чем-то исключительным, организационно и финансово непосильным.

Азиатские страны проводят активную и гибкую политику по привлечению финансового капитала с внедрением новых технологий в сфере транспорта и транспортном машиностроении. При этом применяются самые разнообразные механизмы, творчески приспособленные к условиям и возможностям этих стран, умело используются появляющиеся выгоды глобализации и своевременно уклоняются от периодически надвигающихся угроз той же самой глобализации.

Благодаря системному подходу ускоренно осваиваются территории, интенсивно развиваются машиностроение и смежные с ним отрасли, повышается квалификация трудовых ресурсов. Поэтому и темпы экономического роста в этих странах на протяжении десятилетий впечатляют.

Страны Южной, Малой Азии, несмотря на имеющиеся экономические и политические проблемы также ставят амбициозные задачи по прокладке новых железнодорожных и автомобильных магистралей, строительству морских портов, аэропортов, мультимодальных перегрузочных комплексов, логистических центров, увязывая их с общей системой евроазиатских международных транспортных коридоров.

Индия продолжает развивать свою железнодорожную и автодорожную инфраструктуру. Но особое внимание уделяется морскому флоту, учитывая обширные внешнеэкономические связи Индии как с государствами Европы, так и других континентов, в первую очередь США. Заинтересованность Индии в участии в формировании евроазиатских транспортных коммуникациях усиливается проникновением индийского капитала в различные отрасли различных стран евроазиатского материка в ряд европейских и центральноазиатских, в том числе Украину, Казахстан и др. Она явилась одним из учредителей международного транспортного коридора «Север–Юг».

Новым для Индии является повышение интереса к внутреннему водному транспорту. Однако представляется наиболее вероятным, учитывая характер речной сети Индии, что этот интерес связан с возможностью развития водных перевозок «река-море» на каботажных перевозках и «река — море» на международных маршрутах с использованием судов «река-море» плавания. В Индии используются различные варианты финансирования транспортных проектов. Активно идет привлечение частного капитала, в том числе иностранного. Однако определяющее место в этом процессе занимает государство.

Пакистан, Иран, Ирак, Турция, Сирия интенсивно прорабатывают планы прокладки сквозных транзитных сухопутных коридоров от ЮВА и Индии до Европы или, хотя бы, до средиземноморского побережья. Хотя перманентный ближневосточный кризис значительно ограничивает возможности такого развития. Эти страны также ведут активную работу с рес-

публиками Средней Азии по подготовке к строительству меридиональных транспортных коридоров, вплоть до портов на побережье Индийского океана. Поскольку самостоятельно эти страны не в состоянии финансировать такой объем работ по развитию инфраструктуры, используются средства международных финансовых структур. Активное участие в этих проектах принимает Китай. Единственной страной, которая отказалась от инвестиционного участия Китая, является Индия, опасаящаяся попасть в экономическую зависимость от своего постоянного конкурента.

Таким образом, мировой опыт формирования транспортных проектов свидетельствует о высоком уровне унификации, освоение модульных вариантов развития разных видов транспорта.

Создание синхронной мультимодальной транспортной системы позволяет органично вписать ее в общую экономику, социальную сферу, кардинально перегруппировать грузо- и пассажиропотоков с одного вида транспорта на другой.

В.В. ВОРОНИНА
Г.П. ВЛАСОВ

ВСЖД НА ПУТИ РЕФОРМ

Начало 1990-х гг. характеризуется переходом России к рыночным отношениям. В этот период функционирование российского железнодорожного транспорта сопровождалась значительными экономическими, социальными и технологическими проблемами. Во-первых — это было связано с огромным спадом платежеспособного спроса на транспортную продукцию, вследствие чего оказались не востребованы транспортная инфраструктура, социальный комплекс и трудовые ресурсы. Во-вторых, наблюдалось резкое снижение инвестиционной активности, как следствие, изменение финансово-экономической модели отрасли. В-третьих, в связи с дефицитом финансовых ресурсов на железнодорожном транспорте сложилась ситуация не возможности инвестирования развития и модернизации технической базы. Кроме того, возникли трудности по своевременным выплатам работникам заработной платы.

В 1997 г. Министерством путей сообщения были разработаны мероприятия по выводу отрасли на рентабельную работу за счет двух факторов: создания условий для роста объемов перевозок, следовательно, и доходов, и оптимизации издержек.

Первая задача могла решаться за счет повышения качества и улучшения взаимодействия с пользователями услуг железнодорожного транспорта за счет развития системы фирменного транспортного обслуживания.

Вторая задача могла решаться за счет усиленной экономической работы на железных дорогах — регулирования задержек при сохранении устойчивой работы отрасли.

Прежде всего, внимание было обращено на приведение в соответствие инфраструктуры железных дорог к выполняемым объемам перевозок. Производительность труда к тому периоду снизилась практически в два раза, а по некоторым железным дорогам — и более, потребовалась разработка программ по эффективному использованию трудовых ресурсов для каждой железной дороги, каждого предприятия.

В этот же период решались одновременно две задачи: уменьшение физического расхода ресурсов — топливно-энергетических, трудовых и т.д.

Все это явилось предпосылками для поиска новых систем и структур управления на железных дорогах сети.

Начало процесса реформирования системы управления на Восточно-Сибирской железной дороге можно датировать 1988 г. Уже с 1988 г. план финансово-экономической деятельности дороги начал разрабатываться на основе прогноза финансово-экономического состояния. Под дефицит финансового бюджета определялись задания по росту доходов, сокращению эксплуатационных издержек, сокращению численности работающих, разрабатывались мероприятия для их реализации. В этот период времени на дороге началось внедрение передового опыта и новых технологий.

Реформирование проводилось поэтапно. Первым этапом реформирования явилось создание в 1996 г. Дорожного центра транспортного обслуживания (ДЦТО), на правах службы, что позволило упорядочить взаимоотношения с клиентурой и привлечь дополнительные объемы перевозок.

Вторым этапом стало осуществление централизации управления перевозочным процессом за счет создания единого дорожного центра управления перевозками (ЦУПа) в городе Иркутске. Этому предшествовала большая подготовительная работа по строительству жилья для высококвалифицированных поездных диспетчеров, которые были переведены с отделений дорог.

Для усиления оперативности, достоверности финансово-экономических расчетов, гибкости учета меняющейся ситуации и отражения ее в финансово-экономических планах, эффективного контроля за их выполнением, а также в целях учета и контроля за движением материальных ресурсов, на дороге начала формироваться централизованная система финансово-экономических отношений и необходимая для этого информационно-техническая база. Что стало основанием для создания финансово-экономического центра дороги.

Формирование на дороге сети банков и финансовых учреждений (страхового общества — ЖАСО, негосударственного пенсионного фонда и др.) и установление тесного взаимодействия с ними позволило сконцентрировать денежные потоки в пределах дороги.

Параллельно проводилась большая работа по оснащению железной дороги современными средствами автоматизированного сбора и обработки информации и связи.

Все эти мероприятия, проведенные на дороге, создали условия и существенные предпосылки для нового, более радикального преобразования структуры управления, настоятельность которого усилилась в связи с переходом на рыночные условия хозяйствования.

Таким образом, важнейшими предпосылками перехода на безотделенческую структуру управления, созданными на Восточно-Сибирской железной дороге, явились:

- усиление экономических методов управления и их централизация на основе усиления связи производственной и финансово-экономической деятельности;
- централизация системы финансово-экономических расчетов и создание для этого информационно-технической базы;
- проведение модернизационных технологических мероприятий на дороге и оснащение дороги современными средствами связи, автоматизированного сбора и обработки информации;
- создание и введение в действие автоматизированного центра управления перевозками;
- создание дорожного центра транспортного обслуживания (ДЦТО) с соответствующим информационно-техническим обеспечением.

Реализация поставленных задач по переходу дороги на безотделенческую структуру управления стала возможной, благодаря психологической подготовке каждого работника от рядового рабочего до руководителя всех рангов на протяжении ряда лет. Для всего коллектива дороги первостепенными задачами стали выступать зарабатывание денежных средств, снижение расходов, кредиторской и дебиторской задолженности.

Однако эти мероприятия при всей их важности имеют все же подготавливающее значение. При непосредственном переходе на новую структуру возникает ряд задач, которые необходимо заново творчески решать. Так для сохранения управляемости, обеспечения конструктивной связи с регионами были созданы представительства и филиалы, все подразделения дороги рассматривались как элементы единой системы, работающей на конечный результат — перевозку, при обеспечении требований безопасности движения.

О.Б. ИСТОМИНА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ

Современное российское общество — своеобразный «перекресток цивилизаций» и культур. В условиях мультикультурализма коммуникативным механизмом реализации межкультурного диалога, обеспечивающим конгруэнтность смысловой перспективы представителей различных культур, выступает двуязычие. Социальная билингвизация отдельной личнос-

ти, языковой группы в поликультурном контексте является необходимым условием достижения адекватного уровня компетенции в обществе.

Параметрами социокультурного окружения человека, которые могут детерминировать факт становления индивида билингвом, особенности этого процесса, его тип, уровни владения языками и систему языковых предпочтений могут быть многие социальные факторы. В Предбайкалье, как и в большинстве территориальных объединений, доминирующими среди факторов, формирующих систему бытовых, жизненно-практических, общечеловеческих знаний двух и более языков являются первичный фактор — внутрисемейное (интимное межличностное) общение и, конечно, сфера обучения.

В Предбайкалье как в регионе, объединяющем Иркутскую область и автономное национальное образование (Усть-Ордынский округ), представлена сеть ДООУ и школ с национальным компонентом. Общеизвестный термин «национальная школа» не может использоваться применительно к образовательным учреждениям региона: в области и округе нет школ, где велось бы обучение и воспитание на национальном или этническом языке. Национальный компонент в системе образования региона выражается только в преподавании национальных языков как самостоятельных предметов и ограничено сельскими территориальными объединениями. Так, например, в округе и в селах Ангарского района области преподаются бурятский, татарский, польский, тофаларский, эвенкийский языки. В текущем 2006–2007 гг., по данным окружного отдела образования, 44 дошкольных учреждения работают по программам изучения национального языка (табл. 1).

В селениях Иркутской области доля национального компонента в системе образования крайне незначительна и обслуживает три национальных языка, а именно: бурятский, тофаларский, эвенкийский. Распределение обучающихся языкам представлено в табл. 2.

Таблица 1

Районы	Число учреждений	В них детей
Аларский	4	87
Баяндаевский	9	199
Боханский	10	232
Нукутский	6	151
Осинский	9	441
Эхирит-Булагатский	6	281
<i>Итого</i>	44	1391

Таблица 2*

Язык	Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет, ед.	Распределение обучающихся, изучающих родной нерусский язык как предмет, чел.			
		1–4 классы	5–9 классы	10–11 классы	итого
Бурятский	10	124	158	–	282
Тофаларский	2	57	29	–	86
Эвенкийский	3	29	42	11	82
<i>Итого</i>	15	210	229	11	450

* Приведена в соответствии со справкой Иркблкомстата 2006 г.

В округе активно функционируют программы по обучению бурятскому, татарскому и польскому языкам. При этом количество школ с национальным компонентом в последние годы практически не изменилось, но, несмотря на незначительное увеличение числа школ (прирост на четыре единицы), численность обучающихся уменьшается. Согласно справкам окружного отдела образования вовлеченными в обучение национальным языкам оказались 4989 детей, что по сравнению с 2001 г. меньше на 2123 чел. Причины этих изменений вполне объективны и связаны с общей демографической ситуацией как в округе, так и в целом государстве (табл. 3).

Таблица 3

Районы	Число школ		Число обучающихся	
	2001–2002	2006–2007	2001–2002	2006–2007
Аларский	12	12	871	638
Баяндаевский	22	21	1 297	896
Боханский	13	13	836	680
Нукутский	11	12	1 752	14 25
Осинский	14	17	561	569
Эхирит-Булагатский	23	25	1391	781
Школа-интернат	1	–	158	–
<i>Итого</i>	96	100	6 866	4 989

В крупных поселениях у родителей и детей есть право выбора образовательного учреждения, и наиболее ярко языковые предпочтения выражаются именно в выборе типа обучения и школы для своих детей при условии социальной ситуации, предоставляющей возможность такого выбора.

Построение системы школ с национальным компонентом исходит из необходимости разрешить объективно существующие противоречия. У представителей каждого этноса в многонациональном регионе есть естественное стремление создать и сохранить свою включенность в общегосударственный социокультурный контекст и при этом не разрывать связь с истоками собственной национальной культуры. Общие диалектические тенденции мирового вербального пространства, связанные одновременно с ростом глобализации и с усилением этнического сознания проявляются также в вопросе образования. С одной стороны, действуют стереотипы интернационального объединительного характера, с другой — крепнут установки на социально-культурную дифференциацию по национальному признаку. Иными словами, развиваются две диалектические тенденции: одна из них обнаруживает рост глобализации, стирающей национальные перегородки, другая — призывает к усилению этнического сознания, к этноязыковому ренессансу, выражающемуся в стремлении народов, этносов сохранить, а в некоторых случаях и возродить, язык в качестве свидетеля культуры-духовной самобытности. В условиях актуализации национального самосознания и ревитализации титульных языков общественные процессы, обеспечивающие и гарантирующие развитие национальных языков, приобретают особое значение

не только в лингвистической практике, но и в решении вопросов языковой политики и межнациональных отношений.

Выбор национальной школы или образовательного учреждения с преподаванием национального языка определяет важный этап формирования двуязычия — двуязычное образование. Такие школы необходимы в современном обществе, поскольку в той или иной степени выполняют функции хранения и передачи языка последующим поколениям. Факт использования языков в учебном процессе для формирования двуязычия имеет важное значение, поскольку сохраняет навыки и умение использовать язык в речи. В поликультурном обществе школа призвана выполнить особую социально значимую роль, а именно: передать ребенку знания, умения, навыки, необходимые для восприятия универсального, не отрицая при этом корней своей личности. Двуязычие, компонентами которого являются родной язык и язык ближайшего социального окружения, призвано выступить в роли средства и гаранта сохранения культурного многообразия, «диалога метафор». Двуязычное образование, таким образом, решает несколько целей: личность самоидентифицируется в этнокультурном (значит, в национальном), общероссийском (значит, в гражданском) и мировом измерениях.

Возможность решения заданных целей предполагает создание, наличие и успешное функционирование образовательной системы, в которой начальная ступень, включающая дошкольный период, младшие классы, основана на «погружении» в стихию родной культуры и языка, а среднее и старшее звенья ориентированы на вывод в государственное и мировое пространство. При этом последняя ступень является логическим продолжением предшествующей и использует для восприятия учебного материала уже полученные на начальной ступени знания.

В современных условиях образовательный, социально-профессиональный, экономический факторы определяют выбор школы для большинства этнических групп, что, на наш взгляд, способствует давлению процессов языковой ассимиляции и этноунификации, которые проявляются, в первую очередь, в смещении позиций языковых элементов этнической идентификации. Между тем, социальные условия региона и государства в целом определяют потребности наличия национального компонента в системе образования. Несмотря на условия реального существования, формирующего языковые ориентации на использование мажоритарного (русского) языка, в национальном сознании отчетливо фиксируется желание сохранить язык нации, при этом способы возрождения напрямую связаны с формами организованного обучения. К ним относим расширение сети общеобразовательных учреждений с преподаванием национальных языков, разработку новых обучающих национально-языковых программ и их действие не только в сельской местности, увеличение числа учебных и художественных изданий, и конечно, отношение членов языковой группы к национальным языкам как к ценности.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АГРАРНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ 1990-х гг. В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Радикальные реформы в России в 1990-х гг. привели к коренным изменениям основы экономической системы общества — отношений собственности и оказали влияние на все стороны социально-экономического развития страны и ее регионов. В ходе преобразования аграрной сферы произошло разгосударствление сельского хозяйства и появление новых хозяйственных субъектов — акционерных обществ, кооперативов, фермерских хозяйств. Отменялась государственная монополия на землю, и возрождался институт частной собственности, создавалась возможность для равноправного развития различных форм хозяйствования.

Основные итоги реформирования можно проследить на примере Алтайского края, в экономике которого темпы разрушительных процессов отличались худшими показателями, и проблемы АПК выразились сильнее, чем в других областях России. В связи с реорганизацией сельхозпредприятий в новые формы хозяйствования произошел процесс перераспределения численности занятых между государственным и негосударственным секторами экономики. Если в 1991 г. сельское население края работало в основном в колхозах (их насчитывалось 243) и совхозах (465), то уже в 1992 г. появилось 129 предприятий новых организационно-правовых форм, в 1993 г. их уже было 414, в 1994 г. — 472. Количество колхозов и совхозов за 1991–1994 гг. сократилось с 708 до 255 (Алтайский край в цифрах. 1990–1994 гг.: Краткий стат. сборник. Барнаул, 1996. С. 150). К концу 1990-х–началу 2000-х гг. наибольший удельный вес в численности занятых приходился на частный сектор. В 2002 г. в сельском хозяйстве края крупных, средних и малых предприятий негосударственной формы собственности насчитывалось 991, а колхозов и совхозов — лишь 19.

В 1990-е гг. произошло становление и развитие фермерского сектора в сельском хозяйстве Алтайского края. Наиболее активно фермерские хозяйства создавались в первой половине 1990-х гг., особенно после принятия в 1992 г. постановления правительства России «О практике реорганизации колхозов и совхозов». Их численность с 1991 по 1995 гг. возросла с 99 до 6806 (Алтайский край в цифрах. 1993–1997: Стат. сборник. Барнаул, 1998. С. 131). Однако в дальнейшем слабая экономическая поддержка со стороны государства, ограниченность материально-технической базы, инфляция привели к устойчивому сокращению вновь создаваемых и увеличению числа распадающихся фермерских хозяйств. Об этом свидетельствует динамика их количества в последующие годы: 1996 г. — 6612, 1997 г. — 6332, 1998 г. — 6121, 1999 г. — 6104, 2000 г. — 5960, 2001 г. — 5851. Вместе с тем наблюдалась тенденция к укрупнению

фермерских хозяйств: если в 1992 г. на каждое из них в среднем приходилось 72,6 га земли, то в 2002 г. — 180,3 га (Алтайский край в цифрах. 1997–2001: стат. сборник. Барнаул, 2002. С. 164). На начало 2002 г. в этих хозяйствах было зарегистрировано 11,6 тыс. членов и 3,8 тыс. привлеченных наемных работников.

В ходе аграрной реформы получил широкое развитие своеобразный социально-экономический уклад, получивший название «хозяйства населения». По ряду важнейших качественных признаков (например, товарность многих из них) эти хозяйства сходны с фермерскими, но вместе с тем далеко не совпадают с ними. На селе — это личные подсобные хозяйства, в которых занята значительная часть населения. Общее количество хозяйств (семей), имеющих приусадебные участки и ведущих ЛПХ, в Алтайском крае на начало 2002 г. составляло 435,9 тыс. (Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2004. № 3. С. 149). В условиях реформирования, когда основное число сельхозпредприятий находилось в сложном финансовом положении и не могло дать своим работникам необходимого уровня оплаты, личные хозяйства стали служить для многих сельских семей единственным источником существования. Кроме того, ЛПХ все больше выступали как поставщики сельхозпродукции на продовольственном рынке Алтайского края. Доля хозяйств населения в производстве продукции сельского хозяйства за 1990–2002 гг. выросла с 26 до 54%. Этому способствовало то обстоятельство, что в результате земельной реформы и снятия отдельных законодательных ограничений размеры ЛПХ населения возросли.

Увеличили свой вклад в общий объем производственной продукции и фермерские хозяйства: с 2% в 1992 г. до 7% в 2002 г. Однако они не смогли стать гарантом продовольственной безопасности края. Существенно снизили свои производственные показатели реформированные сельхозпредприятия. Их удельный вес в структуре продукции сельского хозяйства упал почти в 2 раза — с 74 до 39%. И хотя они оставались основными производителями зерна и технических культур, показатели их производственной деятельности имели в целом отрицательную динамику: с 1993 по 2000 гг. посевные площади сократились с 5663,0 тыс. до 4653,6 тыс. га, поголовье крупного рогатого скота — с 1274,2 тыс. до 653,4 тыс. голов (в 2 раза), свиней — с 351,5 тыс. до 127,0 тыс. голов (в 2,7 раза), овец — с 770,6 тыс. до 118,0 тыс. голов (в 6,5 раза), производство зерна — с 4078,1 тыс. до 3876,4 тыс. т, сахарной свеклы — с 737,3 тыс. до 306,4 тыс. т (в 2,4 раза), картофеля — с 30,4 тыс. до 9,0 тыс. т, мяса — с 120,1 тыс. до 36,9 тыс. т (в 3,2 раза) и т.д. (Алтайский край в цифрах. 1993–1997. С. 128–129; Алтайский край в цифрах. 1996–2000: Стат. сборник. Барнаул, 2001. С. 143).

Таким образом, реформа отношений собственности и изменение форм хозяйствования в 1990-е гг. не оказали позитивного влияния на экономическое развитие отрасли, однако проблема состояла не в самих институциональных преобразованиях, а в неэффективном их осуществ-

влении, несовершенстве системы государственного регулирования развитием рыночной инфраструктуры, а также финансово-кредитной, налоговой и инвестиционной политики. Ослабление государственного влияния и поддержки сельского товаропроизводителя, огромный диспаритет цен между продукцией сельского хозяйства и промышленности не могли не сказаться на экономике аграрного сектора самым негативным образом. В подавляющем числе хозяйств Алтайского края перестала обновляться материально-техническая база, и к концу 1990-х гг. физический износ машинно-тракторного парка составлял более 80%. Практически прекратилось внесение удобрений в почву, из-за отсутствия гербицидов резко возросла засоренность полей. Перебои в обеспечении ГСМ приводили к срыву оптимальных сроков проведения полевых работ. Урожайность зерновых культур в хозяйствах всех категорий за 1993–1999 гг. сократилась с 11,4 до 7,2 ц/га, а валовые сборы зерна — с 4410,8 тыс. до 2513,4 тыс. т (Алтайский край в цифрах. 1993–1997. С. 139; Там же. 1996–2000. С. 152).

Кризисные явления в сельском хозяйстве Алтайского края усиливались острой нехваткой в хозяйствах оборотных средств, нарастающими долгами в бюджет и внебюджетные фонды и т.п. В целях выживания многие руководители сельхозпредприятий сокращали количество скота, в результате чего за 1994–2001 гг. в хозяйствах всех категорий поголовье уменьшилось следующим образом: крупный рогатый скот — с 1801,3 тыс. до 1099,7 тыс., в том числе коровы — с 707,7 тыс. до 493,5 тыс., свиньи — с 676,0 тыс. до 572,0 тыс., овцы и козы — с 1295,9 тыс. до 323,6 тыс. (Там же. 1993–1997. С. 142; Там же. 1996–2000. С. 155).

Снижение объемов производства, диспаритет цен на сельхозпродукцию и ресурсов для села способствовали значительному росту числа убыточных хозяйств. Себестоимость сельхозпродукции за 1992–1996 гг. выросла в 215 раз, а выручка от ее реализации — в 69 раз. Рентабельность производства одной тонны зерна за это время резко упала — с 275 до 4%. Доля убыточных сельхозпредприятий Алтая в 1994 г. составила 58,5%, особенно она была высокой в 1997 и 1998 гг. (92,3 и 85,1% соответственно). В последующие годы этот показатель стал снижаться, но по-прежнему оставался высоким.

Сельское хозяйство превращалось в убыточную отрасль экономики, что наносило ущерб ранее существовавшим социальным функциям и гарантиям, исходившим от сельхозпредприятий. Доходы занятых в колхозах и совхозах стали самыми низкими среди всех профессиональных групп, часто возникали задержки «денежной» заработной платы, оплата труда все более натурализовалась. В конце 1990-х гг. среднемесячная зарплата работников крупных и средних предприятий и организаций сельского хозяйства Алтая составляла 53,7% от среднерегиональной. Снижение объемов производства и тяжелое финансовое положение хозяйств привели к сокращению рабочих мест в основном производстве, к появлению явной и скрытой безработицы. За 1990–2000 гг. численность занятых

в сельхозпредприятиях уменьшилось с 333,0 тыс. до 189,0 тыс. чел. (на 43,2%). В начале 2002 г. в селах Алтая насчитывалось 51,1 тыс. безработных, или 47,9% их общего числа в крае (Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2004. № 3. С. 19, 149). Все это свидетельствовало о резком снижении уровня жизни сельского населения.

Е.А. КУЛАКОВ

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время наблюдается повышение внимания к проблеме сохранения и возрождения национальной самобытности малых народов не только в России, но и во всем мире. Это является своеобразной реакцией этносов против процессов ассимиляции и постепенного «растворения» их в других более крупных народах. Происходит уменьшение численности и качественное изменение воспроизводства коренного населения, что связано с политической, социально-экономической ситуацией в стране, постепенным переходом от традиционного типа воспроизводства (многодетности) к современному (малодетным семьям).

Особенно примечательно, что во всем мире учеными ведется целенаправленный отбор традиционных приемов и способов жизнеобеспечения, выявление этнодемографической специфики для создания «копилки» экологического опыта и последующей его интеграции с высокими технологиями современности.

С этих позиций Россия и особенно, Сибирь, обладают особой ценностью: именно здесь, как нигде более в Европе, сохранились сообщества коренных малочисленных народов, жизнеобеспечение которых основано на традиционных видах природопользования. Иркутская область — исторически сложившийся полиэтнический регион. Здесь в тесном контакте с русскими на протяжении длительного времени взаимодействовали монголоязычные (буряты), тунгусоязычные (эвенки) и тюркоязычные (тофы) этносы.

В материалах Иркутского статистического комитета за 1868 г. приводятся данные об убыли бурятского населения за этот год (614 чел.), причем вся она падает на бурят-шаманистов. С 1859 по 1897 гг. бурятское население уменьшилось более чем на 1/10, что соответствует ежегодной средней убыли обоюбого пола на 2,64%. В начале XX в. у бурят, как и у всего населения России, господствовал традиционный тип воспроизводства с высоким уровнем рождаемости и высоким уровнем смертности. Естественный прирост бурятского населения составлял менее 1%. Темпы увеличения общей численности бурят были значительно ниже, чем в России и в Сибири.

Современная ситуация характеризуется преемственностью в компактном типе расселения бурят в большинстве территориальных образова-

ний. Но существует устойчивая тенденция к снижению уровня адаптации бурятского населения, что связано с изменением политической и социально-экономической ситуации в стране с начала 1990-х гг. Перестройка, переход к рыночным отношениям, множество перемен сопряженных с ним, тяжело воспринимается населением. Участились кражи (в основном скота), обычными явлениями становится алкоголизм и безработица. Наиболее удобной формой приспособления к действительности, в данной ситуации оказывается возврат к традиционным отношениям. Но также имеет место следующее противоречие: желание соблюдать традиционные обряды и ритуалы сочетается с нежеланием возвращаться к традиционному образу жизни. Так, в частности, жители села Куйта (Нукутский район) против обучения в школе по бурятской национальной программе, так как в таком случае детям было бы труднее продолжить образование в различных вузах, отсюда бурятский язык преподается в часы факультативных занятий. Сходные процессы потери этнокультурной самобытности довольно быстро происходят в Прибайкалье у эвенков, в том числе и вследствие дисперсного расселения среди русских. Для этого района характерна высокая доля смешанных семей, идет ассимиляция эвенков с русскими, в семьях которых дети полностью утрачивают этническое самосознание.

В миграциях коренного населения следует отметить процесс постепенного и постоянного уменьшения сельского населения и отток его в крупные города Иркутской области и Забайкалья. Это связано с необходимостью получения образования и в дальнейшем более вероятного, по сравнению с сельской местностью, успешного трудоустройства. За последние десятилетия на севере произошли сложные социально-экономические изменения, которые негативно отразились на коренном населении Иркутской области. Социально-экономический кризис России наиболее сильно ударил именно по северным районам в условиях жесткой конкуренции при распределении федеральных средств реальная помощь не доходит до эвенкийского населения. Сегодня эвенки переживают ряд проблем социального, экономического, культурного и правового характера.

Повальная безработица, потеря жизненных ориентиров, и как следствие этого, алкоголизм и маргинализация стали повседневными негативными явлениями в жизни эвенков. Со сложной социально-экономической обстановкой связана тенденция к снижению естественного прироста численности эвенков. Так, в традиционных районах проживания эвенков численность последних составляет лишь незначительный процент от общего числа населения. Такая демографическая ситуация обусловлена в том числе и сложными медико-географическими условиями, в которых проживает эвенкийское население. В местах компактного проживания эвенков, удаленных от районных и областного центров, практически полностью отсутствует медицинское обслуживание. Ситуация усугубляется и нарушением естественного рациона питания эвенков, который традиционно базировался на мясной и рыбной белковой пище.

Социально-экономические проблемы тесно переплетаются с проблемами утраты культурного наследия. Вместе с традиционным укладом и образом жизни отходят в прошлое традиции и обычаи местного населения. Ранее огромную роль играли предания и сказания эвенков, имевшие большое воспитательное значение, формировавшие сознание, чувства и волю, знакомявшие молодое поколение с традициями, нормами жизни и историей народа. В настоящий момент предания, сказания, легенды, ранее передававшиеся из поколения в поколение, могут быть утрачены. В свете сохранения культурного наследия эвенков одной из наиболее серьезных проблем является утрата языковой самобытности. Язык, как один из определяющих факторов этнической культуры и этнического сознания, играет важнейшую роль в жизни народа. Угроза потери языковой преемственности связана и с отсутствием школ с преподаванием на эвенкийском языке в ряде населенных пунктов, где живут эвенки. Недостаток образования сказывается на моральном облике молодежи, вызывает рост алкоголизма, что ведет к разложению традиционных моральных норм и духовных ценностей коренного населения. Отсутствие должного правового регулирования статуса малочисленных коренных народов еще одна важная проблема коренного населения севера Иркутской области. Сегодня стремление сохранить культуру коренных этносов с присущими им ценностями стало составляющей международного движения за сохранение биоразнообразия и за права человека. Борьба за права коренных народов нашла отражение во многих правовых актах: в Международной конвенции «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых государствах» (1989), в Международной конвенции по биоразнообразию (1996) и др., так же, как и в ряде законов отдельных государств.

Еще одной опорой для людей служит сама родная земля. В настоящее время возвращается традиция устраивать у бурят семейно-родовые тайлаганы, моления. Возможно, таким образом, они стараются поддержать связь с предыдущими поколениями, которые являлись бы для них некими ориентирами в постоянно изменяющемся мире.

Процесс трансформации социальной и культурной среды коренных народов затронул уже не одно поколение и решение проблем адаптации и адекватного восприятия происходящих социально-экономических реформ, безусловно, будет носить долговременный характер. При этом потребуются значительные усилия как со стороны самого этноса, так и государственных органов власти в части финансовой поддержки для реализации программ и проектов по стимулированию восстановления и сохранения традиционной этнической культуры. Между тем уровень адаптации определяется силой давления на жизнеобеспечение этноса как с внешней, так и с внутренней сторон.

Проблема ухудшения экологической обстановки также имеет большое значение для жизнедеятельности коренного населения. Происходит утрата охотничьих угодий в результате освоения месторождений

полезных ископаемых, и, как следствие этого, упадок промысла, разрушение мест проживания и отчуждение исконных земель. Необходима государственная программа по сохранению коренных народов, что также найдет свое отражение в решении проблемы сохранения национальной самобытности коренного населения. Уже сейчас происходит возрождение культурных традиций (строительство дацанов), в школах Бурятии введен бурятский язык, как предмет обучения.

Социально-экономические проблемы необходимо решать путем дотаций и финансовых вложений государства в сельское хозяйство и традиционное природопользование на местах проживания коренного населения, так как сами коренные народы при существующей законодательной базе не в состоянии решить данную проблему.

А. П. МЕЛЕНТЬЕВА

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1990-е гг.

В 1990-е гг. в процессе реформирования экономических отношений в аграрном секторе страны и ее регионов происходили радикальные изменения. Утверждались различные формы собственности на землю и средства производства, шел процесс становления многообразных форм хозяйствования. Рыночные отношения формировались в условиях сокращения крупнотоварных хозяйств, нестабильности и спада производства, в первую очередь в коллективных сельхозпредприятиях, что вызывало сокращение рабочих мест и высвобождение работников. На селе появилась безработица, доходы сельских жителей резко уменьшились, упал их жизненный уровень. Снижение уровня оплаты труда, несвоевременная выплата зарплаты и зачастую ее натурализация, а также невозможность найти на селе другие источники заработков сделали ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ) необходимым условием жизни селян. Для большей части семей оно стало средством выживания, самообеспечения продуктами питания, основной формой приложения труда и формой адаптации к изменившимся условиям жизни.

Однако развивать семейное подворье удавалось не всем. В силу как объективных, так и субъективных причин многие не смогли или не захотели увеличивать свое приусадебное хозяйство, некоторые были вынуждены сократить размеры, другие отказались совсем от его ведения. Но примерно половина сельских семей Западной Сибири смогла расширить свое хозяйство и нарастить производство, тем самым смягчив безденежье и притормозив стремительное падение уровня жизни.

Объем производимой в хозяйствах населения продукции увеличивался, а в общественном секторе сокращался. В целом по Российской

Федерации с 1990 по 1998 г. доля хозяйств населения в валовой сельскохозяйственной продукции возросла с 26% до 59%. В таких регионах Западной Сибири, как Кемеровская область и Алтайский край она поднялась соответственно с 44,8% до 59,2% и с 26 до 48%, а доля сельскохозяйственных предприятий в каждом из этих регионов упала с 53,8% до 38,2% и с 74 до 48% (Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. М., 2001. С. 328; Видякин А.В. Организационно-экономические основы развития кооперации ЛПХ населения (на материалах Кемеровской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Барнаул, 2002. С.10; Современное состояние и проблемы развития личных подсобных хозяйств в Алтайском крае. Барнаул, 2005. С.5). Сложилась ситуация, когда впервые в послевоенный период в масштабах всей страны доля ЛПХ в производстве сельскохозяйственных продуктов стала выше доли общественных производителей. Рост был достигнут не только за счет наращивания производства в личном секторе, но и за счет сокращения его в крупных сельскохозяйственных предприятиях. За относительно короткий срок произошло смещение производства продуктов питания в сторону хозяйств населения. При этом производство сельскохозяйственной продукции в них стало ориентироваться не только на внутрисемейное потребление, но и на рынок. Товарность личных хозяйств возросла, достигнув к концу 1990-х гг. 35–40%, а по отдельным хозяйствам — более 50%. На селе появилась категория жителей, получающих доходы только от ведения своего хозяйства. Причем насчитывалось немало семей, для которых это был единственный источник доходов.

За период реформ 1990-х гг. положение ЛПХ в системе производителей сельскохозяйственной продукции изменилось. Из дополнительного источника производства продуктов питания для внутрисемейного потребления и получения доходов они превратились для многих семей в основной. В период, предшествующий реформам 1990-х гг., личное хозяйство неразрывно было связано с общественным, составляя практически единое целое с колхозом или совхозом. Оно было интегрировано в колхозно-совхозное производство и не могло существовать изолированно от него. Земельный участок крестьянского двора входил в общее землепользование колхоза или совхоза, многие работы в ЛПХ выполнялись при использовании общественных средств производства, договорные отношения с сельскохозяйственными предприятиями гарантировали владельцам личных подворий получение кормов для скота, молодняка животных и птицы, кредитов, а также реализацию излишков продукции. В результате реформирования произошло разделение землепользования. Ликвидация монополии государственной собственности на землю привела к тому, что ЛПХ, как и другие хозяйствующие субъекты, стали собственниками выделенных им или купленных участков земли. С ЛПХ были сняты ограничения, связанные с размером земельных угодий, нормами содержания скота, объемами производства и реализации производимой продукции. Они стали

функционировать на равных правах с другими хозяйствующими субъектами. При этом значительная часть ресурсов для их ведения по-прежнему обеспечивалась за счет сельскохозяйственных предприятий (как в легальной, так и в нелегальной форме).

Тем не менее, положение ЛПХ по сравнению с предшествующим периодом не изменилось в лучшую сторону. Прежде всего, ослабла их материальная база, так как был разрушен производственный потенциал коллективных хозяйств, за счет которых обеспечивалось ведение ЛПХ. Сами же семейные хозяйства имели низкую ресурсную обеспеченность, особенно средствами механизации, что не позволяло им механизировать трудоемкие работы по заготовке кормов, чистке помещений для содержания скота и водоснабжению. А из-за их высокой стоимости подавляющее большинство владельцев личных подворий не могли приобретать малогабаритную технику. Да и за годы реформ выпуск ее значительно сократился. В 1998 г. по сравнению с 1990 г. производство мини-тракторов уменьшилось в 13 раз, мотоблоков и мотокультиваторов — примерно на 1/3, сенокосилок и самоходных кос — в 49 раз, электросепараторов, ручных и электрических насосов для колодцев — примерно в 4 раза (Многоукладная экономика и российская деревня. С. 342).

Острой для личных подворий оставалась и проблема обеспечения скота и птицы кормами. До реформы 1990-х гг. колхозы и совхозы обеспечивали их скот кормами, продавая их по заготовительным ценам, увеличивая натуральную часть (зерно, зернофураж и др. кормовые культуры) оплаты труда колхозника, выделяя пастбища, сенокосы и дополнительные участки под кормовые культуры. Хотя эта помощь и оказывалась в зависимости от производственных показателей владельцев ЛПХ в колхозах и совхозах, она носила постоянный характер и была существенной. В 1990-е гг. работающие в сельскохозяйственных предприятиях владельцы ЛПХ по-прежнему получали зерно и зерноотходы в качестве натуроплаты, в отдельных случаях — в счет арендной платы за земельные доли. Остальные закупали их на рынке, у частных лиц, а также в коллективных хозяйствах. Но этого не хватало, а при отсутствии выделенных пастбищ и сенокосов владельцы хозяйств зачастую прибегали к нелегальным формам приобретения кормов.

Особенно большие трудности испытывали владельцы хозяйств с реализацией продукции. В дореформенный период часть производимой продукции продавалась на колхозных рынках, государству, потребительской кооперации, колхозам и совхозам. В годы реформ эта система закупки была разрушена, коллективные предприятия перестали заключать с ЛПХ договоры на закупку молока, мяса, яиц. Теперь условия сбыта продукции ухудшились: росли транспортные расходы, на рынках господствовали перекупщики, выбор каналов реализации продукции зависел от расположения хозяйств по отношению к местному рынку, уровня цен на продукцию и наличия посреднических структур. В такой ситуации ЛПХ

нуждались в помощи со стороны властей. На региональном уровне принимались законы о ЛПХ, но многие вопросы развития личных подворий так и не были отрегулированы в 1990-е гг. Необходима была государственная поддержка. Федеральный закон «О личном подсобном хозяйстве» был принят Государственной Думой только в 2003 г.

С.А. СОЛДАТОВ

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1987–1993 гг.)

Первые реальные изменения в местных советских органах начались с того, что во время выборов 1987 г. в части регионов страны (5% районов) было решено провести выборы на состязательной, альтернативной основе. Это мероприятие, в основном, носило пропагандистский характер. Всего на 94 тыс. мест было выдвинуто более 120 тыс. кандидатов. Однако, для сознания населения, длительное время не помышлявшего о самой возможности выбора на «выборах», оно имело колоссальное значение.

В каждой области, крае, автономной республике Восточной Сибири был район, в котором в порядке эксперимента проводились выборы в местные Советы по многомандатным избирательным округам. Выборы 1987 г. в местные Советы Читинской области проходили под знаком достойной встречи 70-летия Великого Октября и 50-летия образования Читинской области. Выборы по многомандатным избирательным округам в этой области проходили в Улетовском районе (ГАЧО, ф.р. 137, оп. 1, д. 1673, л. 2).

В Хакасии во время выборов 1987 г. Алтайский район был экспериментальным; там было образовано 22 многомандатных округа с числом избирателей 14 177 (ЦГАРХ, ф. 2, оп. 19, д. 302, л. 9).

Эта реформа избирательной системы устраняла излишнюю социальную напряженность и известный дискомфорт для кандидатов, связанный с предвыборной конкуренцией, поскольку предоставляла им шанс стать хотя бы резервным депутатом. В этот период для избирателей Восточной Сибири стали разрушаться стереотипы советской избирательной системы — «выборы без выбора».

Во второй половине 1980-х гг. процессы реформирования политической системы советского государства оставались в целом настолько неэффективными, что руководство партии и страны было вынуждено принять более решительные меры в области «ремонта» органов государственной власти. Поэтому XIX Всесоюзная конференция КПСС 1988 г. определила решающим направлением реформы политической системы «обеспечение полновластия Советов народных депутатов как основы социалистической государственности и самоуправления в нашей стране».

Реформирование политической системы СССР, набравшее обороты на рубеже 1980–1990-х гг., имело важнейшей составной частью начавше-

еся разграничение полномочий органов государственной власти и местного самоуправления.

Значительный импульс этому процессу придали выборы народных депутатов РСФСР в марте 1990 г. В соответствии с законом РСФСР «О выборах народных депутатов РСФСР и местных Советов народных депутатов» от 27 октября 1989 г. № 44 в России были созданы условия для выдвижения неограниченного количества кандидатур. Значительно расширился круг участников избирательного процесса. Полномочия по выдвижению кандидатов помимо трудовых коллективов предприятий, общественных организаций и собраний военнослужащих получили коллективы средних специальных, высших учебных заведений, собрания по месту жительства.

На выборах в местные Советы 1990 г. в Падунском районе города Братска было образовано 12 многомандатных округов по выборам в районный Совет. В каждом многомандатном округе избиралось 9 депутатов в районный Совет, 1 депутат — в областной и 1 депутат — в горсовет. В чем преимущества многомандатной системы? На 9 депутатских мандатов могло быть выдвинуто большее количество кандидатов. 6 депутатов могли быть резервными, если получают более 50% голосов избирателей. И они могли работать в районном Совете с правом совещательного голоса (Ведомости Съезда Народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 16. С. 267).

Во многих регионах Восточной Сибири создание избирательных комиссий проходило келейно, что вызывало социальную напряженность. Практика показала, что нельзя поручать формирование комиссий депутатам предыдущего созыва, исполкомам Советов, так как это приводило к нарушениям закона.

Воспроизводя события того периода, следует отметить, что первоначально деятельность обновленных местных Советов на территории Российской Федерации осуществлялась в рамках Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» № 1417-1, принятого 9 апреля 1990 г. В соответствии с ним дифференциация единой системы Советов и осуществление принципа независимости Советов разного уровня подкреплялось правом судебной защиты и хозяйственной самостоятельности местных Советов.

Местные Советы в этот период конституировались как «основное звено в системе местного самоуправления», подтверждая тем самым курс на избавление их от исполкомовского диктата. Введение института председателей Советов всех уровней и создание президиумов в местных Советах (за исключением городов районного значения, поселковых и сельских Советов) было направлено на усиление их организаторской функции, как в сессионные, так и в межсессионные периоды, что влекло за собой утрату этой функции исполкомами и их аппаратами. Эта мера имела целью воспрепятствовать подмене Советов аппаратом, реализовать заложенный в них демократический потенциал.

Роль Советов усиливалась и в управлении местными делами. Предусматривалось существенное расширение системы подконтрольности Советам всех других государственных органов и должностных лиц. Было установлено, что лица, входящие в состав исполкомов, руководители ведомств, управлений исполкомов, судьи и другие должностные лица, не могли быть депутатами Совета, которым они назначались. Этот принцип депутатской несовместимости распространялся также на значительное число руководителей партийных органов. Кроме того, в целях преодоления кадрового застоя в исполкомовских органах, предусматривалось ограничение, в соответствии с которым должностные лица, назначаемые Советами, не могли занимать свои посты более двух сроков подряд.

Указанные меры способствовали кадровому и организационному обновлению местных Советов от местных исполнительных органов, с одной стороны, и от местных партийных комитетов — с другой. Несомненным достоинством данного закона была попытка законодательного соединения местного самоуправления и местного хозяйства, подведения финансово-экономической базы под новую форму организации местной власти. В нем впервые устанавливалось, что экономическую основу местного самоуправления составляют природные ресурсы (земля, вода, леса и т.п.), коммунальная и иная собственность, служащая источником доходов.

Восстанавливая последовательность событий, отметим, что Закон «Об общих началах самоуправления и местного хозяйства в СССР» не оказал значительного практического влияния на местную власть в России. Провозглашенные новые управленческие отношения встретили определенное противодействие со стороны аппарата местных органов, привыкших работать в рамках сложившихся стереотипов. Но главное состояло в том, власть сама оказалась не готовой предоставить местному самоуправлению провозглашенную самостоятельность. Всего лишь через несколько месяцев после принятия закона 1990 г. одно из радикальных его положений о ликвидации двойного подчинения местных исполнительных органов и подотчетности их только одноуровневым Советам было отменено.

Тем не менее, при сохранении декларативного положения о «двуединой» сущности местных Советов был сделан реальный шаг в сторону обретения ими самостоятельного статуса, поставлена под сомнение традиционная властная, иерархическая вертикаль. Выборы в местные Советы впервые прошли на основе демократической процедуры, в рамках которой, в первую очередь, следует отметить практическую реализацию принципа альтернативности. Кадровый состав местных Советов существенным образом обновился, в них были привлечены демократически ориентированные специалисты.

Реформирование государственной власти и местного самоуправления оформляется в принятом 6 июля 1991 г. Законе «О местном самоуправлении в РСФСР», где местные Советы определяются как представительные органы населения, районов, городов, районов в городах,

поселках, сельских населенных пунктов. Последние, таким образом, вычленились из системы государственной власти и входили в систему местного самоуправления.

Значительным шагом в реформе местных властей стало образование малых Советов в рамках местных Советов. Малый Совет в период между сессиями осуществлял полномочия соответствующего местного Совета народных депутатов. Местный Совет, однако, сохранял за собой право отменять решения своего малого Совета, а председатель Совета входил по должности в состав малого Совета и организовывал его работу. Необходимость этой важной меры была осознана депутатским корпусом не сразу, а спустя некоторое время под влиянием ряда обстоятельств. Первым среди них следует назвать большую численность состава депутатов городских и районных Советов (как правило, от 75 до 150 чел.). Опыт показал, что при такой численности практически невозможно было быстро обсудить и оперативно принять неотложные решения.

Образование малых Советов позволило облегчить решение проблемы кворума. Это понятие из бюрократического лексикона прочно вошло в обиходную речь начала 1990-х гг. В репортажах с заседаний Советов разного уровня все чаще стали поступать сообщения о недостаточной явке депутатов на сессии, уходе их с заседаний. Откладывалось решение вопросов, требующих кворума, срывались заседания и сессии. Можно по-разному оценивать поведение депутатов, пренебрегавших своими обязанностями, но необходимо учитывать и объективное обстоятельство, состоящее в том, что для значительного числа депутатов работа в Совете оказалась неожиданно сложной и трудоемкой. К тому же в условиях перехода к рыночной экономике стало рискованным оставлять на длительное время рабочее место. «Демократия», нередко выходившая из берегов, позволяла коллективу поставить вопрос о том, что из-за нехватки времени руководитель плохо справляется со своими обязанностями.

С особой остротой встала проблема совмещения депутатской деятельности с профессиональной работой в сельских и поселковых Советах, где на должности председателей по рекомендации сверху были избраны руководители местных хозяйств, главные специалисты.

В условиях обостряющегося противоборства представителей власти возникали предложения о ликвидации низового звена Советов. В числе таких регионов Восточной Сибири оказался Красноярский край, где в 1992 г. сельские и поселковые Советы стали ликвидироваться очень легко. В Курагинском районе, например, из 22 поселковых и сельских Советов было распущено 16, причем, не только в далекой глубинке, в деревеньках, но и в поселках, насчитывающих сотни и тысячи жителей. Примечательно то беспристрастие, которое сопровождало исчезновение представительной власти в таежных селах.

Анализ причин сокращения низовых звеньев Советской власти позволяет выделить следующие обстоятельства. Во-первых, негативное

отношение к Советам ряда высокопоставленных чиновников-реформаторов, среди которых были Г. Бурбулис, М. Полторанин, С. Шахрай и др., было воспринято на местах как указание к действию. В соответствии с этим губернатор Красноярского края А. Вепрев, например, на совещании глав администраций районов высказал пожелание о том, что представительная власть на уровне сельских и поселковых Советов должна быть расформирована (Известия. 1992. 22 сент.).

Другой причиной являлся недостаток культуры, неуважение к закону о местном самоуправлении, как со стороны чиновников, так и со стороны жителей. Многие главы районных администраций пошли по пути реализации идеи «свертывания» сельских и поселковых Советов, стремясь усилить исполнительную власть за счет ослабления представительной. А население не придало значения ограничению своего права избирать и быть избранным в местный орган само-управления. Однако, столь легкое, беспрепятственное сокращение имело и реальные основания. К ним относится, прежде всего, заложенная в законе неудачная форма организации власти и управления в низовом уровне. Выделение в селах и поселках Советов и администраций в соответствии с идеей разделения представительной и исполнительной властей сверху донизу привело к чрезмерной концентрации чиновников. При неразграничении их полномочий и недостатке финансовых и материальных ресурсов такая структура оказалась неэффективной и неавторитетной.

Взаимоотношения обновленных ветвей власти, как на центральном, так и на местном уровне складывались в условиях углублявшегося социально-экономического и политического кризиса. Преобладающими неизбежно стали тенденции усиления исполнительной и ослабления представительной власти, которые получили почти повсеместное распространение, что подтверждало линию центра на создание единой системы органов исполнительной власти. Вместе с тем, представительные органы разных уровней продолжали действовать автономно и зачастую сами по себе.

Именно в это время оформился институт территориального общественного самоуправления населения, который включал общие собрания (сходы), конференции граждан, местные референдумы. Предполагались также и иные формы непосредственной демократии: органы территориального общественного самоуправления населения (Советы или комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, поселков, сельских населенных пунктов), а также иные органы самоуправления населения по месту жительства (Советы или комитеты улиц, кварталов, домов и тому подобное). Анализ и обобщение опыта формирования и становления органов территориального общественного самоуправления позволяют выявить некоторые закономерности.

Почти повсеместно на территории Восточной Сибири проявились активная позиция, заинтересованность и настойчивость в учреждении новых органов со стороны местных депутатов различного уровня. Ста-

новление местного территориального самоуправления проходило при поддержке со стороны активной и наиболее культурной части населения, проживающей в наименее обустроенных микрорайонах и поселках. Местная администрация стремилась сформировать материальную и финансовую базу новых органов.

Вместе с тем местные Советы допускали в своей деятельности определенные нарушения. К наиболее распространенным из них относились самоуправное вмешательство представителей власти в хозяйственную деятельность предприятий, объединений и организаций, а также нарушения прав граждан по вопросам жилья, работы, прописки, осуществления земельной реформы, что вынуждало их обращаться в суды, прокуратуру, другие органы с жалобами и заявлениями. Со стороны администрации тоже имели место неправомерные действия. Некоторые главы администраций самостоятельно образовывали комиссии Советов, принимали решения по другим вопросам, относящимся к ведению представительных органов власти, произвольно увеличивали штатную численность работников аппарата.

К концу рассматриваемого периода деятельность местных Советов начала давать определенные сбои, перестала вписываться в новые социально-экономические условия, активность депутатского корпуса стала резко снижаться. Многие депутаты считали причиной своей вялой деятельности некомпетентность отдельных председателей Советов. Вместе с тем имели место суждения, что депутаты не могут найти себе применения, поскольку экономическая и политическая обстановка требовали концентрации власти в руках исполнительных органов.

Кризис местных Советов был порожден резкими и не всегда продуманными экономическими преобразованиями. Вместе с тем нужно отметить, что местные Советы и депутаты в этот период стали подвергаться критике и давлению со стороны администрации. Депутаты ощущали давящую на них ответственность перед населением за происходящие негативные явления в экономической и социальной жизни. Положение усугублялось постепенным размытием полномочий местных Советов, торможением процесса формирования финансовой и материальной базы местного самоуправления, которая практически уже никоим образом не соответствовала потребностям самоуправляемости территорий. Да и штатное расписание местных Советов предусматривало чисто «символическое» количество работников. Например, в городских Советах Читинской области число освобожденных работников не превышало 3 единиц (Всероссийское совещание народных депутатов местных Советов: г. Москва, 9 апреля 1993. М., 1993. С. 70).

Уныние, неверие в собственные силы, упадок духа вызывали сомнения в целесообразности иметь такие представительные органы власти, как Советы в селах и поселках. Однако не все представители власти разделяли такое мнение. Так, депутат Красноярского краевого Совета А.Н. Карабрин считал, что «надо оставить депутатский корпус только в

сельских и поселковых Советах, где будут не какие-то сходы, митинги, а будет действительно представительная власть» (Там же. С. 96).

Большой ущерб работе Советов наносил в этот период переход депутатов в органы исполнительной власти. Он усилился под влиянием другого фактора — конфликта двух ветвей власти на высшем уровне.

Престиж депутатов и представительных органов в обществе стал неизбежно падать. В этих условиях у части депутатов стало явственно проявляться равнодушие, неверие в свои силы и возможности изменить положение к лучшему. Участились случаи неявки депутатов на заседания по неуважительным причинам, а также заявления о досрочном сложении полномочий. Все более настойчиво распространяется тезис о том, что Советы являются главным тормозом реформ и создают ситуацию полной анархии на местах. В выступлении по российскому телевидению 20 февраля 1993 г. Президент Б.Н. Ельцин вынес, по-существу, обвинительное заключение: «Всем надоели напряженность и конфликты во взаимоотношениях между органами власти. Администрация города что-то запрещает, а местный Совет разрешает. Корень политической напряженности — получение в наследство от прошлого — громоздкой системы управления, которая выступает сейчас в виде всевластия Советов». 21 сентября 1993 г. Президент издал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», по которому прекращались полномочия Верховного Совета и Съезда народных депутатов, и назначались выборы в новый двухпалатный парламент на 12 декабря этого же года. Этот документ был воспринят как объявление конца советской власти в России. Подавление 4 октября 1993 г. сопротивления защитников Белого Дома в Москве ознаменовало завершение важного этапа в политическом развитии России и означало насильственное прекращение попытки реформирования системы Советов и образования в ней местного самоуправления.

Таким образом, жизнь показала исчерпанность возможностей реального реформирования местных Советов. На повестку дня была поставлена задача смены общественного строя, демонтажа прежней политической системы, формирования гражданского общества с принципиально иным политическим устройством.

С.Б. СУТУРИН

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Процесс обновления российского общества, создания эффективной рыночной экономики определил основные направления глубокой перестройки хозяйственного механизма. Вместе с тем данный процесс потребовал коренного изменения структур политической системы, всех

социально-экономических отношений и соответствующих форм хозяйствования. Сложившаяся в советское время система хозяйствования носила экстенсивный характер, а известная хозяйственная реформа 1965 г., направленная на совершенствование планирования, управления и усиление экономического стимулирования промышленного производства, не просто не была доведена до конца, а, по сути, была «похоронена». Предпринимавшиеся в 70–80-е гг. ушедшего столетия экономические преобразования, в том числе и в области управления промышленностью, не давали ожидаемого результата и эффекта в первую очередь потому, что, в конечном итоге, они наталкивались на устаревшие методы политического руководства обществом.

Практика реформирования последнего времени наглядно подтверждает необходимость лучшего усвоения уроков нашей истории, как позитивных, так и негативных явлений общественно-политической и социально-экономической жизни недавнего прошлого. Изучение и осмысление опыта хозяйствования в районах Восточной Сибири приводит многих исследователей к твердому убеждению, что оно было далеко не всегда продуманным и дальновидным. На индустриальное развитие Сибири решающее влияние оказывали два фактора: с одной стороны, это политическое давление со стороны правящей КПСС, а, с другой, — однобокий технократический подход министерств и ведомств к освоению природных ресурсов. Именно они привели к огромным диспропорциям в размещении производства и социальной сферы, способствовали возникновению механизма торможения в дальнейшем развитии производительных сил. Чрезмерное наращивание производственных мощностей, расточительное природопользование в регионе породили большое количество социальных, экологических, демографических и других проблем.

В течение длительного времени Коммунистическая партия, взяв на себя ответственность за судьбу страны и ее народа, осуществляла политическое руководство всеми социально-экономическими процессами в обществе. Однако правящая партия, возвышаясь над всеми общественными структурами, давая не осуждаемые установки и команды, подменяя государственные и хозяйственные органы, не только не смогла овладеть искусством управления, вовремя выявляя и эффективно разрешая возникающие противоречия, но даже утратила свою специфичность как политическая организация. В то же время в условиях экстенсивной стратегии хозяйствования в рамках командно-административной системы управления формировался и укреплялся ведомственный подход к реализации программ промышленного развития Сибири, что лишило их комплексности. Сосредоточивая в своих руках финансовые и материальные ресурсы, министерства и ведомства, по существу, проводили в различных районах Сибири политику территориальной экспансии. Практика управления промышленностью показывает, что неконтролируемая и необузданная ведомственность последних двух советских десятилетий

становилась все более корыстной, беспринципной и даже жестокой, чем капиталистические монополии начала XX в.

В политике и практике командно-ведомственного управления в районах нового хозяйственного освоения наглядно проявилось главное противоречие между общечеловеческим и классовым подходами. Используя идеологическую символику «все во имя человека, все для блага человека» для своего утверждения в различных районах Сибири, командно-ведомственная структура менее всего являлась выразителем и защитником местного населения. Ее волюнтаризм и амбиции выдавались за выражение интересов народа, а любые попытки критического анализа варварского хозяйствования в регионе расценивались как отступление от народных интересов наращивания промышленного потенциала страны и улучшения жизни советских людей.

Сегодня хорошо известны негативные последствия чрезмерной хозяйственной деятельности в северных районах Сибири, строительства крупных гидроэлектростанций на Енисее и Ангаре, Братского и Усть-Илимского лесопромышленных комплексов, Байкальского ЦБК и др., приведших к нарушениям природного равновесия, загрязнению водоемов, гибели их фауны и прочее. Отрицательным социальным последствием такой системы хозяйствования стали отчуждение работника от власти и собственности на средства производства, потеря чувства хозяина, социальная апатия и психология временщика. Поэтому повсеместные призывы бережно относиться к природе и рационально использовать ее богатства сопровождались безумным ее уничтожением и бесхозяйственностью. Парадоксально, но факт: главная задача, ради которой ставилось хозяйственное освоение сибирских природных ресурсов — кардинально улучшить условия жизни местного населения — не решена до сих пор. Новые государственные структуры, проводя политику разгосударствления, по существу, передали «по наследству» авторитарную модель управления новым «бизнесменам-предпринимателям». Характерно, что воспроизводству старых отношений в ходе нынешних реформ способствует сохранение в значительной степени своего статуса прежних властных элит. В структуре современной российской элиты находится 38% тех, кто занимал номенклатурные посты в советское время, а в регионах управленцы советского периода сегодня составляют 60% губернаторского корпуса (Шабанова М.А. Проблемы встраивания рынка в «нерыночное» общество // СОЦИС. 2005. № 12. С. 41). По сути сами реформы 1980-х гг. были начаты по инициативе советского правящего класса (ропуск КПСС, провозглашение новых прав и правил экономической «игры»), и продолжены в 1990-е гг. властью, состоящей на ¼ из прежней номенклатуры (Там же. С. 37).

Более того, исторический опыт советского прошлого ничему не научил современных руководителей разного ранга и профиля. Сегодня сложилась обостренная ситуация в связи с завершением строительства Богучанской ГЭС. В техническом задании на выполнение работы

«Оценка воздействия на окружающую среду Богучанской ГЭС (БогГЭС)» подробно дана оценка влияния на леса и почвы, на растительный и животный мир, на состояние и загрязненность водных объектов, на хозяйственную деятельность сельского населения, влияние на атмосферу, климатические условия, на здоровье населения и т.д. Предусмотрены учет общественного мнения, проведение различных общественных слушаний, государственной экологической экспертизы и даже возможный отказ от реализации проекта и альтернативные варианты его осуществления. Однако все это мало волнует тех, кто имеет властные и финансовые рычаги управления, давления и воздействия. А посему медленно, но упорно и целенаправленно в общественное сознание насаждается мысль о том, что так или иначе, но придется смириться с затоплением на повышенной отметке. И местные власти уже не пытаются бороться за «народные интересы», а думают лишь о том, сумеют ли они «выбить» какую-нибудь компенсацию за все негативные «издержки производства».

Решение каждой крупной народно-хозяйственной проблемы всегда имело и имеет политическое значение. Политические аспекты оказывают формирующее воздействие на социально-экономические, в данном случае на аспекты социально-экономического развития восточно-сибирского региона. Поэтому любая технократическая недооценка их политического значения чревата усилением социальной напряженности и ослаблением морально-политического единства всех социальных групп и слоев в обществе. Отход от политических методов руководства способствовал усилению индустриально-технократических подходов к развитию общества, к ослаблению его гуманистического потенциала, когда основное внимание уделялось производственным задачам, а социальные проблемы отодвигались на задний план. Характерно, что остатки прежней системы управления экономикой, советская психология хозяйствования сохранились не только в сознании и действиях многих руководителей старшего поколения, но проявляются и у нынешнего, молодого, впитавшего в себя как формы и методы управления, так и рычаги воздействия, само поведение прежней системы, но в более извращенной форме.

Процесс формирования нового слоя отечественных предпринимателей — бизнесменов сопровождается целым рядом явлений негативного, а подчас и криминального характера. Стремление избавиться от государственно-распределительного типа хозяйствования было поспешным, в правовом и технологическом плане слабо разработанным, что привело к огромным издержкам, к серьезной деформации самого процесса. Это отчетливо видно на примере Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса. Произошел развал градообразующего предприятия — ТПО УИ ЛПК, от функционирования которого зависит жизнь самого г. Усть-Илимска; в ходе приватизации некоторые слои и группы работников оказались в более привилегированном положении в плане приобретения государственной собственности, чем другие, в ре-

зультате чего началась чехарда в смене собственников, что не лучшим образом отразилось на местном населении: перебои в работе структурных подразделений ЛПК, несвоевременные выплаты заработной платы, сокращения численности производственного персонала и т.д. Переход наиболее квалифицированных специалистов в коммерческие структуры часто идет рядом со снижением квалификации и потерей профессионального мастерства, что подрывает сами реформы, т.к. снижается эффективность использования данного потенциала общества. Причем, это явление не узкое, не местное, а общероссийского масштаба. В результате поспешного и научно необоснованного экономического реформирования страна столкнулась с угрозой полной деградации общества. За короткий срок произошло резкое падение производства, снижение госбюджета до уровня небольших европейских стран типа Бельгии или Голландии, в то время как одновременно наблюдается мощный отток миллиардов долларов за рубеж. Россия разделилась на четко очерченные две страны: одна богатая, в которой живет примерно 15% населения с 92% доходов от собственности и 96% расходов на покупку валюты, и другая страна — бедная, в которой проживает 85% населения, имеющего лишь 8% доходов от собственности и 15% всех сбережений (Гребенниченко С.Ф., Давыдов В.П. Демографический взрыв в России? // Соц.-гум. знания. 2006. № 6. С. 9). Поляризация доходов наиболее и наименее обеспеченных социальных групп достигает официально 15:1, а неофициально — 60:1, а то и больше (Сельцовский П.А. Кадровая политика в условиях кризиса системы государственного управления // Соц.-гум. знания. 2006. № 6. С. 299). ООН относит к числу бедных граждан, имеющих доход менее двух долларов в день. Сегодня в России таковых около 100 млн чел. (Валитов О.К., Умеркаев Ф.Г. Была ли цивилизационная «дыра» в нашей истории? // Соц.-гум. знания. 2005. № 1. С. 324), в то время как на середину 2006 г. ее население составляло менее 143 млн чел. (Гребенниченко С.Ф., Давыдов В.П. Демографический взрыв в России. С. 5).

Большим перекосом в реформировании промышленного сектора экономики стали диспаритет цен на продукцию и оплату труда, углубление диспропорций в развитии основных и добывающих отраслей. По сути, мы просто бездумно, не опираясь и не учитывая исторический опыт советского прошлого, перенесли старые проблемы в новое время, но в более радикальной форме, прикрываясь модной «современной» терминологией. Исторические корни такого явления, как доминирование сырьевых отраслей в обеспечении экономического роста и соответственно в отвлечении инвестиционных ресурсов из других отраслей промышленности, лежат в 70-х гг. XX столетия, когда для СССР стало выгоднее экспортировать нефть и на вырученную валюту покупать, например, зерно за границей, чем развивать собственную сельскохозяйственную базу. Что мы видим сегодня? Количество инновационноактивных предприятий в России составляет менее 10% (в США — 70%, в ЕС — 50%), по конкурентно- способности в мировом рей-

тинге мы находимся на 70-м месте из 104 стран (по данным Всемирного экономического форума), а по качеству жизни — занимаем 105-е место из 111 стран (поданным британского журнала «Economist») (Сельцовский П.А. Кадровая политика ... С. 300). По признанию академика Дм. Львова, руководителя секции экономики отделения общественных наук РАН, и без того низкая доля России на рынке высоких технологий за последнее десятилетие снизилось в 8 раз, отставание от США в наукоемком секторе увеличилось в 40 раз (Трофимов М.И. Социальная стабильность или политическая апатия? // Соц.-гум. знания. 2005. № 6. С. 324). В ходе реформ представители отечественного топливно-энергетического комплекса, сырьевых отраслей и финансового капитала получили наибольшую свободу действий, деньги и власть, выход на международный рынок. Причем, они поддерживают только те усилия правительства в развитии рыночных отношений, которые выгодны именно им. Как итог — полная переориентация российской экономики с индустриальной на сырьевую, что ведет к дальнейшей деградации отечественной промышленности, да и не только ее. Только в районе БИТПК варварская вырубка леса и его вывоз приобрели небывалые масштабы, но о масштабности экологического, социального и прочего ущерба заинтересованные стороны тщательно умалчивают.

Данная проблема тесно переплетается с политико-правовой сферой, где ведущая роль принадлежит государственному управлению. Именно оно в процессе выработки и реализации управленческих решений должно учитывать позиции всех без исключения заинтересованных социально-политических сил в развитии производительных сил, в росте общественного богатства, снижении остроты противостояния и противоборства между классами, социальными группами, индивидами, в развитии гражданского общества, в политическом участии населения в социально-экономических процессах. В то же время мы наблюдаем снижение уровня человеческого потенциала: уменьшилась доля экономически активного населения, работников научного (на 42%) и научно-технического труда (47%); рост безработицы, в том числе и застойной, ведущей к социальной деградации населения; деквалификация специалистов и служащих и целый ряд других негативных явлений (Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 10). Социально-экономическая политика, как и прежде, остается монополией власти, государства, но и то, и другое зависят от узкого круга лиц. Народ допускается к этим процессам в основном во время выборов и на условиях той агитации, которую проводят средства массовой информации, принадлежащие либо власти, либо олигархам (центральным или региональным).

Формально-правовые нововведения российских реформаторов не стали общепринятыми. Провозглашение либеральных экономических и политических прав было сопряжено с исчезновением многих прежних прав и гарантий, которые высоко ценились не только в российском обществе,

но и на капиталистическом западе. Это отсутствие угрозы безработицы, гарантированные государством занятость населения, зарплата, обеспечивавшая хоть и невысокий, но приемлемый уровень жизни и др. Однако по данным социологических исследований, 55% трудоустроенных горожан считают, что за годы реформ они потеряли значимые права больше, чем приобрели (Шабанова М.А. Указ. соч. С. 38). По мнению почти двух третей россиян у рядовых граждан нет возможности влиять на решения властей главным образом потому, что у власти нет желания сотрудничать с простыми людьми; повышение престижа государственного управления возможно только в том случае, если оно обеспечит защиту, стабильность и обязательный для всех порядок (60%) (Сельцовский П.А. Указ. соч. С. 302). Такая оценка свидетельствует о воспроизводстве разрыва между госаппаратом и обществом с разными идеалами, ценностями и целями, представленными в разных измерениях (экономическом, социальном, культурном и пр.). Этот разрыв усиливается в значительной степени в результате повсеместного и систематического нарушения законов, правовых норм.

Неотъемлемой чертой российской общественной традиции и характерной чертой современного состояния общества признается невысокий, а точнее, низкий уровень правового сознания и поведения. Неуважение к праву исторически перешло из дореволюционной в советскую Россию, а затем перекочевало и в наши дни. Не уходя далеко вглубь веков, достаточно отметить следующий очевидный факт: то, что имело широкое распространение в советский период (особенно в 1970–1980-е гг.) — различные хозяйственные махинации, хищения с производства, приписки, использование служебного положения в личных, корыстных целях и другая неправовая практика, за годы реформ 1990-х гг. еще более расширилось на всех уровнях социальной реальности. Как совершенно справедливо отмечает профессор М.А. Шабанова, сегодня выжившие в неправовом пространстве предприниматели придают обману государства статус своеобразного «дела чести»: «государство сильнее, а бизнес — хитрее», «я не могу быть честнее государства» и т.д. Поскольку государство не выполняет перед гражданами своих обязанностей, то и они не очень-то стараются в выполнении своих. Отсюда в сознании людей вырабатывается определенный стереотип мышления, ведущий к практическим действиям: если стоящие у власти откровенно зарабатывают большие деньги путем нечестных махинаций, то что остается делать тем, кто стоит на грани бедности и нищеты, кто устал от постоянного напряжения в поисках насущного «куска хлеба».

Сами власть держащие на разных уровнях активно нарушают законы и правовые нормы. По данным Т.И. Заславской и М.А. Шабановой, среди нарушителей законных прав массовых групп населения России лидирует начальство по месту работы (60%) и органы власти разных уровней, включая органы правопорядка (53%) (Шабанова М.А. Указ. соч. С. 40), из чего делается вывод, что в современном российском обществе в большей степени нарушает законы сама власть, причем совершенно

безнаказанно, а правовой нигилизм массовых общественных групп подпитывается, с одной стороны, низким уровнем их жизни, а с другой — незаконнопослушным поведением властей разных уровней (Там же).

Еще один важный аспект. В последнее советское двадцатилетие наряду с таким явлением, как гигантомания, в Восточной Сибири большое внимание уделялось стремлению повысить эффективность промышленности за счет концентрации и укрупнения предприятий, создания производственных и научно-производственных объединений, призванных в перспективе стать основными хозрасчетными звеньями общественного производства. Это процесс объективный, закономерный, его корни уходят в капиталистические монополии конца XIX—начала XX вв.; об эффективности промышленного производства укрупненного формата свидетельствует вся история XX столетия. В отличие европейской части СССР сибирская промышленность характеризовалась наличием огромного числа небольших предприятий, нормальному функционированию которых мешала, в первую очередь, ведомственная разобщенность в управлении и подчинении. В частности, в 1971 г. лесозаготовительными работами в Читинской области занималось 68 предприятий восемнадцати ведомств и министерств. При этом в одном и том же экономическом районе или даже в одном пункте нередко параллельно работали несколько независимых друг от друга лесозаготовительных предприятий разной ведомственной подчиненности (ГАЧО, ф. 3, оп. 23, д. 114, л. 84). Не оправдывало себя раздельное существование таких, например, родственных предприятий, как Тимлюйского цементного завода и завода асбоцементов (Бурятия) Министерства промстройматериалов, Улан-Удэнской тонкосуконной фабрики и фабрики первичной обработки шерсти Министерства легкой промышленности и других. Практически эти предприятия отделялись друг от друга заводской стеной, почти в одну и ту же дверь входили два директора, два главных инженера, два главных бухгалтера и т.д. Их объединение и укрупнение привело к резкому повышению эффективности, а, главное, рентабельности производства. Лучше стали использоваться производственные мощности, оборудование; у предприятий появилось больше возможностей решать социальные вопросы, улучшать условия труда и быта работающих, повышать технический уровень производства. Только крупное производство может участвовать в долговременных и затратных научно-исследовательских и опытно-конструкторских программах, в осуществлении технического и технологического прогресса.

Создание в 1974 г. производственного объединения «Востсибуголь» (включая Иркутскую, Читинскую области и Бурятию) позволило повысить уровень концентрации основного производства; провести специализацию и концентрацию вспомогательного и подсобного хозяйства; осуществить централизацию таких функций, как материально-техническое снабжение и сбыт, капитальное строительство, контроль за качеством добываемого угля; объединить имеющиеся ресурсы шахт, разрезов; сосредоточить

главное внимание аппарата этих подразделений на решении основных производственных задач, изыскании внутренних резервов повышения эффективности производства; годовые затраты на содержание аппарата управления снизились на сотни тысяч рублей (ГАИО, ф. 127, оп. 102, д. 26, л. 10). А объединение Улан-Удэнской тонкосуконной фабрики с фабрикой первичной обработки шерсти в тонкосуконный комбинат дало возможность начать на смежной площадке комбината строительство трикотажной фабрики мощностью 8,5 млн шт. верхнего трикотажа в год (НАРБ, ф. 1, оп. 31, д. 31, л. 135). С вводом этого предприятия в эксплуатацию создан впоследствии единый комплекс текстильной промышленности.

В новых условиях хозяйствования на рубеже XX–XXI вв. процесс концентрации перешел на новый, более высокий уровень: крупные и крупнейшие по советским меркам специализированные отраслевые комплексы разных регионов стали объединяться в корпорации типа «Илим Палп Энтерпрайз» (ИПЭ), куда в феврале 2002 г. вошел Усть-Илимский ЛПК. В результате правильной экономической тактики и стратегии управления ИПЭ комплекс уже к апрелю сумел выйти из сложившейся кризисной ситуации. Кроме своих семи леспромхозов ЛПК стало снабжать лесом еще 96 предприятий различных форм собственности. Объединяются технические и лесосырьевые ресурсы с Братским ЛПК, идет объединение и внутри на Усть-Илимской площадке. Целлюлозный завод теперь работает на отходах лесопиления, как во всем цивилизованном мире (Сутурин С.Б. Совершенствование управления в промышленности в г. Усть-Илимске в условиях реализации Антикризисной программы // В сб.: Инновационные процессы в образовании северных регионов Иркутской области. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2002. Ч. 2. С. 52). Более того, на базе ЛПК создаются малые и средние предприятия, продолжающие технологическую цепочку глубокой переработки продукции комплекса и выпускающие потребительские товары: строительные, столярные, бумажные изделия различного назначения, мебель и т.д.

В то же время перестройка 1980-х и реформы 1990-х гг. привели не только к крушению единого народно-хозяйственного комплекса, но и перераспределу собственности. Особенностью этого процесса стало масштабное и интенсивное перераспределение производственных, финансовых и организационных фондов бывшей сверхдержавы преимущественно среди представителей верхних уровней советской, партийной и комсомольской номенклатуры и их детьми. Отсюда — получить предпринимательскую свободу и возможности в крупных компаниях могли лишь единицы из числа успешных ведущих специалистов — инженерно-технических работников и хозяйственных руководителей. Основная предпринимательская активность российских граждан в 90-е гг. стала концентрироваться в сфере малого бизнеса. По данным Д.Ю. Репина в период с 1990 до 2005 гг. (второе полугодие) число малых предприятий в России выросло с около 150 тыс. до 960 тыс. юридических лиц (Репин Д.Ю. Отечественное предпринима-

тельство и малые предприятия в современной России (социоклиническая перспектива) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. 2006. № 2. С. 127). Фактически они определяют свое особое положение в социально-экономической структуре современной России. Совокупный размер их годовой валовой выручки не превышает 60 млн р., а среднесписочная численность работающих не превышает 50–100 чел. в зависимости от отрасли; у субъектов среднего предпринимательства численность работников до 250 чел. (В соответствии с ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ» (1995 г.) и «О малом и среднем предпринимательстве в РФ» (2004 г.)). Однако значимость их функционирования в условиях российской действительности на сегодняшний день довольно велика. С одной стороны, в отличие от крупных предприятий подавляющая доля оборота малого предпринимательства оседает в рамках национальной экономики, и, таким образом, компенсируется «утечка» капитала за рубеж; с другой стороны, оно постоянно подпитывает налоговую систему; в-третьих, заполняет нишу занятости рабочих рук и реализует человеческий потенциал, что снижает «потребительскую» нагрузку на государство и его структурные связи. В целом же, малый бизнес, в который вовлекаются самые широкие слои российского населения, исполняет роль своеобразного регулятора и стабилизатора экономической ситуации как в отдельных регионах, так и по всей стране. Хороший и интересный опыт в этом отношении накоплен в г. Усть-Илимске, где за последние 8 лет объем выпуска товаров и услуг малыми предприятиями увеличился в 5 раз и за короткий срок город вышел на 2-е место в регионе по уровню деловой активности и по инвестиционной привлекательности (Усть-Илимск в цифрах и фактах. Иркутск, 2005. С. 5).

В целом, социально-экономическое развитие Восточно-сибирского региона невозможно оценить без учета особых роли и места, которые он занимает в структуре российской экономики. Дальнейшее хозяйственное освоение и индустриальное развитие тесно связано не только с федеральными органами власти, но и местного самоуправления, с включением в процессы экономических и социальных преобразований широких слоев населения, с повышением их деловой и общественной активности, а для создания благоприятных условий поступательного движения вперед всегда необходимо оглядываться назад и учитывать наш богатейший исторический опыт во всем его многоцветии.

О.Л. ТРАХТЕНБЕРГ

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ ПРИБАЙКАЛЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Трудности и проблемы формирования гражданского общества в России обусловлены особенностями исторического развития, менталитетом

народа, характером проводимых реформ. Современные российские реформы, осуществляемые по-прежнему «сверху», в отличие от западных демократий, вызревающих на основе объективных предпосылок «снизу», позволяют говорить о низком уровне формирования гражданского общества в России. Успех современных реформ во многом будет зависеть не только от последовательности и настойчивости самих реформаторов, но и от положительного восприятия граждан и, прежде всего представителей молодого поколения, основных ценностей гражданского общества и правового государства, от их готовности и умения творчески использовать мировой опыт формирования институтов гражданского общества.

Проблемы формирования современного гражданского общества напрямую связаны с достижением экономической свободы и самостоятельности граждан, с развитием правовой культуры, личной инициативы и предприимчивости.

Основными условиями для формирования в стране гражданского общества являются:

- наличие устойчивого среднего класса
- соблюдение принципа равенства всех перед законом
- развитие правовой культуры населения
- создание государством благоприятной экономической и социальной среды для выработки действенных механизмов взаимодействия общества и государства
- проведение продуманной государственной молодежной политики, в которой молодежь должна рассматриваться в качестве стратегического ресурса построения гражданского общества.

На сегодняшний день формирование среднего класса невозможно без развития среднего и малого бизнеса, развитие которого происходит неравномерно по различным регионам страны. Основная его часть зарегистрирована в столице и крупных мегаполисах, куда и идут налоговые поступления. Не является исключением и Иркутская область. В этой связи особенно актуален проект создания на базе трех городов области Иркутской агломерации. Кроме того, малый бизнес более незащищен в плане бюрократических препятствий. Молодое поколение, выросшее в новых экономических условиях выступает стратегическим ресурсом построения гражданского общества. Однако, приходится констатировать, что большинство молодежи объективно не может реализовать себя в экономической сфере. Решив заняться предпринимательской деятельностью, молодые люди сразу сталкиваются с большим количеством препятствий, основными из которых остаются несовершенство системы налогообложения, бюрократические трудности, связанные с получением лицензий, контролем и надзором, высокие ставки получения кредитов, арендная плата и многое другое. За годы реформ российская бюрократия выросла вдвое и значительно повысился уровень коррупции, что также является фактором торможения процесса формирования гражданского общества.

Возникшая часть мелких и средних собственников, которые потенциально могли заложить социальную основу гражданского общества в виде среднего класса, постепенно сокращается. Таким образом, на региональном уровне самодостаточный экономический средний класс собственников, который организационно мог защищать свои интересы и влиять на принятие властью решений не состоялся. И задача государства в сложившейся ситуации — создание условий для формирования действенных структур гражданского общества, повышения доверия к институтам власти, развитие демократии.

Вторичный анализ социологических исследований и мониторингов, проведенных в регионе, сведения, приводимые в Государственном докладе о положении молодежи в Иркутской области, а также данные, публикуемые в средствах массовой информации показывают, что уровень правовой культуры населения низкий, причем примерно одинаковая картина прослеживается у представителей разных поколений. Представители молодого поколения в этом плане мало чем отличаются от лиц среднего и старшего возрастов. Можно говорить о недостаточной эффективности существующего правового образования, несмотря на популярность юридического образования среди молодежи.

Правовая культура является показателем зрелости гражданского общества и правового государства, отражает достигнутый уровень его развития. Правовой культурой молодежь овладевает в процессе социализации. Правовая социализация молодежи имеет преимущественно воспитательный характер и осуществляется через различные социальные институты. Воспитание законопослушного и полноценного гражданина требует длительного времени. Решающая роль в формировании правовой культуры принадлежит правовому образованию. Исследования позволяют сделать выводы о невысокой эффективности правового образования, которое не обеспечивает достаточных знаний об основных правах молодежи. Система правового обучения в рамках учебных заведений среднего профессионального и высшего образования не обеспечивает молодежи получение правовых знаний на том уровне, который необходим для жизнедеятельности в условиях зрелого гражданского общества и правового государства.

Данные социологических опросов учащейся молодежи и студенчества свидетельствуют о том, что у молодежи есть реальная потребность в получении правовых знаний, она осознает недостаточность собственных правовых знаний на индивидуальном и практическом уровне. Молодежь придерживается практицизма в правовом образовании, рассматривая право как средство достижения личных интересов и выгод, умение обходить закон на практике. Большая часть современной молодежи относится к праву как средству, которое защищает время от времени или по мере необходимости. Такое восприятие механизмов реализации прав несовместимо с правовой культурой, преобладание которой в обществе является необходимым условием формирования правового государства.

Интерес молодежи к необходимым знаниям в области права относится в первую очередь к собственным гражданским правам, таким как право личности на самовыражение, на индивидуальность, право свободно выражать свои мысли, право на информированность. Экономическим правам — право зарабатывать деньги и приумножать свой капитал, заниматься бизнесом. По данным социологического опроса автора статьи, проведенного среди студентов четырех вузов Иркутской области — ИГУ, ИрГТУ, АГТА и СИПЭУ ($N = 304$, 39% юношей и 61% девушек 18–24 лет), 42% студентов называют собственность в числе своих значимых жизненных ценностей, 54% указывают на культуру и образованность. Далее можно отметить интерес к правовому регулированию сферы трудовых и семейных отношений. Незначителен интерес к своим гражданским обязанностям — 21% и участию в делах государства — 12%.

Правовая культура проявляется в повседневном поведении и соблюдении индивидом законов. На сегодняшний день создалась ситуация правового нигилизма в обществе — представители власти не очень заботятся о соблюдении прав граждан, в том числе и молодых, и ущемляют их, граждане также на деле нарушают законы. При этом и те и другие признают на словах необходимость соблюдать законы.

Молодые люди не чувствуют себя защищенными в различных жизненных ситуациях — в отношении с милицией, при получении образования, трудоустройстве, решении жилищных проблем и т.п. Степень доверия молодежи к правовой системе незначительна, а потребность в социальной защите среди молодежи достаточна высока. Молодежь нуждается в поддержке государства и общества в период получения образования, сохранении здоровья, в создании семейной жизни, возможности получения юридической помощи и др. параметрам. Вероятно, поэтому треть респондентов считают необходимым изменение и совершенствование законов — 33%.

По данным социологического опроса автора, именно государство с точки зрения молодежи стоит на первом месте среди субъектов социальной защиты — 60%. При этом большинство молодых людей отмечают недостаточную роль государства как гаранта социальной защиты. Традиционная модель управления России, где государство является единственным субъектом защиты населения, препятствует развитию институтов гражданского общества. По мнению студентов, существующие молодежные организации также не являются выразителями их интересов и не способны помочь в решении стоящих перед ними проблем. Поэтому подавляющее большинство молодежи не рассчитывают на поддержку со стороны государства и других организаций, полагаясь только на свои собственные силы и помощь ближайшего окружения. Свое благополучие и преуспевание молодежь ставит в зависимость от своих активных действий.

Примечательно, что именно такая жизненная позиция молодежи, предполагающая ее личное участие в решении своих проблем, соот-

ветствует культуре гражданского общества, которая включает в себя активные действия по защите своих прав и интересов, участие в социально-политической жизни. Студенческие общественные организации и объединения в качестве институтов гражданского общества могли бы оказать положительное влияние на эффективность социальной защиты студенчества.

Факторами повышения правовой культуры молодежи, на наш взгляд, должны стать совершенствование института права и соблюдение закона, повышение эффективности общего правового образования в процессе социализации молодежи, а также меры по дальнейшему совершенствованию структуры государственных институтов и развития институтов гражданского общества.

ИСТОРИЯ СИБИРИ В ЛИЦАХ

А.А. ИВАНОВ

СЛОВО ОБ УЧЕНОМ (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.Н. ЩЕРБАКОВА)

29 апреля 2007 г. крупному сибирскому историку, специалисту по изучению проблем социально-политического развития Сибири конца XIX—начала XX вв. Николаю Николаевичу Щербакову исполнилось бы 70 лет. Он ушел из этого мира в апреле 2005-го, лишь два года не дожив до своего юбилея. С его именем связано не только масштабное, планомерное исследование истории царской каторги и ссылки, революционного и оппозиционного движения в сибирском регионе. Н.Н. Щербаков, пожалуй, не менее известен как талантливый организатор региональной исторической науки — на протяжении почти 15 лет он возглавлял диссертационный совет при Иркутском государственном университете, и не один десяток современных профессиональных историков — докторов и кандидатов наук обширнейшего сибирского региона, уверен, никогда не забудут его доброжелательного отношения, дружеской легкой иронии, а также, главного — готовности понять и помочь.

Н.Н. Щербаков родился 29 апреля 1937 г. в станице Крымской Краснодарского края. В 1938 г. семья переехала в Майкоп, в 1942 г., спасаясь от немцев, — в город Крпоткин, а в 1944 г. — в станицу Спокойную, где будущий исследователь истории политической тюрьмы, каторги и ссылки в Сибирь, поступил в первый класс школы № 1. После окончания восьмилетки, Щербаков работал учеником слесаря на станкостроительном заводе в Краснодаре. В 1954 г. закончил десятый класс школы рабочей молодежи и в июле этого же года поступил в Ленинградское военно-морское училище. Он хотел стать летчиком морской авиации, однако по состоянию здоровья не закончил учебу. В 1956 г. служил на Черноморском флоте в Севастополе. В феврале 1958 г. был демобилизован. Судьба забросила Щербакова на Сахалин, где в городе Углегорске он некоторое время работал на целлюлозно-бумажном комбинате.

Летом 1958 г. Н.Н. Щербаков оказался в Иркутске. В августе месяца он успешно сдал вступительные экзамены и поступил на историческое отделение историко-филологического факультета государственного университета. Мир истории оказался таким же увлекательным и заманчивым как романтика морской авиации. Студент Щербаков учился хорошо: имея пылливый ум, обладая прекрасной памятью, упорством и трудолюбием, он увлекался и археологией Сибири, и древним Египтом, и революционным прошлым Иркутска.

К последнему курсу окончательно сформировались научные интересы Н.Н. Щербакова — изучение проблем истории царской тюрьмы, каторги и ссылки в Сибирь конца XIX—начала XX вв. Закончив университет с отличием, он был рекомендован ученым Советом факультета для поступления в аспирантуру по кафедре истории Советом факультета для поступления в аспирантуру по кафедре истории СССР. Его дипломная работа положила основу для дальнейших научных поисков: Николай Николаевич исследует деятельность ссыльных большевиков в Восточной Сибири, их вклад в революционное и рабочее движение, культурную жизнь региона.

Научное изучение истории царской каторги и политической ссылки в Сибирь в Иркутске было начато задолго до Н.Н. Щербакова, еще в 1920-е гг. У истоков этого направления стоял Ф.А. Кудрявцев, опубликовавший сначала серию статей о пребывании в крае декабристов, В.Г. Короленко, Н.Г. Чернышевского, М.В. Фрунзе, а в 1936 г. работу «Александровский централ: Из истории сибирской каторги». Не случайно, Н.Н. Щербаков считал Федора Александровича, наряду с Сергеем Владимировичем Шостаковичем, своим учителем. Большое влияние на Щербакова оказал и Всеволод Иванович Дулов, помимо прочих проблем, исследовавший историю революционного движения в Иркутской губернии, издавший совместно с Ф.А. Кудрявцевым в 1941 г. монографию «1905 год в Восточной Сибири». Без сюжета о ссыльных они, естественно, обойтись не могли.

В 1920–1930-е гг. тема политической тюрьмы, каторги и ссылки имела особое звучание: революционное прошлое было «осязаемым», еще живы были участники тех легендарных событий. Несмотря на роспуск в 1935 г. Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, пример героического революционного прошлого широко использовался в пропагандистских и воспитательных целях. В.И. Ленин, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, большинство «видных» политических и государственных деятелей прошли проверку на прочность сибирской ссылкой, а значит, исследование и пропаганда истории политической «тюрьмы без решеток» были важной государственной и идеологической задачей.

С конца 1930-х гг. научное изучение политической ссылки, ее роли и места в революционном и общественно-политическом движении региона и страны в целом, было практически свернуто. Оказалось, что слишком много «врагов народа», «вредителей», членов всевозможных антипартийных групп, было связано с ее историей.

В 1960-е гг., на которые и приходится начало творческого пути Н.Н. Щербакова, изучение истории сибирской политической ссылки, и в первую очередь ссылки большевиков, было возобновлено. Однако, как это не парадоксально, эта тема стала менее актуальной, чем была, например, в начале 1930-х гг. Областные и краевые комитеты партии, парткомы высших учебных заведений региона, где, в основном и были сосредоточены кадры профессиональных историков, выполняя директиву ЦК, настоятельно рекомендовали исследовать современный опыт КПСС по руководству сельским хозяйством, промышленным строительством, освоением при-

родных богатств края. В почете стали темы типа «Борьба коммунистических организаций Восточной Сибири за победу трудящихся в...».

Мне ни коим образом не хотелось бы бросить тень на ученых-историков 1950–1970 гг., исследовавших подобные аспекты истории Сибири — была и «борьба», был и героизм восстанавливавших народное хозяйство, первопроходцев, энергетиков, строителей. Однако проблемные вопросы истории региона, например, многие аспекты событий гражданской войны, репрессии 1930-х гг., лагеря спецпереселенцев на месте будущих коммунистических городов — все это, естественно, не только не исследовалось, а как бы не существовало, было вычеркнуто как из истории, так и из науки чьей-то всесильной рукой.

Сегодня мы прекрасно понимаем, что историкам того периода зачастую в директивной форме навязывалась тематика исследований. По существу, они вынуждены были выполнять социальный заказ. При этом, подчеркнем, выполняли его с высоким профессионализмом, тщательнейшим образом исследуя фонды архивов, музеев и библиотек страны. Уж что-что, а источниковая база этих диссертаций поражает объемом и полнотой.

В такой ситуации выбор темы истории политической каторги и ссылки требовал немало мужества, твердости характера, принципиальности и последовательности, наконец, преданности и любви к своей профессии. Всеми этими качествами и обладал Н.Н. Щербаков.

Николай Николаевич не был пионером в разработке истории политической ссылки в Сибирь второй половины XIX—начала XX вв. Практически одновременно с ним различные аспекты этой темы стали разрабатывать во многих городах региона: М.Ф. Богданова в Омске, С.И. Беляевский в Красноярске, Л.А. Ушакова в Новосибирске, Л.П. Роцевская в Тюмене, П.У. Петров в Якутске, Г.А. Николаева в Чите, Б.Б. Батуев в Улан-Удэ, Б.С. Шостакович, С.Ф. Коваль и З.Т. Тагаров в Иркутске.

В 1964 г. в Томске была защищена и первая кандидатская диссертация по этой теме: «Революционная деятельность большевиков в Нарымской ссылке (1906 — март 1917 гг.)». С тех пор и до конца своих дней (2007) ее автор — Эрнст Шайгарданович Хазиахметов — стал самым серьезным оппонентом Николая Николаевича в исследовании пролетарской ссылки. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири» Александр Всеволодович Дулов, тогда преподаватель кафедры истории СССР ИГУ. В 1966 г. появилась еще одна кандидатская — «Революционная, общественно-политическая деятельность ссыльных марксистов в Восточной Сибири (1883–1903 гг.)» А.П. Мещерского.

Свою диссертацию под названием «Большевики в Восточносибирской ссылке (1907–1917 гг.)», выполненную под руководством С.В. Шостаковича, Н.Н. Щербаков блестяще защитил 7 июня 1967 г. С этого времени и до конца своих дней он оставался ведущим специалистом истории полити-

ческой каторги и ссылки в отечественной историографии, с каждым годом привнося в нее все новые и новые сюжеты.

Какова была научная методология ученого? Конечно же, в 1960-е гг. она могла быть только марксистско-ленинской, другая просто не допустима. Как известно, В.И. Ленин сам был узником сибирской «тюрьмы без решеток», проведя в селе Шушенском Минусинского уезда Енисейской губернии в конце XIX в. долгих четыре года. «Ссылную» тему Владимир Ильич, таким образом, знал хорошо, но работ по истории царской каторги почему-то не оставил. Однако, оставил несколько высказываний, сделанных им по какому-либо конкретному поводу, как правило, в острой полемике со своими многочисленными политическими оппонентами. После смерти вождя эти высказывания и стали для советских исследователей концептуальными.

Один из главных ленинских догматов заключался в том, что ссылные большевики — неотъемлемая часть партии, действующая в Сибири только в специфических условиях каторги или гласного надзора. Отсюда вытекала задача для всех исследователей политической ссылки — необходимо было показать ссылного большевика не просто живущим в глухом сибирском краю и озабоченном повседневной добычей хлеба насущного, а активным борцом с самодержавием. Целое поколение историков вынуждено было разрабатывать эту концепцию, выявляя роль ссылных в революционном и рабочем движении региона, в создании местных партийных организаций, руководстве профсоюзным движением, в просвещении и культурном воспитании масс. Вынужден был этим заниматься и Н.Н. Щербаков.

Безусловно, большевики не бездействовали в далекой сибирской ссылке. Они действительно составляли активнейшее ядро абсолютного большинства подпольных организаций Сибири, руководили забастовочной борьбой местного пролетариата, вели тайную переписку с ЦК, пытались не отстать от развития революционного движения в Европейской России, учили детей, делали прививки от оспы. Все это так. Есть только два «но» (на самом деле, их больше, но это — тема отдельного исследования). Во-первых, активной нелегальной деятельностью занимались в сибирской ссылке, в основном, профессиональные революционеры, или, как их называли противники, «организаторы». Удельный вес профессионалов в общей массе был невелик, однако, влияние, действительно, огромным. Во-вторых, большевики здесь были далеко не единственной и не самой массовой силой: в некоторых районах проживания ссылные эсеры, например, значительно превосходили их как по численности, так и по революционной активности.

Что же нового внес Н.Н. Щербаков в разработку этой ленинской концепции?

Избрав объектом исследования большевистскую часть политической ссылки, Н.Н. Щербаков, прежде всего, определил численность, возраст-

ной, и национальный состав осужденных революционеров, а также их территориальное размещение, условия существования и быта. Это сегодня, когда итоговые подсчеты Н.Н. Щербакова введены во все учебники по истории Сибири, они представляются молодым исследователям как ставший привычным первоисточник. В конце 1960-х гг. количественные показатели Николая Николаевича воспринимались современниками как большое научное открытие. И это было, действительно, так. В государственном архиве Иркутской области сохранилось «Личное дело исследователя» аспиранта Н.Н. Щербакова, состоящее из добросовестно подшитых требовательных листков. По нему видно, какой огромный пласт источникового материала был поднят Щербаковым за 1964–1987 гг. — здесь сотни просмотренных дел, десятки описей и фондов. При этом необходимо учитывать и работу исследователя в зарубежных, центральных и региональных архивах страны.

Тщательно переработав тысячи единиц хранения, он фактически, т.е. научно обосновал уже ранее бездоказательно сложившийся в историографии собирательный портрет ссыльного революционера в Сибири: это социал-демократ или эсер, рабочий или недоучившийся студент-разночинец, русский или еврей, двадцати или двадцати пяти лет, бывший пропагандист, рядовой участник антиправительственных выступлений или профессионал-организатор.

В 1970–1980-х гг. Н.Н. Щербаков продолжает фактическое обоснование все той же ленинской концепции. Темой его исследования становится изучение участия большевиков в революционном движении Восточной Сибири. Ученый доказывает — пролетарская политическая ссылка, также как и ссылка декабристская и народническая, явилась важнейшей составной частью сибирской общественной жизни. Эта ссылка питала, прежде всего, самое левое крыло оппозиционного движения: большевики восстанавливали партийные комитеты, организовывали конспиративные группы, вели кружки, участвовали в забастовочном движении местного пролетариата. Автором установлены многочисленные факты их участия в сибирской легальной и нелегальной печати, областническом движении, распространении партийной литературы.

Крупным явлением в исследовании данной темы стал выход в 1984 г. монографии Н.Н. Щербакова «Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.)». Автор на огромном фактическом материале доказывает: третья волна ссылки оставила в культурной жизни региона столь же глубокий след, что и две первых. Внушает уважение широта этого исследования: Н.Н. Щербаков рассматривает вклад большевиков в медицину, просвещение, организацию школьного дела, географические и этнографические исследования региона, а также журналистку, книгоиздательство, музееведение. Приложения монографии, содержащие авторский уникальный статический материал, уже сами по себе представляют ценный исторический источник.

Со второй половины 1980-х гг. роль КПСС в обществе меняется. Идеология еще прежняя, однако, уже разрешено открыто высказывать свое мнение, не соглашаться с официальным курсом партии. Возвращается понятие «гласности», плюрализма. Историческая наука — этот чуткий барометр всех общественно-политических перемен в стране, немедленно реагирует на изменения. «Историки спорят» — не только необычайно популярная в те годы книга, чуть ли не впервые за советский период собравшая под единой обложкой разногласия мнений и взглядов, но и верное определение состояния нашей науки.

В этой непростой ситуации начинают меняться и взгляды Н.Н. Щербакова на сибирскую политическую ссылку. То, что раньше осознавалось на уровне интуиции, предугадывалось, но не укладывалось в ложе официальной ленинской доктрины истории российской революции и большевизма, теперь оформляется в убеждение о необходимости расширения рамок старой темы. Н.Н. Щербаков в этот период пытается выработать новую концепцию истории сибирской ссылки, активно ищет пути исследования.

Не отказываясь от изучения большевистской ссылки как приоритетного направления, Николай Николаевич значительно расширяет эту проблематику. Итог творческого поиска ученого — появление первых работ о социал-демократах в Сибири, исследования роли меньшевиков в оппозиционном движении региона. 17 декабря 1987 г. Н.Н. Щербаков успешно защищает докторскую диссертацию, продемонстрировавшую широту научных взглядов автора, окончательно утвердившую его в качестве ведущего специалиста по данной проблематике.

С начала 1990-х гг. научное творчество Н.Н. Щербакова приобретает качественно новое звучание. Накопленный ранее исследовательский потенциал, отказ от марксистско-ленинской методологии как единственно верной, позволяют ученому обратиться к теоретическому осмыслению пройденного наукой пути. Николай Николаевич выделяет ряд ключевых направлений, без разработки которых само дальнейшее исследование темы просто невозможно. Это прежде всего изучение:

- историографии политической тюрьмы, каторги и ссылки в Сибирь XIX–XX вв.;
- организации и функционирования пенитенциарной системы, судебных органов и адвокатуры Российской империи в Сибири;
- деятельности ссыльных меньшевиков, эсеров и анархистов в сибирском регионе;
- истории уголовной ссылки в Сибирь;
- политической и уголовной ссылки советского периода.

Для Н.Н. Щербакова начала — середины 1990-х гг. становится характерной и еще одна особенность — в этот период исследователь начинает формировать свою научную школу изучения истории каторги и ссылки. Школа именно формируется, а не «складывается» сама собой. В этом — своего рода, подвижнический подвиг Николая Николаевича: уче-

ный совершенно осознанно лучшие годы своей творческой жизни посвятил не себе в науке, а своим ученикам, созданию своей, научной школы.

Первой работой, выполненной под руководством Н.Н. Щербакова, стала еще диссертация В.М. Андреева «Революционеры-народники в Восточносибирской ссылке». Она была защищена в 1971 г., т.е. всего лишь через четыре года после собственной защиты Николая Николаевича. С этого года и по 2005-й по проблемам сибирской ссылки, а также вопросам, которые соприкасались с этой широкой темой, в советах нашего региона учениками Щербакова было успешно защищено еще три докторских и 17 кандидатских диссертаций. Не столько количественный, сколько качественный анализ этих работ свидетельствует о формировании в Иркутске (наряду с Томском и Новосибирском) подлинной научной школы по изучению проблем политической и уголовной ссылки в Сибирь — школы Н.Н. Щербакова.

Диссертация В.М. Андреева внесла крупнейший вклад в изучение народнической ссылки. Необходимо подчеркнуть, что автор впервые в отечественной историографии, обобщив богатейший архивный материал, сумел определить количество сосланных в Восточную Сибирь за весь разнотчинский период освободительного движения. А это 35 лет!

В этом же, 1971 г. под руководством Н.Н. Щербакова была выполнена и успешно защищена диссертация Л.П. Сосновской, посвященная исследованию роли большевиков в периодической печати Восточной Сибири. Необходимо отметить исследовательский интерес самого Николая Николаевича к этой теме. Еще в кандидатской им было проанализировано участие ссылных в журналах региона, а в 1981 г. опубликована большая статья «Об идейных течениях в рабочем движении Сибири в начале XX в. (по материалам газет «Правда» и «Луч»).

Пример работы Л.П. Сосновской, анализ исследований других, более «поздних» учеников Щербакова позволяет сделать любопытный вывод: в большинстве случаев при определении тематики диссертаций своим аспирантам ученый руководствовался собственным научным опытом, уже «затронутой» им проблемы. Зная источниковую и историографическую основу темы, он всегда был уверен в том, что его ученику удастся более углубленно, чем ему самому, ее изучить.

Эта особенность Щербакова как научного руководителя хорошо заметна с 1990-х гг. Своим ученикам он не то чтобы великодушно разрешал пользоваться собственной картотекой и богатейшими архивными выписками, а просто обязывал их делать это. Помня, что называется наизусть, номера и названия многих фондов и даже отдельных дел(!) центральных и местных архивов страны, Николай Николаевич очень точно ориентировал своих учеников в процессе поиска и сбора источникового материала. Вернувшийся из научной командировки аспирант был всегда им пристрасно опрошен. При этом Щербакову достаточно было одного-двух уточняющих вопросов, чтобы понять, чем занимался и где побывал (а, главное, где не побывал) в столице его ученик.

Не нужно думать, что ученики, последователи были у Н.Н. Щербакова всегда. От защиты Л.П. Сосновской, его второго ученика, до защиты следующего, третьего — С.И. Гольдфарба — 16 лет. Срок не малый. Но все объективно и закономерно: шел процесс накопления знаний, общения научного материала. Именно в этот период Николай Николаевич сформировался как профессиональный исследователь, выработавший стратегические пути развития своей темы, увидевший ключевые аспекты ее проблематики.

В конце 1989 г. защитили кандидатские диссертации сразу два аспиранта Н.Н. Щербакова — Д.И. Дмитриев и И.А. Хегай, а в 1990-м — Н.Ф. Васильева и А.А. Иванов, в 1995-м — И.В. Путилова, в 1997-м — Н.Г. Шенмайер. Затем последовали защиты Н.Н. Быковой, С.В. Колосок, Т.Л. Курас; в 2002–2003 гг. — А.А. Иванова, С.И. Гольдфарба, Л.В. Кальминой (все докторские); далее — Т.А. Борисовой, В.Н. Максимовой, М.Г. Бодяк, В.В. Кудряшова, Т.С. Аверячкиной, С.А. Абрамитова.

Именно по диссертациям учеников Н.Н. Щербакова можно проследить значительное расширение научных интересов ученого, историческое и философское осмысление когда-то данной ему темы истории большевистской ссылки. С 1989 по 2005 гг. под руководством Николая Николаевича было начато исследование деятельности ссыльных эсеров и меньшевиков на поселении и в тюрьмах региона, истории строительства и функционирования Александровского центра и Горного Зерентуя, женской политической каторги. На основе новой методологии было продолжено изучение участия ссыльных в периодической печати и газетном деле Сибири, проанализирована общественно-политическая, журналистская и научная деятельность Н.А. Рожкова, выявлена роль Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в исследовании политической ссылки, изучено историографическое наследие ученых XIX в. Стали разрабатываться и темы, не входившие ранее в традиционную проблематику: история пенитенциарной системы Иркутской губернии, Иркутской судебной палаты и Иркутского окружного суда. И все это — под руководством одного человека!

Некоторые творческие замыслы Николай Николаевич не успел осуществить. В его планы входило создание всеобъемлющей истории Нерчинской политической каторги второй половины XIX–начала XX в. Незадолго до кончины он определил и объекты этого исследования, выделив особо Акатуйскую, Кутомарскую и Карийскую тюрьмы. Им планировалось также историографическое изучение истории Нерчинской тюремной системы. В планах ученого было создание и истории Иркутского мирового суда. Особое внимание Н.Н. Щербаков уделял ссылке в Сибирь советского периода, высказав мысль о создании единой, сквозной истории ссылки в наш регион на протяжении XVIII–XX столетий.

Сегодня изучение политической ссылки в Сибирь по-прежнему продолжается. И в наши дни этот сюжет актуален и далеко не исчерпан.

Но совершенно очевидно, что дальнейшая разработка настоящей проблематики, как и развитие региональной исторической науки в целом, просто требует глубокого и всестороннего исследования творческого наследия Н.Н. Щербакова, ученого, чей вклад в изучение «ссылочной» темы был, действительно, фундаментальным.

Ю.В. КУЗЬМИН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Н.Н. КОЗЬМИНА (1872–1938 гг.)

Известный сибирский историк, экономист, краевед и общественный деятель Николай Николаевич Козьмин (1872–1938 гг.) является неординарным представителем российской историко-экономической школы начала XX в.

Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, активный деятель сибирского областничества, правитель ВСОРГО в 1903–1906 гг. и 1929–1931 гг., член Сибирского правительства в 1918–1919 гг., заместитель Председателя Госплана Бурятии, профессор Иркутского госуниверситета (с 1925 г.).

Поразительно разнообразие научных интересов сибирского ученого: история Сибири, этнография коренных сибирских народов, проблемы регионального экономического развития, этническая история народов Центральной Азии. Н.Н. Козьмин опубликовал более 200 научных работ, выступал в качестве журналиста, краеведа и общественного деятеля. Ряд исследований ученого отличает новаторский подход к решению сложных исторических проблем, многие из которых не утратили своего научного значения. К сожалению, личность и творческая биография длительное время по известным причинам находились вне внимания российской историографии и только в 1990-е гг. началось исследование его творческого наследия. Отмечен вклад Н.Н. Козьмина в развитие востоковедения и монголоведения, этнографии и истории Сибири.

В начальной стадии находится изучение его вклада в историко-экономические исследования (Ю.В. Кузьмин, Д.Я. Майдачевский).

История экономики — первая область исторических исследований Н.Н. Козьмина. В 1896 г. он успешно оканчивает университет, подготовив кандидатское сочинение «Организация служилого продовольствия в Сибири XVII в.», которое сам автор высоко оценил, но, к сожалению, не смог издать полностью; частично оно было опубликовано в 1910 г. в «Очерках прошлого и настоящего Сибири». В дальнейшем сибирская историко-экономическая тематика займет важное место в творчестве Н.Н. Козьмина.

Первыми историческими статьями исследователя стали следующие публикации: «Администрация государственной пашни в Сибири XVII в.» (1904 г.), «Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губер-

нии?» (1904 г.), «Хлеб за ясак» (1908 г.), в которых изучались новые для историко-экономической науки Сибири научные сюжеты. Позднее, эти темы были развернуты Н. Н. Козьминым в статьях: «Заселение русскими Сибири в Московскую эпоху» (1917 г.), «Земельный вопрос в Енисейской губернии» (1917 г.), «Казачьи земли» (1917 г.), «Из итогов подземельного устройства инородцев в Минусинском крае» (1918 г.) (Козьмин Н.Н. Администрация государственной пашни в Сибири XVII в. // Изв. ВСОРГО, 1903. Т. XXXIV. № 2. С. 149–165). У автора органично сочетались историко-экономические исследования и современная экономико-географическая проблематика. Практическая работа землеустроителем в Иркутске и Красноярске позволила ему много ездить по Сибири и собрать обширный материал по истории экономики Сибири, этнографии и топонимике Восточной Сибири.

В 1918–1919 г. Н.Н. Козьмин участвует в работе Сибирского правительства, являясь товарищем министра земледелия, отвечая за вопросы межевания земель.

В 1922 г. Н.Н. Козьмин приезжает по приглашению правительства Бурятии на должность консультанта по экономическим вопросам в Наркомземе и Госплане БМАССР, становится заместителем председателя Госплана и ближайшим помощником Н.М. Ербанова. Активную научную деятельность проявил Н.Н. Козьмин в работе Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова. Он становится председателем экономической секции общества, что являлось признанием авторитета Н.Н. Козьмина и его научных заслуг в области экономических наук. На одном из общих собраний научного общества он выступил с докладом «Хозяйство и народность (экономический фактор в этнических процессах)» (1928 г.) А на заседании экономической секции сделал доклад по теме: «Вопросник по наблюдениям явлений хозяйственного порядка».

Н.Н. Козьмина серьезно интересовали вопросы экономической истории Сибири XVII–XIX вв. Проблемно-постановочной характер имеет его статья «История сибирской промышленности и ее изучение» (1928 г.). Данная публикация является своеобразной реакцией Н.Н. Козьмина на план исторической секции ВСОРГО по систематическому изучению экономики Восточной Сибири.

Причину слабого историко-экономического изучения края он видел в трудных условиях развития самой сибирской экономики. Автор сравнивает два региона России по уровню и интенсивности экономического развития: русский Север и Сибирь. Сравнение не в пользу второго региона: «Сибирь с ее отсутствием сплошных естественных путей длительного направления имела тенденцию замыкаться в пределах ограниченной продукции наиболее рентабельных производств, потребляемой в результате сложного товарообмена и своеобразной оплаты вспомогательных услуг» (Козьмин Н.Н. История сибирской промышленности и ее изучение // Изв. ВСОРГО, 1928. Т. III. С. 81).

Отмечена особенность сибирского предпринимательства, купец был не только торговцем, но и подрядчиком и поставщиком. «Наиболее доходным видом поставок были хлебные операции. Купечество снабжало хлебом коренные доводы, провинциальные магазины, войска, тюрьмы, больницы, оно же поставляло хлеб на прииски. Одновременно оно брало поставки мяса, сена, дров, строительных материалов и т.д.» (Там же. С. 82). Н.Н. Козьмин выделил ряд крупных предприятий восточносибирского региона, заслуживающих исследования: купцов Бутина и Сибирякова, тельминские предприятия Останиных-Белоголовых, хайтинская фабрика Перевалова. По мнению автора, эти предприниматели заслуживают специального исследования. Не утратившими научного значения он назвал работы Потанина, Ядринцева, Мордвинова, Вагина, а также Рожкова и Ватина. Он надеялся, что исторической секции «удастся привлечь молодые и энтузиастические силы для выполнения этого широко намеченного плана». (Там же. С. 84).

В 1920–1930-е гг. Н.Н. Козьмин плодотворно занимался вопросами экономического районирования Бурятии, экономической географии республики, определением ее границы. Были опубликованы статьи и очерки: «Бурятия в географическом и хозяйственном отношении» (1924 г.), «Вопросы финансового хозяйства» (1924 г.), «Очерки скотоводческого хозяйства в Бурреспублике» (1926 г.), «Районирование и планирование строительства на местах» (1926 г.), «Хозяйство и народность (производственный фактор в этнических процессах)» (1928 г.).

Важным направлением научных исследований Н.Н. Козьмина являлось изучение экономики традиционного кочевого общества, его генезиса и социальной структуры. Теоретические проблемы кочевого феодализма, экономические основы общества были основательно проанализированы Н.Н. Козьминым в монографии «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» (1934 г.). Автор принял активное участие в дискуссии о специфике экономического развития восточных обществ, особенно монгольского и бурятского. Экономические проблемы Монгольской империи XIII в. рассмотрены в статье «Экономические причины войны между Чингизидами».

Экономическая тематика исследований Н.Н. Козьмина довольно обширна и разнообразна и нуждается, по нашему мнению, в дальнейшем изучении. Исторически разных специальностей отличают несомненный вклад Н.Н. Козьмина в изучение истории и экономики Сибири, этнографии сибирских коренных народов, истории монголов в Центральной Азии, истории Бурятии и кочевых цивилизаций (Иркутское краеведение 1920-х гг.: взгляд сквозь годы: Материалы ре-гион. науч.-практ. конф. «Золотое десятилетие иркутского краеведения: 1920-е гг.» Иркутск, 2000. С. 33, 57, 82–86, 89, 101–107).

В 2002 г. в Иркутске состоялись Первые востоковедные чтения, посвященные 130-летию со дня рождения Н.Н. Козьмина (Первые Востоковедные чтения. К 130-летию со дня рождения Н.Н.Козьмина. Материалы

междунар. конф. Иркутск, 2002. 143 с.). Восстановление доброго имени ученого и человека, введение в научный оборот творческого наследия Н.Н. Козьмина — настоятельная необходимость современной историографии. Назрела необходимость монографического исследования о крупном сибирском ученом.

Л.В. КУРАС

ДАНИИЛ ГАВРИЛОВИЧ БАЖЕЕВ (1907–1981 гг.)

4 апреля 1907 г. исполняется 100 лет со дня рождения участника Великой Отечественной войны, автора ряда монографий по истории революции и гражданской войны в Бурятии, кандидата исторических наук, доцента Даниила Гавриловича Бажеева, который в 1950–1960-е гг. в среде историков Бурятии занимал видное место и во многом определял стратегию развития важнейшего направления истории Отечества в регионе.

Его детство и юность связаны с родным Боханским районом Иркутской области, где он вступил в комсомол, работал вожатым отряда, секретарем комсомольской ячейки и где в 1927 г. закончил Боханскую среднюю школу.

С 1929 по 1929 г. он студент педагогического факультета Иркутского государственного университета. По окончании 2 курса Даниил Гаврилович ушел на педагогическую работу: заведующий Харанурской школой 1-й степени, заведующий школой для взрослых и, наконец, учитель Хохорской семилетней школы. Директором этой школы был Дмитрий Андрианович Алексеев (1908–1973), будущий профессор Восточного факультета Ленинградского государственного университета, известный филолог-востоковед. Совместная работа, желание познать историю родной Бурятии, стремление в «большую науку» сблизили их. Свою дружбу они пронесли до конца жизни, помогая друг другу, гордясь своими успехами и успехами земляков. Здесь же он познакомился со своей будущей женой — Людмилой Константиновной Русановой, учительницей этой же школы. Так что школа стала для Даниила Гавриловича настоящим жизненным университетом.

В 1930-е гг. руководство страны делало очень многое для подготовки национальных педагогических, творческих и научных кадров. Одной из форм такой подготовки стали специальные двухлетние курсы, организованные при Музее революции СССР в Москве, куда и попал Д.Г. Бажеев. В 1934 г. после успешного завершения курсов, он был переведен в аспирантуру научно-исследовательского института национальностей СССР в Москве, где в течение двух лет осуществлялась теоретическая подготовка будущих ученых. К сожалению, в 1936 г. исторический сектор аспирантуры был закрыт и Д.Г. Бажеев без защиты диссертации был откомандирован в Бурят-Монгольскую АССР, где он до начала Великой Отечественной войны работал старшим научным сотрудником, а затем

Директором Республиканского краеведческого музея БМАССР. Именно под его руководством музей превратился в научно-исследовательское и культурно-просветительское учреждение, на базе которого осуществлялись многие научные исследования и, особенно, по дореволюционной тематике. В эти годы он собрал огромный материал по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Бурятии и только начавшаяся война помешала завершить диссертацию.

Д.Г. Бажеев ушел на фронт в 1941 г. и сражался до конца войны, приняв участие в освобождении Румынии, Венгрии, Австрии, чему свидетелем тяжелое ранение и многие боевые награды.

После войны он вновь назначается директором краеведческого музея имени Хангалова, фактически став постановщиком краеведческого дела в БМАССР как науки, уделяя особое внимание историко-революционной тематике.

26 февраля 1952 г. в диссертационном совете при Московском государственном историко-архивном институте он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Бурят-Монголия в борьбе за власть Советов в 1917–1920 гг.». Этой теме он остался верен до конца, опубликовав целую серию монографий: «Коммунистическая партия в борьбе за установление Советской власти в 1917–1918 гг.» (Улан-Удэ, 1953), работа, посвященная Марии Михайловне Сахьяновой «Славная дочь бурят-монгольского народа» (Улан-Удэ, 1957), «Коммунистическая партия — организатор и руководитель партизанской борьбы в Бурятии» (Улан-Удэ, 1960), «Борьба за установление Советской власти в Бурят-Монголии» (Улан-Удэ, 1967). Его труды заметно расширили научный диапазон, источниковую базу и сегодня представляют несомненный интерес для профессиональных историков. После защиты Даниил Гаврилович полностью перешел на преподавательскую работу в сельскохозяйственный институт, где преподавал историю КПСС, будучи доцентом кафедры марксизма-ленинизма.

Интересно, что в 1951 г. старшая дочь Даниила Гавриловича Ольга поступала на Восточный факультет Ленинградского университета, где работал земляк Д.Г. Бажеева профессор Д.А. Алексеев, который в качестве экзаменатора на вступительный экзамен по истории СССР рекомендовал молодого аспиранта, фронтовика, защитника Ленинграда Ефрема Егоровича Тармаханова. Абитуриент получила оценку «отлично»... Через два года у них состоялась свадьба. Тогда же, в 1953 г. Ефрем Егорович после окончания аспирантуры, начинает преподавать на кафедре истории СССР ныне Бурятского государственного университета, где работает уже в течение 54 лет (!), поставив тем самым абсолютный рекорд среди высших учебных заведений России. Сегодня Ефрем Егорович известный ученый-историк, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки России и Бурятии; его старшая дочь Татьяна Ефремовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культуры Бурятии БГУ; а младшая — Екатерина Ефремовна — кандидат

исторических наук, декан одного из факультетов Бурятской государственной сельскохозяйственной академии. Так сложилась династия ученых-историков, основателем которой фактически был кандидат исторических наук, доцент Бажеев Даниил Гаврилович. Кстати, профессор Е.Е. Тармаханов является автором интересного очерка, написанного в жанре исторического портрета — «Бажеев Даниил Гаврилович — исследователь и педагог (1907–1981 гг.)» // Вестник Бурятского университета. Сер. 4. История. Вып. 3. Улан-Удэ, 2000. С. 97–102.

Сегодня работы Даниила Гавриловича Бажеева являются важной составляющей историографии Октября и гражданской войны и в определенной мере дали возможность будущим исследователям истории Октября и гражданской войны доктору исторических наук Павлу Таби-наевичу Хаптаеву, доктору исторических наук, профессору Бато Бадмаевичу Батуеву продолжить изучение этой важнейшей проблемы, а затем автору этих строк дать историографический анализ проблемы Октября и гражданской войны в Сибири.

Сегодня профессор Е.Е. Тармаханов завершает подготовку к изданию курса лекций по историографии истории Бурятии, где творчеству кандидата исторических наук, доцента Д.Г. Бажеева отводится важное место. Так что жизнь Даниила Гавриловича продолжается в исторических трудах.

Ю.А. ПЕТРУШИН

ЗЕМЛЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ИСТОРИКА (К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОЦЕНТА В.К. ЕРШОВА)

5 февраля 2007 г. исполнилось бы 60 лет со дня рождения Василия Константиновича Ершова (1947–2003 гг.). На кафедре современной отечественной истории Иркутского госуниверситета состоялось заседание, посвященное памяти кандидата исторических наук, доцента В.К. Ершова. На нем присутствовали коллеги и друзья В.К. Ершова, которые тепло вспоминали о его жизни, педагогической деятельности и научном творчестве.

В.К. Ершов родился 5 февраля 1947 г. в селе Ново-Ленино Аларского района Иркутской области в семье крестьян. Его родители простые сельские труженики привили В.К. Ершову навыки к тяжелому крестьянскому ремеслу, научили любить свой край, уважать людей труда. В дружной семье у В.К. Ершова было три брата, здесь присутствовал дух взаимопонимание и взаимопомощи, справедливости, который он пронес через всю свою жизнь. Особое трепетное отношение было у В.К. Ершова к матери, которую он нежно любил, постоянно навещал и помогал ей по хозяйству. Эти искренние чувства он проявлял к своей семье, детям, внучке, братьям, родственникам.

Его прямота, бескомпромиссность всегда ценились друзьями, коллегами, учениками. Природа не обделила его доброжелательностью, открытостью, состраданием к ближним, чувством юмора. У него было много друзей и товарищей, к нему тянулись простые люди. Не случайно, незадолго до смерти он часто обращался к своему духовнику священнику, старался глубже понять русскую душу, ментальность российского крестьянина, сибирского жителя.

По окончании сельской школы, В.К. Ершов был призван в Военно-Морской флот. Он проходил службу на подводной лодке, был награжден медалью. Крестьянские корни, служба на флоте, дальние трудные морские переходы закалили его характер, сформировали в нем высокие качества труженика, преданности морскому коллективному братству, гражданина нашего Отечества, которые он достойно нес до последних дней жизни.

После военной службы он поступил на исторический факультет Иркутского государственного университета, который окончил в 1975 г. и был оставлен для преподавательской работы. Вся последующая жизнь В.К. Ершова была связана с историческим факультетом ИГУ, где он прошел путь от аспиранта до доцента. Его учителями и наставниками были известные историки Сибири: Ф.А. Кудрявцев, С.В. Шостакович, Б.С. Санжиев, В.Т. Агалаков, И.И. Кузнецов и др. Специализация В.К. Ершова по истории партии, его крестьянская ментальность определили и тему научного интереса. Он избрал для изучения аграрную политику партии послевоенных лет. По этой тематике он написал полтора десятка статей, защитил кандидатскую диссертацию, подготовил добротное учебное пособие. Он также читал спецкурс по актуальным проблемам аграрной истории России. Так земля стала главной темой жизни и научного творчества В.К. Ершова, которой он отдал более четверти века.

Первым важным этапом научного творчества В.К. Ершова стала защита в 1982 г. кандидатской диссертации на историко-партийную тему о подготовке руководящих кадров для села в 1970-е гг. по материалам Восточной Сибири. Научным руководителем у аспиранта В.К. Ершова был профессор Б.С. Санжиев. Первым официальным оппонентом по диссертации В.К. Ершова был известный историк Сибири, профессор А.Н. Зыков, с которым у соискателя сложились хорошие личные отношения.

Если мы отбросим историко-партийные идеологемы, то перед нами предстанет работа, богатая конкретно-историческим материалом, собранным исследователем, который нуждается во взвешенной оценке, с учетом современных методологических подходов.

Одним из достоинств этой историко-партийной работы является всесторонний анализ подготовки не только партийных, но и советских, хозяйственных кадров для аграрного сектора Восточной Сибири. Главное внимание В.К. Ершов уделил районному звену, которое определяло в то время и осуществляет ныне реализацию аграрной политики государства на местах в форме национального проекта.

В кандидатской диссертации В.К. Ершова показан опыт подготовки кадров для села, выявлен их образовательный, социальный, национальный состав. Некоторые аспекты опыта могут быть востребованы и сегодня, когда деревня переживает острый кризис, а фермерским хозяйствам и личным подворьям явно не хватает знаний и навыков специалистов среднего звена. Без научного подхода, новой техники и грамотных специалистов сельского хозяйства наш аграрный сектор рискует остаться на уровне 50-х гг. прошлого века.

Успешная защита кандидатской диссертации придала уверенности В.К. Ершову, способствовала закреплению его авторитета как вдумчивого исследователя-аграрника, о работе которого знали его коллеги в вузах города Иркутска и сибирском регионе. В эти годы он разработал и начал читать на историческом факультете ИГУ спецкурс по актуальным проблемам аграрной истории России, одновременно руководит дипломными проектами, берет в аспирантуру двух учеников, публикует по теме ряд научных статей.

В.К. Ершова всегда отличала неторопливость и размеренность жизненного уклада. В научной работе он также никогда не гнался за быстрыми результатами. Как исследователь он долго обдумывал научную проблему, вынашивал ее месяцами и писал текст постепенно, словно слова выстраданной сердцем песни. Особенно сложно ему давались теоретико-методологические вопросы отечественной истории, с особой остротой вставшие в начале 1990-х гг. в исторической науке. Он не стал в ряды историков-авангардистов, пустившихся во все лопатки чернить отечественную историю, всегда замечал, что история сама расставит все по местам, а большое историческое событие лучше видится «на расстоянии».

Достойным ответом доцента В.К. Ершова на заявления некоторых историков-аграрников переписать историю, стала публикация им учебного пособия «Сельское хозяйство Иркутской области в 1946–1985 гг.», опубликованное в ИГУ в 1997 г. В качестве предмета изучения он взял приангарскую деревню, испытавшую все «прелести» послевоенных преобразований, как тысячи сел и деревень нашей многострадальной российской земли. Опираясь на конкретно-исторический, статистический материал, автор представил на суд аграрников, научной общественности содержательную работу с 10 аналитическими таблицами, показывающими слабый уровень технической оснащенности, огромную долю ручного труда колхозов, МТС, Приангарья в целом. Не обойдены были вниманием вопросы медленного роста урожайности, стагнации общественного животноводства, когда власть искала выход из положения и требовала продать государству скот, оставляя на личном подворье только «сталинских коров». Меры всяческого принуждения, ущемление торговли на колхозном рынке, обязательные натуральные поставки с личного подворья, пустой трудодень дополняют безрадостную картину послевоенной деревни. Главное, что в исследовании В.К. Ершов показал образ жизни простых крестьян, познавших всю социалистическую реформуацию влас-

тей. Оно и понятно, ибо он в детстве и юности воочию ежедневно видел эту тяжелую деревенскую картину. Только после 1953 г. деревня ненадолго вздохнула с облегчением, а затем вошла в полосу новых реформ и перестроек аграрного сектора.

Остро ощущается крестьянская боль В.К. Ершова в разделе пособия «Последствия искусственных морей». Автор хорошо знал эти земли. В зону затопления попали более 400 населенных пунктов, где проживало 105 тыс. чел. За каждым из них осталась своя родная околица, семья, судьба. Эти и другие проблемы села тревожили В.К. Ершова по-настоящему, могли стать предметом будущего исследования. Но судьбе было угодно распорядиться по-другому. В.К. Ершов ушел из жизни скоропостижно. На письменном столе остались записи по истории сельского хозяйства, которые он завершал для истории Иркутской губернии.

В.К. Ершов обладал природным даром притягательности для окружающих его людей, умел выстроить доверительные отношения со студентами и коллегами, уважительно относился к своим учителям. Крестьянская общинная ментальность сформировали в нем чувство социальной справедливости, вот почему он так остро реагировал на ее нарушение, глубоко задевавшее его большое сердце. Он полностью отдавал себя научно-педагогическому творчеству, был достойным сыном своей Аларской земли.

В.И. ПОКОРСКИЙ

ГОРДОСТЬ СИБИРСКОЙ НАУКИ (НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА В.Н. ШЕРСТОБОЕВА)

В биографии Вадима Николаевича отражен жизненный путь человека, посвятившего себя служению науке в области экономики и организации сельскохозяйственного производства.

Весь его жизненный и научный путь — это яркая историческая страница глубоких социально-экономических, политических и культурных преобразований в стране. Только благодаря им, разносторонне одаренный выходец из мещанской семьи смог проявить свои природные дарования, стать выдающимся ученым.

Родился 21 апреля 1900 г. в г. Барнауле в семье служащего по вольному найму в землеустройстве бывшего Алтайского горного округа. С 1902 до 1909 гг. с родителями жил в г. Томске. С юных лет в нем проявилась страсть к познанию. В 1911 г. поступил в Барнаульское реальное училище, куда родители вернулись в связи с переводом отца по служебной линии. Реальное училище окончил весной 1918 г. Трудовую деятельность начал сотрудником в местной газете Барнаульского Совдепа «Голос Труда», совмещая с преподавательской работой по линии губернского отдела народного образования.

В период военных действий против чехословацкого корпуса на территории Сибири Вадим Шерстобоев служил санитаром в Красной Гвардии. Летом 1918 г. работал в земской библиотеке. Осенью этого же года уехал в Томск, где был принят вольнослушателем на юридический факультет университета. В марте 1919 г. был мобилизован в армию адмирала Колчака. Вскоре после болезни тифом и двухмесячного отпуска был зачислен в 12-й полк помощником артельщика нестроевой роты, так как комиссией был признан нестроевым по зрению.

В ноябре 1919 г. после освобождения г. Томска от белых В. Шерстобоев поступил на работу в губернский комиссариат народного образования, а в январе 1920 г. возвратился в г. Барнаул, где был штатным агитатором Политпросвета. Параллельно сотрудничал в местных газетах «Власть Советов», «Алтайский коммунист».

Вскоре он становится лектором Губполитпросвета, где читал лекции на общественно-политические темы в регулярных воинских и партизанских частях, а также среди рабочих промышленных предприятий г. Барнаула.

В июне 1921 г. был командирован в Горный Алтай по организации первых выборов в Советы, осенью этого же года направлен уполномоченным по продналогу в Локтевскую волость Рубцовского уезда. После успешного выполнения задания по сбору хлеба государству; В. Шерстобоев в январе 1922 г. был призван в Красную Армию и направлен на Дальне-Восточный фронт. В составе 5-го Амурского и 4-го Волочаевского стрелковых полков 2-ой Приамурской дивизии участвовал в боях против белых в районе Спасска и Уссурийска, завершившихся освобождением г. Владивостока. После окончания боевых действий продолжал служить политруком в своей воинской части в городах Свободном и Благовещенске.

В июне 1923 г. после демобилизации возвратился в родные места и поступил инструктором Алтайского Потребсоюза. Основная часть работы проводилась в сельской местности различных районов края, что позволило досконально изучить специфику земледельческого производства в этом уникальном сибирском регионе.

Осенью 1927 г. Шерстобоев был принят студентом в Иркутский государственный университет на факультет права и хозяйства, в последствии преобразованной в экономический факультет, а затем в Восточно-Сибирский экономический институт. Ему была присвоена квалификация экономиста обмена и распределения. После окончания института в октябре 1930 г. был направлен в Сельхозтрест, где работал старшим экономистом треста пригородных хозяйств. В начале 1934 г. был принят на работу в Иркутский Облплан на должность старшего экономиста, а в 1935 г. выдвинут начальником сельскохозяйственного сектора. Одновременно в эти годы он начал свою преподавательскую работу в вузах г. Иркутска.

В сентябре 1939 г., будучи уже членом областной плановой комиссии, Вадим Николаевич получил приглашение в Иркутский сельскохо-

зяйственный институт читать курс организации сельскохозяйственного производства, одновременно выполняя обязанности заведующего кафедрой экономики.

В октябре 1940 г. он возвратился на работу в Облплан вследствие отсутствия педагогической нагрузки. В конце этого же года В. Шерстобоев заочно заканчивает сельскохозяйственную академию им. Тимирязева (1935–1940 гг.) и получает квалификацию агронома-полевода.

По представлению Совета Иркутского сельскохозяйственного института в 1940 г. В.Н. Шерстобоев утвержден ВАКом в ученом звании доцента по кафедре «Организации сельскохозяйственного производства».

Однако В.Н. Шерстобоеву пришлось в 1942 г. оставить работу в Иркутском сельскохозяйственном институте вследствие отсутствия учебной нагрузки и перейти на работу в Иркутский финансово-экономический институт, где ранее в 1934–1935-х гг. он по совместительству вел курс экономики и планирования сельского хозяйства. Хотя и здесь учебная нагрузка была небольшой, поэтому он дополнительно работал в учебной части этого же вуза.

В 1944 г. приказом ВКВШ (всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР) и Главвуза НКЗ СССР (наркомата земледелия) доцент Шерстобоев В.Н. был утвержден в должности заведующего кафедрой организации сельскохозяйственных предприятий в Иркутском сельскохозяйственном институте, где вел курсы организации сельскохозяйственного производства, статистики и счетоводства на факультетах механизации и агрономии. В декабре 1948 г. освобожден от заведывания кафедрой и назначен доцентом на ту же кафедру до окончания учебного года (30.06.1949 г.).

В 1953/1954 учебном году профессор, доктор экономических наук В.Н. Шерстобоев работал в Иркутском сельскохозяйственном институте на должности заведующего кафедрой организации социалистических сельскохозяйственных предприятий по совместительству.

Таким образом, В.Н. Шерстобоев работал в Иркутском государственном сельскохозяйственном институте в 1939–1940, 1941–1942 в штате, 1944–1949, 1953–1954 гг. по совместительству. Перерывы в работе ИСХИ были вызваны отсутствием педагогической нагрузки.

Деятельный и энергичный Вадим Николаевич многие годы успешно возглавлял кафедры двух вузов, был умелым организатором учебного процесса. Именно в Иркутском сельскохозяйственном и финансово-экономическом институтах в полной мере проявил свой научно-педагогический талант. Человек большой доброты и личного обаяния он с успехом читал лекции по ведущим курсам экономической науки, которые вызывали интерес у студентов.

Наряду с педагогической работой В.Н. Шерстобоев активно участвовал во всех проводимых мероприятиях и компаниях общественно-политического значения в институтах (ИСХИ, ИФЗИ), города и области. Напри-

мер, в декабре 1944 г. Исполнительный комитет Иркутского областного Совета депутатов трудящихся отметил плодотворную и успешную работу преподавательского состава межобластных курсов, в том числе доцентов ИСХИ — Шерстобоева В.Н., Яхтенфельда П.А., Иванишина А.И., Нусова Н.И. и Кузнецова А.И. в связи с первым выпуском слушателей межобластных курсов руководящих советских кадров.

Столь же плодотворной была и научная деятельность В.Н. Шерстобоева. Начиная с 1930-х гг. он специализировался в области экономики, организации и планирования сельского хозяйства. Участвовал в составлении книги «Организация труда в колхозах», изданной секцией научных работников г. Иркутска. В 1934 г. написал рукопись по экономике местных совхозов для служебного пользования Облплана. В 1935 г. по поручению Иркутского облисполкома составил экономический обзор сельского хозяйства Иркутской области, который положен в основу тематического плана Иркутской области на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 г.

В 1936–1937 гг. в журнале «Народное хозяйство Восточной Сибири» помещены статьи по орошению и развитию овощеводства в условиях Восточной Сибири. Кроме того, в местной газете «Восточно-Сибирская правда» печатались статьи по экономике сельского хозяйства области. Этим вопросам посвящены публикации, содержащие обобщения, теоретический и экономический анализ в таких работах, как «Планирование пригородного хозяйства» 9 п.л. Иркутск, 1935; Раздел сельского хозяйства в экономико-статистическом сборнике «Иркутская область», Иркутск, 1941; «Производственно-финансовое планирование подсобного хозяйства» 2,5 п.л. Иркутск, 1942; «Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области» 5 п.л., Иркутск, 1942. Таковы были первые исследования В. Шерстобоева, которые стали результатом успешной защиты в 1943 г. при Омском сельскохозяйственном институте диссертации на тему «Обоснование севооборотов колхозах Иркутской области» на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук.

Будучи ученым необычайно широкого диапазона, имея глубокие знания экономиста и агронома-полевода, хорошо владевшим иностранными языками — немецким, французским и английским, В.Н. Шерстобоев всю энергию и талант посвятил изучению экономики Сибири. Он интересовался самыми разнообразными проблемами и направлениями в области развития производительных сил, особенно сельскохозяйственного производства и экономической науки. Здесь, прежде всего следует упомянуть его выступление в 1947 г. на научной конференции по развитию производительных сил Иркутской области, которая создала основы ускоренного освоения природных богатств Восточной Сибири.

В 1951 г. Вадим Николаевич защитил диссертацию на тему «Илимская пашня Илимского воеводства XVII–нач. XIX вв.» в институте экономики Академии наук СССР и ему было присвоено ВАКом от 11 октября 1952 г. ученая степень доктора экономических наук и ученое

звание профессора (10.11.1952 г.) по кафедре «Экономика сельского хозяйства». После защиты докторской диссертации В.Н. Шерстобоев публикует статью «Земледелие северного Предбайкалья в XVII–XVIII вв.». Материалы по истории земледелия СССР. Сб. 1. М., 1952, в котором существенно дополнителен ранее выдвинутое положение, что основой экономического развития Сибири того времени является освоение сельскохозяйственных пространств северных частей Ангаро-Илимско-Ленского края.

Большой научный интерес представляет фундаментальное историческое исследование Вадима Николаевича, которой он отдал многие годы своей жизни — двухтомная монография «Илимская пашня» (1 том «Пашня Илимского воеводства XVII–начало XIX вв.» 42 п.л., Иркутск, 1949; 2 том — «Илимский край во II–IV четвертях XVIII века» 43 п.л., Иркутск, 1957).

Создание монографии потребовало от В.Н. Шерстобоева огромного напряжения физических и духовных сил. На основе огромного количества архивных материалов и других источников он обобщил и рассмотрел почти все стороны социальной, экономической, политической жизни огромного региона Восточной Сибири — Братского, Нижне-Илимского, Усть-Кутского и Киренского районов. Опубликование монографии ознаменовало собой важнейшее событие в истории Сибири. Этот замечательный труд не утратил своего научного и практического значения и до наших дней.

В течение всего периода его работы на должностях заведующего кафедр — «Организации сельскохозяйственного производства» (ИСХИ), «Отраслевых экономик» (1943–1952 г.) и «Экономики сельского хозяйства» (1952–1962 г.) в Иркутском финансово-экономическом институте Вадим Николаевич Шерстобоев вырос в крупного ученого и педагога, руководителя научной школы. Подготовил и дал путевку в жизнь более, чем двум десяткам аспирантов и соискателей. Одним из его талантливых учеников был Н.П. Гуничев, который с 1964 по 1966 г. работал ректором Иркутского сельскохозяйственного института. Это лишний раз свидетельствует о его ярких способностях, как ученого и организатора науки.

О.С. РУДАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИЛЕНСКОГО КРАЯ И.И. СЕРЕБРЕННИКОВЫМ

Транссибирская железная дорога соединила Сибирь с центральными частями европейской России и тем самым повлияла на дальнейший прогресс Сибири, развитие ее духовных и экономических сил. Время строительства Транссиба стало периодом активной разработки проектов железнодорожного строительства в Сибири. На первый план вышли вопросы общегосударственного значения — по обеспечению большей мощности (двойная колея) и безопасности (параллельные и обходные пути) железной дороги, а наряду с этими возникали и местные требования о подъезд-

ных путях для удовлетворения местных хозяйственных и промышленных нужд. Подобные идеи по строительству местных железных дорог высказывались и раньше, но степень научной и технической подготовки для их реализации была крайне низкой. Особое значение для Сибири и Иркутска в особенности, приобрел вопрос о необходимости соединения богатого Ленского края железнодорожными путями с Сибирской магистралью. Эта тема не раз освещалась в литературе. Данная статья посвящена экспедиции, возглавляемой Иваном Иннокентьевичем Серебренниковым (секретарь Иркутской городской думы), которая проводила экономическое исследование Приленского края для обоснования необходимости строительства железной дороги от Иркутска до судоходной части р. Лены.

Вопрос о проведении железной дороги в Приленский край возник и начал усиленно обсуждаться в заинтересованных кругах населения и правительственных сферах с 1905 г. В этом же году приступили к практической разработке этого вопроса. С 1905 г. снаряжаются изыскательные экспедиции (в основном проводилось географическое и техническое исследование местности), проводятся совещания, собрания, где обсуждается вопрос о соединении железнодорожными путями Транссиба и р. Лены. Было разработано двадцать проектов, из которых преимущественно обсуждалось два: Тулун — Усть-Кут и Тиреть — Жигалово. Это объясняется тем, что только для них были собраны материалы технического и экономического характера. На Межведомственном совещании о путях сообщения в декабре 1906 г. был выдвинут проект железной дороги на р. Лену от Иркутска до Жигалова. Он отвечал интересам иркутских торгово-промышленных представителей и имел значение для дальнейшего развития Иркутской губернии. Позднее гласный Городской думы В.И. Тышко высказал предложение о строительстве железной дороги от Иркутска до Бодайбо, для оживления горной промышленности. В 1907–1908 гг. было проведено рекогносцировочное изыскание (рекогносцировочное обследование предшествуют детальным изысканиям) инженером В.П. Половниковым, который доказал возможность строительства железной дороги Иркутск — Бодайбо. Эта дорога содействовала развитию золотопромышленности в Олекминской и Витимской золотоносных системах, способствовала развитию горнопромышленности, а также способствовала росту переселенческого движения. Государственное значение именно этой дороги для иркутян было несомненным.

В ноябре 1910 г. по инициативе гласных Иркутской городской думы была образована Комиссия для собирания сведений по вопросу о проведении железной дороги Иркутск — Бодайбо, под председательством гласного Думы В.М. Посохина. В состав комиссии вошли гласные городской думы, а так же лица, интересующееся вопросом строительства Ленской железной дороги. Цель этой комиссии состояла в соборе сведений экономического и статистического характера, публикация этих сведений для освещения вопроса о проведении железной дороги Иркутск — Вер-

холенск — Бодайбо и дальнейшей защиты этого направления. Именно Комиссия высказала соображение: если строительство железной дороги Иркутск — Бодайбо встретит финансовые затруднения, можно разделить строительство на два участка от Иркутска до Жигалова с дальнейшим продолжением до г. Бодайбо. Придя к выводу, что строительство первого участка Иркутск — Жигалово можно не откладывать надолго, комиссия приняла решение произвести экономическое обследование района этой дороги для выяснения ее вероятного грузооборота. 20 мая 1911 г. на очередном заседании Городской думы было решено ассигновать 4900 р. на расходы по сбору необходимых статистических данных в районе проектируемой линии. Экспедиция для экономического обследования района состояла из четырех человек, руководителем экспедиции был выбран И.И. Серебренников. Экономическое исследование района было проведено летом 1911 г., в то же время что и изыскания других вариантов, которые финансировались правительством.

26 сентября 1911 г. в помещении Общества взаимного кредита на собрании членов комиссии городской думы по вопросу о проведении железной дороги, И.И. Серебренников сделал доклад о поездке до Бодайбо. Было обследовано 45 волостей, экспедиция прошла 10 776 верст, из них было пройдено парходом 6251 верст, железной дорогой 951 верст, верхом 51 верст, на колесных экипажах 2851 верст и на лодках 672,6 верст (Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 161). В результате этой поездки был собран разнообразный, обширный материал по экономике края и для определения вероятного грузооборота железной дороги. Также выяснилась, что по техническим условиям целесообразнее провести железную дорогу до села Усть-Илга, расположенного на левом берегу р. Лены, в 32 км ниже Жигалова. Полученный материал И.И. Серебренников обработал и в 1912 г. опубликовал «Записку об экономическом положении района железной дороги Иркутск — Жигалово (Усть-Илга), вероятном грузообороте этой железной дороги и о продолжении ее до г. Бодайбо». В основе этой записки положен материал, собранный в летней поездке, а также использованы различные литературные источники, касающиеся экономики края, статистические данные инородческих ведомостей, данные Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., сведения Верхоленской податной инспекции 1910 г. Всего 62 источника. Некоторые статистические данные устарели к моменту составлению записки и И.И. Серебренников критически подходит к их анализу. Работа состоит из трех частей: описание экономического положения района проектируемой железной дороги, анализ ожидаемого грузооборота проектируемой железной дороги, таблицы со статистическими данными, а также приложение и карты района с вариантами железных дорог. Работа содержит подробное описание Приленского края — растительность, животный мир, полезные ископаемые, климатические условия, пути сообщения и их значение для края. В записки обобщены и проанализированы

многочисленные и разнообразные сведения по численности населения, их хозяйственной деятельности. Отдельная глава посвящена описанию Иркутска как административного, религиозного, культурного, стратегического и торгово-промышленного центра Сибири. Во второй части работы о грузообороте в таблицах приведены данные о ввозе, вывозе, транзите промышленного и продовольственного груза.

Важность работы, проделанной экспедицией, в том, что она собрала подробные сведения об экономике края. Прежде информация такого рода собиралась через распространение анкет по волостям губернии. Ответы на анкеты были очень краткими и иногда содержали неточные данные. В «Записке» И.И. Серебренников объединил известные сведения о крае, ввел в оборот новые данные по экономике Приленнского края, сделал анализ всего цифрового материала, который стал доступен исследователям и интересующимся людям. Он не раз говорил, что литература об Иркутской губернии крайне скудна, особенно, основанная на богатом статистическом материале. И.И. Серебренников писал в своем дневнике: «Когда какой-нибудь любознательный покупатель просит дать ему что-нибудь о местном крае, то продавец предлагает ему или мою записку о Ленской железной дороге или мою статью «Промыслы Иркутской губернии...» (ГАИО. Ф. 609, оп. 1, д. 4, л. 7). Работа И.И. Серебренникова стала первым серьезным обоснованием в экономическом и финансовом отношении строительства железной дороги Иркутск — Усть-Илга, строительство которой помешала Первая мировая война и революционные события. И сегодня работа И.И. Серебренникова не потеряла своей актуальности для исследователей Иркутской губернии.

Г.П. СНЫТКОВА

ЛИЧНОСТЬ НА ФОНЕ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

«Золотым веком» истории русского предпринимательства принято считать пореформенные десятилетия XIX—начала XX вв. После длительного застоя в экономике были разбужены предприимчивость, инициатива людей. Рост промышленности и торговли, новые формы их организации, новый тип предпринимателей, поиск возможности приложения капитала с учетом перспективы развития — проявление черт данного периода. В числе предпринимателей, способных вести дела на новом уровне, представитель седьмого поколения династии Сибиряковых — А.М. Сибиряков.

Изучение деятельности А.М. Сибирякова осложнено отсутствием систематизированных архивных описей. На сегодняшний день нет исследования о человеке, который принес большую пользу России. Упоминания о нем редки, часто противоречивы. Сбор и систематизация материалов, находящихся в архивах России и Европы для составления «Личного фон-

да династии Сибиряковых» — попытка реставрации и сохранения исторической памяти о роде Сибиряковых, конкретно об А.М. Сибирякове.

Часть фонда составляют материалы по проблеме: «А.М. Сибиряков. Исследования и прокладка путей для торговли с Западной Европой». Выделение части фонда в самостоятельный раздел исследования не случаен: А.М. Сибиряков большую часть жизни жил за границей. Хорошо был знаком с европейскими рынками, знал их потребности в русском экспорте товаров и понимал значимость импортных поставок для развития Сибири. Его контакты носили личный характер, но сохранились деловые письма. Они дают возможность сделать выводы не только по обозначенным в них проблемам. Сквозь призму письма виден уровень общения адресатов, взгляд на решение возникающих проблем, отношение к выполнению взятых на себя обязательств.

Наибольшее число писем сохранилось в Историческом центре Шведской Королевской Академии в Стокгольме. Адресаты: А. Норденшельд — шведский исследователь Арктического побережья и Оскар Диксон — промышленник, меценат. Кроме Швеции, письма А.М. Сибирякова хранятся в Архиве бывшего «Немецкого общества полярников», часть материалов находится в хранениях Лейпцигского Института Земли. (Institut für Länderkunde e.V., Leipzig.)

Письма А.М. Сибирякова впервые обнаружил в Архиве Швеции профессор университета Мичиган (США) Георг Киш. Копии были переданы в Институт Арктики и Антарктики в Ленинграде в 1973 г. Но интерес к личности А.М. Сибирякова не проявлялся до конца XX в. По нашей просьбе профессор В.М. Пасецкий, автор многих исследований по истории Северного морского пути, переслал имеющиеся копии из Петербурга. Другая часть писем получена в результате прямого общения со Шведским историческим центром.

Сибирь во второй половине XIX в. втягивалась во Всероссийский рынок. Развитие внутренней торговли подтверждают многочисленные ярмарки в Иркутске, вывоз сибирских товаров на Ирбитскую, Нижегородскую ярмарки. Торговый обмен с Китаем приносил доходы купечеству и государству. Для успешного развития новых отраслей экономики требовались машины и механизмы. Но доставка их стоила дорого, предприятие не могло дать прибыли. Особенно тяжелым и мало производительным был труд на золотодобывающих приисках в Бодайбо — главном источнике богатства династии Сибиряковых. Доставка товаров для приисковых рабочих и служащих требовала огромных затрат. Нечеловеческие условия труда становились причинами беспорядков. (Хроленок С.Ф. Развитие золотодобывающей промышленности в конце XIX—начале XX вв. Иркутск, 1970. С. 275)

Это заставляло молодого предпринимателя искать возможности замены ручного труда машинами. Приобрести их можно было на рынках Северной Европы. Трудность состояла в организации доставки машин и оборудования на реку Лена, а оттуда на прииски.

В 1875 г. А.М. Сибиряков жил в Цюрихе. Об этом говорит адрес на одном из первых писем, отправленных в Швецию А. Норденшельду: «Цюрих, Банхофштрассе, 86». (Переписка... Письмо от 1 декабря 1875 г.) А.М. Сибиряков искал альтернативные пути доставки морем и по сибирским рекам товаров из Англии, Швеции в Сибирь (Переписка А.М. Сибирякова и А. Норденшельда. 1875–1901 гг.).

Была ли исследована и доказана практически возможность данного предприятия до Сибирякова? Каково отношение правительства к проблеме сибирских предпринимателей?

М.К. Сидоров, красноярский купец, возглавлял «Общество для содействия русской промышленности и торговли». В 1859 г. добился у российского правительства разрешения организовать судоходство до берегов Северо-Западной Сибири. Первую экспедицию снарядил в 1862 г. на шхуне «Ермак»: она прошла удачно. Правительство же считало решение проблемы преждевременным, тем более, что требовались немалые затраты для ее решения. В 1871 г. ИРГО разработало программу исследований полярных морей, но правительство не сочло это нужным и средств не выделило (Пасецкий В.М. Разгадки тайна ждет. М.: Гидрометеоиздат, 1983. С. 27).

В декабре А.М. Сибиряков обращается к М.К. Сидорову с письмом, в котором изложена часть программы будущей экспедиции к Енисею и, при «благоприятном случае — пишет он далее, чтобы суда «прошли до устья Оби и исследовали бы этот путь». (Переписка... Письмо М.К. Сидорову от 21 ноября–3 декабря 1875 г.). Общность интересов сибирских купцов способствовала решению поставленной временем задачи. Исследовать возможность прохода Северным морским путем к устьям рек сибирские предприниматели предложили известному полярному исследователю А. Норденшельду. Шведский путешественник согласился составить проект экспедиции, написал в Петербург и Москву своим друзьям, что необходимо привлечь к его осуществлению внимание деловых кругов Сибири, заинтересованных в установлении торгового мореплавания между Европой и великими сибирскими реками. Но средства для экспедиции к русской реке выделил шведский меценат Диксон. Первая енисейская экспедиция прошла удачно. А. Норденшельд с триумфом проехал по России и вернулся в Швецию (Киш Г. Северо-Восточный проход. Адольф Эрик Норденшельд: его жизнь и время. Амстердам, 1973. Англ. язык. Перевод наш. С. 114. (George Kish North-east passage Adolf Erik Nordenskiöld, his life and times Nico Israel. Amsterdam 1973).

По возвращении в Стокгольм, Норденшельд получает телеграмму от русского предпринимателя А. Сибирякова, предлагавшего 25 тыс. серебром для совершения плавания к сибирским рекам. (Переписка... Телеграмма от 17 нояб. 1875 г.) Таким образом, был найден выход из ситуации, решение которой было не под силу правительственным кругам.

О покорении Северо-восточного прохода из Европы в Азию написано ряд исследований. Они помогают понять значимость того, что было сдела-

но экспедицией А. Норденшельда: после длительного плавания — 1878–1880 гг. и зимовки в Колочинкой бухте доказана возможность проводки кораблей по «Ледовитому морю». Имя Сибирякова А.М., благодаря которому состоялась экспедиция, упоминается редко: чаще звучит имя Оскар Диксон и Оскар II — король Швеции. Они также вложили часть средств в осуществление проекта. (Гранстремъ Э. Вдоль полярных окраин России. Путешествие Норденшельда вокруг Европы и Азии. СПб, 1905. С. 64–65).

Первая телеграмма с предложением средств экспедиции положила начало тридцатилетней дружбе русского предпринимателя и шведского ученого, который «всегда с теплотой отзывался о Сибири и верил в будущее сибирского края», — из письма жены профессора А. Норденшельда А.М. Сибирякову. (Переписка. Письмо Анны Норденшельд от 1901 г.)

Итогом деятельности Сибирякова стало доказательство возможности доставки грузов по Северному морскому пути во время летней навигации в устья сибирских рек, где были построены базы для хранения товаров и сосредоточены запасы угля для судов.

Иркутск — вдали от океанских дорог. В течение ряда лет А.М. Сибиряков добивался решения проблемы прохода судов и грузовых барж по водам Ангары в Енисей и далее в Ледовитый океан, но естественной преградой стали ангарские «пороги», преодолеть которые в те годы было очень сложно. Основные итоги работы А. Сибирякова в этом направлении изложены в статье: «Г.П. Сныткова, С.М. Рыбкин: «Имя А.М. Сибирякова на страницах «Летописи...» Н.С. Романова.

Об экспедиции А. Брема и О. Финша — 1876 г. в Западную Сибирь почти нет сведений в нашей литературе. Ситуация с обеспечением средствами экспедиции повторилась: немецкие ученые собирались в Россию и к границе с Китаем, но смогли собрать по Германии только третью часть необходимых денег. Письмо предпринимателя из России, обещавшего 18 тыс., спасло экспедицию. Но Сибиряков поставил условие: исследование Обской губы и рек бассейна Оби. Он планировал строительство канала для соединения Енисея и Оби. Ученые биологи и орнитологи имели небольшое представление о планируемых работах и не смогли провести нужных исследований, но вышли к Карскому морю, убедились в непроходимости болот на Севере Западной Сибири. Интуиция исследователя подсказала: изменчивое русло рек меняет глубину в разные периоды лета. В случае повышения температуры воздуха вечная мерзлота тает, уровень воды повышается. С прекращением таяния судоходство по рекам невозможно. Было получено важное доказательство невозможности строительства крупного канала путем соединения рек, впадающих в Ледовитый океан. А.М. Сибиряков возлагал большие надежды на строительство канала, который должен был стать частью единой системы. В 1884 г. А.М. Сибиряков на пароходе «Норденшельд» отправляется из Архангельска до устья Печоры, дальше на речном пароходе, на оленях переезжает через Урал, по реке Ляпин спускается к Оби и к Тобольску. Так был открыт кратчай-

ший путь- тракт длиной 180 км с Оби на Печору для перевозки сибирских товаров. Тракт называли «Сибиряковским». Благодаря поставкам хлеба по тракту, цены снизились в два раза.

В 1893 г. Сибиряков прекращает попытки связать водными путями Сибирь и Европу. Шведский ученый Урбан Врекберг считает, что причина в усталости и постоянных неудачах, преследовавших Сибирякова. (Urban Wrekberg. Vetenskapens vikingateg. Perspektiv pe svensk polarforskning. Stockholm, 1999. С. 106) Причина состояла, видимо, в том, что в 1891 г. началось строительство Транссиба. Был найден дешевый и быстрый способ доставки грузов. При строительстве необходимы рельсы. Возможность их доставки из Англии была рассчитана А. Норденшельдом, а уложили первые рельсы из Англии в полотно дороги на Красноярском участке.

В 1908 г. в Иркутск книга: «Сибиряков А.М. «О путях сообщения в Сибири». Автор проанализировал состояние путей сообщения вплоть до выхода в Охотское море. Выход очередной книги А.М. Сибирякова подтвердил: несмотря на возраст и драматические события в личной жизни, он не отказался от идеи, которой посвятил большую часть жизни.

Закрывая конференцию в Тюмени, Председатель ДАМУ Андреас Ферстер, сделал вывод о роли сибирских предпринимателей в исследовании Сибири: «Если бы не сибирское купечество, то не смогли бы состояться экспедиции по исследованию региона, что еще долго тормозило его развитие». (Александр Гумбольдт и проблемы устойчивого развития Урало-Сибирского региона. 2004. Сент.)

Исходя из выше сказанного, сожаление вызывает факт, что результаты многих исследований не использованы. В силу объективных обстоятельств не все сумели оценить и передать будущим исследователям севера.

А.В. СТЕПАНОВ

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА ПРОФЕССОРА И.И. КУЗНЕЦОВА)

Изучая творчество профессора Кузнецова Ильи Иннокентьевича (19.01.1925–11.03.2003), следует сказать, что этот человек внес весомый вклад в изучение истории Великой Отечественной войны. Историк-исследователь достиг больших высот благодаря завидному упорству и трудоспособности. Доктор исторических наук, профессор, Действительный член Академии гуманитарных наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Он автор более 250 работ по истории Второй мировой войны, историографии истории России, истории гражданской войны, истории советско-монгольских отношений.

В данной статье рассматриваются материалы из личного дневника И.И. Кузнецова, который он вел с перерывами в 1937–1945 г. Мы по-

пытаемся обозреть записи, сделанные в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В этот период закалялся его характер, утверждалось общественно-политическое мировоззрение и исторические взгляды этого человека.

Автор предполагал включить дневник военной поры в качестве приложения книги воспоминаний «Страницы жизни историка». Но, к сожалению, по разным причинам реализовать эту идею не удалось. В период с 12 февраля 1941 г. до 8 апреля 1942 г. был перерыв в дневниковых записях. За это время произошло много важных событий не только в жизни И. Кузнецова, но и всей страны — началась Великая Отечественная война.

В своих записях в дневнике Илья Иннокентьевич упоминает начало войны, только в период с 8 по 10 мая 1945 г. Когда с окончанием войны ему вспомнилось ее начало. В это время он находился в пионерском лагере 3-го отделения Восточно-Сибирской железной дороги, в котором был определен помощником вожатого. «Пионерский лагерь находился километрах в 12 от станции Суховская, на берегу реки Китоя. По железной дороге в вагонах добирались до станции Суховская, а затем еще несколько километров по ветке, ведущей к мощной радиостанции, а оттуда уже походным порядком километра 3–4 до лагеря». Все жили своей обычной жизнью. В 7 часов вечера со станции Суховская прибыл начальник лагеря Дзюбенко со свежим номером газеты «Восточно-Сибирская правда», собрав всех вожатых в штаб и объявили: «Без паники! Началась война!» Это известие взволновало всех, громко завывла сирена, собирая пионеров на футбольное поле. В наступившей тишине была зачитана речь В.М. Молотова. Некоторые пионеры заплакали, но постепенно успокоившись расходились по корпусам. Вожатые неотлучно до самой темноты были с пионерами, как могли, успокаивали наиболее впечатлительных. Особенно больно запали в ребячьи души слова о бомбежке городов! Поваяло чем-то страшным и безысходным. В городе Иркутске проходили митинги о единодушном желании всех подняться на борьбу с врагом. Настроение поднимали песни и марши, передаваемые по радио. Через некоторое время в Иркутске И. Кузнецов слушал выступление И.В. Сталина. Из этой речи ему стало ясно, что над страной нависла реальная опасность. Сталин сообщил о потери половины Украины, почти всей Белоруссии, Прибалтики, призывав всех к всенародной партизанской борьбе. По приезду в лагерь Илья Иннокентьевич рассказал о выступлении Сталина вожатым, но им этого показалось мало. Они все допытывались, что еще сказал Сталин.

8 апреля 1942 г. были возобновлены записи в дневнике. К этому времени И. Кузнецов учился в 87 железнодорожной школе, куда был переведен из 9 класса школы № 39. Вскоре новую школу заняли под госпиталь, а учеников перевели в 38 школу около ЛРД (Ленинский рабочий дворец).

И.И. Кузнецов регулярно получал письма с фронта от брата Михаила, который воевал на северо-западном направлении, в 301 артиллерийском полку, который был переименован в 10 гвардейский.

В клубах, рабочих дворцах, домах культуры регулярно проводили вечера, встречи по теме войны. Так 11 апреля в Ленинском рабочем дворце была встреча с инструктором политотдела из 16 армии К.К. Рокосовского, который рассказал о нескольких боевых эпизодах. Все это с большим интересом слушал И. Кузнецов. Таких рассказов явно не хватало в тылу.

Интересные сведения о первом военном займе. И.Кузнецов пошел на митинг в честь выпуска первого военного займа. На него подписывались учащиеся 1–7 классов. На 7 тыс. с лишним рублей подписались преподаватели и технические работники, а учащиеся — на 1800 р. Каждый из них подписался на 100–300 р. при месячной стипендии 60 р.!

Илья Иннокентьевич регулярно просматривал центральную прессу, и записывал в свои рабочие тетради, все данные о присвоении гвардейских званий различным частям. Также составлял в специально сшитой тетради список генералов особо отличившихся в боях.

Перейдя в 10 класс он с одноклассниками и товарищами В. Агалаковым и Л. Драбкиным поехал в университет и был зачислен на курсы по подготовке в вуз, где им выдали удостоверения учащихся курсов. В это же день Илья Иннокентьевич записался в учебную библиотеку. С 5 июля начались занятия на курсах в университете, ему выдали пропуск в университетскую столовую, рацион в которой был скудный и однообразный состоявший из ржаных галушек, чая и пончика. Конечно, такое питание было скудное, но он был доволен приобщением к вузу.

В августе вышел приказ о приписке к военкоматам юношей 1925 г. рождения. 27 августа после сдачи экзамена по геометрии, он пошел в Ленинский райвоенкомат и в течение дня проходил медкомиссию. По всем статьям он оказался годен, кроме зрения, была высокая близорукость. И. Кузнецова комиссовали от военной службы, что сильно огорчило его.

С 1 октября 1942 г. И.И. Кузнецов начал вести в своем дневнике новый раздел под названием «студенческий дневник», когда начались занятия в университете. Первую лекцию читала доцент Козьмина «Великая Отечественная война», а дальше по два часа занятия по латыни и немецкому языку. В группе, где учился Илья Иннокентьевич, были и великовозрастные студенты, уже имеющие семьи, и два участника войны, раненые под Старой Руссой. Преподавательский состав был очень сильный, особенно хорошо он отзывался об очень интересном человеке преподавателе истории СССР, доценте М.А. Гудошникове. Заниматься приходилось по 4–6 ч в день. И. Кузнецов хотел устроиться в общежитие, благо, что в нем были места, так как студентов в университете осталось немного, но передумал. По его мнению, дома все-таки лучше, хотя, поездка в город и обратно отнимала у него много времени. Встречая знакомых все удивлялись, что он уже студент, так как знали его учеником восьмого класса. По его словам, необходимо было накапливать комплекс знаний и расти фигурой, чтобы соответствовать образу студента.

Наступил 1943 г., 9 октября И.И. Кузнецов возобновил свои записи. В прессе и по радио все чаще стали передавать о продвижении наших войск в Западном направлении. В университете начался новый учебный предмет — история средних веков, который вел Ф.А. Кудрявцев. Его манера преподавания очень нравилась Илье Иннокентьевичу.

В начале ноября Илья Иннокентьевич получил письмо от брата Ивана, в котором говорилось, что он едет на фронт в чине лейтенанта. Брат Михаил воевал тоже в этом звании где-то под Смоленском.

И. Кузнецов регулярно бывал на защитах в диссертационном совете, с большим вниманием слушал доклады, учился выступать. Многое он подчеркнул на историческом кружке, который вел Ф.А. Кудрявцев. Рассказывал, как он стал писать книги по исторической тематике. В качестве казуса привел один псевдоисторический лозунг времен русско-турецкой войны: «Турки, как чурки, а наши без голов, да воюют!» Неоднократно повторял афоризм сибирского поэта Давыдова «Перед начальством глуп и гений!» Подробно рассказал о методике исторического исследования на примере своей статьи «Восстание поляков на Кругобайкальской железной дороге» Поделился подробностями, как им был установлен автор песни «Славное море, священный Байкал» — Давыдов. Заседание кружка прошло интересно, многое подчеркнул для себя И. Кузнецов.

1944 г. встречали в обстановке новых побед. По радио впервые передали новый Гимн Советского Союза (слова С. Михалкова и Эль-Регистана, музыка А. Александрова).

В это время И. Кузнецов начал читать дневник американского журналиста Уильяма с описанием событий оккупации Бельгии, Голландии, Франции вплоть до вступления Америки в войну. Вел он его, находясь в Берлине. У И. Кузнецова сразу же возникла мысль о том, почему он не вел систематически дневник в военное время. Как это будет нужно в будущем! Конечно, по памяти восстановить события этих дней будет просто невозможно. Даты и события 1942–1943 гг. уже как-то расплывались в памяти, пока свежи еще факты недавних дней лета 1944 г.

Под большим впечатлением Илья Иннокентьевич находился, когда был период наступления наших войск в Белоруссии и Прибалтике в июле 1944 г., особенно запомнилась ночь 27 июля! В эту ночь передавали по 3–4 Приказа Верховного Главнокомандующего о ходе боевых действий Красной Армии. Дома постоянно был включен репродуктор. И. Кузнецов всегда просыпался от металлического голоса Левитана. Было слышно продувание микрофона и, наконец, раздавался вызывающий волнение голос диктора «Говорит Москва... Были перечислены приказы Верховного Главнокомандующего Командующим фронтами. Сообщалось, что Москва ровно в 20 ч салютует 24 артиллерийским залпом и 224 орудий соединениям, заслужившим почетное наименование «Белостокских». После чтения приказа следовал Гимн Советского Союза. Как правило, приказы диктор читал дважды, второй раз более торопливо. Радио пе-

редавало звуки колокольного перезвона, возгласы людей на Красной площади, автомобильные гудки и вскоре гремел салют. После каждого салюта передавались марши. Эту ночь 27 июля 1944 г. все жители СССР восточных и центральных районов, видимо не спали.

После этого в записях дневника снова был перерыв до 8 мая 1945 г. 9 мая состоялся праздник Победы, война ценою огромных жизненных и материальных затрат закончилась. Начался период мирного строительства. Накануне 8 мая на факультете состоялось партийное собрание. Обсуждался вопрос о предстоящих госэкзаменах, так как должен был состояться первый выпуск историков и филологов, которые заканчивали сразу два курса 4-й и 5-й (в связи с переходом на 4-х летнюю программу).

Утром 9 мая И. Кузнецова разбудил передаваемый по радио урок гимнастики. Следует отметить, что в Иркутске уроки гимнастики по радио звучали в течении всей войны и не было случая, чтобы они прерывались или отменялись. Но в этот день в 9 часов утра на первом же упражнении музыка прервалась, и диктор произнес «Внимание, говорит Иркутск. Слушайте передачу из Москвы!» Затем был бой кремлевских курантов. Илья Иннокентьевич сразу же вскочил с постели, схватил ручку и бумагу и приготовился записывать. Рядом с ним пристроился его отец. Диктор Левитан торжественно произнес «Акт о военной капитуляции фашистской Германии». Дослушав текст, И.Кузнецов быстро нашел флаг, который вывешивали на воротах своего дома, и водрузил его на обычное место. Быстро позавтракав, он побежал на пригородный поезд. Прибывший с поезда народ шел густой массой, как на демонстрации по Ангарскому мосту и оживленно и громко разговаривал. На улице 5-й Армии Кузнецов встретил первых знакомых студентов, которые направлялись к университету. Все от радости расцеловались. В сквере университета у единственного тогда первого корпуса уже собрались на митинг студенты, преподаватели, служащие. Состоялся митинг, после чего все пели Гимн Советского Союза. Едва замолкли последние слова гимна, как распахнулись университетские двери и оттуда выбежали студенты-химики с бутылками и стаканами, все выпивали и поздравляли друг друга с Победой. После этого все пошли колонной по улицам города. На очередном митинге И.Кузнецов встретил доцента М.А. Гудошникова и поздравил его, и он в ответ сказал ему: «Илья, тебя надо тоже поздравить, запомни — этот день исторический!» К сожалению, вечером Илья Иннокентьевич не поехал в университет. А пошел в свою родную школу № 39, где тоже состоялось праздничное торжество. Ночью 9-го мая передали Приказ И.В. Сталина Командующему 1-го Украинского фронта маршалу И.С. Коневу в связи с освобождением Праги. Через несколько минут выступил сам Председатель Совета народных Комиссаров И.В. Сталин.

После Победы, И. Кузнецовым в дневнике было сделано еще много заметок и записей касающихся событий во время войны.

Обозревая все эти четыре года войны, Илья Иннокентьевич Кузнецов вспоминал многое из того, что пришлось пережить. Хотя в Иркутске не было бомбежек, стрельбы, разрушений и массовых жертв, но война сказалась на всей жизни, ограничив ее железными тисками, вызвав многие беды и страдания.

Помимо этого в дневнике были приведены данные о событиях на фронте из писем, газет, бесед и сообщений. В дневнике было представлено количество почитанной литературы. Согласно перечню литературы приведенным в дневнике, И.И. Кузнецов прочел в период с 1 октября 1937 г. по август 1945 г. 339 произведений различных авторов. В основном предпочтение отдавалось произведениям, связанным с военной тематикой и непосредственно знаменитых личностей различных периодов времени. Также им было просмотрено 44 кинофильма и постановок пьес.

В целом записи дневника И.И. Кузнецова периода Великой Отечественной войны показывают процесс формирования историка и его мировоззрения.

ЮБИЛЕЙ УЧЕННОГО И ПЕДАГОГА

---

*С.И. КУЗНЕЦОВ
Ю.А. ПЕТРУШИН*

ПРОФЕССОР ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ЛИШТОВАННЫЙ К 50-летию со дня рождения

12 августа 2006 г. исполнилось 50 лет со дня рождения известному российскому монголоведу, доктору исторических наук, профессору Евгению Ивановичу Лиштованному — декану исторического факультета Иркутского государственного университета, профессору кафедры мировой истории и международных отношений.

Он родился в г. Слюдянка Иркутской области в семье служащих-железнодорожников. После окончания в 1973 г. средней школы до 1975 г. работал слесарем в локомотивном депо ст. Слюдянка. Уже в эти годы у любознательного юноши зародился интерес к историческому прошлому нашей Родины, истории ее взаимоотношений со странами-соседями. Не случайно поэтому, что после окончания службы в Советской Армии с 1977 г. он связал свою судьбу с историческим факультетом Иркутского государственного университета. Его учителями были известные историки профессора Б.С. Санжиев, В.Т. Агалаков, И.И. Кузнецов. Большую роль в формировании Е.И. Лиштованного как ученого-востоковеда сыграли иркутские монголоеды доценты В.В. Свинин и Е.М. Даревская, бурятские ученые — профессора Д.Б. Улымжиев и Ш.Б. Чимитдоржиев. В 1982 г. с отличием окончив Иркутский университет, Е.И. Лиштованный был оставлен для дальнейшей работы и учебы в аспирантуре на факультете. В 1987 г. он закончил аспирантуру и успешно защитил кандидатскую диссертацию по актуальным проблемам монгольской истории.

Уже с первого курса университета Евгений Иванович принимает деятельное участие в работе кружка монголоведения, знакомится со своими сокурсниками из Монголии и летом 1978 г. выезжает на первую зарубежную практику в МНР. С этого момента Монголия навсегда и прочно вошла в его жизнь. Все курсовые работы, доклады на студенческих внутривузовских, межвузовских, региональных, всесоюзных и международных конференциях, публикации в прессе, в научных сборниках, дипломная работа и диссертация были посвящены проблемам современной Монголии.

Зарубежная практика студентов-историков, организованная в 1975 г., сильно отличалась от других ознакомительных зарубежных практик как Иркутского университета, так и других вузов СССР. Обычно это были

разовые практики студентов одного курса, ставившие чисто ознакомительные страноведческие задачи. Практика историков с самого начала была целевой, направленная на подготовку монголоведческих кадров и предусматривающая многократное посещение страны студентами и аспирантами, избравшими темой своей научной работы определенные проблемы древней и современной истории и культуры Монголии.

В конце 1970-х г. творческое сотрудничество советских и монгольских историков было на пике своего расцвета. Динамично развивалось и сотрудничество Иркутского и монгольского университетов. В те годы в МНР работала большая международная Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция академии наук СССР и Академии наук МНР под руководством академика А.П. Окладникова с советской стороны и президента АН МНР академика Д. Ширендыба с монгольской стороны.

Отряд практики ИГУ был включен в состав экспедиции на правах самостоятельного автономного историко-археологического отряда, проводившего полевые исследования на территории Монголии по своей программе и по своему маршруту на полном материальном обеспечении академической экспедиции. Это дало возможность Евгению Ивановичу неоднократно посетить страну, побывать во многих аймаках, познакомиться со многими памятниками архитектуры и истории, известными во всем мире, принять непосредственное участие в их изучении. Е.И. Лиштованный близко познакомился со многими ведущими отечественными и зарубежными учеными, установил с ними творческие дружеские связи. Все это заметно расширяло кругозор участников выездных практик.

В 1990–1991 гг. он был направлен на годичную научную стажировку в Монгольский национальный университет с целью углубленного изучения монгольского языка, литературы и истории. Это было время начавшейся монгольской «перестройки», демократизации всех сфер жизни, подъема национального движения и национального самосознания, организации многочисленных общественных движений и партий. Е.И. Лиштованному удалось собрать уникальный материал по всем этим общественным процессам, происходившим на его глазах.

По возвращении из Монголии в марте 1992 г. Евгений Иванович был избран на должность доцента по кафедре новой, новейшей истории и международных отношений, где уже в течение пятнадцати лет читает основные и специальные курсы: «История стран Азии и Африки в новое время», «История цивилизаций Востока», «История стран Восточной Азии», «Современные проблемы монголоведения» и ряд других.

Еще в 1992 г. была издана его первая книга «Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири», а в 1998 г. увидела свет монография «Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии», которая послужила основой для защиты 9 декабря 1998 г. докторской диссертации на тему «Россия и Монголия в XX веке: региональный опыт взаимоотношений (на материалах Восточной Сибири)».

С 2000 г. Е.И. Лиштованный — профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. А в 2005 г. он избран деканом исторического факультета. Евгений Иванович — член докторского диссертационного совета по историческим наукам в Иркутском университете, руководит аспирантурой. Без его участия редко обходятся защиты докторских и кандидатских диссертаций в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии Наук в Улан-Удэ, на которых он выступает в качестве оппонента или эксперта ведущей организации.

Он активный участник Международных Конгрессов монголоведов, проходящих в столице Республики Монголия г. Улан-Баторе каждые пять лет. Профессор Е.И. Лиштованный достойно представляет на этом авторитетном форуме как сибирское, так и российской монголоведение. Евгений Иванович выступал с докладами на V (1987), VI (1992), VII (1997), VIII (2002) и IX (2006) конгрессах, а также на других международных форумах в России, Монголии и других зарубежных странах.

В 1987 г. на V Международном Конгрессе монголоведов в г. Улан-Баторе была создана Международная Ассоциация монголоведов (МАМ). Е.И. Лиштованный становится членом этой Ассоциации и членом Президиума Российской Ассоциации монголоведов.

Начало нового XXI в. и нового, третьего тысячелетия в творчестве Е.И. Лиштованного отмечено выходом в свет его новой книги «От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии», адресованной всем, кто изучает современные исторические, политические и культурные процессы в Монголии.

Заслуги Е.И. Лиштованного в деле изучения исторического прошлого Монголии, а также в подготовке высококвалифицированных кадров для соседней страны отмечены монгольскими наградами. Совсем недавно Генеральный консул Монголии в г. Иркутске Л. Базархуу вручил ему одну из высоких правительственных наград — знак «Передовой работник науки Монголии».

Свое 50-летие профессор Е.И. Лиштованный встретил в расцвете творческих сил и замыслов, жизненной энергии и неувыдаемого юмора и оптимизма.

Г.А. ЦЫКУНОВ
А.В. ШАЛАК

ЗАНДАНОВА ЛАРИСА ВИКТОРОВНА

Недавно отметила юбилей доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного педагогического университета Лариса Викторовна Занданова. Творческая и профессиональная судьба Ларисы Викторовны сложилась удачно, и

все это — благодаря целеустремленности, настойчивости, постоянному стремлению к самоусовершенствованию.

Лариса Викторовна родилась в большом сибирском селе Балаганск, которое ушло под воды Братского моря, по сути, ее родина — на дне морском. Детство и юность прошли в молодом городе Шелехове. Еще в школьные годы она решила стать учителем, и в 1976 г. успешно закончила исторический факультет Иркутского пединститута. Общение с замечательными педагогами и крупными учеными, такими как В.Г. Тюкавкин, А.С. Кузнецов, повлияли на формирование научных интересов, и после нескольких лет работы в школе Л.В. Занданова поступила в аспирантуру Московского государственного педагогического института им. Ленина. В 1986 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Сельскохозяйственное переселение в Восточную Сибирь в послевоенный период».

После защиты кандидатской диссертации Л.В. Занданова вернулась в родной институт, который теперь вырос до университета, где уже многие годы, сменив своих учителей, преподает историю России, историю Сибири, историографию, ведет спецкурсы для аспирантов и студентов. В настоящее время Лариса Викторовна возглавляет кафедру истории России.

В 1998 г. Занданова Л.В. защитила в г. Москве докторскую диссертацию, посвященную также переселению в Сибирь, опубликовала монографию «Переселенные крестьянства в Азиатскую Россию» (конец 40-х—середина 60-х гг. XX в.), получившую высокую оценку научной общности.

Результаты своих многолетних научных исследований Лариса Викторовна успешно внедряет в учебный процесс, включая в качестве регионального компонента вопросы социально-экономического развития Сибири. Кроме того, она разработала специальный курс по переселению в Сибирь. Из-под пера Ларисы Викторовны вышло более 80 научных и научно-методических трудов, она является автором трех глав в учебнике «Курс лекций по истории России» (Иркутск, 2004).

Л.В. Занданова продолжает научную разработку проблем аграрного переселения в СССР. В настоящее время она является ведущим специалистом по вопросам сельскохозяйственных миграций в Сибирь в XX в. Л.В. Занданова тесно сотрудничает с Институтом истории СО РАН, принимает участие в международных, всероссийских и региональных конференциях, Шерстобоевских чтениях. Занданова Л.В. активно изучает период коллективизации и раскулачивания в Сибири; она подготовила материалы двух глав коллективной монографии «История Иркутской области», статью об аграрном переселении для «Сибирской энциклопедии», которая в скором времени выйдет из печати.

Много лет Лариса Викторовна является членом редколлегии «Вестника Международного центра азиатских исследований», издаваемого МЦАИ ГОУ ВПО «ИГПУ».

Лариса Викторовна известна как организатор традиционной региональной научной конференции, посвященной памяти профессора

В.И. Дулова, — Дуловских чтений, которые проводятся регулярно и собирают вокруг себя значительное количество научных сил региона, в том числе и молодых ученых. В 2005 г. Дуловские чтения получили грант РГНФ. Эта хорошая традиция — сохранение памяти учителей и продолжение начатых ими дел — во многом живо в Иркутском государственном педагогическом университете благодаря стараниям Л.В. Зандановой.

Профессор Занданова оказывает методическую помощь учителям школ и преподавателям вузов области, она охотно делится с ними своими знаниями, методическими наработками. Активно участвуя в жизни родного факультета, Л.В. Занданова много сил и энергии отдает осуществлению перехода гуманитарного факультета на многоуровневую подготовку студентов.

Лариса Викторовна руководит подготовкой аспирантов и докторантов, разрабатывая с ними подчас очень непростые проблемы истории Сибири. Благодаря ее творческому подходу и усилиям ежегодно когорта иркутских историков пополняется новыми молодыми учеными.

Широта научного кругозора, отличное знание источников и исторических исследований, глубина профессиональных знаний способствовали тому, что ныне ушедший из жизни председатель диссертационного совета при ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет» профессор Н.Н. Щербаков предложил Л.В. Занданову в качестве члена диссертационного совета, в котором она активно работает уже несколько лет, выступая на его заседаниях в качестве оппонента и автора внешних отзывов на диссертации.

В последние годы научные интересы Л.В. Зандановой связаны с социокультурной историей Прибайкалья, особенно тех территорий, которые уже ушли, как и ее родина, или в скором времени уйдут под воду ангарских гидростанций. На средства гранта РГНФ под ее руководством осуществляется научный проект «Сохранение и изучение русского фольклора Приангарья в зоне затопления Богучанской ГЭС». В результате полевых исследований на затапливаемых ГЭС территориях, проведенных в 2005–2006 гг., определилось новое направление в научных исследованиях — «Социокультурные трансформации в Приангарье в XX в.», появились единомышленники, ученики, в связи с чем Ларисе Викторовне было предложено возглавить Научно-исследовательскую лабораторию гуманитарных исследований в Братском государственном университете и продолжить сбор материалов, в том числе и устной истории.

За значительный вклад в подготовку кадров историков и в развитие исторической науки Сибири Лариса Викторовна Занданова награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования».

Поздравляя Ларису Викторовну с юбилеем, желаем ей новых творческих успехов!

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Л.М. ДАМЕШЕК

О МЕТОДАХ ИНКОРПОРАЦИИ СИБИРСКИХ АБОРИГЕНОВ В ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СИСТЕМУ РОССИИ XVIII–НАЧАЛА XX ВВ.

Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России имеет важное значение. Он напрямую связан с определением путей и методов инкорпорации Сибири и ее населения в Россию. Оценка места Сибири в составе Российской империи не может быть однозначной. На протяжении всей истории досоветской Сибири наблюдается процесс эволюции этой колониальной окраины в периферийную составную часть Российского государства. Можно говорить как минимум о трех составляющих этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном компонентах. Характеризуя начальный этап инкорпорации, некоторые современные исследователи считают возможным отказаться от употребления идеологизированных определений «завоевание», «покорение», «вхождение», «присоединение», а само продвижение русских в Сибирь рассматривать как продолжение процесса «собираения» земель и закономерного укрепления границ национального государства.

В исторической литературе территориальное расширение России обычно рассматривается как создание империи. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колониальную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель, или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с Запада на Восток, правительственные указы наоборот требо-

вали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству — уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи — закрепления Сибири за Российским государством — московские, а в последствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания англосаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. Продвижение русских на Восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, но тем не менее, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена.

Тенденция к компаративному анализу методов колонизации Сибири с колониями западноевропейских стран: Канадой, Австралией, Алжиром и др. наметилась еще в XIX в. В связи со строительством транссибирской железнодорожной магистрали резко возрос интерес иностранцев к Сибири, где они надеялись найти выгодное приложение своим капиталам. По мнению английского исследователя Р. Джефферсона, французского экономиста К. Оланьона, американца Р. Глейнера и др. в основу колонизации Сибири русское правительство положило те же принципы, что и Англия в отношении Канады. Сибирь для России имела точно такое же значение, как Алжир для Франции, или Канада и Австралия для Англии. Могучая волна русских переселенцев буквально сметала туземные племена, которые не могли оценить природного плодородия своих земель. Именно русская колонизация придала ценность землям Северной Азии. В силу своей неразвитости аборигены ничего не могли перенять у русских. В Сибири, как и в Канаде или Австралии, масса европейских переселенцев буквально поглощала «самые жизненные элементы туземного общества», а остальные вытеснялись в районы крайнего Севера, где и вымирали. Этот тезис оказал влияние и на представителей русской общественной мысли, получивших название сибирских областников.

Областничество, как одна из форм общественного движения и мысли в России второй половины XIX—начала XX вв., характерно не только для Сибири. Определенные его проявления можно наблюдать и в других регионах России, например на Дону. Однако именно за Уралом в связи с постановкой и обсуждением вопроса о месте и статусе Сибири в составе империи областничество получило наибольшее развитие. Одним из основных доказательств областников пагубного влияния русской цивилизации на народы Сибири был тезис о вымирании аборигенов. Однако статистические материалы опровергают это утверждение. За 250 лет, прошедших со времени присоединения Сибири к России и до навала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза; якутов 7,9; алтае-саянских народов — 6,5; татар — 3,1; хантов и манси — 1,5 раза. Приведенные цифры разумеется не означают, что у всех народностей Сибири прослеживается тенденция к увеличению численности. Так, например, за этот же период численность юкагиров, ительменов, ненцев не возросла, а наоборот уменьшилась. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать под углом их вымирания. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, особенно усилившиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних, более крупных народностей. По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. количество «инородцев», признавших своим родным языком русский по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области выглядит следующим образом: Тобольская — 3,4%; Томская — 22%; Енисейская — 10,6%; Иркутская — 12,2%; Забайкальская — 13,3%; Якутская — 0,1%. На это же указывают многочисленные свидетельства миссионеров.

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На Востоке империи процесс властного освоения новых территорий в XVII в. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные и экономические методы. Вновь присоединенные территории правительство теперь стало рассматривать не только как плацдарм для дальнейшего расширения границ государства на Восток, но и как важный источник поступления в казну ясака и хлеба. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как

результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

Развитие земледелия и связанный с ним рост оседлости, постоянные многообразные контакты с русским населением, численно многократно превосходящим аборигенов, приводили к проникновению русской культуры во все сферы жизни аборигенов — от хозяйственной до культурно-бытовой. Активное крестьянское движение на Восток приводило к стиранию этнографической границы между Европейской и Азиатской Россией. Наметившееся стихийное «обрусение инородцев» на практике было экономически обусловленным явлением, порожденным мощностью интеграционных процессов на Востоке империи.

В имперской административной практике в Сибирском регионе применительно к коренному населению на протяжении всего рассматриваемого периода можно наблюдать эволюцию прямого колониального правления к системе управления, основанной по крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму М.М. Сперанского на основе осуществления идеи необходимости единства Российской империи возникает замысел ликвидации сословия «инородцев» как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания. Поэтому русскую колонизацию Сибири можно рассматривать не только как одну из форм имперского строительства, но и как интеграцию аборигенов в общероссийские национальные процессы.

Н.Н. ВОЛКОВА

КОРПОРАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Социально-политические изменения, произошедшие в нашей стране за последние 20 лет, являются одними из наиболее значимых событий отечественной истории. Реформирование российского общества поставило на повестку дня проблему поиска более совершенной модели устройства и функционирования нашей системы власти, способной обеспечить гармоничность сочетания стабильности и динамики общественного развития. В контексте поставленной проблемы особую актуальность приобретает вопрос о специфике формирования политических элит как основных субъектов трансформационного процесса.

Особенности структурирования современной российской элиты, в частности регионального уровня, сложная сеть взаимозависимостей между ее представителями, позволяют рассматривать региональную элиту как властное корпоративное образование.

Элитный корпоративизм в данном случае может быть определен как один из механизмов выражения специфики формирования и функционирования региональной политической власти.

В широком смысле корпоративизм означает проникновение организованных групп интересов в систему государственной власти, при этом отдельные группы получают привилегированные позиции влияния на формулирование и исполнение государственной политики. Для корпоративных отношений характерно то, что группы влияния практически не связаны никакими ответными обязательствами перед государством. Власть и основные социальные ресурсы концентрируются в руках небольших по численности групп, которые стремятся повысить степень своей закрытости. Основой взаимодействия корпоративных групп являются патримониальные отношения, осуществляемые посредством патронажа и клиентельных связей, которые формируются внутри элиты и субэлитных групп.

Корпоративная направленность политической элиты современной России позволяет говорить о том, что в рамках регионального политического пространства произошло изменение характера элитообразования, которое все больше приобретает черты закрытой системы. Выходцы из «простого народа» или из рядов интеллигенции, «рядовых» служащих в составе представительных органов власти стали исключением из правил, а основу их составляют представители сформировавшихся социальных слоев политической, экономической, управленческой элиты, представителей СМИ.

Кроме этого, что в регионе постепенно складываются политико-экономические либо финансово-политические группы, которые существенно влияют на персональный состав властных элит. Как отмечает И.В. Куколев, «в общем балансе сил ... руководители финансовых и экономических структур играют весомую роль» (См.: Куколев И.В. Формирование бизнес-элиты // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2). По его мнению, в регионе может существовать две-три такие группировки и три-четыре более мелких, «дрейфующих» между крупными группировками. Центрами политико-финансовых групп могут стать глава администрации, мэр областного (краевого, муниципального) центра, энергичный руководитель крупного акционерного общества, предприятия.

Наличие на региональном уровне нескольких групп не дает оснований, по мнению Афанасьева М.Н., говорить о том, что в России идет формирование политического плюрализма, «полиархии», теорию которой разработал Р. Даль. Скорее формируются персональные клиентелы (См.: Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М.: РОССПЕН, 2000).

Явление клиентелизма обычно рассматривается как один из базисных факторов вертикальной стратификации, характерный для всех типов обществ. К. Эйзенштадт и Л. Ронигер показали несомненную распространенность клиентелизма во всех типах современных обществ и, особенно, в странах «третьего мира». Основой клиентелизма является асимметрия

в отношениях между «покровителем-патроном», обладающим различного рода престижем и влиянием, и «клиентом», находящимся в личной зависимости от покровителя. Суть клиентельных отношений исторически формировалась в культуре средневековой Европы, и ныне выражается в создании сети «своих людей», находящихся в тесной личной взаимосвязи, в отношениях взаимной поддержки и обмена услугами между партнерами, обладающими неравными социальными возможностями. Патрон не обязательно является самым богатым, либо занимающим наиболее высокие позиции в административной иерархии. Главный фактор патронажа — обладание широкими выгодными социальными связями. Взаимность обмена услугами между покровителем и клиентом носит характер договорных обязательств, даже если договор лишь подразумевается. Как отмечают М. Доган и Д. Пеласси, патроны являются важным действующим лицом большинства современных политических процессов, обладают правом выражения интересов, распределения ресурсов и т.д. Они становятся значимыми социальными акторами, чья политическая игра основана на чувствах связанности и наградах за участие. Развитие клиентельных отношений может приводить к формированию родственных отношений между патронами и их ближним социальным окружением, которые становятся «ядрами» плотных клиентельных сетей — кланов. Применительно к структуре региональной элиты, по мнению ряда исследователей, можно говорить о том, что «региональные кланы» выступают одним из фундаментов процесса регионального элитообразования. А. Чернышев отмечает, что клановая структура в регионе (территориальные и отраслевые кланы, носящие преимущественно экономический характер) формирует исполнительную власть во главе с губернатором, который впоследствии полностью контролирует деятельность законодательных органов, муниципальных властей, информационное пространство, электоральные процессы, а также выступает посредником в отношениях между экономическими и политическими структурами (См.: Чернышев А.Г. Регион как субъект политики. Саратов, 1999).

Клиентельные отношения могут пронизывать олигархическую и бюрократическую корпорации. Однако при сильной централизации власти разрушаются стимулы оказания «покровительства» клиенту. Поэтому клиентелизм развивается, прежде всего, на почве соперничества элитных групп. При сильном соперничестве различных групп интересов, элитных и субэлитных групп, клиентельные отношения способны препятствовать централизации элиты, ее корпоративному сращиванию с политической властью. Дж. Поуэлл отмечает следующую связь между клиентелизмом и определенным этапом государственного развития: «Два очень важных процесса способствуют установлению клиентелизма: формирование централизованного государства и расширение рыночных отношений». В таком контексте огромная роль отводится социальным посредникам: покровитель обеспечивает установление связей между клиентами и представите-

лями административно-политической элиты. Клиентельные отношения и структуры неравенств могут устанавливаться в противовес формальным структурам распределения власти, приобретать теневые институциональные формы. Благодаря этому они способны проявлять гибкость и устойчивость связей. Однако с развитием гражданских связей и социального сознания, активности общественных движений и организаций почва для клиентельной структуры неравенств становится весьма зыбкой.

Таким образом, региональная политическая элита выступает сегодня в виде самостоятельной социальной группы, которая имеет структуру, корпоративные интересы и установки, общие нормы и правила поведения, общенаправленные тенденции развития. Политическая элита региона может быть представлена в виде совокупности групп, занимающих высшие властные позиции в региональном сообществе.

Став самостоятельными акторами формирования региональной институциональной структуры, региональные элиты создают собственную правовую и экономическую базу, монополизируют право на принятие решений, выработку и реализацию политического курса развития регионального сообщества, а также мировоззренческих, ценностных и идеологических установок.

Однако, несмотря на относительную автономию региональных политических элит, они все же испытывают влияние со стороны финансово-экономических групп и политических организаций федерального уровня, усилившееся с приходом к власти В.В. Путина. Характер влияния во многом зависит от отраслевой структуры региональной экономики, поэтому, несмотря на единые процессы, происходящие в российском обществе, в каждом регионе складывается своя специфика при формировании политической элиты.

Л.В. ЗАНДАНОВА

ОТ РЕАЛЬНОГО ДО ВИРТУАЛЬНОГО — ОДИН ШАГ (НАУЧНЫЕ И НЕНАУЧНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВЛИЯНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТРАДИЦИОННУЮ СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СФЕРУ ПРИАНГАРЬЯ)

В XX в. Приангарье оказалось в эпицентре всех социальных и экономических преобразований, проходивших в рамках модернизации страны. Ускоренный переход от аграрного к индустриальному обществу потребовал мобилизации всех — экономических и духовных сил общества, что привело к существенным социокультурным трансформациям — комплексному преобразованию общества как социокультурной системы не традиционным, а модернизационным путем.

Приангарье — уникальная модель социально-экономического и социокультурного развития. С точки зрения понятия исторического — это регион длительного периода заселения и формирования социокультурных традиций, вобравших в себя опыт предшествующих поколений, связанный со способами расселения людей, природопользованием, разделением труда, организацией хозяйства, выживания в суровых природно-климатических и историко-географических условиях, социальными отношениями, формами административного устройства. Процессы расселения людей влияли на складывание этнических общностей, культурно-хозяйственных типов, видов экономической деятельности и социальной организации, мироощущения и мирозерцания. Сегодня нельзя понять и объяснить многие явления в отечественной истории, в том числе и социокультурные трансформации в Приангарье, без учета природно-географических факторов, под влиянием которых формировалась его социокультурная «особость».

Интенсивная индустриализация Сибири во второй половине XX в. привела к «смазыванию» местной историко-географической и социокультурной среды, ломке традиционного сельского уклада и вызвала к жизни совершенно иные формы бытия, новые потребности и интересы, другое сознание и мироощущение. Неизбежно возникал конфликт между традиционной культурой сибирского (приангарского) общества и новыми тенденциями. Социокультурное пространство Приангарья к этому времени явилось результатом permanently продолжающейся колонизации края. Региональные особенности Сибири — огромные пространства территории, сложный рельеф и гидрография, отсутствие путей сообщения, сибирский климат и природа сказывались на характере и темпах заселения региона. То, что основная масса мигрантов органично вписывалась в состав сибирского социума, привело к формированию сибирского населения, которое никогда не представляло собой единого целого, однако общие условия сибирской жизни и хозяйственной деятельности постепенно стирали этнические перегородки, превращая всех в русское старожильческое население — новую социокультурную общность — сибиряков.

Индустриальное развитие Ангаро-Енисейского региона тесно связано с электроэнергетикой, в результате чего в 1950-х–1980-х гг. на Ангаре было создано несколько крупнейших территориально-производственных комплексов на основе Иркутской, Братской и Усть-Илимской гидроэлектростанций. Этот процесс сопровождался ломкой привычной поселенческой структуры: на малозаселенных территориях, где население традиционно занималось сельским хозяйством и промыслами, на месте старожильческих деревень, а то и прямо в тайге появлялись новые городские поселения и промышленные предприятия. За эти годы значительно изменилась социокультурная специфика региона: в отдаленных от культурных центров районах наряду с традиционной культурой, официальной культурой и разнообразными субкультурами появилась традиция городской культуры. Изменился и социальный портрет жителей региона, их менталитет, в основе

которого лежали национальные, культурные, духовные и социальные концепты, произошли изменения в социальной идентификации населения. Промышленные города Приангарья явились особой формой социокультурной среды. Вместе с тем изменилась и сельская сфера. Первым показателем этих изменений стало заметное снижение числа сельских жителей, что привело к значительным изменениям социокультурной среды. Как справедливо отмечает Г.А. Цыкунов, сооружение каскада ангарских гидроэлектростанций повлекло за собой коренную ломку всего хозяйственного облика района, жизненного уклада населения. В результате создания обширных водохранилищ были затоплены большие территории, люди вынуждены были покинуть обжитые не одним поколением места, менять свой привычный хозяйственный и бытовой уклад. Глубокие перемены в занятости, труде и быте населения привели к изменениям в его духовно-нравственных традициях. Только при создании водохранилища Братской ГЭС в 12 районах Иркутской области затоплению подлежали 2 города, 2 районных центра, 7 колхозов, 12 совхозов, 249 населенных пунктов, 16 182 частновладельческих двора, 8042 общественных строения, 115 км железной дороги Тайшет–Лена, 954 км автомобильных дорог, 1376 км линий связи и радиофикации. В настоящее время аналогичные процессы происходят на Нижней Ангаре, в зоне создания водохранилища Богучанской ГЭС.

История строительства Богучанской ГЭС и формирования ложа ее водохранилища — еще одна печальная страница нашей сибирской истории. Утвержденная в 1930-е гг. программа комплексного освоения Ангары предусматривала строительство целого каскада ГЭС на уникальной сибирской реке. К строительству последней ангарской гидроэлектростанции приступили в 1980-м г., в это же время начался процесс переселения из зоны затопления. Все местное население из деревень, основанных несколько столетий назад, планировалось свезти в новый город гидростроителей — Кодинск. Так исчезли с лица земли древние поселения, а вместе с ними и их исторические названия — Дворец, Мозговая, Едорма, Фролово, Верхняя Кежма, Приангарский, Косой Бык и еще несколько десятков... Начали выезжать кто куда и жители других прибрежных сел. Однако деньги у государства к началу 1990-х гг. закончились, пуск первых агрегатов все откладывался. Замерла стройка, почти прекратился процесс переселения. Уже вновь выросли в человеческий рост сосны на расчищенных ранее территориях водохранилища. Заготовители поджигают леса, вывозят непрерывным потоком древесину... Живые люди в перенесенных населенных пунктах остались практически без помощи государства. С большинством из них нет автомобильной и авиа-связи, отсутствуют нормальные социально-бытовые и культурные условия для жизни. У жителей, чьи дома стоят на берегу реки, нет питьевой воды. Да и населенными пунктами трудно назвать остатки прежних величественных сибирских сел. То, что раньше считалось основой и главным преимуществом жизни — река Ангара — стало для них главной трагедией.

В составе экспедиции Научно-исследовательской лаборатории гуманитарных исследований Братского госуниверситета летом этого года мне удалось пройти на катере по тому, что еще называется Ангарой, от г. Усть-Илимска до села Кежда в Красноярском крае. Первое впечатление — я все это уже видела. И не ошиблась: та же разруха, брошенные дома, полуразрушенные церкви, заброшенные огороды со спелыми ягодами красной смородины уже были в моей жизни. Только это было затопление в связи с пуском Братской ГЭС, в моем родном селе Балаганске, на Средней Ангаре. Балаганск и села вокруг него полностью ушли под воду, а беда деревень Нижней Ангары в том, что сегодня принято решение завершить строительство БогЭС к 2010 г. на отметке 208 метров, при этом часть населенных пунктов окажется под водой лишь на 50 сантиметров! Под затопление попадают и два крупных поселка в Усть-Илимском районе — Невон и Кеуль.

Сотрудники НИЛ Ги БрГУ спешат запечатлеть для будущих поколений то, что еще осталось от старого мира, того, что мы называем старожильческим Приангарьем.

В ходе полевых исследований, проведенных в зонах затопления Иркутской, Братской, Усть-Илимской и Богучанской ГЭС, в городах Братске, Усть-Илимске, Козинске сняты десятки видеокассеты, записаны сотни устных рассказов представителей старших поколений, которых, к сожалению, становится с каждым годом все меньше и меньше, об истории края, о повседневной жизни, культуре, традициях, опыте выживания. Все эти материалы лягут в основу будущего документально-публицистического фильма, станут частью электронного архива по сохранению коллективной памяти поколений, но, что самое главное — позволят создать виртуальный музей «Приангарская деревня в XX в.».

Вспоминая свое детство, я каждый раз как будто снова и снова прокручиваю пленку старого кино, поскольку никогда уже не смогу вернуться на то место, где я родилась — там дно Братского моря. Ушли под воду сотни тысяч га только что распаханых целинных земель, знаменитые ягодные места, выпасы, покосы, острова... Нет в реальности того мира, который существовал много веков до моего рождения. Никогда не смогу показать своим потомкам настоящую сибирскую ангарскую деревню. На месте старого мира будет новый мир, со своими традициями, ценностями, пристрастиями... Остается одно: успеть зафиксировать те остатки, частички реально существовавшего, но уходящего мира, называемого Приангарьем, которое существовало до нас и которое, увы, может остаться с нами лишь виртуально.

На наш взгляд, история социокультурного развития региона и, следовательно, социокультурных трансформаций может быть хорошо изучена только после исследования истории социокультурного развития отдельных его частей — районов, сел, городов, в том числе и тех, которых уже нет или в скором времени не станет.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ПОНЯТИЕ, ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Государственная молодежная политика является неотъемлемой частью любой политики: в области экономики, социальной сферы, политической деятельности — и любого субъекта общественной жизни: государства, политических партий, молодежных структур, профсоюзов, церкви, трудовых коллективов и т.д. Их деятельность ориентируется на решение общенародных, общегосударственных вопросов, но она непосредственно касается и молодежи. Такой подход позволяет сделать вывод о том, что молодежная политика присуща любому государству и обществу, она является постоянным фактором, осуществляется на протяжении всего существования данного общества.

Успешное формирование молодежной политики требует научной разработки основных понятий: политика, молодежная политика, ее виды, государственная политика, факторы ее формирования и т.д.

Категория «политика» имеет чрезвычайно широкий смысл, охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству (Вебер М. Политика как призвание и профессия: Избранные произведения. М., 1990. С. 644), и все стороны современной жизни общества — работа, быт, досуг. Политика — это род деятельности, внутренним стимулом которого являются потребности.

Молодежная политики — это политика, проводимая с целью создания реальных условий, стимулов и конкретных механизмов реализации жизненных интересов и устремлений молодых граждан, удовлетворения их потребностей, оказания молодежи помощи в том, чтобы она заняла достойное место в обществе. Молодежная политика призвана обеспечить преемственность в жизнедеятельности данного общества.

Выделяют два вида молодежной политики:

– государственная молодежная политика, где субъектом является государство в лице его специальных органов, деятельность которых в большей или меньшей степени связана с развитием человека (образование, культура, физическое развитие, труд, досуг и т.д.);

– общественная молодежная политика, в которой субъектом являются различные партии, профсоюзы, молодежные движения, объединения и организации; это система идей, взглядов по поводу молодежи и ее роли в общественном развитии, а также практических действий различных структур гражданского общества, направленных на претворение этих идей и взглядов в жизнь в целях достижения общественных перспектив, одобряемых большинством народа.

Государственная политика — это внутренняя политика государства по регулированию отношений молодежи и государства.

Понятие государственная молодежная политика применялось главным образом к капиталистическим странам, иногда к социалистическим странам и никогда к СССР. Это привело к невозможности сформулировать теорию молодежи с применением этого и некоторых других понятий. Точкой отсчета в истории государственной молодежной политики можно считать 1991 г. Государственная молодежная политика заставила заговорить о положении и проблемах молодежи «все общество снизу доверху» (Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. С. 16).

Понятие государственная молодежная политика полисеманлично. Многочисленные современные исследователи как зарубежом, так и в России, по-разному подходят к определению государственной молодежной политики. Эта сфера деятельности государства рассматривается одними исследователями как часть социальной политики, другими исследователями (особенно зарубежными) — как совокупность частных политик государства в различных областях (здравоохранения, образования, занятости, социальное обеспечение). «Государственная молодежная политика является деятельностью государства, направленной на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Государственная молодежная политика выражает в отношении к молодому поколению стратегическую линию государства на обеспечение социально-экономического, политического и культурного развития России, на формирование у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре отечества, к другим народам, на соблюдение прав человека» (Постановление Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. «Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации»).

Если принять во внимание, что политика — «важнейший фактор естественноисторического процесса в двух ее основных функциях: всеобщего организационного начала общества и в качестве системы, направляющей жизнь, деятельность, отношения людей, общественных групп, классов, наций, народов и стран», (Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 252) под государственной молодежной политикой, на мой взгляд, следует понимать, систему скоординированных мероприятий общегосударственного, регионального и местного значения, базирующихся на глубоком теоретическом обосновании и широкой правовой основе и способных эффективной социализации и интеграции молодежи в современное общество.

Государственная молодежная политика осуществляется государственными органами и их должностными лицами, молодежными объединениями, их ассоциациями, молодыми гражданами.

Молодежная политика — понятие комплексное, выражающее действие в отношении молодежи всего общества, а поэтому объединяющее молодежную политику государства, политических партий, общественных объединений, в деятельности которых определенное место занимают

молодежные проблемы. Государство, партии и объединения выстраивают молодежную политику, исходя из своих функций, из сферы своей деятельности, конкретных задач, а поэтому имеют специфические принципы, цели этой политики. Превалирующее положение в молодежной политике общества занимает государственная деятельность, так как именно она связана с установлением законов, нормативных актов, касающихся положения молодежи, ее прав и возможностей в обществе.

Любое современное государство проводит свою политику в отношении молодежи: молодежь — это часть населения страны, и поэтому государство обязано ориентировать свою политику на эту значительную по численности и исключительно важную по значимости группу населения. Другое дело — насколько выразительна эта политика, облечена ли она в какие-то конкретные законодательные акты, правила, нормативы, насколько она эффективна для общества и молодежи.

Отношение к молодежи всегда являлось актуальным для государства и общества. Оно вбирает в себя освоение новыми поколениями достигнутого уровня развития общества и государства и выражается в следующем:

– насколько молодежь воспринимает жизнь данного общества и функционирование данного государства;

– что нового вносит молодое поколение в общественное развитие и деятельность государства, и, в связи с этим, какова реакция предшествующих поколений на молодежь;

– в какой степени молодежь становится фактором развития или фактором, затрудняющим развитие общества и государства.

Молодежь не является саморазвивающейся системой, ее жизнь обусловлена существующими социально-экономическими и политическими условиями. Молодежь в соответствии с этим несет в себе прошлое, настоящее и будущее.

Необходимость особой политики в отношении молодежи определяется спецификой ее положения в обществе. Молодежь недостаточно понимать в традиционном смысле, только в качестве будущего общества. Ее необходимо оценивать как органическую часть современного общества, несущую особую, незаменимую другими социальными группами, функцию ответственности за сохранение и развитие нашей страны, за преемственность ее истории и культуры, за выживание народов как культурно-исторических общностей. Молодежь имеет свои особые функции в обществе, никакой другой социально-демографической группой не замещаемые и не реализуемые. Молодежь наследует достигнутый уровень развития общества и в силу своего специфического положения нуждается в присвоении себе духовных и материальных благ, накопленных в обществе в виде образования, жилья, культурных, спортивных сооружений и т.д. Она сразу воспринимает как данность новое, выработанное предшественниками в науке, технике и производстве, в образовании и культуре, литературе и

искусстве, во всех сферах жизнедеятельности человека. Ее жизненный старт находится на более высокой ступени, чем был у современных для нее взрослых и пожилых людей. Молодежь менее интегрирована в существующие социально-экономические, идейно-политические, семейно-бытовые процессы. Ей легче воспринимать переломные эпохи, но именно они не позволяют ей ощутить всю полноту общественных взаимодействий и ограничивают ее потенциал. Это создает возможности для выбора темпа и направленности вхождения молодежи в государственную и общественную жизнь. Именно это является основой ее инновационной деятельности, ее творческого вклада в развитии общества.

Таким образом, факторами формирования государственной молодежной политики являются система образования и воспитания, совокупность вопросов труда, социальной защиты, охраны здоровья, физического и культурного развития молодежи и другие стороны жизнедеятельности молодого поколения. Главным участником формирования и реализации молодежной политики является государство. Это определяется ролью государства в жизни страны, в решении всех жизненно важных вопросов общества, его правами и функциями. Государство провозглашает и осуществляет внутреннюю и внешнюю политику, которая определяет всю жизнь общества.

В.В. ТРЕТЬЯКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РЕГИОНА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ АСПЕКТЕ

Развитие обществознания в России в последние десятилетия позволило утвердиться многим новым научным направлениям: политология, конфликтология, культурология уже закрепили свой статус. В обиходе у нас появилось немало новых понятий, а многие известные понятия наполнились новым содержанием. Наши знания прирастали во многом путем обращения к достижениям западной мысли. Творческое отношение к этим пластам способствует несомненным достижениям, тем более, что сегодня массив материалов находится в свободном доступе.

Однако принятие на вооружение исследователями новых схем и подходов порождает и немало проблем. Сегодня уже не актуальны вопросы типа «переживет ли марксизм перестройку?» Ныне чаще говорят, что обществознание находится в «кризисе роста», обществоведы нацелены на поиск новых парадигм социального знания. Движение к этому осуществляется в разных направлениях, в том числе и посредством развития междисциплинарных исследований. Приятие междисциплинарности как принципа позволяет глубже проникнуть в явление. Но развешиваться этот принцип может по-разному. В данном случае обратимся к междисциплинарности как средству решения историком конкретных исследовательских проблем в контексте связи истории, социологии и политологии.

Воспользуемся понятием политического процесса, оно прочно закрепилось в нашем языке. Его нередко используют в СМИ, говоря о совокупности событий политического характера, повлекших некий результат. Специальным значением это понятие наделяется в истории и социологии, философии и правоведении. Здесь это понятие используется активно, но далеко не каждое его толкование может быть принято историком, не всякое трактовка этого термина делает его удобным и доступным в качестве инструмента анализа изучаемой общественной формы. Каждый исследователь выбирает себе такое определение, которое, в конечном счете, позволяет ему реализовать задачи исследования. Это может вести к сложностям с интерпретацией результатов одного исследователя другим.

С явной претензией на единоличную эксплуатацию понятия политический процесс выступает политология, Однако сегодня предметное поле гуманитарного знания организовано так, что претензии на полноправное владение понятием отдельной наукой выглядят явно необоснованными. Разные социальные дисциплины используют это понятие и находят тем самым для себя благодатную почву, позволяющую углубляться в собственные объекты. Само же понятие политического процесса может развернуть свое содержание только как междисциплинарное. Это обеспечивается качественным состоянием современного гуманитарного знания. А свидетельства легко обнаруживаются в публикациях общественных деятелей по соответствующей проблематике (см. например: Ракитский Б., Шкира А. Общественно-политический процесс в СССР. Попытка прогноза // *Общественные науки и современность*. 1991. № 6; Кретов Б.И. Политический процесс в России // *Социально-гуманитарное знание*. 2000. № 5; и др.).

Тем не менее, в политологии этим термином обозначают одну из основных категорий политического анализа. Но единства в толковании понятия нет и среди политологов. Например, одни под политическим процессом понимают динамическое состояние политической системы, которая находится в постоянном движении и изменяет свои состояния в режиме определенного времени (См. например: Ильин М.В. Ритмы и масштабы перемен. О понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии // *Полис*. 1993. № 2. С. 57; Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. С. 149). Здесь очевидно просматривается установки системного подхода, которые и ориентируют политолога на изучение качественного состояния череды политических событий, происходящих, как говорят, здесь и сейчас, в настоящее время. Конечно, и при таком понимании термина историк найдет, что изучать, применит такую трактовку понятия политического процесса к анализу исторической ситуации: как формируются элементы политической системы, какие механизмы обеспечивают ее воспроизводство, как принимаются, исполняются и контролируются политические решения — подобные вопросы будут поставлены и приняты историком к рассмотрению. Но ведь тогда утрачивается смысл введения понятия, на подобные вопросы по существу призвана отвечать политическая история,

где рассматривается прошлое существующей политической системы. Такой подход к понятию политического процесса, следовательно, оказывается для историка неэффективным. Историк будет искать такой вариант определения, который позволит ему выявить что-то новое, будь это отдельный факт, сюжет или аспект изучаемого явления.

В другом толковании политический процесс рассматривается как форма функционирования и развертывания политического. Здесь явно выделяется акцент на многоплановость политического процесса, что нацеливает историка на выявление качественных характеристик возможных его форм. В таком случае процесс может видаться как вполне определенный, имеющий свой масштаб, конкретные результаты. Формами при таком подходе могут предстать как общие процессы (модернизация, революция, реформы, кризис и т.п.), так и частные (выборы, формирование политической организации, и т.п.) (см. например: Политология для юристов: Курс лекций. М., 2002. С. 378–401). В таком случае политологическое знание может позволить историку глубже проникнуть в свой объект, например, путем выявления и соотнесения общего и особенного.

Два предложенных толкования понятия разнятся, но имеют и общее — политический процесс рассматривается как разновидность социального процесса. В этом плане весьма плодотворным для изучающего политические перипетии историка представляется понимание процесса как серии явлений, связанных взаимными причинными или структурно-функциональными зависимостями. Эта серия явлений в познавательных целях может вычлениваться из комплекса явлений, происходящих одновременно: это возможно, поскольку имеется «... «ось», на которую «нанизаны» сопряженные друг с другом явления» (Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 193). Здесь уже на помощь историку приходит социологическое знание. В частности, при таком понимании процессуальный предикат «политический» указывает на сферу бытия рассматриваемого явления, что, например, позволяет выявлять его пространственно-временные характеристики. При таком подходе, будучи видом социального процесса, политический процесс предстает перед историком как серия фиксируемых изменений в объекте, погруженном в политическую сферу. Это представляется весьма плодотворным, позволяет историку пользоваться понятием политического процесса для получения нового знания.

Интересно, что в политологии среди наиболее часто используемых методологических подходов прочные позиции занимают нормативный и институциональный, основными методами которых традиционно выступают исторический и логический; здесь считается, в частности, что анализ исторического материала позволяет на основании знания о прошлом объяснять существующие политические институты (См. подробнее: Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М., 2001. С. 20–25. Это учебное пособие подготовлено коллективом авторов к учебному курсу «Социология политических процессов»).

Что видит историк в конкретном политическом процессе? Он обращается, прежде всего, к исследованию исторических условий, выявлению главных действующих лиц и определяет возможные варианты их отношений. Политолог при изучении политического процесса выявляет среду, акторов, результирующую их взаимодействия. Это указывает на общие моменты в работе историка и политолога. Обращает на себя внимание, что понятие актер в данном случае используют для подчеркивания особого статуса субъекта, хотя в литературе оно часто употребляется как синоним понятия субъект, что, представляется, методологически неверно. Использование понятия актер предполагает указание не на субъекта вообще, а подчеркивает особую роль (прежде всего — активность) конкретного субъекта конкретного политического процесса. Абсентеизм избирателей, безусловно, оказывает влияние на ход выборов, но если акцентировать внимание только на этом факторе, то в таком случае массы избирателей остаются просто субъектами, а актерами будут лишь те субъекты, действия которых причинно, функционально или иным способом связаны с индифферентным поведением граждан, имеющих право голоса. Таким образом, и политолог, и историк изучают субъектов. Однако для политолога они важны как составляющие процесса (как актеры), а историк с их помощью раскрывает содержательные аспекты общественной формы, для него субъекты — выразители состояния и тенденций определенной исторической ситуации.

Сравнительно недавно в политологических работах стали указывать на такой вид акторов политического процесса как регион. Под регионом как правило понимают часть территориального пространства, характеризующуюся общностью природной среды, социально-экономических, этнокультурных и прочих условий. Для политолога регион — это, прежде всего, политическое пространство, являющее собой организацию политической жизни, сферу реализации государственной власти и местного самоуправления. На определенном уровне развития политической сферы жизни общества регионы становятся актерами политического процесса в силу складывания в них политической подсистемы, функционирование которой определяется субвидом политического режима региона, в силу закрепления уникальных механизмов воздействия населения на местную власть (Барбаков О.Н. Регион как объект управления // Социс. 2002. № 7. С. 97–99).

Историк видит регион, прежде всего, как естественно-историческое образование. Политико-административное деление, правовая сфера, прочие составляющие политической жизни для него важны подчас лишь постольку, поскольку позволяют охарактеризовать историческую форму. Он стремится выявить основания складывания территориальной общности, показать признаки однотипности отношений населения к окружающим условиям, мотивы рационализации организации процессов жизнедеятельности людей и другие моменты. Оказывается, правда, что в истории одних стран легко обнаруживаются примеры, где регионы выступают активными субъектами организации жизни общества;

в других же странах исторически складывались системы, исключающие такую возможность.

Так для нашей страны с ее мощными историческими традициями жесткой централизации государственной власти становление региона как субъекта государственной жизни — это проблема современная. За исключением периода раздробленности (где, впрочем, и государства-то не было), последующая история России связана с тенденцией централизации государственной власти. Власть всегда стремилась подавить проявления местничества и сепаратистских настроений. Даже факты предоставления ограниченных вольностей отдельным территориям, в сущности, отражают нейтралистские устремления российских правителей.

Правда, регионализм как фактор общественного движения известен в России давно, в том числе и в Сибири, состояние которой стало привлекать внимание русских историков еще в XVIII в. В первой половине XIX в. в Сибири формируется общественно-культурное течение областничества. Его возникновение связано с деятельностью таких выдающихся деятелей как А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин. В 1860–1870 гг. складывается идеология сибирского областничества, превратившегося к этому времени в общественно-политическое движение. Основными пунктами программы областничества были требования отмены ссылки в Сибирь, открытия в крае университета, введения суда присяжных в Сибири. В августе 1905 г. в Томске состоялся первый съезд Сибирского Областного Союза, в проекте основных положений которого было заявлено о необходимости образования Сибирской Областной думы, ведающей местным законодательством, управлением и судом. В программных документах областников речь шла и о необходимости предоставления Сибири, как краю уникальному и своеобразному, областной автономии в сфере организации местной жизни.

Проблема организации самоуправления для общественности Сибири в начале XX в., представлялась весьма актуальной. Если в европейской части страны работали земства, то Сибирь была лишена такого института самоуправления. Сибирские депутаты в Государственной думе в те годы тщательно работали над проектами введения земских учреждений в Сибири, в основе которых лежало положение, что самоуправление в Сибири должно быть всеобщим, а Сибирская Областная дума должна обладать функциями государственного масштаба, то есть располагать определенными началами законодательной, исполнительной и судебной власти.

В советской историографии закрепилась оценка движения сибирского областничества как либерально-буржуазного течения. В условиях России начала XX в. идеология сибирского областничества не получила широкой поддержки общественностью. Как признавали сами областники, в те годы, в период углубления политизации общественных настроений Областническому Союзу не удалось стать значительной политической силой. С их точки зрения идея регионализма не была поддержана в тот период общественностью главным образом в силу двух обстоятельств: во-первых,

неожиданным проявлением сильных правых настроений, что было весьма удивительно для самих сибиряков, и, во-вторых, сибирский пролетариат «ввезенный» и местный, выступил как против самодержавия, так и против «буржуазного авто-номизма». Многие видные областники в то время сами активно работали в местных политических организациях эсеров, кадетов, социал-демократов (Сватиков С.Г. Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1930. С. 114–117).

Итак, регионализм в начале XX в. в Сибири не стал лозунгом, объединяющим разные политические силы. Правда идея сибирских автономистов была воплощена в практику на короткое время: в 1918 г., когда при поддержке бело-чехов была сметена власть Советов, образовавшееся Сибирское правительство создало Сибирскую Областную думу, в задачу которой вменялось налаживание управления в крае. Однако эта Дума была вскоре распущена.

Почему же сибиряки не поддержали регионализм? Не удовлетворяла его политическая окраска или значимыми были факторы иного порядка? Основательный ответ на подобные вопросы можно дать лишь опираясь на меж-дисциплинарность. Тем более, что социологи и политологи наработали массу материалов, раскрывающих разные аспекты жизни региональных сообществ (например: Ачкасова В.А., Чугунов А.В. Регионализация: политика и информационные технологии // Социс. 2004. № 4; Завалишин А.Ю., Рязанцев И.П. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа // Социс. 2005. № 10; Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Полис. 2006. № 2).

Таким образом, междисциплинарный подход в изучении проблем истории региона способствует повышению качества исторического знания. Правда, при этом порождаются и проблемы, главная из которых — размывание предметного поля исторической науки.

Е.Ю. ШАПОВАЛ

ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, «ЧАСТНЫЕ» МЕТОДЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ: НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ, СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА

В современных условиях проблема метода в отечественной науке характеризуется как одна из наиболее актуальных. О сущности данной категории до сих пор идут дискуссии. В самом общем значении метод — это способ достижения цели, определенным образом упорядоченная деятельность. Директор института истории РАН, академик А.М. Сахаров в учебном пособии «Историография истории СССР. Досоветский период», наделяет метод исторического исследования производительной функци-

ей, отмечая важность этой стороны деятельности историка. Он пишет: «Мы имеем дело с анализом «способа производства» науки, с самым главным и определяющим фактором в истории науки — ее методом» (Сахаров А.М. *Историография истории СССР. Досоветский период: учеб. пособие. М., 1978. С. 14*). Крупнейший специалист по методологии истории А.И. Зевелев характеризует значение проблемы методов в контексте познавательной деятельности ученого: «метод дает ученому направление в исследовании изучаемой темы, рационализирует его познавательную деятельность, обеспечивает ее эффективность и способствует систематизации и оценке накопленных предшественниками им самим фактов и данных» (Зевелев А.И. *Историографическое исследование: методологические аспекты: учеб. пособие. М., 1987. С. 30*).

В целом в отечественной исторической науке накоплен значительный опыт изучения методов исторического исследования, утвердилось собственно понимание категории «метод исторического исследования», сложилось представление о системе методов и их разнообразии в исследовательской практике, разработана классификация методов. Советский историк, академик Е.М. Жуков объяснил сущность исследовательской работы историка, с одной стороны, различным сочетанием одних и тех же общественных факторов, которое, по его мнению, в различных условиях дает совершенно разные результаты. Тем самым появляется необходимость использования многообразных приемов и методов исследования. С другой стороны — многообразие методов, применяемых в исследовании, во многом зависит от того, что они зачастую представляют собой результат развития нескольких научных дисциплин и заимствуются из их практики, выступая в различных сочетаниях.

Методы исторического исследования специально рассматривались в трудах Е.М. Жукова, М.А. Барга, В.А. Дьякова, Н.Ф. Колесниченко, И.Д. Ковальченко, В.Н. Автократова, Г.У. Рузавина и других исследователей, которые разрабатывали методологию специальных исторических дисциплин либо науки в целом. В 70-е гг. XX в. тенденция рационализации исторического исследования, обеспечения эффективности применения исследовательского арсенала вызвала появление целого ряда научных публикаций, в которых систематизировалось представление о методах исторического исследования.

Внимание к проблеме методов объяснялось общей дискуссией о праве конкретной научной дисциплины разрабатывать методологию исследования, не ограничиваясь общефилософской диалектико-материалистической основой. Результатом такого научного поиска стало появление отдельных работ и обсуждение методологических проблем на страницах многочисленных научных изданий.

Таким образом, в 70-е гг. XX в. сложилось понимание методологии научной деятельности как учения о структуре, логической организации, методах и средствах этой деятельности.

В пользу разработки методологии исторической науки и некоторых отраслей исторического знания высказывались академик С.Л. Тихвинский, профессор А.И. Зевелев, А.Н. Мерцалов и другие.

Обобщая различные точки зрения на данную проблему, профессор Н.Ф. Колесницкий определил понятие метода в широком смысле слова как понимание комплекса интеллектуальных действий, с помощью которых устанавливается и проверяется истина, а в узком, как концепции, координирующие комплекс приемов и операций и развертывающаяся в них. Данной трактовке профессора Н.Ф. Колесницкого соответствует понятие, предложенное А.И. Зевелевым: «...методы — это творчески осмысленные способы и приемы познавательной деятельности историографа, направленные на установление... объективной истины развития этой области исторического знания» (Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты: учеб. пособие. М., 1987. С. 32).

В.Н. Автократов на страницах «Археографического ежегодника», предложил типологию методов на основе архивоведения, ученый полагал, что «каждая область науки, располагает совокупностью субординированных познавательных средств, выражающих природу своего предмета, т.е. «метод...» (Автократов В.Н. К вопросу о методологии архивоведения / Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 22).

Академик И.Д. Ковальченко так трактует данную категорию: «Под методами исторического исследования мы понимаем все общие методы, относящиеся к исторической науке в целом, применяемые во всех областях исторических исследований. По принятой классификации это — специально-научные методы. Они, с одной стороны, основываются на методе общепhilософском, т.е. на принципах и законах материалистической диалектики и на той или иной совокупности методов общенаучных, а с другой — служат основой методов конкретно-проблемных, т.е. методов, используемых в изучении тех или иных конкретных исторических явлений в свете тех или иных исследовательских задач» (Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С. 183). Ученый выделил общенаучные, общеисторические и конкретно-проблемные методы.

Таким образом, в 70–80-е гг. прошлого века сложилось единство взглядов на понимание категории метода как способа познавательных деятельности исследователя, которыми он создает знание об историческом источнике, событии, явлении. Наряду с категорией метода углублялось понимание принципов и приемов исторического исследования, изучалась природа каждой категории отдельно и их значение для исследования в диалектическом единстве.

К числу основных общеисторических методов исследования И.Д. Ковальченко относит историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный методы. Раскрывая содержание каждого метода, ученый отмечает, что при использовании того или иного общеисторического метода применяются и общенаучные методы

(анализ и синтез, индукция и дедукция, описание и измерение, объяснение и т.д.), выступающие в качестве конкретных познавательных средств, необходимых для реализации подходов и принципов, лежащих в основе ведущего метода.

Близкое понимание структуры методов исторического исследования можно увидеть и в публикациях В.Н. Автократова. Указывая на процессы дифференциации способов познания, он также выделяет общенаучные, частные и конкретные методы исследования.

А.И. Зевелев в монографии «Историографическое исследование: методологические аспекты», опираясь на разработки Н.Н. Маслова, предлагает иной вариант классификации. Он формулирует общие для всех общественных наук методы, специфические, свойственные именно историографическому познанию, заимствованные из других, прежде всего смежных, наук и ставших междисциплинарными методами (Зевелев А.И. Указ. соч. С. 32).

Вместе с этим следует отметить, что архивоведение как историческая дисциплина обладает собственным комплексом методов. Данной стороне посвящены труды В.Н. Автократова.

Ученый отделяет первичные для архивного дела понятия методов управления, администрирования, организации и т.д. от методов, которые позволят выяснять специфику архивоведения, его познавательные возможности, четче выразить научное существо и возможности методов этой научной дисциплины (Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. С. 47).

Выстраивая, таким образом, логику своих рассуждений, В.Н. Автократов доказывает принцип группировки методов. Современное учение о методологии науки выделяет из всей совокупности методов не только общенаучные, но и так называемые «частные» методы, являющиеся специфическими способами познания локальных областей науки.

Так, в группе «частных» методов архивоведения находятся методы, обращенные к познанию закономерностей ретроспективной документной информации, а также методы, выработанные в целях рационализации методически-организационных процессов, помогающие решению задач научной практики. Последние непосредственно применяются в научной практике архивной работы, ученый соотносит эти методы с различными архивными методиками, отражающими приемы обращения с эмпирическим материалом и совокупностями технических операций.

Собственно «частные» методы он рассматривает как методы познания, в основе которых лежит некоторое теоретическое основание. По содержанию это то, что И.Д. Ковальченко характеризует как общеисторические методы.

Как и другие исследователи, В.Н. Автократов определяет ведущее место для теории архивоведения исторического метода, подчеркивая, что «основу теории архивоведения создает исторический метод позна-

ния, устанавливающий сущность рассматриваемых явлений путем погружения в прошлое, путем прослеживания их возникновения и роста» (Автократов В.Н. Указ. соч. С. 23). Вместе с тем ученый считает, что в «чистом виде исторический метод вообще не действует, поскольку всякое генетическое исследование представляет собой не только следование за развитием по хронологической вертикали, но и обязательное теоретическое освоение элементов, связей и зависимостей» (Там же. С. 24).

Описательный метод исторической науки раскрывается В.Н. Автократовым как выявление, фиксирование, первичная группировка фактов и соотнесение их с соответствующими историческими реалиями и с научными понятиями, мысленное разложение информации на ряды фактов и т.п.

В поисках объективных решений в исследовательской практике В.Н. Автократов указывает на взаимодействие архивоведения как исторической науки с другими способами познания — общенаучным методом моделирования и сопутствующему ему методу мысленного эксперимента. Элементы модели в данном случае несут описи фондов, реестры описей государственных архивов, учетные формы» (Там же. С. 28).

Все способы деятельности исследователя в данном случае отражали тенденцию рационализации способов исторического познания как результат взаимодействия с формальными научными дисциплинами.

Наряду с этим, познавательные задачи архивоведения обусловили разработку конкретных для данной области исторической науки методов, которые рассматривает и характеризует В.Н. Автократов: метод функционального анализа, основанный на оценочной интерпретации информационных качеств документальных материалов; метод экспертных оценок, опирающийся на суждения прогностического характера посредством экстраполяции или интерполяции суждений; аксиоматический метод и ряд других.

Все рассмотренные методы, несмотря на различия по признаку группировки, способу приложения к эмпирическому материалу и целям исследования, имеют общую основу — качественную природу познания. Эта качественная природа либо непосредственно связана с историческим анализом, либо восходит к нему опосредованно через описание, объяснение, сопоставление исторических реалий.

Т.А. ЯКОВЛЕВА

ИДЕОЛОГИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИЛИ КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ?: ПОИСК НЕТРАДИЦИОННОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕЧАТИ 1930-х гг.

Современные теории модернизации, а также различные схемы и концепции российских циклов модернизации настолько многочисленны, что

их трудно не только проанализировать, но и просто перечислять. Многие современные авторы А. Ахиезер, Р. Вишневецкий, Э. Кульпин, В. Красильщиков, А. Янов, Н. Розов и др., предлагая концепции модернизационных циклов в истории России, в целом определяют тип российской модернизации как неорганичный или догоняющий. Неорганичная модернизация предполагает, что одни структуры модернизационного процесса в обществе уходят или убегают вперед, а другие еще отстают и вызревают, развитие общества напоминает вращение квадратного колеса (Вернек Содре Н. Бразилия: Анализ модели развития. М., 1976. С. 98). Труднее всего в «квадратном колесе» российской модернизации переворачивается или стачивается социальная грань. Успех движения требует колоссальных усилий всей общественно-политической системы, но, прежде всего он зависит от эффективности общественно-политических институтов, которые могли бы вовремя замечать изменения и смягчать социальный кризис. Этот успех будет во многом определяться действиями государственно-правовой системы, массовых партий или движений. Модернизация вынуждается самыми различными факторами, но определяющим для неорганической модернизации будет влияние передовых стран.

Борьба русской белой эмиграции в 1920-е гг. с советской властью, проводившей очередную модернизацию в России, в 1930-е гг. сменяется осознанием необходимости изменения идеологических задач эмиграции, в котором можно обнаружить начало поиска новой концепции модернизации. Полубогемное состояние белой эмиграции, обеспеченной «возрождением» традиций и духовности означало в конечном варианте неминуемую социальную смерть для нее. Очевидно, именно такая перспектива вынуждала русское зарубежье искать новые пути, идеологии или очередную «смену вех». Очевидно и то, что эти новые задачи эмиграции находили свои решения крайне сложно, медленно и болезненно. Русскому зарубежью приходилось не только постоянно искать возможности собственного изменения и обновления, но и подавлять старое сопротивление непримиримости белого движения. Вряд ли эти новые тенденции в изменении состояния эмиграции будут означать действительную и полноценную разработку концепции новой модернизации России, но наблюдение такой тенденции может обнаружить стремление русского зарубежья к поиску такой концепции.

В 1930-е гг. влиятельные газеты русского зарубежья в Париже, такие как «Возрождение» П.Б. Струве и «Последние новости» П.Н. Милюкова продолжали борьбу за политическое и духовное объединение эмиграции. Общенациональные идеи возрождения России в крупнейших газетах русского Парижа с трудом пробивали дорогу через узкопартийные интересы русского зарубежья. Редакции предпринимали самоотверженные усилия. Газета «Возрождение» продолжала утверждать, что зарубежью вредны любые партийные программы, и единственное, что «действительно необходимо — это единство национального духа. Оно по мере сил и создается «Возрождением» (Возрождение. Париж. 1935. 5 июня. С. 3).

В 1931 г. в «Возрождение» возвращается И.А. Ильин, и «возрожденческая» идеология начинает постепенно все более укрепляться его работами. В своих статьях И.А. Ильин продолжает развивать идеи П.Б. Струве о вреде всяких партийных программ, правых и левых путей для русского зарубежья. «От всего этого, — писал он, русские цели урезаются, русское служение и русская борьба искажается, русское дело страдает... Как бороться с этой эмигрантской болезнью?» (Возрождение. Париж. 1931. 25 авг. С. 2).

Потребность объединения и разработки единой концепции возрождения способствовала сближению с многими пореволюционными течениями, например, с младороссами, продолжавшееся с 1930 по 1935 гг. Младороссы утверждали в «Возрождении», что стремятся к победе «национальной реальности над классовой мистикой», выдвигали лозунг «царь и советы». Это было достаточно редкое для эмиграции соединение национальных традиций России с признанием результатов революции. Идеолог младороссов А.Л. Казем-Бек призывал войти в единый фронт возрождения России всем идейным течениям эмиграции, но со своими развернутыми знаменами. (Возрождение. 1930. 12 июля. С. 2). Основой нового объединения русского зарубежья должна была стать молодежь, новое поколение эмиграции, которое не знало и не понимало «белое дело». Социальный опыт эта молодежь приобретала не из личного ожесточения, а из общих впечатлений западной культуры. Известный русский ученый, юрист и социолог, профессор Санкт-Петербургского университета и ближайший сотрудник «Возрождения» Н.С. Тимашев в 1935 г. разрабатывает конкретную программу, чтобы не потерять молодежь эмиграции и донести до нее концепцию возрождения России: «Возрождение» должно стать органом национального воспитания молодежи» (Возрождение. 1935. 8 июня. С. 2). В русском зарубежье его труды по социологии считались лучшими.

Постепенно в крупных влиятельных газетах исчезают статьи о смысле и содержании русской революции, об эволюции советской системы, о формах и методах борьбы с советской властью, о преимуществах республики или монархии в России. Талантливый публицист в «Возрождении» Петр Рысс заявляет, что формы русской государственности будут определены самим народом в России, но не навязаны из эмиграции, споры о республике и монархии крайне вредны концепции возрождения. Спорить стало не о чем. Волновали еще темы коллективизации, политических процессов, но больше эти публикации имели характер информации, а не анализа. Провозглашение в 1936 г. «самой демократической конституции в мире» ввело в заблуждение и «Последние новости» П.Н. Милюкова и «Возрождение». В статьях Н.С. Тимашева в «Возрождении» «Возможна ли революция в России?» и «Вырождение коммунистической революции» окончательно угасали надежды на правую оппозицию советской власти и возможность ее революционного свержения (Возрождение. 1935. 11 июня. С. 2). И.А. Ильин также предупреждал в своих статьях о вреде любого

рода надежд на революцию, о необходимости замены политической полемики разработкой концепции возрождения России. Такие изменения в идеологии русского зарубежья в 1930-х гг. в последующей исторической литературе получили обозначение «второй смены вех», выразившейся в замене политического активизма поиском путей возрождения России. Медленно и болезненно рождалась новая возрожденческая идеология как концепция самостоятельного возрождения России без активного революционного участия эмиграции. Идеология возрождения могла быть только надеждой эмиграции на будущее.

Определяющую роль в поиске новой идеологии сыграли статьи И.А. Ильина. Особенно характерны два цикла статей 1936 и 1937 гг.: «О богоустановленности советской власти» (Возрождение. 1936. 10 окт. С. 2), «Новая Россия — новые идеи» (Возрождение. 1937. 17 апр. С. 4). Идеям и концепциям И.А. Ильина созвучны писания в «Возрождении» Н.С. Тимашева, который вместо политических статей публикует прекрасные статьи о роли церкви и религии для России. Созвучными были и публикации и настроения известных и талантливых публицистов «Возрождения» И.С. Шмелева, А.В. Амфитеатрова, В.Ф. Ходасевича, редактора Ю.Ф. Семенова. Возрожденческая идеология определялась как нравственная, философская, религиозная, воспитательная система: «Мы говорим в сущности все десять лет одни и те же простые вещи о невозможности построить человеческое общество без Бога, Отечества, семьи, уважения к личности, уважения к истории. На десятом году существования определилась внутренняя победа наших идей». В этом выступлении Н.С. Тимашева, посвященном десятилетию «Возрождения», прозвучала идеология духовного возрождения России, которую русское зарубежье вскоре, отбросив бесплодные политические полемики, признает единственно правильным путем эмиграции. Но борьба за духовное возрождение в условиях, когда весь мир ищет новых путей, требовала дальнейшего расширения до включения политических и экономических, а не только социально-нравственных, духовных задач.

Ценным достижением советской системы эмигрантские авторы начинают считать стабильность, создающую гарантии сохранения сильного российского государства. Кроме стабильности, публицисты в «Возрождении» обращают внимание и на проявления реального социализма как инструмента вхождения СССР в мировую систему. В газетных публикациях это были первые осторожные замечания, в частности, П.Н. Милюков в «Последних новостях» в 1932 г. отмечал, что есть случаи, когда советская власть действительно представляет интересы России (Последние новости. Париж. 1932. 1 марта. С. 1).

Во второй половине 1930-х гг. возрожденческая идеология постепенно приобретает черты вполне самостоятельной концепции модернизации России в условиях существующей советской системы, крайне осторожно проявляется убеждение в возможности социалистической альтернативы

модернизации. Конечно, эмигрантские авторы практически не использовали понятие модернизации, чаще в этих публикациях встречаются понятия «строительства», «новых путей», но первоначальное содержание идеологии духовного возрождения России расширяется до признания необходимости включения конкретных и принципиальных изменений в СССР в политической, экономической и социальной сферах, что соответствует начальному этапу поиска концепции модернизации в целом. Задача духовного возрождения дополняется признанием необходимости нового «строительства» или модернизации в советской России.

Н.А. БАРАНЦЕВА

ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1959 г. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ ХАКАСИИ

Одним из важных направлений в области изучения Сибири является историко-демографическая проблематика, в рамках которой активно изучается городское население в контексте динамики его численности, изменения социальной структуры, типов воспроизводства и т.д. Вместе с тем, несмотря на возросшую популярность гендерных исследований, не получила должного освещения история городской семьи, особенно в региональном аспекте. Целью данной статьи является анализ статистических источников по выявлению состояния брачно-семейных отношений в Хакасии в 1950-е гг., когда в условиях интенсификации промышленного освоения Красноярского края, автономной областью которого она являлась, началось активный рост городского населения.

В Хакасской автономной области проживало 409,9 тыс. чел., из них в городской местности 220,1 тыс. Уровень урбанизации в Хакасии оказался выше на 4,4%, чем в целом по Красноярскому краю. Удельный вес городских жителей в общей численности населения составил 53,7% (мужчин — 46,7%, женщин — 53,3%) (Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. С. 28, 75).

Табл. 1 показывает, что общее количество семей всех национальностей, проживавших в 1959 г. в городах Хакасской автономной области, составляло 54444. Наиболее многочисленным было русское население. 44896 их семей составляли 82,5% от общего их числа. Семей украинцев насчитывалось 3087 (5,7%), хакасов — 1318 (2,4%), немцев — 854 (1,6%), татар — 727 (1,3%), белорусов — 654 (1,2%), евреев — 148 (0,27%), семей прочих национальностей (литовцев, чувашей, мордвы и пр.) — 2760 (5,1%).

Преобладали семьи из двух-четырёх человек. На их долю приходилось 72,2%, в составе же городского населения она была выше и составляла 75,5%.

Наиболее распространенными были семьи из трех человек. В 1959 г. они составляли в целом по Хакасии 25,3%, а в доле городского населения — 26,5%. Наибольшим было количество семей в составе трех человек у евреев (32,4%), украинцев (28,3%), белорусов (27,2%), русских (26,6%),

татар (25,5%), пр. национальностей (26,1%). (Материалы Хакомстата. Всесоюзная перепись населения 1959 г. ХАО Красноярского края.)

Таблица 1

**Распределение семей по их размерам и национальности,
% от постоянного населения***

Национальность	Городское население					Сельское население				
	2–4 чел.	5–6 чел.	7 и более чел.	Одиночки	Лица, живущие отдельно от семьи	2–4 чел.	5–6 чел.	7 и более чел.	Одиночки	Лица, живущие отдельно от семьи
Русские	75,9	20,8	3,3	14,3	25,6	70,6	24,3	5,1	11,2	17,1
Украинцы	76,1	21,3	2,6	10,6	42,9	74,9	21,4	3,7	10,3	19,4
Хакасы	68,7	23,8	7,5	25,8	78,0	63,5	27,1	9,4	12,6	13,4
Немцы	69,2	24,1	6,7	15,0	12,7	53,9	31,0	15,1	4,9	9,9
Татары	74,4	20,8	4,8	21,1	38,1	65,2	25,8	9,0	12,7	21,0
Белорусы	75,2	20,8	4,0	17,1	39,5	70,7	22,8	6,5	8,2	17,4
Евреи	75,7	22,3	2,0	21,0	31,1	92,0	8,0	–	16	36
Прочие национальностей	73,2	22,7	4,1	14,5	26,3	66,0	25,3	8,7	13,2	16,6
<i>Итого</i>	73,5	22,1	4,4	17,4	37,8	69,6	23,2	7,2	11,2	18,9

*Данные подсчитаны по материалам Хакомстата Всесоюзной переписи населения 1959 г. Хакасской автономной области (ХАО) Красноярского края.

Семьи в составе 5–6 чел. в целом по населению Хакасии составляли 22,9%, городскому — 21,1%. Наиболее многочисленными были городские семьи у немцев (24,1%), хакасов (23,8%), евреев (22,3%) и украинцев (21,3%). Доля семей из 7 и более человек среди горожан не превышала 4,4%. Подобные семьи преобладали у хакасов (7,5% от всего их количества), немцев (6,7%), татар (4,8%). Из табл. 1 видно, что у сельчан выше, чем горожан, была доля семей в составе 5–6 чел.: 23,1%, а 7 и более человек: 7,2%. Среднее же количество членов городских семей, проживающих в Хакасии, составляло 3,8 чел. При этом большая людность наблюдалась в хакасских семьях — 5,2 чел., русских — 4,2, немецких — 4,1 и татарских — 3,9.

Поскольку группировка семей по составу в зависимости от характера родства их членов впервые после переписи 1926 г. была проведена только при разработке материалов Всесоюзных переписей населения 1970 и 1979 гг., не представляется возможным четко выявить демографический тип семьи. С точки зрения известного демографа А.Ф. Волкова, он определяется прежде всего наличием в ее составе «ядра», которое может быть полным и состоять из супружеской пары с детьми или без детей или неполным и включать только мать (или отца) с детьми. Кроме того, тип семьи характеризует присутствием в семье родителей и (или) других родственников супругов (Волков А.Г. Семья — объект демографии. М.: Мысль, 1986. С. 61).

Исходя из данных переписи населения 1959 г. по Хакасии, можно предположить, что среди горожан основную часть (73,5%) составляли простые или нуклеарные семьи с одной супружеской парой (с детьми и без детей) и матери с детьми. В их числе было относительно много людей, потерявших отца во время войны и живущих вместе с одной матерью. Достаточно значительной была доля неполных семей, образовавшихся в основном в результате развода или смерти одного из супругов. К этому типу семьи принадлежали также матери с детьми, рожденными вне брака.

В то же время молодые люди в возрасте до 30 лет, состоявшие в браке, продолжали жить с родителями одного из супругов, что могло объясняться нехваткой жилья или необходимостью оказывать помощь молодой семье в уходе за детьми. Это относилось к семьям из 5–6 чел., доля которых составляла 22,1%. Доля сложных семей, состоящих из двух и более супружеских пар, была сравнительно немногочисленна (4,4%). Это были в основном немецкие, татарские, белорусские и русские семьи (см. табл. 1).

Наиболее многочисленной семья становилась, когда главе семьи исполнялось 30–39 лет, когда в семье уже появились дети, но еще не начался процесс ее дробления. По достижению главой семьи 40–49 лет доля членов семей существенно сокращалась.

Табл. 2 показывает брачное состояние горожан по основным национальностям, проживавшим в Хакасии. Из общего количества мужского населения состояло в браке 45,9%, женского — 41,0%. Наименьшее количество состоявших в браке отмечалось у хакасов: 39,3% — мужчин, 30,4% — женщин. У других национальностей наблюдалось преобладание состоявших в браке мужчин, нежели женщин. Так, в мордовских семьях состояло в браке 64,7% мужчин и только 15,3% женщин, в немецких — 53,8 % и 39,9%, в белорусских — 57,8% и 48%. Значительно меньшие диспропорции в количестве женатых мужчин и замужних женщин наблюдались в русских семьях — 45,1% и 41,2%.

Однако общие цифры не проясняют, как женатые мужчины и замужние женщины соотносятся по возрастным группам. Данные переписи показывают, что если на 1000 лиц данного пола состояло в браке 620 мужчин и 560 женщин, то картина существенно менялась по возрастным категориям. Так в поколении 20–24-летних замужем было 200 женщин из 1000 и только 57 мужчин, что свидетельствуют о более раннем вступлении в брак девушек, нежели юношей. В то же время в поколении 25–29-летних 827 мужчин женато и только 804 женщин замужем. Появление диспропорции связано с тем, что, начиная с этой возрастной категории число женщин на 1000 мужчин неуклонно возрастало и составляло для городского населения 1021. В 30–34 года оно увеличивалось до 1128, в 35–39 лет — 1466, достигая к возрасту 70 лет и старше 2070. Исходя из этого и соотношение женатых мужчин и замужних женщин с 30–34 лет становилось все более диспропорциональным и составляло 936 к 821. В поколении 50–54-летних соотношение мужчин и жен-

щин, состоящих в браке на 1000 лиц данного пола, было уже 956:490; 55–59-летних — 947:428; 60–69-летних — 925:376; 70 лет и старше — 721:195 (Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Красноярск: ЦСУ РСФСР. Статуправление Красноярского края, 1971. С. 80, 87).

Таблица 2

Пол и возраст всего населения и состоящих в браке по отдельным национальностям. Наличное городское население*

Националь- ность	Мужчины		Женщины		Оба пола	
	Всего	В том числе состоящие в браке	Всего	В том числе состоящие в браке	Всего	В том числе состоящие в браке
Хакасы	3 238	1 273	3 580	1 090	6 818	2 363
Русские	86 734	39 086	102 396	42 181	189 130	81 267
Украинцы	5 283	2 937	4 526	2 247	9 809	5 184
Немцы	1 579	849	1 882	751	3 461	1 600
Мордва	728	471	963	147	1 691	618
Татары	1 358	624	1 438	560	2 796	1 184
Белорусы	1 072	620	937	446	2 009	1 066
Евреи	209	145	196	92	405	237
Чуваши	279	143	204	100	483	243
Литовцы	243	121	258	97	501	218
Итого	100 723	46 269	116 380	47 711	217 103	93 980

* Источник: Данные Хакомстата Всесоюзной переписи населения 1959 г. по ХАО.

В переписи 1959 г. используется такой термин как «одиночки», составлявшие в Хакасии в среднем 14,5%. Наибольшее их количество в целом по населению отмечалось у хакасов — 25,8%, татар — 21,1% и евреев — 21%. Вместе с тем, очевидно, что основная их часть — это дети и молодые люди в возрастной группе 20–29 лет, еще не состоявшие в браке. Среди немецкого населения эта категория составляла 38,3%, русских — 44,4%, украинцев — 52,1%, белорусов — 70,0%, татар — 66,7%, хакасов — 74,1%. В следующих возрастных группах процент никогда не состоявших в браке уменьшался и для мужчин старше 50 лет становился совсем небольшим (среди русских — 5,1%, украинцев — 6,7%, белорусов — 4,5%, татар — 4,6%, хакасов — 2,6%, немцев — 3,1%). Более высокая доля никогда не вступавших в брак женщин в возрастных группах 50–59 лет и старше (русские — 15,2%, украинцы — 13,4%, белорусы — 11,6%, евреи — 41,9%, татары — 9,2%, хакасы — 8,5%, немцы — 36,7%), так же как и повышенная доля вдов, была связана с последствиями минувшей войны — гибелью на фронте мужей и потенциальных женихов женщин этих поколений.

Резюмируя данные переписи населения 1959 г., следует сказать, что в Хакасии процесс формирования городской семьи осуществлялся под влиянием общих процессов урбанизации Сибири, выразившихся в нуклеаризации семьи и переходе от сложной к простой ее форме. При этом на структуру и численный состав городских семей оказали влияние как

национальные особенности их формирования, так и демографические последствия мировых войн.

Н.А. БУШИНА

ЗАСЕДАНИЯ СЪЕЗДОВ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКОВ В ОСВЕЩЕНИИ СИБИРСКОЙ ПЕЧАТИ II-й ПОЛОВИНЫ XIX в.

К концу XIX вв. золотопромышленность становится стратегической отраслью экономики Сибири и имеет большое общегосударственное, экономическое, социально-политическое значение.

Развитие отрасли, имеющей огромное значение не только для экономики региона, но и страны в целом не могло остаться незаметным для местной печати. К концу XIX вв. из всего многообразия статей, посвященных золотопромышленности более трети освещают кризис в золотопромышленности и попытки выхода из него.

В первые годы развитие золотого промысла успехи были столь значительными, что на месторождения с небольшим содержанием золота никто не обращал внимания. Однако уже с середины 70-х гг. XIX в. в золотопромышленности наблюдается несколько кризисов, вызванных хищнической разработкой месторождений.

В этих условиях только объединенные усилия государства и самих золотопромышленников могли дать положительные результаты. Многие общественные деятели со страниц местных газет стали призывать золотопромышленников к объединению. К концу XIX в. представители золотопромышленности первыми в Сибири начали создавать свои организации.

В 1895 г. было получено разрешение правительства на созыв золотопромышленных съездов. Регулярно съезды золотопромышленников стали созываться с 1897 г. В каждом крупном районе золотых разведок имелся свой местный съезд, с постоянно руководящим органом в виде совета либо бюро совета. Местные съезды золото и платинопромышленников объединились во всероссийскую отраслевую организацию — съезд золото и платинопромышленников с постоянным совещательным органом — Советом. Впервые в Сибири съезд золотопромышленников был созван в 1897 г. в Южно-Енисейском горном округе. К концу века съезды золотопромышленников созывались во всех горных округах. Съезды, как правило, проводились в течение нескольких дней и решали от 10 до 15 вопросов. Эти вопросы касались выдачи кредита и ссуды, налогообложения, права пользования лесами и водою на золотых промыслах, сборов на содержание горно-полицейской стражи и охраны приисков, сметы расходов, выбора должностных лиц, стипендий студентам, обучающимся горному делу, найму рабочих.

Роль прессы выразилась, прежде всего, в пропаганде и определении основных проблем, обсуждаемых на съездах, а затем в подробном их освещении и выявлении направления основных задач. Придавая огромное значение съездам, местная печать независимо от политической направленности посветила им целый ряд публикаций. Таким образом, в освещении работы съездов сибирская пресса разделилась на несколько противоборствующих лагерей. Основная полемика в освещении работы съездов развернулась между частными демократическими изданиями, представленными «Восточным обозрением» и «Енисеем» и специализированным изданием золотопромышленников — журналом «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще».

Частная сибирская печать в лице лучших своих представителей стремилась к объективному освещению вопросов золотопромышленности, а «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще» отстаивал интересы золотопромышленников.

Редакция журнала следила, прежде всего, за рассмотрением насущных проблем золотого промысла — о свободном обращении золота, о кредите, об отводе новых площадей, о техническом оснащении приисков и прочих вопросах, о которых столько бумаги исписано в канцелярии, но которые по-прежнему волновали промышленников и не были решены государством. Особое внимание уделялось организации самих съездов (Предполагаемые съезды золотопромышленников Северно-Енисейского округа // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1896. № 5. С. 107).

Как указывалось в одной из статей, съезды не располагали необходимыми денежными средствами. Происходящая отсюда полная неопределенность размера этих средств и необеспеченность поступления их, уничтожает возможность для распорядительных округов съездов обратиться к удовлетворению таких насущных потребностей, как проведение приисковых дорог, поддержке почтового сообщения, содержании больниц, школ и т.д. (Там же. № 7. С. 141–142)

В вопросе о введении свободного обращения золота обе стороны придерживались одной точки зрения. Они считали, что свободное обращение золота неизбежно приведет к усилению хищничества, и более целесообразным был бы постепенный переход к новой системе (Третье и четвертое заседание первого съезда золотопромышленников Южно-Енисейского горного округа // Енисей. 1897. 5 дек. (№ 143). С. 1).

Одной из основных проблем золотопромышленности было сложность получения кредита. Представители предпринимательских кругов не раз отправляли ходатайства правительству для решения этого вопроса. Эту инициативу поддерживала и демократическая печать, правда у нее был свой интерес. Она предлагала оказывать содействие артелям золотопромышленников, а не крупным компаниям. (Второй съезд золотопромышленников Северно-Енисейского горного округа // Восточное обозрение. 1899. 10 апр. (№ 79). С. 2–3)

Анализируя работу съездов «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще» указывал, что вопросы, обсуждаемые съездами, ходатайства, которые они подавали, защищая свои потребности и интересы перед властью и обществом — все это показывает, что съезды и советы золотопромышленников выражали, прежде всего, региональные проблемы предпринимателей. Съезды золотопромышленников Восточной Сибири выполняли определенные функции представительских организаций. Эти функции состояли в самостоятельном решении целого ряда важных вопросов, в лоббировании интересов путем ходатайства правительства в создании оптимальных условий жизнедеятельности. Съезды помогали устранить разобщенность золотопромышленников.

Если в освещении проблем экономического характера у демократической печати и журнала золотопромышленников наблюдалась общность интересов, то вопросах социального характера не была и намек на единодушие. Демократическая печать в силу своих убеждений особенно пристально отслеживала рассмотрение рабочего вопроса. Особой заботой сибирской печати были условия жизни на приисках: питание, проживание, медицинское обслуживание. Бурное негодование редакции «Енисея» вызвало решение съезда золотопромышленников в отказе постройки отдельных помещений для семейных рабочих, мотивированное тем, что это принесет дополнительные расходы для золотопромышленников. Как писала газета, рабочие и так живут в грязных и душных бараках, в тесноте, а им отказано даже в элементарных потребностях (Там же).

При всем стремлении золотопромышленников отойти от решения социальных проблем рабочих, они были вынуждены считаться с изменившимися условиями, и стали предлагать меры к изменению сложившейся ситуации.

Речь шла в первую очередь об устройстве на приисках школ и больниц, было решено, что лечить больных одержимых серьезными болезнями будут на средства тех золотопромышленников, у которых они работали в последнее время. Лечением больных, которые не имеют определенных занятий или заболели во время пути, будет производиться за счет всех золотопромышленников. Однако сибирская печать опасалась, как бы все эти решения не остались лишь на бумаге (Там же. С. 3–4).

Анализируя работу нескольких съездов конца XIX в. можно сделать вывод, что большинство вопросов, касающихся финансов, защиты частной собственности, улучшения положения рабочих не были решены на съезде. Тем не менее, местные съезды, несмотря на контроль со стороны государства, не смотря на отказы в решении проблем частной золотопромышленности, помогали устранить разобщенность предпринимателей и являлись показателем конструктивного взаимодействия властных государственных и предпринимательских структур.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ В МЕМУАРНОМ КОМПЛЕКСЕ СБОРНИКОВ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ

На протяжении более 200 лет в Сибири побывали тысячи репрессированных революционеров всех поколений. Тема истории Сибирской ссылки привлекала историков, правоведов, революционеров и в дореволюционное время. Однако наиболее активно эта тема исследовалась в 20–30-е гг. XX в. бывшими репрессированными революционерами.

Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, созданное в 1921 г., опубликовало 5 сборников о ссыльной тематике: «Сибирская ссылка», «В Якутской неволе», «Енисейская ссылка», «Иркутская ссылка», «100 лет Якутской ссылке». В большей части сборники заполнены мемуарами бывших ссыльных. Выбор мемуарной продукции редакторские коллективы обосновывали неумолимыми законами времени: «Надо поторопиться ... Ибо если пользование архивными документами нам обеспечено на неопределенно длительный срок, то нельзя того же сказать о материалах, почерпнутых нами из воспоминаний живых участников борьбы, переживших все ужасы режима, установленного для пленников самодержавия в тяжелые годы реакции, наступившей после поражения революции 1905 г.» (Нерчинская каторга: Сб. Нерчинского землячества. М., 1933. С. 5). Не используя ценные источники — мемуары, можно потерять их «вместе с живыми хранителями», подчеркивали составители сборников.

Опасения составителей сборников вполне оправданы. Ко времени выхода сборников, многие бывшие репрессированные были преклонного возраста, память сохранила только яркие события прошлого. Необходимость донести более детальную и точную информацию диктовала особую практику работы над мемуарами. На заседаниях научных структур землячеств зачитывались доклады и сообщения бывших невольников царизма, которые потом исправлялись, пополнялись «земляками» и частично проверялись по документам. «Добро» выносила литературная комиссия землячества. Коллективный метод работы дал возможность написать мемуары даже наиболее «неподготовленным товарищам», впервые «вступившим на литературный путь». Таким образом, удалось в значительной степени обеспечить большую достоверность предлагаемых мемуаров, проверить их фактическое содержание и устранить ошибки. По мнению научных структур, сборники являлись «коллективным трудом» бывших политкаторжан.

Основная часть мемуаров написана в виде очерков, этюдов или набросков, иногда с использованием документального материала. В описании событий им присуща фрагментарность, а зачастую недосказанность. Особенно это стало заметно в сборниках, изданных в

1930-е гг., когда стал проявляться цензурный пресс. Мемуары отличает ярко выраженный обличительный характер репрессивной политики царского самодержавия. Вместе с тем, это не только воспоминания о пережитом и увиденном, но и рассуждения авторов о роли каторги и ссылки в революционном движении России. Мемуары в большей степени наполнены натуралистическим описанием бытовой стороны жизни в ссылке. Зачастую авторы ушли от выяснения идеологических разногласий ссыльных, совершенно не представили сведения о связях с партийными центрами на воле. Такой отход от выяснения идеологических вопросов зачастую был свойственен мемуарам бывших репрессированных меньшевиков и эсеров. Тем не менее, стремление авторов создать коллективный портрет политических изгнанников, публикация сенсационных фактов и мелких подробностей, что всегда является привлекательным для историков-исследователей, заслуживает положительной оценки.

Анализ мемуарного комплекса по полноте и информативности свидетельствует, что авторы, прежде всего, обратили свое внимание на материальные трудности и бытовые проблемы ссыльных, количественный, социальный состав и партийную принадлежность ссыльных, консолидацию ссылки, общественную и духовную жизнь ссыльных, побег ссыльных и в меньшем объеме на революционную работу.

Почти все мемуаристы отмечали материальные трудности и бытовые проблемы ссыльных в Сибири. Авторы делают главный вывод: в материальном отношении ссылка была предоставлена самой себе, несмотря на помощь родственников, знакомых и организации. Многие ссыльные считали, что жить на постороннюю помощь «неудобно», поэтому искали работу и «бралась за все, что подвертывалось, не брезгуя ничем» (Сибирская ссылка: Сб. первый. М., 1927. С. 118). Дм. Яковлев отмечал, что ссыльные занимались учебой ребятишек, работали у крестьян в качестве рабочих, нанимались пилить дрова, подкатывать бревна к лесопилке, чистили помойки, красили пароход. «Работы — больше случайные. Грошовые» (Там же. С. 119). С. Корочкин, описывая киренскую ссылку, откровенно говорит, что некоторые ссыльные иногда серьезно жалели о тех тюрьмах, в которых они до этого сидели. Тюрьма, так или иначе, давала заключенному кров и пищу. На поселении же надо было с величайшим трудом добывать себе кусок хлеба. Заработков же почти никаких найти было нельзя (Там же. С. 156). Некоторые мемуаристы отметили, что, несмотря на запрет, ссыльные работали в типографии и учительствовали. В Якутске редакторами местных газет, сотрудниками и литературными силами почти исключительно были интеллигентные политические ссыльные: В.И. Николаев, В.Д. Виленский-Сибиряков, В. Бик, Ст. Никифоров (Там же. С. 194). В. Плесков отмечал, что в Мысовой большинство политических имели заработок и помогали остальным, так как они занимались учительством под покровительством местных властей, дети которых обучались у опытных ссыльных учителей.

Освещение социального состава и партийной принадлежности ссыльных прослеживаются весьма скудно. Тем не менее, мемуарные источники позволяют сделать следующие выводы. Ссылка представляла разнородный состав, как по социальному положению, так и по партийной принадлежности. Автор Дм. Яковлев в мемуарах «От каторги к ссылке» приводит следующие факты: в Тутуре (недалеко от р. Лены) в период с конца 1915 г. до 1917 г. из 30 ссыльных большинство было рабочих профессий — металлистов, ткачей, столяров, некоторая часть была служащими. Большинство принадлежали к большевикам, среди них «настоящие партийцы»: В. Куйбышев, Г. Евдокимов, В. Плетнев, И. Ионов, Судаков. Меншевиков насчитывалось 2–3 чел., с-р. — 5 чел., 1–2 анархиста (Там же. С. 117).

Часть мемуаристов рассказали о консолидации ссылки, создании колоний, столовых, касс взаимопомощи и взаимоотношений ссыльных. Мемуары члена ВКП(б) С. Корочкина «История одной столовки» наиболее ярко освещают этот эпизод жизни ссыльных. Автор отмечает, что условия в ссылке и присущие политическим общественные навыки толкали их на разные начинания общественного характера: создание коммун, артелей, касс взаимопомощи, столовых. Смерть одного из ссыльных Киренска от голода Давида Гербовского породила мысль образовать столовую ссыльно-поселенцев. Автор подробно освещает работу кассы взаимопомощи, столовой и ее роль в жизни киренской ссылки. Однако позиция ссыльного большевика проглядывает со всей определенностью. Главный тезис мемуаров — идейные противоречия между большевиками и эсерами в ссылке имели свои особенности — они переносились в плоскость общественных начинаний. Автор мастерски рисует этот момент на примере организации столовой киренской ссылки. Он подчеркивает несостоятельность организации столовой социалистами-революционерами: «Для нас не было также сомнения, что с.-р. не наладить дел столовой, которая с каждым днем клонилась к упадку». По мнению автора, с избранием нового правления, куда вошли социал-демократы, работа столовой наладилась. Борьба за влияние развернулась и по поводу кассы взаимопомощи. Соотношение социал-демократов и эсеров правления и ревизионной комиссии было на стороне социал-демократов: «с.р. злились, они были постоянной нашей оппозицией» (Там же. С. 162).

Проблема партийных взаимоотношений в ссылке в мемуарах затронута вскользь. Но совершенно очевидно, что те, кто взялся за этот вопрос, не скованный на первых порах партийными цензурными установками, высказал свое видение данной проблемы. По мнению В. Кухарченко, в общей обстановке Сибири партийные расхождения не обострялись, столкновений не было, «и работа велась дружным хором, чему способствовало и настроение рабочих, отрицательно относившихся к ожесточенной полемике фракций» (Там же. С. 167).

Авторы-мемуаристы коснулись еще одного момента из жизни ссылки — духовном и идейно-политическом совершенствовании ссыльных,

сопутствующих для этого условий и «культурнической» работы ссыльных среди местного населения. Многие авторы подчеркивают «усиленную работу» над собой. Дм. Яковлев рассказывает о лекциях, проводившихся по разным общественно-политическим вопросам, куда «ходили все, независимо от того, кто читает» (Там же. С. 118). Он приводит факты наличия в ссылке «толстых книг, журналов, газет». «На этот счет дело было поставлено образцово — за исключением «Нового Времени» и других черносотенных газет, нам высылались бесплатно Москвой, Ленинградом, Харьковом почти все газеты и журналы» (Там же. С. 118). По мнению мемуариста, условия для «культурнической» работы ссыльных были идеальные. При ссыльной колонии в Тутуре был организован клуб, где журналы передавались желающим для чтения. Проводились собрания колонии, где различные организации давали отчет о своей деятельности. Автор откровенно заявляет — начальство в лице стражника смотрело на «наши» начинания сквозь пальцы, лишь бы публика не разбежалась. В отношении «свобод» мы находились в несравненно лучших условиях, чем остальная царская Русь.

Таким образом, мемуаристы в основном ориентировались не на научные интересы, а на «первоначально-мемуарное» накопление материалов по истории сибирской ссылки. Поэтому многие проблемы истории ссылки или совсем выпали из поля зрения мемуаристов или были обозначены пунктиром. Тем не менее, мемуарные источники являются бесценными материалами по истории Сибирской ссылки.

Е.А. СЕНИНА

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ СИБИРСКОЙ ПЕЧАТЬЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ «ИНОРОДЦАХ» В АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ САМОДЕРЖАВИЯ 2-Й ПОЛОВИНА XIX–НАЧАЛА XX ВВ.

Представления об «инородцах» в аграрной политике российского самодержавия во второй половине XIX–начале XX вв. получили глубокое содержательное значение вследствие широкого освещения этого направления имперской стратегии на страницах сибирской печати, поскольку последняя поземельный вопрос рассматривала как краеугольный, «от правильного решения которого зависит благосостояние всего края» и правильное решение других проблем (Иркутск, 11 октября // Восточное обозрение. 1895. № 120. С. 1). Одна часть представлений о коренном населении конструировалась сибирской печатью в связи с освещением предлагаемых ею путей решения аграрного вопроса, другая часть моделировалась в ходе непосредственного отражения землеустроительной политики, проводившейся в среде «инородцев». В данной статье речь пойдет о тех содержательных компонентах образа «ино-

родцев», которые формировались сибирскими изданиями при актуализации их позиции по данной проблеме.

В конструировании сибирской печатью представлений о коренных народах в аграрной политике государства можно условно выделить три периода.

В 70–80-е гг. XIX в., когда аграрное законодательство в отношении «инородцев» находилось в области проектов и разрабатывалось кабинетным путем, местная пресса не имела возможности высказывать относительно него свое мнение и, соответственно, формировать в общественном сознании те или иные представления о коренном населении.

Обсуждение ею данного вопроса началось в середине 90-х гг. XIX в. и было связано с завершением подготовки законопроекта о поземельном устройстве крестьян и «инородцев» четырех сибирских губерний и утверждением его в качестве закона. При оценке первых поземельно-устроительных законов сибирская печать моделировала на своих страницах образ кочевых «инородцев» как населения, абсолютно не подготовленного к проведению землеустройства, переход которого к оседлости и земледелию является необходимым, но возможным лишь в ходе естественного, эволюционного развития хозяйства, а не искусственных мероприятий. Указывая на преждевременность землеустройства «инородцев», местная пресса подчеркивала, что коренная ломка традиционного уклада кочевников, связанная с переводом их на крестьянскую земельную норму, приведет к сокращению скотоводческого хозяйства и разорит население.

Необходимо отметить, что сибирская печать в этот период не предполагала зависимости землеустройства в том виде, в каком она рассматривалась правительством в качестве основы предстоящей аграрной реформы в Сибири, поэтому в вольном переселенце она видела положительный фактор для постепенной интенсификации «инородческого» хозяйства. В 1899 г. «Восточное обозрение» выражало уверенность, что переселенцы при разумно направленном заселении разовьют кустарные ремесла среди «инородцев» и тем самым облегчат переход их к земледелию. (Иркутск, 10 января // Восточное обозрение. 1899. № 7. С. 1).

В начале XX в., когда землеустроительная политика в Сибири вылилась в четкие формы и приобрела ярко выраженную направленность, представления об «инородцах», формируемые местной печатью, также приобрели новый оттенок. Во-первых, появление на страницах сибирских изданий образа землеустройства «инородцев», экономически и политически не выгодного для интересов государства имело целью побудить правительство изменить свое отношение к рассматриваемому вопросу. Учитывая стремление государственной власти разрешить аграрный кризис в Европейской России и осуществить переселение в Сибирь за счет перевода кочевников на крестьянский душевой надел, местная пресса доказывала, что создать колонизационный земельный фонд путем изъятия «инородческих» излишков не удастся. Она объясняла это тем, что, во-пер-

вых, коренное население занимает по большей части непригодные для хлебопашества земли, а во-вторых, эти пустопорожные участки вкраплены в земельные дачи «инородцев». Разбросанность угодий, вызванная естественными условиями края, не позволяет сформировать более или менее значительные отрубы для переселенцев, не затрагивая интересы «инородческого» населения Сибири. В частности, на страницах местной печати ряд статей был посвящен бурятскому многоземелью, авторы которых на примерах отдельных «инородческих» ведомств путем конкретных расчетов доказывали незначительность удобных для земледелия излишков, находящихся в бурятском землепользовании, которые не смогут удовлетворить нужды многомиллионного крестьянства европейской части России (К вопросу о бурятском многоземелье. Нельхай // Сибирь. 1907. № 305. С. 2; 1907. № 307. С. 2; 1907. № 340. С. 2; Н.К. Бильчир (К вопросу о бурятском многоземелье) // Сибирь. 1908. № 170. С. 2–3; К. К вопросу о бурятском многоземелье. Унга // Сибирь. 1908. № 176. С. 1–2; 1908. № 178. С. 2; Богданов М. К вопросу о бурятском многоземелье // Сибирские вопросы. 1908. № 39–40. С. 35–46). В этой связи она подвергала критической оценке смелые рассуждения защитников переселенческой политики относительно большой колонизационной емкости края.

Относительно намерения государственной власти путем землеустройства превратить скотовода-номада в оседлого земледельца сибирская печать отмечала: искусственно созданное утеснение не приведет к желаемой интенсификации «инородческого» хозяйства уже только потому, что новые формы быта не являются результатом «вывозки навоза на пашню, покупки томской лошади или холмогорской коровы; нужен упорный труд по изменению всего уклада жизни» (К. К вопросу о бурятском многоземелье. Унга I // Сибирь. 1907. № 176. С. 2). Отчуждение значительного количества земель у «инородцев» создаст в среде коренного населения так называемое «относительное» малоземелье, подорвет не только его материальное благосостояние, но и, соответственно, платежеспособность, что невыгодно с точки зрения интересов фиска.

Во-вторых, в условиях активной переселенческо-землеустроительной политики государства сибирская печать по-иному стала рассматривать отношения по линии «переселенец — инородец». Образ переселенца, способного улучшить хозяйственную жизнь «инородца», начал вытесняться в начале XX в. новым образом — русского мигранта, невольно угрожающего коренным образом подорвать основы хозяйствования аборигенного населения. В этот период сибирская печать подчеркивала, что вначале необходимо провести мероприятия по улучшению форм хозяйствования у «инородцев», а затем уже отрезать у них излишки под переселенческие участки. Данные высказывания местной прессы, существенно отличавшиеся от ее суждений в предшествующий период, являлись результатом желания оградить интересы старожильческого населения в условиях активной переселенческо-землеустроительной политики государства

В-третьих, сибирской печатью в начале XX в. были внесены существенные коррективы в моделируемый ею образ коренных народов, в частности кочевников-номадов. В этот период местная пресса поставила вопрос о целесообразности в некоторых случаях стремления приобщить «инородцев» к земледельческой культуре. В 1908 г. на страницах «Сибирских вопросов» вышла статья Д. Клеменца «Заметки о кочевом быте», автор которой признавал ошибочным взгляд ученых-теоретиков на кочевой быт как на несовершенную форму, которую необходимо поскорее преобразовать в оседло-земледельческую. Отмечая случай перехода части кизыльских татар от земледелия к скотоводству при вытеснении их в сухие минусинские степи, Д. Клеменц доказывал, что разведение скота обусловлено тем, что при определенных естественных условиях оно является единственной экономически выгодной формой хозяйства. До последнего времени кочевой быт не подвергался культурному влиянию, между тем он имеет все данные для своего совершенствования (искусственное орошение, уваживание лугов). В связи с этим публицист указывал, что необходимо стремиться не к уничтожению скотоводства, а к улучшению рациональных способов ведения этой отрасли хозяйства. «Из бурята-скотовода выйдет гораздо лучший маслодел, нежели земледелец», — писал Д. Клеменц, приводя в пример забайкальское кочевое хозяйство (Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49–50. С. 7). Моделирование сибирской печатью в начале XX в. образа кочевых «инородцев», нуждающихся в большинстве случаев в интенсификации существующих форм хозяйствования, а отнюдь не в переходе к оседло-земледельческому образу жизни, свидетельствовало о новом понимании ее представителями прогресса и культурного развития. Задачу осуществления мероприятий по интенсификации «инородческого» хозяйства сибирская печать после того, как в 1905 г. появилась надежда на введение в крае земства, возлагала на будущее местное самоуправление.

Сибирская пресса подчеркивала, что хозяйственно-экономическое разнообразие районов Сибири, вызванное ее естественными условиями, способствующими в одном случае развитию скотоводства, в другом земледелия, а в третьем смешанного типа ведения хозяйства, уже свидетельствует о том, что к «инородцам» нельзя применять одинаковые нормы землепользования, и тем более приравнивать их к нормам крестьянского надела.

Определение же действительно необходимой нормы для «инородцев», ведущих кочевой образ жизни, сибирская печать считала в отдельных случаях невозможным в силу существования совместного пользования землей между улусами. «Как исчислить, сколько нужно каждой семье, хотону, — писал Д. Клеменц, — когда земля принадлежит всему ведомству и между соседними деревнями и инородцами существует взаимное пользование зимними и летними пашнями, а также пользование пустопорожними землями ...» (Клеменц Д. Указ.соч. С. 50). На не-

возможность отвода подушевого или пообщинного надела без вреда для кочевников сибирская печать указывала как на лишнее доказательство преждевременности их землеустройства. Однако, учитывая сложившиеся условия, она выступала лишь за обмежевание внешних границ при оставлении за кочевыми «инородцами» всех земель, находящихся в их фактическом пользовании.

Вышеуказанные представления об «инородцах» в аграрной политике самодержавия второй половины XIX–начала XX вв. сознательно конструировались сибирской печатью в общественном сознании с целью благоприятного решения вопроса.

С.Л. КУРАС

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПЕРЕПИСКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ССЫЛКИ В СИБИРЬ

На протяжении всего XX столетия и по сегодняшний день интерес российских и зарубежных исследователей к изучению различных аспектов ссылки в Сибирь продолжает неуклонно расти. По справедливой оценке А.А. Иванова, уже во второй половине XIX в. учеными-правоведами был систематизирован огромный пласт источников (документы Министерства внутренних дел, циркуляры Главного тюремного управления), в том числе и массовых документов по различным проблемам ссылки.

В начале XIX в., с реформой государственного управления и делопроизводства, появлением новой системы управления — министерской, в основу деятельности всех министерств был положен принцип единоначалия. Директора, возглавлявшие департаменты, подчинялись непосредственно министру, начальники отделений — директорам департаментов, столоничальники — начальникам отделений. Такая иерархичность была характерна и для системы карательных органов и организации ссылки в Сибирь.

Издание 28 января 1811 г. «Общего учреждения министерств» — законодательного акта, определившего всю систему министерского устройства, включая их делопроизводство и структуру взаимоотношений другими имперскими учреждениями. В соответствии с этим актом увеличивалось число министерств. Кроме того, этим документом вводилось единообразие в систему делопроизводства министерств: от создания документов до их архивного хранения.

Особое внимание в работе ведомств уделялось порядку переписки министерств с другими учреждениями. Следует отметить, что само понятие делопроизводства обозначало деятельность, которой занималась не только и не столько канцелярия, сколько весь аппарат учреждения в целом.

Содержание «Общего учреждения министерств» свидетельствует о том, что его авторы достаточно четко различали два аспекта делопроизводительной деятельности: формы документов, по которым совершается

делопроизводство, и движение документов и дел, понимая вместе с тем, что в практической деятельности канцелярии они тесно взаимодействуют.

Так, Министерство внутренних дел сосредотачивало в своей деятельности вопросы внутреннего управления империей, а главное — формировало круг задач для нижестоящих ведомств, в том числе и для ведомств департамента полиции. В начале XX столетия с появлением в сибирских городах большого числа сосланных преступников, осужденных по политическим делам, за жизнедеятельностью которых необходим был строжайший надзор в местах причисления, от МВД требовалось увеличения штата сотрудников полиции, а также изменение организационной и правовой основы работы полиции.

Увеличение количества сосланных преступников приводило к появлению большого числа документов — многочисленных отчетов «с мест» на имя генерал-губернатора, которые полицейские исправники обязаны были составлять по мере прибытия в места причисления ссыльных.

Необходимо отметить, что вертикаль в подчинении Министерству внутренних дел прослеживалась по докладам генерал-губернаторов, которые, начиная с 1804 г., обязаны были предоставлять ежегодные отчеты, содержавшие целый ряд приложений о числе прибывших в регион сосланных преступников, и являются неоценимым источником при составлении статистики ссыльных в Сибирь. Такие отчеты собирались вплоть до революции 1917 г., сегодня они находятся в региональных архивохранилищах и представляют несомненный интерес для исследователей ссылки.

Анализ отчетов, составляемых губернаторами, показал, что к последней трети XIX столетия данный вид документации претерпел внешние изменения. По сравнению с аналогичными отчетами конца 50-х—начала 60-х гг. XIX в., они отличались по внешней форме, т.е. форма таблиц не была отпечатана, а чертилась вручную. В целом данные отчетов за первую половину столетия были не столь информативны, они содержали сведения не по всем видам ссылки: в документах не было граф, которые бы отражали численность добровольно пришедших за сосланными родителями детей, а ведь их численность в общей массе ссыльного элемента была значительной.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что отчеты губернаторов конца XIX столетия имеют более строгую внешнюю форму и обладают более значительными по сравнению с предыдущими отчетами, количественными данными о численности и составе сосланных в Сибирь.

Организация работы различных ведомств системы МВД по вопросам ссылки во всех центральных учреждениях была на особом контроле у государства, и деятельность всех подведомственных учреждений имела непосредственное влияние на организацию ссылки, начиная с подготовки к отправлению осужденных по этапу и заканчивая процессами их расселения на местах водворения в Сибирском регионе.

Общей «благой цели» по наиболее разумному распределению по сибирским губерниям неумолимо растущего числа ссыльных служила и деятельность Главного тюремного управления (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2425). Последнее направляла генерал-губернатором циркулярные распоряжения, например, по «распределению, регистрации и препровождению ссыльных» (Распоряжения по тюремному ведомству // Тюремный вестник. 1905. № 4. С. 244).

Таким образом, в обязанности губернских правлений входило составление распоряжений об отправлении арестантов по приговорам судебных мест в ссылку.

Деятельность исполнительной власти в сибирских губерниях представляла собой стройную бюрократическую машину. Во второй половине XIX столетия благодаря непрерывной деловой переписке губернских столоначальников был создан объемный корпус массовой документации, отражающей состав, численность, положение ссыльных. Материалы составляют десятки видов и разновидностей документов делопроизводства департамента полиции, местных органов управления.

В фонде № 600 Государственного архива Иркутской области имеются инструкции, циркулярные распоряжения департамента полиции, касающиеся политики сибирских губернских властей по отношению к ссыльным. Жандармское управление и Тюремное отделение состояли в постоянной переписке, отмечая сведения о каждом вновь прибывшем ссыльном. Таким образом, делопроизводственная переписка ведомств министерств, канцелярии губернатора, представляет собой интересный источник для изучения истории ссылки в Сибирь.

И. И. ПЕТУХОВ

ПОЛЕМИКА О СЕВЕРНОМ МОРСКОМ ПУТИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «СИБИРЬ»

70-е гг. XIX в. — период активизации исследований Северного Ледовитого океана и масштабных поисков нового торгового пути вокруг северной Евразии в Тихий океан. Для сибирского общества вопрос о полярных исследованиях в этом регионе был более актуален, чем для кого бы то ни было, и это не могло не отразиться на сибирской прессе. В частности, значительное внимание поискам Северного морского пути в конце 70-х—начале 80-х гг. XIX в. уделила газета «Сибирь».

Ряд публикаций газета посвятила чисто научным аспектам полярных экспедиций. На страницах издания регулярно публиковались материалы о Карских экспедициях Н.А.Э. Норденшельда, плаваниях И. Виггинса, Дж.В. Де-Лонга и других как иностранных, так и русских исследователей. Отчеты об экспедициях регулярно публиковались в

газете и в прибавлениях к ней. Уделялось внимание и истории русских исследований XVII–XVIII вв., проектам М. В. Ломоносова и т. д.

В то же время надо отметить, что А. М. Сибиряков, выступивший «спонсором» плаваний Норденшельда и сам впоследствии совершивший ряд полярных экспедиций, не ставил перед собой исключительно научные задачи. Он был убежден, что без освоения Северного морского пути сибирские крестьяне не смогут выйти на внешние рынки со своим дешевым зерном и, в свою очередь, получить необходимое количество изделий из металла. Таким образом, основной целью исследований было установление нового торгового пути, непосредственно соединяющего Сибирь с Западной Европой.

Такая постановка проблемы вызвала неоднозначную реакцию сибирской прессы. Газета «Сибирь» в течение ряда лет предоставляла свои страницы для высказывания различных точек зрения по данному вопросу. Ряд авторов, в частности, Н. В. Скорняков, солидаризировались с точкой зрения Сибирякова. Анализируя итоги плаваний Норденшельда и Виггинса, он делал вывод о проходимости северных морей и, соответственно, о реальности установления торгового пути. По его мнению, вслед за «пионерами» последуют и настоящие коммерческие корабли, которые доставят в Сибирь дешевые (в 3–4 раза дешевле местных цен) английские товары и повезут, в свою очередь, из Сибири ее сырье, а также спирт и другие товары, а возможно, и золото. В перспективе, говорил автор, морским путем в Сибирь можно будет доставлять и товары русских фабрик.

В своих статьях Скорняков делал упор на интересы сибирского крестьянства, подчеркивая, что от развития внешней торговли выиграет весь край, и, прежде всего «мужик-пахарь», так как при существующем порядке, при низких ценах на хлеб, его благосостояние сводится к нулю и в выигрыше оказываются лишь жители городов и деревенский «кулак-мироед». В то же время горожане не окажутся в проигрыше и при развитии северной торговли, так как повышение цен будет компенсировано ростом их доходов. Автор подчеркивал, что хлебная торговля с Европой должна вестись «из первых рук», то есть самими крестьянами, а не перекупщиками, иначе она не даст желаемого эффекта.

Отвечая критикам, Скорняков утверждал, что развитие Северного морского пути только поспособствует развитию внутренних сибирских торговых путей, в частности, стимулирует строительство канала между системами Енисея и Оби и освоение ангарского фарватера. В то же время он предупреждал, что есть опасность перехода сибирской торговли всецело в руки иностранцев, и уже сейчас сибирякам надо задуматься о том, как не допустить этого. Главными противниками европейской торговли автор считал местных сибирских «монополистов», особенно процветающих в низовьях Енисея, не заинтересованных ни в каком движении и ни в какой открытости. Таким образом, своим народническим оппонентам Скорняков отвечал на их же языке, апеллируя к интересам

крестьянства и фактически упрекая их в невольной защите «кулака» и «монополиста».

Однако уже с 1876 г. на страницах газеты все чаще стали раздаваться скептические голоса. В № 13 была опубликована статья «Какие пути нужнее для Сибири?», автор которой отмечал, что даже в Архангельской губернии, находящейся гораздо ближе к Европе и в гораздо более выгодных географических условиях, морская торговля с Западом не получила значительного развития. Для Карского моря характерен еще более короткий период навигации, кроме того, низовья сибирских рек пустынно и оторваны от населенных мест, наконец, традиционный путь с юга Западной Сибири в центральную Россию со строительством железной дороги станет еще удобнее, и морской путь просто не выдержит с ним конкуренции. Автор признает, что он может иметь серьезное значение для самого Севера, который таким образом будет снабжаться иностранными продуктами и вывозить свои товары, включая лес, но для всей Сибири эта роль не может быть значительной.

Наконец, автор ставит и другой вопрос: стала ли Сибирь богаче и счастливее от того, что из нее веками вывозилось сырье? Не станет ли она для иностранцев всего лишь объектом эксплуатации? Отсюда он делает вывод, что Сибири необходимо прежде всего развитие своей промышленности и, соответственно, внутренних, а не внешних рынков и путей сообщения, так как «усиление производства и потребления в крае должно предпочтаться вывозу, и особенно вывозу сырья» (Сибирь. 1876. № 13. С. 2). Именно эта точка зрения стала фактически официальной позицией редакции газеты.

Н.С. Гуляев («Омич») в своей корреспонденции, опубликованной в № 47 за 1876 г., отмечал, что по итогам экспедиции графа Вальдбург-Цейля в северную Сибирь можно сделать вывод о практической неосуществимости «северного канала», то есть пути из Европы в Карское море, тем более что и экспедиция Норденшельда не имела большого успеха. От себя корреспондент добавлял, что такой результат, как ни парадоксально, можно считать благоприятным для Сибири, так как этот путь послужил бы не только для торговли, но и для эксплуатации страны более развитыми в промышленном отношении иностранцами. Сейчас для Сибири, делал вывод Гуляев, более актуален поиск путей через Алтай, а в перспективе — на Восток, к Тихому океану.

Примерно с этой же точки зрения рассматривает интересующий нас вопрос и автор статьи «Мысли по поводу наших международных сношений» (№ 47 за 1877 г.). Полемизируя со Скорняковым, он, во-первых, выражает скепсис по поводу реальности крупномасштабной торговли через северные моря, а во-вторых, сомневается в том, что эта торговля может принести пользу сибирскому «мужичку-пахарю». Продавец, имеющий более ценный и привлекательный товар, неизбежно поставит «невежественного и небогатого покупателя» в невыгодное положение. Сибиряки и

сейчас не обогащаются, сбывая свое сырье по низким ценам; торговля с русскими, в свою очередь, разоряет инородцев. То же самое показывает пример таких британских колоний, как Ирландия и Индия, и наивно пытаться «выиграть барыши» у англичан, которые используют свободу торговли исключительно в своих интересах. По мнению автора, сибирские купцы и миреды, став агентами иностранного капитала, останутся в выигрыше, а проиграет население, которое они, получив английские деньги, смогут еще более эффективно закабалить.

Аналогичной точки зрения придерживались основные авторы «Сибири» — от В.И. Вагина до М.В. Загоскина. В ряде редакционных статей высказывалось мнение, что морская торговля с Западом, даже если она станет реальностью, может привести только к истощению богатств Сибири. При этом подчеркивалось, что уже сейчас посевные площади сокращаются, а избыток хлеба в ряде районов связан с отсутствием нормальных путей сообщения и сопровождается голодом в других местах. Меняя необходимый хлеб на ненужные предметы роскоши, Сибирь в любом случае проиграет.

С чисто областнической точки зрения к вопросу подошел Н.М. Ядринцев, опубликовавший в № 44 за 1879 г. статью «Проект обогащения Сибири, сочиненный капитаном Копейкиным». Здесь он разобрал отчеты капитана Никитина и коллежского регистратора Эллерца, опубликованные в брошюре «О торговых сношениях Сибири морским путем с иностранными портами». Никитин, опираясь в основном на мнение купечества различных западносибирских городов, предлагал разрешить беспогранный вывоз из Сибири различных продуктов: пшеницы, спирта, льна, шерсти, мяса, сала и т.п., запретив при этом ввоз большинства мануфактурных товаров, чая, выделанных кож (при этом делалось исключение для машин и инструментов). Главным аргументом при этом была защита отечественного мануфактурного производителя (из центральной России). Не забывал капитан и о выгодах сибирского населения, повторяя известные нам доводы о повышении цен на земледельческую продукцию и неминуемом расцвете сельского хозяйства Сибири.

Критикуя эту точку зрения, Н.М. Ядринцев задавал риторический вопрос: «И с чего это вообразилось людям, что коли есть вывоз продуктов из страны, — так это богатство; коли ввоз, — так это подрыв отечественной промышленности?» (Там же. 1879. № 44. С. 5). Он подчеркивал, что основные выгоды вывоз хлеба и спирта принесет кулакам, превратившимся в агентов иностранного капитала, и винокурам, а массу земледельческого населения, «сибирского простеца», напротив, может разорить окончательно. В то же время, спрашивал Н.М. Ядринцев, так ли уж плохо то, что Сибирь будет получать дешевые и качественные иностранные промышленные товары, а не низкосортные российские (поскольку своей промышленности она практически не имеет). Если же говорить об «отечественном производстве», то почему сибиряки должны предпочитать

один ввоз (из России) другому (из Европы)? Приводя пример английских колоний, он напоминает, что Канада и Австралия в конце концов пришли к протекционизму, но не по отношению к товарам метрополии, а исключительно по отношению к своим собственным произведениям. Таким образом, Н.М. Ядринцев использовал здесь свой излюбленный метод сопоставления Сибири с земледельческими колониями Великобритании, которое в очередной раз оказалось не в пользу Сибири.

Надо отметить, что вся полемика о необходимости и возможности для Сибири торговых сношений с Западом через Северный морской путь разворачивалась на фоне более важной и длительной полемики — о строительстве сибирской железной дороги. Скептически настроенные по отношению к будущему Транссибу сибирские областники, которые занимали лидирующие позиции в местной печати, в том числе и в газете «Сибирь», выступали такими же скептиками и в отношении морского пути. Аргументация была в обоих случаях сходной: для края необходимо развитие собственной промышленности и собственных внутренних путей сообщения. Только после этого он может «открыться миру», но только тогда, когда Сибирь сможет занять равное положение среди промышленно развитых стран и регионов. До тех пор связи Сибири как с западными странами, так и с «европейской» Россией неизбежно будут носить неравноправный характер.

Но если в вопросе о железной дороге речь шла только о ее пользе или вреде для региона, то здесь вопрос был еще и в реальной осуществимости проекта Северного морского пути. Неудача значительной части карских рейсов, гибель ряда экспедиций привели к тому, что «северная горячка» в 1880-е гг. постепенно сошла на нет. Научные экспедиции продолжались, но систематическое освоение пути началось только в советское время, в совершенно других политических и социально-экономических условиях.

Н.А. ТАБОЛЕНКО

ОСВЕЩЕНИЕ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1941–1945 гг.

Периодическая печать советской эпохи является ценным источником при изучении вопросов, связанных с образом жизни различных групп населения в период Великой Отечественной войны. Сельские жители в эти годы подверглись наибольшему лишению. За счет труда сельчан, колхозников, ценой огромных усилий удалось решить вопросы продовольственного снабжения, что позволило довести войну до победного конца. В связи с этим вызывают большой интерес проблемы выживания людей в условиях, которые можно считать близкими к экстремальным.

Материалы местной, районной прессы несут значительный объем информации о положении дел в сельской местности в военный период.

Газеты не только информировали читателей о ситуации на фронте и в тылу, но и давали сведения о событиях, происходивших непосредственно на данной территории, на глазах у местных жителей. На страницах газет освещались, естественно, после жесткой цензуры, наиболее острые проблемы, которые невозможно было скрыть. Само упоминание этих проблем свидетельствовало об определенной позиции, которую по отношению к ним занимали органы власти (так как вся пресса Советского Союза находилась под строгим контролем со стороны партийно-государственного аппарата).

Далеко не все периодические издания, выходившие в Иркутской области в 1941–1945 гг., сохранились в фондах библиотек и архивов. Так, в научной библиотеке Иркутского государственного университета за 1942 г. таких изданий оказалось только 6, в то время как за 1944 и 1945 гг. в фонде той же библиотеки имеется 46 наименований областных, районных и ведомственных газет. Причины такого разрыва в комплектовании фондов пока не понятны.

Районные газеты, выходившие в Иркутской области в 1941–1945 гг., как правило, имели небольшой тираж (несколько тысяч экземпляров), выпускались чаще всего только раз в неделю, на 4 полосах. Свои издания имелись во всех, даже самых отдаленных северных районах области, в том числе Тофаларском, Катангском, Бодайбинском. В условиях военного времени выпуск газет сопровождался значительными трудностями; тем не менее, партийно-государственные органы уделяли местной печати самое пристальное внимание. Периодическая печать не только являлась важнейшим инструментом влияния на общественное сознание, но и помогала мобилизовать ресурсы; с помощью печати осуществлялся контроль над деятельностью местных партийных и комсомольских организаций, руководителей МТС, колхозов и сельских советов.

В качестве примера можно использовать материалы любого местного периодического издания, выходившего в Иркутской области в 1941–1945 гг. Так, например, в селе Олонки, районном центре ныне не существующего Кировского района (чья территория впоследствии вошла в состав Боханского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа) выпускалась газета «Кировская Правда». Эта газета представляла собой орган Кировского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся, печаталась 1 раз в неделю на 4 полосах. На ее страницах регулярно освещался ряд проблем, непосредственно связанных с условиями жизни населения.

Одной из таких проблем была проблема политико-массовой работы с населением, включавшая в себя вопросы функционирования изб-читален, агитационной работы среди комсомольцев и молодежи, в трудовых коллективах района. В условиях, когда сельское население находилось на грани выживания, и в то же время несло на своих плечах основную тяжесть продовольственных поставок и налогового бремени, государству нужны были эффективные, действенные методы пропаганды и контроля.

Неудачи и затруднения в работе предприятий района, срывы поставок, происходившие в силу объективных причин, на страницах газеты напрямую связывались с недостатками в работе агитаторов: «только отсутствием повседневной политико-массовой работы среди колхозников можно объяснить тот позорный факт, когда в первой бригаде колхоза «Красный переменник» трудовая дисциплина среди колхозников на низком уровне» (Кировская Правда. 1944. 20 авг.). Пути решения проблемы авторы материалов видят в ужесточении контроля над работой агитаторов, наказании ответственных лиц. О том, что колхозники, в основном женщины, старики и дети, порой физически не смогли справиться с намеченным объемом работ, несмотря на успехи в деле пропаганды, в газете не говорится. В то же время все достижения объясняются именно ведением успешной пропаганды в конкретных трудовых коллективах.

Агитационно-массовая работа, по всей видимости, требовала значительных усилий со стороны агитаторов и отнимала дополнительное время у колхозников. В самые напряженные моменты уборки урожая газета призывает организовать агитационно-массовую работу прямо на местах, в поле, для того, чтобы поднять производительность труда и ликвидировать отставание. Некоторые руководители и ответственные лица при этом уклонялись от участия в пропагандистской деятельности. На местах часто не работали избы-читальни.

О положении сельского населения красноречиво свидетельствуют публикуемые в газете сводки из органов прокуратуры и районного отдела НКВД, в которых сообщается о фактах хищений хлеба и дезертирства с работ, на которые привлекались колхозники. В большинстве случаев в роли обвиняемых фигурируют женщины, представлявшие собой основную рабочую силу в условиях, когда дееспособное мужское население было мобилизовано на фронт. Так, в период посевной кампании весны 1944 г. газета сообщает о случаях хищения зерна из посевного фонда, виновные в этом были осуждены и наказаны. Речь идет о хищении всего лишь нескольких килограммов зерна, однако и этого оказалось достаточно для сурового приговора. В одной из публикаций рассказывается о том, как две жительницы села Олонки в сентябре 1943 г. были мобилизованы на работы в Черемховский угольный бассейн. Не выдержав условий труда, они дезертировали и в январе 1944 г. вернулись в Олонки, где, не имея никаких документов, устроились на работу в местный райздравотдел, благодаря содействию заведующей. Тем не менее, спустя месяц обе женщины были арестованы и осуждены военным трибуналом на 5 лет лишения свободы (Кировская Правда. 1944. 17 июля). Эти факты свидетельствуют о том, что колхозники, для того чтобы выжить, были вынуждены идти на нарушение закона, а государство в свою очередь крайне жестко пресекало подобные действия.

Далеко не все руководители и рядовые колхозники прилагали максимум усилий для выполнения плана работ. Авторы публикаций возмущались тем, что в разгар уборочной кампании «колхозники на работу выходят в 8–

9 утра, обеденный перерыв длится 3–4 часа и с работы уходят колхозники в 6–7 часов» (Кировская Правда. 1944. 20 авг.). В то же время некоторые руководители хозяйств не только не принимали никаких мер к улучшению ситуации, но и распоряжались рабочим временем в своих личных целях, выезжали за пределы колхозов. Более того, отдельные председатели колхозов использовали труд колхозников в своем личном подсобном хозяйстве: «вместо организации колхозников на уборку, Хомколов, лично для уборки своего картофеля, организует ежедневно по 10–12 чел. и на протяжении нескольких дней сам лично занят больше своим хозяйством, часто живет у своей жены в деревне Качиг и не следит за уборкой в колхозе» (Кировская Правда. 1944. 1 окт.). Отсюда возникает закономерный вопрос о разнице в уровне жизни рядового крестьянина и председателя колхоза и объеме полномочий последнего. Следует отметить, что упомянутый выше Хомколов был снят с должности и привлечен к уголовной ответственности.

Также на страницах «Кировской Правды» освещались вопросы поддержки школьников и семей военнослужащих. Для школьников и детей фронтовиков организовывались ежедневные обеды, средства на которые выделяли колхозы, организации и сами трудящиеся. Однако далеко не во всех школах удавалось наладить нормальное питание учащихся. Там же, где с этим дело обстояло хорошо, газета отмечала не только повышение уровня успеваемости и посещаемости занятий, но и активную помощь детей в работе колхоза. Семьи военнослужащих, помимо того, были ориентированы на развитие индивидуального подсобного хозяйства. Руководители организаций при этом должны были оказывать содействие в посадке картофеля и овощей, однако не всегда делали это на практике. Газета прямо признает, что «урожай с индивидуальных огородов явился большим подспорьем для улучшения питания не только своей семьи, но и много продуктов, полученных от огородов, реализованы на рынке, а, следовательно, и увеличено питание других слоев населения» (Кировская Правда. 1944. 15 марта).

Периодическая печать Иркутской области содержит значительную долю информации подобного рода. Перед исследователями стоит вопрос анализа всего огромного массива публикаций и выявления специфики и перспектив использования такого вида источника при изучении проблем образа жизни населения в период Великой Отечественной войны. Необходимо привлечь все доступные источники для того, чтобы понять, как люди жили и выживали в один из самых суровых периодов истории нашей страны.

А.В. ФИЛАТОВ

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ КАТОРГОЙ (1822–1917 гг.)

Важное значение для изучения вопросов управления каторгой рассматриваемого периода имеют нормативные акты самодержавия, опу-

ликованные в первом, втором и третьем «*Полном собрании законов Российской империи*», в *Сводах законов империи*, ряде специальных изданий. Именно в законодательных актах формулировались основные направления карательной политики самодержавия. Автором было выявлено несколько десятков указов, положений уставов и иных нормативных актов самодержавия, представляющихся важными источниками для понимания принципов и основ политики империи в отношении организации каторги и ссылки. В *Полном Собрании Законов* и ряде специальных изданий содержится значительное количество нормативных актов, отражающих вопросы разработки и эволюции правительственных взглядов на проблемы сибирской каторги и ссылки. Как правило, это законы, регламентирующие организацию управления каторгой, правового и материального положения осужденных, деления их на разряды, организацию каторжных работ, охраны и др. Изучение содержательной стороны выявленных нормативных актов свидетельствует о том, что именно этим вопросам власти уделяли больше всего внимания. Свое концентрированное выражение карательная политика самодержавия в Сибири нашла в комплексе законов 1822 г, известных под названием «*сибирских реформ*» 1822 г. В итоговый пакет документов в окончательном виде включающий в себя 10 законопроектов, органически вписались и два принципиально важных для нашей темы закона — Уставы о ссыльных и об этапах. Уставы 1822 г. о ссыльных и об этапах явились первыми кодексами сибирской ссылки, они не только объединили все действующие законодательные акты по вопросам сибирской ссылки, но и выделили в особый институт полицейского права законодательство о ссылке в Сибирь, детально регламентировали деятельность местной администрации по этому вопросу. Устав о ссыльных, явившийся первым опытом кодификации российской ссылки, имел громоздкую систему. Он состоял из 33 глав, 435 параграфов. Несмотря на это, Устав учреждал достаточно стройную систему управления ссыльными. Не случайно, он был положен в основу всех последующих законов о ссыльных. В Уставе впервые была предпринята попытка только судебного порядка применения ссылки как вида наказания. Ссылка четко определялась в двух видах: «*На каторгу*» и «*На поселение*». И то, и другое определялось исключительно «*приговором суда*». В *Тобольске* учреждался приказ о ссыльных, состоящий из управляющего, двух заседателей и канцелярии, а в каждой губернии создавалась экспедиция о ссыльных. В обязанности приказа входили прием и распределение ссыльных «*во всех местах находящихся*» до их окончательного водворения. Таким образом, прием ссыльных начинался в *Тобольском приказе*, а заканчивался в *Иркутской экспедиции*. Устав определил соотношение между каторгой и поселением, при этом на устройство поселенцев авторы Устава обратили особое внимание.

Ссылаемые на поселение разделялись на 6 категорий: временные заводские рабочие, работавшие вместе с каторжными, но не более

1 года; дорожные рабочие, направляемые преимущественно на устройстве путей сообщения; ремесленники; слуги; поселенцы — причисляемые к селениям старожилов или водворяемые в новых селах; неспособные. В свою очередь, ссылаемые на поселение разделялись на шесть категорий: 1) временные заводские рабочие, работавшие вместе с каторжными, но не более 1 года; 2) дорожные рабочие, направляемые преимущественно на устройство путей сообщения; 3) ремесленники; 4) слуги; 5) поселенцы — причисляемые к деревням старожилов или водворяемые в новых поселениях, и 6) неспособные.

С особой тщательностью нормы Устава регламентировали деятельность губернской администрации по отправке, приему, распределению и содержанию ссыльных. По прибытии в губернию, ссыльные поступали в ведение местной экспедиции о ссыльных, которая и распределяла их на работы «по разным хозяйственным заведениям». Для осуществления над ними надзора по устройению главного управления, т.е. генерал-губернатора, назначалось «потребное число городских казаков». При этом в законе подчеркивалось, что надзор за ссыльными, в том числе и ссыльно-каторжными, «зависит от местного управления каждым заведением».

Впервые были введены нормы имущественного и семейного характера для ссыльных, оговаривалось снабжение ссыльных как продовольствием, так и одеждой. Предполагалась либо выдача кормовых денег, либо продуктов — «по усмотрению генерал-губернатора». Обеспечение одеждой проводилось по «прилагаемому положению». Летняя форма одежды состояла из двух рубах, двух портов, двух легких онучей и холстяного мешка (замена происходила через шесть месяцев), зипуна, армяка или другой длинной одежды и летней шапки (выдавались один раз в год). Каждые три месяца ссыльным выдавалась пара сапог или чирков. В период с сентября по март к этому добавлялись шаровары крестьянского сукна без подклада, шуба овчинная, пара теплых рукавиц и зимняя шапка (выдавалась раз в год).

Таким образом, Устав четко закреплял двойственную природу наказания: каторга и ссылка. Двойственность природы наказания обусловило появление и развитие двух систем управления осужденными: управление поселением и управление каторгой.

Представление об эволюции имперского законодательства в отношении каторги дают последующие редакции Устава о ссыльных. Среди них особо следует выделить редакцию 1909 г., являвшуюся своего рода итогом нормотворческих попыток правительства по регламентации сибирской каторги и ссылки. Не считая приложения, документ состоит из 6 глав, разделенных на 280 параграфов. Данная редакция Устава содержит не только традиционные статьи о следовании партии осужденных в Сибирь, о предупреждении побегов, кормовом «довольствии» и снабжении ссыльных одеждой, устройстве и содержании этапных тюрем и т.п., но и специальную главу 3 «Об отбывании ссылки в каторжных работах»

(параграфы 83–125). В данном разделе новой редакции Устава, в отличие от редакции 1822 г., подробно прописаны положения о разделении каторжников на разряды испытуемых, исправляющихся и т.д., определены их права и обязанности, статьи 105–122 регламентируют вопросы привлечения каторжников к работам.

Непосредственным дополнением этой группы нормативных источников являются циркуляры Главного тюремного управления, опубликованные в специальных изданиях. Они не только разъясняют нормативные акты центрального правительства, но и несут весьма полезную дополнительную информацию о правилах этапирования, организации каторжного быта, составе и деятельности караульных команд, состоянии тюремных зданий, тюремной статистике и т.д.

Таковы основные нормативные материалы, используемые при написании диссертации. Обращаясь к ним, автор мел в виду не эпизодическое, а систематическое использование всей иерархии законодательных материалов по управлению каторгой, которые, к сожалению, недостаточно использовались предшествующими исследователями вопроса.

Делопроизводственные источники изучения проблемы можно подразделить на документы высших и центральных правительственных учреждений, сибирской губернской и уездной (окружной) администрации, и исходящие от отдельных лиц. Делопроизводственные источники правительственных учреждений и исходящие от официальных лиц имеют особенный интерес. Абсолютное большинство их не предполагалось для публикации. Среди этих источников необходимо отметить записку в адрес «верховного правительства» А.С. Лавинского «О разных неудобствах, встречаемых тайным советником Лавинским по управлению Восточной Сибирью» от 2 сентября 1833 г., проект С.Б. Броневского об административно-территориальном переустройстве региона, предложения о коренной реорганизации системы сибирского управления генерал-майора И.А. Мусина-Пушкина («О состоянии Сибири за 1835 г.»), который в 1835 г. был направлен в край в качестве ревизора от военного ведомства, а также в записке 1840 г. «О настоящем местном управлении Сибири», автором которой являлся начальник Сибирского жандармского округа Н.Я. Фалькенберг. Названные делопроизводственные источники традиционно использовались исследователями, занимающимися изучением вопросов административно-территориального устройства Зауральского края. Однако в них содержится немало сведений, касающихся вопросов организации каторги и ссылки в регионе. Подобное обстоятельство, на взгляд автора, объясняется тем фактом, что в обязанности высших должностных лиц края вменялось управление каторгой и ссылкой. Вот почему Лавинский и Броневский оставили весьма любопытные тревожные высказывания о возможных последствиях скопления большого числа ссыльных в крае, а Н.Н. Муравьев одной из первостепенных своих обязанностей считал реформирование каторжных заводов Забай-

кальской области и системы их охраны. Сведения о состоянии каторги и ссылки содержатся в материалах сибирских ревизий всех рангов — сенаторских, жандармских, государственных имуществ и др.

К указанным источникам по характеру происхождения примыкает и такой тип делопроизводственной документации, как отчеты руководителей и служащих Главного тюремного управления о свих инспекционных поездках в Сибирь, отчеты и обозрения губернаторов и генерал-губернаторов по управлению краем, т.е. лиц, в чьем ведении непосредственно находились вопросы отбывания каторги. Обращаясь к этому источнику, автор имел в виде не выборочное, а систематическое его использование, чему в немалой степени способствовала хорошая сохранность губернаторских отчетов за весь исследуемый период.

ИСТОРИОГРАФИЯ

---

*В.Н. ВОРОНЦОВ
Г.А. ОСТРОВСКИЙ*

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Складывание современной российской государственности обусловило необходимость осуществления системного реформирования всех сфер жизни, в том числе реформирования армии. Придать этому процессу комплексный характер возможно лишь при всестороннем учете накопленного опыта, дающего ключ к решению злободневных проблем современности. Потому целесообразно изучение истории военного строительства вообще, и советского государства в особенности, способствовавших обеспечению национальной безопасности государства, ибо современная российская армия унаследовала многие черты, советских Вооруженных Сил, цементирующей силой которых на протяжении всего их существования являлся офицерский корпус. В этом отношении огромную роль в деле укрепления обороноспособности страны, военно-патриотического воспитания и подготовки офицерских кадров для Вооруженных Сил сыграли военные школы и училища, создававшиеся во многих городах страны.

С первого дня своего существования перед военно-учебными заведениями стояли важнейшие государственные задачи: подготовка командиров для Красной Армии, специалистов для новых стремительно развивающихся родов Вооруженных Сил, содействие мероприятиям гражданской обороны как резерва армии, распространение военно-технических знаний, военно-патриотическое воспитание. Объективная оценка эффективности подготовки кадровых офицеров на примере одного из крупнейших военных вузов страны — Иркутского высшего военного авиационно-инженерного училища (военного института) поможет не только учесть региональный опыт военного строительства, но и позволит выявить особенности военного образования и подготовки офицеров для военно-воздушных сил страны.

Кроме того, на примере Иркутского военного училища, созданного в 1931 г., представляется возможным проследить эволюцию военного образования в СССР, начиная со школы младших авиационных механиков, среднего авиационно-технического училища, высшего авиационно-инженерного и, наконец, широкопрофильного военного авиационного вуза, готовящего специалистов как по программе среднего, так и по программе высшего обучения, имеющего адъюнктуру и готовящего собственные научные кадры.

Отечественная историография по истории военного образования располагает значительным массивом технической, научно-популярной, пропагандистской и учебно-методической литературы, связанных с деятельностью военно-учебных заведений. Некоторые аспекты этой деятельности находят отражение в научной литературе по военному строительству, истории армии и флота. В значительно меньшей степени отечественная историография располагает научной исторической литературой исследуемого периода.

На наш взгляд в истории исследуемой проблемы следует выделить два периода — советский и постсоветский, внутри которых необходимо определить основные этапы развития военного образования с учетом эволюции и динамики развития, как Военно-воздушных сил России, так и Иркутского военного авиационного училища.

Первый этап нами датируется со времени установления Советской власти на востоке страны и до рубежа 1920–1930-х гг. В эти годы происходит выработка военной концепции Советского государства, определяется стратегия и тактика РККА. На этом этапе происходит становление историографии военного строительства и военного образования, характерной особенностью, которой становится то, что первыми проблему обозначают руководители советского государства. Фактически первым историографом воздушного флота в Советской России становится В.И. Ленин, который неоднократно ставит вопрос о необходимости скорейшего построения Красного воздушного флота, овладении всеми необходимыми для этого знаниями, привлечении всех трудящихся к его строительству (Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т. 40. С. 248; и др.)

Интерес к истории становления отечественной системы подготовки авиаинженеров вызвало состоявшееся в июне 1929 г. Всесоюзное совещание по подготовке кадров для авиастроения, ставшее первым широким обсуждением проблем авиационного образования. Совещание проводилось в то время, когда была осознана необходимость реформирования существовавшей системы высшего авиатехнического образования, значительного увеличения выпусков специалистов. Эти задачи требовали осмысления накопленного опыта, подведения итогов, выработки перспектив развития. Такой подход отражен в ряде брошюр, подготовленных ко времени проведения совещания (ЛИИПС. Факультет воздушных сообщений. Л., 1929. 41 с.; ЛПИ им. М.И. Калинина. Кораблестроительный факультет. Авиационное отделение: сб. ст. Л., 1929. 32 с. и др.)

В этот же период на страницах иркутских газет начинается кампания, направленная на содействие в деле создания авиационной промышленности и подготовки кадров для ВВС, а также публикуются пропагандистские брошюры, авторы которых касаются военного образования (Рабичев Н.А. Военная пропаганда среди населения. М., 1922; Оборона страны и гражданская школа. М.; Л., 1929).

Второй этап — 1931–1938 г. — в целом не противоречит общепринятой периодизации истории советского общества, характеризующейся началом милитаризации экономики и переводом армии на техническую основу в связи со сложным международным положением, приходом фашизма к власти в Германии, напряженностью на восточных рубежах и попыткой СССР создать систему коллективной безопасности. В то же время предлагаемый этап имеет и свою специфику, обусловленную временем созданием по всей стране военно-технических школ для подготовки авиационных специалистов для молодого Военно-воздушного флота, что вполне соответствовало основным принципам ленинской доктрины о защите социалистического Отечества. Поэтому 1931 г. — это создание в Иркутске 4-й военной школы авиационных техников (ВШАТ) — нижняя граница и 1938 г. — время реорганизации школы и преобразования ее в училище — верхняя граница. Тогда же появляются массовые пропагандистские издания, которые в целом положительно оценивают отношение к оборонному Обществу, которое особое внимание уделяло развитию авиации (Семашко Н. Советы, крепите оборону страны. М., 1932; Иванов С. Осоавиахим — боевой резерв обороны. Новосибирск, 1933; Леонтьев Б. Осоавиахим — боевой резерв Красной Армии. М., 1933; Антонов С.Д. Работа первичных организаций Осоавиахим. М., 1934; Марковин Н. Осоавиахим — могучий резерв Красной Армии и Военно-Морского Флота. М., 1935; Глуховский С.О. Роль и задачи массовых оборонных организаций в укреплении обороны Советского Союза, Одесса, 1936; и др.). Ценность этих исследований очевидна уже потому, что в них содержится богатый фактический материал.

Третий этап датируется 1938–июнем 1941 г. Короткий по времени, но богатый событиями период, когда мир вступил во Вторую мировую войну, которая вплотную придвинулась к западным границам СССР. На этом этапе военное образование становится не только одним из приоритетных направлений деятельности Наркомата обороны РККА, но и попадает в поле зрения руководства партии и государства. В эти годы школа, уже став училищем, получила наименование Иркутского военного авиационно-технического училища (ИВАТУ). Происходит организационно-штатное изменение военно-учебного заведения.

Важным этапом для бурного развития военного образования и в частности авиационного стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. На этом этапе военно-учебные заведения авиационного профиля буквально ковали кадры для ВВС страны. В этом отношении ИВАТУ не являлось исключением. Со страниц газет не сходили образы героических «сталинских соколов». Собственно эти публикации — это явление времени, которые способствовали развитию такого жанра как персоналии как результат военного образования.

Пятый этап — это послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.), которое занимает особое место в деле военного образования и подготовки

кадров профессиональных летчиков и инженеров по эксплуатации летательных аппаратов, что было обусловлено принципиальным изменением военной доктрины, в которой важнейшую роль играла авиация. Этот этап также не расходится с общепринятой периодизацией советского общества, которая датирует завершение большого этапа в жизни общества — серединой 50-х гг. XX в.

Большой вклад в изучение истории авиации и авиатехнического образования внес ученик профессора Н.Е. Жуковского академик Б.Н. Юрьев, председатель в 1944–1950 гг. Комиссии по истории техники АН СССР. В 1954 г. в МАИ под научным руководством Б.Н. Юрьева была защищена диссертация Г.М. Пратусевича, являющаяся на сегодняшний день единственной научной работой, рассматривающей не отдельные фрагменты истории авиатехнических вузов, а содержащей анализ, направленный на выделение общих черт и тенденций в их эволюции.

Шестой этап — со второй половины 1950-х до начала 1990-х гг. — является наиболее плодотворным в освещении деятельности Министерства обороны СССР, истории военного образования. Это обусловлено объективными обстоятельствами: мощным развитием производительных сил страны, переходом народного хозяйства на более высокой технической уровень, повышением боевой мощи армии и флота, оснащением их современными вооружениями и техническими средствами. В материалах XX–XXVI съездов КПСС постоянно поднимался вопрос об укреплении обороноспособности страны и военном строительстве, которые не мыслимы без военного образования. Все это способствовало научному осмыслению проблемы и появлению работ по истории авиации, военному образованию и непосредственно по истории Иркутского военного авиационно-технического училища. В этот период советская историография располагала литературой разных жанров. Среди них — научная литература (Петров Ю.П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918–1968). М., 1968; Чечнева М.П. Небо остается нашим. М., 1970. Кравцова Н.Ф. От заката до рассвета. М., 1968.), биографические очерки (Утехин С. Виктор Талалихин. 2-е изд. М., 1965.), методические рекомендации (Всесоюзное Добровольное общество содействия армии. Материалы о работе ДОСАРМ: сб. ст. М., 1951. Вып. 1. Всесоюзное добровольное общество содействия Армии, Авиации и Флоту. Учебно-методическое пособие по обучению населения противовоздушной, противоатомной, противохимической, противобактериологической, защите в кружках первичных организаций ДОСААФ. В помощь общественному инструктору ПВО. Петрозаводск, 1957. Гаранов В.С. Содействие комитетов ДОСААФ штабам гражданской обороны. Первичная организация основа общества. М., 1975; и др.), учебная и справочная литература (Защита населения от современных средств поражения: учеб. пособие для организаций ДОСААФ / под общ. ред. И.С. Варенникова и Л.В. Виноградова. М., 1963; Брысин П.М. Урок начальной военной подготовки. М., 1977; и др.), публикации пропа-

гандистского характера (Багмет М.А. «Традиции живут и крепнут» М., 1985. Байтасов Б.Б. Воспитываем пламенных патриотов». М., 1984. Байтасов Б.Б. Залог успеха. М., 1980; Бухаров С. П., Гольберт А.М. На общественных началах: Из опыта работы московской городской организации ДОСААФ. М., 1978; В небесах, под водой и на суше: Сборник. М., 1978; В тылу как на фронте. Сборник очерков. М., 1971; и др.), персоналии (Гареев М.Г. Ветераны остаются в строю. Литературная запись. Ю. Даля. М., 1980; и др.) и, наконец, альбомы, плакаты, наглядные пособия (Горбунов И.П., Лундрес Я.Б. Действия группы самозащиты МПВО. Альбом наглядных пособий. М., 1958; и др.). Особенно следует выделить монографические исследования по истории ИВАТУ, которые охватывают многие аспекты, становления, развития, подготовки военных кадров для ВВС страны (Искин Д.Ю., Серебренников Ю.Н., Семенов В.Ф.: Иркутское военное авиационно-техническое училище. Иркутск, 1968; Тринько А.П. Воспитанники училища — верные сыны нашей Родины. Иркутск, ИВАТУ, 1970; Не прерывать традиций нить: Краткий исторический очерк ИВВАИУ // под ред. Б.И. Рожкова. Иркутск: ИВВАИУ, 1991. 301 с.). Указанные публикации внесли существенный вклад в историографию рассматриваемой проблемы.

В то же время наличие именно этих жанров в историографии рассматриваемой проблемы обусловлено объективными обстоятельствами и, прежде всего, характером военного образования, призванного обеспечивать военно-патриотическое воспитание граждан и готовить квалифицированные кадры для Вооруженных Сил вообще и для ВВС в частности.

Со второй половины 1960-х г. активизировалась научно-исследовательская работа по изучению проблем подготовки военных кадров для защиты Отечества. Появились исследования, специально рассматривающие деятельность военных институтов в стране на основе обширного фактического материала, включая архивные документы, впервые введенные в научный оборот (Жмурко В.Ю. Боевой помощник партии. Хабаровск, 1967; Боевой отряд советских патриотов. Киев, 1971; Кузнецов Н.Д. Укрепление обороны страны и ДОСААФ. М., 1972; Васильев И.С. Обороне Родины соответствует. М., 1975; Васютин Ю.А. Забота партии о подготовке трудящихся к защите Родины. М., 1976).

К сожалению, отечественная историография на данном этапе не располагает ни одним крупным монографическим сочинением как на российском, так и на региональном уровне, где бы на серьезной теоретической базе была поставлена проблема становления и развития военного образования, его взаимодействия с партийными и комсомольскими организациями, военкоматами и воинскими подразделениями, развития материально-технической базы, кадровых политики.

В постсоветский период на политической карте мира возникло новое Российское государство, имеющее иную идеологию. Начинает складываться новая современная отечественная историография. Это существенно повлияло и на публикации, касающиеся системы подготовки военных

специалистов через систему военных вузов. Резко снизилось число публикаций по теме, что обусловлено объективными факторами: отсутствием тотального характера развития подготовки и обучения кадров для ВВС страны, недостаточным финансированием агитационно-публикаторской работы и отсутствием устойчивой идеологии обороны Отечества. Поэтому не случайно основным упор в публикаторской деятельности сделан на персоналии (Отчизны верные сыны. Очерки о руководителях, активистах и воспитанниках ОСОАВИАХИМа-ДОСААФ-РОСТО (ДОСААФ). М., 2004), ибо именно через личность делается попытка восстановить былое влияние Министерства обороны на молодежь. В то же время в исследованиях по истории военного строительства появляются отдельные сюжеты, посвященные деятельности военных учебных заведений в довоенный период.

На региональном уровне исследование проблемы пока не получило дальнейшего развития.

Таким образом, отечественная историография, несмотря на многожанровость существующей литературы, пока не располагает стройным, обобщающим исследованием по истории военного образования ни на российском, ни на региональном уровнях.

И еще об одном принципиальном и важном моменте. Не умаляя значения сделанного по изучаемому периоду и аспектам проблемы за последние десятилетия, следует вместе с тем признать, что атмосфера догматизма, «единомыслия» и конъюктурщины отрицательно сказалась на отдельных исторических исследованиях и публикациях. В то же время существует опасность скатывания к историческому нигилизму. Здесь важен тщательный анализ присущих недавнему периоду условий и обстоятельств с учетом объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Именно поэтому сегодня так остро встает вопрос об изучении опыта накопленного за всю историю существования военного училища.

Практически всю историю человечества сопровождают войны. Их подготовка и ведение требует хорошо подготовленных и обученных кадровых офицеров, для чего необходимо экономическое обеспечение, которое с развитием экономики и военного дела требует все более масштабных затрат. В экономике возникают и развиваются предприятия, а затем и целые отрасли, занятые производством вооружений, а в вооруженных силах формируется военное хозяйство, обеспечивающее конечное военное потребление, которое постепенно становится все более сложным и требует научной организации.

Важнейшей задачей любого государства является защита своего суверенитета, государственного строя, границ, граждан и их имущества как от внутренних потрясений, так и от вмешательства внешних сил. Особенно остро это сказывалось в переломные периоды истории государства. В моменты таких судьбоносных событий невозможно переоценить значение хорошо обученной армии, имеющей мощную и отлаженную систему

подготовки офицерского состава как в техническом, так и в военно-патриотическом отношениях. Укрепление обороноспособности страны и повышение боеспособности армии и флота всегда рассматривалось в России как всенародное дело, как долг каждого гражданина.

М.Ю. ДАШИНМАЕВА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКИХ ИСПАРТОВ

20-е гг. XX в. ознаменованы созданием целой системы новых научных центров. Среди них особое место занимает Истпарт — Комиссия по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б), который представлял собой разветвленную сеть организаций исследовательского характера, занимавшихся сбором, изучением и публикацией материалов по истории Октябрьской революции и революционного движения в целом.

Сибирские Истпарты, как и все местные отделения, кроме изучения революционного движения, занимались издательской деятельностью. Сибирские истпартовские издания представляли собой сборники воспоминаний и документов или популярные очерки, что отличало их на фоне других регионов, которые стремились выпускать собственные журналы (См., напр.: «Пролетарская революция» (Москва), «Красная летопись» (Петроград), «Летопись революции» (Харьков) и другие печатные органы центрального и местных Истпартов). Хотелось бы выделить наиболее интересные публикации, изданные сибирскими Истпартами в 1920–1930-е гг. Первые сибистпартовские издания содержали в основном, небольшие статьи и воспоминания, посвященные отдельным вопросам и событиям революции и гражданской войны на территории Сибири. Так, в 1920 г. вышел в свет сборник «Три года борьбы за диктатуру пролетариата». Историковедческой основой для сборника стали архивные материалы и воспоминания. В сборник вошли воспоминания известных партийных деятелей Б. Шумяцкого, В. Вегмана и др. о наиболее ярких участниках революции, а также воспоминания самих участников партизанского движения. Несколько статей посвящены отдельным моментам из истории Октябрьской революции и гражданской войны. Это статьи И. Смирнова «Сибирское наследство», Е. Полюдова «Сибирское казачество» и др. (Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920 гг.). Омск, 1920).

Не менее разноплановым был и другой сибистпартовский сборник (Сборник Истпарта № 1. 1923). В нем были представлены как воспоминания, так и различные документы, касающиеся ссылки и каторги в Сибири.

Томским Истпартом было выпущено несколько сборников (Былое Сибири. 1922. № 1, Былое Сибири. 1923. № 2). В их числе сборник «Путь борьбы», который вышел в свет в 1923 г. (Путь борьбы. 1923. Вып. 1). В него вошли документы (прокламации, воззвания), воспоминания, а также

некрологи. Интересны, с научной точки зрения, статьи об организации колоний для ссыльных в Восточной Сибири, о причинах падения советской власти в Томске и др. (См., напр.: Н. Бакай «Страница из истории политической ссылки в Сибири»; В. Вегман «Как и почему пала Советская власть в Томске»).

В результате концентрации в фондах Сибистпарта огромного количества архивных материалов заметно усилилась исследовательская деятельность по истории гражданской войны. В 1925 г. вышел юбилейный сборник, в который вошли статьи о революционном движении 1905 г. Сибири (1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925). Основой для него послужили статьи В. Вегмана, И. Филиппова, Б. Шумяцкого и др., которые ранее были опубликованы в журнале «Сибирские огни» в 1924–1925 гг. Также, по материалам, собранным Сибистпартом, был подготовлен к печати очерк П. Щетинкина о партизанском движении (П.Е. Щетинкин. Борьба с колчаковщиной. Новосибирск, 1929).

Иркутским Истпартом в 1930-е гг. было выпущено несколько книг, авторами которых стали непосредственные участники революционных событий. В 1932 г. и 1934 г. вышли книги М.А. Гудошников, посвященные декабрьским событиям в г. Иркутске 1917 г. и Ленскому расстрелу (М.А. Гудошников. Декабрьские бои в Иркутске. Иркутск, 1932; Он же. Ленский расстрел. Иркутск, 1934). Здесь автор дал достаточно подробный анализ предпосылок иркутского «декабря», а также выделил особую роль декабрьских событий в Иркутске, выходящих за рамки Восточной Сибири. Кроме того, Гудошников указал не только причины Ленских событий, но и подчеркнул их особую роль.

В 1932 г. к Ленским событиям и к 30-летию юбилею Красноярской, Читинской и Иркутской партийных организаций вышла в свет одноименная брошюра, в которую вошли материалы по истории образования этих партийных организаций, затрагивая события 1904–1905 гг. и 1917 г. в Сибири (30 лет Красноярской, Читинской и Иркутской партийных организаций. Иркутск, 1932).

Книга П.Д. Криволицкого посвящена истории борьбы шиткинских партизан против белого движения в 1918–1919 гг., участником которой был сам автор (П.Д. Криволицкий. Шиткинские партизаны. М.-Иркутск, 1934). Интерес, также, представляет брошюра Ф. Кудрявцева «На баррикадах Иркутска», которая дает представление о революционных событиях в Иркутске 1917–1919 гг. (Ф.А. Кудрявцев. На баррикадах Иркутска. 1917–1919 гг. Очерки. М.; Иркутск, 1935).

В 1937 г. в Иркутске была выпущена книга И.А. Тимофеева. В ней представлены основные события из истории гражданской войны в Сибири. Для составления хроники были использованы материалы Иркутского Истпарта (воспоминания участников событий, документы периода гражданской войны и др.), а также материалы сибирского газетного фонда — «Власть труда», «Забайкальский рабочий», «Известия Иркутского

губернского военно-революционного комитета», «Красноярский рабочий» и др. (И.А. Тимофеев. Хроника борьбы за власть Советов в Восточной Сибири 1917–1920 гг. Иркутск, 1937).

Таким образом, сибирские истпартовские издания сыграли значительную роль в формировании историографии нового периода в нашей истории. Это историография Октябрьской революции, гражданской войны, в том числе на территории Сибири. Кроме того, деятельность сибирских Истпартов оказала влияние на формирование архивной источно-ведческой базы.

Т.Л. КУРАС

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СУДЕБНЫХ ПАЛАТ

На момент введения судебных уставов 1864 г. в российской империи в обществе, юридической среде для подавляющего большинства была характерна их идеализация. Новый суд, состоявший из мировых судей и общих судебных установлений, в которые входили окружные суды, судебные палаты и Сенат, представлялся воплощением в жизнь идеалов правосудия.

В хоре голосов в поддержку судебной реформы, в результате которой были введены демократические принципы правосудия и создана стройная система судов, которые на уровне округов возглавляли судебные палаты, явным диссонансом звучала, в частности, позиция В. Фукса. Он упрекал составителей судебных уставов в «слепом подражании западным образцам», критически относясь к основополагающим институтам уставов 1864 г. (Фукс В. Суд и полиция: В 2-х ч. / В. Фукс. М., 1889. Ч. 2. С. 9).

В дореволюционной историографии ставилась актуальная проблема взаимодействия новых судов со старой политической формой, каковой являлось самодержавие. Так, И.В. Гессен писал, что новый суд «вошел в государственный организм инородным телом», обосновывая тем самым несоответствие новых судебных порядков основам российской государственности. Действительно, как показал анализ деятельности российских судебных палат, они рассматривали подведомственные им дела в соответствии с законом, основываясь на принципе независимости, что не соответствовало взглядам самодержавия на их задачи. В результате судебные уставы 1864 г. были подвергнуты существенным изменениям с целью приведения их в соответствие с государственной политикой. В частности, была расширена компетенция судебных палат, которые царизм считал оплотом самодержавия. Дореволюционные исследователи стремились осмыслить сущность данного законодательства, принятого во изменение судебных уставов, ответить на вопрос, насколько же в результате этого были поколеблены дух и буква уставов 1864 г. Авторы в зависимости от

своей общественно-политической позиции в новеллах к судебным уставам отмечали две тенденции — ограничение демократических принципов и институтов реформы 1864 г. и их совершенствование. Одни исследователи отдавали предпочтение тенденции на совершенствование судебного строя на основе «исправления» выявившихся в ходе реализации уставов недостатков (Гессен И.В. Судебная реформа / И.В. Гессен. СПб., 1905. С. 142). Этой же позиции придерживались составители одного из официальных изданий (Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902: Исторический очерк. СПб., 1902). Другие усматривали в законодательстве, принятом в дополнение к судебным уставам, ограничение его прогрессивных начал, считая, что такого рода деятельность правительства несла элементы контрреформы. Так, Ю.В. Готье, Н.Н. Полянский, Б.И. Сыромятников подходили к новеллам в уставах более объективно. Они видели в них не только элементы совершенствования, но и ограничения нового судебного строя. (Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: В 2-х т. СПб., 1914). Так же можно оценить и известное издание «Судебная реформа» под редакцией Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. (Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Т. 4. М., 1914). Критично рассматривал изменения и дополнения, внесенные в уставы 1864 г., и А.А. Титов, который констатировал, что поправки к судебным уставам поколебали устои судебной реформы 1864 г. (Титов А.А. Реформы Александра II и их судьба / А.А.Титов. М., 1910).

В то же время следует заметить, что изменения в законодательстве о суде, которые, в частности, изменили компетенцию и основы деятельности судебных палат, дореволюционные исследователи рассматривали зачастую без должной связи с эволюцией общественно-политического строя России. Хотя справедливости ради следует сказать, что в работах А.Ф. Кони и И.Я. Фойницкого отмечается и «политический момент» в политике правительства по изменению судебных уставов. Они отмечали стремление правительства превратить суды в элемент политического влияния. (Кони А.Ф. Присяжные заседатели / А.Ф. Кони. М., 1966. Т. 1. С. 332–333; Фойницкий И.Я. Как мы провели 1878 год?: Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению / И.Я. Фойницкий // На досуге: Сб. юрид. ст. и исслед. за 1870 г. СПб., 1900). Причем, авторы справедливо, по нашему мнению, указывали, что поправки к судебным уставам, преследовавшие политическую цель, проходили гораздо легче и быстрее, нежели новеллы, вызванные действительными потребностями практики. Понятие «судебная контрреформа» в дореволюционной историографии впервые встречается у А.А. Кизеветтера в 1916 г. (Кизеветтер А.А. История России в XIX в.: В 2-х ч. М., 1916. Ч. 2. С. 123). Автор характеризует как судебную контрреформу законодательство, вносившее коррективы в уставы 1864 г. Данное понятие дано А.А. Кизеветтером как характеристика общей тенденции в политике самодержавия по отношению к российским судебным органам, в том числе судебным палатам.

Историографический анализ литературы по исследуемой проблеме будет неполным без указания на выходявшие в тот период времени учебники по судоустройству и судопроизводству (Виктирский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912; Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1908; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2-х т. СПб., 1896–1899). В этих изданиях рассматривались, в частности, вопросы о роли и задачах судебных палат, их полномочиях и месте в судебной системе. Однако эти работы не носили глубокого характера и не позволяют уяснить все необходимые вопросы деятельности судебных палат.

Ценные материалы по вопросам деятельности судебных палат содержались в статьях, размещавшихся в дореволюционных периодических юридических изданиях. Эти статьи чаще всего освещали отдельные проблемы деятельности судебных палат. Среди указанных проблем, поднимавшихся на страницах печати, можно выделить вопросы о месте палат в судебной системе российской империи, об эффективности их деятельности, необходимости изменения круга дел, подсудных палатам, сохранении существовавшей системы судебных инстанций и другие. (Ананьев П.А. Роль прокурорского надзора в обвинительной камере судебной палаты / П.А. Ананьев // Журн. М-ва юстиции. 1914. № 1. С. 111–124; Волжин В.А. К вопросу: необходимы ли судебные палаты? / В.А. Волжин // Судебная газ. 1895. № 5. С. 4–5; Гогель С.К. К вопросу об обременении нашего судебного ведомства работою / С.К. Гогель // Журн. М-ва юстиции. 1896. № 4; Змирлов К.П. К вопросу о необходимости реформы в нашем Кассационном судопроизводстве и изменения подсудности в общих и мировых судебных установлений / К.П. Змирлов // Вестн. права. 1916. № 51–52. С. 1233–1239; Краевский А. Практические заметки о функциях судебной палаты в гражданском судопроизводстве / А. Краевский // Вестн. права. 1901. № 3. С. 74–107; Ланг Л. К вопросу: необходимы ли судебные палаты? / Л. Ланг // Судебная газ. 1895. № 5; Ланг Л. Нужны ли Судебные Палаты? / Л. Ланг // Судебная газ. 1895. № 3. С. 7. Обжалование определений судебных палат о предании суду // Судебная газ. 1898. № 4. С. 2–3; О праве судебных палат, как апелляционных инстанций, направлять дело по подсудности // Судебная газ. 1899. № 51. С. 2–3; О производстве в судебных палатах уголовных дел в кассационном порядке // Судебная газ. 1898. № 12. С. 1–3 и др.).

Период повышенного интереса к новому судебному строю России заканчивается к концу 80-х гг. XIX в. Судебные порядки, введенные уставами 1864 г., после принятия дополнений к ним, приспособились к общественному и государственному строю России. Всплеск интереса к суду вновь наблюдается по поводу создания в 1894 г. комиссии для пересмотра законоположений по судебной части под председательством Министра юстиции Н.В. Муравьева. Среди вопросов, обсуждавшихся на заседаниях Комиссии, поднимались и проблемы деятельности российских судебных палат. Среди прочих обсуждались проблемы целесообразности сохранения па-

лат, изменения их полномочий, и другие. Обсуждаемые вопросы подробно освещались на страницах периодической юридической печати (Еще по поводу будущего «Учреждения судебных установлений» // Судебная газ. 1898. № 20. С. 1–3; Об апелляционном обжаловании // Судебная газ. 1898. № 43. С. 1–3; Сабинин А.Х. Недостатки организации судебной части // Судебная газ. 1895. № 29. С. 5–7; Совещание Старших Председателей и Прокуроров Судебных палат о главных основаниях объединения судебного устройства // Журн. М-ва юстиции. 1895. № 5; Совещание Старших Председателей и Прокуроров Судебных палат о судебной карьере // Журн. М-ва юстиции. 1895. № 6. С. 65–74; Совещание Старших Прокуроров и Председателей Судебных палат по вопросам о кандидатах на должности по судебному ведомству // Журн. М-ва юстиции. 1895. № 10; Совещание Старших Председателей и Прокуроров Судебных палат относительно реформы предварительного следствия и реформы обвинительной процедуры от 28 и 29 декабря 1894 г. // Журн. М-ва юстиции. 1895. № 11. С. 37–49; Совещание Старших Председателей и Прокуроров Судебных палат: (о главных основаниях объединения судебного устройства) // Судебная газ. 1895. № 12. С. 7–8; № 13. С. 8–9; № 14. С. 1–2 и др.).

В дореволюционной историографии многие авторы негативно оценивали деятельность муравьевской комиссии. Так, А.Ф. Кони не видел потребности со стороны общества и государства в полном и систематическом пересмотре уставов 1864 г. и не скрывал своего удовлетворения в связи с неудачей в ее работе. (Кони А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 321–322). И.В. Гессен в своей работе «Судебная реформа» оценивал итоги деятельности Комиссии как «проект согласования судебных уставов с условиями государственного строя». (Гессен И.В. Указ. соч. С. 220).

В начале XX в. в историографии проблемы появляется революционная направленность. Она наиболее полно присутствует в трудах В.И. Ленина, которым свойственна категоричность в оценках деятельности суда. В них делается упор на политический характер деятельности судебного ведомства вообще, и судебных палат в частности. (Ленин В.И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 94–95; Он же. О промышленных судах // Там же. Т. 4. С. 274–287; Ленин В.И. Новое побоище // Там же. Т. 5. С. 17; Он же. Гонители земства и аннибалы либерализма // Там же. Т. 5. С. 294; Он же. Каторжные правила и каторжный приговор // Там же. Т. 5. С. 289–294; Он же. Письмо Е.Д. Стасовой к товарищам в Московской тюрьме // Там же. Т. 9. С. 169–173; Он же. Случайные заметки // Там же. Т. 4. С. 401–416 и др.).

Состояние судоустройства и судопроизводства, деятельность судебных палат в начале XX в. уже не вызывала у дореволюционных исследователей большого интереса. На фоне реформирования высших государственных органов начала века проблема судоустройства и судопроизводства как-то меркнет, да и сами судебные порядки уже не претерпевали существенных изменений. Наиболее значимым мероприятием правительства в сфере

суда в начале XX в. являлась подготовка и принятие закона о местной юстиции 1912 г., этой реформе уделялось много внимания в юбилейном издании «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет».

Следует отметить, что дореволюционная историография имеет отдельные публикации по истории судебной системы в Сибири, среди которых выделяется монография М.Д. Бутина, посвященная деятельности дореформенных судов по ведению торговых и промышленных дел (Бутин М.Д. Сибирь и ее дореформенные суды и условия ведения торговых и промышленных дел до сооружения Сибирской железной дороги / М.Д. Бутин. СПб., 1900). Кроме того, следует отметить работу известного областника Н.М. Ядринцева, где приведен конкретный материал по реформированию судебного ведомства (Ядринцев Н.М. Российская община в тюрьме и ссылке / Н.М. Ядринцев. СПб., 1872). Проведение судебной реформы в Сибири широко освещалось и на страницах центральных и местных периодических изданий (Верховский К. Преобразование судебного дела в Сибири / К. Верховский // Журн. М-ва юстиции. 1895. № 8; Замещение должностей в новых судебных учреждениях Сибири // Журн. М-ва юстиции. 1897. № 4; Судебная реформа в Сибири // Журн. М-ва юстиции. 1896. № 6; Судебные порядки в Сибири // Судебная газ. 1895. № 2).

Подводя итоги, можно отметить, что для дореволюционной историографии в оценках принципов деятельности и системы пореформенного суда, возглавляемого на уровне округов судебными палатами, были характерны: идеализация судебных уставов 1864 г. как воплощения идеалов правосудия в жизнь; объяснение проведения судебной реформы волей императора; преобладание в оценках авторов позитивного взгляда на пореформенный суд; размежевание среди представителей охранительного и либерального направлений по мере введения судебных уставов в жизнь, столкновения новых судебных порядков с реалиями российской жизни; обоснование изменений в судебном строе несоответствием нового суда основам российской государственности; стремление дореволюционных исследователей объяснить судебную реформу 1864 г. и последующие преобразования в этой сфере, прежде всего, субъективным фактором, а не социально-экономическими и политическими потребностями и переменами; определение в законодательстве, принятом в дополнение к судебным уставам в последующий период двояких тенденций — на совершенствование судебного строя и на ограничение демократических начал уставов 1864 г.

И.В. НАУМОВ

ИЗУЧЕНИЕ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ К РОССИИ

В отличие от других областей Евразийского континента, изучение Сибири, ее народов и их истории началось сравнительно поздно. Причиной

этого была труднодоступность Сибири, особенно ее центральной и северной частей.

Поэтому историкам древности территория Сибири представлялась огромной безлюдной и холодной пустыней, где обитали так называемые «гиперборейцы» — фантастические существа. Так, например, знаменитый древнегреческий историк Геродот полагал, что Индия является последней страной на востоке и дальше начинается безлюдная пустыня.

Больше других о Сибири писали древнегреческий историк и географ Страбон, готский историк Иордан и древнекитайский историк Сыма-цзянь.

Страбон (64/63 г. до н.э.—23/24 г. н.э.) Родился в Малой Азии, получил философское образование, в молодости много путешествовал. Главный труд Страбона — «География» в 17 книгах, написан около 7 г. н.э. (Страбон География. Л., 1964). Описал всю известную ему землю и народы ее населяющие на основе сопоставления и обобщения известных ему сведений. В историографии этот труд рассматривается как итог историко-географических знаний античности. Он содержит массу сведений об истории, этнографии, географии, быте и хозяйстве различных народов. Страбон подробно описал и древних скифов. Причем, скифами он называл все народы, проживавшие в степной зоне Евразии, которая простирается от Желтого моря на востоке до Венгерской равнины на западе. Можно утверждать, что в это название он включил и некоторые племена Южной Сибири, имевшие обширные торговые связи с древними государствами Среднего Востока.

Иордан (годы жизни неизвестны) — готский историк VI в., был секретарем у византийского военачальника, позднее принял католическую веру и возможно имел духовное звание (в некоторых источниках его называют епископом). Главный труд Иордана «О происхождении и деяниях готов», написан к 551 г. (Иордан. О происхождении и деяниях готов. М., 1960). При написании использовал различные источники — исторические сочинения других авторов, готский эпос, личные знания. Описал историю готского народа. Этот труд важнейший источник по истории Великого переселения народов. Труд Иордана содержит сведения и о других племенах, в частности о славянах. Иордан писал, что на востоке за Уральскими горами находится земля народа югра. Этот народ живет в лесах и его основным занятием является охота. Земля Югра богата пушниной. Иордан особенно подчеркивал, что там изобилие «серебристого соболя», мех которого весьма ценился в Европе.

Больше сведений о Сибири по сравнению с другими историками древности привел знаменитый китайский историк Сыма-цзянь (145 или 135 г. до н.э.—около 86 г. до н.э.). Он родился в семье придворного историографа, в молодости много путешествовал, собирал различные исторические сведения и документы. В 108 г. до н.э. стал главным придворным историографом Китая, занимался систематизацией собранных им и его отцом исторических материалов. В 98 г. до н.э. его ложно обвинили в ин-

тригах и приговорили к позорному древнекитайскому наказанию — кастрации. Сыма-цзянь проявил силу духа и продолжил свой труд. Вскоре император возвратил ему его должность. Главный труд — «Ши цзы» (Исторические записки) написан к 92 г. до н.э. (Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1–3. М.; Л., 1950–1953). Это грандиозная по масштабам работа состоит из обширных глав и охватывает огромный период истории древнего Китая от легендарных времен до начала I в. до н.э. — первая всеобщая история Китая. Работая над ней, использовал самые разнообразные источники: древние летописи, архивы, книги, рукописи, надписи и т.п. При этом исповедовал принцип: «излагать достоверное и опускать сомнительное», что повышало ценность его работы.

Сыма-цзянь большое внимание уделил и соседям Китая. В «Ши-цзы» содержится подробное описание «Державы Хунну», первого государства в состав которого входили южно-сибирские земли. В частности, Сыма-цзянь рассказал об основных занятиях хуннов. «Обитая за северными пределами Китая, — писал он, — они переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются его кожами, прикрываются шерстяным и меховым одеянием» (Цит. по: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 39–40). Он дал описание природы и климата «Державы Хунну», подчеркивая их суровость по сравнению с Китаем. Говоря о традициях хуннов, он отметил характерный для родового строя обычай жениться на женах умерших родственников (отцов, братьев и т.п.) для сохранения рода. Сыма-цзянь характеризовал хуннов как очень воинственный народ: «в крайности каждый занимается воинскими упражнениями» (Там же. С. 40). Он дал и подробное описание их военной тактики. «При удаче идут вперед, — писал он, — при неудаче отступают и бегство не поставляют в стыд себе. ... Искусно заманивают неприятеля, чтобы обхватить его. Завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц, а когда бывают разбиты, то подобно черепице рассыпаются, подобно облакам рассеиваются» (Там же. С. 40, 50). В труде Сыма-цзяна описаны и многие события из истории «Державы равлению и завоевательным походам. В его труде приведена любопытная переписка между Модэ и овдовевшей китайской императрицей Гаохуо, когда Модэ попытался с помощью женитьбы стать властелином Китая. «Сирый и дряхлый государь, рожденный среди болот, возросший в степях между лошадьми и волами, несколько раз приходил к вашим пределам, желая прогуляться по Срединному царству. Государыня одинока на престоле; сирый и дряхлый также живет в одиночестве. Оба государя живут в скуке, не имея ни

в чем утешения для себя. Желаю то, что имею, променять на то, чего не имею». И ответ: «Шаньюй не забыл ветхой столицы и удостоил ее письмом. Ветхая столица пришла в страх и, вычисляя дни, заботится о себе. Она состарилась, силы ослабели, волосы линяют, зубы выпадают ... в ходу теряет размер в шагах. Шаньюй ослышался, а этим нельзя запянуть себя» (Там же. С. 53). Много внимания уделил автор и правлению наследника Модэ шаньюя Лаошаня. Он особо выделил деятельность его советника Юе (пленного китайского чиновника), который организовал первую перепись населения, скота и имущества и распространил китайскую письменность среди хуннской знати. В труде Сыма-цяня дано описание событий, происходивших на севере «Державы Хунну» в южно-сибирских землях. Из его работы можно узнать, что на севере в районе Енисея жили племена скотоводов и земледельцев динлинов. В 205–201 гг. хунны покорили динлинов и создали там провинцию под названием «Хягас», которой управляли специальные наместники. Сыма-цянь сообщил имена двух из них — Вэйлюй и современник автора пленный китайский полководец Ли-лин, который жил в роскошном дворце (красочно описанном в труде) недалеко от современного Абакана. В советское время остатки этого дворца были случайно обнаружены при земляных работах, что является прямым подтверждением достоверности сведений Сыма-цяня.

В средние века о сибирских народах писали знаменитые европейские путешественники: Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло. Хотя все они не бывали в Сибири, но опрашивали людей бывавших там и на основании этого сообщили некоторые данные.

Плано Карпини Джованни да Плано (1182–1252) итальянский монах. После нашествия монголов Папа Иннокентий IV в 1245 г. отправил его в Монголию с письмом к хану для сбора сведений о монголах. Побывал в столице Монгольской империи — Каракоруме. Отчет о поездке изложил в труде «История монголов» (Плано Карпини. История монголов. М., 1957). В нем содержатся сведения о монголах и покоренных ими странах и народах.

Рубрук Виллем (около 1215–около 1270 гг.) фламандский монах. В 1253–1255 гг. возглавлял дипломатическую миссию французского короля Людовика IX к монгольскому хану. Побывал в Каракоруме. По возвращении написал труд «Путешествие в Восточные страны» (В кн.: Плано Карпини История монголов. М., 1957). В ней приводятся сведения по истории и этнографии областей Монгольской империи, которые он посетил.

Марко Поло (1254–1324) венецианский купец. В 1271–1295 гг. совершил путешествие в Китай. 17 лет находился на службе у хана Хубилая, объездил все его государство. По возвращении в 1298 г. участвовал в войне Венеции и Генуи, попал в плен. В генуэзской тюрьме продиктовал описание своих путешествий своему другу. Эти записки получили название «Книга» (Марко Поло. Книга. М., 1955) вызвали большой интерес в Европе. Этот труд содержит ценные сведения по истории и этнографии монгольских народов, Китая и других стран.

В средние века о Сибири писали и известные арабские историки: Гардизи, Рашид ад Дин и другие, которые сами также не бывали в Сибири, а свои сведения получали путем опроса. Поскольку арабский мир находился ближе к Сибири в их сочинениях приводится больше сведений по сравнению с европейцами.

Гардизи Абу Саид Абд-аль-Хайи персидский историк XI в., о его жизни почти ничего не известно. Главное сочинение «Зейн аль ахбар» (Укращение летописей), написано около 1050 г. (В кн.: Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1898). Посвящено истории персидских царей и халифов. В нем имеются главы об Индии, тюркских племенах, о восточных славянах и т.д. Автор довольно подробно описал енисейских кыргызов, их хозяйство, занятия, обычаи, социальное устройство, а также загадочный сибирский народ «фури», проживавший в болотистой местности где-то севернее кыргызов. Согласно сведениям Гардизи это было многочисленное племя таежных охотников, которые вели бродячий образ жизни.

Рашид ад Дин Фазлаллах ибн Абу-ль Хайр Хамадани (1247–1318) персидский историк и государственный деятель. В 1298–1317 г. везир при Газан-хане и Ульджайту-хане, фактически управлял державой Хулагинов. Стремился возродить страну, разоренную монгольским нашествием. Был обвинен в отравлении последнего хана и казнен. Ученый энциклопедист (медик, ботаник, агроном, строитель, теолог и т.д.). Главный исторический труд «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) в 2-х частях, написан к 1310 г. на основе изучения разнообразных источников, в том числе китайских (Рашид ад Дин Сборник летописей. В 3-х т. М.; Л., 1946–1960). В нем изложена история монгольских племен, создание империи Чингис-хана и его завоевательных войн, а также сведения об истории многих государств и народов. В частности, в нем рассказывается о покорении монголами енисейских кыргызов.

Все описания сибирских народов и событий сибирской истории данные европейскими и арабскими авторами неточны. В них много вымысла и неясностей, которые оказывали влияние на сибирских историков XX в. Так, например, описание Гардизи дороги к таинственному народу «фури» привели к тому, что одни авторы утверждали, что этот народ жил в Прибайкалье (А.П. Окладников), а другие, что в бассейне р. Томь (А.В. Харинский). Тем не менее, все перечисленные сочинения все-таки давали первые, хотя и очень смутные представления о Сибири, сибирских народах и их истории.

Гораздо больше сведений об истории народов Южной Сибири содержится в средневековых китайских хрониках, написанных в домонгольскую эпоху. Наиболее содержательны в этом отношении хроники «Вэньсянь тункая», «Синь Тан шу», «Тун дьянь», Тай-пин хуаньюй цзи», «Тан хуэйяо» и «Цзю Тан шу». В них освещены исторические, политические, социальные, культурные, религиозные, антропологические,

лингвистические, хозяйственные, географические и природно-климатические аспекты жизнедеятельности ряда народов Южной Сибири, и, прежде всего, древних тюрков (ту-гю) и енисейских кыргызов. Из китайских хроник можно узнать о наиболее важных исторических событиях в жизни этих народов: о возникновении государств, о войнах и покорении других народов, о правлении и деяниях наиболее выдающихся каганов — Тумыня, Мухана, Тобо, Шиби, Гудулу и других (Тюркский каганат), Барс-бега (Кыргызский каганат), об их взаимоотношениях с Китаем. Помимо тюрков и кыргызов в летописях упоминаются южносибирские сибирские народы: гулигань, дубо, бома, басими. В частности, в летописи «Вэньсянь тункая» сообщается, что проживавший в районе оз. Байкал народ гулигань имел 5-тысячное войско и управлялся двумя вождями — сыгинами. В ней также рассказывается о посольство гулиганей ко двору китайского императора в 647 г.: «Главный его старейшина сыгинь вслед за посланником представил лошадей. Император выбрал десять отличнейших под названием тысячелийных, которым даны были громкие названия. Император с честью принял посланника» (Цит. по: Харинский А.В. Китайские сведения о населении Прибайкалья во второй половине I тысячелетия н.э. // Сибирь в истории и культуре народов зарубежных стран. Иркутск, 1998. С. 7). В летописи «Тун дьянь» дано любопытное описание занятий народа басими, проживавшего в районе Саянских гор. «В стране много снега, — говорится в ней, — часто (кусок) дерева служит лошадыю. (На нем) по снегу преследуют оленей. Он похож на щит, но передняя часть загнута вверх, низ покрывается лошадиной шкурой по шерсти так, чтобы шерсть касалась снега и скользила; вроде как деревянные башмаки, крепко привязанные к ступне» (Там же. С. 10). Летопись «Тан хуэйяо» сообщает о том, что в 744 г. народ басими под руководством своего вождя Ашина Ши напал на Тюркский каганат и убил тюркского Усимиши-кагана, после чего китайский император признал Ашина Ши каганом народа басими.

В целом средневековые китайские хроники являются наиболее ценными источниками по истории сибирских народов. Именно на основе их изучения современные ученые судят об истории древних сибирских государств и народов.

О существовании обширных земель к востоку от Уральских гор русские, по-видимому, узнали в начале XI в. Первое упоминание Сибири в дошедших до нас новгородских летописях зафиксировано в 1032 г. Русские называли ее Югорской землей (Югрой). Это название охватывало все известные им территории к востоку от р. Печора, в том числе и северо-западную часть Сибири, низовья р. Обь.

В знаменитой летописи «Повесть временных лет» под 1096 г. приведен рассказ побывавшего в Сибири Гюряты Роговича о народе югра, живущем в Уральских горах и нуждающемся в железе. По мнению автора летописи народ югра был в свое время изгнан с южных земель Алексан-

дром Македонским «на полуночные страны в горы высокие» (Цит. по: История Сибири в 5-ти т. Т. 1. Л., 1968. С. 13).

Некоторые сведения о Сибири (Земле Югра) и ее народах содержатся в «Лаврентьевской летописи» (вторая половина XIV в.) и в «Ипатьевской летописи» (начало XV в.). Эти летописи, как известно, являются одним из основных источников для изучения Древней Руси. Больше сведений о Сибири содержится в новгородских летописях: «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» и «Устюжский летописный свод» (XV в.). В них рассказывается о торговле новгородцев с сибирскими народами и их военных походах в землю «Югру и Самоядь», а заодно дано описание народов «югра и самоядь», их занятий, традиций, быта, культуры, верований и т.п. Так, из летописей известно, что сибирские народы нередко оказывали серьезное сопротивление новгородцам. В частности, в 1187 и 1193 г. им удалось разбить и уничтожить военные отряды новгородцев.

Более подробно о сибирских народах повествуется в новгородском сказании конца XV в. «О человецах незнаемых в Восточной стране». В сказании наряду с фантастическими сведениями сообщается целый ряд достоверных данных о самодийских и угорских племенах Западной Сибири.

Отдельные отрывочные сведения о народах Сибири и о походах за Урал в конце XV в. русских военных отрядов содержатся в разрядных книгах времен Ивана III.

В целом же сведения русских летописей о Сибири, сибирских народах и их истории столь же отрывочны, как и сообщения европейских и арабских средневековых авторов.

В.Г. ТРЕТЬЯКОВ

ИСТОРИЯ МОНГОЛЬСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1890–1917 гг.

В конце XIX–начале XX вв. перед учеными и общественностью вырисовывалось несколько сложных вопросов, касающихся сооружения железной дороги до Монголии и далее через нее в Китай. Однако железная дорога к Монголии намечалась лишь в перспективных планах правительства и еще не существовала даже в чертежах. Поэтому интересующую нас литературу, опубликованную до 1917 г., можно условно разделить на три группы: публикации о торгово-экономических отношениях двух стран, о путях сообщения в Сибири и о перспективах создания железной дороги до Кяхты и Урги.

В дореволюционные годы вышел ряд работ, в которых давался анализ российско-монгольских торгово-экономических связей. В этих публикациях отчетливо просматривается позиция российских предпринимателей по Монгольскому вопросу, который стал активно будироваться

с 1911 г., после провозглашения Халхи-Монголией независимости. Весьма значимой является работа М.И. Боголепова и М.Н. Соболева, в которой дан обстоятельный анализ экономических связей России и Монголии, рассматриваются их потенциальные возможности (Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли: Экспедиция в Монголии 1910 г. Томск, 1911).

Стоит остановиться на книге «Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении», изданной в 1914 г. (Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. Отчет агента Министерства торговли и промышленности в Монголии А.П. Болобана за 1912–1913 гг. Петербург, 1914).

Это было время, когда наряду с вопросом о конкретном варианте (Верхнеудинском или Мысовском) прокладки трассы стоял вопрос о том, строить ли ее только до Кяхты или же сразу продолжить до Урги. Поэтому агенту торгового представительства было поручено подготовить обстоятельный доклад о состоянии монгольской экономики. В результате его усилий появилась книга, состоящая из 18 разделов, заключения и приложения. К сожалению, карта Монголии в этом издании не сохранилась. В разделе о подъездных путях автор больше всего внимания уделил описанию пути Верхнеудинск–Кяхта–Урга. В частности, им отмечается, что до 1 мая 1913 г. товары в Монголию довозились до ст. Верхнеудинск, а оттуда гужем шли в Кяхту и далее в Ургу. Летом же грузы большей частью шли от Верхнеудинска на пароходах до Усть-Кяхты и затем гужем до Кяхты и Урги.

В 1913 г. в связи с открытием Кяхтинской городской станции Забайкальской железной дороги было заключено соглашение между Управлением Забайкальской железной дороги и товариществом Забайкальского пароходства и торговли об установлении провозных плат — по 30 к. с пуда. Автор отмечает интересный момент: российское правительство в целях поддержания экономического положения железной дороги пошло на понижение железнодорожного тарифа на провоз ряда грузов от всех станций российских железных дорог к западу от ст. Иркутск и до Верхнеудинска, следующих для вывоза в Монголию через Кяхту, при условии отписки грузов на Кяхтинскую городскую станцию Забайкальской железной дороги и при предъявлении удостоверения от таможи о вывозе груза в Монголию (Там же. С. 13).

Оценивая заключенное соглашение, А.П. Болобан справедливо, на наш взгляд, выявил целый ряд недостатков:

1. Провозная плата от Усть-Кяхты до Кяхты была ранее 6 к., а по соглашению стала 10 к. с пуда.

2. Время дорожной распутицы по соглашению определялось так: осенью — с 15 сентября по 15 ноября, а весной — с 15 марта по 15 мая. Между тем фактически распутица наблюдается лишь в течение 2–3 недель. А во время распутицы за срочность доставки грузов Товарищес-

тво Байкальского пароходства не отвечало, как и во время обмеления Селенги. Это приводило к тому, что с началом распутицы происходило скопление грузов на тракте Верхнеудинск–Кяхта и товары, пользующиеся льготными тарифами, задерживались в пути, а грузы, не пользующиеся льготами, вовремя приходили в Ургу.

Указывая на это, автор констатировал: скопление товаров влекло за собой повышение цен за провоз. Пытаясь разрешить данную проблему, А.П. Болобан предлагал существующий льготный железнодорожный тариф распространить и на те товары, которые везут в Монголию помимо Кяхтинской городской станции на вольных ямщиках. Против этого выступало Управление Забайкальской железной дороги, считая, что при таком порядке Кяхтинская городская станция не окупит расходов на ее содержание. Таким образом, в этой работе, пожалуй, впервые в историографии было одновременно отражена большая роль российской железной дороги в системе транспортных коммуникаций на восточных рубежах страны, обозначено ее устремление на «завоевание» новых направлений и в то же время в целом показана важность вопроса о строительстве стальной магистрали в направлении на Монголию. Приводимые автором данные свидетельствуют о его позиции относительно возможностей развития российско-монгольских экономических отношений: считая это направление весьма перспективным для России, он поднимает проблему необходимости создания надежных и экономически эффективных путей сообщения между двумя странами (Там же. С. 14).

В этом плане весьма интересной и содержательной представляется одна из работ военного ведомства, посвященная анализу путей, соединяющих Россию с Монголией (Иркутский военный округ. Военно-географическое и военно-статистическое описание приграничной полосы. Вып. 2. Монголия. Составил Генерального штаба капитан Харламов, под редакцией Округного Генерал-квартирмейстера генерал-майора Сухомлина. Издание Штаба округа. Иркутск, 1914). В ней отмечено, что до постройки Китайско-Восточной железной дороги кратчайший путь из Забайкалья к столице Китая — Пекину шел через Кобдо–Ургу–Колган–Долоннор. Со временем прочного закрепления России в Маньчжурии все военные операции в направлении на Пекин увязывались с железной дорогой, почему направление Забайкалье–Пекин и утратило свое важное значение.

Но после русско-японской войны южная часть КВЖД перешла во владение японцев, и Япония стала укрепляться в Маньчжурии. И теперь, по мнению российских военных, все боевые операции на Пекин можно было проводить только через Монголию, а поэтому направление Забайкалье–Пекин снова приобрело первенствующее стратегическое значение, как по своей наименьшей длине, так и по возможности быстро пропускать крупные войсковые отряды. Значение Забайкальского направления, по мнению авторов, могло уменьшиться лишь тогда, когда Кяхта будет соединена рельсами с одной из станций Забайкальской железной дороги; тог-

да военные операции к Пекину можно будет планировать в направлении Урга–Калган–Пекин.

Однако и после этого путь Забайкалье–Пекин останется весьма выгодным для России с точек зрения политической, экономической и военно-стратегической в силу его меньшей протяженности по сравнению с направлением Кяхта–Калган (Там же. С. 279–281).

Конечно, в 1914 г. российским военным было над чем задуматься при анализе возможностей передвижения войск в юго-восточном регионе. Анализируя возможные стратегические направления, авторы подчеркивают, что после окончания постройки Китаем Калган–Гуйхуаченской железной дороги могут произойти значительные изменения в направлении движения китайских войск в случае возникновения конфликта. Эта линия станет первым звеном грандиозной железной дороги, связывающей Калган с западными провинциями Китая, и боевые действия против Урги и Улясутая будут вестись от этого участка границы. Получится, что новые стратегические направления Китая будут наикратчайшими, к тому же проходить они будут не через пустыню, а через населенный край (Там же. С. 281). Урга же представляла собой весьма важный в стратегическом отношении центр, к которому сходятся все дороги.

Интересен подход авторов, изложенный в разделе «Общий взгляд на Монголию как на пограничный театр военных действий» (Иркутский военный округ. Военно-географическое и военно-статистическое описание приграничной полосы. Вып. 2. Монголия. Составил Генерального штаба капитан Харламов, под редакцией Окружного Генерал-квартирмейстера генерал-майор Сухомлин. Издание Штаба округа. Иркутск, 1914. С. 137). Здесь отмечается, что говорить о возможных военных столкновениях с Монголией нет оснований. Но есть все основания считать, что Китай будет пытаться вернуть Ургинского Хутухту в прежнее зависимое положение. Поэтому стремление России к сохранению нынешнего автономного положения Монголии из-за стратегических выгод могут привести к столкновению с Китаем. И территория Монголии станет театром военных действий.

Более глубокое развитие эти вопросы получил в работе, подготовленной штабом военного округа в Иркутске (Монголия. Маршруты. Издание Штаба округа. Иркутск, 1914). В ней дан анализ восьми направлениям, по которым возможна доставка в Монголию войск, вооружений, боеприпасов, продовольствия в случае войны с Китаем из-за Монголии. По всем этим маршрутам в 1909–1912 гг. были проведены рекогносцировочные работы, результаты которых и отражены в книге в виде таблиц, содержащих данные о названиях попутных населенных пунктов и статистические сведения о них, о водных путях и переправах и бродах, о дорожной сети в пределах стратегического района.

Таким образом, в этих изданиях видна заинтересованность военных кругов России в развитии путей сообщения в районе российско-монгольской границы. Очевидно и понимание того, что стремление России не

допустить зависимости Монголии от Китая могло достичь цели лишь при условии развития надежных транспортных коммуникаций в этом районе.

Освещение специфики географического и природно-климатического положения Монголии, характеристика ее населения на начало XX в. даны в книге Б.И. Имшенецкого (Имшенецкий Б.И. Монголия. Петроград, 1915).

Характеризуя главные политико-экономические центры страны, автор специальный раздел книги посвятил русско-китайской торговле в Монголии. Он делает вывод, что трудно предвидеть, как долго просуществует новое монгольское царство, насколько прочным окажется установленный новой властью порядок управления страной. Все будет зависеть от взаимных отношений Монголии, России и Китая, от реального соотношения сил последних двух держав и от того, насколько сумеют проникнуть в монгольскую экономику европейские державы и Япония.

Таким образом, эти публикации позволяют сделать общий вывод: военнополитическая и экономико-политическая ситуация в тот период была такова, что развитие транспортных путей в данном районе становилось важной стратегической задачей. Лишь в этом случае Россия могла поддерживать свое экономическое положение в регионе на должном уровне, что после позорной русско-японской войны было крайне важным для поддержания престижа и положения державы.

В 1906 г. появляются первые солидные публикации, в которых указывается, что железная дорога на Кяхту нужна прежде всего для связи с Монголией и Китаем. Но уже начиная с 1909 г. в публикациях, на фоне ретроспективного взгляда на российско-китайские отношения и планы Китая построить железную дорогу на Калган–Ургу–Кяхту, прямо ставятся вопросы о необходимости строительства Россией Кяхтинской железной дороги. Появляется и первый проект создания акционерного общества.

В этом плане для нас интересны данные, приведенные в книге, подготовленной в результате анализа Мысовского и Верхнеудинского вариантов прокладки Кяхтинской железной дороги (Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении. СПб, 1913).

Там подробно рассматриваются маршруты, в том числе и те, по которым изыскательские работы были проведены на средства заинтересованных предпринимателей. Анализируется стоимость всех строительных работ, особое внимание уделяется району тяготения к будущей железной дороге, наличию полезных ископаемых, анализу грузопотоков во всех направлениях. Но основой анализа стали данные, полученные экспедициями Министерства путей сообщения, исходя из которых авторами книги и был сделан выбор в пользу Верхнеудинского варианта.

После выхода этой книги борьба между сторонниками разных проектов не только не прекратилась, а разгорелась с новой силой и всячески проявлялась до тех пор, пока в 1914 г. Государственная дума не приняла окончательного решения. Правда, нужно заметить, что если после этого Верхнеудинская городская дума буквально успокоилась, то кяхтинские и

мысовские купцы в 1916 г. при поддержке иркутского генерал-губернатора сделали еще одну попытку пробить Мысовской вариант путем образования акционерного общества для сооружения этой дороги, когда и было разработано положение об акционерном обществе «Кяхтинская железная дорога».

В 1914 г. в Иркутске были опубликованы две брошюры по вопросам сооружения Кяхтинской железной дороги; одна из них была опубликована на средства и по распоряжению мысовского городского старосты, другая — на средства и по решению кяхтинского купечества (Краткая записка о Кяхтинской железной дороге. По поводу экономического обследования района дороги, произведенного Министерством путей сообщения летом 1912 г. Иркутск, 1914; Краткая записка по вопросу о проведении Кяхтинской железной дороги. Иркутск, 1914).

Авторство брошюр установить не возможно. В библиотеках Москвы, Петербурга, Иркутска и Читы этих изданий нет, они сохранились лишь в библиотеке Национального архива Республики Бурятия. Из содержания брошюр следует, что общественность Кяхты и Мысовска считали Верхнеудинский вариант менее приемлемым и даже ошибочным; основанием для вывода стало предположение об ошибках, допущенных экспедицией МПС по изысканиям Кяхтинской железной дороги.

Интересные сведения содержатся в книге о Кяхтинской железной дороге, подготовленной Мысовским городским общественным управлением (Мысовское городское общественное управление. Краткая записка о Кяхтинской железной дороге. По поводу экономического обследования района дороги, произведенного Министерством путей сообщения летом 1912 г. Иркутск, 1914).

Авторы прямо начинают с утверждения, что в числе мероприятий по развитию русской торговли и промышленности в Монголии и для укрепления русского влияния первоочередное значение имеет путь, связывающий Кяхту с Транссибом.

Из текста книги следует, что мысовчане сложившуюся ситуацию с выбором направления рассматривают следующим образом. Прошедшие в декабре 1912 г. и в январе-феврале 1913 г. в Иркутске совещания признали неотложным делом постройку Кяхтинской линии в направлении на ст. Мысовая. Но Совет министров отдал предпочтение направлению Верхнеудинск–Кяхта, а вслед за тем и МПС внесло представление в Комиссию путей сообщения Государственной думы, которая также высказалась за Верхнеудинский вариант. Однако межведомственное совещание в Петербурге в июне 1913 г. постановило признать заслуживающим самого серьезного внимания направление железной дороги Мысовая — Кяхта. Но решения всех государственных органов были основаны на данных экспедиции МПС, а данные эти, по мнению мысовчан, не объективны (Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении... СПб., 1913).

Кяхтинцы оценивали ситуацию с другой стороны. Еще в марте 1909 г. иркутский генерал-губернатора А. Селиванов информировал кяхтинское

купечество, что Совет министров поручил губернатору привлечь частные капиталы для железнодорожного строительства в Сибири; в том числе рассматривался и вопрос сооружения железной дороги, связывающей Монголию с Транссибом (Краткая записка по вопросу о проведении Кяхтинской железной дороги. Иркутск, 1914. С. 3–4).

К письму губернатора был приложен доклад канцелярии, в котором говорилось, что сибирские города высказались против образования акционерных железнодорожных компаний, о чем, например, проинформировали губернатора канский городской голова, селенгинский городской староста, верхнеудинский городской голова, мысовской городской староста, а также Ачинское, Минусинское и Забайкальское совещания. И только кяхтинское купечество решило помочь правительству, для чего просило губернатора в содействии по организации изысканий и строительства дороги до Кяхты, которая должна была обеспечивать пропускную способность в 21 пару поездов в сутки. При этом половину расходов на изыскательские работы кяхтинское купечество брало на себя. Получив разрешение, кяхтинское купечество разработало примерный устав акционерного общества. Таким образом, в этой книге подтверждается факт, что устав первого в Сибири железнодорожного акционерного общества был разработан в Кяхте в 1909 г.

Как же можно объяснить, что общественность Мысовой, Кяхты, Иркутска даже после решения МПС настаивала на Мысовском варианте?

Дело в том, что на всех совещаниях по вопросам развития торговых сношений с Монголией предпочтение всегда отдавалось Мысовскому варианту. Это было подтверждено на совещаниях в Иркутске, созванных генерал-губернатором Л.М. Князевым в декабре 1912 г. и в январе — феврале 1913 г. И, наконец, Особое межведомственное совещание по русско-монгольским делам, проходившее в Петербурге под руководством иркутского генерал-губернатора 13 июня 1913 г., также постановило признать заслуживающим самого серьезного внимания направление железной дороги Мысовая-Кяхта. Против этого не возражало военное ведомство. Именно последнее совещание и дало повод сторонникам Мысовского варианта еще раз попытаться изменить решение правительства в свою пользу. Кроме того, все доводы противников Верхнеудинского направления опирались на материалы, представленные руководителем экспедиции по изысканиям железнодорожной линии Мысовая—Кяхта—Урга—Калган А.И. Верблюнером (Верблюнер А.И. Проект постройки железной дороги от Мысовска до Троицкосавска и Кяхты в связи с ее продолжением по Монголии через Ургу и Калган // Труды ТКРОГО. 1911. Т. 12. Вып. 1–2. С. 11–40).

Автор подчеркивал, что Кяхтинская железная дорога призвана возродить сухопутную торговлю России с Китаем в той части русско-китайской границы, которая находится вблизи главного центра Восточной Сибири — Иркутска и главного центра Монголии — Урги. Один из главных аргументов — с развитием железной дороги в Ленский золотопромышлен-

ный край Мысовск станет видным портом Байкала, через который будут снабжаться Ленские прииски.

Далее А.И. Верблюнер отмечает, что постройка Трансмонгольской железной дороги выдвинута жизнью. Более того, уже решение России о строительстве дороги на Кяхту заставит Китай немедленно приступить к созданию Трансмонгольской железной дороги по кратчайшему пути от Калгана в Ургу, как это было намечено указом китайского императора от 21 августа 1907 г. И как бы подводя итог своим мыслям, А.И. Верблюнер отмечает, что в интересах Кяхты и России, чтобы постройке Трансмонгольской магистрали предшествовала дорога до Кяхты и Урги.

Нужно заметить, что имелось немало публикаций по обоснованию правильности выбора правительством Верхнеудинского варианта (Общая записка, составленная на основании рекогносцировочных данных по обследованию железнодорожного пути Верхнеудинск–Кяхта. Верхнеудинск, 1911; Ответ сторонникам Мысовского варианта по вопросу о направлении Кяхтинской железной дороги. Верхнеудинск, 1914).

Одна из них была подготовлена руководителем экспедиции по проведению рекогносцировочных работ А.С. Котовым. Автор признает, что инициатором проекта этой дороги было кяхтинское купечество. Собрание кяхтинского купечества 16 февраля 1909 г. постановило выделить 200 тыс. р. на проведение изыскательских работ, а 3 июля последовало высочайшее разрешение на проведение изысканий по линии Мысовая–Кяхта. Этот проект был утвержден межведомственным совещанием в Петербурге весной 1911 г., где было рекомендовано строить дорогу за счет средств казны. Вот тогда-то Верхнеудинская городская дума и обратилась с ходатайством о проведении железной дороги на Кяхту от Верхнеудинска (Общая записка, составленная на основании рекогносцировочных данных по обследованных железнодорожного пути Верхнеудинск–Кяхта. Верхнеудинск, 1911. С. 1).

Таким образом, по мнению А.С. Котова, кяхтинское купечество ощущало острую потребность в железной дороге и готово было хотя бы частично финансировать ее строительство, оно начало ходатайствовать об этом с весны 1908 г., а общественность Верхнеудинска активизировалась только с весны 1911 г., когда стало известно, что дорога будет строиться за государственный счет. Тем не менее, по мнению А.С. Котова, именно Верхнеудинский вариант удачен, ибо строительство дороги тогда принесет желаемые результаты, когда для нее имеются соответствующие предпосылки. Даже беглый взгляд на этот план показывает, что прокладка рельсового пути вблизи рек Хилок и Чикой, где сохранился старинный почтовый тракт из Верхнеудинска в Кяхту, будет естественна. А направление линии от Мысовой станет искусственной мерой, «призывающей» к жизни те местности, где еще не созданы экономические и другие условия.

В другой брошюре подчеркивается, что неотложность сооружения Кяхтинской железной дороги впервые была высказана в 1906 г. на со-

вещании о путях сообщения в Иркутске (Ответ сторонникам Мысовского варианта по вопросу о направлении Кяхтинской железной дороги. Верхнеудинск, 1914. С. 5).

Автор публикации остался неизвестным, но подходы его позволяют увидеть его место в развернувшейся борьбе: он критикует позиции кяхтинских коммерсантов, которые уже неоднократно пытались навязать правительству и общественности свою волю. И это, по мнению автора, продолжается в новых публикациях и т.д. Правда, развивая аргументацию в защиту Верхнеудинского варианта, автор, хотя и делает это оригинально, не приводит каких-либо новых аргументов.

Интересны материалы сборника, подготовленного МПС по результатам изысканий и проектирования Кяхтинской железной дороги (Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении / под общ. ред. П.П. Червинского. СПб., 1913). В его основу легли данные экономического исследования российской и монгольской сторонами района проектируемой Кяхтинской железной дороги, проведенного летом 1912 г. группой под руководством А.Е. Богдановского. Авторы подчеркивают, что влияние проектируемой линии распространяется на значительную часть Монголии, составляющую площадь в 700 тыс. кв. верст, и на этой площади проживает до 600 тыс. чел. Эти данные весьма показательны: согласно им, население Монголии, проживающее в полосе тяготения к этой дороге, по численности было почти в три раза больше, чем русское население, проживающее вдоль трактов к границам с Монголией. Торговый оборот Монголии тогда оценивался в 100 млн р., но доля России составляла всего лишь 20%. И только железная дорога могла позволить значительно увеличить долю России в товарообороте Монголии.

Вопрос о возможном влиянии железной дороги в Монголии рассматривался уже ранее в работах российских общественных деятелей. Одна из них — работа П.А. Бадмаева, написанная еще в 1900 г. (Бадмаев П.А. Россия и Китай. СПб., 1900. 89 с.). Эта книга была подготовлена на основе записок, писем и статей автора, сделанных им в ходе поездки в Монголию и Китай. В письме от 2 июня 1893 г. в разделе «Сибирская железная дорога» указывалось, что «прочное положение России на монголо-тибетском востоке, непоколебимое ничьим влиянием, должно служить фундаментом для вечного сибирского железнодорожного пути, сооружение которого отныне неразрывно связано с именем Августейшего Созидателя его» (Бадмаев П.А. Указ.соч. С. 22–23). А в октябре 1893 г. автор замечает: «...быстрота постройки Сибирской железной дороги, напряженное внимание, с которым следит за ней Западная Европа, невольное пробуждение представителей Маньчжурской династии вследствие постройки этой линии, изыскания: они делают для своей железной дороги по направлению к нам под руководством европейцев. И все это ускорит события, которые должны будут там совершиться на основании исторического хода дела» (Там же. С. 23). Поэтому, считает П.А. Бадма-

ев, потеря одного года при настоящем положении равносильна потере десятков лет в прежнее время. Проводя железную дорогу до Великого океана, частично по чужой территории, подчеркивал П.А. Бадмаев, Россия должна не только вовлечь Сибирь в производство и обеспечить переброску грузов с запад на восток и наоборот, а также поддерживать боевую готовность тихоокеанского флота, но и способствовать сближению с монголо-тибето-китайским востоком. Автор делает вывод, что такая громадная великая Сибирская железная дорога должна быть ограждена от всяких случайностей и уже ради сохранения ее Россия не должна допускать укрепления в Китае своих соперников. И если Россия допустит промедление в этом деле, то ее соперники воспользуются этим в своих военных и других интересах.

Таким образом, в публикациях различного характера еще до 1917 г. была обоснована экономическая, политическая и военно-стратегическая потребность России в строительстве железной дороги на Кяхту и далее до столицы Монголии — Урги и в Китай. Но первая мировая война, революции и гражданская война не позволяли построить дорогу Верхнеудинск–Кяхта. После установления советской власти изыскательские работы на Верхнеудинском направлении проводились в 1927, 1928, 1934 гг. В 1936 г. было принято решение о проведении окончательных изысканий и разработке проекта сооружения железной дороги Улан-Удэ–Кяхта (Заудинск–Наушки). Строительство дороги было поручено ГУЛАГу НКВД. В 1937 г. начались строительные работы, и в январе 1939 г. началось рабочее движение. Причины, которые обусловили необходимость сооружения этих линий, достаточно убедительно были обоснованы еще в 1893–1916 гг.

И.С. ЦЫРЕМПИЛОВА

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БУРЯТИИ (1917–1940 гг.)

Отечественная историография проблемы государственно-церковных взаимоотношений начинает формироваться сразу после Октябрьской революции, когда политика советской власти по отношению к религиозным конфессиям нашла выражение в ряде законодательных актов, среди которых основным являлся Декрет СНК от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Воплощением антирелигиозной политики Советской власти стала борьба с православием как идеологией, основным направлением борьбы — агитационно-пропагандистская деятельность. Начало советской историографии государственно-церковных взаимоотношений можно от-

нести к теоретическим работам Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, П.А. Красикова, Е.М. Ярославского, И.И. Скворцова-Степанова, А.В. Луначарского (Троцкий Л.Д. В борьбе за новый быт. М., 1924; Бухарин Н.И. Реконструктивный период и борьба с религией. М., 1929; Красиков П.А. На церковном фронте (1918–1923). М., 1923; А.В. Луначарский. Христианство или коммунизм. Диспут А.В. Луначарского с митрополитом А.Введенским. М., 1926; Е.М. Ярославский. На одном из боевых участков // Антирелигиозник. 1929, № 7; Он же. О самокритике в ССБ // Антирелигиозник. 1929. № 12; Он же. Против религии и церкви. М., 1932; Он же. 10 лет на антирелигиозном фронте. М., 1927 и др.)

В их работах церковь представлена исключительно как одна из опор свергнутой царской власти и контрреволюционной деятельности в ходе революции и гражданской войны, раскрывается антинародная позиция духовенства. Концептуальные установки этих работ определили методологическую основу советской историографии проблемы.

Однако в 1920-х гг. еще был возможен относительный научный плюрализм. Так, в связи с обновленческим расколом в Русской православной церкви на страницах церковных изданий открывается полемика между священниками староцерковцами и живоцерковцами, увеличивается выпуск церковных листовок, обращений к народу. В этих изданиях священники ставили вопрос о взаимоотношении церкви и Советской власти «на началах незыблемого мира и полной благожелательности» (Епископ Борис (Рукин). О современном положении Русской Православной Патриаршей церкви. М., 1927. С. 8).

Важной чертой историографии тех лет, определившей во многом характер работ, была узость источниковедческой базы. Основными источниками являлись декреты советской власти, письма В.И. Ленина, труды партийных идеологов, официальная советская и коммунистическая периодическая печать. Также характерной чертой многих советских работ являлось «тенденциозное отношение к анализу церковных документов, когда вырванные из контекста цитаты подгонялись под заранее заданные положения и выводы» (Кашеваров А.Н. Советское государство и Русская Православная церковь в 1917–1922 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998. С. 35). Закрытость и недоступность основного корпуса источников по проблеме, субъективное использование церковных документов предопределили упрощенность, схематичность и фрагментарность исторических исследований.

Особо негативное отношение к церкви как к классовому врагу проявилось в многочисленных работах активных деятелей атеистического движения конца 1920–1930-х гг. При этом можно выделить две группы работ. Первая — раскрывала антинародную деятельность духовенства и контрреволюционную сущность церкви и представляла антицерковную пропаганду (Абросенко К. Религия на службе контрреволюции Сибири. Иркутск, 1938; Амосов Н. Октябрьская революция и церковь. М.,

1937; Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на юге. М., 1931; Парнищев А.С. Церковная контрреволюция и гражданская война. М.; Л., 1930 и др.). Вторая — отражала деятельность государства по преодолению религиозности населения и раскрывала содержание и формы антирелигиозной работы (Олещук Ф.П. В поход на Бога. М.; Л., 1929; Муравьев Е. За воинствующее безбожие. М.; Л., 1931; XX-летие отделения церкви от государства. М., 1938. и др.).

Наиболее активным автором этого периода был известный историк-атеист и публицист Б.П. Кандидов, который разоблачал «контрреволюционную деятельность» духовенства на различных этапах революции, гражданской войны, «мирного строительства» (Кандидов Б. Японская интервенция в Сибири и церковь. М., 1932; Он же. Голод 1921 г. и церковь. М.; Л., 1932; Он же. Религиозная контрреволюция 1918–20 гг. и интервенция. М., 1930). Подобное освещение роли служителей культа проводится в работах Е.Ф. Грекулова и др. (Грекулов Е. Нравы русского духовенства. М., 1928. Мункин Д. Итоги одного диспута // Жизнь Бурятии. 1929, № 2.; Машенко В. Антирелигиозная борьба в БМАССР // Антирелигиозник. 1930, № 8–9). В этот же период были опубликованы статьи А.С. Долотова, посвященные состоянию антирелигиозной пропаганды в Бурятии, который, являясь одним из руководителей Союза Воинствующих безбожников республики, указывал на недопустимость администрирования в процессе атеистической работы (Долотов А.С. К вопросу об изучении религиозного движения и отрицания религиозных верований // Культура Бурятии. 1932. № 1. С. 42–50).

Таким образом, «относительная альтернативность суждений в сфере исторического знания применительно к данной проблематике постепенно сменяется концепцией воинствующего атеизма» (Чимитова Д.К. Национальные районы Сибири 1920–1930-х гг. в отечественной историографии: экономика и культура. Улан-Удэ, 2005. С. 197).

Во время Отечественной войны и в послевоенные годы между властью и православием стал возможен «неожиданный диалог». Это было вызвано огромной моральной и материальной поддержкой со стороны духовенства и верующих, оказанной государству в годы войны. Этим объясняется и появление работ, содержащих сведения по истории православных монастырей на территории Бурятии, миссионерской деятельности православного духовенства.

С конца 1950-х гг. возросший общий уровень советской исторической науки и относительная либерализация общественной жизни сделали возможным появление более качественных научных исследований, посвященных проблемам церковной истории в послереволюционные годы. Авторы послевоенного периода считали, что борьба против религии и церкви в целом приобрела характер идеологической борьбы за господство научного мировоззрения.

С образованием Бурятского комплексного научно-исследовательского института в рамках созданного Сибирского отделения АН СССР,

а затем Бурятского филиала СО АН СССР появляются исследования по истории религиозных конфессий. 1960–1970-е гг. характеризуются проведением многочисленных экспедиций, семинаров, конференций, где большое значение придается в первую очередь атеистической работе. Материалы экспедиций нашли отражение в изданных сборниках «Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становление новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири» (1966), «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири» (1975), «Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX–начало XX вв.)» (1979) и ряда других.

В 1970–первой половине 1980-х гг. появляются монографические труды по истории и философии православия. Среди серьезных исследований отметим работы философов — атеистов Н.С. Гордиенко, П.К. Курочкина, И.А. Крывелова (Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20–80 гг. XX столетия. М., 1984; Он же. Современное русское православие. Л., 1988. Курочкин П.К. Социальная позиция русского православия. М., 1969; Он же. Эволюция современного русского православия. М., 1971. Крывелов И.А. История религий: очерки в 2-х т. М., 1979. Он же. Русская православная церковь в первой четверти XX в. М., 1982), затрагивающие государственно-церковные отношения в СССР в целом и их отдельные аспекты.

Крупное исследование по истории религии и атеизма, классовой борьбы в 1917–1937 гг. в Сибири проведено И.Д. Эйнгорном (Эйнгорн И.Д. Октябрьская революция и позиции церковников Западной Сибири. Новосибирск, 1969; Он же. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). Томск, 1982; Он же. Религия, церковь и классовая борьба в Сибири в переходный период от капитализма к социализму (1917–1937 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1985). Автором были рассмотрены различные аспекты «церковной контрреволюции». Среди них — роль церкви в заговорах и мятежах, классовая сущность, причины краха, политическая переориентация духовенства. Исследователем было изучено огромное количество документов из центральных и местных архивов, привлечены церковные документальные источники, епархиальная печать.

Исследованию истории принятия декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Забайкалье в 1918–1923 гг., изучению характера и форм борьбы духовенства посвятил диссертационное исследование М.Л. Нейтман. Один из его выводов заключался в том, что весной-летом 1918 г. борьба против отделения школы от церкви, которую возглавила Забайкальская епархия и значительная часть духовенства, приняла острые формы, вплоть до попыток организации антисоветского восстания в г. Чите (Нейтман М.Л. Проведение ленинского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Забайкалье (1918–1923 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974).

Характерной чертой советской историографии того времени было отсутствие разделов по проблеме государственно-церковных отношений в обобщающих трудах по истории. Проблема затрагивалась лишь в связи с характеристикой декрета «Об отделении церкви от государства» и Декларацией 1927 г. митрополита Сергия. Это относится как к многотомным академическим изданиям «История СССР с древнейших времен до наших дней», «История КПСС», «История Сибири», так и к «Истории Бурятской АССР», «Очеркам истории Бурятской организации КПСС», «Очеркам истории культуры Бурятии». Для всех изданий характерен партийно-классовый подход к религии, когда основное внимание обращается на необходимость антирелигиозной работы и атеистической пропаганды.

Со второй половины 1980-х гг. в связи с изменениями в экономической, политической, общественной жизни страны, стали возможны дискуссии по истории советского общества, особенно периода 1920–1930-х гг., продолжают исследования по истории и идеологии православия. В коллективном труде «Русское православие: веки истории» вопрос о взаимоотношении Советской власти и церкви отражен в специальном разделе, где сделан следующий вывод: «Церковь сумела найти свое место в советском, социалистическом обществе на путях лояльности и солидарности с основными идейными ценностями советского народа» (Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 8). В этот период продолжают исследования Л.Л. Абаевой по религиозной модернизации, которая отмечает идентичность многих аспектов обновленческого движения в буддизме и православии (Абаева Л.Л. Модернистские тенденции в современном буддизме. Улан-Удэ, 1988. С. 82).

Вплоть до конца 1980-х гг. характерной чертой советской историографии была однобокость и упрощенность в подходах к изучаемой проблеме. Они проявлялись в том, что деятельность церкви изучалась только с точки зрения борьбы против установления советской власти, исполнения религиозного законодательства и т.д. Практически не рассматривалась и оставалась вне критики деятельность государства по регулированию взаимоотношений с церковью, деятельность и роль спецслужб в проведении «церковной» политики изучаемого периода, не исследовались документы органов высшего церковного управления и др. Таким образом, в советской историографии проблема взаимоотношений Советского государства и православия в 1917–1940 гг. в стране в целом и в Бурятии в частности являлась одной из наименее изученных в исторической литературе.

РЕЦЕНЗИИ

Ю. П. ВАХРУШЕВ

СТАРООБРЯДЧЕСТВО — ФЕНОМЕН ПРОШЛОГО ИЛИ НАСТОЯЩЕГО*

В современном мире складывается достаточно своеобразная ситуация — по мере развития науки и техники, открытия все новых тайн природы, повышения культурного и образовательного уровня широких слоев населения происходит заметный даже невооруженным взглядом рост влияния религии на разные стороны жизнедеятельности как отдельных людей, общества в целом так и государства.

Это, парадоксальное на первый взгляд, явление в последнее время вызывает все больший интерес не только у широких кругов общественности, но и в среде специалистов. Объектом их исследований становятся не только религиозно-философские основы различных конфессий или этно-конфессиональных групп, но и выяснение той роли, которую они выполняли и выполняют, а возможно будут выполнять по сохранению и воспроизводству традиций духовной и материальной культуры наиболее устойчивым носителем которой они и выступают. Внимание такого рода обусловлено, прежде всего, тем, что, по общему мнению, российское общество уже довольно длительное время, находится в глубочайшем духовно-нравственном кризисе. И все эти годы озабочено поисками новых морально-этических ценностей, опора на которые позволила бы вывести его из столь неприглядного и печального состояния.

В этой связи определенный интерес представляет небольшая по объему, но емкая по содержанию монография Кострова А.В. «Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX–начале XX вв.».

Следует отметить, что старообрядчество во всем его проявлении чрезвычайно интересный объект исследований. Так как оно, практикой своего более чем сложного, трехсотлетнего существования, наряду с официально господствующему и вопреки ему создало и реализовало альтернативный вариант, как в духовной, так и в материальной жизни. Проводя их многосторонний анализ, авторы многочисленных исследований, проведенных как более ста лет тому назад, так и в наши дни приходят к выводу о том что, староверчество в своих деяниях во многом оказалось более успешным, чем его оппонент — официальная церковь и российская государственность.

---

* Костров А.В. Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX–начале XX вв. Иркутск: Оттиск, 2006. 160 с.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что автором выбран весьма интересный период в истории развития староверчества, когда российская империя, потерпев унизительное военно-политическое поражение в Крымской войне, оказалось в состоянии глубокого системного кризиса. В этих условиях это движение в лице своих наиболее последовательных и стойких и ярких представителей дало наиболее удачный для того времени вариант самореализации личности не только в духовно-религиозной сфере, но по большей части и в сфере материально-ценностной. Думается, в свете переживаемых современным российским обществом событий, обращение автора именно к этому периоду существования движения более чем актуально. Можно предположить, что, в известной мере, опыт тех давних лет был бы весьма интересен даже, в какой-то мере, востребован и в наши не менее сложные для российского государства дни.

Рассматривая староверчество, как своеобразный феномен общественной жизни автор, полемизируя с другими исследователями, дает трактовку его основным характерным чертам и на этом основании формулирует собственное определение движения. В авторской трактовке «старообрядчество — это относительно свободное творчество определенной части народа на традиционной основе (что определяюще), во всех областях жизни, имеющее характер протеста по отношению к ограничивающим тенденциям» (С. 16). В монографии отмечается, что именно «творчество» в философском понимании этого термина наиболее точно определяет суть староверия как исторического явления. Это творчество воплощалось во всех сферах жизни, но наиболее полно оно проявлялось в религиозной, культурной, социальной, экономической, политической жизни его последователей. Безусловно, оно носило относительный характер, так как адепты его отказывались признавать официально — внешнее регулирование и старались развивать все системы своих отношений самостоятельно. Однако основополагающим фактором старообрядческого творчества выступало не только и не столько неподчинение светским и духовным властям, а то, что это творчество осуществлялось на твердой традиционной основе. В свою очередь эта прочность определялась идеологией староверчества центральным звеном, которой выступали религиозные убеждения, но они не были исключительно церковными. Старообрядцы сохраняли и развивали не только древнеправославное учение, но и аспекты своей доктрины, относящиеся к культуре, хозяйству, общественным связям. Правда как отмечается автором, это сохранение и развитие в силу своей специфики практически не нашло отражения в старообрядческой литературе «как это было с религиозным компонентом» (С. 29) и проявлялось прежде всего на бытовом уровне староверов. Именно на этом уровне под воздействием древне-отеческих религиозных убеждений формировалась и развивалась специфическая культура староверчества.

В своем исследовании автор подчеркивает мысль о том, что основами старообрядческой культуры выступают два компонента — стабильный

и подвижный. Первый компонент — это традиция религиозно-духовная, культурная, хозяйственная, социальная, политическая, проявившаяся в сохранении древнеправославной духовности до раскольного периода. Второй компонент — это новации, то есть черты культуры, оформившиеся под воздействием обстоятельств, среды и времени, но на основе следования традиции. Эти новации у разных согласий и толков старообрядчества, в силу действия ряда причин, могли быть и были разными. Но основой творчества разных направлений старообрядчества была одна — древнерусская традиция. Отвечая на вопрос о том, почему староверы так высоко ценили древнерусскую традицию и не хотели расставаться с ней даже под напором постоянных репрессий со стороны государства.

Автор обращает внимание читателя на не случайность появления ее. В данном случае традиция выступает как проявление стратегии выживания определенного автономного сообщества людей, существующего в некой внешней зачастую враждебной среде. При этом отмечается, что, как правило, в традиционных культурах существует адаптационный аппарат, который применяется ко всем новым явлениям жизни, проверяющий их на совместимость с традиционными ценностями. Поэтому до раскольная Русь воспринималась старообрядчеством как основа жизнеустойчивости общества, которое они сохраняли и воспроизводили во всех сферах своей деятельности. Можно согласиться с автором о том, что главной целью сторонников движения была неприкосновенность древнерусского варианта православия, а следствием стало сохранение и воспроизводство глубинных наиболее ценных пластов национальной культуры во всех ее проявлениях, но на основе развития устойчивой традиции. Поэтому традицией дорожили, стремились ее сохранить и логически развить во всем ее многообразии.

Опираясь, на этот вывод в монографии обосновывается мысль о том, что старообрядчество отнюдь «не было единой системой взглядов» (С. 19). Напротив, по мнению автора, объединяющим началом в системе взглядов староверчества всегда была и оставалась традиция и характер отношения к ней ее последователей. Имевшее место большое количество толков и согласий — это во многом только результат разной интерпретаций разными последователями «старой веры» тех или иных черт общей традиции. Различия в этих интерпретациях, также как и они сами, это и есть проявление творчества в старообрядчестве. А результаты творчества, как известно, абсолютно идентичными быть не могут. Более того, они, отвечая на потребности существования движения в окружающем мире, становились в сложившихся условиях своеобразным проявлением стратегии выживания. Однако каким бы большим не было разнообразие толков и согласий — они были едины перед внешним миром. Это единство определялось традицией и, прежде всего, ее религиозной составляющей.

Рассматривая характер взаимоотношений староверческого движения с окружающим миром его место и роль в нем, автор приходит к выводу о наличии «прямой зависимости экономических и других успехов представите-

лей старообрядчества, в частности во второй половине XIX–начале XX вв., от старообрядческой идеологии и старообрядческого уклада жизни» (С. 20). Именно эти последние и стали основой количественного и качественного роста старообрядчества особенно после реформ 1860-х гг. Представители движения, опираясь, прежде всего, на свою идеологию и особенности уклада жизни, в массе своей стали весьма активно проявлять себя в деловой сфере. В итоге, уже к началу XX столетия, старообрядцы довольно быстро превратились в реальную, вполне самостоятельную экономическую силу, более того по ряду позиций они стали занимать ведущее положение в хозяйстве страны. Эти успехи привели их и к росту влияния в других не менее важных областях жизнедеятельности российского общества. В ходе такого развития менялось и само старование, оно под воздействием внутренних и внешних факторов постепенно эволюционировало в сторону большей открытости миру, большему взаимодействию с «официальным» обществом.

Подобные процессы привели к тому, что в известном смысле изменилась и самооценка движения. В монографии отмечается, что «в трудах староверческих авторов значительно сократился радикализм во взглядах на мир, официальную церковь, другие согласия старообрядчества. Это, кроме всего прочего, нашло отражение в терминологии, которая становилась менее критичной, чем ранее. Изменился и язык старообрядческих произведений, который в процессе своего развития стал гораздо ближе к бытовавшему тогда гражданскому языку» (С. 139). Появляются «общестарообрядческие» труды, посвященные историко-философскому осмыслению изначальных ценностей, истории, места и роли движения в жизни российского общества того времени, его будущего.

Обобщая, результаты своего исследования автор подчеркивает мысль и, с этим трудно не согласиться, о том, что сохраняется весьма обширное поле для дальнейшего более углубленного изучения такого непростого явления прошлого и настоящего в жизни российского общества как старообрядчество.

В целом монография Кострова А.В. представляет собой многоплановое и весьма интересное исследование в котором, озвучивается авторский взгляд и дается оценка наиболее важных черт старообрядческого движения. Несомненно, заинтересованный читатель найдет для себя много любопытного и поучительного в этой работе.

Р.Ю. ЗУЛЯР

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ИССЛЕДОВАНИИ СИБИРСКИХ ИСТОРИКОВ*

В последние десятилетия в нашей стране принципиально вырос интерес к истории Русской православной церкви. Это вызвано и ростом

* Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII–начале XX вв. Иркутск, 2006.

общей религиозности общества, и поиском многими россиянами истоков своей ментальности и процессом духовной самоидентификации. На первый взгляд для решения этих задач у жителей нашей страны достаточно источников информации, но это впечатление — обманчиво.

Первая фраза книги «Русское православие: вехи истории» под научной редакцией А.И. Клибанова, опубликованной на заре «перестройки» в 1989 г., звучит так: «История православной церкви в России остается до сих пор одной из наименее разработанных областей советской историографии». Прошло почти два десятка лет, но данная фраза, с поправкой на «российскую», актуальна до сих пор. Серьезных, научно добросовестных изданий за прошедшие годы в нашей стране появилось не так уж и много. В связи с этим, по мнению автора, книга А.В. Дулова и А.П. Санникова «Православная церковь в Восточной Сибири в XVII—начале XX вв.», вышедшая в 2006 г. в Иркутске, представляется весьма актуальной и широко востребованной.

Авторами изучен и использован большой массив разнообразных источников, многие из которых введены ими в научный оборот. Другие источники, уже известные исследователям и вызывающие разные оценки, получили с их помощью новую интерпретацию. Конечно, прошло еще слишком мало времени для объективного исторического переосмысления событий, произошедших за последний век в России, но начинать эту работу никогда не рано. Авторы монографии поставили перед собой задачу не только освободить церковную историю от конфессиональной предвзятости, но и поставить ее в контекст гражданской истории. Они попытались, рассмотрев проблему в общей системе социально-экономической, политической и культурной истории, определить ее место в этой системе и на этой основе, изучить деятельность, социальную роль и идеологические функции Русской православной церкви.

Быть объективным и интересным, дать материал одновременно информационно насыщенный и многообразный, и при этом не оскорбить религиозные чувства читателя — непросто. Но, как представляется автору рецензии, им это удалось. Чтобы решить эту непростую задачу, авторы исследования постарались быть максимально беспристрастными и объективными. Заявляя о своей приверженности к научному подходу, в предисловии монографии они отметили, что «стремятся дать объективную картину жизни церкви, не впадая ни в «обвинительный уклон»... ни в апологетику».

А.В. Дулов и А.П. Санников рассмотрели процесс прихода и распространения Православного вероисповедания по территории Восточной Сибири, начиная с XVII в. — до Октябрьской революции 1917 г. Последовательный показ событий они начали с процесса присоединения к России сибирских территорий, с колонизации региона русским населением. Трансформации внедрения и распространения православной веры, и происходившие в связи с этим события, как постоянно подчеркивают авторы,

являются неотъемлемой частью общероссийского исторического процесса со всеми его особенностями и спецификой.

Основной метод исследования, использованный авторами в монографии, — историко-генетический, позволяющий последовательно раскрыть свойства, функции и изменение изучаемых явлений в процессе реальной истории объекта познания. Монография является междисциплинарным исследованием, произведенным на стыке истории и религиоведения.

Осуществляя исторический анализ, авторы использовали соответствующую методологию и понятийный аппарат. Они опираются на данные епархиальных изданий, этнографические труды и статистические сборники. Принципиален и важен произведенный ими анализ памятников зодчества и шедевров иконописи. Особый интерес вызывают показанные авторами судьбы, биографии и отдельные факты жизни исторических персонажей, сыгравших важную роль в процессе становления и развития русского православия в регионе.

Необходимо отметить, что авторы изучали проблему с учетом национальных, этнических особенностей Восточной Сибири. Ими выявлена специфика функционирования Православной церкви в различных местностях и рассмотрены важнейшие проблемы и коллизии, сопровождавшие процесс колонизации и внедрения новой для региона религии. К ним относится взаимодействие клириков и населения, борьба и взаимовлияние различных конфессий, строительство культовых построек, миссионерская деятельность, духовное образование и другие. Историческим фоном изучаемых процессов являлась динамика административно-территориального деления Восточной Сибири. Этот огромный регион в течение рассматриваемого периода неоднократно менял свою внутреннюю административную и епархиальную структуру. Менялся статус территорий, их административные границы, трансформировались епархии — как в количественном, так и в территориальном плане.

Авторами в работе выделены четыре периода истории Русской православной церкви в ее Восточно-Сибирском территориальном аспекте. Основой выделения первого и второго периода стал календарный подход (XVII и XVIII вв.), а деление на третий (1805–1860-е гг.) и четвертый (1861–1917-е гг.) произведено по событийному принципу. Здесь в основу периодизации положено влияние на жизнь региона крупных социально-политических изменений и их взаимосвязь с общероссийскими процессами.

Историю распространения православия в Восточной Сибири авторы ведут с 1607 г., обозначив ее фактом воздвижения отрядом казаков православного креста на первом зимовье. Первым крупнейшим Православным центром стал Енисейский острог — объединение нескольких зимовий и часовен. Первым крупным культовым сооружением стала Енисейская Введенская церковь, построенная в 1623 г.

Анализ истории строительства культовых сооружений, проведенный А.В. Дуловым и А.П. Санниковым, позволил им выявить и означить дина-

мику их количественного и качественного роста. По подсчетам авторов, к концу XVII в. в Восточной Сибири было 50 православных церквей, к концу XVIII в. — 225 (без монастырских). К 1860 г., когда Восточная Сибирь была поделена на Иркутскую, Забайкальскую, Якутскую и Енисейскую епархии, количество культовых сооружений приблизительно достигло 390. И, наконец, к концу четвертого выделенного периода их число возросло почти в 4 раза, достигнув рубежа в 1055 церквей и 1035 часовен и молитвенных домов. Важнейшим критерием качественного изменения церковного строительства стал переход с начала XVIII в. от деревянных культовых сооружений к строительству каменных храмов. Культовые сооружения были в основном трех видов: храмы, молитвенные дома и часовни. По ряду причин (климатических, экономических, административных и др.) большинство их составляли часовни. К концу рассматриваемого периода на территории Восточной Сибири приступили к сооружению кафедральных соборов, часть из которых вступили в действие, а часть, к моменту революции 1917 г. и Гражданской войны, находилось в состоянии строительства или проектирования.

Церковное управление в Сибири в XVII в. изначально осуществлялось Тобольской и Сибирской епархией — самой обширной в это время. А непосредственно в Восточной Сибири организовывали духовную деятельность ее подразделения — десятины и заказы. Это создавало серьезные административные затруднения, усугубленные тем, что управленческий опыт епархий Европейской России не подходил к реалиям Сибири. Острая нехватка священнослужителей, не желающих ехать на только осваиваемые места, являлось сложной проблемой. В 1727 г. было принято решение об учреждении самостоятельной Иркутской епархии (охватывающей почти всю Восточную Сибирь за исключением бассейна Енисея), и это событие стало переломным и значимым для развития Русской православной церкви Восточной Сибири. Шел процесс формирования органов епархиального управления и местных церковных округов. В процессе присоединения новых земель, роста численности населения, и, соответственно, приходов, менялись границы епархий.

Проживание многих народностей, говорящих на разных языках, имеющих свою религиозную культуру, представляло известную сложность для ведения проповеднической деятельности в регионе. Чаще всего это были различные варианты язычества. К середине XVII в. на территорию Восточной Сибири проник буддизм, из центра прибывали староверы, а в XVIII в. появились лютеране, католики, мусульмане, были замечены представители религиозных сект.

Образовательная деятельность РПЦ в регионе началась с 1722 г. в связи с открытием школы при Туруханском Троицком монастыре. Затем в 1760 г. приступила к работе русско-латинская школа для детей духовенства. Тем самым было положено начало процессу создания в регионе церковной образовательной системы, включавшей в себя школы, учи-

лица и семинарии. В 1779 г. Священный синод издал распоряжение об открытии в Иркутске духовной семинарии — первого учебного заведения с централизованным финансированием. К началу XX в. в регионе было три духовных семинарии. Преподавательский состав, в частности, Иркутской семинарии, был квалифицированным, а в библиотеке заведения имелось большое количество ценнейших изданий. Проводились религиозно-нравственные чтения по истории христианства, православия, о деятелях русской церкви и другие акции. Духовенство Восточной Сибири в течение изучаемого периода провело значительную работу по воспитанию и образованию детей в религиозном духе. При этом особое внимание обращалось на моральную сторону дела, использовались и разнообразные формы внеклассного воспитания и обучения.

С 1860-х гг. в Восточной Сибири началось учреждение различных комитетов, советов, попечительств, братств и обществ религиозного характера. Стали проводиться собрания и съезды духовенства.

В 1857 г. вышли в свет первые газеты — Иркутские и Енисейские «Губернские ведомости». С 1863 г. в регионе появилась возможность выпускать печатные издания — «Епархиальные ведомости». Это, как указывают авторы исследования, «незаурядное явление в сибирской журналистике и ценнейший источник по истории церковной и религиозной жизни региона».

В 1912 г. оформились церковно-исторические, археологические общества. Существовали советы содействия учебным заведениям, активно помогавшие их учащимся. Например, в 1864 г. в Красноярске действовал Енисейский епархиальный училищный совет. Создавались духовные комиссии, епархиальные ревизионные комитеты. В годы Первой мировой войны появились органы, занимавшиеся оказанием помощи фронту.

Принципиально важна выявленная исследователями тенденция преемственности при занятии церковных мест. Дети священнослужителей привлекались родителями к помощи ведения служб. Они все чаще стали определяться на причетнические места и впоследствии заменяли своих родителей. Так возник эффективный институт рекрутирования сибирского православного клира. К концу XVIII в. четко проявилась тенденция сословного обособления приходского духовенства, формировались церковные династии.

В заключении авторы книги делают вывод о важной, в основном положительной роли православной церкви в Восточной Сибири. Они отмечают ее способствование «нравственному и патриотическому воспитанию и образованию, развитию и сохранению традиционной национальной культуры, благотворительности, изучению и хозяйственному освоению огромного края».

Тема, над которой работают А.В. Дулов и А.П. Санников, как представляется автору рецензии, нуждается в дальнейшей разработке, развитии и уточнении деталей и сущности происходивших процессов. Несмотря на

то, что с конца 1980-х гг. по данной тематике сибирскими историками проделана большая работа, все же многие вопросы являются недостаточно изученными. Обусловлено это рядом объективных причин, в том числе ограниченностью источников, большой территорией региона, трехвековым периодом. Немаловажным является то, что в результате реалити советского периода, объективные исследования по истории Русской православной церкви были прекращены как в регионе, так и в целом по стране. Процесс формирования широкого круга профессиональных историков церкви только начался, и многие важные проблемы еще не стали предметом их исследования. Поэтому хотелось бы верить, что авторы данного интересного и полезного исследования продолжат свою работу в этом направлении.

О.Б. ИСТОМИНА

ИСТОРИЯ. СОЦИУМ. ЭКОЛОГИЯ*

Название данной статьи является своего рода девизом монографии, посвященной изучению причин возникновения и обострения социально-экологической проблем в ходе индустриального развития Ангаро-Енисейского региона в 1950–1990 гг., выполненной кандидатом исторических наук, доцентом Ангарской государственной технической академии Н.В. Савчук.

Обращение историков к экологической проблематике началось только в 1980-е гг. Идет начальный этап накопления и осмысления фактического материала, определение основных направлений в исследовании социально-экологических процессов во второй половине XX в., имеющих логическое продолжение в современный период. Данное исследование является своего рода ответом на общественную потребность в поиске путей и вариантов выхода из состояния экологического кризиса. Его региональные проявления как часть глобального явления требуют глубокого научного осмысления. Это возможно на основе новых методологических и концептуальных подходов, утверждающихся ныне в отечественной исторической науке. Автор монографии рассмотрела проблему с позиций многофакторного анализа исторических событий, связанных с обострением социально-экологических проблем.

Структура работы, включающая четыре главы, логически выстроена. Первая глава посвящена методологическим и теоретическим аспектам. Прослеживая эволюцию научных взглядов по проблеме взаимодействия системы «человек — общество — природа» и указывая на междисциплинарность исследуемой темы, автор справедливо отмечает ее слабую изученность с позиций исторической науки на фоне активных разработок экологов, экономистов, географов, социологов и др. В связи с этим дается подробный историографический и источниковедческий анализ. В

---

* Савчук Н.В. Ангаро-Енисейский регион: социально-экологические проблемы хозяйственного освоения. 1950–1990 гг. Ангарск: АГТА, 2006. 294 с.

научный оборот вводится большой объем документов, нашедший отражение в архивах, сборниках отчетов о научно-исследовательской работе НИИ, ранее предназначенных для служебного пользования и других источников, не используемых историками в силу закрытости информации для широкого научного изучения и общественного обсуждения.

Вторая глава посвящена характеристике концепции хозяйственного освоения региона и формированию региональной экологической политики. Автор отмечает, что преимущественное развитие Сибири в исследуемый период являлось объективной и устойчивой закономерностью эффективного функционирования экономики всей страны. Провозглашенную идею комплексного использования природных ресурсов реализовывали в рамках создания территориально-производственных комплексов, но их формирование осуществлялось без учета экологической емкости территории. На основе анализа многочисленных фактов автор выявляет основные причины обострения экологических проблем, в том числе создание предприятий только по первичной переработке сырья, декларативность принимаемых природоохранных решений, несовершенство механизма их реализации, технократическое отношение к природопользованию и др.

Курс на ускоренное развитие экономики региона требовал улучшения методов управления, перехода от технико-экономических критериев развития к эколого-социально-экономическим, к более полному учету региональных интересов. Для стимулирования рациональной хозяйственной деятельности от местных органов власти требовалось использовать не только административные, но и экономические методы воздействия на нарушителей природоохранного законодательства. Но ограничение демократических начал и сужение полномочий местных органов власти, отчуждение человека от средств производства и управления обществом привело к подмене общенародных интересов и целей природоохранной деятельности ведомственными интересами. Разбросанность природоохранных функций по различным властным структурам без четкого разграничения полномочий усугубляло фрагментарность экологических решений. Сложившаяся модель охраны окружающей среды была нацелена на ликвидацию уже имеющихся отрицательных последствий хозяйственного освоения, а не на их предупреждение.

В то же время, анализ государственной экологической политики и ее проявлений в регионе позволил автору сделать вывод об эволюции подходов к решению природоохранных проблем. Во второй половине 1980-х гг. под влиянием социально-экономических и политических изменений проявились новые тенденции в осуществлении экологической политики. Они выразились в формировании специализированной государственной системы охраны природы, разработке долговременных экологических программ как на общесоюзном, так и региональном уровне, создании основ законодательной базы рационального природопользования на принципах платности за использование ресурсов и загрязнение окружающей среды.

К началу 1990-х гг. в Ангаро-Енисейском регионе появились программы, где социальные и экологические проблемы стали объектом специального исследования. Вопросы жизнедеятельности человека и состояния окружающей среды в них стали рассматриваться не только в качестве условий создания индустриальной базы, но и в качестве самостоятельных целей региональной политики. Тем самым была заложена основа для формирования новой стратегии экологического регулирования, перехода к профилактике и минимизации отрицательных последствий хозяйственной деятельности, к учету региональных экологических интересов в контексте общероссийского развития.

В третьей главе монографии рассматриваются вопросы научного обеспечения рационального природопользования и экологической безопасности региона. Показан процесс становления научных организаций, формирования тематики исследований, внедрения разработок в производство и др. Координация научной тематики в рамках программы «Сибирь» позволила систематизировать исследования, объединить весь цикл работ от этапа теоретических и экспериментальных разработок до практического внедрения и составления рекомендаций плановым и хозяйственным органам по охране окружающей среды. Но, по мнению автора, несмотря на охват исследованиями широкого круга природоохранных проблем, не удалось повлиять на изменение в лучшую сторону экологической ситуации в регионе. Научное обеспечение хозяйственного развития значительно отставало от практических работ по использованию природных ресурсов. С точки зрения автора, недостатки были следствием застойных явлений, которые в целом тормозили социально-экономическое развитие страны. Кардинальное решение природоохранных проблем находилось в прямой зависимости от перехода на принципиально новый вариант технологической стратегии природопользования, переориентации научно-технической политики с увеличения изъятия природных ресурсов на ресурсосбережение, воспроизводство и восстановление.

В четвертой главе, при рассмотрении практики природопользования на примере строительства гидроэлектростанций, развития лесной, химической, металлургической и др. отраслей промышленности, составляющих основу специализации региона, автор приходит к выводу о сокращении экологической емкости территории, о слабом учете интересов населения региона, о недостаточной компенсации нанесенного ущерба и др. Так, экологические последствия гидроэлектростроительства, выразившиеся в климатических изменениях, в загрязнении водоемов, в сокращении рыбных запасов, в утрате лесных и охотничьих ресурсов, в уменьшении продуктивности сельскохозяйственных земель, в обострении продовольственной проблемы продолжают оказывать негативное воздействие на качество жизни населения региона. Стратегия лесопользования была ориентирована на преимущественное изъятие ресурсов и прочно закрепила за лесами региона функцию «донора». основополагающие принципы раци-

онального ведения лесного хозяйства, в том числе непрерывного неистощительного лесопользования, охраны и воспроизводства лесов, комплексной переработки древесины оставались во многом декларативными. Лесопользование характеризовалось многочисленными нарушениями природоохранного законодательства. В итоге, за 40-летний период лесоэксплуатации практически все доступные районы региона потеряли свое промышленное значение. Нарушение принципа комплексности при добыче и переработке минерально-сырьевых ресурсов региона привело не только к ненормированному использованию многих ценных компонентов, но и к загрязнению рек, земель, атмосферы. Но изменения в природной среде рассматривались лишь как утрата экономического ресурса, а не фундаментальной основы жизни и существования человека.

Изучение данных проблем позволило получить целостное представление о социально-экологической обстановке, сложившейся в регионе к концу XX столетия. Среди факторов, определивших специфику региональной экологической обстановки выделены политические и идеолого-мировоззренческие, экономические и организационно-управленческие, научные и технико-технологические. Исследование показывает, что хозяйственное воздействие на окружающую природную среду региона было значительным, обернувшимся социально-экологическим ущербом, экономическими и нравственными потерями.

Безусловно, многогранность социально-экологической проблематики, сложность анализа ее междисциплинарных аспектов не может быть во всей полноте рассмотрена в рамках одной монографии. Но проделанная работа свидетельствует как о возрастающем интересе историков к новому научному направлению — исторической экологии, так и о личном вкладе автора в разработку исследуемой проблемы.

В.Н. КАЗАРИН

КНИГА О МАЛОЙ РОДИНЕ*

В конце 2006 г. иркутское издательство «Оттиск» выпустило книгу доктора исторических наук, заведующего кафедрой современной Отечественной истории Иркутского государственного университета Ю.А. Петрушина. О чем эта книга? О делах и людях кундуйской земли Куйтунского района Иркутской области. Может возникнуть вопрос: а чем знаменита эта земля? Здесь не проходили крупные события, о которых многие знают; земля эта не связана с деятельностью известных людей, вошедших в учебники и учебные пособия. Но зададимся вопросом: а многие ли события, о которых нам сообщают средства информации, влияют на нашу жизнь? Только ли мы должны читать о различных героях, ниспровергате-

---

* Петрушин Ю.А. Земля кундуйская: Исторический очерк. Иркутск: Оттиск, 2006. 256 с.

лях прежних порядков, или, что стало распространенным явлением последних лет, увлекаться легким, без особых умственных затрат, чтением?

На чем стоит (или стояла) наша Россия? Есть ли у нее какие-то устои, тот стержень, который нельзя согнуть? И много ли мы знаем о жизни повседневной, которая незаметно для нас превращается в историю и постепенно уходит, оставаясь в воспоминаниях? На эти и многие другие вопросы дает ответ эта книга.

Сам автор определил ее как исторический очерк. Наверное, это так. Перед нами не монография, отвечающая всем ее строгим критериям. Но это и не воспоминания уроженца тех мест, хотя автор очень часто делится с читателем своим детским и школьным восприятием тех или иных событий. Думается, что такой жанр, как «исторический очерк», выбранный Ю.А. Петрушиным, вполне приемлем. Книга основана на строгой документальной базе: это материалы Государственного архива Иркутской области (ГАИО) и Государственного архива новейшей истории Иркутской области (ГАНИ-ИО); источником послужили и материалы местной периодической печати, некоторые нормативно-правовые документы. Пронизанные личным отношением к описываемым событиям, которые автор излагает не только со ссылками на указанные источники, но и на свидетельства современников тех лет, с которыми автор знаком, придают книге особое звучание.

Но это и не краеведческое издание, если понимать его в узком смысле слова. Автор, будучи профессиональным исследователем, выстраивает свое повествование, показывая как история сравнительно малого кусочка Сибири, предстает перед нами как сложная противоречивая аграрная история всей России конца XIX–всего XX и даже начала XXI вв.

К тому же, необходимо учитывать, к кому обращена эта книга. Она обращена к землякам автора, которые не позволят лукавить, приукрашивать или, напротив, очернять их жизнь. Но автор не мог не предвидеть, что читателями будут и его коллеги по тому «ремеслу», которые избрал он сам. И в этом тоже таилась определенная опасность, которую, как думается, автор сумел преодолеть.

Итак, это книга о повседневной истории одного из сибирских сел, которое испытало все изломы последних более 100 лет. Автор и распределил материал в семь глав, начиная с конца позапрошлого века. Итак, аграрная перенаселенность и усиливавшееся обнищание крестьян в центральных губерниях Российской империи, привело правительство к усилению переселенческой политики в сибирские земли. Так и был основан участок Кундуй в 18 верстах от волостного центра с. Куйтун. Выходцы из Орловской губернии, а также малороссийских губерний и составили основное население тех мест.

Ю.А. Петрушин показывает, как влияли на жизнь участка последующие переселенцы в годы столыпинской аграрной реформы, как повлияла на их жизнь Первая мировая война. Но автор совершенно справедливо не ограничивается описанием влияния событий на жизнь сельчан.

Для него гораздо важнее сама эта жизнь, во всех ее проявлениях. Поэтому Ю.А. Петрушин достаточно подробно рассматривает хозяйственный уклад переселенческой деревни, культуру, быт, которые переселенцы принесли из европейской России, то новое, что стало появляться уже на сибирской земле. С интересом читаются страницы о той стране, которой была провинциальная Россия до революции 1917 г. Но это не та псевдо лубочная страна изобилия и всеобщего достатка, которую сгубили невесть откуда возникшие большевики, как активно навязывали массовому сознанию образ России еще в сравнительно недавние «перестроечные» годы. Автор, придерживаясь документов и воспоминаний старожилов, показывает нам сибирскую глубинку, жившую своим трудом, надеявшуюся на себя, скромно, но справно.

Любая революция означает ломку устоявшегося привычного уклада, поворот в судьбах людей, не всегда в лучшую сторону. Хорошо, если бы она, эта революция, обходила стороной. Но так не бывает. И автор показывает во второй главе события, радикально повлиявшие на привычный уклад сибирского села. Установление советской власти, а затем ее падение. Обращает внимание ссылка автора на воспоминания старожилов о периоде колчаковщины. Колчаковцы «отбирали коней, зерно, продовольствие, мобилизовывали крестьян с подводами. Они группами вваливались в теплые избы на постой, требовали еды, самогона. Крестьяне немало терпелись страха, ожидая, когда холодная и голодная волна уйдет дальше на восток» (С. 49). Говорит автор и о партизанской борьбе с колчаковским режимом. Эти страницы возвращают нас к тому периоду и реальной обстановке разложения некомпетентного и коррумпированного режима в стадии своей агонии и реального к нему отношения простых людей.

Это крайне важно хотя бы потому, что в последнее время появилось немало публикаций, в центре которых стоит только личность А.В. Колчака, человека, имеющего немало достоинств, но вне общего контекста его правления, показавшего свою некомпетентность, компенсируемую взяточничеством, репрессиями и насилием. Отсюда и то, мягко говоря неприятие, а зачастую ненависть простых людей, испытавших на себе всю тяжесть этого неполярного в народе режима, но героически восхваляемого некоторыми современными авторами о Колчаке, заимствовавшими свои оценки у белоэмигрантской проигравшей стороны, да и особо не утруждавшими себя кропотливой работой в архивах. Частушки, которые привел историк в своей книге («Изорвало бурей снасти — Нет верховной больше власти. Адмирал Колчак скульпит, Чемодан собирать велит»), очень метко и хлестко подтверждают отношение крестьян к этой «альтернативе» будущего России.

Но и восстановление советской власти породило немало новых проблем. В 1920-е гг. жизненный уровень сибирского села заметно возрос: повысилась урожайность зерновых, у сельчан появились масло, мясные продукты, сало. Развивалась потребительская кооперация. Появилась вера людей в лучшее будущее.

«Великий перелом» рубежа 20–30-х гг. XX в. затронул и маленькое сибирское село. Курс на сплошную коллективизацию совпал в Куйтунской земле с ранними заморозками, погубившими хлеба, с засухой и градобитием. Наступал период новых испытаний. В значительной степени этому посвящена третья глава «Исторического очерка». Автор без прикрас, но и без нагнетания страстей, показывает, как проходила коллективизация в маленьком сибирском селе. Как называли «кулаками» и «подкулачниками» тех, кто имел устойчивое хозяйство, созданное своим трудом, или просто не хотел вступать в колхоз. Автор привел и конкретные данные по раскулаченным, репрессированным по трем категориям.

Но автор, будучи профессиональным исследователем, не останавливается только на этом. Он дает панорамное освещение того периода. В деревню шла техника, появлялись кадры механизаторов, и именно благодаря помощи государства к середине 1930-х гг. сельхозартель «Годовщина Октября» превратилась в одно из передовых общественных хозяйств района (С. 83).

Специальную главу Ю.А. Петрушин посвятил жизни деревни в годы Великой Отечественной войны. И это вполне оправданно. Несмотря на значительную отдаленность от фронта, война оставила раны в практически каждой семье нашего многонационального государства. А для тыловых районов, лишенных мужской рабочей силы, война тяжких бременем легла на женщин и подростков. И в деревне, в отличие от большого города, невозможно было куда-то укрыться, заняться спекуляцией и др.: все было на виду. Испытывая материальные и моральные трудности, колхозники помогали фронту облигациями, одеждой, сдавали скот. При этом и без того скудная натуральная оплата за трудодни постоянно урезалась. Военные испытания, выпавшие на деревню, были отнюдь не меньшими, чем в период коллективизации.

Первые послевоенные годы в материальном отношении мало отличались в лучшую сторону от предыдущих. Но возросла гордость людей за свою страну, сумевшую победить сильнее и наглого противника, утвердилась уверенность в завтрашнем дне. Автор показал хозяйственную, общественно-политическую, культурную жизнь деревни, те новые явления, которые в ней появились.

Безусловно, лучшими по сравнению с предыдущими и последующими годами явились 60–80-е гг. XX в. Такое утверждение отнюдь не означает какую-либо идеализацию тех лет или отрицание противоречий и трудностей развития. Но репрессии и насилие остались позади, а хозяйственная разруха, развал страны и обнищание подавляющей части населения (рубеж 1980–1990-х гг. и первая половина последнего десятилетия XX в.) были еще впереди. Шестую главу своего «Очерка» автор посвятил развитию сельхозартели в 1950–1980-е гг. Объективно показано освоение Иркутской целины со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, на фактах убедительно показаны негативные

последствия расформирования машинно-тракторной станции (МТС). Но, с другой стороны, труженики сельского хозяйства наконец-то были охвачены системой социального страхования, стали получать, хоть и небольшие, пенсии. Были отменены обязательные поставки государству продукции с личного подсобного хозяйства, улучшилось снабжение деревни промышленными и сельскохозяйственными товарами, появилась возможность накапливать денежные сбережения.

Автор дал достаточно подробное описание общественно-политической жизни сибирского села в 60–80-е гг. XX в., отметив при этом не только многие положительные явления тех лет, но «оборотную» сторону «золотого века» Леонида Ильича.

Очерк заканчивается описанием жизни кундуйской земли в условиях российских реформ. Очевидно, что эти реформы, особенно в первую половину 1990-х гг. очень болезненно ударили по основной массе населения России. Многие аналитики сегодня утверждают, что из всех вариантов преобразований России так называемые «младореформаторы» избрали самый неудачный. В результате Россия по основным показателям не только не сравнялась с постиндустриальными странами Запада, но еще больше отстала от них, а также от некоторых стран Азии и Латинской Америки. Читая книгу, создается впечатление, что Кундуй выжил и даже несколько преуспел в условиях грандиозных перемен во многом потому, что не стал так легко и безрассудно ломать то, что было накоплено трудом и опытом предыдущих поколений.

Книга хорошо, со вкусом издана. Автор привел фамилии всех председателей «Годовщина Октября» с 1930 г. по настоящее время. Богат иллюстративный ряд, в котором представлены фотографии простых людей, героев очерка. Для облегчения восприятия материала по дореволюционному периоду приведены старые русские меры в соотношении с современными.

В целом, анализируя книгу, можно сказать, что авторский замысел достойно реализован. Ю.А. Петрушин показал палитру жизни маленького сибирского села на широком фоне сибирской и российской истории полутора веков. Возможно, некоторые сюжеты «Очерка» нуждаются в более внимательной проработке. Например, период репрессий, о котором написаны сотни тысяч страниц. Но тот уровень психо-эмоционального воздействия, характерный для конца 80–90-х гг. XX в. уже не может удовлетворить даже массового читателя. Сам автор отмечает, что «Ряд обстоятельств и имен кундуйцев, невинно пострадавших в годы сталинских репрессий, еще предстоит выяснить» (С. 95).

Беднее, по сравнению с предыдущими, написана последняя глава книги. Впрочем, это вполне объяснимо: материала по этому периоду гораздо меньше, описываемые процессы еще не завершены. Автор осторожен в оценках этого периода отечественной истории в целом.

Книга, безусловно, получилась. Без прикрас, но и без смакования негативного материала, в чем преуспели некоторые публицисты, объек-

тивно, всесторонне автор показал читателю, как жили и живут простые люди, любящие свою родную землю. Каждый человек должен знать историю своей малой Родины, хотя бы для того, чтобы ощущать себя не «электоратом», а гражданином. Исторический очерк Ю.А. Петрушина о земле Кундуйской эту задачу выполнил.

Е.В. РОЩУПКИНА

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРИБАЙКАЛЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИТУАТИВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д.Я. Майдачевский уже давно известен в научной среде историков-экономистов как активный и талантливый исследователь проблем экономической историографии и, прежде всего, сюжетов из истории местных историко-экономических изучений. В 2006 г. его многолетний исследовательский опыт нашел свое логическое обобщение в опубликованной монографии «Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследований и идей», в которой автор рассматривает развитие историко-экономического знания с помощью конкретных примеров — исследовательских проектов, реализованных на материалах Прибайкалья, начиная с зарождения этого научного направления в нашей стране во второй половине XIX в. до 60-х гг. минувшего столетия.

Главная отличительная особенность данной научной работы — методология изучения прошлого историко-экономического знания, которая, по сути, представляет собой отказ от традиционных подходов в экономической историографии и утверждение относительно нового и пока мало-разработанного в нашей науке историографического микроанализа или ситуативной историографии. Характеризуя предметную область своего исследования и подходы к ее познанию, Д.Я. Майдачевский не отрицает познавательной ценности традиционных подходов для реконструкции прошлого историко-экономической науки, но вместе с тем, выступает сторонником микроаналитической стратегии в историографии, методологии ситуационного анализа, и даже оформления его в самостоятельное исследовательское направление (С. 4–5).

Развитие историко-экономического знания в нашей стране, как показывает автор, имеет сложную судьбу. До революции историография, отмечавшая значительный общественный интерес к экономическому направлению в истории, так и не смогла стать самостоятельной частью единого историографического процесса. После революции, экономическая история вообще стала подменяться рабочей историей, истори-

---

* Майдачевский Д.Я. Историко-экономическое изучение Приангарья: история исследований и идей. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. 204 с.

ей рабочего движения, а в итоге — историей идеологии этого движения, историей рабочей организации, партии, вследствие чего экономическое направление в историографии оказалось на периферии советской исторической науки. До известного времени, в силу господства марксистской парадигмы, историко-экономическому знанию в лучшем случае отводилась роль вспомогательной дисциплины, которая была призвана либо собирать исторический материал для последующих политико-экономических обобщений, либо, напротив, иллюстрировать действие общих закономерностей исторического процесса на конкретных примерах развития хозяйства отдельных стран.

Такие достаточно жесткие рамки существования историко-экономического знания, как отмечает автор, не могли не нарушить логики процесса оформления экономической истории в самостоятельную научную дисциплину, не наложить отпечатка на историю этой области знания и ее последующее изучение.

Преодоление по существу сложившегося историографического кризиса в настоящее время является очень важной и сложной задачей. Одной из попыток решения обозначенных проблем, и, прежде всего, познания истории историко-экономического знания, как считает Д.Я. Майдачевский, является поиск приемлемого методологического инструментария, который видится автору, в переходе от рациональной к исторической реконструкции науки, утверждении микроаналитической стратегии в историографии. «Историографический анализ, — пишет ученый, — содержит богатый эвристический потенциал, способный серьезно усилить научно-методологические основания исторического изучения... Ситуативная историография, рассматривавшаяся долгое время едва ли не как «наивно-реалистическое» направление в истории науки, предстает на деле комплексным, максимально многосторонним изучением историко-научных феноменов... Ситуационные исследования, ставящие под сомнение эволюционный характер развития историко-экономического знания, позволяют взглянуть на развитие науки как на движение от одного события к другому» (С. 5).

Использование ситуационных исследований как способа реконструкции прошлого науки имеет, по мнению автора, ряд неоспоримых преимуществ.

Во-первых, конкретный историко-научный материал порой крайне сложно вписывается в известные методологические схемы, в рамки традиционной экономической историографии. Однако, благодаря появлению нового типа исследований, т.е. ситуационных исследований, история науки может быть представлена не в виде линейной модели, а как совокупность индивидуальных событий-эпизодов, обладающих определенной, хотя и относительной, независимостью.

Во-вторых, методология ситуационного анализа при изучении истории историко-экономического знания позволяет использовать широкий спектр субъективных, личностных характеристик, как ученых, так и других действующих лиц в истории. Более того, микроаналитическая стра-

тегия в истории науки акцентирует исследовательское внимание и на объективных условиях деятельности ученых, многообразных формах, средствах, институтах интеллектуального общения, без которых невозможна познавательная работа, формирование продукта науки.

Реализовать преимущества ситуативной историографии можно, по мнению Д.Я. Майдачевского, прежде всего, на примере изучения местных научных практик, то есть конкретных программ производства и систематизации знания, погруженных в местный контекст, но выражающих общие тенденции в развитии науки. Именно выделение, подробное описание таких программ, определения способа их бытия, выявление характера их функционирования и взаимодействия в ретроспективе и составляет, на взгляд автора, основную задачу его научного исследования.

В представленной монографии ученый сосредоточил внимание на детальном описании и анализе программ получения и систематизации историко-экономического знания, осуществленных на материалах Прибайкалья в рамках проблемных областей «живой истории общины», «количественной экономической истории», «экономической истории отдельного предприятия» и «локальной аграрной истории». При этом, рассмотрев лишь четыре эпизода историко-экономического знания, автор, благодаря присущему ситуативной историографии эффекту «воронки», в которую втягиваются как прошлые, так и последующие события в истории науки, сумел охватить практически столетнюю историю местных историко-экономических исследований — с зарождения этого научного направления в нашей стране во второй половине XIX в. до 60-х гг. века XX.

Рассмотрение всех четырех эпизодов местных историко-экономических исследований производится по выработанной автором логической схеме: программа исследования — исследователь — производство знания — систематизация знания. Такая логика проводимого анализа, на наш взгляд, позволяет наблюдать конкретное состояние историко-экономического знания в каждый момент истории, перенести акцент с анализа продукта науки на деятельность по его получению, характеристику личности ученого, его научные интересы, обобщение и практическое использование полученных результатов.

Первый сюжет из истории местных историко-экономических исследований Д.Я. Майдачевский посвятил Леониду Семеновичу Личкову (1855–1943), волею судеб попавшего в Иркутскую губернию в составе группы статистиков для реализации общенационального исследовательского проекта по изучению земельной общины. Автор достаточно подробно и интересно рассказывает об актуальности на тот момент истории изучения русской земельческой общины и возникших программах по ее изучению под эгидой двух крупнейших отечественных научных центров того времени — Вольного экономического (ВЭО) и Русского географического (РГО) обществ.

На появление программ ВЭО и РГО откликнулась и Сибирь, и, прежде всего, Восточно-Сибирский отдел РГО (ВСОРГО), который пытался принять

посильное участие в изучении общины на этой окраине страны. «Главным героем» и фактически руководителем временного творческого коллектива по изучению землепользования в Восточной Сибири стал Л.С. Личков. Как показывает автор, именно Л.С. Личков и его коллеги-статистики применили так называемый экспедиционный способ по изучению «живой истории» общины, новый для исторической науки метод устной истории. Историки, привыкшие разрабатывать историю на основе сохранившихся в архивах документальных источников, считал Л.С. Личков, напрасно недооценивают информацию, содержащуюся в устных преданиях. Поэтому наиболее полно реконструировать историю, а также «восполнить брешь» в результате гибели архивных материалов, можно иногда исключительно по данным устной истории. Полученные столь необычным методом данные были обработаны, систематизированы и впоследствии вылились в ряд научных работ и докладов Л.С. Личкова. Таким образом, делает вывод автор, именно Л.С. Личкову одному из первых довелось наглядно продемонстрировать роль устных источников в экономической истории.

Следующий сюжет в книге посвящен известному историку-экономисту, приват-доценту Московского университета Николаю Александровичу Рожкову (1868–1927). Н.А. Рожков был в числе тех, кого мы называем российскими мыслителями и деятелями серебряного века, он входил в научную элиту России.

Вместе с тем, Н.А.Рожков известен, можно сказать, выборочно. Он вошел в современное обществоведение в первую очередь как историк, автор 12-ти томного труда «Русская история в сравнительно-историческом освещении», большого числа учебников по русской и всеобщей истории и многих других работ. Но на страницах современных историографических исследований до сих пор не нашли достойного отражения концепция экономической истории ученого, его публицистическая деятельность, особенно в период сибирской ссылки (1910–1917 гг.). Проведенные научные изыскания автора призваны восполнить этот пробел.

Как показано в книге, оказавшись в Сибири, на поселении (в частности в Иркутске), Н.А. Рожков не оставляет своих историко-экономических изучений, вершиной которых становится работа «К истории народного хозяйства в Сибири. Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX вв.». Предпринятый метод ситуационного исследования позволил Д.Я. Майдачевскому убедительно доказать, что исследовательские методы Н.А.Рожкова как историка-экономиста существенно отличались от большинства коллег «по цеху», прежде всего, тем, что Н.А. Рожков фактически один из первых отказался от иллюстрационного метода использования статистического материала и попытался соединить в одном лице того, кто «производит» данные, и того, кто анализирует их. Исследования Н.А. Рожкова с полным правом можно назвать программой детального всестороннего статистического изучения явлений хозяйственного быта, а самого ученого отнести к пио-

нерам зарождения «количественной экономической истории» в отечественной историографии.

Новые методы исследования Н.А. Рожкова, как показывает автор, в дальнейшем послужили до известной степени толчком к многочисленным работам по истории хозяйства, и в частности «локальной» истории, экономической истории отдельного предприятия.

Именно этому посвящен третий эпизод в истории местных научных исследований и четвертая глава книги, которая называется «Экономическая история отдельного предприятия: историческая секция ВСОРГО».

Как пишет автор, «новаторским методологическим подходам Рожкова... довелось получить самый живой отклик и найти верных последователей в Иркутске — в месте, где и родился его интерес к «детальной» реконструкции хозяйственной истории» (С. 110). В июне 1927 г. историческая секция ВСОРГО в Иркутске представила программу «историко-экономического изучения Прибайкалья», в которой предполагалось силами членов секции провести работу по обследованию промышленных предприятий бывшей Иркутской губернии. Подлинными лидерами осуществления этого проекта стали Николай Николаевич Козьмин (1872–1938), Мария Константиновна Одицова (1884–1972) и Владимир Сергеевич Манассеин (1878–1938).

Однако, как показывает далее автор, ситуации суждено было совсем не долго развиваться в позитивном для исследовательской программы и для творческого коллектива направлении. Уже в 1929 г. стали нарастать тенденции по замене изучения промышленных предприятий как хозяйственных организаций на историю революционного движения на них.

Наконец, последний, четвертый эпизод книги посвящен крупнейшему исследователю аграрной истории Сибири — Вадиму Николаевичу Шерстобову (1900–1963). Доктор экономических наук, профессор В.Н. Шерстобов в 1950 г. возглавлял кафедру экономики сельского хозяйства Иркутского финансово-экономического института и его двухтомный труд «Илимская пашня» стал первой (в послереволюционный период) и, пожалуй, до сих пор самой крупной исследовательской работой по экономической истории Сибири. Эта книга глубоко и всесторонне раскрыла хозяйственную политику русского государства в XVII–XVIII вв., в период успешной колонизации огромной территории, простирающейся от Урала до Тихого океана. При этом заслуживает особого внимания тот факт, что столь фундаментальный труд как «Илимская пашня» был написан не профессиональным историком, а специалистом в области сельского хозяйства.

Д.Я. Майдачевский на страницах своей книги убедительно показывает, что уникальность работы В.Н. Шерстобова заключается в огромном количестве архивных материалов, привлеченных и использованных для ее написания. Как отмечает автор, «среди историков — предшественников и современников Шерстобова нельзя назвать никого, кто ввел бы в научный оборот такую массу новых источников и фактов» (С. 161). Комплексное по своему характеру исследование В.Н. Шерстобова, пишет автор, с полным

на то основании можно отнести к жанру «локальной аграрной истории», которое впоследствии положит начало профессиональным историко-географическим и историко-демографическим исследованиям региона, изучению его экономической, политико-административной и социальной истории.

Новый исследовательский подход в виде ситуативной историографии, примененный Д.Я. Майдачевским в своей работе, нужно признать интересным и удачным, так как позволяет, на наш взгляд, по новому взглянуть на историю историко-экономической науки в нашей стране, расставить новые акценты и найти нюансы, меняющие представления о развитии самой науки и о роли многих ученых-исследователей, которые незаслуженно оставались в тени своих более известных и успешных современников.

Работа по историко-научной реконструкции сама по себе требует от исследователя кропотливой работы по выявлению новых фактов и материалов, внимательного отношения к деталям, изучению мельчайших подробностей реализации исследовательских проектов. Д.Я. Майдачевский демонстрирует поистине титанический труд по сбору и обработке самой разнообразной историографической информации, которая была собрана автором из многочисленных источников редких фондов как сибирских, так и центральных библиотек и архивов. В этом отношении, то есть по бережному отношению к документальным источникам и их детальной проработке, Д.Я. Майдачевского можно назвать достойным преемником В.Н. Шерстобоева.

Со страниц своей работы автор предстает как разносторонний публицист, историк хозяйства, талантливый исследователь, обществовед. Представленный им документальный материал позволяет читателю легко воссоздать социальный, политический и экономический контекст времени, в котором жили и творили ученые, «окунуться» в атмосферу тех лет, что создает удивительный эффект «живого» присутствия.

Работа Д.Я. Майдачевского, несомненно, является большим вкладом в дело восстановления нашей исторической памяти и создания подлинно научной истории отечественной экономической историографии. Она будет интересна как молодым, так и состоявшимся ученым и, надеемся, послужит хорошим почином для актуализации и более глубокого и внимательного изучения прошлого историко-экономического знания.

Н.В. САВЧУК

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СИБИРИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Одним из основных направлений современной российской этнологии является лингвоэкологическое. Актуальность исследований в этом

---

* Истомина О.Б. Особенности социального функционирования двуязычия в условиях региона. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2006. 176 с.

направлении объясняется тем, что политические и социально-экономические преобразования в современном российском обществе, оказывают мощное воздействие на культуру и языки народов России. На фоне возрастающего интереса к национальным традициям и этническим особенностям заметны и негативные процессы, связанные с забвением положительного исторического опыта многонационального государства.

Изучению самобытной культуры и уникальной языковой среды коренных народов Сибири посвящено исследование кандидата социологических наук, доцента кафедры общественных наук Ангарской государственной технической академии О.Б. Истоминой. Автор обратила внимание, что динамичные процессы унификации и глобализации отрицательно влияют на развитие социальных функций большинства языков мира, на поддержку культурного и языкового разнообразия, являющегося общечеловеческим достоянием. Поиск стратегий и принципов, гарантирующих витальность менее используемых языков в полиэтнических государствах в условиях объективного расширения языкового пространства доминирующих языков, требует научного и профессионального подхода с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов.

Стремление к единой мировой культуре отражает новое качество социальных связей и отношений, предполагает культурное многообразие человека и человечества. Это приводит к стремительному расширению контактов между социальными группами, этническими общностями, индивидами, представляющими разные культуры и этносы. Самой типичной формой выражения подобных контактов в многонациональном обществе представляется дву- и многоязычие. Однако межкультурная интеграция в условиях аккультурации и догоняющей модернизации, когда взаимодействующие культуры воспринимаются субъектами взаимодействия как неодинаково престижные, может вызывать развитие языковых ассимиляционных процессов. Очевидно, что процесс межкультурной коммуникации и интеграции может объективироваться как в положительных, так и отрицательных явлениях социокультурной реальности, требующих изучения.

С учетом общих тенденций в развитии мировой культуры автором монографии предпринята попытка социологического изучения социолингвистического аспекта межкультурной коммуникации и интеграции с привлечением лингвистических, исторических, социально-философских, культурологических, этнопсихологических знаний на примере взаимодействия языков народов Предбайкалья. В настоящее время тема межкультурных коммуникаций в данном регионе приобрела небывалую остроту в результате высокой мобильности населения. Актуальность темы исследования подтверждается массовостью двуязычных ситуаций как в названном регионе, так и в целом государстве, а также пристальным вниманием научных школ, работников образования и органов управления к изучению данных вопросов.

Объектом исследования явилась языковая ситуация в Предбайкалье. В данном регионе имеет место софункционирование мажоритарного (рус-

ского языка — средства межнационального общения) и миноритарных (национальных, этнических) языков, поэтому состояние и закономерности развития двуязычия, выявляемые автором, представляют не только безусловный научный интерес, но и значимы для многих других районов, где наблюдаются аналогичные процессы. Важно, что прикладные социологические исследования региональной языковой ситуации в последние годы не предпринимались, и это еще более увеличивает значение рецензируемого труда. В монографии анализ формирования, развития, функционирования современных форм двуязычия осуществлен на базе источников информации по теме, а также проведенного автором эмпирического исследования, в котором применен двухступенчатый отбор. На первой ступени отбирались города, районы округа, села, а на второй по национальным, половозрастным, социально-профессиональным показателям — респонденты. В соответствии с правилами репрезентативности выборочной совокупности объем основной выборки, обусловленной аналитическими требованиями, составил 1006 чел. В качестве статистической базы послужили данные Всероссийской переписи населения 2002 г., демографические показатели сельских администраций. Избранная и описанная автором методика социологического исследования позволила опросить сельских и городских респондентов, проживающих в населенных пунктах с разным численным соотношением национальных групп (например, примерно равные группы, а также группы с численным перевесом в большую или меньшую стороны).

Материал представлен в двух главах. Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования проблемы двуязычия» включает параграфы: «Язык и его роль этнического идентификатора в многонациональном обществе», «Теоретические основы изучения социального развития двуязычия». Автором обращено внимание на научное осмысление языка как объекта социологического анализа и этноидентификатора. Исследование проведено с использованием наиболее распространенных общенаучных методов, но приоритетным является социологический. Автор приходит к выводу, что языковые единицы и явления языкового взаимодействия — социально определяемые категории, а двуязычие является глубоким социальным явлением, порождением логического хода всей истории человечества, а значит, определено культурными, экономическими, политическими, бытовыми и другими социальными факторами.

Вторая глава «Основные тенденции функционирования и развития двуязычия в Предбайкалье» состоит из трех параграфов: «Исторические и социально-демографические предпосылки возникновения межэтнических коммуникаций в Предбайкалье», «Особенности двуязычия в социальной структуре Предбайкалья», «Двуязычие в сферах семейного общения и организованного обучения». В главе анализируются исторические предпосылки возникновения межэтнических контактов в регионе. В качестве основной причины возникновения и развития

билингвальных коммуникаций автором рассматривается мозаичность национальной представленности, при этом вариативность типов языкового поведения и ориентаций определяется социальными факторами. Данная корреляция подробно описана: результаты исследования указывают на дихотомическую связь социального статуса человека и его языкового поведения. Также рассматриваются первичные факторы вовлечения в двуязычную ситуацию — наличие языкового феномена в семье и в сфере обучения.

В работе широко представлены функции языка, среди которых автор выделяет этноконсолидирующую, подчеркивая роль языка в консолидации этноса, функционировании его самосознания и культуры. Особое внимание уделяется ключевой категории «родной язык». Вслед за М.Н. Губогло автор настаивает на этнопсихологической основе языка, на способности родного языка выражать этническую принадлежность. С позиций такой интерпретации родной язык воспринимается как одна из самых важных составных частей этнического самосознания, как необходимый компонент в процессе его формирования и функционирования.

О.Б. Истоминой подробно представлены и проанализированы теоретические материалы о двуязычии: дано его определение, обозначены основные этапы формирования, исследован феномен языковой компетентности, предложена типология данного социолингвистического явления, охарактеризована роль в развитии общества и культуры. В качестве критерия двуязычия, в соответствии с исходным тезисом, выдвигается критерий самоидентификации. Вместе с тем двуязычие оправданно интерпретируется как инструмент регулирования межэтнических отношений. Обоснованный автором социологический подход позволяет учитывать ситуацию несбалансированного двуязычия (достаточно частых случаев неполной формы языковой компетентности и неравноценной нагрузки двух языков), а значит, дать более широкое представление о функционировании родного языка.

Полученные результаты свидетельствуют о функциональном первенстве русского языка для большей части этногрупп и в городе, и на селе. Выявлена зависимость владения родным языком от места жительства, возраста и других экстралингвистических параметров. Убедительным и аргументированным выглядит утверждение О.Б. Истоминой о первостепенности семейной и образовательной сфер коммуникации родного языка в современном Предбайкалье. Важно, что работа содержит рекомендации, основанные на представлениях респондентов-жителей региона о необходимых условиях возрождения и развития культур коренных народов Сибири.

Рецензируемое издание представляет собой самостоятельное оригинальное научное исследование, посвященное актуальной теме, соответствует необходимым параметрам новизны, теоретической и практической значимости.

ГОСУДАРСТВО И РЫНОК В СИБИРИ: НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

Историческая наука в Сибири пополнилась новым обобщающим исследованием известного новосибирского историка В.А. Ильиных «Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа 1921–1928 гг.». Появление этой работы следует признать событием значительной важности, поскольку монография является не только обобщающим исследованием известного ученого, автора более 130 публикаций по аграрной истории Сибири, но и исследованием, построенным и выполненным на основе новых методологических подходов в исторической науке.

Современные общественные науки в России активно разрабатывают новые подходы в реформировании, где наиболее продуктивным представляется теория эволюционной экономики в связи с процессом модернизаций. Схемы и концепции модернизационных циклов многочисленны, и их сложно не только анализировать, но и перечислять. Разнонаправленные тенденции модернизационного процесса в России предельно затрудняют его осмысление и изучение. Теоретики модернизации часто предупреждают о сложности изучения конфликтов и противоречий в ходе российских реформ. Важнейшей составляющей таких противоречий и дезорганизации можно считать систему взаимодействий государства и рынка. Здесь проявляется яркая специфика российских модернизаций, заключающаяся во взаимной дезорганизации реформаторских ходов и их последствий.

Другой определяющей спецификой российских модернизаций является взаимодействие государства и общества. Именно здесь проявляется наиболее масштабная, значимая для общества дезорганизация, когда активизация правящего слоя, проводящего модернизацию, приводит к активизации значительного сопротивления со стороны населения. Модернизация в крестьянской стране чаще имеет разрушительный, нежели созидательный потенциал. Социальный конфликт, выстраивающий в целом путь цивилизационного раскола для России, делает невозможными любые оптимистичные прогнозы модернизации, будь это реформы Александра II, Петра I, или нэп в советской истории. Насколько близка исследовательская работа Владимира Андреевича Ильиных к глубокой теории модернизационного процесса в России, позволяет увидеть формулировка актуальности темы уже во введении: «Наиболее фундаментальная из них (проблем отечественной истории) — проблема взаимоотношения крестьянства и государственной власти. В ее рамках на первый план в современных условиях выдвигается проблема отношений государства и

* Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.

сельского населения в периоды функционирования переходных экономических систем, из которых наиболее функционально значимой является сегодня нэп» (С. 3).

В заключение работы автор еще раз выходит на продуктивный путь модернизационного подхода, определяя взаимодействие государства и рынка как важнейшую дезорганизирующую специфику модернизаций в России: «Анализ осуществления политики государственного регулирования заготовительного сельскохозяйственного рынка в 1921–1928 гг. в Сибири, а также в СССР в целом позволяет говорить о наличии в ней двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, к либерализации закупочных цен, демополизации рынка и децентрализации государственно-кооперативного торгово-закупочного аппарата, а с другой — к усилению административного вмешательства в процесс ценообразования, монополизации и централизации» (С. 265). Работа В.А. Ильных в целом, таким образом, представляет удачный вариант синтеза хорошей теории с высококачественной и добротной исследовательской практикой, что позволило выстроить гармоничную структуру исследования. Четыре этапа государственного регулирования сельскохозяйственного рынка в Сибири как организующее и дезорганизирующее начало в нэповской модернизации отражают четыре главы книги: Глава 1. Демополизация сельскохозяйственного рынка 1921–1923 гг.; Глава 2. Борьба тенденций. 1924–1925 гг.; Глава 3. Восстановление государственной монополии 1926–1927 гг.; Глава 4. Кризис заготовительной системы 1927–1928 гг. Такая структура полностью соответствует исторической тенденции непрерывного возрастания роли государства в экономической истории России как вынужденной необходимости. Применительно к нэпу, значение и степень государственного давления увеличивались вследствие противоречий между крестьянством и государством в области ценовой политики.

Выбирая сферы анализа и критерии нэпа с целью вычисления его общего вектора, автор вводит понятие экономической подсистемы, имеющей различные стороны «нэповости». Конструирование такой подсистемы, на наш взгляд, наиболее точно отражает глубокую историческую специфику и содержание российских модернизаций, хотя автор и не использует понятие «модернизация». Подсистема в работе В.А. Ильных определяет спектр главных взаимоотношений в модернизации — взаимоотношения государства и крестьянства через проявление действия нэпа как экономической политики, через проявление обмена города и деревни, через формирование заготовительного рынка сельскохозяйственной продукции (С. 4). Определяя заготовительный рынок сельхозпродукции как основную сферу столкновения интересов государства и крестьянства, автор получает возможность выхода на верный методологический путь в поиске модернизационного потенциала нэпа.

Региональный аспект темы позволяет осмыслить исторический и модернизационный опыт нэпа в исследовании взаимоотношений местной

и центральной властей и специфики крестьянского хозяйства в Сибири. Традиционное аграрное развитие региона по исследованиям сибирских ученых могло дать незначительный рост местного экономического потенциала. В годы нэпа товарность в сельском хозяйстве чаще падала, чем возрастала, но для Сибири эти процессы проявлялись ярче, поскольку хозяйство сибирских крестьян отличалось более высокой степенью самостоятельности и товарности. В Сибири, таким образом, модернизационный потенциал или противоречия нэпа проявлялись более отчетливо, составляя картину несбалансированного и нестабильного развития. В авторском варианте: «В Сибири либеральная тенденция в политике регулирования рынка проявлялась еще более непоследовательно и ограниченно, а периоды ее относительного превалирования над администрацией были еще менее продолжительными, чем в большинстве регионов СССР» (С. 268). В Сибири, так же как и во всей России, обнаруживалась растущая тенденция окрестьянивания, что означало не только дальнейшую аграризацию и натурализацию сельского хозяйства, но соответственно и тупики новой экономической политики.

Безусловной ценностью работы является представительный объем количественных данных, обработанных в нескольких десятках таблиц в соответствии с совокупным сравнительным анализом. Такая информация может быть полезна и интересна не только специалистам-историкам и экономистам, но и представителям различных уровней власти, которая, как известно, в России чаще всего игнорирует объективные процессы российской модернизации. Бесперывные колебания правительства от одного плана к другому, удивительное упорство в слепом копировании западного опыта, неспособность произведения необходимой коррекции в ходе реформ чаще всего приводят в нашей стране к гибели национальной экономики и к социальной катастрофе. Но остается надежда до тех пор, пока продолжается действительно научное осмысление и исследование исторического опыта решения таких проблем, пример которого мы наблюдаем в новой работе В.А. Ильиных.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Чингис Георгиевич — д.и.н., профессор кафедры истории Бурятской государственной сельхозакадемии

Астраханцев Олег Николаевич — преподаватель кафедры тактики и общевоеенных дисциплин ИВВАИУ(ВИ)

Афанасов Олег Владимирович — к.и.н., доцент, зав. кафедрой экономики Усть-Илимского филиала БГУЭП

Базаров Виктор Борисович — аспирант отдела истории, социологии и этнологии ИМБиТ СО РАН

Баловацкая Оксана Валерьевна — аспирант кафедры отечественно истории ИГУ

Банзаракцаева Елена Васильевна — к.и.н., зав. кафедрой истории Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств

Баранцева Наталья Анатольевна — к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

Брюханов Иван Владимирович — соискатель кафедры Отечественной истории и политологии ИГУ

Бушина Наталья Александровна — аспирант кафедры истории России ИГУ

Быкова Нина Николаевна — к.и.н., доцент кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Васильева Наталья Федоровна — к.и.н., доцент кафедры истории и политологии ИГУ

Вахрушев Юрий Петрович — к.филос.н., доцент кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Власов Геннадий Петрович — д.и.н., профессор, директор Братского филиала ИрГУПС

Власов Леонид Геннадьевич — к.и.н., преподаватель Братского филиала ИрГУПС

Власова Наталья Геннадьевна — соискатель кафедры истории и политологии ИГУ

Волкова Наталья Николаевна — аспирант кафедры философии БрГУ

Воронина Валентина Викторовна — аспирант кафедры философии и социальных наук ИрГУПС

Воронцов Владислав Николаевич — к.и.н., преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ИВВАИУ(ВИ)

Гузенков Сергей Васильевич — к.и.н., сотрудник ИГУ.

Дадонова Наталья Анатольевна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Дамешек Лев Михайлович — д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России ИГУ, ректор Иркутского института повышения квалификации работников народного образования

Дашинимаева Марина Юрьевна — аспирант кафедры охраны памятников Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств

Делегеоз Елена Геннадьевна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Доржиев Б.Ш. — к.и.н., проф. Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусства

Демчик Евгения Валентиновна — д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории Алтайского государственного университета

Жалсанова Бутит Цыдыпмункуевна — главный специалист отдела НСА Национального архива Республики Бурятия

Жукова Лена Александровна — к.и.н., доцент, зав. кафедрой экономической теории ИрГСХА

Занданова Лариса Викторовна — д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России ИГПУ

Зуляр Раксана Юрьевна — соискатель кафедры Отечественной истории и политологии ИГУ

Зуляр Юрий Анатольевич — д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории и политологии ИГУ

Зыкова Наталья Леонидовна — ст. преподаватель кафедры современной отечественной истории ИГУ

Иванов Александр Александрович — д.и.н., профессор кафедры истории и политологии ИГУ

Истомина Ольга Борисовна — к. социол. н., доцент кафедры общественных наук Ангарской государственной технической академии

Казарин Виктор Николаевич — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института ИГУ

Кайгородова Наталья Васильевна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Какаулов Игорь Николаевич — аспирант кафедры истории России ИГУ

Канн Сергей Константинович — старший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН

Карпунина Ирина Борисовна — к.и.н., старший научный сотрудник Института истории СО РАН

Качанов Виктор Николаевич — к.и.н., доцент кафедры таможенного дела и права ИрГУПС

Кичеев Владимир Георгиевич — к.и.н., доцент, директор Института истории права Хакасского государственного университета

Козлова Светлана Алексеевна — аспирант Института географии СО РАН

Константинова Наталья Александровна — аспирант кафедры Истории России ИГУ

Королева Татьяна Михайловна — к.и.н., доцент кафедры общегуманитарных дисциплин БрФ ИГУ

Костров Александр Валерьевич — к.и.н., доцент кафедры современной отечественной истории ИГУ

Кудашкин Вячеслав Александрович — аспирант кафедры истории и политологии БрГУ

Кудряшова Альфия Рафхатовна — к.и.н., доцент кафедры истории и политологии БрГУ

Кузнецов Сергей Ильич — д.и.н., профессор кафедры новейшей истории ИГУ

Кузнецова Татьяна Ивановна — канд. географ. наук, старший научный сотрудник Института географии имени В.Б. Сочавы СО РАН

Кузьмин Юрий Васильевич — д.и.н., профессор кафедры мировой экономики БГУЭП

Кулаков Евгений Анатольевич — инженер-исследователь Института географии имени В.Б. Сочавы СО РАН

Курас Леонид Владимирович — д.и.н., проф., консультант заместителя председателя Народного Хурала Республики Бурятия

Курас Софья Леонидовна — к.и.н., преподаватель кафедры таможенного дела и права ИргУПС

Курас Татьяна Леонидовна — к.и.н., старший преподаватель кафедры правосудия и прокурорского надзора Юридического института ИГУ

Курьшов Андрей Михайлович — к.и.н., доцент кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Курьшова Ирина Васильевна — к.и.н., зам.директора МОУ СОШ № 1 г. Шелехова

Лаптев Николай Михайлович — к.и.н., профессор кафедры истории, философии и социальных наук ИГЛУ

Лебедева Елена Николаевна — аспирант кафедры истории России ИГПУ

Левченко Ирина Владимировна — доцент кафедры теории и истории государства и права БГУЭП

Майдачевский Дмитрий Ярославович — к.э.н., доцент кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Макаренко Елена Львовна — канд. географ. наук, старший научный сотрудник Института географии имени В.Б. Сочавы СО РАН

Мантурова Светлана Чимитовна — д-р ист.н., доцент кафедры социальных технологий Восточно-Сибирского государственного технологического университета

Мезенцева Ирина Витальевна — к.и.н., доцент кафедры истории и политологии ЧИ БГУЭП

Мелентьева Альбина Павловна — к.и.н., старший научный сотрудник Института истории СО РАН

Мионов Александр Германович — заместитель декана гуманитарно-педагогического факультета, старший преподаватель кафедры философии и социологии БрГУ

Мионов Роман Борисович — соискатель кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП; научный сотрудник Отдела книжного фонда ИОКМ

Михайлова Марина Владимировна — к.и.н., доц. кафедры истории ИргТУ

Мунханов Владимир Александрович — аспирант кафедры истории России ИГУ

Наумов Игорь Владимирович — д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории ИргТУ

Наумова Надежда Николаевна — к.и.н., доцент кафедры истории и политологии БрГУ

Неклюдова Анастасия Васильевна — к.и.н., доцент кафедры философии, социологии и истории ИргСХА

Николаев Александр Алексеевич — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН

Островский Геннадий Александрович — соискатель кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Пашков Константин Иванович — соискатель кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Петрушин Юрий Александрович — д.и.н., проф., зав. кафедрой современной отечественной истории ИГУ

Петухов Павел Петрович — аспирант кафедры истории России ИГУ

Покорский Владимир Ильич — доцент кафедры философии, социологии и истории ИрГСХА

Пузевич Николай Игнатъевич — к.и.н., доцент кафедры истории и политологии БрГУ

Рагулина Милана Владимировна — д-р географ. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной географии Института географии имени В.Б. Сочавы СО РАН

Распопина Алена Александровна — к.и.н., доцент кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Рощупкина Елена Викторовна — к.э.н., доцент кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Рудая Ольга Сергеевна — аспирант кафедры современной отечественной истории ИГУ

Русаков Вячеслав Борисович — аспирант кафедры истории, философии и социальных наук ИрГУПС

Рынков Вадим Маркович — к.и.н., научный сотрудник Института истории СО РАН

Савчук Наталья Васильевна — к.и.н., доцент кафедры общественных наук АГТА

Санков Павел Анатольевич — доцент кафедры тактико-специальной и физической подготовки Восточно-сибирского института МВД РФ

Севостьянова Е.В. — к.и.н., доцент кафедры истории и политологии Читинского института БГУЭП

Сёмина Снежана Александровна — к.и.н., доцент кафедры философии и гуманитарных наук Восточно-Сибирского института экономики и права

Сенина Елена Александровна — к.и.н., старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламных технологий ИГУ

Синиченко Владимир Викторович — д.и.н., профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин ВСИ МВД России

Сметнева Наталья Владимировна — к.и.н., зав. кафедрой истории, философии и социальных наук ангарского филиала Сибирского института права, экономики и управления

Сныткова Галина Петровна — учитель истории МОУ СОШ № 1 г. Шелехова

Солдатов Сергей Алексеевич — к.и.н., профессор, декан гуманитарно-педагогического факультета БрГУ

Степанов Александр Викторович — старший инженер кафедры ИВБАИУ(ВИ)

Ступин Павел Павлович — к.и.н., доцент кафедры отечественной истории ИГПУ

Сутурин Сергей Борисович — к.и.н., доцент, зав. кафедрой общественных дисциплин Усть-Илимского филиала Сибирского федерального университета

Суш Сергей Петрович — полковник внутренней службы, Начальник Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Бурятия

Таболенко Николай Александрович — аспирант кафедры современной отечественной истории ИГУ

Тимофеева Анна Александровна — преподаватель кафедры ценных бумаг и банковского дела БГУЭП

Трахтенберг Ольга Леонидовна — старший преподаватель Ангарской государственной технической академии

Третьяков Валерий Валерьевич — к.и.н., доцент кафедры философии и социальных наук ИрГУПС

Третьяков Валерий Григорьевич — д.и.н., профессор кафедры философии и социальных наук ИрГУПС

Трускавецкая Валентина Александровна — к.и.н., преподаватель кафедры истории России ИГУ

Фахреев Наиль Камилович — аспирант Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Филатов Александр Вадимович — аспирант кафедры истории России ИГУ

Фомина Юлия Анатольевна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Цыкунов Григорий Александрович — д.и.н., профессор, декан факультета конституционного и международного права БГУЭП

Цыремпилова Ирина Семеновна — к.и.н., доцент Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (г. Улан-Удэ)

Цыретарова Баярма Бабасановна — к.и.н., старший преподаватель РГГУ (г. Улан-Удэ)

Черкасова Оксана Геннадьевна — к.и.н., преподаватель Алтайского государственного университета

Черненко Оксана Олеговна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Черных Владимир Васильевич — д.и.н., профессор, зав.кафедрой социально-гуманитарной подготовки ВСИ МВД РФ

Шалак Александр Васильевич — д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории, экономических и политических учений БГУЭП

Шалак Татьяна Васильевна — к.и.н., доцент Иркутского филиала Российского государственного торгово-экономического университета

Шаповал Евгений Юрьевич — аспирант отдела истории, социологии и этнологии ИМБТ БНЦ СО РАН

Шапошникова Наталья Михайловна — аспирант кафедры истории, философии и социальных наук ИГЛУ

Шашкова Татьяна Владимировна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Шулбаев Олег Никитович — к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

Яговкин Владимир Петрович — д-р ист.н., профессор кафедры истории, философии и социальных наук ИГЛУ

Яковлева Татьяна Анатольевна — к.и.н., доцент кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Ященко Олеся Васильевна — ассистент кафедры истории и политологии Читинского института БГУЭП

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
-------------------------	---

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Зуляр Ю.А. Этапы и результаты демографической политики российского правительства в XIX–XXI вв. в составе и численности сельского населения Иркутского региона	5
Казарин В.Н. Вопросы экономического и административного районирования Сибири на страницах общественно-научного журнала «Северная Азия»	15
Кичеев В.Г. Советская историография черносотенно-монархических организаций в России в начале XX в.	33
Курас Л.В., Суш С.П. Пенитенциарный режим в БМАССР в 20-е–начале 50-х гг. XX в.	40
Майдачевский Д.Я. «...Я вас полагаю единственным у нас в Иркутске историком»: В.Н. Шерстобоев и сообщество местных историков, 1950-е гг.	48
Мантурова С.Ч. Российское законодательство о проблемах социального призрения в Забайкалье во второй половине XIX–начале XX вв.	53
Фомина Ю.А. Развитие местной и кооперативной промышленности Байкальского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.)	60
Цыкунов Г.А. Как живут ТПК	66
Черных В.В., Синиченко В.В. Формирование системы противопожарного страхования в Иркутской губернии: особенности становления, внутренние противоречия и закономерности развития	72
Шалак А.В. Система распределения доходов колхозов, как важнейший фактор условий жизни колхозного крестьянства в 1940-е гг.	88

ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В VII–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Андреев Ч.Г. О физическом воспроизводстве коренных народов Восточной Сибири во II-ой половине XIX–начале XX вв.	101
Астраханцев О.Н. К вопросу о нравственном воспитании в военно-учебных заведениях Иркутского военного округа (конец XIX–начало XX вв.)	103
Баловацкая О.В. Преступность Иркутской губернии в конце XIX в.: ссылка как криминогенный фактор	108
Быкова Н.Н. Подсобное хозяйство Александровского централа в начале XX в.	111
Гузенков С.В. Допаровое судоходство в Лено-Витимском бассейне (60-е гг. XIX в.)	114
Доржиев Б.Ш. О населении Прибайкалья раннего средневековья	117
Жалсанова Б.Ц. Из истории реквизиции бурят в Архангельскую губернию в годы Первой мировой войны (1916–1917 гг.)	120
Какауров И.Н. Динамика развития традиционных промыслов коренного населения Восточной Сибири в I-й половина XIX в.	125
Кайгородова Н.В. Малоизвестные курорты Байкальского региона в дореволюционный период	128
Канн С.К. Изучение Байкала в связи с сооружением Транссибирской железнодорожной магистрали	132
Качанов В.Н. Национальное движение бурят в 1917 г.: эволюция политической деятельности	136
Козлова С.А. Некоторые аспекты жизнеобеспечения сибирских старожиллов (на примере семейских Забайкалья)	141

Константинова Н.А. Общественная деятельность Иркутской мусульманской общины в начале XX в.	144
Костров А.В. Покровская община г. Иркутска в начале XX в.: социально-экономический аспект развития городских старообрядческих сообществ.....	146
Кузнецова Т.И., Макаренко Е.Л. Развитие охотничье-промысловой и лесоохранной деятельности в Прибайкалье.....	150
Курышов А.М. Землеустроительная реформа коренного сибирского населения в 1896–1917 гг.: опыт периодизации.....	154
Курышова И.В. Образование заповедников и заказников как одно из направлений охраны природы в Байкальском регионе в начале XX в.	159
Левченко И.В. Иркутской епархии 280 лет	165
Макаренко Е.Л. История освоения лесов Прибайкалья.....	170
Мунханов В.А. Административные меры по регулированию торгового оборота с бурятским населением Восточной Сибири в XVIII–XIX вв.	174
Наумова Н.Н. Педагогическая деятельность сельского духовенства Восточной Сибири в начале XX в.	176
Неклюдова А.В. Торговая жизнь уездных городов Енисейской губернии в конце XIX–начале XX вв.	180
Рагулина М.В. Историко-экономические и культурно-географические аспекты пушного промысла эвенков Иркутской губернии (XIX–начало XX вв.).....	183
Распопина А.А. Установление парового судоходства на реке Селенге.....	187
Севостьянова Е.В. Общественная инициатива в аграрной истории Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв.	190
Сёмина С.А. Роль кооперации в развитии кустарного производства Иркутской губернии в годы Первой мировой войны	194
Синиченко В.В. Политика российских властей по привлечению иностранных капиталов в горную промышленность Восточно-Сибирского и Иркутского генерал-губернаторств	198
Сметнева Н.В. Производство и торговля алкогольной продукцией в Восточной Сибири в период действия казенной винной монополии (1904–1917 гг.)	201
Тимофеева А.А. История становления рынка государственных ценных бумаг в России.....	204
Трускавецкая В.А. Бюджет г. Иркутска в конце XIX–начале XX вв.	208
Черкасова О.Г. Численность слобод Тобольской губернии в XVII–первой половине XIX вв.	211
Шапошникова Н.М. Забастовка служащих Иркутской телеграфной конторы 1905–1906 гг.	215

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

Афанасов О.В. Ангарский и Озерный ИТЛ при реализации проекта строительства Братской ГЭС.....	218
Банзаракаева Е.В. Помощь школьников Бурят-Монгольской АССР колхозам и совхозам в годы Великой Отечественной войны	220
Брюханов И.В. Частные предприниматели на территории Иркутского округа в конце 20-х гг. XX в.	223
Дадонова Н.А. Работа женотдела среди крестьянок Иркутского уезда в начале 20-х гг. XX в.	227
Воронцов В.Н. Иркутская Объединенная Техническая школа РОСТО (ДОСААФ) (к проблеме военно-патриотического воспитания молодежи).....	230
Делегеоз Е.Г. Педагогические кадры в 1930-е–1940-е гг. (на примере Иркутской области)	236
Демчик Е.В. Предприниматели и товарные биржи Сибири в годы нэпа.....	240
Жукова Л.А. Кадры в сельском хозяйстве региона.....	244
Зыкова Н.Л. К вопросу о деятельности организаций частных предпринимателей Восточной Сибири в годы нэпа.....	248

Кудашкин В.А. Хозяйственная деятельность и экономическое положение коренных малочисленных народов Иркутской области в 50–80-е гг. XX в.	251
Кудряшова А.Р. Изменение численности населения северных городов Восточной Сибири в 1980-е гг.	254
Лаптев Н.М. Развитие железнодорожного транспорта Сибири (1946–1960 гг.)...	258
Лебедева Е.Н. Кадровый состав детских домов Иркутской и Енисейской губерний в первой половине 1920-х гг.	261
Мезенцева И.В. Из истории золотодобывающих предприятий Забайкалья: трест «Забайкалзолото»	264
Миронов А.Г. Использование принудительного труда иностранных граждан на строительстве железной дороги Тайшет–Братск	267
Миронов Р.Б. Экономическое и культурное положение тофов и звенков Катангского и Тофаларского районов Иркутской области в первые послевоенные годы	272
Михайлова М.В. Театральная жизнь Бурятии в 70-е гг. XX в.	274
Николаев А.А. Развитие кредитной сельскохозяйственной кооперации Сибири в условиях нэпа	277
Островский Г.А. Иркутское высшее военное авиационное инженерное училище (ИВВАИУ) 1975–1998 гг.	281
Пашков К.И. Проблемы лесоустройства и лесопользования в Байкальском регионе (1917–начало 1930-х гг.).....	286
Пузевич Н.И. Формирование ВПК в Восточной Сибири: Иркутский авиационный завод	291
Русakov В.Б. Организация и деятельность Главного управления лагерей в 1930–1950-х гг. (на примере Иркутской области)	295
Рынков В.М. Трудовые конфликты на востоке России при антибольшевистских режимах: государственное регулирование в условиях общественного протестования	298
Савчук Н.В. Городское хозяйство и обеспечение населения Иркутской области качественной водой: к истории проблемы	302
Санков П.А. Снайперское движение в годы Великой отечественной войны.	305
Ступин П.П. Строительная деятельность Советов народного хозяйства Восточной Сибири: к вопросу о реформаторской деятельности Н.С. Хрущева (1957–1964 гг.).....	309
Фахреев Н.К. История становления отрасли искусственного жидкого топлива в Байкальском регионе	312
Черненко О.О. Из истории развития гидроэнергетики в Бодайбинском промышленном районе. 1950–2000-е гг.	318
Цыретарова Б.Б. Работа органов социального обеспечения в Бурятии в годы Великой Отечественной войны	323
Шалак Т.В. Основные направления решения кадровой проблемы на предприятиях алюминиевого комплекса Восточной Сибири в 1960–1970-е гг. (на примере ИркАЗа)	325
Шашкова Т.В. Материальная база творческих союзов Иркутской области в 1930–1960-х гг.	330
Шулбаев О.Н. О вопросах производственной деятельности МТС национальных районов Восточной Сибири в 1941–1945 гг. (на примере Бурятии и Хакасии).....	334
Яговкин В.П. Сельскохозяйственная наука Сибири в 70-е гг. XX в.: состояние, опыт и проблемы взаимодействия с производством.....	338
Яценко О.В. Промышленность Читинской области накануне хозяйственной реформы 1965 г.....	341

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Базаров В.Б. Тавантолгойское месторождение угля и его социально-экономическое значение	346
---	-----

Башелханов А.Ю. Общественно-политические организации национальной направленности в Бурятии 1988–1994 гг.	351
Власов Г.П. Проблемы реализации стратегических инфраструктурных транспортных проектов страны	355
Власов Л.Г. Вопросы формирования транспортного комплекса Сибири и Дальнего Востока	358
Власова Н. Мировой опыт государственных подходов к формированию транспортных проектов	359
Воронина В.В., Власов Г.П. ВСЖД на пути реформ.....	362
Истомина О.Б. Национальный компонент в системе образования Предбайкалья	264
Карпунина И.Б. Социально-экономические последствия аграрного реформирования 1990-х гг. в Алтайском крае.....	368
Кулаков Е.А. К вопросу о сохранении национальной самобытности коренных этносов Иркутской области	371
Мелентьева А.П. Факторы развития подсобных хозяйств сельского населения Западной Сибири в 1990-е гг.	374
Солдатов С.А. Реформирование системы местных Советов на территории Восточной Сибири (1987–1993 гг.).....	377
Сутурин С.Б. К вопросу об управлении развитием промышленности в Восточной Сибири: исторический аспект.....	383
Трахтенберг О.Л. Правовая культура молодежи Прибайкалья в контексте формирования современного гражданского общества	392

ИСТОРИЯ СИБИРИ В ЛИЦАХ

Иванов А.А. Слово об Ученом (к 70-летию со дня рождения Н.Н. Щербакова)	397
Кузьмин Ю.В. Экономические сюжеты в научном наследии Н.Н. Козьмина (1872–1938 гг.).....	405
Курас Л.В. Даниил Гаврилович Бажеев (1907–1981 гг.).....	408
Петрушин Ю.А. Земля в жизни и творчестве историка (к 60-летию со дня рождения доцента Ершова В.К.).....	410
Покорский В.И. Гордость сибирской науки (неизвестные страницы жизни профессора В.Н. Шерстобоева)	413
Рудая О.С. Экономическое исследование Приленского края И.И. Серебренниковым	417
Сныткова Г.П. Личность на фоне истории предпринимательства.....	420
Степанов А.В. Формирование историка в годы Великой Отечественной войны (По материалам дневника профессора И.И. Кузнецова)	424

ЮБИЛЕЙ УЧЕННОГО И ПЕДАГОГА

Кузнецов С.И., Петрушин Ю.А. Профессор Евгений Иванович Лиштованный. К 50-летию со дня рождения.....	430
Цыкунов Г.А., Шалак А.В. Занданова Лариса Викторовна	432

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Дамешек Л.М. О методах инкорпорации сибирских аборигенов в политико-административную, экономическую и социокультурную систему России XVIII–начала XX вв.	435
Волкова Н.Н. Корпоративная направленность региональной элиты: постановка проблемы	438
Занданова Л.В. От реального до виртуального — один шаг (научные и ненаучные рассуждения по поводу влияния модернизационных процессов на традиционную социокультурную сферу Приангарья).....	441

Королева Т.М. Государственная молодежная политика: понятие, факторы формирования	445
Третьяков В.В. Проблемы истории региона в междисциплинарном аспекте	448
Шаповал Е.Ю. Традиционные методы исторического исследования, «частные» методы архивоведения: научные взгляды, содержательная основа	453
Яковлева Т.А. Идеология возрождения или концепция модернизации?: поиск нетрадиционного подхода в изучении истории эмигрантской печати 1930-х гг.	457

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Баранцева Н.А. Всесоюзная перепись населения 1959 г. как источник изучения городской семьи Хакасии	462
Бушина Н.А. Заседания съездов золотопромышленников в освещении сибирской печати II-й половины XIX в.	466
Васильева Н.Ф. Основные проблемы истории сибирской ссылки в мемуарном комплексе сборников Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев	469
Сенина Е.А. Особенности моделирования сибирской печатью представлений об «инородцах» в аграрной политике самодержавия 2-й половина XIX—начала XX вв.	472
Курас С.Л. Делопроизводственная переписка как источник по изучению ссылки в Сибирь	476
Петухов П.П. Полемика о северном морском пути на страницах газеты «Сибирь»	478
Таболенко Н.А. Освещение условий жизни сельского населения Иркутской области в периодической печати 1941–1945 гг.	482
Филатов А.В. Источники изучения проблемы организации управления сибирской каторгой (1822–1917 гг.)	485

ИСТОРИОГРАФИЯ

Воронцов В.Н., Островский Г.А. Краткий анализ историографии проблемы военного образования	490
Дашинимаева М.Ю. Издательская деятельность сибирских Истпартагов	496
Курас Т.Л. Дореволюционная историография истории судебных палат	498
Наутов И.В. Изучение сибирской истории до присоединения Сибири к России ..	502
Третьяков В.Г. История Монгольских железных дорог в отечественной литературе 1890–1917 гг.	508
Цыремпилова И.С. Советская историография проблемы взаимоотношений государства и Русской православной церкви в Бурятии (1917–1940 гг.)	517

РЕЦЕНЗИИ

Вахрушев Ю.П. Старообрядчество — феномен прошлого или настоящего ...	522
Зуляр Р.Ю. Православная церковь в Восточной Сибири в исследовании сибирских историков	525
Истомина О.Б. История. Социум. Экология	530
Казарин В.Н. Книга о малой Родине	533
Рошупкина Е.В. Историко-экономическое изучение Прибайкалья сквозь призму ситуативной историографии	538
Савчук Н.В. Языки народов Сибири как объект исследования	543
Яковлева Т.А. Государство и рынок в Сибири: новое исследование	547

Сведения об авторах	
----------------------------------	--

Научное издание

**ИРКУТСКИЙ
ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2007**

Издается в авторской редакции

Оригинал-макет подготовлен *Т.А. Лоскутовой*

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 05.03.07. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 35,0. Уч.-изд. л. 36,6. Тираж 150 экз. Заказ 3605.

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.
664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.